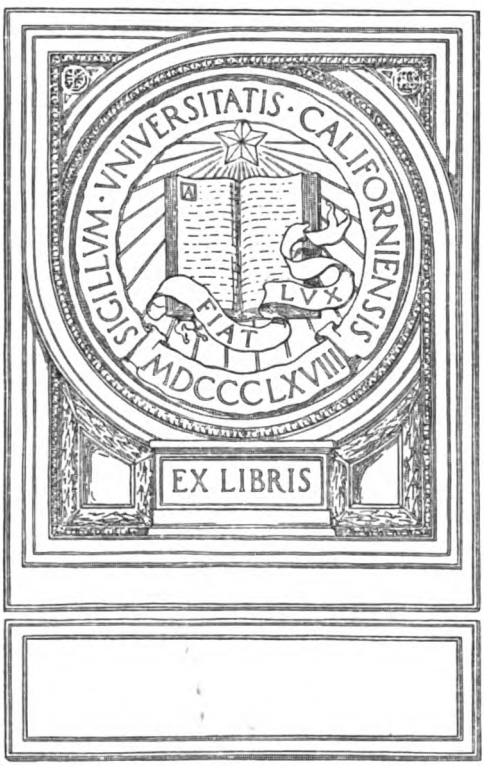

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT
LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Univ. of California
61093.

МАРТЪ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Printed in Soviet Union.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ПО ЯПОНІИ. (Изъ путевыхъ очерковъ). Тана	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ДВА СТРАННИКА. Сергѣя Маковскаго	33
3.	НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. (Окончаніе). В. Вересаева	35
4.	ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА. (Изъ недавняго прошлаго). Евгенія Дегена	71
5.	АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. Фридриха Паульсена. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ. (Окончаніе)	106
6.	ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ	135
7.	СТИХОТВОРЕНІЯ: ПРОБУЖДЕНІЕ. ГРЕБЕЦЪ. О. Чюминой	158
8.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго	160
9.	БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). (Окончаніе). Л. Гуревичъ	181
10.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА. С. Чулока	205
11.	НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго	229
12.	ТОЛЬКО ЧАСЪ. Разсказъ А. Крандіевской	262
13.	СТИХОТВОРЕНІЕ. АЛМАЗЫ. Скитальца	278
14.	И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. К. Богдановича	279

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее. А. Б.	1
16.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Убійство стариковъ въ Россіи.—Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи.—	

Годъ XI-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

61043.

МАРТЪ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

UNIV. OF CALIFORNIA

Дозволено цензурою 25-го февраля 1902 года. С.-Петербургъ.

AP50
M17
1902:3
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр

1. ПО ЯПОНІИ. (Изъ путевыхъ очерковъ). Тана 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДВА СТРАННИКА. Сергѣя Маковскаго. . 33
3. НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. (Окончаніе). В. Вересаева 35
4. ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА. (Изъ недавняго прошлаго). Е. Дегена 71
5. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. Фридриха Паульсена. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ. (Окончаніе). 106
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. 135
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: ПРОБУЖДЕНІЕ. ГРЕБЕЦЪ. О. Чюминой. 158
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго 160
9. БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). (Окончаніе). Л. Гуревичъ 181
10. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА. С. Чулока 205
11. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго 229
12. ТОЛЬКО ЧАСЪ. Разсказъ А. Крандіевской 262
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. АЛМАЗЫ. Скитальца 278
14. И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. К. Богдановича. . 279

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее. А. Б. 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Убійство стариковъ въ Россіи.—Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи.—

884345

стр

Котлочисты.— Какъ собираются пожертвованія. — Землетрясеніе въ Шемахѣ.—За мѣсяцъ.—Некрологъ. 13

17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—январь. «Вѣстникъ Воспитанія»—декабрь. «Русское Богатство»—январь). 29

18. За границей. Германская общественная жизнь.—Американская фабрика-клубъ. — Конференціи, клубы и митинги въ Англіи.—Исторія одного американскаго репортера.—Изъ области женскаго движенія 36

19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ.—Женскій трудъ во Франціи.—Неточность свидѣтельскихъ показаній, и опытъ Липта.—Британская академія.. 47

20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новыя данныя о третьей форменной составной части крови. Проф. А. С. Догеля 52

21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Стереоскопъ въ астрономіи. К. Покровскаго—О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растеній. — Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. В. Аг. 58

22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.— Исторія литературы.— Исторія всеобщая.— Политическая экономія.— Философія.— Публицистика.—Справочныя изданія.—Новыя книги. 69

23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 65

25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 65

ПО ЯПОНІИ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

I. Хакодате.

Плоская японская шампунка, проворно пробираясь среди безчисленныхъ баржъ и лодокъ, загромождавшихъ гавань, везла насъ къ берегу. Гребецъ стоялъ на кормѣ и проворно вилялъ изъ стороны въ сторону страннымъ кормовымъ весломъ, горбатымъ посрединѣ и ложкообразно выдолбленнымъ у лопатки. Вмѣсто всякой одежды онъ былъ только перепоясанъ узкимъ синимъ полотенцемъ, и его коричневое тѣло, мокрое отъ пота, блестѣло на солнцѣ, какъ вылитое изъ гладкой бронзы. Широкая дуга залива была переполнена шкунами и пароходами. Паровые катера сновали взадъ и впередъ, огромныя баржи, высоко нагруженныя тюками и бочками, тяжело отходили отъ мелководной пристани, сотни шампунокъ и шаландъ шныряли между судами. Пароходовъ было больше сорока. Они принадлежали десятку различныхъ компаній (почти всегда съ небольшой субсидіей отъ правительства) и занимались перевозкой пассажировъ и грузовъ между многочисленными городами и селами, разсѣянными по побережью. Вся Японія живетъ на морскомъ берегу, и сообщеніе производится почти исключительно водою. Поэтому неудивительно, что дѣла хватало всѣмъ. Съ сѣвернаго острова Хокайдо шелъ уголь, металлы, лѣсъ; съ Сахалина и Курильскихъ острововъ — соленая рыба, одинъ изъ главныхъ элементовъ японскаго народнаго питанья; съ юга—мануфактура, желѣзныя издѣлія, рисъ. Я, однако, не предполагалъ, чтобы въ этомъ отдаленномъ углу сѣверной Японіи было такое оживленное торговое движеніе. Русскій Владивостокъ, лежащій прямо черезъ море въ какихъ-нибудь трехстахъ миляхъ къ западу, никоимъ образомъ не могъ сравниться съ этимъ бойкимъ японскимъ городомъ, который даже не составляетъ столицы острова Хокайдо. Кстати сказать, въ школьныхъ географіяхъ островъ Хокайдо почему-то называется старинымъ именемъ Іесо.

Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли на берегу, окруженные джин-

рикшами, наперерывъ предлагавшими свои услуги. Невзрачный таможенный чиновникъ, маленькій, какъ всѣ японцы, съ форменными пуговицами на платьѣ европейскаго покроя, но съ раскосыми монгольскими глазами, тотчасъ же отогналъ ихъ въ сторону и велѣлъ внести наши вещи въ таможню. Я невольно вспомнилъ, какъ въ прошломъ году во Владивостокѣ, когда мы съѣзжали на берегъ съ иностраннаго парохода, береговой солдатъ разгонялъ китайскихъ лодочниковъ просто длиннымъ кнутомъ, а они даже не обижались и только скалили зубы, когда которому-нибудь попадало половчѣе. Японецъ, по крайней мѣрѣ, не употреблялъ жестовъ для вразумленія.

Начался осмотръ. Я попробовалъ объяснить, что мы ѣдемъ съ сѣвера и направляемся черезъ Хакодате прямо во Владивостокъ, но изъ этого ничего не вышло.

— Хорошо, хорошо!—отвѣчалъ чиновникъ на всѣ мои уговоры.— Развяжите вещи! Я хочу заглянуть въ самое нутро.

Онъ говорилъ по-англійски неувѣренно съ большими запинками и паузами, очевидно, припоминая вокабулы, которымъ его обучали въ спеціальной школѣ. Знаніе англійскаго языка обязательно для японскихъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе, найти человѣка, говорящаго сносно по-англійски, довольно трудно, особенно на западномъ берегу, мало посѣщаемомъ иностранцами. Я попробовалъ обратиться къ помощи другого таможеннаго чиновника, бывшаго моимъ спутникомъ на пароходѣ и говорившаго немного по-русски, но онъ рѣшительно отказался вступиться.

— Нельзя!—внушительно объяснилъ онъ мнѣ.—Европейскій законъ, японскій законъ—все равно!

Такимъ образомъ, пожитки наши были перерыты кверху дномъ самымъ основательнымъ образомъ. Японскіе чиновники вытаскивали бѣлье съ самаго дна чемодановъ, со скромнымъ и сосредоточеннымъ видомъ. Повидимому, они дѣйствительно были не чужды желанія показать иностраннымъ гостямъ, что японскіе таможенные порядки могутъ быть также грубы, какъ и европейскіе. Я вспомнилъ свои разговоры съ господиномъ Кураокой во время шестидневнаго плаванія изъ Петропавловска въ Хакодате. Какъ разъ въ это время на Сандвичевыхъ островахъ произошелъ непріятный инцидентъ съ японскими дамами при таможенномъ осмотрѣ, благодаря необычайной грубости американскихъ чиновниковъ, и японское правительство даже сдѣлало по этому поводу запросъ въ Вашингтонѣ. Господинъ Кураока съ чрезвычайной горечью разсказывалъ мнѣ объ этомъ инцидентѣ и, не умѣя выразить своихъ чувствъ достаточно сильно на русскомъ языкѣ, показалъ мнѣ статью, написанную однимъ интеллигентнымъ японцемъ въ англійской газетѣ, издающейся въ Кобе.

«Насъ считаютъ въ Европѣ кроткимъ племенемъ!—гласила статья.— Не знаю, почему?.. Фигура японскаго самураи (дворянина) никогда не

отличалась кротостью. Мы, однако, вполнѣ готовы доказать Европѣ и всему цивилизованному міру безъ всякихъ шутокъ, что мы хотимъ занять мѣсто въ комитетѣ великихъ державъ!..»

Избавившись, наконецъ, отъ таможни, мы отдали свои вещи джинрикшѣ и отправились въ гостинницу по широкой и весьма опрятной улицѣ, прорѣзанной рельсами конки. Городъ выглядѣлъ совсѣмъ прилично. Улицы были проложены совершенно прямо и достаточно широки для движенія пѣшеходовъ и джинрикшей. По угламъ стояли фонари. Цѣлая сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ могла выдержать сравненіе съ самыми большими губернскими городами Россіи. Мостовыхъ и тротуаровъ не было, но полотно дороги было твердо загрунтовано щебнемъ и посыпано бѣлымъ пескомъ, что, при отсутствіи коннаго движенія, было совершенно достаточно. Улицы были чисто подметены и по случаю жаркаго дня лавочники и лавочницы поливали ихъ водою. Передъ домами были ящики для мусора, откуда особые мусорщики каждое утро выбирали и уносили всякій хламъ. Дома большей частью двухъэтажные, легкой японской постройки, крытые тесомъ или черепицей, были испещрены самими разнообразными вывѣсками съ яркими рисунками рекламъ совсѣмъ американскаго типа. Между замысловатыми очертаніями японскихъ письменъ, похожими на сплетенія живыхъ изгородей, часто виднѣлись и англійскія надписи. Лавки были нисколько не хуже европейскихъ, съ большими окнами и заманчивыми выставками на витринахъ. Вездѣ виднѣлись газовые и электрическіе рожки. На болѣе оживленныхъ мѣстахъ стояли полицейскія будки. Однимъ словомъ, японскій провинціальный городъ Хакодате «въ комитетѣ русскихъ уѣздныхъ городовъ», навѣрное, занялъ бы предсѣдательское мѣсто.

Однако, по этимъ чистымъ и прямымъ улицамъ двигалась и спѣшила толпа совсѣмъ иного, не европейскаго типа. Мужчины въ длинныхъ халатахъ, но безъ штановъ, съ голой грудью и полуобнаженными руками, торопливо шаркали по дорогѣ соломенными сандаліями, подвязанными грубой соломенной же веревкой. Многіе были наги, только съ повязкой у пояса, другіе щеголяли въ короткой рубахѣ безъ штановъ, или, наоборотъ, въ штанахъ, но безъ рубахи. Особенно запомнился мнѣ костюмъ одного старика, состоявшій изъ огромной шляпы, соломеннаго зонтика, зеленыхъ очковъ, похожихъ на лягушечьи глаза, и соломенныхъ сандалій. Женщины въ такихъ же халатахъ, но болѣе яркихъ цвѣтовъ съ широкими поясами, свернутыми сзади въ видѣ неуклюжаго турнюра, стучали по мостовой высокими деревянными башмаками, похожими на низенькія скамейки. На болѣе мягкихъ мѣстахъ дороги отъ этихъ скамеекъ оставались поперечныя бороздки, напоминавшія слѣды лошадиныхъ подковъ. Кстати сказать, я попробовалъ надѣть эту замѣчательную обувь, которую все японское населеніе носитъ въ грязную погоду, и почувствовалъ себя, какъ на ходуляхъ, но

японскія дѣвицы шлепаютъ по грязи этими скамейками, какъ ни въ чемъ не бывало, и ихъ бѣлоснѣжные чулочки остаются свободными отъ малѣйшаго пятнышка. Завязки обуви проходятъ между пальцами. Чулки шьются съ отдѣльнымъ большимъ пальцемъ и очень напоминаютъ раздвоенныя бѣлыя копыта. Отъ постояннаго хожденія на этихъ скамейкахъ тѣло японскихъ женщинъ, привыкшее наклоняться впередъ, пріобрѣло особый изгибъ, не лишенный, впрочемъ, граціозности, особенно у молодыхъ дѣвушекъ.

По улицѣ то и дѣло проѣзжали велосипедисты, но и они большей частью были въ соломенныхъ сандаліяхъ и тонкихъ халатахъ, подвернутыхъ у пояса. Вездѣ сверкало голое темнокоричневое тѣло, грубые монгольскіе волосы, косые глаза и широкоскулыя безбородыя лица; дѣвушки были густо набѣлены и надъ каждой головой поднималась хитросплетенная, но довольно безобразная прическа, въ которой широкія пряди волосъ, густо смазанныя пахучимъ масломъ, завязывались, какъ черныя ленты, большими перекрещивающимися бантами. У многихъ женщинъ постарше брови были обриты и зубы окрашены въ черный цвѣтъ въ знакъ отреченія отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ собственнаго супруга. Еще чаще велосипедистовъ пробѣгали джинрикши, проворно сѣменя ногами и волоча за собой колясочки съ большими колесами и клеенчатымъ верхомъ. Ноги ихъ отличались непомѣрнымъ развитіемъ икръ, но лица были покрыты каплями пота и глядѣли измученно. Очевидно профессія лошади достается человѣку не легко, особенно при скудной платѣ десяти, пятнадцати коп. за конецъ. Я потомъ много разспрашивалъ о положеніи джинрикшей; нѣкоторые изъ нихъ, подобно нашимъ извощикамъ, «ѣздятъ» отъ хозяина, которому отдаютъ половину заработка, но такихъ мало. Многіе берутъ колясочку на прокатъ у особаго предпринимателя, которому платятъ четверть йена въ день. (Йенъ почти равенъ нашему рублю и тоже раздѣляется на сто сеновъ, соотвѣтствующихъ нашимъ копейкамъ). Большая часть джинрикшей, однако, беретъ коляски на выплату и, въ концѣ концовъ, пріобрѣтаетъ ихъ въ собственность. Профессія джинрикши не считается японцами особенно пагубной для здоровья, хотя подъ старость у человѣческихъ лошадей развивается одышка и различныя грудныя болѣзни. Есть семьи, въ которыхъ это занятіе переходитъ наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, но большей частью ряды джинрикшей пополняются неудачниками изъ разныхъ другихъ профессій, которые, оставшись на мели, чувствуютъ себя достаточно крѣпкими, чтобъ приняться за лошадиное ремесло. Мнѣ показывали одного джинрикшу, который нѣкогда былъ студентомъ одной изъ высшихъ школъ, а потомъ замотался, бросилъ ученье, остался безъ гроша денегъ и подъ конецъ попалъ въ извозчики. Это напоминаетъ нашихъ босяковъ, которые тоже занимаются самымъ грубымъ трудомъ.

Гостинница, т.-е., собственно, ресторанъ съ номерами, была устроена на европейскій ладъ и содержалась японцемъ, прожившимъ нѣсколько лѣтъ въ С.-Франциско и говорившимъ немного по-англійски. Въ настоящее время такихъ японцевъ простого класса, побывавшихъ за границей, довольно много во всѣхъ самыхъ захолустныхъ углахъ. Скопивъ въ Америкѣ или Владивостокѣ нѣсколько денегъ, благодаря крайней бережливости, они возвращаются на родину и являются проводниками заграничной культуры, устраивая предпріятія, подобныя европейскимъ. Все это мелкіе люди, ремесленники, рыболовы, земледѣльческіе рабочіе, матросы, повара и лакеи, лакеи безъ числа. Люди средняго сословія рѣже попадаютъ за границу, ибо денегъ въ Японіи мало, а заграничная поѣздка стоитъ дорого; даже иностраннымъ языкамъ среднеинтеллигентный японецъ выучивается обыкновенно дома въ различныхъ государственныхъ или миссіонерскихъ школахъ, въ университетѣ въ Токіо, въ высшей школѣ языковъ и т. п. Но дѣти богатыхъ японцевъ, напротивъ, во множествѣ ѣдутъ учиться за границу и къ нимъ нужно присоединить еще тѣхъ, которыхъ правительство или различныя учрежденія и общества посылаютъ на свой счетъ учиться въ Германію, Парижъ или С.-Франциско.

Возвращаясь къ гостинницѣ, можно было бы удивляться ея существованію въ городѣ, гдѣ не бываетъ европейцевъ, но дѣло въ томъ что культурные японцы, наскучивъ своей травяной кухней, съ удовольствіемъ разрѣшаютъ себѣ побаловаться европейскимъ мяснымъ обѣдомъ разъ или два въ недѣлю.

Намъ предстояло прожить въ Хакодате недѣлю въ ожиданіи отхода почтоваго парохода во Владивостокъ, и мнѣ вздумалось добиться разрѣшенія снять нѣсколько фотографій. Русскаго консула не было въ городѣ, ибо онъ проводитъ въ Токіо почти все свое время. Я обратился за совѣтомъ къ его секретарю Кассаварѣ. Это былъ довольно молодой, но тучный японецъ, вразумительно говорившій по-русски, хотя никогда не бывавшій въ Россіи. Русскому языку онъ научился въ Нагасаки, въ школѣ русской миссіи. Жилъ онъ, разумѣется, по японски, т.-е. въ домѣ его не было никакой мебели, и обитатели, снявъ сапоги, ползали по гладкимъ циновкамъ, какъ лягушки. Я не имѣлъ желанія возиться съ противными американскими шнурованными башмаками, а потому мы съ господиномъ Кассаварой только посидѣли на порогѣ его гостепріимнаго жилища. Подумавъ немного, онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ секретарю городского начальника и даже написалъ его адресъ на бумажкѣ для предъявленія джинрикшамъ. Въ то время мы стѣснялись еще ѣздить на людяхъ и просто пошли пѣшкомъ по указанному направленію, а отойдя нѣсколько кварталовъ, предъявили записку первому попавшемуся японцу поинтеллигентнѣе. Немедленно собралась небольшая толпа, которая съ торжествомъ проводила насъ до двери указаннаго дома.

Я потомъ много разъ съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнялъ это средство. Каждый разъ собиралось пять-шесть импровизированныхъ проводниковъ, которые, успѣшно расшифровавъ загадочные знаки адреса, вѣжливо доставляли меня въ указанное мѣсто и съ пріятной улыбкой уходили прочь.

Секретарь городского начальника говорилъ по-англійски очень порядочно. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться съ прошеніемъ къ военному губернатору и самъ вызвался написать прошеніе по-японски. Я прекрасно зналъ по опыту прежнихъ лѣтъ, что изъ прошеній вообще не выходитъ ничего хорошаго, но секретарь былъ такъ любезенъ и такъ усердно рисовалъ тушью на тонкой японской бумагѣ свои хитросплетенныя каракули, что я не могъ устоять и согласился подписать подъ прошеніемъ свое имя.

Съ этой самой минуты начались непріятныя хлопоты, не покидавшія меня вплоть до самаго отъѣзда изъ Хакодате. Оказалось, что военный начальникъ принималъ прошенія гдѣ-то за городомъ ровно въ двѣнадцать часовъ пополудни. Пришлось послать туда посыльнаго, который къ вечеру принесъ отвѣтъ, что начальникъ проситъ меня опредѣлить точно, какія именно мѣста улицъ я думаю снимать.

На другой день я послалъ объясненіе, что хочу снять не улицы, а только нѣсколько японскихъ типовъ и группъ. Начальникъ опять прислалъ запросъ, на какой именно улицѣ я думаю находить свои типы.

На третій день начальникъ прислалъ предложеніе дать мнѣ въ спутники жандарма, который будетъ вести списокъ моимъ снимкамъ. На четвертый день я письменно отказался отъ жандарма, и такъ далѣе безъ конца. Вся эта переписка велась на японскомъ языкѣ большими квадратными письменами самаго лучшаго оффиціальнаго стиля, а въ качествѣ секретаря мнѣ служилъ хозяинъ гостинницы съ его удивительнымъ англійскимъ жаргономъ.

Подъ конецъ мнѣ стало казаться, что грозныя надписи военнаго департамента, развѣшанныя по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ Хакодате и запрещающія фотографированіе окрестностей подъ страхомъ строгаго наказанія, относятся спеціально и исключительно къ моей особѣ. Надо замѣтить, что въ Хакодате десятокъ мѣстныхъ фотографій, и за пять центовъ вы можете купить снимокъ любой части города, не исключая и маленькой крѣпости, помѣщающейся на верху горы.

Вообще, въ Японіи военныя власти въ послѣднее время стали весьма нервно относиться къ фотографамъ-иностранцамъ, особенно къ русскимъ, и по этому поводу уже было нѣсколько непріятныхъ инцидентовъ. Въ Нагасаки за недозволенное фотографированіе заочно приговорили къ шестимѣсячному аресту капитана одного большого русскаго парохода. Другой пароходъ, офицеры котораго занимались отъ нечего

дѣлать сниманіемъ видовъ въ бухтѣ Хакодате, довольно не двусмысленно попросили удалиться.

— Испугались япошки!—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ виновниковъ этого послѣдняго изгнанія.—Раньше приди къ нимъ, что хочешь дѣлай, они только кланяются, да руками себя по колѣнкамъ хлопаютъ, а теперь вотъ имъ *казаться* стало... Высмотрятъ у нихъ, потомъ придутъ и заберутъ все.

Насъ тоже японскіе полицейскіе не оставляли въ покоѣ. Даже на сельскомъ праздникѣ въ пятнадцати миляхъ отъ Хакодате солдаты, наблюдавшіе за порядкомъ, тотчасъ же стали допрашивать нашего возницу, не веземъ ли мы съ собой фотографическаго аппарата. Аппаратъ, дѣйствительно, лежалъ подъ сидѣньемъ и если бы извозчикъ насъ выдалъ, не избѣжать бы намъ ночлега въ японскомъ участкѣ.

Въ часы, свободные отъ хлопотъ по начальству, мы занимались осмотромъ города. Нѣмецкій лейтенантъ, пріѣхавшій на томъ же пароходѣ, попробовалъ взять гида. Явился приземистый японецъ въ европейскомъ костюмѣ и на отвратительномъ англо-японскомъ нарѣчіи отрекомендовался американскимъ джентльменомъ, семь лѣтъ служившимъ въ военномъ флотѣ. При болѣе подробныхъ разспросахъ оказалось, что онъ служилъ лакеемъ на американскомъ военномъ пароходѣ, но въ Хакодате и такая служба за границей сходитъ за отличіе. Онъ сообщилъ намъ далѣе, что въ настоящее время состоитъ главнымъ чичероне американской эскадры въ сѣверной Японіи, но въ виду отсутствія ея имѣетъ много досуга и съ большимъ удовольствіемъ возьмется показать иностраннымъ джентльменамъ достопримѣчательности Хакодате и даже наотрѣзъ отказался говорить о вознагражденіи.

Я, съ своей стороны, послѣ нѣсколькихъ опытовъ съ японскими гидами въ прошломъ году въ Іокогамѣ и Токіо, получилъ къ нимъ такое основательное отвращеніе, что отказался воспользоваться услугами даже этого любезнаго джентльмена. Японскіе гиды вообще набираются изъ отставныхъ лакеевъ, свѣдѣнія которыхъ въ иностранныхъ языкахъ не простираются дальше ресторанныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Разспросить такого гида о чемъ-нибудь внѣ обѣденной сферы совершенно невозможно. Въ лучшемъ случаѣ онъ приведетъ васъ въ храмъ или дворецъ и объявитъ: «это храмъ!.. Здѣсь дворецъ!..» и только. Чаще всего онъ водитъ васъ по магазинамъ японскихъ товаровъ и рѣдкостей, которые ему платятъ процентъ съ каждой покупки, а къ вечеру, если не остережешься, то навѣрное попадешь съ нимъ въ мѣсто, пригодное развѣ для молодыхъ моряковъ, долго не бывавшихъ на сушѣ.

Вмѣсто гида, я старался знакомиться съ болѣе интеллигентными японцами, умѣющими говорить по-англійски, часто также ѣздилъ и ходилъ по городу самъ, вооруженный адресами, записанными на бумажкахъ. Не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній; вынешь бумажку

и окажется не та... Однажды я настолько перепуталъ свои адреса, что Хакодате сдѣлался для насъ вродѣ лабиринта и въ концѣ концовъ джинрикши въ полномъ отчаяніи привезли насъ къ Кассаварѣ, который и помогъ разобрать запутанный клубокъ.

Пробовалъ я знакомиться и съ иностранцами, но иностранцевъ въ Хакодате почти нѣтъ. Русскихъ всего двое и то одинъ изъ нихъ шотландецъ, а другой американецъ. Это значитъ, что оба они ведутъ дѣла русскихъ фирмъ изъ Владивостока и Камчатки, немного говорятъ по-русски и потому считаются русскими. Я посѣтилъ и шотландца, и американца. Первый живетъ по-англійски, и дамы въ его домѣ не говорятъ ни по-японски, ни по-русски, второй совсѣмъ объяпонѣлъ, носитъ халатъ и чулки, имѣетъ двухъ женъ и кучу японскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, съ полгода тому назадъ его разбилъ параличъ и съ нимъ можно было говорить только о медицинѣ. Единственное живое чувство, уцѣлѣвшее въ немъ, была ненависть къ Англіи и когда рѣчь случайно коснулась бурской войны, онъ на минуту оживился и сталъ сыпать безцеремонными проклятіями по адресу «старой морской воровки и ея чертовыхъ дѣтей», особенно выдѣляя тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ сѣверную Японію.

Хакодате городъ сравнительно новый. Островъ Хскайдо заселяется японцами только въ послѣдніе тридцать или сорокъ лѣтъ, и еще недавно служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Жителей на немъ немногимъ менѣе милліона изъ 46 милліоновъ всего японскаго населенія. Мои японскіе знакомцы единогласно утверждали, что въ такомъ новомъ городѣ нечего смотрѣть и что они могутъ только посовѣтовать мнѣ поѣхать на югъ въ настоящую Японію. Но такъ какъ японская повседневная жизнь интересовала меня гораздо болѣе всѣхъ храмовъ и дворцовъ, то я и въ Хакодате нашелъ такъ же много интереснаго, какъ въ Іокогамѣ и Токіо.

Несмотря на угрозы о жандармѣ, жизнь наша протекала не безъ удовольствія. Погода стояла прекрасная. Было не слишкомъ жарко, что для насъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера, было важнѣе всего. Днемъ мы просто ходили по улицамъ, заходили въ лавки, пробовали японскую кухню въ дешевомъ ресторанѣ. Я съ удивленіемъ приглядывался къ внѣшней сторонѣ жизни и все не могъ избавиться отъ недоумѣвающаго чувства.

Жизнь какъ будто совсѣмъ цивилизованная и такъ упорядочена, что хоть и нѣмцамъ впору.

На домахъ номера, на джинрикшахъ тоже, чиновники и солдаты въ европейскомъ платьѣ, конки наполнены народомъ, фабрики съ высокими кирпичными трубами, желѣзныя дороги, телефоны, даже книжныя лавки и типографіи. Прямо противъ окна моей комнаты каждую ночь стучали станки одной изъ ежедневныхъ газетъ, ибо въ Хакодате четыре такихъ газеты, имѣющихъ по двѣ и по три тысячи подписчи-

ковъ каждая. А большія газеты въ Токіо имѣютъ даже сотни тысячъ подписчиковъ. И все-таки я никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства инстинктивнаго недовѣрія. Глядя на этихъ маленькихъ проворныхъ людей съ коротенькими движеніями и мелкимъ, но острымъ взглядомъ, мнѣ все казалось, что они играютъ въ европейцевъ, въ большихъ. Одни представляютъ таможенныхъ, другіе газетчиковъ, третьи солдатъ. Жилища съ бумажными стѣнами, игрушечные обѣды, крошечныя сандаліи узкоплечихъ и плоскогрудыхъ женщинъ еще усиливали впечатлѣніе.

Въ другое время мнѣ чудилось, что гдѣ-нибудь въ глубинѣ фабричной машины или пароходнаго котла спрятанъ если не чортикъ, то какой-нибудь маленькій иностранчикъ, который въ сущности руководитъ всѣми такими мудреными дѣлами, а японскіе начальники и свѣдущіе люди существуютъ только для вида. Но, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось таки помириться съ мыслью, что иностранца нѣтъ и что японцы, дѣйствительно, произошли всю нашу, т.-е. не нашу конечно, а европейскую науку, и думаютъ не объ игрѣ, а о барышахъ. Я видѣлъ школьниковъ, которые работали надъ выкладками по алгебрѣ и геометріи. Правда, строки учебниковъ бѣжали сверху внизъ, наполненныя непонятной тарабарщиной, но чертежи были тѣ же, и формулы развивались правильно. На пароходѣ офицеры брали наблюденіе надъ солнцемъ съ тѣми же привычными пріемами, что и на всемъ свѣтѣ. По вечерамъ никого нельзя было увидѣть безъ газеты. Даже джинрикши въ свободное отъ лошадиной работы время читали какіе-то дрянные листки, какъ-то напомнившіе мнѣ петербургскую уличную прессу. Слуги нашей гостинницы такъ прилежно читали газеты, что, въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ иностранныхъ газетъ, я сталъ выспрашивать отъ нихъ политическія новости.

Вдобавокъ все было замѣчательно чисто, самые мудреные продукты фабричной промышленности были сдѣланы какъ нельзя болѣе аккуратно и на многихъ надъ медалями различныхъ европейскихъ выставокъ была врѣзана горделивая надпись: made in Japan — сдѣлано въ Японіи. Даже рисовые кули на набережныхъ, плотно зашитые и обвязанные крѣпкими травяными или бамбуковыми веревками, выглядѣли особенно опрятно.

Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ этой европейской оболочки постоянно выглядывали иныя черты, не то восточныя, не то, Богъ знаетъ, какія. Нагой поденщикъ, послѣ утомительнаго трудового дня на солнцепекѣ, въ видѣ обѣда доставалъ изъ своей шляпы горсть рису, завернутую въ грязный платокъ. На лимонадной фабрикѣ, устроенной по новѣйшей американской системѣ, паръ былъ замѣненъ четырьмя здоровыми парнями, которые съ утра до вечера топтали колесо, создавая движущую силу. Слѣпые массажисты ходили по улицамъ въ ночной темнотѣ, подавая о себѣ вѣсть невыразимо унылыми звуками призывной мѣдной

дудки. Странствующіе монахи въ косматыхъ соломенныхъ мантіяхъ и чудовищныхъ грибообразныхъ шляпахъ, съ колокольчикомъ въ лѣвой рукѣ и небольшой мѣдной урною въ правой, просили милостыню у порога лавокъ. Рядомъ съ ситцевой фабрикой нагая старуха тутъ же на улицѣ пряла узкое полотно на допотопномъ станкѣ; у сосѣдняго порога другая чернила себѣ зубы свѣжеразведенной краской сепіи. Сотни кустарей работали въ полуоткрытыхъ помѣщеніяхъ, выдѣлывая съ восточнымъ терпѣніемъ несравненныя рѣзныя, полированныя и лакированныя издѣлія, а на заднемъ планѣ ихъ незатѣйливыхъ полубумажныхъ жилищъ виднѣлся миніатюрный садикъ въ три аршина шириной, поднятый искусственной горкой, чтобъ выгадать побольше мѣста, съ неизмѣннымъ ручейкомъ воды и крошечнымъ прудкомъ для золотыхъ рыбокъ.

Еще удивительнѣе была японская пища. Патріотизмъ большей части человѣчества имѣетъ, какъ извѣстно, по преимуществу съѣстной характеръ. Даже во всѣхъ спорахъ русскихъ южанъ съ сѣверянами, при которыхъ мнѣ только приходилось присутствовать, съѣстные продукты играли главную роль. Сѣверяне хвастали земляникой и грибами, лососиной и невскимъ сигомъ, южане вспоминали арбузы и малороссійское сало, цитировали помедоры и маслины, крымское вино и кавказскую баранину. Но никто никогда не хвасталъ:—у насъ земство безъ недоимокъ!.. или:—у насъ полиція бойкая!..

Съ этой съѣстной точки зрѣнія японскій патріотизмъ можетъ похвалиться весьма немногимъ. Скота въ Японіи мало; мяса никто не ѣстъ; молока даже въ большомъ городѣ достать довольно трудно. Пища богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ риса, бобовъ и различныхъ болѣе или менѣе нехристіанскихъ овощей. Первое мѣсто принадлежитъ корню лотоса, сладость котораго такъ вдохновенно воспѣлъ еще Гомеръ. Я лично нашелъ его приторнымъ и чрезвычайно противнымъ. Маринованная рѣдька, особенная японская капуста, морскія водоросли и, между прочимъ, морская капуста, съ огромными листьями, по вкусу похожими на полусгнившій лубокъ, какіе-то вареные желтые цвѣты, морскіе ежи, моченые въ уксусѣ, морскіе анемоны, морскія кубышки, всевозможные морскіе продукты. Ко всему этому немного соленой или просто сырой рыбы и еще меньше сладкой яичницы. Вмѣсто хлѣба вареный рисъ, иногда смѣшанный съ уксусомъ и спеціями, вмѣсто соуса густая черная соя, полученная отъ броженія перегнившихъ бобовъ, и все это подается въ десяткахъ миніатюрныхъ чашечекъ съ палочками вмѣсто вилокъ и кускомъ бумаги вмѣсто салфетки. Улучшеніе обѣда направлено на измѣненіе формы, а не сущности. Являются лакированные подносы и эмалированныя палочки для ѣды, свѣжіе и искусственные цвѣты, овощи нарѣзаны тоньше и причудливѣе, рисъ подаетъ особо назначенная дѣвица съ монументальной прической, но для европейскаго желудка во всемъ этомъ мало утѣшенія. И вдобавокъ какія миніатюр-

ныя порціи!.. Послѣ трехъ или четырехъ сеансовъ, видя, какъ окружающіе люди относятся серьезно къ этой игрѣ въ обѣдъ, понемногу начинаешь привыкать и находить въ немъ своеобразный вкусъ. Однако, предубѣжденіе остается. Я знаю много примѣровъ европейцевъ, которые женились на японкахъ, приняли японское гражданство и ведутъ японскій образъ жизни, но все это люди желчные и худощавые, равнодушные къ своему обѣду и пищеваренію. Тѣ же изъ нихъ, которые пожирнѣе, ходятъ въ европейскій ресторанъ.

Мнѣ пришлось раза два обѣдать въ семействахъ моихъ японскихъ знакомцевъ. До обѣда мы вели умные разговоры, говорили другъ другу вѣжливости, разсматривали старинныя гравюры и современныя цвѣтныя фотографіи, восхищались древними мечами и чудесными рѣзными коробочками, перебирали свитки старинныхъ книгъ и фантастически вышитыхъ матерій и все время я какъ-то чувствовалъ, что преферансъ за хозяевами. Они были грамотнѣе меня и объясняли мнѣ значеніе японскихъ буквъ. Каждый изъ нихъ умѣлъ рисовать (японецъ, кажется, рождается съ этимъ умѣніемъ). Даже комплименты они сочиняли гораздо лучше меня. Подъ конецъ я совсѣмъ палъ духомъ и даже похвалилъ странную какофонію въ минорномъ тонѣ, которую японцы называютъ музыкой. Но когда подали обѣдъ, я опять расцвѣлъ и воспрянулъ. Эти подносики съ лотусовымъ корнемъ и кусочками желе изъ раковинъ показались мнѣ такъ жалки, что я немедленно почувствовалъ себя членомъ здоровой кавказской расы, питающейся густымъ хлѣбомъ и солиднымъ мясомъ съ широкихъ блюдъ, разставленныхъ на большихъ крѣпкихъ столахъ.

Тѣмъ не менѣе японская жизнь въ такихъ захолустныхъ углахъ не лишена своеобразной привлекательности. Что-то античное, родственное древней Эладѣ чувствуется въ этой эстетической странѣ, засыпанной цвѣтами и залитой теплымъ солнцемъ. Все обладаетъ художественностью, начиная съ ландшафта и кончая дешевой бездѣлушкой для украшенія, хотя стиль и вкусъ другой, не арійскій. Яркія ткани красиво разрисованы цвѣтами, золотыя и шелковыя вышивки подобраны съ необычайной тонкостью оттѣнковъ. Кладбища, храмы и частные дома утопаютъ въ зелени. Улицы расцвѣчены радужными фарфоровыми фонарями, звенящими, какъ эоловы арфы, при каждомъ дуновеніи вѣтра, и молодыя дѣвушки, покачивающіяся на своихъ высокихъ сандаліяхъ, похожи на рѣдкіе цвѣты на тонкихъ высокихъ стебляхъ, и на каждомъ общественномъ праздникѣ дѣвичьи костюмы яркостью и подборомъ красокъ затмѣваютъ цвѣточныя клумбы садовъ.

Художественность глубоко проникла въ народные вкусы и самый бѣдный крестьянинъ откажется отъ лишней горсти риса за обѣдомъ, чтобы пріобрѣсти пару яркихъ гравюръ, лакированную коробку, цвѣтной поясъ для жены или рѣзной гребень для дочери.

Слабѣе всего музыка, хотя любимые струнные инструменты, *семисенъ*

и *koto*, отличаются изяществомъ формы и украшаются драгоцѣнною рѣзьбой по дереву и кости. Крестьяне употребляютъ камышевыя и бамбуковыя дудки.

Мнѣ запомнился во время одной изъ загородныхъ поѣздокъ молодой крестьянскій подростокъ. Его красивое юношеское тѣло было небрежно перепоясано полотенцемъ, онъ сидѣлъ на изгороди поля, заросшаго лотосомъ, и негромко игралъ на маленькой тростниковой свирѣли, а большіе бѣлые и розовые цвѣты въ тактъ покачивали своими лѣнивыми головами. Онъ мелькнулъ предо мной, какъ идиллія Ѳеокрита, внезапно претворенная въ дѣйствительность въ этой замѣчательной странѣ, гдѣ крайній востокъ Азіи соприкасается съ крайнимъ западомъ Америки и кирпичные фасады заводовъ возникаютъ рядомъ со статуями Будды среди древнихъ рощъ, посвященныхъ тишинѣ, дремотѣ и красотѣ.

Большіе города южной Японіи, съ своей стороны, напоминаютъ Александрію или Антіохію. Въ прошломъ году мнѣ случилось нѣсколько часовъ скитаться въ веселомъ кварталѣ Токіо, который самъ по себѣ составляетъ особый городъ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ всѣ улицы и переулки представляли рядъ большихъ клѣтокъ съ позолоченной рѣшеткой. За рѣшеткой на паркетной изукрашенной платформѣ сидѣли живые цвѣтники на соблазнъ прохожимъ. Всѣ щеки были набѣлены тончайшей рисовой пудрой, черные волосы блестѣли, губы, по японской модѣ, были сложены въ видѣ поцѣлуя. Вездѣ мелькали яркіе шелка костюмовъ, хитросплетенныя прически, длинныя рѣзныя ручки семисеновъ. Мѣстами у самой рѣшетки сверкали плутоватые черные глаза и задорныя губки безпечно пересмѣивались съ мужчинами, толпившимися на улицѣ. Часто попадались наивныя дѣвичьи лица съ простодушной улыбкой и тихимъ весельемъ во взглядѣ, какъ будто кругомъ былъ мирный деревенскій ландшафтъ, а не веселый кварталъ шумнаго столичнаго города.

Это тоже былъ уголъ античной эпохи, одинаково чуждый нашимъ тяжелымъ цивилизованнымъ порокамъ и колючимъ сѣвернымъ рефлексамъ совѣсти. Специфическій хмѣльной и блудливый угаръ, окутывающій по ночамъ грѣшныя стогны европейскихъ столицъ, здѣсь не существовалъ. Небо было слишкомъ ясно, яркія краски сплетались изящно, лица смотрѣли беззаботно, смѣхъ звенѣлъ слишкомъ заразительно.

Когда солнце склонялось къ вечеру, мы отправлялись купаться на теплые ключи верстахъ въ восьми отъ города. Ѣхать приходилось по конкѣ, которая идетъ очень скоро и стоитъ необыкновенно дешево, отъ одной до трехъ копеекъ за билетъ, смотря по разстоянію. Надъ ключами построены пять или шесть легкихъ гостинницъ, имѣющихъ каждая особую купальню. Японцы вообще чистоплотны и моются почти каждый день. Въ городахъ на каждомъ шагу бани, но чистоплотность эта имѣетъ особые законы и даже въ самыхъ лучшихъ баняхъ горячая вода въ ваннѣ перемѣняется только дважды въ день.

На теплыхъ ключахъ, при изобиліи бѣгущей воды, ванны были устроены такъ, что нижняя вода застаивалась, а перемѣнялись только верхніе слои.

Мнѣ, впрочемъ, больше нравились морскія купанья. Нагіе ребятишки, во множествѣ копошившіеся на пескѣ, собирались отовсюду и напряженно слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Теплая волна пріятно обмывала тѣло. Вода была такъ прозрачна, что можно было ясно различить каждый камешекъ на днѣ. Въ глубинѣ гавани тихонько плыли сотни рыбачьихъ лодокъ, занятыхъ промысломъ. Иныя изъ нихъ уходили въ открытое море, распустивъ по вѣтру четвероугольные паруса, сшитые изъ циновокъ. Группы рыбаковъ копошились у берега, вытаскивая невода, долгіе и чрезвычайно частые, откуда не можетъ выйти даже самая мелкая рыбешка. Женщины бѣжали къ берегу съ коромысломъ и парой корзинъ на плечѣ, готовыя унести добычу наверхъ. Было тихо, ясно; спокойная вода блестѣла, какъ зеркало, какъ будто въ эту залитую солнцемъ гавань никогда не заходятъ ни бури, ни дурныя извѣстія.

Часовъ съ семи или съ восьми мы отправлялись въ театръ, или просто въ балаганъ. Театровъ въ Хакодате четыре, хотя, по японскимъ понятіямъ, всѣ они довольно плохи. Порицаніе относится преимущественно къ бѣдности декорацій и машинъ, но игра актеровъ показалась мнѣ не хуже, чѣмъ въ большихъ театрахъ въ Іокагамѣ или Нагасаки. Японскій театръ, конечно, во многомъ отличается отъ европейскаго, но въ своемъ родѣ, пожалуй, не хуже. Декорація вообще наивны, и малѣйшее измѣненіе положеній требуетъ опущеннаго занавѣса и перерыва. Напр., въ одной сценѣ героиня, преслѣдуемая разбойниками, бросается со скалы въ море. Декорація: скалы въ видѣ картонныхъ скамеекъ, море представлено внизу фестонами зеленой бумаги съ зубчатыми «пѣнистыми» краями. Занавѣсъ падаетъ и черезъ пять минутъ поднимается. Фестоны пѣнистой бумаги занимаютъ всю сцену. Героиня падаетъ и даже не падаетъ, а какъ-то неуклюже бухается сверху, сверкнувъ сандаліями въ воздухѣ и немедленно принимается барахтаться среди зеленыхъ бумажныхъ волнъ. Выплываетъ лодка. Двое гребцовъ бросаются въ море и вытаскиваютъ героиню. Всѣ они въ развѣвающихся платьяхъ и всѣ вышли сухими изъ воды, даже ни одна складка шелковаго пояса не смялась. Только лодка настоящая рыбачья, очевидно, взятая прямо съ берега.

Зато вся сцена вращается при помощи особаго приспособленія, и смѣна декорацій происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ у насъ. Представленіе продолжается необыкновенно долго, но состоитъ изъ короткихъ, быстро смѣняющихся явленій, публика забирается въ театръ съ утра, съ маленькими дѣтьми, обѣдомъ и даже подушками и располагается, какъ дома. Всѣ сидятъ, конечно, на циновкахъ, и видъ партера, разгороженнаго на клѣтки и наполненнаго японками, сидящими на корточкахъ, весьма

своеобразенъ. Однажды мы попали въ театръ часа въ три пополудни, просидѣли тамъ до восьми, видѣли конецъ драмы и начало комедіи, всего по меньшей мѣрѣ явленій двадцать. Потомъ не могли болѣе выдержать и ушли. Когда въ двѣнадцать часовъ ночи мы опять проходили мимо театра, онъ все еще свѣтился, джинрикши стояли у воротъ, и люди входили и выходили.

Иногда одно и то же представленіе длится два и три дня, но тогда приходится на каждый слѣдующій день брать новый билетъ.

Я былъ много разъ въ японскомъ театрѣ и въ моей памяти осталось нѣсколько привлекательныхъ картинъ. Помню, напр., молодую влюбленную чету, которая, спасаясь отъ преслѣдованія враговъ, проходитъ въ зимнюю вьюгу темнымъ лѣсомъ. На нихъ обычная японская, болѣе чѣмъ легкая одежда. Снѣгъ валитъ сверху густыми хлопьями, что изображается паденіемъ мелкихъ клочковъ тонкой бумаги. Влюбленные идутъ медленно, прижимаясь другъ къ другу и укрываясь отъ вьюги желтой рогожей, плотной и оттопыренной, какъ лубъ. Это обычная защита отъ непогоды, употребляемая всѣмъ японскимъ простонародьемъ. Рогожа узка на двоихъ, порывъ вѣтра налетаетъ сбоку, и путники инстинктивно прижимаются другъ къ другу еще тѣснѣе. Взгляды ихъ встрѣчаются и слегка улыбаются одинъ другому. Герой только что спасся изъ заточенія, а въ слѣдующемъ явленіи, не болѣе, какъ черезъ пять минутъ, его должны ранить и взять въ плѣнъ. Но въ настоящую минуту они вмѣстѣ и имъ хорошо.

Другая картина. Сельскій праздникъ. Луна, изображаемая круглымъ фонаремъ изъ масленой бумаги, тихо свѣтитъ. Сцена изображаетъ деревенскую улицу. Легкая линія домовъ утопаетъ въ цвѣтахъ. Среди дороги молодыя дѣвушки водятъ хороводъ, взявшись за руки и переступая другъ за другомъ. Нѣсколько молодыхъ парней смотрятъ. Хороводъ смыкается, размыкается. Дѣвушки въ тактъ плещутъ руками и постукиваютъ сандаліями. Парни тоже хотятъ присоединиться, но дѣвушки ихъ не принимаютъ. Тогда парни заводятъ собственный хороводъ, который скоро начинаетъ переплетаться съ дѣвичьимъ, выдѣлывая различныя сложныя фигуры. Луна восходитъ все выше. За сценой раздается рожокъ. Показываются скороходы. По сценѣ проносятъ въ полуоткрытомъ паланкинѣ стараго бонзу съ длинной остроконечной бородой. Хороводъ разошелся во всю и не хочетъ остановиться. Бонза выходитъ изъ паланкина, любуется, потомъ понемногу начинаетъ подплясывать, потомъ присоединяется къ хороводу и попадаетъ на средину. Въ избыткѣ восторга онъ снимаетъ верхній халатъ и подворачиваетъ нижнія полы, показывая присутствующимъ тощія голыя ноги, и начинаетъ выплясывать нѣчто похожее на присядку. Дѣвушки смѣются. Монахъ хочетъ поймать одну, дѣвушки съ визгомъ разбѣгаются, а парни хватаютъ монаха, сажаютъ его въ паланкинъ, одинъ изъ нихъ отнимаетъ у трубача рожокъ и трубитъ изо всей силы.

Парни подхватываютъ паланкинъ и относятъ его съ дороги на топкое рисовое болото, а сами уходятъ назадъ. Хороводъ опять начинается. Носильщики и скороходы присоединяются къ нему. Монахъ пробуетъ вылѣзть изъ паланкина, но проваливается въ грязь, пытается выкарабкаться, не можетъ и остается стоять неподвижно съ вытаращенными глазами. Занавѣсъ.

Вмѣсто театра мы нерѣдко попадали въ балаганъ. Здѣсь боролись и фехтовали атлеты, а акробаты показывали различныя штуки. Какъ и европейскіе артисты этого рода, всѣ они были одѣты въ плотно облегающее платье въ родѣ трико, но, въ видѣ отличія, не имѣли обуви, и всѣ четыре конечности работали у нихъ съ одинаковымъ усердіемъ. Особенно одинъ мальчикъ съ щуплымъ и вертлявымъ тѣломъ, карабкавшійся вверхъ по неустойчивой колоннѣ пустыхъ боченковъ, совсѣмъ напоминалъ обезьяну.

Но интереснѣе всего была толпа, наполнявшая кварталъ, гдѣ сосредоточены балаганы и другія увеселительныя заведенія. Все это были фабричные рабочіе и кустари, окончившіе свой двѣнадцатичасовой рабочій день. Они фланировали съ такимъ безпечнымъ видомъ, какъ будто имъ вовсе не нужно было вставать, чѣмъ свѣтъ. Но японцы вообще спятъ очень мало. На улицахъ было тѣсно, особенно на перекресткахъ. На каждомъ шагу попадались продавцы сладостей, дешевыхъ плодовъ, печеной кукурузы. Странствующій шарлатанъ восхвалялъ чудесное дѣйствіе своихъ лѣкарствъ, точь-въ-точь, какъ я это видѣлъ въ прошломъ году въ С.-Франциско. Немного подальше нищій художникъ, поставивъ на землю два фонаря, рисовалъ передъ толпою любопытныхъ картину, высыпая по очереди изъ горсти тонкую струю песку различныхъ цвѣтовъ, то краснаго, то чернаго, то зеленаго. Еще дальше плясали вмѣстѣ мальчикъ, ученая крыса и ученая обезьяна. Другой мальчикъ продавалъ фонари изъ цвѣтной бумаги, третій дешевыя игрушки. Тутъ же книгоноши торговали книжками и лубочными картинками. Вездѣ ѣли, шутили, смѣялись. Пьяныхъ, однако, не было, полицейскихъ тоже.

Недѣля, которую мы прожили въ Хакодате, была въ родѣ нашей Ѳоминой, посвящена поминовенію родителей. Каждый вечеръ вереницы женщинъ, искусно причесанныхъ и разряженныхъ, отправлялись изъ города въ ту сторону бухты, гдѣ находятся кладбища. Богатыя ѣхали на джинрикшахъ, по-двое, иногда по трое въ одной колясочкѣ, благо японскія женщины вообще малы и легки, бѣдныя шли пѣшкомъ, но всѣ несли съ собой узелки съ пищей, назначенной для поминокъ. Я нѣсколько разъ проходилъ за ними къ могиламъ, которыя обыкновенно обнесены оградой и увѣнчаны небольшимъ каменнымъ столбикомъ. Кладбища, обыкновенно безлюдныя, теперь пестрѣли народомъ. Почти у каждой могилы стояла на камняхъ или лежала ничкомъ молчаливая женская фигура; мужчинъ вообще было мало, кромѣ монаховъ.

На каменныхъ ступенькахъ памятниковъ была обильно разложена самая разнообразная японская ѣда, рисъ, лотусъ, бобы, пирожки изъ рисовой муки и т. п. Пониже были прилѣплены зажженныя восковыя свѣчи. Толстые монахи въ рясахъ и даже въ золотныхъ ризахъ пѣли, какъ будто служа панихиду. Поближе ко мнѣ басилъ густой октавой высокій, грузный старикъ. Женщина протянула ему свертокъ мѣдной монеты въ сѣрой бумажкѣ. Онъ на ходу ощупалъ деньги и, не переставая возглашать, сунулъ деньги въ карманъ. Вмѣстѣ съ молящимися по кладбищу разбредались нищіе, тоже женщины по преимуществу. Онѣ собирали съ могилъ рисъ и овощи и складывали въ холщевой мѣшокъ у пояса. Иныя въ своей жадности не дожидались даже ухода молившихся и сразу принимались сгребать рисъ, дѣйствуя длиннымъ скребкомъ на кривой деревянной ручкѣ.

Въ концѣ поминальной недѣли пріѣхалъ въ Хакодате генералъ-губернаторъ острова Хокайдо изъ японскихъ принцевъ крови. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ его на улицѣ. Это былъ очень маленькій, совсѣмъ крошечный японскій принцикъ, съ лицомъ желтымъ и сморщеннымъ, какъ лимонъ, и небрежными манерами. Онъ выступалъ впереди своей свиты съ необыкновенно гордымъ и скучающимъ видомъ и кисло поглядывалъ на толпу. Адъютанты его были все военные и о, верхъ красоты!—лицо одного изъ нихъ было украшено густыми черными бакенбардами, которые были разчесаны по волоску и блестѣли отъ помады. Одинъ изъ моихъ японскихъ знакомцевъ былъ положительно влюбленъ въ эти бакенбарды и съ восторгомъ утверждалъ, что на всемъ островѣ Хокайдо нѣтъ другихъ, столь же густыхъ.

Городъ въ честь пріѣзда принца устроилъ увеселеніе, надо сказать правду, въ высшей степени нелѣпое. На главной площади передъ дворцомъ устроили небольшой навѣсъ, гдѣ нѣсколько борцовъ и клоуновъ усердствовали, смѣша публику, и, наконецъ, успѣли-таки вызвать улыбку на высокія уста путника. Я стоялъ среди нотаблей города, которые по этому случаю одѣлись въ европейское платье, но и они смѣялись и ликовали, какъ дѣти. Потомъ адъютантъ принца раздавалъ на память толпѣ пестрыя бумажныя салфетки. Послѣ того какой-то старикъ въ платьѣ жокея около получаса проѣзживалъ передъ принцемъ довольно плохую рыжую лошадь. Толпа усердно глазѣла, но принцъ, наскучивъ зрѣлищемъ, всталъ съ мѣста и, усѣвшись въ колясочку, уѣхалъ въ карьеръ на пристань. Вмѣсто четверки лошадей его везли четверо крѣпкихъ джинрикшей; адъютанты ѣхали каждый на парѣ. Въ знакъ праздника джинрикши были одѣты во все бѣлое, и очень плохая музыка играла жиденькій тушъ. На другой день принцъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Саппоро, столицу острова Хокайдо, а мы на японскомъ почтовомъ пароходѣ отправились на западный берегъ Нипона по пути къ Владивостоку.

II. Нійгата.

Японскій почтовый пароходъ совершаетъ ежемѣсячные рейсы между Корсаковскимъ портомъ на Сахалинѣ и Владивостокомъ, заходя по пути въ нѣсколько японскихъ городовъ на западномъ берегу. Поѣздка предполагалась не спѣшная, ибо въ каждомъ изъ этихъ городовъ пароходъ останавливается на сутки, а въ Нійгата даже на трое сутокъ. Мнѣ, впрочемъ, было не безынтересно посмотрѣть на эту малоизвѣстную, не казовую часть Японіи и я не сѣтовалъ на медленность японскаго парохода. Пассажировъ было много во всѣхъ трехъ классахъ, благо японская пароходная плата вообще невысока, даже вмѣстѣ съ табльдотомъ. Изъ европейцевъ, кромѣ насъ, было двое англичанъ, миссіонеръ съ миссіонершей, которые раньше работали отдѣльно, а теперь соединили свои усилія вмѣстѣ, вступивъ въ законный бракъ. Оба они были очень похожи другъ на друга, плотные, неуклюжіе и очень бѣлобрысые. Миссіонеръ былъ въ короткихъ штанахъ и чулкахъ, супруга его носила такія короткія юбки, что ея большіе желтые башмаки постоянно выставлялись наружу, и съ нѣкотораго отдаленія казалось, что она тоже носитъ штаны и чулки. Бѣлая кожа англичанки была покрыта отъ загара огромными веснушками, похожими на змѣиныя пятна. Особенно ея круглыя руки высовывались изъ короткихъ рукавовъ, какъ пара большихъ сытыхъ змѣй, отдыхающихъ на солнцѣ. Мы немедленно познакомились. Имя миссіонерской четы было Джеррисъ. Они ѣхали изъ небольшого городка внутренней части острова Хокайдо, гдѣ находилась ихъ нива, и направляли стопы въ Токіо на съѣздъ протестантскаго духовенства. Оба они были японскіе старожилы. Супругъ прожилъ въ Японіи шестнадцать лѣтъ, а супруга двѣнадцать.

Оба умѣли порядочно говорить и писать по-японски, какъ сокращенной азбукой кана, такъ и сложными китайскими письменами. Супруги производили впечатлѣніе порядочныхъ и безобидныхъ людей, но настроеніе у нихъ было постоянно приподнятое, даже нѣсколько восторженное.

— Господь благословилъ нашу ниву! — повторяли они. — Вертоградъ растетъ!.. Души уловляются изъ-подъ власти злого и обращаются къ истинѣ...

— Сколько же у васъ обращенныхъ?—полюбопытствовалъ я.

— Двадцать тысячъ!—отвѣтилъ мистеръ Джеррисъ.—Однихъ протестантскихъ вѣроисповѣданій...

— Неужели на островѣ Хокайдо двадцать тысячъ протестантовъ?—искренно изумился я.

— Не въ одномъ только Хокайдо,—поправилъ мистеръ Джеррисъ,—но также въ Токіо, Йокогамѣ и другихъ городахъ...

Я понялъ, что сдѣлалъ неловкость...

— Вамъ, быть можетъ, кажется, что это мало?—прямо спросилъ мистеръ Джеррисъ.

Я промолчалъ.

— Заблужденіе!—доказывалъ мистеръ Джеррисъ.—Господь благословилъ нашу ниву, вертоградъ растетъ!.. И давно ли мы работаемъ!.. Лѣтъ пятнадцать, двадцать... *Общество двадцатаго вѣка* пожнетъ обильную жатву.

— Какое общество?—спросилъ я, не понимая.

— Мы основали въ Токіо!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Англійскіе миссіонеры!.. Христіанское общество спеціальныхъ усилій двадцатаго вѣка...

— Какія же могутъ быть еще спеціальныя усилія? — полюбопытствовалъ я.

— Всѣ усилія хороши—на службу истинѣ! — отвѣтилъ Джеррисъ нѣсколько загадочно.

— Мы вотъ процессіи устраиваемъ!— прибавилъ онъ, помолчавъ.— Со знаменами... Барабаны впереди, молодые люди поютъ гимны... Толпа валомъ валитъ до самой церкви. Въ церкви проповѣдь. Кое-кто уйдетъ, а болѣе слушаютъ, японцы большіе охотники до проповѣдей. А потомъ проповѣдникъ и объявитъ: «это начало спасенія, а если хотите, чтобъ мы васъ совсѣмъ спасли, дайте свое имя и адресъ!..» Пять тысячъ человѣкъ въ Токіо дали свой адресъ въ двѣ недѣли!.. Видимая Божья благодать!..—прибавилъ онъ, закатывая глаза.

А какъ же правительство?—полюбопытствовалъ я.—Не вмѣшивается?

— Правительство намъ вѣритъ!—увѣренно сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Есть, напримѣръ, въ Японіи законъ. Старухи семидесяти лѣтъ, бѣдныя то-есть, получаютъ пенсію, три рубля въ мѣсяцъ... Въ городѣ, гдѣ мы живемъ, намъ поручили раздавать эти деньги. Мнѣ губернаторъ самъ говорилъ: «ваша вѣра меня не касается, но я надѣюсь, вы не украдете!..»

— А жрецы?—спросилъ я.

— Что жрецы!—пренебрежительно сказалъ мистеръ Джеррисъ.— Вы что думаете, японцы въ буддизмъ вѣрятъ?.. Японская вѣра въ другомъ мѣстѣ. Государство у нихъ вѣра, микадо у нихъ богъ, будущность Японіи евангеліе. Это я вамъ скажу такой патріотизмъ, какого и въ Европѣ нигдѣ нѣтъ...

Я невольно усомнился.

— Я вамъ примѣръ приведу,—сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Слышали ли вы о пасторѣ Наоми Тамура, какъ его японскій соборъ ординаціи лишилъ?

— Какой соборъ?—спросилъ я.—Буддійскій?..

— Нѣтъ, христіанскій,—возразилъ Джеррисъ,—но только особый японскій.

— Развѣ есть особое японское христіанство? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ же!—сказалъ Джеррисъ.—Они давно отдѣлились, миссіонеры сами по себѣ, а они сами по себѣ, зовутъ себя «національная церковь», да и миссіонеры у нихъ есть свои, особые.

— А кто такой Наоми Тамура?—спросилъ я.

— Пасторъ пресвитеріанскій!—объяснилъ Джеррисъ.—Очень образованный человѣкъ, честный, а главное прямой: что думаетъ, то и скажетъ.

— Его и наши не любятъ многіе—наивно закончилъ онъ.

— И ваши тоже?—переспросилъ я.

— Онъ ужъ слишкомъ прямо!—извиняющимъ тономъ сказалъ Джеррисъ.—Вѣдь и въ писаніи сказано: нѣтъ правды въ людяхъ!.. Что хорошаго?..

— Какъ же это прямо?—приставалъ я.

— А вотъ какъ!—тянулъ Джеррисъ.—Послали его въ Америку доучиться. Годъ онъ тамъ пробылъ. Пріѣхалъ назадъ, написалъ книжку объ Америкѣ. Другіе миссіонеры послѣ того ему руку подавать перестали, американскіе то-есть.

— Что же онъ написалъ—полюбопытствовалъ я—ложь или правду?

— Кому нужна его правда?—вмѣшалась вдругъ мистриссъ Джеррисъ.—Отъ злого сердца онъ... Вотъ я захочу, съѣзжу въ Россію, да напишу книгу, пожалуй и вы тоже сердиться станете...

— Это что! — примирительно сказалъ мужъ.—А вотъ онъ въ Америкѣ книжку написалъ по-англійски: *Японская невѣста*, описываетъ семейную и брачную жизнь въ Японіи, — за нее вѣдь его и выкинули, цѣлая травля началась.

— Что же онъ такое написалъ?—заинтересовался я—необыкновенное что-нибудь?..

— Напротивъ, самое обыкновенное!—возразилъ Джеррисъ.—Какъ бываетъ у нихъ, такъ и описалъ... Плохая семья у японцевъ, дешевая. Никто никого не любитъ, все разсчеты какіе-то мелочные. Даже невѣстъ они продаютъ дешево... Ну онъ все это и написалъ.

— Какъ же его выкинули?

— Да затѣялъ онъ книжку на японскій языкъ переводить, съ того и переполохъ поднялся. Общество молодыхъ людей въ Токіо, при соборѣ состоитъ пресвитеріанскомъ, такъ даже клятву приняло не ѣсть и не спать, пока Наоми не будетъ наказанъ.

По писанію,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—какъ евреи противъ Павла.

— Вечеромъ парламентъ собрался и синодъ собрался. Парламентъ рѣшилъ: государственная измѣна, запретить книгу! Синодъ рѣшилъ лишить Наоми священства. Знаете ли, въ пресвитеріанской церкви трудно священства лишить, только два пункта есть—ересь или безнравственная жизнь.

— Живетъ Наоми аскетомъ, что наживетъ, бѣднымъ отдаетъ, док-

трина у него, какъ его выучили, такъ онъ и держитъ, насквозь ортодоксальная.—Такъ вѣдь не думали нисколько, лишили, да еще и приговоръ написали особенный: «лишается священства Наоми Тамура за то, что написалъ дурную правду о своемъ отечествѣ. Нарушеніе домашнихъ тайнъ—худшая ересь».

Меня невольно заинтересовала фигура этого замѣчательнаго японскаго попа, успѣвшаго вооружить противъ себя и свѣтскія и духовныя власти, японскихъ христіанъ и американскихъ миссіонеровъ при помощи «дурной правды».

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ я.—Уѣхалъ?

— Паства не пустила!—возразилъ Джеррисъ.—Очень ужъ онъ популярный человѣкъ въ Токіо. Даже изъ церкви они выдѣлились и живутъ сами по себѣ, а онъ все у нихъ пасторомъ. Обращенныхъ у него много, придется скоро вторую общину устраивать.

— А какъ живутъ японскіе христіане?—спросилъ я.

— Какъ же имъ жить?—переспросилъ мистеръ Джеррисъ.—Какъ всѣ японцы, такъ и живутъ. Вотъ воскресный день соблюдаютъ. А впрочемъ и нехристіане иные соблюдаютъ воскресный день, — возразилъ онъ самъ себѣ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Правительственныя учрежденія соблюдаютъ воскресный день. Чиновники, рабочіе... Иные привыкать стали... отдыхъ у нихъ, въ родѣ праздника...

— Въ чемъ же отличіе христіанъ?—спросилъ я довольно наивно.

— Они въ Христа вѣруютъ,—сказалъ мистеръ Джеррисъ съ легкимъ упрекомъ,—въ церковь ходятъ, проповѣдь слушаютъ, все какъ слѣдуетъ. Вонъ у японскихъ пресвитеріанъ свои миссіонеры есть — мужчины и женщины.

— А женщины откуда?—полюбопытствовалъ я.

— Женщинъ почти половина, — объяснилъ мистеръ Джеррисъ. — Это очень легко. У насъ тоже, у англійскихъ миссіонеровъ, цѣлое общество есть, библейское общество японскихъ женщинъ. Тоже все проповѣдницы Божьяго слова.

— Откуда же вы ихъ берете? — полюбопытствовалъ я.

— Это очень просто!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Знаете, японское простонародье все-таки очень бѣдно, много дѣтей трудно прокормить, ну они не прочь отдать, если кто возьметъ, конечно, дѣвочку, а не мальчика. Тѣмъ болѣе намъ, у насъ все-таки дѣти прокармливаются лучше, чѣмъ дома.

— Это, должно быть дорого стоитъ!—замѣтилъ я.

— Нѣтъ!—возразилъ Джеррисъ.—Въ Японіи жизнь дешевая, особенно если по-японски жить... Зато вѣдь изъ нихъ проповѣдницы выходятъ, онѣ къ намъ всѣхъ нашихъ женщинъ привлекли.

— А развѣ японское простонародіе такъ бѣдно живетъ?—спросилъ я

— Знаете, не то что бѣдно,—сказалъ Джеррисъ,—а какъ бы вамъ сказать? — воздержно, что ли. Живутъ въ шалашахъ, одежды почти нѣтъ. Двѣ горсти риса—вотъ и ѣда. Пять центовъ у нихъ деньги. Если на деньги перевести, весь расходъ на семью йенъ или два въ мѣсяцъ.

— А нищихъ мало!—прибавилъ Джеррисъ.—Милостыню рѣдко кто проситъ, развѣ изъ крайности.

— Все въ Японіи узкое!—прибавилъ Джеррисъ.—Денегъ мало, потребностей тоже... Попросту люди живутъ, не то что въ Англіи или Америкѣ.

— А европейцы какъ?—спросилъ я.

— Европейцы тоже такъ. Конечно, въ столицахъ или большихъ городахъ можно жить совсѣмъ по-европейски, а въ глуши никакъ не выйдетъ...

— Вотъ мы, напримѣръ, живемъ въ маленькомъ городишкѣ въ горахъ внутри Хокайдо. Тамъ, кромѣ насъ, никого нѣтъ. Какъ же тамъ жить по англійски?.. Тамъ коней и скота нѣтъ, мяса трудно достать, масло развѣ въ жестянкахъ. Поневолѣ, что японцы ѣдятъ, то и мы.

— А дома! — вставила мистриссъ Джеррисъ. — У нихъ вѣдь и на югѣ, и на сѣверѣ архитектура одна. Они не разбираютъ. Бумага, да дрань—вотъ ихъ матеріалъ. А вѣдь на Хокайдо снѣгъ на десять футовъ выпадаетъ, четыре мѣсяца держится. Дома совсѣмъ съ крышей заваливаетъ, ходы приходится рыть, какъ кротамъ... Вотъ нашъ домъ еще лучше построенъ, печи вездѣ желѣзныя, топливо дешевое, а все-таки зимою, по ночамъ, не то что вода, керосинъ въ лампахъ мерзнетъ. Конечно, служанка печь растопитъ, опять тепло станетъ, тогда и встанешь...

На другой день рано утромъ мы пришли въ Нійгата, гдѣ намъ предстояло простоять три дня. На этотъ разъ мы захватили съ собою русскаго переводчика съ парохода, по имени Тагіара, очень любезнаго и услужливаго молодого человѣка, хотя, собственно, по-русски онъ говорилъ довольно плохо. Впрочемъ, писалъ онъ правильно, особенно при помощи словаря. И въ разговорѣ тоже, если остановится и подумаетъ нѣсколько минутъ, то, въ концѣ концовъ, вспомнитъ нужныя слова и построитъ правильную фразу. Онъ научился русскому языку въ школѣ иностранныхъ языковъ въ Токіо, гдѣ, между прочимъ, преподаваніе русскаго языка ведется по-русски, и профессоромъ состоитъ отставной капитанъ русской службы Смысловскій, который по-японски совсѣмъ не говоритъ. Тагіара, между прочимъ, показывалъ мнѣ рукописный списокъ «Ревизора», который ученики расписали по ролямъ, выучили наизусть и разыграли съ большимъ успѣхомъ года два тому назадъ.

Нійгата довольно большой, благоустроенный городъ, прорѣзанный по всѣмъ направленіямъ прямыми каналами, облицованными камнемъ. Впрочемъ, ѣздить по этимъ каналамъ можно только во время прилива, ибо въ отливъ они совершенно мелѣютъ и только по самой срединѣ остается узкая струйка жидкой грязи вмѣсто воды. Здѣсь было гораздо

жарче, чѣмъ въ Хакодате, и нужно было много мужества, чтобы ходить по улицамъ подъ палящими лучами солнца. Даже японцы послѣ полудня изнемогали и старались прятаться въ своихъ садикахъ у прохладныхъ фонтановъ.

Прямо съ пристани мы отправились на выставку, которая была устроена на обширной площади въ самомъ центрѣ города. Въ Японіи вообще очень часто устраиваются провинціальныя выставки то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Въ Нійгата это уже была вторая выставка за послѣдніе десять лѣтъ. Она помѣщалась въ большомъ трехъэтажномъ зданіи, къ которому со всѣхъ сторонъ были пристроены легкіе деревянные флигеля, въ родѣ бараковъ. Билеты на посѣщеніе продавались у входовъ по двѣ копѣйки, съ учащихся брали половину. Несмотря на рабочій день, всѣ отдѣлы были наполнены публикой, и въ каждой передней углы были уставлены множествомъ соломенной и деревянной обуви, какъ въ лавкѣ, ибо посѣтители расхаживали по выставкѣ босикомъ.

Кромѣ учащихся, это по большей части были все мелкіе люди, ремесленники, рабочіе, которые внимательно осматривали выставленные издѣлія и рисунки, постоянно справляясь съ печатнымъ каталогомъ. Я видѣлъ даже группу носильщиковъ въ обычныхъ рубахахъ изъ синей нанки съ бѣлымъ девизомъ союза, къ которому они принадлежали, напечатаннымъ во всю спину, и безъ всякаго признака штановъ. Они держались всѣ вмѣстѣ и со смущенной улыбкой переходили изъ отдѣленія въ отдѣленіе, осторожно подвигаясь въ узкихъ проходахъ, чтобы не задѣть одного изъ зеркальныхъ шкафовъ своими руками, привыкшими къ размашистымъ движеніямъ. Однако, и они, видимо, интересовались выставкой и, добравшись до отдѣленія, гдѣ были сгруппированы средства передвиженія современной Японіи, проявили большой восторгъ и стали такъ громко критиковать выставленные тамъ же старинные паланкины и носилки, что остальная публика собралась вокругъ и слушала со смѣхомъ, но все-таки очень внимательно.

Обширнѣе всего былъ земледѣльческій отдѣлъ выставки, гдѣ долгіе ряды витринъ были наполнены образцами зерновыхъ хлѣбовъ, бобовъ, коконовъ шелкопряда и т. п. Далѣе слѣдовалъ отдѣлъ тканей хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ, отъ самыхъ простыхъ до чрезвычайно дорогихъ, украшенныхъ нѣжнымъ японскимъ рисункомъ съ неуловимыми переливами красокъ, дешевыя сукна, веревки и канаты изъ пеньки и морской травы. Все это было сдѣлано въ провинціи Нарано, средоточіемъ которой служитъ г. Нійгата. Не менѣе богато былъ представленъ отдѣлъ рыболовства, съ безчисленными образцами сѣтей и моделями огромныхъ морскихъ лодокъ, судовъ и даже пароходовъ, употребляемыхъ для этой столь развитой въ Японіи промышленности. Общества рыбоводства выставили модели питомниковъ и сушильныхъ заводовъ, связки сушеной рыбы, морской капусты, образцы селедоч-

наго компоста. Однако, настоящимъ гвоздемъ выставки былъ художественный отдѣлъ, выставившій цѣлыя груды лакированныхъ, рѣзныхъ и литейныхъ произведеній, съ тончайшею рѣзьбой, съ рельефными инкрустаціями изъ слоновой кости по черному дереву, съ артистическими матовыми рисунками по вороненной стали.

Маленькіе смѣшные хороводы японскихъ обезьянъ, вырѣзанные съ поразительнымъ искусствомъ и правдивостью, чередовались съ массивными фигурами ланей, волковъ, орловъ, вылитыхъ изъ темной бронзы, каждая изъ которыхъ была бы достойна помѣщенія въ любой художественный салонъ Европы, а здѣсь являлась только образчикомъ промышленнаго искусства. Рядомъ зала старинной живописи выставила несмѣтное богатство старинныхъ японскихъ картинъ на полотнѣ и на шелкѣ, которыя мѣнялись каждые пять дней, ибо для всѣхъ экспонатовъ не хватало мѣста.

Слѣдующая зала была занята произведеніями современной живописи, среди которыхъ цѣннѣе всего были опять картины изъ жизни животныхъ. Особенно хороша была группа мартышекъ, сидящихъ въ вѣтвяхъ густого дерева. Разнообразная экспрессія обезьяньихъ лицъ была исполнена съ тонкостью и выразительностью, какая совершенно неуловима для воспріятія культурнаго художника городской Европы. Зато другая зала, почти исключительно наполненная портретами молодыхъ женщинъ, въ свою очередь, свидѣтельствовала о подражаніи европейскому искусству, ибо японская національная живопись слишкомъ наивна и склонна къ подчеркиванію для точнаго воспроизведенія портретовъ. Новѣйшія работы этого рода, выставленныя здѣсь и нарисованныя уже по европейскимъ правиламъ, были довольно однообразны и очень тусклы. Лица имѣли одинаковыя выраженія, руки съ одинаковымъ жестомъ были сложены на груди или на колѣняхъ. Очевидно, Японія можетъ остаться красивою, только оставаясь вѣрною сама себѣ. Къ художественному отдѣлу принадлежали также вышивки цвѣтными шелками и золотомъ, часто съ художественными рисунками, которые требовали многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ кропотливой женской работы. Нѣкоторыя изъ вышивокъ, несмотря на общую дешевизну японскихъ произведеній, были оцѣнены въ нѣсколько сотъ рублей. Не нужно забывать, что всѣ эти вещи были произведены въ одной провинціи, величиной съ небольшую русскую губернію. Издѣлія изъ желѣза, ножи, топоры, различные инструменты, тоже были обильно представлены. Отдѣльная зала была занята даже частями локомотивовъ и различныхъ машинъ, ибо въ провинціи Нарано имѣются два машиностроительныхъ завода. Локомотивы, впрочемъ, были сдѣланы въ Токіо, но въ мастерскихъ Нійгата ихъ разбирали и собирали, а потому не вытерпѣли и все-таки помѣстили ихъ тоже на выставкѣ.

Мистеръ Джеррисъ далъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ товарищей по духовному оружію, но его не оказалось въ городѣ. Мы, впро-

чемъ, не очень горевали и отъ миссіонера направились вмѣстѣ съ г. Тагіара къ директору мѣстной гимназіи, имя котораго мнѣ сказали на пароходѣ. По дорогѣ мы встрѣтили еще англійскаго миссіонера, но уже совсѣмъ другого типа. Это былъ худенькій человѣкъ, съ плохо выбритымъ лицомъ, въ поношенномъ нанковомъ сюртукѣ и грибообразной японской шляпѣ, обшитой холстомъ, чтобы придать ей болѣе европейскій видъ. Онъ сиротливо стоялъ на площади и раздавалъ прохожимъ маленькія духовныя брошюрки. Они брали съ равнодушнымъ видомъ, какъ листокъ рекламы отъ надоѣдливаго разносчика, потомъ комкали въ рукѣ и проходили мимо. Онъ очень обрадовался, когда мы подошли и заговорили съ нимъ по англійски.

— По крайней мѣрѣ, европейскую рѣчь услышалъ, — повторялъ онъ,—а то по-японски не понимаю ни слова, а живу съ японцами.

Онъ сообщилъ намъ, что принадлежитъ къ пресвитеріанской конгрегаціи и былъ первоначально посланъ на Филиппинскіе острова, но заболѣлъ желтой лихорадкой. Тогда для поправленія здоровья старшины послали его въ Японію.

— Нужно, однако, стараться зарабатывать себѣ духовный хлѣбъ,— прибавилъ онъ со вздохомъ.

— А вы не изъ арміи ли спасенія?—высказалъ я вслухъ мелькнувшую въ моей головѣ догадку...

Точно такія же фигуры, похожія на лакеевъ безъ мѣста, я видѣлъ въ С.-Франциско въ рядахъ этой почтенной арміи, когда они въ воскресные вечера проходили по городу съ распущенными знаменами, подъ грохотъ барабановъ и звонъ бубновъ, обвѣшанныхъ бубенчиками.

— Нѣ-ѣтъ!—замялся миссіонеръ.

Армія спасенія не пользуется большимъ уваженіемъ среди англосаксонскаго духовенства.

— Но если бы даже и такъ,—прибавилъ онъ вдругъ обидчивымъ тономъ,—то въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Я ничего не говорю!—попробовалъ я возразить.

— Армія спасенія проповѣдываетъ Божью вѣсть разнымъ народамъ, японцамъ, неграмъ, канакамъ, не хуже *вашихъ* пресвитеріанскихъ пасторовъ!—продолжалъ миссіонеръ.

Въ пылу разговора онъ уже присвоилъ мнѣ пресвитеріанское духовенство.

— Да я же не спорю!—повторилъ я, нѣсколько изумленный этимъ неожиданнымъ подаркомъ.

— А въ городахъ она отводитъ отъ кабака тысячи душъ въ сто разъ успѣшнѣе *вашихъ* епископальныхъ миссіонеровъ,—продолжалъ онъ, повышая діапазонъ и развивая ту же фикцію о моей отвѣтственности за все англійское духовенство.

Я опять попытался оправдаться, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова.

— Мнѣ пора! — холодно кивнулъ онъ головой. — Прощайте, джентльмены.

Директоръ гимназіи, пожилой и довольно грузный, съ тяжелымъ лицомъ, какое японцы часто пріобрѣтаютъ подъ старость, былъ очень любезенъ, но по-англійски говорилъ плохо. Узнавъ, что мы хотимъ осмотрѣть учебныя заведенія Нійгата, онъ тотчасъ же познакомилъ меня съ учителемъ англійскаго языка, г. Тамура Тойогиса, который обязательно сопровождалъ насъ повсюду во все остальное время. Г. Тойогиса по-англійски говорилъ довольно свободно, хотя опять-таки за границей никогда не былъ и образованіе получилъ въ университетѣ въ Токіо.

Прежде всего онъ повелъ насъ на урокъ англійскаго языка, въ качествѣ предмета, наиболѣе близкаго его сердцу. Преподаваніе англійскаго языка ведется довольно тщательно въ мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и въ этой гимназіи было даже три отдѣльныхъ учителя для разныхъ классовъ.

Классъ, въ который мы зашли, состоялъ изъ большой прекрасно освѣщенной и очень чистой комнаты. Болѣе сорока учениковъ въ ситцевыхъ халатикахъ или бѣлыхъ коленкоровыхъ рубахахъ, съ босыми ногами и безъ бѣлья, сидѣли за небольшими, но довольно удобными партами и прилежно писали подъ диктовку. Учитель, маленькій и очень черный, ходилъ взадъ и впередъ по эстрадѣ передъ каѳедрой и диктовалъ наизусть. Онъ произносилъ по-англійски довольно раздѣльно, только по японскому обыкновенно всѣ *l* выговаривалъ, какъ r, что иногда давало поводъ къ недоразумѣніямъ. Ученики писали въ обыкновенныхъ тетрадкахъ, но съ неловкимъ видомъ, который болѣе или менѣе свойственъ всѣмъ японцамъ при употребленіи перьевъ и чернилъ вмѣсто кисточки и туши. Однако, взявъ тетрадку у перваго попавшагося ученика, я убѣдился, что въ его работѣ почти нѣтъ грамматическихъ ошибокъ, хотя то былъ только четвертый классъ, соотвѣтствующій нашему второму. Стѣны классной комнаты были увѣшаны географическими картами гораздо лучшей работы, чѣмъ соотвѣтственныя произведенія Ильина, и изображеніями различныхъ животныхъ съ англійскими надписями. Въ перемежку съ ними висѣли ученическіе рисунки самаго разнообразнаго содержанія, и многіе изъ нихъ обнаруживали тщательное исполненіе, ибо вообще рисованіе является въ Японіи однимъ изъ самыхъ важныхъ школьныхъ предметовъ.

Слѣдующій классъ занимался чистописаніемъ. Учитель выводилъ мѣломъ на доскѣ причудливыя буквы, а ученики тщательно воспроизводили ихъ тушью на лощенной бумагѣ, тонкой, какъ папиросная. Европейскій школьникъ не имѣетъ понятія о той массѣ терпѣнія и труда, которую его монгольскій собратъ долженъ затрачивать на усвоеніе

письма. Даже средневѣковой готическій шрифтъ и нашъ старинный уставъ не могутъ идти въ сравненіе. Зато интеллигентные японцы совершенно серьезно утверждаютъ, что полуинстинктивный даръ рисунка и чувство кривыхъ линій, свойственные японскому, а отчасти и китайскому народу, образовались, именно, вслѣдствіе многовѣковаго обученія письму.

Въ слѣдующемъ классѣ маленькій ученикъ, едва достававшій рукою до доски, отвѣчалъ урокъ алгебры, бойко вычерчивая латинскія формулы и знаки, за развитіемъ которыхъ мы могли слѣдить также удобно, какъ и учитель. Но это былъ лучшій ученикъ класса, и я подозрѣваю, что онъ былъ вызванъ къ доскѣ ради нашего посѣщенія.

Вообще же по словамъ моего спутника математика не процвѣтаетъ въ японскихъ среднихъ школахъ, кромѣ спеціальныхъ. Тѣмъ болѣе видное мѣсто принадлежитъ рисованію, которое преподается какъ съ японской, такъ и съ европейской точки зрѣнія, съ изученіемъ перспективы, скелета и съ рисунками съ живой модели. Каждый годъ устраивается конкурсъ ученическихъ работъ, и нѣкоторые изъ премированныхъ рисунковъ такъ хороши, что я соблазнился и хотѣлъ пріобрѣсти ихъ для себя, но, разумѣется, оказалось, что ученическія работы не продаются. Двѣ или три картинки отличались даже простотой и реальнымъ направленіемъ, противорѣчившимъ общему причудливо-тонкому характеру японской живописи. Группа рыбаковъ на берегу у костра. Лица истощенныя и загрубѣвшія отъ вѣчнаго пребыванія подъ солнцемъ и вѣтромъ, грязные лохмотья одежды, некрасиво повисшей вокругъ коряваго темнокоричневаго тѣла съ мускулами, выступающими, какъ узлы веревокъ... Пожилой джинрикша везетъ старую японку по сельской дорогѣ... Двое гимназистовъ, зажавъ руками уши, сидятъ, склонившись надъ книжкой и долбятъ урокъ.

— Это новая мода! — неодобрительно сказалъ Тойогиса, останавливаясь передъ этими рисунками. Онъ былъ поклонникомъ старинной живописи и показывалъ мнѣ потомъ собраніе старинныхъ гравюръ, которое могло бы свести съ ума любого европейскаго коллекціонера.

— А какой предметъ важнѣе всего въ вашей школѣ? — спросилъ я своего спутника.

— А что вы думаете?—живо возразилъ онъ.—Конечно, классики, въ двойной системѣ!..

Я чуть не отскочилъ въ сторону. Мнѣ почудилось, что между нами встаетъ тощая тѣнь латиниста изъ чеховъ, съ пучкомъ экстемпоралій въ рукахъ.

Однако, почтенный учитель англійскаго языка говорилъ совсѣмъ о другомъ. Его двойная система состояла изъ японскихъ и китайскихъ нравственно-философскихъ писателей, изученіе которыхъ считается замѣняющимъ религіозное воспитаніе и цѣнится весьма высоко.

Китайскіе классики имѣютъ особаго учителя, хотя, какъ извѣстно,

для чтенія китайскихъ идеограммъ не требуется знаніе языка и для японскаго школьника, по мѣрѣ того, какъ онъ усваиваетъ себѣ систему этого письма, открывается одинаковая возможность читать японскія и китайскія книги.

Японскіе классики изучаются по подлинникамъ и хрестоматіямъ. Я попросилъ г. Тойогису перевести мнѣ, по его выбору, отрывокъ изъ хрестоматіи.

Онъ подумалъ немного и выбралъ статью о патріотизмѣ, предупредивъ, что это ни что иное, какъ журнальная статья, написанная десять лѣтъ тому назадъ однимъ изъ тогдашнихъ японскихъ министровъ и, вслѣдствіе своего необычайнаго краснорѣчія, уже зачисленная въ составъ японскихъ классиковъ и даже попавшая въ хрестоматію.

«Японія, несомнѣнно, первая страна въ мірѣ,—начиналось это замѣчательное произведеніе.—Мягкость ея климата, обиліе плодовъ природы, красота населенія, мужество, умъ и семейныя добродѣтели дѣлаютъ ее рѣдкостнымъ цвѣткомъ міра, брошеннымъ на соленый берегъ самого большого изъ земныхъ морей. (Злобная пословица тихоокеанскихъ англичанъ, напротивъ, утверждаетъ, что «въ Японіи плоды безъ вкуса, цвѣты безъ запаха и женщины безъ добродѣтели!»).

«И если другія страны соперничаютъ съ нею въ силѣ, то пальма граціи и красоты принадлежитъ, несомнѣнно, намъ. Спрашивается, что же мы должны сдѣлать для того, чтобы утвердить первенство Японіи если не на всемъ земномъ шарѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Азіи, занятыхъ соплеменными намъ монгольскими народами?..»

Далѣе въ видѣ средствъ, рекомендуется прилежное изученіе точныхъ и прикладныхъ наукъ и постоянное стремленіе къ совершенствованію, чтобы Японія умѣла производить все то, что производятъ чужія страны такъ же хорошо и даже лучше ихъ, и затѣмъ любовь къ японскому государству и въ частности къ микадо.

«Почему мы любимъ японское государство? — спрашиваетъ авторъ.— Мы любимъ его, потому что оно священно. Начало его простирается въ глубь вѣковъ, какъ будто оно вышло изъ нѣдръ океана вмѣстѣ съ самой японской землей. Мы любимъ его, потому что оно разумно. Оно ввело порядокъ и правосудіе, уничтожило произволъ и тиранію сильнаго надъ слабымъ...

«Мы любимъ его, потому что оно свободно. Оно мудро представляетъ намъ вѣрить, какъ вѣрится, говорить, какъ думается, собираться вмѣстѣ и управлять собственными дѣлами, поскольку мы умѣемъ и хотимъ. И только когда мы просимъ о помощи, оно является и помогаетъ...

«Поэтому японское государство есть лучшее изъ государствъ. Оно наша мать и отецъ, но мы любимъ его сильнѣе, чѣмъ собственныхъ кровныхъ!..»

Такова государственная религія, которой обучается юношество въ японскихъ школахъ.

Кромѣ англійскаго языка, алгебры и японско-китайскихъ классиковъ, въ гимназіи преподается также какъ и у насъ, геометрія и тригонометрія, исторія общая и японская, географія и даже философія, преимущественно по китайскимъ источникамъ. Много времени и вниманія удѣляется также гимнастикѣ и гимнастическимъ играмъ въ превосходно устроенномъ залѣ, гдѣ имѣются всѣ новинки учебной гимнастики. Между прочимъ при гимназіи издается ежегодникъ, гдѣ помѣщаются статьи учителей и лучшихъ учениковъ на любыя темы по ихъ свободному выбору.

Въ гимназіи Ніигата 550 учениковъ; ученье продолжается пять лѣтъ, но общее число классовъ четырнадцать, такъ какъ много параллельныхъ вѣтвей. Ученики поступаютъ сюда четырнадцатилѣтними юношами послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ элементарной школѣ, гдѣ дѣвочки и мальчики учатся вмѣстѣ. Для дѣтей школьнаго возраста обязательно, по крайней мѣрѣ, четырехлѣтнее посѣщеніе элементарной школы, почему общее число грамотныхъ достигаетъ 80%. При гимназіи устроенъ пансіонъ для иногородныхъ, въ которомъ живутъ 160 учениковъ. Мы осмотрѣли ихъ дортуары, столовую и залы для приготовленія уроковъ. Все было устроено очень чисто, но съ крайней простотой, соотвѣтствующей общему тону японской жизни. Зато и плата только восемь іенъ въ мѣсяцъ за полное содержаніе съ одеждой и учебными пособіями включительно. Плата за право ученія одиннадцать іенъ въ годъ.

Юноши, обучающіеся въ гимназіи, принадлежатъ исключительно къ среднему классу. Это дѣти чиновниковъ, торговцевъ, банкировъ, военныхъ офицеровъ. Крестьяне или рабочіе, даже изъ самыхъ способныхъ, попадаютъ въ среднюю школу очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что освобожденіе отъ платы за ученіе весьма затруднительно, а стипендій или даровыхъ мѣстъ въ пансіонѣ нѣтъ.

— Зачѣмъ рабочимъ такая школа?—сентенціозно объяснилъ мнѣ г. Тойогиса.—У нихъ есть прекрасныя элементарныя школы... а эта для насъ!..

Кромѣ гимназіи, въ Ніигата есть еще военное, морское и коммерческое училища и учительская семинарія, и каждое изъ этихъ четырехъ средне-учебныхъ заведеній имѣетъ болѣе двухсотъ учениковъ. Женская гимназія имѣетъ 280 ученицъ. Мы выразили желаніе осмотрѣть ее, тѣмъ болѣе, что она находится довольно близко отъ мужской и можно было разсчитывать застать еще послѣдніе уроки. Дѣйствительно, въ старшемъ классѣ шелъ урокъ химіи. Большой столъ былъ весь уставленъ склянками и химическими препаратами. Учитель, очень старый, обросшій сѣдыми волосами и, сверхъ обыкновенія, довольно грязный японецъ въ обтрепанномъ европейскомъ платьѣ, объяснялъ ученицамъ различіе свойствъ воздуха, кислорода и углекислоты при помощи наглядныхъ опытовъ. Онъ напомнилъ мнѣ стараго учителя физики,

который бывало окружалъ наши фамиліи въ журналѣ цѣлымъ частоколомъ единицъ.

Ученицы въ нарядныхъ кимонахъ съ широкимъ шелковымъ поясомъ внимательно слушали, протягивая впередъ любопытныя головки, украшенныя обычной прической въ видѣ развернутыхъ крыльевъ бабочки, проткнутыхъ металлической булавкой съ фарфоровой или серебряной головкой.

Въ слѣдующемъ классѣ, должно быть, вслѣдствіе закона противоположностей, происходилъ урокъ женскаго этикета. Учительница, пожилая и довольно безобразная японка, маленькая и сгорбившаяся, въ скромной сѣрой одеждѣ съ бумажнымъ вѣеромъ у пояса, производила непонятныя манипуляціи надъ цѣлой серіей мелкихъ вещицъ, необходимыхъ для японской вѣжливости, тутъ были тертый зеленый чай въ лакированной коробочкѣ, темныя зерна какого-то пахучаго вещества, жидкій бальзамъ въ бронзовой чашѣ, штофная салфетка, вышитая золотыми разводами.

Женская гимназія была обставлена лучше, чѣмъ мужская. Парты были сдѣланы въ видѣ мягкихъ креселъ и на лѣстницѣ стояли пальмы и бронзовыя скульптуры. Полы были тщательно налощены. Въ рекреаціонной залѣ у одной стѣны стояло фортепіано, у другой органъ. У каждаго инструмента группа дѣвочекъ съ увлеченіемъ занималась музыкой, т.-е. двѣ пары играли въ четыре руки, а остальныя стройно и искусно пѣли. Характеръ музыки былъ европейскій, ибо японская совсѣмъ не годится для фортепіано; впрочемъ, Тойогиса утверждалъ, что это все-таки сочиненіе японскихъ композиторовъ. При гимназіи имѣется прекрасно содержимый садъ. На большой центральной площадкѣ группа дѣвочекъ играла въ лаун-теннисъ. Въ своихъ яркихъ платьяхъ, съ широко развѣвающимися рукавами, онѣ походили на большихъ бабочекъ, граціозно перелетающихъ съ мѣста на мѣсто, и тонкая сѣтка, натянутая поперекъ площадки, какъ будто была назначена удерживать ихъ полетъ.

Кромѣ химіи и этикета, въ женской гимназіи преподаются тѣ же общеобразовательные предметы, что и въ мужской; но рядомъ съ ними очень большое мѣсто отведено женскимъ работамъ, кройкѣ и шитью, вышиванію по полотну и шелку. Рисованіе преподается не менѣе тщательно и въ художественномъ исполненіи японскія женщины не уступаютъ мужчинамъ. Не мѣшаетъ отмѣтить еще, что гимнастическій залъ прекрасно устроенъ, и дѣвочки регулярно занимаются упражненіями въ особыхъ гимнастическихъ костюмахъ.

При гимназіи есть пансіонъ на семьдесятъ ученицъ съ тою же платой восемь іенъ въ мѣсяцъ. Директоръ и два секретаря гимназіи мужчины; изъ общаго числа учителей семеро мужчинъ и шесть женщинъ. Мужскіе учителя, разумѣется, преподаютъ «серьезные» предметы, а женщины—вышиваніе, шитье, рисованіе, этикетъ.

Гимназія существуетъ сравнительно недавно и имѣетъ четыре класса при семи отдѣленіяхъ; но послѣдній четвертый классъ еще не открытъ.

Къ двумъ часамъ пополудни стало такъ жарко, что даже мой японскій спутникъ почувствовалъ изнеможеніе и, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ нами, какъ было условлено, въ буддійскій храмъ, предложилъ зайти къ нему домой и переждать самые тяжелые часы дня. Онъ жилъ въ двухъ шагахъ, въ небольшомъ, но благоустроенномъ домикѣ, наемъ котораго стоилъ ему вмѣстѣ съ садомъ семь рублей въ мѣсяцъ. Онъ, впрочемъ, жаловался на дороговизну и сѣтовалъ на то, что квартирная плата растетъ въ Ніигата съ невѣроятной быстротой. Конечно, все его жалованье составляло шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ онъ еще умудрялся откладывать ежемѣсячно двадцать рублей. Тѣмъ не менѣе, домашняя обстановка не обнаруживала скудости. Комнаты были уставлены дорогими лакированными вещами, а въ ящикахъ скрывались цѣлыя сокровища гравюръ, вышивокъ, рукописныхъ книгъ. Положимъ, имѣя такъ мало расходовъ на пищу и одежду, можно украсить свое жилище даже при самыхъ ничтожныхъ доходахъ. Обѣдъ, которымъ онъ насъ угостилъ, былъ совершенно воздушенъ, почти призраченъ, какъ будто мы обѣдали во снѣ.

— Въ японскомъ обѣдѣ цѣнится стиль,—говорилъ намъ въ утѣшеніе любезный хозяинъ,—и стиль этотъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ Европѣ.

Послѣ обѣда хозяйка попросила своего супруга объяснить мнѣ что она православной вѣры и въ подтвержденіе принесла карточку православнаго епископа Японіи Николая.

— У меня еще русское имя есть,—объяснила она,—но я его забыла. Вы прочтите и скажите мнѣ. А по-японски меня зовутъ Ано-то-Санъ (госпожа Аното).—На карточкѣ было написано: «возлюбленной Евфросиніи отъ епископа Николая». Супруга г. Тойогиса происходила изъ Токіо, гдѣ сосредоточена большая часть дѣятельности православныхъ миссій, но въ Ніигата не было ни православной общины, ни церкви, и новокрещенная Евфросинія, къ сожалѣнію, ничѣмъ не могла проявить своего религіознаго усердія.

— А вы тоже христіанинъ?—спросилъ я г. Тойогису.

— Мнѣ это не нужно!—спокойно отвѣчалъ онъ.—А у нея есть собственный умъ...—и онъ указалъ глазами на жену, которая, сидя на корточкахъ въ самой японской позѣ мыла для дессерта груши изъ собственнаго сада.

Въ головѣ моей мелькнула мысль, насколько, въ сущности, чуждо и непонятно мнѣ состояніе души этой молчаливой темнолицей женщины, которая, сохранивъ всѣ свои японскія привычки, почувствовала потребность покинуть домашнихъ боговъ, унаслѣдованныхъ отъ матери и бабки, для чужеземной религіи, послѣдній очагъ которой отстоитъ на

всю ширину японской страны отъ этого уединеннаго западнаго города.

— А какъ вы думаете?—спросилъ я Тойогису.—Можетъ ли христіанство разсчитывать на успѣхъ въ Японіи?..

— Конечно, нѣтъ! — оквѣтилъ онъ, не колеблясь. — Зачѣмъ намъ брать чужую вѣру?..

— Взяли же вы чужую науку!—возразилъ я.

— То наука!—сказалъ Тойогиса. — А вѣра у насъ и своя есть!.. Кромѣ того, я читалъ вамъ сегодня объ этомъ... Хорошая нравственность—вотъ настоящая японская вѣра!..

Меня интересовало состояніе японской переводной литературы сравнительно съ русскою.

— У насъ переведено все нужное! — сказалъ мнѣ г. Тойогиса.— Научныя книги, философія, исторія, Спенсеръ, Миль, Кантъ... Даже новинки по этой части не остаются безъ вниманія и по возможности переводятся тотчасъ же. Вотъ недавно стали переводить Рёскина.

— А изящная литература какъ?—спросилъ я.

— Изящная литература—пустяки!—спокойно сказалъ Тойогиса.— На что намъ ваши романы?.. Да у насъ и свои есть...

— А Шекспиръ переведенъ?

— Нѣтъ! — сухо отвѣтилъ Тойогиса. — Только нѣсколько отрывковъ. Намъ это не нужно. Литература есть работа, а не самоуслажденіе..

Это напоминало состояніе русской литературы при Петрѣ, когда рядомъ съ навигацкой наукой переводился Пуффендорфъ, а для изящной литературы не было времени.

Впрочемъ, я не думаю, чтобы сообщенія г. Тойогисы были совершенно точны. По крайней мѣрѣ, въ Токіо существуетъ издательская фирма, которая находитъ выгоднымъ перепечатывать англійскіе романы и сочиненія по литературной критикѣ. Въ Японіи, стало быть, находится достаточно читателей, чтобы раскупать эти книги въ подлинникѣ.

Г. Тойогиса, разумѣется, былъ пламеннымъ патріотомъ своего отечества.

— Наша главная бѣда,—жаловался онъ,—тѣсно, мѣста мало!.. Народу много, а извлекать доходы не изъ чего. Поэтому мы до сихъ поръ—бѣдная страна... Однако, мало по-малу мы все-таки богатѣемъ!—утверждалъ онъ.—Промышленныя предпріятія растутъ и земледѣліе тоже улучшается, несмотря на послѣдній кризисъ. По статистическимъ даннымъ народная пища улучшается. По даннымъ о состояніи новобранцевъ, ростъ и вѣсъ молодого поколѣнія постоянно увеличивается... Только бы намъ найти хорошую территорію для колоній, — мы бы быстро достигли процвѣтанія!—прибавилъ онъ напряженно глядя мнѣ въ глаза, какъ

будто отъ меня зависѣло тотчасъ же отвести Японіи кусокъ азіатскаго материка для колонизаціи.

Г. Тойогиса, конечно, думалъ о Кореѣ, которую Японія крѣпко облюбовала и низачто не хочетъ выпустить изъ рукъ.

Г. Тойогиса, разумѣется, очень интересовался Россіей и русскими владѣніями на противоположномъ берегу Японскаго моря.

— Въ прошломъ году я посѣтилъ Владивостокъ — разсказывалъ онъ мнѣ.—Интересный городъ, только ужъ черезчуръ много китайцевъ. Я тоже, какъ вотъ и вы, хотѣлъ осмотрѣть учебныя заведенія— продолжалъ онъ,—но нашелъ только двѣ, одну гимназію и одну низшую школу.

— Развѣ во Владивостокѣ больше нѣтъ? — прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой.—Или я худо искалъ?..

Я дипломатично отвѣтилъ, что, въ сущности, Владивостокъ не русскій, а азіатскій городъ.

— Ну, такъ я поѣду въ Россію!—съ дѣтской живостью возразилъ Тойогиса.—Пусть только достроятъ Сибирскую дорогу!.. Дайте мнѣ вашъ адресъ, я приду къ вамъ въ Петербургѣ.

Не безъ сожалѣнія разстались мы съ гостепріимнымъ японскимъ учителемъ.

— Непремѣнно поѣду въ Россію!—повторялъ онъ.—Я скопилъ нѣсколько сотъ рублей, но не прочь истратить ихъ, чтобы узнать что-нибудь новое... Мнѣ тридцать три года, но мы, японцы, думаемъ, что учиться новому хорошо во всякомъ возрастѣ. Не такъ ли?..

Мы рѣшительно стали собираться на пароходъ.

— Напишите мнѣ одинъ разъ изъ Петербурга,—попросилъ Тойогиса,—чтобы я былъ увѣренъ, что вы сохранили о Японіи пріятное воспоминаніе.

Это была внезапная вспышка импульсивности, которая иногда придаетъ совсѣмъ дѣтскій характеръ поведенію этихъ способныхъ учениковъ европейской культуры, которые такъ быстро стали самостоятельными, что не мѣшаетъ имъ прекрасно обдѣлывать свои общественныя и личныя дѣла.

Мы еще разъ повторили, что сохранимъ о Японіи вообще и о Нійгата въ частности самое пріятное воспоминаніе, и окончательно распрощались съ г. Тойогисой.

Танъ

ДВА СТРАННИКА.

Кто онъ? Повѣдай мнѣ, о странникъ! Много разъ
У этихъ водъ, на берегу далекомъ,
Молился онъ въ раздумiи глубокомъ
И ночь благословлялъ, не замѣчая насъ.
Слова его мольбы—необычайны;
Нездѣшняя печаль въ напѣвѣ ихъ звучитъ.
Его усталый взоръ ласкаетъ и грозитъ,
Исполненный любви, грѣха и тайны.
Кто онъ? Какiе сны онъ видитъ въ вышинѣ?
Въ какую даль стремится и откуда?
Я спрашивалъ людей... Одни кричали мнѣ:
„Избранникъ онъ, дитя небесъ и чуда,
Его устами Богъ пророчитъ о любви.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
Тебя утѣшитъ онъ отраднымъ пѣньемъ,
Мечтой заворожитъ страданiя твои.“
„Онъ мученикъ,—другiе отвѣчали,—
Гонимый завистью и злобою людской.
Иди къ нему. Пойми его печали.
Утѣшь его тоску отзывною тоской...“
И я хотѣлъ идти къ нему смиренно,
Чтобъ сердце передъ нимъ довѣрчиво раскрыть,
И я хотѣлъ всю скорбь души его испить,
Какъ жгучiй ядъ изъ чаши драгоцѣнной.
Но чьи-то голоса мнѣ прошептали: „Нѣтъ!
Не вѣрь ему. Волшебникъ онъ лукавый
И лжецъ“...
О странникъ, судъ людей былъ правый.
Я узнаю его. Тотъ избранный—поэтъ.
Иди къ нему. Онъ тотъ, кто жизнь даруетъ
Неяснымъ образамъ, витающимъ надъ нимъ,
Кого съ тоской любви безшумный серафимъ
Въ уста, какъ другъ таинственный, цѣлуетъ.
Иди къ нему. Онъ мученикъ невольныхъ грезъ,
Предчувствiй и надеждъ невыразимыхъ,
Онъ мученикъ тревогъ непримиримыхъ
И безотвѣтныхъ думъ, и безпричинныхъ слезъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
И если ты, какъ онъ, усталый и больной
Томишься на землѣ тоскою неземной—

То можетъ быть, насытивъ грудь мученьемъ,
Въ мученіи ты найдешь отраду и покой...
Но если ты томимъ великой жаждой
Борьбы и подвиговъ, волненій и страстей,
Но если мракъ и трепетъ жизни каждой
Сливаются съ душой отзывчивой твоей,
И если можешь ты, безъ сожалѣнья,
Безъ ужаса, сказать: для жизни жизнь дана,
И улыбаться ей, и пить ее до дна,
До глубины послѣдняго мгновенья—
Тогда живи безъ грезъ; отдайся весь борьбѣ
За счастье и за жизнь. Твоей земной судьбѣ
Не нуженъ рай, поэта рай чудесный.
Поэта манитъ призракъ безтѣлесный,
Обрывы мертвые влекутъ его къ себѣ...
О странникъ, знай: когда онъ воспѣваетъ
Рѣчами страстными любви могучій бредъ,
Когда земную скорбь отъ мелочныхъ суетъ
Онъ къ жалости священной призываетъ—
Быть можетъ, дальше онъ отъ жизни и людей,
Чѣмъ Богомъ и людьми отверженный злодѣй.
Ни жалости, ни гнѣва онъ не знаетъ.
И кто бы ни былъ онъ, безумецъ иль герой,
Отъ первыхъ чистыхъ думъ и до могилы
Поэтъ—безсильный рабъ великой силы,
Владѣющей его испуганной душой.

О странникъ! Въ небесахъ непостижимыхъ
Есть звѣзды дальнія, чужія для земли.
Глубокія моря волнуются вдали,
У береговъ, земнымъ очамъ незримыхъ.
Поэтъ—дрожащій лучъ тѣхъ призрачныхъ міровъ,
Упавшій къ намъ слезой любви и горя.
Поэтъ—волна таинственнаго моря,
Забытая Творцомъ у нашихъ береговъ.
И оттого, въ тиши своихъ страданій
Внимая голосамъ неслышнымъ никому,
Онъ вызываетъ міръ воспоминаній
Изъ смутной глубины, невѣдомой ему.
И оттого, блуждая думой плѣнной
Въ холодномъ царствѣ сновъ, онъ вѣчно одинокъ,
И оттого въ часъ скорби вдохновенной
Онъ плачетъ какъ дитя и грезитъ какъ пророкъ...

Сергѣй Маковскій.

НА ПОВОРОТѢ.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе* *).

XI.

На слѣдующій день съ утра пошелъ дождь. Низкія черныя тучи бѣжали по небу, дулъ сильный вѣтеръ. Садъ вылъ и шумѣлъ, въ воздухѣ кружились мокрые, желтые листья, въ аллеяхъ стояли лужи. Глянуло непривѣтливою осенью. На ступенькахъ крыльца чернѣла грязь отъ очищаемыхъ ногъ, всѣ были въ теплой одеждѣ.

Насталъ вечеръ. Отъужинали. Непогода усиливалась. Въ саду стоялъ глухой, могучій гулъ, въ печныхъ трубахъ свистѣло, на крышѣ сарая полуоторванный желѣзный листъ звякалъ и трепался подъ вѣтромъ. Конкордія Сергѣевна, въ поношенной блузѣ и съ косынкою на рѣдкихъ волосахъ, укладывала въ спальнѣ бѣлье въ разставленные на полу чемоданы и корзины: на-дняхъ Катя уѣзжала въ гимназію. Горничная Дашка, зѣвая и почесывая лохматую голову, подавала Конкордіи Сергѣевнѣ изъ бѣльевой корзины выглаженныя женскія рубашки, юбки и простыни.

Варвара Васильевна, Токаревъ, Сергѣй и Катя сидѣли въ столовой. На большомъ обѣденномъ столѣ горѣла лампа, скатерть съ неприбранной послѣ ужина посудой была усѣяна хлѣбными корками и крошками. Сергѣй, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ, сидѣлъ на окнѣ, засунувъ руки между колѣнъ, и хмуро смотрѣлъ въ уголъ.

— Ахъ, ты, гадость какая!—съ отвращеніемъ произнесъ онъ и, вставъ, зашагалъ по комнатѣ.—Какъ паскудно на душѣ! Ну, и компанія же была у насъ вчера!.. У-у, эти взрослые люди!..

Онъ остановился передъ столомъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль. 1902 г.

— Взрослые, „почтенные“... Всю жизнь корпятъ, „трудятся“, и даже не спросятъ себя, кому и на что нуженъ ихъ трудъ. Важно только одно,—чтобъ „заработать“ побольше, чтобъ можно было съ своею семьею *жить*... А для чего жить?.. А вечеромъ съѣдутся и съ тѣмъ же важнымъ, почтеннымъ видомъ цѣлыми часами бросаютъ на столъ раскрашенныя картонки. И вѣдь всѣ ужасно уважаютъ себя,—какое сознаніе собственнаго достоинства, какая важность, какая увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь! Въ головѣ—пара дрянненькихъ идеекъ, высохшихъ, какъ залежавшійся лимонъ, и это—„установившіеся взгляды“; зачѣмъ думать, и искать? Вѣдь это положительно собраніе какихъ-то животныхъ,—тупыхъ, самодовольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся. И среди этихъ животныхъ—„люди“: докторъ, покорно преклоняющійся передъ всякою подлостью, хотя и понимаетъ, что это подлость, Будиновскій съ его великолѣпнымъ либерализмомъ... Я его себѣ иначе теперь не могу представить: жена сидитъ, читаетъ ему умную книжку, а онъ слушаетъ и... рисуетъ лошадиныя головки. Вѣдь въ этихъ лошадиныхъ головкахъ онъ весь цѣликомъ, со всею силою своихъ идеаловъ и умственныхъ запросовъ... Брр!..

Сергѣй передернулъ плечами и медленно зашагалъ по столовой. Токаревъ стоялъ у печки и крутилъ свою бородку, испытывая къ Сергѣю глухое, все возраставшее раздраженіе.

— Меня, Сергѣй Васильевичъ, удивляетъ одно,—заговорилъ онъ.—Вы преисполнены ужаснымъ презрѣніемъ къ бывшимъ у насъ вчера взрослымъ людямъ. Они не удовлетворяютъ вашему представленію о человѣкѣ,—страстно ищущемъ, смѣломъ, не дрожащемъ за себя и свое благополучіе. Вы въ этомъ совершенно правы, но только... Развѣ у насъ вчера были какіе-нибудь особенные „взрослые люди“, а не самые обыкновенные? Въ общемъ, взрослые люди всѣ таковы, и надъ этимъ стоитъ задуматься. Возьмите хоть такую вещь: среди своихъ сверстниковъ вы, навѣрное, уважаете множество лицъ, среди же „взрослыхъ“ людей лишь трехъ-четырехъ, и то вы ихъ уважаете условно. Вѣдь правда?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ. У меня тоже было много сверстниковъ, заслуживавшихъ глубокаго уваженія, а теперь... теперь они уваженія не заслуживаютъ. Какая этому причина? Та, что двадцать лѣтъ есть не тридцать и не сорокъ, больше ничего. Вамъ двадцать два года. Эко чудо, что у васъ кровь кипитъ, что вамъ хочется подвиговъ, „грозы“, самоотверженной дѣятельности, что вы жадно ищете знаній! Въ вашъ возрастъ все это вполнѣ естественно. Но это вовсе не даетъ вамъ права такъ презирать другихъ людей и такъ уважать себя. Вотъ останьтесь такимъ до сорока лѣтъ,—тогда уважайте себя!

— Мнѣ кажется, изъ вашихъ словъ вытекаетъ не этотъ выводъ,—сдержанно возразилъ Сергѣй.—Когда я *перестану* быть „такимъ“, то я и долженъ перестать уважать себя.

— Нѣтъ, не то! Я говорю, что нужно имѣть *право* предъявлять извѣстныя требованія, хотя бы и самыя законныя, а вы такого права не имѣете. Если десятилѣтній мальчикъ станетъ проповѣдывать взрослому человѣку идеи „Крейцеровой Сонаты“, то мнѣ будетъ только смѣшно, хотя я могу вполнѣ сочувствовать его проповѣди. Какъ можетъ онъ упрекать людей, если *физіологически* не способенъ понять, что такое страсть? Я буду слушать его и думать: погоди, братъ, доживи до двадцати лѣтъ, и тогда мы тебя послушаемъ. То же самое и относительно васъ: я думаю, что вамъ съ вашимъ презрѣніемъ слѣдовало бы подождать лѣтъ пятнадцать-двадцать.

Сергѣй, сгорбившись, сидѣлъ на окнѣ и, раскачивая ногами, съ любопытствомъ смотрѣлъ на Токарева.

— Жизнь человѣка, его душа—это страшная и таинственная вещь!—взволнованно продолжалъ Токаревъ. — За маленькимъ узкимъ сознаніемъ человѣка стоятъ смутныя, громадныя и непреоборимыя силы; эти-то постоянно мѣняющіяся силы и формируютъ сознаніе, а человѣкъ воображаетъ, что онъ своимъ сознаніемъ формируетъ и способенъ формировать эти силы... Въ чемъ другомъ, но въ этомъ, мнѣ кажется, невозможно сомнѣваться, и съ фактомъ этимъ приходится мириться. И я лично, напротивъ, глубоко преклоняюсь передъ тѣми людьми, которыхъ вы такъ презираете: у нихъ чувство долга, по крайней мѣрѣ, хоть до извѣстной степени регулируетъ и направляетъ эти темныя силы, и тутъ нельзя говорить: „либо все, либо ничего“, а нужно быть глубоко благодарнымъ просто за „что-нибудь“.

— Какъ легко и уютно жить съ такою моралью,—я вамъ положительно завидую!—проговорилъ Сергѣй, качая головою и продолжая смотрѣть на Токарева взглядомъ, отъ котораго ему было неловко.—И другихъ можно „глубоко уважать“ за ломаный грошъ, да и... самому весь свой основной капиталъ можно ограничить такимъ же грошомъ.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, на личности, я думаю, можно бы и не переходить!—рѣшительно и быстро произнесъ Токаревъ.

— То-есть, позвольте! Вы же сами все время доказываете, что мнѣ всего двадцать лѣтъ; въ правѣ же и я сказать, что вамъ... перевалило за тридцать!—съ усмѣшкою возразилъ Сергѣй.

— Да, мнѣ перевалило за тридцать. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Къ *себѣ* я могу и даже обязанъ предъявлять самыя высокія требованія, всю жизнь свою я могу оковать долгомъ, но это не освобождаетъ меня отъ обязанности относиться къ дру-

гимъ терпимо и снисходительно; я понимаю, что жить порядочнымъ человѣкомъ не такъ легко, какъ птицѣ пѣть пѣсни, и что тотъ, кто съ собою борется, кто старается не потерять изъ глазъ идеала, заслуживаетъ уваженія, а не презрѣнія. Я даже больше скажу:наша прямолинейная требовательность, наша ненависть къ компромиссамъ тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это—спеціально-русская черта, совершенно непонятная европейцу. Лежитъ куча кирпичей. Европеецъ беретъ изъ нея столько, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за нимъ съ презрительной усмѣшкой: „смотрите какой филистеръ,—несетъ всего дюжину кирпичей!“ Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ себѣ на плечи всю кучу;онъ еле идетъ, ноги его подгибаются, и онъ, наконецъ, падаетъ,—надорвавшійся, на смерть раздавленный нечеловѣческою тяжестью. Вотъ это герой!.. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу, и опять-таки, конечно, всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ тяжелою грудою: онъ—не работникъ, онъ—лишній человѣкъ,—и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю. Вѣдь такое отношеніе къ дѣлу мы видимъ у насъ во всемъ. У каждаго надъ головою виситъ альтернатива: „либо герой, либо подлецъ“, середины между этимъ для насъ нѣтъ.

— Ну, теперь мнѣ все совершенно ясно!—протянулъ Сергѣй.—О, да! Удобнѣе всего, конечно, помѣститься въ центрѣ вашей альтернативы,—дескать, ни герой, ни подлецъ, заполучить тепленькое мѣстечко въ надежномъ учрежденіи и дѣлать „посильное дѣло“, жертвуя старые журналы въ народную библіотеку... Но неужели вы, Владиміръ Николаевичъ, не замѣчаете, что вы полный банкротъ?—вдругъ сказалъ онъ, поднявъ на Токарева тяжелый взглядъ.

— Сережа, это, наконецъ, гадко!—въ негодованіи воскликнула Варвара Васильевна.—Для чего ты постоянно сейчасъ же сворачиваешь на личности?

— Чортъ возьми, да мнѣ вовсе не интересенъ теоретическій разговоръ!—огрызнулся Сергѣй.—Всѣ любящіе папаши говорятъ то же самое! Меня все время интересуетъ лишь самъ Владиміръ Николаевичъ, о которомъ я раньше имѣлъ совершенно другое представленіе.

— Ну, знаете, въ такомъ случаѣ мы лучше прекратимъ разговоръ,—сдержанно произнесъ Токаревъ и молча заходилъ по комнатѣ.

Варвара Васильевна, потемнѣвъ, смотрѣла на Сергѣя, стараясь остановить его взглядомъ.

— Разныя бываютъ историческія эпохи, — спокойно загово-

рилъ Сергѣй, какъ будто ничего не произошло.—Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ. Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо—банкротъ, и иди на смарку.

Токаревъ, напѣвая подъ-носъ, ходилъ по комнатѣ, показывая, что онъ не слушаетъ Сергѣя и считаетъ разговоръ конченымъ. Остальные тоже молчали, съ осужденіемъ глядя на Сергѣя.

— Оо-ох-хо-хо! — зѣвнулъ Сергѣй и потянулся, заложивъ руки за спину.

— Сережа, осторожнѣе! Продавишь локтемъ стекло,—замѣтила Катя.

Сергѣй помолчалъ; глаза его странно и весело заблестѣли.

— А что, вышибу я сейчасъ стекло или нѣтъ? — спросилъ онъ, высоко поднявъ брови, и лицо его отъ этого стало совсѣмъ дѣтскимъ.

— Ну, братъ, пожалуйста! Чего добраго, ты и вправду вышибешь!—сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй, все такъ же поднявъ брови, съ выжидающею усмѣшкою глядѣлъ на Варвару Васильевну—и вдругъ быстро двинулъ локтемъ. Осколки стекла со звономъ посыпались за окно; сырой вѣтеръ бѣшено ворвался въ комнату, пламя лампы мигнуло и длиннымъ, коптящимъ языкомъ забилось въ стеклѣ.

— Господи, Сережа, вѣдь это же невозможно!—воскликнула Варвара Васильевна. Она поспѣшно схватила лампу и отодвинула ее въ уголъ.

Токаревъ остановился, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ Сергѣя и, пожавъ плечами, снова заходилъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Для чего я это сдѣлалъ?—съ сконфуженною улыбкою произнесъ Сергѣй и почесалъ въ затылкѣ.—Ну, ничего, Варварка, не огорчайся! Мы сейчасъ все это дѣло поправимъ!

Онъ быстро выбросилъ въ садъ осколки стекла, взялъ съ дивана порыжѣлую кожаную подушку и заставилъ ею окно.

— Видишь, еще лучше: все таки хоть немножко вентиляція будетъ происходить,—сказалъ онъ, стараясь говорить шутливымъ тономъ.

— Что это у васъ тутъ за война? — недовольно спросила Конкордія Сергѣевна, входя въ столовую.

— Войны, мама, никакой не было,—отвѣтилъ Сергѣй.—Это я хотѣлъ испытать, крѣпки ли у насъ стекла въ окнахъ; оказывается, никуда не годятся,—представь себѣ!

— Окошко разбилъ? Господи ты мой Боже! Ну, что это!—Конкордія Сергѣевна, ворча, подошла къ разбитому окну.—Словно мальчикъ какой маленькій! Разыгрался!

— Ничего, мама, завтра покрѣпче стекло вставимъ!—сказалъ Сергѣй, обнимая ее.—А что, дашь ты намъ попробовать пастилы, которую сегодня варила?

— Ишь, увивается!—засмѣялась Катя.

— Не будетъ тебѣ пастилы, не стоишь!—съ сердитою улыбкою отвѣтила Конкордія Сергѣевна.—Вы, дѣтки, ступайте изъ столовой; вонъ какъ въ окно дуетъ, еще простудитесь!.. И какъ это такъ можно? Вѣдь стекло денегъ стоитъ! Не маленькій, могъ бы понять. Тридцать-сорокъ копѣекъ надо отдать... Пастила еще не остыла, на холодъ поставлена,—прибавила она уходя.

Сергѣй молча постоялъ и тоже вышелъ.

— Что за странный человѣкъ!—сказалъ Токаревъ, пожавъ плечами.

— Ему что-то сегодня не по себѣ,—грустно произнесла Катя и съ безпокойствомъ взглянула на Варвару Васильевну. — Я боюсь,—что, если съ нимъ сегодня опять что-нибудь случится?

— Ужасно онъ нервный!—проговорила Варвара Васильевна.— Чтобы вправду чего-нибудь сегодня не случилось съ нимъ! А тутъ еще вѣтеръ такъ фантастически гудитъ...

XII.

Сергѣй вышелъ изъ столовой и медленно прошелъ черезъ большую, темную залу въ гостиную; въ ней тоже было темно. Сергѣй постоялъ посреди комнаты, подошелъ къ столу и опустился въ неудобное старинное кресло съ выгнутою спинкою. Съ самаго утра имъ сегодня владѣла тупая, мутная тоска; была противна погода, были противны вчерашніе гости, а всего противнѣе было то, что онъ не можетъ стряхнуть съ себя этой охватившей его тоски; раздражительная и злобная, она росла, поднималась и охватывала его, словно какія-то душныя испаренія. Сергѣй сидѣлъ, положивъ локоть на спинку кресла, и съ отвращеніемъ наблюдалъ, какъ въ его душѣ шевелилась и дрожала эта темная нервная муть, надъ которою онъ былъ невластенъ. Токаревъ сейчасъ тоже говорилъ о „смутныхъ, неподвластныхъ человѣку силахъ, которыя формируютъ сознаніе“... О, этотъ человѣчекъ съ отростающимъ животикомъ и начинающеюся лысиною,—онъ все сумѣетъ повернуть на оправданіе своей заплывающей жиромъ души... И Сергѣй гадливо морщился отъ мысли, что у него можетъ быть хоть что-нибудь общее съ этимъ человѣкомъ.

Въ большой, высокой гостиной было темно, и только свѣтлѣли огромныя окна. Вѣтеръ гудѣлъ не переставая, тучи быстро бѣжали надъ садомъ; черныя вершины деревьевъ бились и мета-

лись подъ вѣтромъ. Стеклянная дверь террасы звякнула, и ей въ отвѣтъ слабо, болѣзненно зазвенѣла струна въ роялѣ.

Сергѣй вздрогнулъ и оглядѣлся. Онъ услышалъ этотъ неумолчный, глухой гулъ вѣтра; гулъ былъ тамъ, снаружи, а кругомъ стояла могильная тишина, и только стѣнные часы въ залѣ какъ-то особенно громко тикали; но въ этой тишинѣ все какъ будто жило и таинственно двигалось... Опять звякнуло стекло, что-то невидимое со вздохомъ пронеслось въ темнотѣ черезъ комнату и исчезло за шкафомъ; дверь въ залу слабо скрипнула и зашевелилась. За окномъ, на фонѣ блѣднаго ночного неба, какъ живая, испуганно билась вѣтка. Сергѣю стало жутко. Онъ всталъ и вышелъ изъ гостиной, боясь оглянуться.

Въ столовой еще горѣлъ огонь; у стола, тихо разговаривая, сидѣли Токаревъ и Варвара Васильевна. Сергѣй прошелъ по коридору въ комнату матери. Конкордія Сергѣевна рѣзала на блюдѣ свѣже-сваренную яблочную пастилу и укладывала ее въ банки. У окна, заставленнаго бутылями съ наливкою и ягоднымъ уксусомъ, стояла Катя.

— Ну, вотъ, теперь вамъ всѣмъ до самыхъ святокъ припасовъ хватитъ!—сказала Конкордія Сергѣевна. — Посмотри, Сереженька, какая пастила,—какъ янтарь! Попробуй-ка!

Сергѣй молча взялъ кусокъ и съѣлъ.

— А ветчину дашь?—коротко спросилъ онъ, чтобы что нибудь сказать.

— Какъ же! Сегодня утромъ четыре окорока отослала коптить въ городъ... Ну, слава Богу, все уложила!

Конкордія Сергѣевна стала увязывать банки. Катя съ робкимъ безпокойствомъ украдкою слѣдила за Сергѣемъ.

— Какъ вѣтеръ-то гудитъ!—помолчавъ, заговорила Конкордія Сергѣевна.—А рамы всѣ въ щеляхъ, ни одна плотно не закрывается, на стеклахъ всю замазку галки оклевали... Да! Вотъ еще что, дѣтки: колбасы я вамъ положу двухъ сортовъ,—польскія и просто жареныя; жареныя вы ѣшьте раньше, онѣ скоро портятся. Ихъ можно ѣсть холодными, но, если разогрѣть, то, конечно, будетъ вкуснѣе. Ѣшьте съ горчицей, это будетъ здоровѣе для желудка.

Сергѣй, съ неподвижными глазами, постоялъ еще немного и молча вышелъ.

— Сережа, ты куда идешь?—спросила Катя.

— Наверхъ къ себѣ.

— Можно съ тобой?

Сергѣй замѣтилъ ея любящій, полный безпокойства взглядъ.

— Что тебѣ тамъ надо?—рѣзко сказалъ онъ.

Катя замолчала.

Сергѣй вышелъ изъ комнаты, прошелъ темный коридоръ, переднюю, и по узкой, высокой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ.

Наверху было темно, и въ этой темнотѣ такъ же, какъ въ гостиной, все жило и двигалось. Вѣтеръ въ саду гудѣлъ глухо и непрерывно, то усиливаясь, то ослабѣвая; на дворѣ отрывисто лаяла собака, словно прислушиваясь къ собственному лаю, и заканчивала протяжнымъ воемъ; полуоторванный желѣзный листъ звякалъ на крышѣ сарая. Сергѣй остановился посреди комнаты, медленно дыша и пристально вглядываясь въ темноту.

Снаружи что-то невидимое зашуршало по стѣнѣ и быстро пронеслось передъ окнами; въ углу у окна раздалось слабое жалобное гудѣніе. Это гудѣніе постепенно становилось все громче. Снова что-то съ шумомъ пронеслось передъ окнами, вѣтеръ яростно налетѣлъ изъ сада на домъ; стѣна затрещала. А въ углу ныло все сильнѣе, отчаяннѣе; теперь тамъ ясно слышались живые, какъ будто человѣческіе стоны. Сергѣй сталъ осторожно вглядываться въ уголъ и вдругъ замѣтилъ, что въ правомъ окнѣ створки какъ-то странно стучатъ,—слабо, порывисто и неправильно; какъ будто кто-то, подлетѣвъ снаружи, старался открыть окно, нетерпѣливо ерзая по переплету. Сергѣй стоялъ, широко открытыми глазами вглядываясь въ окно,—и вдругъ, вздрогнувъ, отскочилъ назадъ: въ щелку рамы раздался злобный, шипящій свистъ...

— Это вѣтеръ!—успокаивалъ себя Сергѣй, задыхаясь.

А снаружи бѣшено выло и свистало, стѣна колебалась... И вдругъ, сразу, все оборвалось и замолчало. Только далеко гудѣлъ садъ,—глухо и утомленно.

Стало тихо. Смутный ужасъ все сильнѣе охватывалъ Сергѣя. Средь мертвой тишины сзади, въ темномъ углу, кто-то невидимый спокойно сплюнулъ. Сергѣй быстро обернулся: это капнула на полъ капля изъ рукомойника, подъ который забыли подставить тазъ. Опять что-то легкое пронеслось за окнами, и опять слабо, чуть слышно заныло что-то въ углу. Гулъ сада росъ, усиливался, становился ближе; какъ будто могучая сила неслась изъ сада на домъ. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться странные, неясные звуки, и Сергѣй ужъ не успѣвалъ ихъ объяснять. Окружающее принимало необычный, сверхъестественный характеръ. У окна слабо шевелилось что-то сѣрое, волнующееся, сзади кто-то тяжело дышалъ, въ темнотѣ быстро проносились синеватыя искры. Сергѣю тѣснило грудь, у него не хватало дыханія; ужасъ,—безумный, неразсуждающій и тянущій къ себѣ,—оковалъ его; и Сергѣю казалось,—стоитъ ему шевельнуться, и случится нѣчто неслыханное, и онъ, потерявъ разумъ, полетитъ въ какую-то темную, крутящуюся бездну.

XIII.

Токаревъ и Варвара Васильевна сидѣли вдвоемъ въ столовой. Лампа освѣщала скатерть и неприбранныя тарелки съ объѣдками. Въ саду бушевалъ вѣтеръ, въ разбитое окно, заставленное подушкою, дуло сырымъ холодомъ.

— Вы сказали тогда, — говорила Варвара Васильевна, — что за маленькою душою человѣка стоятъ смутныя и громадныя силы, которыя дѣлаютъ съ нами, что хотятъ. Это такъ страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять.

— Я ужъ нѣсколько лѣтъ замѣчаю это на самой себѣ. Что такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева; ея форма, весь ея наружный видъ, — все какъ будто остается прежнимъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось; взгляды, цѣли, стремленія, — все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ...

Токаревъ медленно расхаживалъ по комнатѣ и съ удивленіемъ слушалъ Варвару Васильевну: онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ она переживала что-либо подобное. И отъ ея признаній у него въ душѣ поднималось что-то облегчающее и радостное, и Варвара Васильевна становилась ему ближе.

— И что дѣлать, чтобъ удержать прежнее? — продолжала Варвара Васильевна. — Я бы ни передъ чѣмъ не останавилась, но оно прошло, и его не воротишь. Нѣтъ желанія отдать себя всю, цѣликомъ, хотя вовсе собою не дорожишь, нѣтъ ничего, что, дѣйствительно, серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, въ этомъ — рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю! — сказала она, со страхомъ взглянувъ на Токарева.

Токаревъ, широко раскрывъ глаза, молча ходилъ по комнатѣ; онъ ждалъ, чтобъ Варвара Васильевна продолжала, до того странно звучало въ ея устахъ такое признаніе.

— Вы не любите людей...—наконецъ, медленно проговорилъ онъ, остановившись у стола.—Я не знаю, кто же тогда можетъ сказать, что любитъ ихъ? Мнѣ кажется, вы предъявляете къ себѣ ужъ слишкомъ преувеличенныя требованія. Вы хотите каждаго, перваго встрѣчнаго человѣка любить горячо, такъ сказать, „конкретно“, какъ близкаго,—это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улицѣ и слышу крики: „караулъ!“ Если я знаю, что это кричитъ, положимъ, любимая мною дѣ-

вушка, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это такъ, неизвѣстно, кто кричитъ, то пойду я очень неохотно, а можетъ быть, даже постараюсь пройти въ сторонкѣ незамѣченнымъ...

Варвара Васильевна подняла голову и удивленно взглянула на Токарева.

— Допустимъ для ясности, что я даже на это способенъ,—продолжалъ Токаревъ, какъ будто не замѣчая удивленія Варвары Васильевны и стараясь незамѣтно сгладить впечатлѣніе отъ своего признанія, — допустимъ, что я прошелъ бы мимо. Всетаки это еще ничего не доказываетъ: на страданія чужого человѣка невозможно отзываться такъ же горячо, какъ на страданія близкаго. Но значитъ ли это, что я не люблю людей? Мнѣ дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что приноситъ людямъ пользу и счастье, негодую на то, что ихъ давитъ и дѣлаетъ несчастными; при устройствѣ моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тѣмъ, чтобъ мое дѣло было по возможности полезно для людей. Развѣ бы все это было возможно, если бы мнѣ до другихъ не было дѣла?

Варвара Васильевна молчала, опустивъ голову надъ столомъ. Токаревъ прошелся по комнатѣ.

— И главное,—вамъ, *вамъ* обвинять себя въ равнодушіи къ людямъ!—воскликнулъ Токаревъ.—Эхъ, Варвара Васильевна! Ну, отвѣтьте по совѣсти: если бы нужно было умереть за какое-нибудь хорошее дѣло,—вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсѣченіе, что вы оказались бы въ первыхъ рядахъ.

— Нѣтъ, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы *умереть*,—отвѣтила Варвара Васильевна съ блѣдною улыбкою.

Токаревъ опустилъ голову. Что-то жуткое прошло у него по душѣ,—жуткое и отъ смысла словъ Варвары Васильевны, и оттого, что она въ этомъ признавалась. И онъ почувствовалъ, что дальше въ ихъ разговорѣ не будетъ лжи, что и онъ будетъ говорить всю правду, какова бы она ни была. Вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ налетѣлъ изъ сада и зазвенѣлъ въ стеклахъ оконъ.

— А что такая холодная любовь, о какой я говорю, не можетъ наполнить жизни,—это, конечно, вѣрно,—съ усиліемъ произнесъ Токаревъ.—Говоря правду, со мною происходитъ то же, что съ вами, только еще въ большей мѣрѣ. Вы вотъ сейчасъ, кажется, удивились, когда я сказалъ, что, слыша крики о помощи, я, можетъ быть, прошелъ бы мимо; а я чувствую себя даже на это способнымъ. Помните, вы тогда въ больницѣ пошли ночью напоить бѣшенаго мужика? Я неправду сказалъ, что не зналъ, гожусь ли я вамъ въ помощники,—я просто боялся пойти...

Варвара Васильевна смущенно и растерянно подняла на него

глаза и сочувственно закивала головою, какъ бы боясь, чтобъ Токаревъ не подумалъ, что она осуждаетъ его.

— Мнѣ вообще тяжело и заглядывать въ себя,—продолжалъ онъ, чувствуя радость отъ возможности говорить все, не встрѣчая осужденія.—Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что-то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его не замѣнишь ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ, люди все больше какъ бы отгораживаются отъ меня толстою, непроходимою стѣною, хочется жить для одного себя... Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себѣ разныя „категоріи долга“. Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою: почему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно? Замѣтили ли вы, что вообще у людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога? А вотъ когда человѣкъ остываетъ, тутъ-то и начинаются у него настойчивыя мысли объ морали, объ долгѣ. И чѣмъ больше онъ остываетъ, тѣмъ возвышеннѣе становится его мораль и ея обосновка. Долгъ, долгъ!.. Всегда, когда я говорю или думаю о немъ, у меня въ самой глубинѣ души начинаетъ безпокойно копошиться стыдъ, какъ будто я собираюсь начать игру съ фальшивой колодой картъ. Долгъ тащитъ человѣка туда, куда онъ не хочетъ идти самъ; но человѣкъ куда хитрѣе стоящаго надъ нимъ долга и, въ концѣ концовъ, заставляетъ его тащить себя какъ разъ туда, куда ему хочется. Пройдетъ десять лѣтъ,—я буду видѣть долгъ въ томъ, чтобъ не ссориться съ женою, чтобъ пожертвовать десять рублей на народную библіотеку или отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. Пройдетъ еще десять лѣтъ, начнетъ старѣть тѣло,—и я создамъ себѣ долгъ въ томъ, чтобъ отказаться отъ табаку, отъ вина, стать вегетаріанцемъ... И вѣдь ужасно то,—я знаю, что это такъ и будетъ, и я буду искренно уважать себя за то, что по мѣрѣ силъ исполняю возложенный на себя долгъ.

Варвара Васильевна молчала, сдвинувъ брови и задумчиво собирая ножомъ хлѣбныя крошки въ одну кучу.

— Я изъ всего этого не вижу никакого выхода,—тихо заговорилъ Токаревъ снова.—Умерло непосредственное чувство,—умерло все; его нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими категоріями и нормами, никакимъ „я понялъ“. Разъ же это такъ, то, конечно, вы въ сущности правы: для чего оставаться жить? Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ бичевать себя и множить собою число „лишнихъ людей“...

— Да. И хорошо тѣмъ, о комъ некому печалиться,—сказала Варвара Васильевна.

Они становились все ближе другъ другу.

— И удивительная у меня организація!—помолчавъ, заговорила Варвара Васильевна, съ отдающимся довѣріемъ сообщницы глядя на Токарева. — Никакая болѣзнь ко мнѣ не пристаетъ. Какъ-то разъ на вскрытіи Алексѣй Михайловичъ, докторъ нашъ, говоритъ мнѣ: „осторожнѣе вскрывайте трупъ, больной умеръ отъ гнилокровія". А я порѣзалась...—Она показала большой красный рубецъ на лѣвой ладони.—И хоть бы что! Черезъ двѣ недѣли все зажило. Другой разъ смазывала я зѣвъ дифтеритному ребенку; дифтеритъ былъ очень тяжелый, гангренозный; ребенокъ закашлялся и брызнулъ мнѣ слюною въ глаза; на этотъ разъ, конечно, все вышло нечаянно. Я сейчасъ же не успѣла промыть глазъ,— и все таки ничего!

Токаревъ остановился у печки, высоко поднявъ брови и неподвижно глядя на Варвару Васильевну. „*На этотъ разъ, конечно, нечаянно*"... Значитъ, въ первый разъ было *не* нечаянно?.. Такъ вотъ на что способна она, всегда такая ровная и веселая! Токареву стало страшно отъ мыслей, которыя онъ только что высказывалъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, и сидѣвшая передъ нимъ дѣвушка вдругъ стала ему чуждой-чуждой...

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— И все-таки мнѣ кажется, что *вы* меньше всѣхъ другихъ имѣете право такъ поступать,—измѣнившимся голосомъ заговорилъ онъ, остановившись передъ Варварой Васильевной.—Вамъ жить тяжело, это я теперь вижу. Но я слышалъ, какъ восторженно отзываются объ васъ всѣ, съ кѣмъ вы сталкиваетесь, вижу, какимъ свѣтлымъ лучомъ вы вездѣ являетесь... Какое вы имѣете право уходить изъ жизни только потому, что вамъ самой тяжело? Неужели это не самый грубый эгоизмъ?

Варвара Васильевна пугливо взглянула на Токарева и опустила глаза, жалѣя, что проговорилась. А онъ смотрѣлъ на ея красивый, благородный лобъ, на мягкіе и густые русые волосы,— и что-то рыдающее забилось въ его груди.

Въ столовую вошла Катя.

— Варя, пойдемъ спать!—сказала она.—Ужъ первый часъ.

— Вѣрно, пора! Пойдемъ! — быстро отвѣтила Варвара Васильевна и встала.

— Какъ этотъ вѣтеръ непріятно дѣйствуетъ на нервы!—проговорила Катя, нервно поведя плечами.—Мнѣ просто жутко идти спать одной. Послушайте-ка, какъ гудитъ!

Они замолчали. Непрерывный гулъ стоялъ надъ садомъ,— странный, зловѣщій и сухой, какъ только осенью деревья шумятъ; вѣтеръ порывами проносился за темными окнами, стволы липъ скрипѣли, въ печной трубѣ слышался шорохъ.

Вдругъ наверху, надъ потолкомъ, раздался глухой стукъ, какъ

отъ паденія человѣческаго тѣла; потомъ раздались удары ногъ объ полъ, и упало еще что-то тяжелое.

Катя быстро подняла голову.

— Что это тамъ?!—нервно вскрикнула она.

Всѣ насторожились. Опять что-то глухо стукнуло надъ потолкомъ, и затѣмъ послышались странные звуки,—не то смѣхъ, не то плачъ. Вѣтеръ сильнѣе завылъ за окномъ.

— Варя, голубушка, это что-то съ Сережей наверху!—вдругъ разрыдалась Катя.—Онъ съ утра былъ странный... Скорѣе, пойдемте!.. Господи, что съ нимъ тамъ такое?!..

— Да ну, Катя, что это?—сказала Варвара Васильевна, невольно вздрогнувъ.—Что съ нимъ можетъ случиться!

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте скорѣе!—твердила Катя, заливаясь слезами. — Владиміръ Николаевичъ, пойдите, посмотрите, что съ нимъ такое!...

Всѣ вышли въ переднюю.

XIV.

Токаревъ и Варвара Васильевна стали подниматься по крутой, скрипучей лѣстницѣ, ведущей наверхъ. На лѣстницѣ было темно; Токаревъ зажегъ спичку. Вдругъ дверь наверху быстро распахнулась, и на порогѣ появилась бѣлая фигура Сергѣя въ нижнемъ бѣльѣ. Онъ былъ страшенъ: волосы его были всклокочены, глаза горѣли дикимъ, безумнымъ ужасомъ.

— Оо-о-о-о-оо!!. — кричалъ онъ непрерывнымъ, рыдающимъ воемъ, весь трясясь. — Что тебѣ тутъ нужно? Во-онъ!!. Черти!..

— Сережа, что съ тобою? Стыдись!—громко произнесла Варвара Васильевна.

Сергѣй продолжалъ безсмысленно выть, согнувшись и держась руками за косякъ двери, глядя пристальнымъ, безумнымъ взглядомъ въ глаза Токарева.

— Да ну, успокойтесь же, Сергѣй Васильевичъ! Что это, въ самомъ дѣлѣ! Какъ вамъ не стыдно?—сказалъ Токаревъ и шагнулъ впередъ.

Сергѣй вздрогнулъ, какъ будто наступилъ на змѣю, и быстро выпрямился.

— Вонъ!!! — завопилъ онъ, судорожно затопавъ ногами и сжавъ кулаки.

Спичка погасла въ рукахъ Токарева.

— Сереженька!—услышалъ онъ за собою робкій, плачущій голосъ Конкордіи Сергѣевны.—Охъ, Владиміръ Николаевичъ, голубчикъ мой, что это съ нимъ?

Дверь наверху захлопнулась.

— Помогите мнѣ взойти!.. Охъ!.. Не видно ничего, темно!.. Что это съ нимъ такое?.. Варенька, ты это? Что съ нимъ?

Конкордія Сергѣевна продолжала подниматься по лѣстницѣ, оступаясь въ темнотѣ. У Токарева спичекъ въ коробкѣ больше не было.

— Принесите скорѣе свѣчку! — сказала ему Варвара Васильевна.

Токаревъ поспѣшно спустился внизъ. Въ передней горѣла лампа. Катя, схватившись за голову и склонясь надъ столомъ, истерически рыдала.

— Ну, что Сережа?—спросила она.

— Добудьте скорѣе свѣчку! — сказалъ Токаревъ. Онъ былъ блѣденъ, и нижняя челюсть его дрожала.

— Да вотъ, возьмите лампу, она здѣсь не нужна.

— Лампу страшно: вышибетъ изъ рукъ,—еще пожару надѣлаетъ.

Катя поспѣшила за свѣчой. Токаревъ остановился у коника. Вѣтеръ вылъ на дворѣ, въ черномъ окнѣ отражался свѣтъ лампы. Прусакъ пробѣжалъ по столу, достигъ газетнаго листа, на которомъ лежалъ сушившійся хмѣль, — задумчиво пошевелилъ усиками и побѣжалъ вдоль листа къ стѣнѣ.

Катя принесла горящую свѣчу. Токаревъ поднялся наверхъ. Сергѣй лежалъ на кровати, закутавшись въ одѣяло и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Надъ нимъ склонилась Конкордія Сергѣевна и плакала, утирая глаза платкомъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови, молча стояла у стѣны.

— Сереженька, родной мой! Скажи мнѣ, что съ тобою?— спрашивала Конкордія Сергѣевна.

— Да пустяки, ничего не было!—отрывисто отвѣтилъ Сергѣй своимъ обыкновеннымъ голосомъ, не поворачивая головы.

— Варенька, милая, дай ему какихъ-нибудь успокоительныхъ капель!.. Это ты себѣ нервы разстроилъ. Говорила я тебѣ: не занимайся такъ много. Сидишь по ночамъ, вотъ и досидѣлся...

Конкордія Сергѣевна, всхлипывая, подошла къ заваленному книгами столу.

— Сережа, выпей чего-нибудь, чтобъ успокоить маму, я тебѣ принесу, — шепнула Варвара Васильевна Сергѣю. Сергѣй молча кивнулъ головою.

Варвара Васильевна пошла внизъ.

— Вонъ сколько книгъ... Господи! Да вѣдь это совсѣмъ голову себѣ испортишь! — говорила Конкордія Сергѣевна, стоя у стола.—Ну, почиталъ немножко,—и довольно, отдохни. А то вѣдь день и ночь, все книги и книги...

Сергѣй, не шевелясь, лежалъ на постели.

— Ну, вотъ тебѣ и успокоительныя капли!—весело заговорила Варвара Васильевна, неся стаканъ съ размѣшаннымъ въ немъ бромистымъ каліемъ.—Сережа, пей!

— Ты бы еще, Сереженька, ледъ себѣ на голову положилъ,—сказала Конкордія Сергѣевна.—Я сейчасъ велю Дашѣ наколоть.

— Да полноте, Конкордія Сергѣевна! — разсмѣялся Токаревъ.—Какой тамъ ледъ! Оставьте его спать!

— Ну, спи, голубчикъ! Господь съ тобою!

Она неувѣренно подошла къ Сергѣю, перекрестила его и поцѣловала. Сергѣй поморщился и закутался въ одѣяло.

Конкордія Сергѣевна и Варвара Васильевна ушли. Токаревъ взялъ свѣчу и перешелъ во вторую, свою комнату. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, и ему стало немного страшно. Взявъ книгу, онъ сѣлъ къ столу такъ, чтобъ дверь въ сосѣднюю комнату была у него на глазахъ.

Токаревъ скользилъ взглядомъ по строкамъ, но ничего не понималъ изъ того, что читалъ. Сергѣй въ сосѣдней комнатѣ заворочался на постели.

— Однако же, и дозу закатила мнѣ Варька! — проговорилъ онъ.—Что это, бромъ?

— Да. Ничего, что много, лучше подѣйствуетъ, — отвѣтилъ Токаревъ.

Ему стало не такъ страшно.

— Соленый какой! Теперь, я знаю, на нѣсколько дней раскиснешь. Помню, разъ пришлось принять,—три дня послѣ этого голова какъ будто тряпками была набита... Чортъ знаетъ, что я такое выкинулъ!—сконфуженно усмѣхнулся Сергѣй, помолчавъ.

Токаревъ вошелъ въ его комнату.

— Какъ вы себя теперь чувствуете?—спросилъ онъ.

— Ничего,—неохотно отвѣтилъ Сергѣй и замолчалъ.—А хорошо, что вы тогда на лѣстницѣ еще одного шагу не сдѣлали,—прибавилъ онъ.—Я бы васъ, ей-Богу, задушилъ!

— Ну, ужъ задушили бы! — улыбнулся Токаревъ, чувствуя, что блѣднѣетъ.

Въ глазахъ Сергѣя мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и Токаревъ замѣтилъ это.

Внизу, на лѣстницѣ, раздался шорохъ и тихій скринъ ступеней.

— Что тамъ еще такое?!—вздрогнулъ Сергѣй, быстро поднимаясь на постели, и глаза его снова странно загорѣлись.

Очевидно, Конкордія Сергѣевна или Катя подслушивали, что дѣлается съ Сергѣемъ. Токаревъ взялъ свѣчу и пошелъ, чтобъ попросить ихъ уйти. Но только что онъ ступилъ на лѣстницу,

какъ Сергѣй неслышно вскочилъ съ постели и скользнулъ въ комнату Токарева. Токаревъ повернулъ назадъ. На порогѣ своей комнаты онъ почти столкнулся со спѣшившимъ обратно Сергѣемъ; взгляды ихъ встрѣтились; Сергѣй быстро отвернулъ лицо и снова легъ въ постель. Токаревъ съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ въ свою комнату и подозрительно оглядѣлся. Что тутъ нужно было Сергѣю? Что онъ взялъ?

Ему стало невыразимо страшно, захотѣлось убѣжать, спрятаться куда-нибудь. Онъ попрежнему сѣлъ къ столу, не спуская глазъ съ чернаго четыреугольника двери. Въ сосѣдней комнатѣ было тихо. За окномъ гудѣлъ садъ, рамы стучали отъ вѣтра... Сергѣй, можетъ быть, взялъ здѣсь ножъ; все это, Богъ вѣсть, чѣмъ можетъ кончиться! Хорошо еще, что бромъ онъ принялъ: бромъ—сильное успокаивающее, и черезъ полчаса ужъ не будетъ никакой опасности.

Сергѣй заворочался на постели, деревянная кровать подъ нимъ заскрипѣла. Токаревъ насторожился. Снова все стихло. Токаревъ курилъ и думалъ о томъ, какъ ему поступить, если Сергѣй бросится на него: покорно-ли, съ кроткою улыбкою, отдаться въ его руки, или грозно крикнуть на него, обуздать его силою психическаго вліянія?

Часы шли. Токаревъ непрерывно курилъ. Иногда ему казалось, что Сергѣй заснулъ: изъ сосѣдней комнаты доносилось мѣрное, спокойное дыханіе; но вскорѣ Сергѣй опять начиналъ ворочаться, и кровать подъ нимъ скрипѣла. Токарева сильно клонило ко сну; голова его опустилась, мысли стали мѣшаться. Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову: онъ какъ будто ясно почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ... Кругомъ все было попрежнему; изъ сосѣдней комнаты доносилось храпѣніе Сергѣя; на дворѣ свѣтало.

Токаревъ облегченно вздохнулъ и поднялся. Въ комнатѣ было сильно накурено; онъ осторожно открылъ окно на дворъ. Вѣтеръ утихъ, по блѣдному небу плыли разорванныя, темныя облака. Дворъ былъ мокрый, черный, съ крышъ капало, и было очень тихо. По тропинкѣ къ людской неслышно и медленно прошла черная фигура скотницы. Подулъ вѣтерокъ и охватилъ Токарева сырымъ холодомъ; онъ тихонько закрылъ окно и легъ спать.

XV.

На слѣдующій день Сергѣй съ утра, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣлъ за книги. За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и сконфуженно смотрѣлъ въ тарелку; на него украдкою кидали внимательные взгляды, но никто не говорилъ о случившемся.

Токаревъ послѣ всего вчерашняго чувствовалъ себя, какъ въ похмѣльѣ. Что это произошло? И разговоры Сергѣя, и признанія Варвары Васильевны, и припадокъ Сергѣя, — все сплошь представлялось ему какимъ-то до невѣроятности дикимъ и больнымъ кошмаромъ. И его собственныя откровенности съ Варварой Васильевной, — онъ какъ будто высказалъ ихъ въ какомъ-то опьянѣніи, и ему было отъ нихъ стыдно. Что могло его такъ опьянить? Неожиданная откровенность Варвары Васильевны? Этотъ странный гулъ сада, который напрягалъ нервы и располагалъ къ чему-то необычному, особенному?

Между нимъ и Варварой Васильевной теперь легло что-то, и они не смотрѣли другъ другу въ глаза. Вечеромъ, передъ ужиномъ, Токаревъ пошелъ къ себѣ наверхъ за папиросами. Онъ поднимался по скрипучей лѣстницѣ, ведшей въ мезонинъ. Сквозь маленькое оконце падалъ лунный свѣтъ на крутыя, пыльныя ступеньки. И вдругъ Токареву вспомнилось, какъ вчера быстро распахнулась наверху дверь, и на порогѣ съ дикимъ воплемъ появилась страшная фигура Сергѣя, вспомнился его горящій ужасомъ взглядъ, судорожный топотъ... У Токарева непріятно сжалось сердце, и онъ, стараясь не вспоминать о вчерашнемъ, взошелъ наверхъ.

Но, разъ вспомнивъ, онъ ужъ не могъ отогнать воспоминаній. Смутный, неясный страхъ вился вокругъ и незамѣтно охватывалъ его, все окружающее становилось необычнымъ. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окна, его мертвенный свѣтъ двумя косыми четыреугольниками ложился на полъ; въ полумракѣ комнаты стояла странная, пристальная тишина. Токаревъ неподвижно остановился посреди комнаты. Онъ чувствовалъ: раздайся сейчасъ неожиданно громкій крикъ или стукъ,—и съ нимъ произойдетъ то же, что вчера было съ Сергѣемъ: онъ такъ же затопаетъ, съ тѣмъ же дикимъ воплемъ бросится куда-то...

Въ углу около шкапа что-то смутно забѣлѣло. У Токарева стѣснилось дыханіе, и онъ сталъ пристально вглядываться. Онъ сразу понялъ, что это виситъ полотенце на ручкѣ кресла, но его тянуло вздрогнуть, тянуло испугаться. И Токаревъ стоялъ, неподвижно вглядываясь въ бѣлѣвшее пятно, словно ожидая, чтобъ что-нибудь дало толчокъ его испугу.

— Что это со мною? — вдругъ подумалъ онъ, громко разсмѣялся и, подошедши къ креслу, сдернулъ съ него полотенце.

Страхъ его исчезъ. Но оставаться наверху все-таки было непріятно, и Токаревъ вышелъ вонъ.

Въ полутемной передней сидѣла деревенская баба въ зипунѣ; Варвара Васильевна, весело разговаривая, перевязывала ей на рукѣ вскрытый нарывъ; пахло карболкою и іодоформомъ. Тока-

*

ревъ прошелъ залу, гдѣ Дашка накрывала столъ къ ужину, и въ темной гостиной сѣлъ къ роялю.

Онъ сидѣлъ, беря одною рукою медленные, тихіе аккорды, и задумчиво смотрѣлъ въ темноту. Какое у Варвары Васильевны было сейчасъ спокойное, веселое лицо... Да ужъ не сонъ ли то, что онъ слышалъ отъ нея вчера, въ этотъ страшный вечеръ? И всегда она такая, какъ теперь, — ровная, спокойная, какъ будто вся на туго натянутыхъ вожжахъ. Токареву становилось страшно,—страшно отъ глубины и безбоязненности той тайной драмы, которую такъ невидно переживала въ душѣ Варвара Васильевна.

Черезъ пять дней срокъ отпуска Варвары Васильевны кончился, и она уѣхала въ Томилинскъ; съ нею вмѣстѣ уѣхала въ гимназію Катя. Сергѣй рѣшилъ остаться въ деревнѣ до половины сентября, чтобъ получше поправиться отъ нервовъ; онъ каждое утро купался, не глядя на погоду, старался побольше ѣсть, рубилъ дрова и копалъ въ саду ямы для насадокъ новыхъ яблонь.

Прошла недѣля. Токаревъ поѣхалъ въ гости къ Будиновскимъ. Они встрѣтили его очень радушно, отправили лошадей обратно и продержали его у себя три дня. 30 августа, на Александра Невскаго, Токаревъ, въ легкой пролеткѣ Будиновскаго, возвращался обратно въ Изворовку. Былъ ясный осенній день. Пролетка быстро и мягко катилась по накатанной дорогѣ, Токаревъ, откинувшись на спинку сидѣнія, дышалъ чистымъ, бодрящимъ воздухомъ осени; на душѣ у него было легко, въ головѣ пріятно шумѣло отъ выпитаго за завтракомъ рейнвейна; и онъ съ улыбкою вспоминалъ милыя упрашиванія Марьи Михайловны пить побольше.

— Ну, Владиміръ Николаевичъ, выпейте еще стаканчикъ! Вѣдь это вино совсѣмъ слабенькое! Вы знаете, какъ объ немъ говорятъ нѣмцы: Рейну много, вейну мало...

Онъ вспоминалъ свои обсужденія съ Будиновскимъ его проекта открытія въ Томилинскѣ общественной библіотеки-читальни, вспоминалъ комфортабельную, чистую обстановку Будиновскихъ... Какая у нихъ здоровая, уютная и радостная жизнь!.. И Токаревъ былъ доволенъ, что у него въ Томилинскѣ будутъ такіе милые, симпатичные знакомые, и онъ думалъ о томъ, что вліятельный Будиновскій можетъ оказаться очень ему полезнымъ.

По чистому, глубоко-синему небу плыли бѣлыя облака. Надъ сжатыми полями большими стаями носились грачи и какъ-то особенно громко, не по лѣтнему, кричали. Пролетка взъѣхала на гору. Вдали, за рощей, на концѣ равнины, среди густого сада сѣрѣлъ неуклюжій фасадъ изворовскаго дома съ зеленовато-ры-

жей, заржавѣвшей крышей. Токаревъ съ страннымъ чувствомъ, какъ на что-то новое, смотрѣлъ на него.

Тамъ, подъ этою крышею, растутъ тяжелыя, мучительныя душевныя драмы, съ апломбомъ предъявляются къ людямъ ребячески-прямолинейныя требованія, гдѣ каждый человѣкъ долженъ быть какимъ-то сверхъестественнымъ героемъ; то и другое переплетается во что-то невыразимо-болѣзненное и уродливое, и жизнь становится трудно-переносимой. А между тѣмъ вѣдь вотъ живутъ же люди легко и счастливо, безъ этого томительнаго надсада, и это не мѣшаетъ имъ по мѣрѣ возможности работать на пользу другихъ... Но у насъ, русскихъ, такая посильная работа увѣнчивается только презрѣніемъ; если ты, какъ древній мученикъ, не отдаешь себя на растерзаніе звѣрямъ, если не питаешься чернымъ хлѣбомъ и не ходишь въ рубищѣ, то ты паразитъ и не имѣешь права на жизнь.

Кучеръ, въ синей рубахѣ и бархатной безрукавкѣ, подкатилъ къ крыльцу. Токаревъ слѣзъ, далъ ему рубль на чай и вошелъ въ домъ. Въ передней на вѣшалкѣ висѣло накидокъ и шляпокъ больше обычнаго. Дашка сообщила ему, что на два дня праздника пріѣхала изъ Томилинска Катя, а съ нею—Таня и Шеметовъ.

Токаревъ прошелъ къ себѣ наверхъ умыться и переодѣться. Онъ не былъ радъ пріѣзду гостей. Опять повѣетъ этимъ духомъ молодого задора и безпечной прямолинейности, — духомъ, который былъ ему теперь прямо непріятенъ.

Онъ напился кофе, поговорилъ съ Конкордіей Сергѣевной и пошелъ въ садъ. Солнце клонилось къ западу, лужайки ярко зеленѣли, и отъ каждой кочки, отъ каждаго выступа падала длинная тѣнь. Въ фруктовомъ саду, около соломеннаго шалаша, сторожа варили кашу, синій дымокъ вился отъ костра и стлался между деревьями.

Сергѣй притащилъ къ пруду въ подолѣ рубашки яблокъ и грушъ, и всѣ уписывали ихъ, расположившись на берегу. Токаревъ подошелъ и поздоровался. Таня быстро встала и подошла къ нему, — оживленная, радостная, сіяя своими большими глазами.

— А знаешь, Володя, я-таки устроила Варино дѣло!—вполголоса сообщила она.

— Да ну?!—изумился Токаревъ.

— Помнишь, мы тогда у Будиновскихъ встрѣтились съ Осьмериковымъ. Учитель гимназіи, ушастый такой, — еще ужасно ненавидитъ одаренныхъ людей. Пошла къ нему въ гости и убѣдила его, что Варя совершенно удовлетворяетъ его идеалу труженика, что нельзя ей позволить оставаться фельдшерицей. А

онъ хорошъ съ предсѣдателемъ управы. Словомъ, Варю отправляютъ на земскій счетъ въ Петербургъ въ женскій медицинскій институтъ! Понимаешь? Пять лѣтъ въ Петербургѣ.

— Ну... преклоняюсь передъ тобою! Это, дѣйствительно, очень хорошо,—сказалъ Токаревъ.

— Вотъ ты все преклоняешься и преклоняешься, а самъ ничего не хотѣлъ сдѣлать. Все—„неловко", да „съ какой стати"... Ужасно вообще ты сталъ какой-то... неподвижный. А ужъ ты бы, съ своею солидною фигурою, могъ бы гораздо скорѣе добиться всего: на меня какъ взглянетъ солидный человѣкъ, такъ сразу почувствуетъ ненависть... Вообще я своимъ пребываніемъ въ Томилинскѣ очень, очень довольна. И люди есть, и все, стоитъ только поискать. Если бы не нужно было ѣхать въ Питеръ, обязательно бы осталась здѣсь...

— Владиміръ Николаевичъ, возьмите грушъ! — крикнулъ Сергѣй, стоя на колѣняхъ передъ грудою фруктовъ.— Смотрите, какія груши,—что твой дюшесъ!

Токаревъ и Таня подошли къ остальнымъ.

— Да, Володя, вотъ что! — прибавила Таня.— Ты все-таки поговори объ этомъ дѣлѣ съ Будиновскимъ, чтобъ и онъ съ своей стороны посодѣйствовалъ. Ты съ нимъ, кажется, хорошъ.

— Пріятелями стали!—съ легкою улыбкою замѣтилъ Сергѣй.

— Не вижу ничего позорнаго быть его пріятелемъ,—холодно отвѣтилъ Токаревъ.—По моему, онъ очень дѣльный и симпатичный человѣкъ.

— Я противъ этого не спорю,—невинно сказалъ Сергѣй.— Только при всей своей симпатичности онъ всегда какъ-то... умѣетъ прекрасно устраиваться и жить со всѣми въ ладу. Мнѣ это не нравится.

— Скажите, пожалуйста, что же въ этомъ плохого?—спросилъ Токаревъ, начиная раздражаться.—Почему дѣльный человѣкъ непремѣнно долженъ жить въ грязной собачьей конурѣ и хватать зубами за ноги каждаго проходящаго?

— Совсѣмъ этого не нужно,—лѣниво отвѣтилъ Сергѣй.—А вотъ это, дѣйствительно, нужно,—чтобъ для дѣльнаго человѣка дѣло было его жизнью, а не десертомъ къ сытному обѣду. Для Будиновскаго же жизнь—въ уютѣ и комфортѣ, а дѣло—это такъ себѣ, лишь пріятное украшеніе жизни. Скажите, пожалуйста, чѣмъ этотъ тепленькій человѣкъ пожертвуетъ для своего „дѣла"? За это я, по крайней мѣрѣ, ручаюсь, что ни одной изъ своихъ великолѣпныхъ латаній онъ за него не отдастъ. А мотивъ, конечно, будетъ очень благородный: „на меня и такъ всѣ косятся"... Только поэтому онъ и не хочетъ,— не хочетъ дѣлу повредить, а то бы радъ всею душою... И подумаешь,— кто на него ко-

сится!.. Вѣдь какое вообще характерное явленіе для нашей жизни такіе люди! Чуть что,—сейчасъ: „ахъ, Боже мой, поосторожнѣе! Вы намъ помѣшаете!..“ Брр! Лучше мерзавцы, чѣмъ всѣ эти смирные и благонамѣренные либеральные господа!..

— Это, разумѣется, дѣло вкуса,—иронически процѣдилъ Токаревъ.—Я же лично думаю, что именно эти смирные и неблестящіе „господа“ вынесли и выносятъ на своихъ плечахъ всю великую культурную работу, которою жива страна. И далеко до нихъ не только мерзавцамъ, а и всякаго рода „героямъ“, которые больше занимаются лишь пусканіемъ на воздухъ блестящихъ фейерверковъ,—рѣзко закончилъ Токаревъ.

Таня, поднявъ брови, съ удивленіемъ приглядывалась къ брату. Шеметовъ всталъ.

— Будетъ, Сережка, спорить!—ворчливо сказалъ онъ, пренебрежительно отвернувшись отъ Токарева.—Можно найти дѣло поинтереснѣе!

— Вѣрно!—воскликнулъ Сергѣй и вскочилъ на ноги.—Давайте, господа, покатаемся на лодкѣ.

Къ мосткамъ была привязана большая, старая, насквозь прогнившая лодка, вполовину залитая водой.

— Давайте!—быстро отвѣтила Таня съ весело загорѣвшимися глазами.

— Ну, Таня, посмотри же, какая лодка!—возмутился Токаревъ.—Вѣдь она совсѣмъ гнилая!

— Чтожъ такое? Еще пріятнѣе... Сашка, Катюха, ѣдемъ!—крикнулъ Сергѣй, прыгая въ лодку. Лодка тяжело закачалась изъ стороны въ сторону, и на ея днѣ съ шумомъ забѣгала вода.

Таня и Шеметовъ со смѣхомъ сошли въ лодку. Катя, волнуясь и стараясь побороть страхъ, спустилась за ними.

— Владиміръ Николаевичъ, ѣдемъ! — сказалъ Сергѣй, съ насмѣшливымъ ожиданіемъ глядя на Токарева.

— Благодарю покорно, мнѣ купаться не хочется!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Токаревъ.

Стоя на почернѣвшихъ, склизкихъ перекладинахъ, они оттолкнулись отъ берега. Лодка накренялась то вправо, то влѣво, вода въ ней плескалась. Сергѣй вложилъ въ уключины мокрыя, гнилыя весла и началъ грести.

Лодка выплыла на середину пруда. Солнце садилось, багровыя облака отражались въ водѣ краснымъ огнемъ. Шеметовъ, стоя на кормѣ, запѣлъ вполголоса:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные,
Острогрудые челны.
На переднемъ Стенька Разинъ...

Шеметовъ вдругъ замолчалъ.—Что же это лодка не тонетъ?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.—Странно! Должна бы знать, что по законамъ физики ей давно слѣдуетъ пойти ко дну... Ну, ты, шалава!—крикнулъ онъ и качнулъ лодку. Катя, придерживая рукою юбку, засмѣялась, стараясь не показать, что ей страшно.

Токаревъ сидѣлъ на берегу, возмущенный и негодующій. Какая глупость! Прудъ очень глубокъ, вода холодна; если лодка затонетъ, то выплыть на берегъ одѣтымъ вовсе не просто, и легко можетъ случиться несчастіе. Это какая-то совсѣмъ особенная психологія,—безъ всякой нужды, просто для удовольствія, играть съ опасностью. Ну, ѣхали бы сами, а то еще берутъ съ собою этого ребенка Катю...

На прудѣ раздались крики и смѣхъ. У Сергѣя сломалось весло. Сильный и ловкій, въ заломленной на затылокъ студенческой фуражкѣ, онъ стоялъ среди лодки, гребя однимъ весломъ. Лодка съ каждымъ ударомъ наклонялась въ стороны, почти достигая бортами уровня воды.

И они плыли впередъ, веселые и смѣющіеся, и Токаревъ съ глухою враждою слѣдилъ за ними. И вдругъ ему пришла въ голову мысль: все, все различно у него и у нихъ, души совсѣмъ разныя,—такія разныя, что одна и та же жизнь должна откликаться въ нихъ совсѣмъ иначе; и такъ во всемъ,—и въ мелочахъ, и въ самой сути. И какъ можно здѣсь столковаться хоть въ чемъ-нибудь, здѣсь, гдѣ различіе — не во взглядахъ, не въ логикѣ, а въ самомъ строѣ души?

— Сергѣй Васильевичъ! Барыня зовутъ!.. Поскорѣй!—крикнула съ горы горничная Дашка.—Поскорѣе всѣ идите!

— Что тамъ такое?—спросилъ Сергѣй.

— Телеграмма изъ города пришла... Поскорѣе, барыня зоветъ! Идите, я въ ригу побѣгу за бариномъ!..

Конкордія Сергѣевна, блѣдная, съ замершимъ отъ горя лицомъ, сидѣла у себя въ комнатѣ, неподвижно глядя на распечатанную телеграмму. Въ телеграммѣ стояло:

„Пріѣзжайте поскорѣе. Варенька опасно больна.

Темпераментова".

XVI.

Въ тотъ же вечеръ всѣ пріѣхали въ Томилинскъ. Докторъ, взволнованный и огорченный, сообщилъ имъ, что Варвара Васильевна, ухаживая за больнымъ, заразилась сапомъ.

— Сапомъ... — растерянно повторила Конкордія Сергѣевна, глядя на доктора остановившимися глазами.—Это... это опасно?

— Очень опасно,—грустно отвѣтилъ докторъ.

Варвара Васильевна лежала въ отдѣльной палатѣ. На окнѣ горѣлъ ночникъ, заставленный зеленою ширмочкою, въ комнатѣ стоялъ зеленоватый полумракъ. Варвара Васильевна, блѣдная, съ сдвинутыми бровями, лежала на спинѣ и въ бреду что-то тихо говорила; лицо ея было покрыто странными прыщами, которые казались въ темнотѣ большими и черными. У изголовья сидѣла Темпераментова, истомленная двумя безсонными ночами.

— Побудьте, господа, немного, и уходите,—шопотомъ сказалъ докторъ.—Не нужно долго оставаться.

— Милый докторъ, я... я не уйду отсюда... хоть казните меня...—жалкимъ, покорно-молящимъ голосомъ произнесла Конкордія Сергѣевна. Глаза ея были большіе-большіе и свѣтлые.

— Скажите, докторъ, есть какая-нибудь надежда?—спросилъ Токаревъ, когда они вышли изъ палаты.

Докторъ хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ лицо его дернулось, и губы запрыгали. Онъ глухо всхлипнулъ, быстро махнулъ рукою и молча пошелъ по коридору.

Утромъ Варвара Васильевна пришла въ себя, весело разговаривала съ матерью, потомъ заснула. Послѣ обѣда она позвала къ себѣ Токарева и попросила всѣхъ остальныхъ выйти.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около постели. Варвара Васильевна, съ спавшимся, желтовато-сѣрымъ лицомъ, усѣяннымъ зловѣщими прыщами, поднялась на локоть въ своей бѣлой ночной кофточкѣ.

— Владиміръ Николаевичъ, я вамъ хотѣла сказать... — начала она.—Я третьяго дня написала директору банка и напомнила ему его слово, что онъ приметъ васъ... Онъ ко мнѣ хорошо относится, я была при его дочери, когда она была больна дифтеритомъ... Онъ сдѣлаетъ...

— Варвара Васильевна, ради Бога, оставьте вы объ этомъ! — страдальчески произнесъ Токаревъ.

— Да.. и потомъ еще вотъ что... — Она подняла на него мутные глаза, и въ нихъ было видно усиліе отогнать отъ мозга туманъ бреда.—Да... Что я еще хотѣла сказать?..

Варвара Васильевна нетерпѣливо потерла руки, бѣгая взглядомъ по комнатѣ.

— Вотъ что!—Она помолчала, въ колебаніи глядя на Токарева.—Дайте мнѣ честное слово, что вы никому не станете разсказывать о нашемъ разговорѣ, — помните, тогда вечеромъ, въ Изворовкѣ, когда съ Сережей сдѣлался припадокъ?

Токаревъ вздрогнулъ и сталъ блѣднѣть.

— Слышите, Владиміръ Николаевичъ, — честное слово, *никому*!—въ тоскѣ сказала Варвара Васильевна, все больше волнуясь.

Токаревъ сидѣлъ, смертельно блѣдный, съ остановившимся дыханіемъ.

— Хорошо,—медленно произнесъ онъ и замолчалъ. И онъ продолжалъ сидѣть,—блѣдный, съ широко-открытыми глазами, и его голова слегка тряслась.

— Видите, мамѣ этого... Что я хотѣла сказать? Да! Надо выписать сто граммовъ хлороформу, пожалуйста, не забудьте,— съ эфиромъ... Антонъ Антонычъ поѣдетъ. А я завтра сама развѣшу, не будите провизора.

Варвара Васильевна начала бредить. Токаревъ поднялся и шатающеюся походкою пошелъ вонъ.

Онъ вышелъ изъ больницы и пошелъ по улицѣ къ полю. Въ сѣромъ туманѣ моросилъ мелкій, холодный дождь, было грязно. Городъ остался назади. Одинокая ива у дороги вырисовывалась смутно-темнымъ силуэтомъ, а дальше вездѣ былъ сырой туманъ; надъ мокрыми жнивьями пролетали галки. Токаревъ шелъ, безсознательно кивая головою и бормоча что-то подъ-носъ. Это не сонъ?—иногда приходило ему въ голову. И онъ гналъ отъ себя всѣ мысли, боясь думать о томъ, что онъ узналъ, боясь пошевелить застывшій въ душѣ тупой ужасъ передъ случившимся.

Токаревъ воротился въ больницу, когда уже темнѣло. Въ воротахъ онъ встрѣтилъ Сергѣя и Таню, — обоихъ блѣдныхъ и серьезныхъ.

— Варя умерла!—коротко сказалъ Сергѣй и, прикусивъ губу, прошелъ мимо.

Черезъ два дня Варвару Васильевну хоронили. Похороны вышли величественныя; никто не думалъ, чтобъ Варвара Васильевна пользовалась такою популярностью, какъ оказалось. Громадная толпа народа провожала гробъ, слышались рыданія. На могилѣ произнесли рѣчи главный врачъ больницы, предсѣдатель управы, Будиновскій. Они говорили о самоотверженной дѣятельности скромной труженицы, о томъ, что вся жизнь ея была однимъ сплошнымъ подвигомъ, что она, какъ воинъ на полѣ брани, славно погибла на своемъ посту. Токаревъ, угрюмый, замершій въ ужасѣ, слушалъ рѣчи, и онѣ казались ему пошлыми и ничтожными передъ тою страшною нравственною загадкою, которая въ дѣйствительности вытекала изъ этой смерти; и ему хотѣлось рыдать отъ безумной жалости къ Варварѣ Васильевнѣ и къ тому, что она надъ собою сдѣлала.

Въ тотъ же день вечеромъ уѣхали въ Петербургъ оба еще остававшіеся въ Томилинскѣ члена „колоніи“, — Таня и Шеметовъ. Токаревъ, Сергѣй и Катя проводили ихъ на вокзалъ. Таня не могла опомниться отъ неожиданной смерти Варвары Васильевны.

— Я положительно съ этимъ не могу примириться!—говорила она, стоя у своего вагона, возмущенная, негодующая. — Смерть!.. Жить, дѣйствовать, стремиться, дышать воздухомъ,— и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, все это обрывается, когда кругомъ все такъ хорошо и интересно!..

Назадъ Токаревъ возвращался одинъ. Таня уѣхала, — что ждетъ ее впереди? Теперь, послѣ прощанія, она была Токареву дорога и близка; передъ нимъ стояло ея лицо, подвижное и энергичное, съ большими и смѣлыми, почти дерзкими глазами... Странно! Онъ прекрасно зналъ, — не благополучіе ждетъ ее въ будущемъ, и не сносить ей головы; а между тѣмъ онъ не испытывалъ за нее никакого страха, и ему казалось, что и жалости къ ней онъ никогда не испытаетъ; напротивъ, въ немъ была только жгучая зависть къ Танѣ за ея жадную любовь къ жизни и за безстрашіе передъ этою жизнью. И тотъ тяжелый вопросъ, который возникалъ изъ смерти Варвары Васильевны, при мысли о Танѣ тускнѣлъ, становился страннымъ и непонятнымъ.

XVII.

Токаревъ вмѣстѣ съ Изворовыми воротился въ деревню. Пообѣдали; всѣ были печальны и молчаливы. Темнѣло. Токаревъ вышелъ въ садъ. Вечеръ былъ безвѣтреный и холодный, заря гасла; сквозь порѣдѣвшую листву аллей свѣтился серпъ молодого мѣсяца; пахло вялыми листьями, было просторно и тихо. Токаревъ медленно шелъ по аллеѣ, и листья шуршали подъ его ногами.

Жизнь вдругъ стала для него страшной, полной такихъ тяжелыхъ и жуткихъ вопросовъ... Въ послѣднее время онъ съ каждымъ годомъ относился къ ней все легче: онъ обходилъ ея противорѣчія, закрывалъ глаза на глубины; еще немного,—и жизнь стала бы простою и ровною, какъ лѣтняя накатанная дорога. И вотъ вдругъ эта смерть Варвары Васильевны... И вмѣстѣ съ ея тѣнью передъ нимъ встали полузабытыя тѣни прошлаго, встали близкія, молодыя лица. Гордые и суровые, всѣ они погибли такъ или иначе, не уступивъ передъ жизнью и не примирившись съ нею.

Токаревъ вышелъ къ пруду. Ивы склонились надъ плотиною и неподвижно отражались въ черной водѣ; на вѣтвяхъ темнѣли грачи, слышалось ихъ сонное каркань и трепыханье. Близъ берега выдавался изъ воды бортъ затонувшей лодки, и плавалъ обломокъ весла. Токаревъ остановился, съ страннымъ чувствомъ глядя на лодку. Вотъ въ этой лодкѣ три дня назадъ катались люди, — молодо-смѣлые, бодрые и веселые, находившіе радость

именно въ этой смѣлости, а онъ, Токаревъ, съ глухою враждою слѣдилъ за ними съ берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно-чужды. Что-то совершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезла смѣлость и презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереди было пусто, холодно и мутно. Токареву вспомнились его недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и имъ овладѣло отвращеніе. Для чего?... Жить, какъ всѣ живутъ,—безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что наполняетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ,—каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ,—прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ быть готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмутился. Чего ему стыдиться? Что онъ сдѣлалъ плохого и какъ же ему жить? Вѣдь все, случившееся съ Варварою Васильевною, до безобразія болѣзненно и ненормально, люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ—обыкновенный сѣренькій человѣкъ и, въ качествѣ такового, все-таки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу.

„Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь,—вспомнились ему жесткія слова Сергѣя:—либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку“.

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Токаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которымъ удовлетворить онъ былъ не въ силахъ.

Токаревъ поднялъ голову и оглядѣлся; его удивило, какая кругомъ стоитъ мертвая тишина. Мѣсяцъ спустился къ ивамъ и отражался въ неподвижной, черной глубинѣ пруда. Неподвиженъ былъ воздухъ, деревья не шевелились ни листикомъ. Какъ будто сейчасъ случилось что-то, чего Токаревъ за своими размышленіями не замѣтилъ,—и все вокругъ, замерши, испуганно прислушивалось. Была та же странная тишина, какъ тогда, послѣ припадка Сергѣя, на пыльной лѣстницѣ, и такъ же странно-неподвижно свѣтилъ мѣсяцъ, и все вокругъ становилось необычнымъ. Съ березы сорвался желтый листокъ; онъ неслышно и робко мелькнулъ въ воздухѣ, словно боясь привлечь къ себѣ чье-то

резное вниманіе, и поспѣшно юркнулъ въ траву. И опять все замерло.

Смутный страхъ охватилъ Токарева. Онъ повернулся и пошелъ домой.

XVIII.

Прошла недѣля. Токаревъ сильно похудѣлъ и осунулся, глаза его пріобрѣли странный нервный блескъ. Взмутившіяся въ мозгу мысли не осѣдали, и Токаревъ все думалъ, думалъ объ одномъ и томъ-же; иногда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. И ему страстно хотѣлось друга, которому онъ могъ бы высказать все, передъ которымъ могъ бы облегчить душу и признать себя такимъ, каковъ онъ есть. Варварѣ Васильевнѣ онъ способенъ былъ бы все сказать, и она поняла бы, что долженъ же быть для него какой-нибудь выходъ. Но передъ нимъ былъ только Сергѣй; Сергѣй же чуждался Токарева, и они не имѣли теперь ничего общаго. А между тѣмъ въ Сергѣѣ было много, поразительно напоминавшаго Варю: тотъ-же тонкій, строгій профиль, тѣ же глаза, та же привычка сдвигать брови. Какъ будто Варя ожила въ Сергѣѣ, но не мягкая и прощающая, а жесткая, презирающая и безпощадная.

Въ Сергѣѣ, въ его пренебреженіи и презрѣніи, какъ бы олицетворялось для Токарева все, изъ-за чего онъ мучился; и онъ начиналъ испытывать къ Сергѣю все большую ненависть; кромѣ того, съ той ночи, какъ съ Сергѣемъ случился припадокъ, онъ внушалъ Токареву какой-то смутный, почти суевѣрный страхъ. Но рядомъ съ этимъ Токарева какъ-то странно тянуло къ Сергѣю; ему давно уже слѣдовало уѣхать изъ Изворовки, но онъ не уѣзжалъ; онъ не могъ такъ уѣхать, ему необходимо было предварительно объясниться о чемъ-то съ Сергѣемъ; но о чемъ объясниться, для чего,—Токаревъ и самъ не могъ бы ясно сказать.

Стояла середина сентября. День былъ тихій, облачный и жаркій; на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ неподвижно синѣли тучи, въ воздухѣ томило. Сергѣй съ утра выглядѣлъ страннымъ; въ глазахъ его былъ необычный, уже знакомый Токареву блескъ, онъ дышалъ тяжело, смотрѣлъ угрюмо и съ отвращеніемъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера поужинали. Василія Васильевича, по обыкновенію, не было,—онъ теперь всѣ вечера проводилъ у сосѣдей, играя въ карты.

— А какъ барометръ упалъ!—сказала Конкордія Сергѣевна.—Кончаются ясные денечки; теперь пойдутъ дожди, холодъ, грязь...

— Упалъ барометръ?—съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй и замолчалъ.

Они пошли съ Токаревымъ къ себѣ наверхъ.

— Вы себя сегодня плохо чувствуете?—участливо спросилъ Токаревъ.

— Слыхали, барометръ упалъ? Ну, вотъ!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Сергѣй.—Такое дрянцо люди,—каждое колебаніе барометра отражается на душѣ!

Онъ молча зажегъ лампу и сѣлъ за „Критику чистаго разума“, которую онъ усиленно читалъ послѣднее время.

Токаревъ, не зажигая свѣта, ходилъ по своей комнатѣ. Онъ видѣлъ, какъ все въ Сергѣѣ нервно кипѣло, и это заражало его, и нервы его натягивались; неопредѣленный страхъ охватывалъ его... Токаревъ остановился у печки.

Сергѣй сидѣлъ въ своей комнатѣ, склонясь надъ книгой; лампа освѣщала его красивое лицо. Токаревъ смотрѣлъ на него изъ темноты.

Вонъ онъ спокойно сидитъ, этотъ мальчишка, а онъ, Токаревъ, испытываетъ къ нему страхъ и стыдится его презрѣнія... Сколько въ немъ мальчишеской увѣренности въ себѣ, сколько сознанія непогрѣшимости своихъ взглядовъ. Для него все рѣшено, все ясно... А интересно, что бы сказалъ онъ, если бы узналъ истинную причину Вариной смерти? Призналъ бы, что это такъ и должно было случиться? Или и онъ ужаснулся бы того, къ чему ведетъ молодая прямолинейность и чрезмѣрныя требованія отъ людей?

Токаревъ зажегъ лампу и открылъ книгу; но ему не читалось. Онъ думалъ о томъ, что съ Сергѣемъ опять можетъ случиться сегодня припадокъ: что тогда въ состояніи будетъ сдѣлать съ нимъ Токаревъ, одинъ въ пустомъ домѣ? И ему вспоминалось, какъ Сергѣй сознался, что чуть его тогда не задушилъ, и какъ насмѣшливо улыбнулся, когда Токаревъ поблѣднѣлъ при этомъ признаніи... Ко всему остальному, Сергѣй теперь знаетъ, что Токаревъ его боится.

Токаревъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ спустился внизъ.

Внизу, въ большихъ, пустынныхъ комнатахъ, было темно и тихо. Въ передней на коникѣ храпѣла горничная Дашка, и пахло потомъ; въ коридорѣ скребли крысы. Было тоскливо и грустно. Токаревъ вошелъ въ гостиную; тамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, Конкордія Сергѣевна пришивала оборвавшіяся на креслахъ бахромки.

— Вы еще не спите, Конкордія Сергѣевна?—удивился Токаревъ.

Конкордія Сергѣевна подняла на него свое осунувшееся лицо.

— Да вотъ, засидѣлась тутъ съ креслами; срамъ взглянуть, совсѣмъ оборвались бахромки.

Токаревъ помолчалъ.

— А какая тутъ должна быть тоска зимою!—сказалъ онъ.— Всѣ разъѣдутся, вы останетесь вдвоемъ съ Василіемъ Васильевичемъ. Мнѣ кажется, я бы и недѣли не выдержалъ.

Конкордія Сергѣевна медленно перекусила нитку и стала вдѣвать ее въ иголку.

— Голубчикъ мой, привыкла я. Что ужъ тамъ—„скучно“... Мнѣ за весельемъ нечего гнаться. Сколько ужъ лѣтъ такъ живу. Было бы дѣткамъ хорошо, а мнѣ что... Ну, а вѣдь, кромѣ того, все-таки ждешь: вотъ опять лѣто придетъ, опять... опять всѣ... съѣдутся...

Голосъ ея оборвался; она наклонилась къ креслу. И такою одинокою показалась она Токареву, съ ея скрытою, не высказываемою печалью.

Онъ поговорилъ съ нею нѣкоторое время, потомъ вышелъ на крыльцо.

Ночь была тихая и теплая; черныя, тяжелыя тучи низко нависли надъ землею, было очень темно. На деревнѣ слабо мерцалъ огонекъ, гдѣ-то далеко громыхала телѣга. Эти низкія, неподвижныя тучи, эта глухая тишина давили душу. Токаревъ стоялъ, вглядываясь въ темную даль. На горизонтѣ, за лѣсомъ, тускло блеснула зарница. Изъ-подъ крыльца, виляя хвостомъ, вылѣзъ лягавый щенокъ Сбогаръ; худой, на длинныхъ, большихъ лапахъ, онъ подошелъ къ Токареву, слабо повизгивая и тоскливо глядя на него молодыми, добрыми глазами. Токаревъ погладилъ его по головѣ; Сбогаръ быстрѣе замахалъ хвостомъ, продолжая жалобно повизгивать.

За лѣсомъ снова блеснула зарница и блѣднымъ, трепетнымъ свѣтомъ нѣсколько разъ освѣтила неподвижныя тучи. Стало еще темнѣе. У Токарева вдругъ мелькнула мысль, какъ удивительно благопріятна и эта ночь, и нынѣшнее состояніе Сергѣя, для исполненія того, что Токаревъ ужъ нѣсколько дней собирался сдѣлать: да, Сергѣй долженъ узнать настоящую причину смерти сестры, это открытіе должно ударить его по самому сердцу, наполнить его тоскою и ужасомъ, искривить и исковеркать его прямые, несгибающіеся взгляды на жизнь и ея требованія... О, онъ увидитъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ онъ полагаетъ!—съ злорадствомъ торжествомъ подумалъ Токаревъ.

Онъ пошелъ наверхъ, давя въ себѣ вдругъ охватившую его быструю, нервную дрожь.

Сергѣй медленно расхаживалъ по комнатѣ, устало понуривъ голову.

— Сергѣй Васильевичъ, сидите вы здѣсь все надъ книгами,—

сказалъ Токаревъ.—А посмотрите, какая ночь чудесная: тихая, теплая... Пойдемте, пройдемся.

Сергѣй потеръ рукою лобъ и встряхнулся.

— Пойдемте, пожалуй! Все равно, ничего въ голову не лѣзетъ.

Они вышли изъ дому, приперли за собою дверь и черезъ калитку вошли въ садъ. И на просторѣ было темно, а здѣсь, подъ липами аллеи, не видно было ничего за шагъ; они шли, словно въ какомъ-то подземельѣ, не видя другъ друга, не видя земли подъ ногами, ступая, какъ въ бездну. Пахло сухими листьями, полуголыя вершины деревьевъ глухо шумѣли надъ головой. Иногда сквозь вѣтви слабо вспыхивала зарница, и все вокругъ словно вздрагивало ей въ отвѣтъ. Сергѣй шелъ молча.

Дойдя до конца сада, они остановились у изгороди. За канавой, заросшей крапивою, разстилалось сжатое поле, а надъ нимъ неподвижно висѣли низкія тучи; изъ черной дали дулъ теплый, сухой вѣтеръ и тихо шуршалъ въ волосахъ. Токаревъ нагнулся и провелъ рукою по травѣ.

— Удивительно, какъ сухо! Росы совсѣмъ нѣтъ! — сказалъ онъ.

— Дождь завтра будетъ,—коротко отозвался Сергѣй.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, идемъ дальше! Воздухъ такой славный!.. Пойдемте къ Зыбинкѣ, на Живые Ключи. Такъ прямо, черезъ поле, мы скоро дойдемъ.

Токаревъ перелѣзъ черезъ плетень и перепрыгнулъ канаву. Сергѣй неохотно послѣдовалъ за нимъ. Они пошли наискось по колючему жнивью. Вѣтеръ ровно дулъ имъ въ лицо, полынь на межахъ слабо шевелилась; на темномъ горизонтѣ непрерывно вспыхивали зарницы, — то яркія, освѣщавшія все вокругъ, то тусклыя, печальныя и зловѣщія.

Сзади, въ смутномъ сумракѣ, раздался мягкій, частый, быстро приближавшійся топотъ.

— Что это тамъ?!—вздрогнувъ, вскрикнулъ Сергѣй и быстро обернулся.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, вѣдь это непозволительно!—засмѣялся Токаревъ.—Что это можетъ быть? Вѣроятно, Сбогаръ насъ догоняетъ!

Сбогаръ подбѣжалъ и, радостно виляя хвостомъ, сталъ ласкаться къ Токареву и Сергѣю.

— Ишь, негодяй! Такъ неожиданно налетѣлъ, невольно вздрогнешь!—сказалъ Сергѣй, стараясь улыбнуться.

Они двинулись дальше. Сергѣй шелъ, медленно и тяжело дыша, украдкою вглядываясь въ темноту странно блестѣвшими глазами. Вѣтеръ упалъ, стало тихо. Они вышли на дорогу.

Далеко, на церковной колокольнѣ, раздался ударъ въ колоколъ; звукъ, звеня и дрожа, тихо и какъ-то таинственно пронесся надъ темными полями; потомъ раздался второй ударъ, третій,—пробило двѣнадцать часовъ.

Токаревъ взялъ Сергѣя подъ руку.

— Полночь!..—сказалъ онъ.—Мужики говорятъ: церковный сторожъ погналъ мертвецовъ на водопой...—Токаревъ помолчалъ.—Странно на меня дѣйствуютъ такія ночи. Вамъ не кажется невѣроятнымъ, чтобъ въ этомъ мракѣ не было ничего таинственнаго? Мнѣ это часто кажется. Кругомъ необходимо должна быть своя жизнь, но только она ускользаетъ отъ нашихъ глазъ; нужно совсѣмъ неожиданно оглянуться, чтобъ уловить изъ нея хоть что-нибудь; на меня, напр., добрая половина картинъ Беклина производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ именно „неожиданно оглянулся“. Вотъ мы идемъ съ вами,—и неужели мы тутъ только двое во всемъ этомъ просторѣ, а кругомъ насъ—лишь дрожаніе разныхъ молекулъ, колебаніе свѣтового эфира и т. п.? Почему же въ такомъ случаѣ такъ ясно и такъ жутко душа ощущаетъ невидимое присутствіе кого-то,—какихъ-то смутныхъ, безформенныхъ существъ, передъ которыми мы такъ слабы и безпомощны?

Сергѣй шелъ, молча понуривъ голову. Они свернули на тропинку, прошли мимо заброшенной каменоломни и спустились въ Зыбинскую лощину. Въ ней было очень тихо. Въ темнотѣ смутно рисовались черные кусты ракитника, и казалось, будто они медленно двигаются. Токаревъ и Сергѣй пошли по заросшей дорогѣ, тянувшейся по косогору къ верховью лощины. Сбогаръ, слабо повизгивая, оглядывался по сторонамъ и жался къ ихъ ногамъ. Какъ разъ надъ лощиною низко стояло большое черное облако съ расходившимися въ стороны отрогами; какъ будто гигантское странное насѣкомое повисло въ воздухѣ и пристально, побѣдно слѣдило оттуда за шедшими по лощинѣ. Угрюмыя и молчаливыя зарѣницы вспыхивали въ темнотѣ.

Незамѣтная, какая-то внутренняя дрожь все сильнѣе охватывала Токарева; на душѣ у него было смутно и необычно, и только умъ работалъ съ полною ясностью.

— Помните вы „Horlà“ Мопассана?—продолжалъ онъ.—Это очень болѣзненная, но удивительно-умная и глубокая вещь. Мопассанъ говоритъ, что люди съиздавна населяли міръ разными таинственными, страшными и неопредѣленными существами, и что это не могло быть иначе: человѣкъ всегда чувствовалъ, какъ самъ онъ безпомощенъ, какъ надъ нимъ стоятъ какія-то силы, передъ которыми онъ рабъ... Что это за силы, что за существа? Они должны быть невидимы, но страшны и могучи; въ чемъ бы они ни проявлялись, но они всегда показываютъ свою

власть надъ человѣкомъ, и человѣкъ передъ ними такъ безсиленъ, такъ жалко безпомощенъ!

— Неужели вы все это серьезно говорите?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй, поднявъ голову.—Вѣдь это положительно какой-то бредъ, и притомъ довольно смѣшной... Только я бы васъ попросилъ, Владиміръ Николаевичъ, оставьте говорить объ этомъ. Я сегодня чувствую себя ужасно нервно.

— Хорошо,—согласился Токаревъ.—Да въ сущности, я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ Орля. Я только говорю о мопассановской „глубокой тайнѣ невидимаго“; вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ „Horlà“. Согласитесь, что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: „Все, что насъ окружаетъ, все, что мы замѣчаемъ не глядя, все, что задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ не ощупывая, — все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ — быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе“... Развѣ это не страшно и развѣ это не правда?—взволнованно спросилъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоящихъ *внѣ* его, — съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ и сердце... И что теперь ждетъ человѣка? Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: *„Царство человѣка кончилось!..* Горе намъ! Горе людямъ! Пришелъ *онъ*... какъ его зовутъ?.. Мнѣ кажется, что онъ выкрикиваетъ мнѣ свое имя, но я не слышу его... О, да! Онъ явился!.. Ястребъ съѣлъ голубку, левъ пожралъ буйвола съ острыми рогами... Всему конецъ!.. Онъ во мнѣ, *онъ становится моею душою!..* Что дѣлать? Горе намъ!..“

Токаревъ дрожалъ мелкою дрожью, въ его голосѣ звучалъ ужасъ, какъ будто дѣйствительно это таинственное „невидимое“ стояло здѣсь въ темнотѣ... И въ своемъ ужасѣ Токаревъ чувствовалъ, какъ Сергѣй нервно вздрагивалъ, и отъ этого у него на душѣ становилось злобно-радостно.

— По моему, все это только очень характерно для самого Мопассана, да, пожалуй, и для васъ,—рѣзко возразилъ Сергѣй.— Что спорить, „тайна невидимаго“ глубока; но трусъ и жалкая тряпка тотъ, кто поддается этому невидимому.

— Сядемъ здѣсь!—коротко и рѣшительно сказалъ Токаревъ, опускаясь на косогоръ подъ молодою лозинкою; онъ сказалъ это увѣреннымъ, властнымъ голосомъ, и Сергѣй послушался. Токаревъ пріобрѣлъ надъ нимъ какую-то странную власть.

Горизонтъ, прежде рѣзко очерченный, затянулся на югѣ мутною мглою и сталъ сливаться съ небомъ; потянуло влажною прохладою. Токаревъ въ волненіи поглядѣлъ вдаль: пройдетъ полчаса,—и все жуткое очарованіе ночи исчезнетъ, небо покроется мутными, сѣрыми облаками, и лѣниво засѣетъ окладной дождь.

— Вы говорите: тотъ, кто поддается „невидимому“ — трусъ и жалкая тряпка,—медленно заговорилъ Токаревъ.—Удивительное дѣло! Передъ вами стоитъ громадный вопросъ, а вы хотите рѣшить его парою презрительныхъ ругательствъ... Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, такіе вопросы такъ не рѣшаются! Вопросъ въ томъ, что же дѣлать, если это невидимое безповоротно покоряетъ тебя. Ну, хорошо, — трусъ, жалкая тряпка... Вѣдь это сказать легко; а когда въ жизни встаетъ такой вопросъ, то можно съ ума сойти отъ ужаса... Вы знаете, отчего умерла Варвара Васильевна?—вдругъ спросилъ Токаревъ.

Онъ задыхался и медленно перевелъ духъ.

— Она заразилась сапомъ...—продолжалъ онъ.—Но она не нечаянно заразилась, а нарочно... Она не остановилась передъ такого рода смертью, чтобъ окружающіе близкіе думали, будто это несчастная случайность. А убила она себя именно потому, что чувствовала приближающуюся побѣду „невидимаго“.

И въ темнотѣ Токаревъ видѣлъ, какъ на него смотрѣло смертельно-блѣдное лицо Сергѣя съ остановившимися глазами.

— Это не можетъ быть! — вдругъ рѣшительно произнесъ Сергѣй. — Она могла бы это сдѣлать, она на это способна; но никогда ни вамъ, никому она не созналась бы въ этомъ!

— Да, видите, оно такъ и есть. Но однажды,—помните, въ тотъ вечеръ, когда съ вами произошелъ припадокъ, — она созналась мнѣ, что чувствуетъ приближеніе и побѣду этого „невидимаго“. Чтобъ не покориться ему, она видѣла только одно средство—смерть, но чтобъ эта смерть поменьше доставила горя близкимъ. Разговоръ былъ чисто-отвлеченный... Ну, а передъ самою смертью, уже въ бреду, она взяла съ меня слово никому не разсказывать объ этомъ ея признаніи... Какъ вы думаете, можно изъ этого что-нибудь заключить?

— Ччо-ортъ, ччо-ортъ!..—простоналъ Сергѣй, стиснувъ голову руками. Онъ поставилъ локти на колѣни и сидѣлъ, все такъ же стиснувъ голову.

— Ну, и что же?—говорилъ Токаревъ строгимъ, безпощаднымъ и проникающимъ голосомъ.—Она поступила правильно? Въ *этомъ* настоящій выходъ?.. Нѣтъ, это ужасно и до безумія ненормально! А между тѣмъ именно ваши взгляды, ваша прямолинейная требовательность и дѣлаетъ возможными подобные ужасы. Этого отрицать вы не можете, и не можеге также от-

*

рицать, что вы запираете для живого человѣка всѣ выходы. Необходимо серьезно и пристально приглядѣться къ этому „невидимому“, и только тогда, признавъ всю его силу и неизбѣжность, возможно придти къ какому-нибудь выходу.

Сергѣй вскочилъ на ноги.

— Къ чему вы все это говорите?!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Вы Вариною смертью хотите оправдать себя! Да неужели вы не чувствуете, какая разница между нею и вами? Изъ ея смерти возникаетъ громадный вопросъ, — да, громадный и ужасный по своей серьезности, но вы къ этому вопросу и бокомъ не прикасаетесь!

Токаревъ замолчалъ, сбитый съ позиціи, не зная, что возразить.

— Хорошо! Скажемъ, вы правы,—заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Я не хуже васъ вижу разницу между нею и собою. Но вдумайтесь немного въ то, что я вамъ скажу. Слушайте. Я—обыкновенный, маленькій человѣкъ. Мнѣ судьбою предназначено одно: жить смирно и тихо, никуда не суясь, не имѣя никакихъ серьезныхъ жизненныхъ задачъ,— жить, какъ живутъ всѣ кругомъ: такъ или иначе зарабатывать деньги, клясть трудъ, которымъ я живу, плодить дѣтей и играть по вечерамъ въ винтъ. Но видите ли, въ жизни каждой самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея вырастаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. И человѣкъ идетъ за нихъ на борьбу, на гибель, и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла, не имѣя всезахватывающей жизненной задачи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается; все недавнее становится для него совершенно чуждымъ и мертвымъ. И вотъ я теперь нахожусь какъ разъ въ такомъ положеніи. Но суть въ томъ, что это прошлое уже отравило меня: я ужасаюсь той пустоты, въ которую иду, я не могу жить безъ смысла и безъ цѣли, а крыльевъ нѣтъ, которыя подняли бы меня надъ болотомъ...

Слава вѣрѣ, насъ сгубившей,
Слава юности погибшей,
Незапятнанной позоромъ...

— Да, я съ горячимъ, страстнымъ чувствомъ вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ея схоронена, потому что схоронена сама юность, и ея не воскресить... Гдѣ же найти основаніе, на которое я могъ бы теперь опереться? Что можетъ мнѣ дать силу жить человѣкомъ? Философія? Религія? Изъ меня выкатывается душа, понимаете вы это? Душа выкатывается!.. Какъ ее удержать? Нѣтъ такихъ силъ въ жизни, нѣтъ такихъ силъ

въ идеяхъ и религіи... Вся сила лишь въ чувствѣ. Разъ же оно исчезло, то вздоръ всѣ клятвы и обѣты, все самопрезрѣніе и тоска... Что же мнѣ дѣлать?

— Это ваше дѣло!—брезгливо отвѣтилъ Сергѣй.—Къ сожалѣнію, я вамъ помочь ни въ чемъ не могу.

— О Сергѣй Васильевичъ! Не относитесь къ этому такъ презрительно! Увѣряю васъ, все это очень близко касается и васъ самого! Еще сегодня вы говорили о томъ, какъ всякое колебаніе барометра отражается на вашей душѣ; неужели вы думаете, что только одинъ барометръ обладаетъ такою удивительною силою?.. Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, вы, такъ же, какъ я, ужъ цѣликомъ находитесь во власти могучаго „невидимаго". Вы вотъ настойчиво проповѣдуете радость жизни и силу духа,—а сами живете въ темномъ мірѣ нервной тоски и безволія; вы утверждаете, что человѣкъ долженъ дѣйствовать *изъ себя*, что въ такомъ случаѣ онъ откроетъ въ себѣ громадныя богатства души, а все ваше богатство заключается лишь въ поразительной черствости, самоувѣренности и самовлюбленности. Только покамѣстъ все это скрашивается у васъ молодостью; а пройдетъ молодость, — что отъ васъ останется? Мы съ вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душою, чтобъ расплатиться съ громадными требованіями нашего разума... Есть другіе люди, здоровые и сильные, люди нутра; ихъ можно убить, но невозможно расколоть на-двое, для нихъ мысль, тѣмъ самымъ, что она—мысль, есть въ то же время и дѣйствіе... Вотъ вамъ тотъ человѣкъ, котораго мы видѣли тогда у Варвары Васильевны; мнѣ кажется, такова и Таня. Ничего, что она такъ неразвита и узка, — въ этомъ-то и есть ея сила!.. А наше съ вами дѣло проиграно. Я это ужъ сознаю, вы еще не сознаете, но недалеко время, когда передъ вами встанетъ тотъ же вопросъ... И надъ трупомъ Варвары Васильевны нужно этотъ вопросъ рѣшить честно и серьезно.

— Охъ, какъ вамъ хочется этого „честнаго" рѣшенія! — съ злобною и болѣзненною усмѣшкою произнесъ Сергѣй. — Извольте, вотъ оно, по моему: примиритесь съ вашимъ „невидимымъ", полѣзайте назадъ въ болото и благоденствуйте себѣ на здоровье. Вамъ вѣдь ужасно хочется этого рѣшенія. Но меня оставьте въ покоѣ; будьте увѣрены, что живымъ я въ болото никогда не попаду!

Токаревъ молча махнулъ рукою. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ, охвативъ колѣни руками, и смотрѣлъ вдаль. Глухая, неистовая ненависть къ Сергѣю охватила его: Сергѣй насмѣшливо и злобно подчеркнулъ то, чего именно и хотѣлось Токареву; ну, да, онъ именно и хотѣлъ, чтобы за нимъ было признано право жить такимъ, каковъ онъ есть,—гдѣ же другой выходъ? Сергѣй этого

выхода не хочетъ признать... Хорошо!—подумалъ Токаревъ, охваченный тоскою и дрожью.

— Господи, какая ночь тяжелая!—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.—Сергѣй Васильевичъ, сдѣлайте одолженіе, принесите мнѣ воды изъ ключа. У меня такъ кружится голова,—мнѣ кажется, я сейчасъ упаду... Хоть въ фуражку мою зачерпните, она суконная, не прольется... Ради Бога!..

— Давайте фуражку,—медленно отвѣтилъ Сергѣй, внимательно глядя на Токарева.

Онъ исчезъ за бугромъ. Токаревъ быстро вскочилъ и оглядѣлся. Сырая, сѣрая стѣна дождя безшумно надвигалась въ темнотѣ и какъ будто уже начинала колебаться. Кругомъ стояла глухая тишь, у рѣчки неподвижно чернѣли странныя очертанія кустовъ; молодая лозинка надъ головою тихо шуршала своими сухими, желтыми листьями. Что-то сильное и неудержимое охватило Токарева.

— Ну, получай свое рѣшеніе!—съ безумною радостью подумалъ онъ и сталъ поспѣшно распоясываться; онъ былъ подпоясанъ вдвое длиннымъ и крѣпкимъ шелковымъ шнуркомъ.

Волнуясь и спѣша, Токаревъ дрожащими руками сдѣлалъ на шнуркѣ петлю и дернулъ ее, испытывая крѣпость; петля была крѣпка. Онъ радостно улыбнулся, подошелъ къ лозинѣ и поднявшись на цыпочки, сталъ привязывать къ суку конецъ петли.

— Получайте вашѣ рѣшеніе, Сергѣй Васильевичъ!—еще разъ повторилъ Токаревъ, представляя себѣ воротившагося Сергѣя передъ его трупомъ на лозинѣ.

Вдали раздался шорохъ, какъ будто шаги. Токаревъ вздрогнулъ и, отскочивъ отъ дерева, сталъ вглядываться. Нѣтъ, все было тихо. Сергѣй такъ скоро не могъ вернуться; это, должно быть, пробѣжалъ внизу Сбогаръ.

— Что я такое дѣлаю?!—вдругъ подумалъ Токаревъ. Онъ остановился, глядя на черную лозину, какъ будто только что проснулся отъ какого-то дикаго кошмара. Съ потревоженной лозины медленно и безшумно падали на землю желтые листья. И Токареву все показалось необычнымъ и ужаснымъ: и неподвижная лозина съ безшумно падающими листьями, и недавній разговоръ, и его намѣреніе.

Онъ отбросилъ шнурокъ и быстро пошелъ вонъ изъ лощины. Отъ тучи подуло сильнымъ, влажнымъ вѣтромъ, по землѣ зашуршали первыя капли дождя. Распоясанный, въ развѣвающейся рубашкѣ, Токаревъ шагалъ по колючему жнивью черезъ межи и шелъ въ темноту, не зная, куда.

В. Вересаевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА.

(Изъ недавняго прошлаго).

Давно уже я блуждалъ взоромъ по картѣ Россіи, ища такой уголокъ, гдѣ бы я могъ пріютить свои научные вкусы и аспираціи. Путемъ исключенія всѣхъ другихъ возможностей, оставалось направить свой путь въ Дерптъ, которому неопредѣленная молва приписывала болѣе гостепріимства, чѣмъ я нашелъ въ другихъ университетскихъ центрахъ. Размышлять долго не приходилось, и я пустился изъ благодатной Малороссіи на «туманный сѣверъ». Доѣхавъ до Пскова, я рѣшилъ, въ видахъ обогащенія пейзажными впечатлѣніями, продолжать путешествіе водянымъ путемъ.

Еще на псковской пристани, у самаго подножія древняго собора и нѣкогда стойкихъ кремлевскихъ твердынь, я получилъ первое представленіе о сложныхъ этнографическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ мнѣ предстояло прожить нѣсколько лѣтъ: нагрузчики парохода, «осудари псковичи», съ типичными велико-русскими физіономіями, въ пестрыхъ рубахахъ, бойко объяснялись по-нѣмецки съ капитаномъ, которому пиво и вѣтеръ окрасили все лицо и шею въ багрово-коричневый цвѣтъ, и на какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, оказавшемся эстонскимъ, переругивались съ бѣлобрысыми матросами, къ которымъ замѣчательно подходило древнее прозвище «чудь бѣлоглазая». Наконецъ, приготовленія кончились, причалки были сняты, псковичи привѣтливо съ нами распрощались, и я остался въ обществѣ иноязычныхъ элементовъ.

Старомодная, облѣзлая посудина, подъ названіемъ «Pleskau», неуклюже шлепала колесами по водѣ, но подвигалась впередъ очень медленно, такъ что мы долго не теряли изъ виду псковскихъ церквей. Вотъ открылась внушительная ширь Псковскаго озера, пароходъ благополучно пробрался среди капризныхъ мелей, образуемыхъ устьемъ рѣки Великой, и взялъ курсъ по направленію къ тому мѣсту горизонта, гдѣ вода окончательно сливалась съ небомъ. Послѣ яркихъ красокъ полтавскихъ степей, послѣ нарядныхъ кіевскихъ береговъ, которыми еще полны были мои мысленныя очи, окружавшій меня теперь безцвѣтный просторъ наводилъ уныніе. Печальною казалась мнѣ доля

тѣхъ людей, которые должны жить подъ этимъ низкимъ блѣднымъ небомъ, застлавшимся скучными безформенными облаками. Рѣзкій непріятный вѣтеръ покрывалъ озеро сѣрою рябью, но не въ силахъ былъ поднять волны, которая импонировала бы по крайней мѣрѣ своей амплитудой. На горизонтѣ тянулась, то приближаясь, то отдаляясь, а мѣстами даже исчезая, тонкая линія плоскихъ береговъ, кое-гдѣ поросшихъ сосновымъ лѣсомъ; среди нихъ порой показывались десятка два черныхъ избъ, издали казавшихся совсѣмъ заброшенными. Раза два-три въ теченіе дня изъ этихъ деревушекъ навстрѣчу пароходу выѣзжали большія рыбацкія лодки, принимали какого-нибудь палубнаго пассажира, сгружали или нагружали какой-нибудь боченокъ, и опять кругомъ воцарялось безлюдье и стлалась пустыня.

Солнце уже замѣтно клонилось къ закату, когда берега справа и слѣва начали сближаться, а впереди пролива открывался громадный Пейпусъ, но мы стали заворачивать влѣво въ устье Эмбаха и на этотъ разъ сѣли на мель. Долго бились мы безъ всякаго результата, капитанъ ругался, бѣгалъ во всѣ стороны на своей рубкѣ, пассажиры охотно помогали матросамъ отпихиваться шестами, заводить якорь, перемѣщать грузъ, на подъѣхавшія откуда-то лодки стали даже сбрасывать дрова, чтобы облегчить пароходъ, но ничего не помогало. Неизвѣстно, сколько времени мы провели бы въ такомъ положеніи, если бы уже позднимъ вечеромъ перемѣнившійся вѣтеръ не нагналъ воды въ устье рѣки. Продрогши на палубѣ, я отправился согрѣваться въ буфетъ и здѣсь разговорился съ студентомъ ветеринарнаго института, прожившимъ въ Дерптѣ уже четыре года. Ничего изъ того, что меня интересовало, онъ, впрочемъ, не могъ мнѣ сообщить, такъ какъ, по его словамъ, жилъ въ сторонѣ отъ всѣхъ дерптскихъ интересовъ и даже не успѣлъ выучиться нѣмецкому языку. Впереди оставалось еще нѣсколько часовъ пути, и намъ предстояло прибыть на мѣсто не раньше полуночи, вмѣсто семи часовъ послѣ обѣда, и то, какъ увѣряла буфетчица, если мы благополучно минуемъ какой-то камень на серединѣ дороги. Самое разумное поэтому было лечь спать.

Я проснулся отъ топота и говора суетящихся пассажировъ. Мы были у цѣли, надо было выгружаться. Холодная ночь послѣ душной каюты, а также волненіе передъ открывающимся невѣдомымъ будущимъ наполняли весь организмъ какою-то внутреннею дрожью. Незнакомый городъ въ темнотѣ казался загадочнымъ и интереснымъ. Черная масса домовъ, выдѣляясь неяснымъ силуэтомъ на ясномъ звѣздномъ небѣ, громоздилась куда-то въ гору. Горбатый каменный мостъ съ внушительными арками въ видѣ воротъ возбуждалъ представленія изъ романтической готики. Рѣка, прорѣзанная зигзагами огней отъ немногочисленныхъ фонарей набережной казалась широкой и многоводной въ своихъ неясныхъ берегахъ.

За позднимъ временемъ нечего было и думать разыскивать един-

ственнаго знакомаго мнѣ въ Дерптѣ студента, и я принялъ радушное предложеніе своего пароходнаго компаньона переночевать у него. Привыкши къ голымъ, неуютнымъ конурамъ русскихъ студенческихъ комнатъ, я былъ пріятно изумленъ сравнительнымъ комфортомъ своего новаго знакомаго: за 30 рублей въ семестръ онъ имѣлъ цѣлыхъ двѣ комнаты, съ мягкимъ диваномъ и креслами, съ гардинами, съ комодомъ и шкафомъ. Вотъ гдѣ настоящее Эльдорадо, думалъ я, вспоминая свою комнату въ Харьковѣ, которую мы занимали вдвоемъ съ товарищемъ за 14 руб. въ мѣсяцъ: меблировка ея состояла изъ двухъ скрипучихъ кроватей, слишкомъ короткихъ, чтобы можно было лежать вытянувшись, двухъ животрепещущихъ столиковъ, на которыхъ едва умѣщались локти при писаніи, и пяти бѣлыхъ стульевъ, изъ коихъ два не имѣли полнаго комплекта ножекъ и служили только декоративнымъ цѣлямъ; платье предоставлялось вѣшать на гвоздикъ, а бѣлье держать въ чемоданѣ.

На слѣдующее утро городъ, правда, потерялъ свою загадочность, но показался мнѣ чрезвычайно привѣтливымъ и привлекательнымъ. Въ немъ нѣтъ такихъ старинныхъ кварталовъ, какъ въ Ригѣ и Ревелѣ, и только кривизна и названія нѣкоторыхъ улицъ свидѣтельствуетъ о давно минувшихъ временахъ. Много зелени, которую я засталъ какъ разъ въ ея осеннемъ великолѣпіи; на городской площади старая ратуша, кажется еще шведской эпохи, два шага отъ нея университетъ, не особенно грандіознаго стиля, но почтеннаго симпатичнаго вида, какъ солидная, удобная дѣдовская мебель, а надъ нимъ въ гору тянется обширный и прекрасный городской паркъ, — краса города и гордость мѣстныхъ жителей. Возвышенное, холмистое расположеніе даетъ много живописныхъ точекъ зрѣнія; въ глубинѣ построены клиники и астрономическая обсерваторія на мѣстѣ бывшаго тамъ когда-то замка, а на самомъ видномъ пунктѣ, надъ горой возвышаются развалины сгорѣвшаго нѣкогда грандіознаго собора, характернаго сѣверно-нѣмецкаго стиля кирпичной готики; алтарная часть, впрочемъ, отстроена и по счастливой мысли обращена въ хранилище университетской библіотеки. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи и признательности вспоминаю я эту прекрасно организованную библіотеку, въ которой я впослѣдствіи провелъ много чудныхъ часовъ. Эти строгія, грандіозныя колонны, гулкіе своды, стрѣльчатыя окна и стоптанныя плиты пола производили на меня каждый разъ, какъ я входилъ туда, то неотразимое впечатлѣніе, которое испытываешь только въ средневѣковыхъ церквахъ. Каждая архитектурная линія съ безсознательною геніальностью разсчитана на то, чтобы освободить помыслы пришельца отъ всего мелочнаго и суетнаго и направить ихъ на великое и вѣчное. Неисчерпаемыя богатства человѣческой мысли, которыя были собраны подъ этими сводами и громоздились ярусами вверхъ по простѣнкамъ и колоннамъ, прекрасно гармонировали съ торжественностью мѣста и допол-

няли настроеніе: банальное выраженіе «храмъ науки» заключало здѣсь особый оттѣнокъ живой образности.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ. Въ то первое утро я получилъ только общее пріятное впечатлѣніе отъ внѣшности города. Его миніатюрные размѣры, видимое господство университета, звучный эстонскій языкъ туземцевъ, скромные домики на тихихъ улицахъ—все показалось мнѣ необыкновенно симпатичнымъ, и я мысленно уже искалъ то окно подъ крышей, изъ котораго мнѣ придется отнынѣ взирать на міръ. Мечты эти однако, пока что, оказались преждевременными. Еще не мало пришлось поколесить взадъ и впередъ по всякимъ начальственнымъ резиденціямъ; я попыталъ счастье даже въ Гельсингфорсѣ, побывалъ опять на родинѣ, чуть-чуть не попалъ въ солдаты, но въ концѣ концовъ все оказалось недоразумѣніемъ: чтобы не забыть, что такія недоразумѣнія возможны, я сохраняю собственноручную записку гр. Делянова, въ коей обозначено, что начальству дерптскаго университета предложено принять меня въ число студентовъ. Послѣ весьма продолжительныхъ мытарствъ, я наконецъ держалъ въ рукахъ внушительнаго вида латинскій документъ, коимъ объявлялось «всѣмъ и каждому, кому это интересно», что отнынѣ я (Juvenis Ornatissimus!) не только состою «гражданиномъ» университета, но также, что мнѣ, какъ таковому, обѣщается—вещь необычайная—«покровительство академическихъ законовъ и всѣ права и удобства», присвоенныя студентамъ. Взамѣнъ этого, я, «подавши правую руку» ректору, обѣщалъ, что буду усердно заниматься наукой, посѣщать необходимыя лекціи, вести себя согласно правиламъ порядочности и чести (verecunde atque honeste) и оказывать повиновеніе и почтеніе университетскимъ законамъ и властямъ. Словомъ, это былъ не пропускной билетъ на лекціи, а форменный двухсторонній договоръ, въ которомъ я, какъ равная сторона, бралъ на себя извѣстныя обязательства, но взамѣнъ получалъ извѣстныя права, тогда какъ до сихъ поръ я привыкъ видѣть въ «академическихъ законахъ» лишь предписанія того, что я *обязанъ* дѣлать, и запрещенія того, что я *не имѣю права* дѣлать.

Въ то время, о которомъ будетъ идти рѣчь на слѣдующихъ страницахъ, очень мало русскихъ попадало въ дерптскій университетъ прямо съ гимназической скамьи. Здѣсь встрѣчались самые разношерстные элементы, представители всѣхъ мѣстностей Россіи «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». Большинство изъ нихъ имѣли за собой болѣе или менѣе сложную біографію и вообще видали виды; были люди за тридцать и за сорокъ лѣтъ. И, вѣроятно, всѣ, также какъ я, испытали особенное радостное чувство отдохновенія, находясь впервые опять въ атмосферѣ чистой науки, на лекціи какой-нибудь химіи, математики или сравнительнаго языковѣдѣнія. Послѣ погруженія въ запутанныя дебри животрепещущихъ, проклятыхъ вопросовъ дѣйствительности, странно было проникаться необыкновенною

важностью самыхъ отвлеченныхъ проблемъ человѣческой мысли, самыхъ хитроумныхъ гипотезъ о строеніи матеріи или о генезисѣ рѣчи.

Среди толпы слушателей всегда не трудно было узнать русскаго студента по обличью; сравнительно съ нѣмецкими юношами, сытыми, румяными, въ чистенькихъ пиджакахъ и крѣпко накрахмаленныхъ воротничкахъ, пришельцы изъ Москвы, Кіева, Казани носили совсѣмъ другой отпечатокъ: худыя и блѣдныя, нервныя, неврастетичныя лица, не всегда аккуратно причесанная шевелюра, нерѣдко мягкія вышитыя сорочки, а то и косоворотки. Впрочемъ, относительно костюма рѣдко кто оказывался упорнымъ консерваторомъ. Такъ какъ приличная внѣшность нѣмецкихъ студентовъ не носила вовсе того тенденціознаго агрессивнаго характера, какъ бѣлыя подкладки и высокіе воротники нашихъ пшютовъ, то и оппозиція имъ теряла всякій смыслъ. Въ концѣ семестра или года, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, самые истые «семидесятники» почти всегда заводили манишки и галстухи и по возможности приноровляли свой костюмъ къ средней европейской нормѣ. Послѣ ближайшихъ «безпорядковъ» въ какомъ-нибудь изъ университетовъ опять нахлынетъ волна кожаныхъ куртокъ, высокихъ сапогъ и вызывающихъ вихровъ, но черезъ нѣкоторое время опять совершается процессъ европеизаціи костюма, и только одни лица сохраняютъ неизгладимую печать національности, а главнымъ образомъ личной исторіи каждаго.

Гораздо туже шло усвоеніе нѣмецкаго языка, которымъ только незначительная часть пріѣзжихъ русскихъ владѣла въ достаточной степени. Кромѣ уже преобразованнаго юридическаго факультета, гдѣ бо́льшая часть предметовъ читалась по-русски, почти всѣ остальныя каѳедры были еще замѣщены нѣмецкими профессорами, такъ что приходилось нетолько понимать лекціи, но и объясняться по-нѣмецки на практическихъ занятіяхъ и экзаменахъ. Отдавать время на предварительное изученіе языка никто не имѣлъ возможности, такъ какъ и безъ того университетскій курсъ затягивался не въ мѣру. Приходилось, слѣдовательно, учиться языку на-скоро, попутно, преимущественно изъ самыхъ лекцій, потому что другихъ источниковъ было мало. Общенія съ нѣмецкими товарищами почти не было, за весьма рѣдкими исключеніями; бывать въ нѣмецкихъ домахъ приходилось еще рѣже, такъ что вся практика въ нѣмецкомъ разговорѣ ограничивалась нѣсколькими «комнатными» словами, необходимыми для объясненія своихъ желаній эстонкамъ-служанкамъ, да приказчикамъ въ магазинахъ. Вслѣдствіе слабой покупной способности русскихъ студентовъ, и эти послѣдніе разговоры случались рѣдко. Кто хотѣлъ получше усвоить языкъ, прибѣгалъ къ обмѣннымъ урокамъ, которые не трудно было достать, такъ какъ знаніе русскаго языка среди нѣмцевъ было весьма слабо, между тѣмъ онъ постепенно вводился въ школѣ и былъ уже обязательнымъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Эти обмѣнные уроки, такъ

наз. Conversations-Stunden, имѣли и другое значеніе. Это была почти единственная почва для неоффиціальнаго общенія между нѣмцами и русскими, и такимъ путемъ иногда дѣлалась брешь въ застарѣломъ взаимномъ предубѣжденіи. Тѣмъ или инымъ способомъ знаніе нѣмецкаго языка пріобрѣталось русскими студентами настолько, что къ концу перваго же года, а для болѣе способныхъ и гораздо скорѣе, пониманіе лекцій и чтеніе книгъ по своей спеціальности не представляло затрудненія, ко времени же экзаменовъ большинство и объяснялось весьма бойко, хотя и съ ужасающими ошибками. Надо при этомъ сказать, что нѣмецкіе профессора всегда снисходительно относились къ варварскому изложенію, если только не видно было, что студентъ старается незнаніемъ языка замаскировать незнаніе предмета; случались и подобные факты.

Вообще, отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ своимъ слушателямъ носили тотъ особенный характеръ взаимнаго свободнаго уваженія и симпатіи, который такъ привлекаетъ иностранцевъ въ германскіе университеты. О различномъ отношеніи въ зависимости отъ національности студентовъ какъ-то не могло быть и рѣчи. Иноязычныхъ студентовъ, быть можетъ, не такъ охотно принимали въ университетъ, особенно если можно было опасаться, что они внесутъ дисгармонирующія ноты въ традиціонный тонъ университетской жизни, но разъ молодой человѣкъ дѣлался civis academicus, то вмѣстѣ съ правомъ посѣщать лекціи и пользоваться всѣми вспомогательными учрежденіями онъ пріобрѣталъ благожелательство и вниманіе преподавателей. Въ многолюдныхъ аудиторіяхъ медицинскаго и нѣкоторыхъ отдѣловъ физико-математическаго факультетовъ это не могло проявляться съ такою наглядностью, какъ, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ, благодаря дробленію на отдѣльныя спеціальности, слушателей никогда не было болѣе одного-двухъ десятковъ.

Раздѣленіе спеціальностей съ самаго начала курса (ихъ было семь на историко-филологическомъ факультетѣ) имѣетъ всѣмъ извѣстныя весьма существенныя неудобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя положительныя стороны. Въ каждомъ спеціальномъ отдѣлѣ былъ одинъ главный руководитель, вокругъ предметовъ котораго прочія дисциплины группировались въ качествѣ второстепенныхъ или вспомогательныхъ. Профессоръ имѣлъ передъ собою не безличную толпу слушателей, а вступалъ въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Это достигалось главнымъ образомъ при посредствѣ практическихъ занятій, которыя нѣмецкіе профессора любили устраивать въ послѣобѣденные часы у себя на дому. Благодаря строжайше охраняемой съ обѣихъ сторонъ академической свободѣ, никто не былъ принуждаемъ къ посѣщенію этихъ курсовъ, но они были настолько полезны, — изъ нихъ можно было вынести гораздо болѣе, чѣмъ изъ обычныхъ общихъ курсовъ,—при томъ каждый чувствовалъ себя такъ пріятно въ непринуж-

денной обстановкѣ профессорскаго кабинета, что никто не смотрѣлъ на эти вечернія бесѣды, какъ на казенную обязанность; ихъ посѣщали скорѣе, какъ журфиксы стараго знакомаго. Никто не рѣшился бы приступить къ экзаменамъ, не участвовавъ въ такихъ практическихъ занятіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ, но также неловко чувствовалъ бы себя тотъ, кто пошелъ бы въ квартиру профессора, не овладѣвъ еще предметомъ настолько, чтобы быть въ состояніи вполнѣ понимать научную бесѣду. Многіе продолжали ходить на эти часы даже по выдержаніи экзамена, если оставались въ городѣ; случалось и такъ, что какой-нибудь старый ученикъ, пріѣхавъ почему-нибудь въ Дерптъ, зайдетъ вспомнить свои студенческіе годы. Спеціализировавшись по германской филологіи, я сохранилъ самыя сердечныя воспоминанія о подобномъ практическомъ семинаріѣ профессора Лео Мейера *), стараго заслуженнаго ученаго, пользовавшагося всегдашними симпатіями своихъ учениковъ. Привѣтливо встрѣчалъ онъ каждаго студента на своихъ пятницахъ. Въ началѣ года, когда въ числѣ слушателей появлялись новыя лица, онъ съ искреннимъ интересомъ разспрашивалъ каждаго, откуда онъ, гдѣ получилъ образованіе, каково направленіе его научныхъ интересовъ, если таковое имѣлось налицо. Затѣмъ уже всѣ чувствовали себя личными знакомыми профессора и могли широко пользоваться его эрудиціей. Правда, къ новѣйшимъ теченіямъ филологіи онъ не чувствовалъ симпатіи (съ ними мы знакомились на лекціяхъ проф. Бодуэна-де-Куртенэ), онъ даже иронизировалъ надъ черезчуръ, по его мнѣнію, точными методами неограмматиковъ, но никогда не стѣснялъ научной совѣсти своихъ учениковъ и предоставлялъ въ ихъ распоряженіе весь громадный запасъ изученныхъ имъ фактовъ. Если кто-нибудь задавалъ вопросъ или высказывалъ соображеніе, хотя бы оно и не отличалось особенною глубиною, это доставляло ему истинное удовольствіе. Онъ вспоминалъ всѣ контроверсы, какіе высказывались по данному предмету въ литературѣ, добросовѣстно взвѣшивалъ, рылся по словарямъ, съ интересомъ выслушивалъ параллели изъ неизвѣстныхъ ему языковъ (онъ не зналъ славянскихъ языковъ). Нитью для бесѣды служилъ какой-нибудь текстъ, но нерѣдко нить эта прерывалась значительными отступленіями: заходила-ли рѣчь о какомъ-нибудь ученомъ, проф. Мейеръ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, характеризовалъ его взгляды, манеру работать, значеніе въ наукѣ; иногда текстъ готскаго евангелія наводилъ разговоръ на богословскія темы; текущія событія университетской жизни вызывали также сдержанный, но нелицемѣрный обмѣнъ мнѣній. Въ концѣ семестра профессоръ всегда разспрашивалъ насъ, не имѣемъ-ли мы какихъ-нибудь спеціальныхъ желаній относительно выбора предмета для будущаго курса, и всегда сообразовался съ запросами большинства. Правда, надо сказать, что большинство оказывалось всегда очень консервативно, такъ что

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ перешелъ въ Геттингенскій университетъ.

переходили отъ готскаго евангелія къ Гомеру, а отъ Гомера къ Нибелунгамъ или Вальтеру фонъ-деръ-Фогельвейде. Послѣ такого общенія экзаменъ сводился къ одной формальности: студенты знали требованія профессора, а профессоръ зналъ степень подготовленности каждаго слушателя. «Ахъ, мы вѣдь знаемъ другъ друга!» говорилъ онъ, если студентъ обнаруживалъ твердыя свѣдѣнія въ самыхъ главныхъ основахъ науки и интересъ къ ней. Другіе професора, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, относились къ слушателямъ съ такимъ же доброжелательствомъ, хотя и предъявляли къ нимъ нѣсколько бо́льшія требованія; но о придирчивости, о высокомѣрномъ отношеніи къ неопытности начинающихъ студентовъ, о формализмѣ требованій, за единичными исключеніями, я не слыхалъ.

Нерѣдко высказывается мнѣніе (конечно, только въ Россіи), что близкія личныя отношенія между профессорами и студентами ведутъ къ кумовству, панибратству, къ халатности въ работѣ со стороны послѣднихъ: знакомый профессоръ, молъ, будетъ снисходителенъ. На это я могу сказать, что ни въ одномъ русскомъ университетѣ я не наблюдалъ такого глубокаго уваженія къ профессорамъ, какъ въ былое время въ Дерптѣ, не всегда даже пропорціональнаго съ ихъ научными и нравственными заслугами. Нигдѣ также я не видѣлъ такого усерднаго подготовленія къ экзаменамъ, какъ тамъ,—не за страхъ, а за совѣсть. Время прохожденія курса въ мое времк еще не было ограничено, можно было окончить университетъ въ два съ половиною года, но ни одинъ нѣмецкій студентъ не позволялъ себѣ воспользоваться этою возможностью, и бо́льшая часть оставалась въ университетѣ гораздо дольше четырехъ лѣтъ, даже изъ тѣхъ, кто аккуратно занимался и не терялъ времени на кутежи. На нашемъ факультетѣ былъ совсѣмъ сѣдой студентъ, который болѣе двадцати лѣтъ уже былъ имматрикулированъ, перемѣнивъ нѣсколько разъ спеціальность. Онъ не пропускалъ ни одной лекціи, щепетильно записывалъ каждое слово профессора, дома занимался исключительно науками, и все-таки считалъ себя недостаточно подготовленнымъ, чтобы приступить хотя бы къ полукурсовому экзамену. Это былъ, вѣроятно, не совсѣмъ нормальный субъектъ, но онъ утрировалъ только общераспространенную добросовѣстность штудированія.

Насколько такое прилежаніе подвигало общее развитіе, это вопросъ другой. Въ этомъ отношеніи едва ли можно оспаривать, что уровень нѣмецкаго студенчества въ массѣ былъ не высокъ. Извѣстная степень культурности, накопившаяся въ теченіе долгихъ поколѣній, считалась достаточной замѣной образованію, надъ которымъ надо было поработать самостоятельно. Рѣшившись ограничиться исключительно тѣмъ, что я могъ узнать изъ личнаго наблюденія, я не буду разбирать здѣсь причины этого явленія, но меня часто поражала узость горизонта товарищей-нѣмцевъ и отсутствіе потребности его

расширить. Я зналъ студентовъ, которые не видѣли ни одного города, кромѣ «Аейнъ на Эмбахѣ», какъ въ Остзейскомъ краѣ называютъ Дерптъ, да еще родного Феллина или Везенберга, и не чувствовали никакого влеченія въ невѣдомую даль. Знаніе новыхъ языковъ было весьма незначительно. Общественные интересы, за исключеніемъ балтійскаго вопроса, считались «политикою», заниматься которою для студента предосудительно. Отношеніе же къ балтійскому вопросу казалось мнѣ также слишкомъ стихійнымъ, основаннымъ на традиціи и непосредственномъ чувствѣ, безъ стремленія связать его съ болѣе широкими идеями. Даже въ чисто научной сферѣ, благодаря крайней спеціализаціи университетскихъ курсовъ, сколько-нибудь широкая система знаній считалась излишнею. Я помню, какъ одинъ товарищъ филологъ, далеко не изъ худшихъ, былъ удивленъ, когда въ разговорѣ мнѣ случилось обнаружить пониманіе различія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. «Развѣ вы были прежде на юридическомъ факультетѣ?» спросилъ онъ. Другой, увидѣвъ у меня сочиненіе проф. Карѣева «о роли личности въ исторіи», былъ пораженъ существованіемъ подобнаго вопроса. «Какъ бы я хотѣлъ почитать какую-нибудь такую книгу!» сказалъ онъ, но книги все-таки не взялъ,—это было бы черезчуръ большою роскошью для языковѣда. Зато въ области спеціальныхъ знаній въ избранной отрасли наукъ съ нѣмецкими студентами не легко было конкурировать. Извѣстно, что дерптскій университетъ выпустилъ не мало солидныхъ ученыхъ. Оговариваюсь впрочемъ, что я не желаю выводить общаго правила изъ своихъ личныхъ наблюденій. Допускаю, что и между нѣмецкими студентами случались отдѣльныя личности, а можетъ быть, и цѣлыя группы съ гораздо болѣе сильными запросами къ общему образованію. Мнѣ извѣстны также случаи, когда эти запросы пробуждались позднѣе, по окончаніи университета, подъ вліяніемъ столкновенія съ незнакомыми условіями жизни, путешествія заграницу и другихъ стимуловъ.

Понятно, что различіе во внѣшней и внутренней культурѣ становилось почти непреодолимой преградой между нѣмецкимъ и русскимъ студенчествомъ. Послѣднее внѣ стѣнъ университета жило совершенно особою, во многихъ отношеніяхъ своеобразною жизнью. Жизнь эта кореннымъ образомъ отличалась отъ жизни туземныхъ элементовъ въ силу особенностей, вывезенныхъ русскими изъ своихъ мѣстъ, но она не похожа была и на жизнь студентовъ въ русскихъ университетскихъ городахъ, благодаря инымъ формамъ, которыя предоставлялъ ей дерптскій университетъ. Русскихъ студентовъ въ университетѣ было около трехсотъ, но они жили въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи со студентами ветеринарнаго института, большинство которыхъ было русскими. Нѣмцы не желали входить съ ветеринарами въ какое-либо соприкосновеніе, причисляя ихъ къ «кнотамъ», т.-е. лицамъ не университетскаго образованія, и награждая презрительнымъ прозвищемъ die Re-

cudisten (=скотники); мы же не могли не видѣть въ нихъ своихъ товарищей. Благодаря болѣе низкому образовательному цензу для поступленія въ ветеринарный институтъ (шесть классовъ гимназіи или реальнаго училища), среди ветеринаровъ было дѣйствительно не мало темныхъ элементовъ, которые понижали общій умственный и культурный уровень. Это были неудачники, недоучки, забулдыги, безъ уваженія къ наукѣ, безъ умственныхъ интересовъ, иногда съ самыми примитивными инстиктами; другіе опять были почти дѣти, настоящіе школьники, безъ солидныхъ нравственныхъ устоевъ, одинаково легко подчиняющіеся добрымъ, какъ и злымъ порывамъ. Но не всѣ были такіе; многіе попадали въ ветеринарный институтъ случайно: реалисты, которымъ не посчастливилось попасть въ высшія техническія заведенія, гимназисты, которымъ не удалось получить аттестатъ зрѣлости по причинамъ, лежащимъ внѣ способности къ прохожденію наукъ, лица, утратившія почему-либо возможность продолжать университетскій курсъ, и т. п. Между ними были люди, которые по высотѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ завоевывали себѣ уваженіе и авторитетъ среди всего русскаго студенчества въ Дерптѣ. Въ концѣ концовъ лучшіе, наиболѣе умственно зрѣлые элементы почти всегда умѣли удерживать общее теченіе жизни въ границахъ, соотвѣтствующихъ студенческому достоинству. Были, конечно, случаи непріятныхъ эксцессовъ, которые мы весьма болѣзненно ощущали, но и они не давали намъ права отречься отъ солидарности съ менѣе развитыми товарищами и заставляли, напротивъ, бдительнѣе относиться ко всему, что касалось интересовъ студенчества.

Первою и наиболѣе настоятельною задачею общенія русскихъ студентовъ была матеріальная взаимопомощь. Бѣдность господствуетъ повсюду, гдѣ есть русская учащаяся молодежь, но нигдѣ, кажется, она не носитъ такого всеобщаго характера, какъ было въ Дерптѣ. Условія жизни здѣсь были въ сущности не дороги. Рублей за 25 въ мѣсяцъ можно было жить безъ всякихъ лишеній, тогда какъ въ Петербургѣ или Москвѣ можно жить только за 40 рублей. Но лишь весьма немногіе счастливцы имѣли такой доходъ. Были студенты, которые ухитрялись существовать на 10 руб. въ мѣсяцъ, другіе и того не имѣли и вели совершенно проблематическій образъ жизни. Такимъ случалось по мѣсяцамъ не обѣдать, питаясь чаемъ, ситнымъ хлѣбомъ и колбасой. Взаймы деньги давали охотно, но рѣдко у кого было, что дать. У нѣкоторыхъ вырабатывалась особая психологическая привычка мысленно взвѣшивать каждое новое лицо: можно ли у него занять, и сколько онъ можетъ дать? Но часто никакія соображенія не помогали; такому искателю случалось другой разъ опросить человѣкъ двадцать, пока не найдется у кого-нибудь послѣдній рубль; не брезгали и меньшими суммами. Бывали случаи, что нельзя было уѣхать къ роднымъ на каникулы за неимѣніемъ нѣсколькихъ рублей на проѣздъ, и приходилось

тянуть такое горькое житье со дня на день цѣлое лѣто. Уроки доставались съ трудомъ и оплачивались плохо. Конкуренція вырабатывала спеціалистовъ-репетиторовъ, которые составляли себѣ имя среди городской публики, такъ что всѣ уроки стекались къ нимъ, а прочимъ оставались только тѣ, которыхъ они не могли взять за недостаткомъ времени, или которые слишкомъ скудно оплачивались.

Какъ эта борьба за существованіе потрясала нервы, можетъ свидѣтельствовать, напр., такой эпизодъ. Одинъ изъ студентовъ, въ высшей степени способный, энергичный, пользовавшійся всеобщими симпатіями, какъ-то выбился изъ колеи, впалъ въ нищету и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ питался жидкимъ какао. Онъ сталъ рѣдко показываться въ обществѣ товарищей, позеленѣлъ, но продолжалъ упорно работать. Вдругъ ему привалило счастье: онъ досталъ урокъ и съ такимъ талантомъ поставилъ какого-то оболтуса на ноги, что предложенія посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Онъ нанялъ хорошую квартиру, пріютилъ даже только что пріѣхавшаго въ Дерптъ изъ другого университета своего бывшаго товарища и пріятеля, которому некуда было дѣваться, сталъ печатать въ газетахъ объявленія: «Имѣю еще нѣсколько часовъ въ недѣлю свободныхъ...» и открыто признавался: «Жадность меня одолѣла». Расшатанные нервы толкали его по наклонной плоскости. Рѣшивъ сразу вырваться изъ невыносимой нищеты, онъ сталъ составлять покаянныя письма высокопоставленнымъ лицамъ. Безсвязный текстъ этихъ упражненій и безцѣльность ихъ, если бы даже онъ дѣйствительно отправилъ свои письма по назначенію, ясно свидѣтельствовали объ его болѣзненномъ состояніи. Но сожитель его, также нервный и измученный человѣкъ, сталъ убѣждать его, возмущался, ссорился, укорялъ жестокими словами. Тотъ, въ свою очередь, нетолько не отказывался отъ своего намѣренія, но издѣвался надъ бѣднымъ моралистомъ, упрекалъ его, что онъ живетъ на чужой счетъ, говорилъ, что съ завтрашняго дня онъ не позволитъ ему больше пить свой чай и курить свой табакъ. Случайно зашедшій къ нимъ товарищъ засталъ ихъ однажды вечеромъ въ такой ярости другъ противъ друга, въ такомъ нервномъ возбужденіи, что имъ уже стали представляться различные страшные образы по темнымъ угламъ. Не рѣшаясь оставить ни одного изъ нихъ въ одиночествѣ, онъ нѣсколько часовъ водилъ обоихъ по городскому парку, пока они немного пришли въ себя и рѣшились мирно идти спать. Черезъ нѣсколько дней сожители разъѣхались и стали приходить въ норму. Тотъ, который собирался каяться, повидимому, отъѣлся и началъ опять появляться среди товарищей. Сначала онъ молчалъ, боясь, какъ бы его не стали преслѣдовать упреками, но никто не подавалъ виду, что знаетъ за нимъ что-нибудь предосудительное. Понемножку онъ началъ вмѣшиваться въ общій разговоръ, интересоваться студенческими дѣлами и совсѣмъ забылъ свою блажь. Впослѣдствіи онъ благополучно кончилъ универ-

ситетъ и сдѣлался весьма почтеннымъ дѣятелемъ, утилизируя свой не дюжинный популяризаторскій талантъ.

Въ борьбѣ съ нуждою дерптское студенчество было предоставлено исключительно самому себѣ. Никакихъ благотворительныхъ обществъ тогда еще не существовало. Университетское начальство, какъ и въ германскихъ университетахъ, вовсе не поощряло бѣдности и очень неохотно даже отсрочивало взносъ платы, не говоря уже объ освобожденіи. Зато въ нашемъ распоряженіи были различныя студенческія учрежденія, которыя главныя свои усилія направляли на взаимопомощь. Кассы и кухмистерскія функціонировали очень дѣятельно, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали громадные обороты. Во всѣхъ обществахъ (при ветеринарномъ институтѣ было нѣсколько, при университетѣ одно общество русскихъ студентовъ) находились способные организаторы, которые всей душой отдавались хозяйственной дѣятельности; нѣкоторыя наиболѣе людныя столовыя въ состояніи были даже приглашать особыхъ хозяекъ. Такимъ образомъ громадная масса студентовъ имѣла возможность за дешевую плату получать въ достаточной мѣрѣ сытный и здоровый столъ. Такъ какъ подобныя столовыя должны были обходиться безъ всякихъ благотворительныхъ фондовъ и вспомоществованій и не могли работать въ дефицитъ, то плату 20—25 коп. за обѣдъ нельзя считать дорогою, хотя, конечно, были студенты, которые невсегда могли позволять себѣ такія издержки. Около 1 — 2 часовъ дня столовыя эти превращались въ клубы, куда собирались нетолько обѣдающіе, но и всѣ, кому надо было переговорить съ товарищами, почитать газету или занять денегъ.

Трудно себѣ представить, во сколько разъ невыносимѣе была бы жизнь русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, если бы отнята была возможность подобнаго товарищескаго общенія. Кромѣ нѣсколькихъ женатыхъ студентовъ, всѣ были лишены семейной обстановки, а очень многіе не имѣли даже семейныхъ знакомыхъ, такъ что только постоянная и организованная связь съ товарищами могла хоть въ нѣкоторой степени предохранить человѣка отъ апатіи, тоски, одичанія и дурныхъ инстинктовъ. Я не хочу сказать впрочемъ, чтобы этимъ послѣдствія тяжелыхъ условій существованія русскаго студенчества, значительно обостренныхъ исключительной обстановкой мѣстной жизни, были совсѣмъ парализованы. Въ извѣстныхъ кругахъ можно было встрѣтить и пьянство, и развратъ, и чувство, похожее на taedium vitae, приводило не разъ молодыхъ и здоровыхъ людей къ печальному концу, но кто знаетъ, сколько самоубійствъ было бы, если бы каждый былъ обреченъ на нравственное одиночество, и до какихъ размѣровъ дошла бы распущенность нравовъ, если бы каждый не чувствовалъ за собою контроля общественнаго мнѣнія.

Таково предохранительное, такъ сказать, значеніе товарищества. Но еще важнѣе, пожалуй, его активная роль. Кто наблю-

далъ жизнь дерптскаго студенчества, прекрасно знаетъ, сколько зеленыхъ юношей, прибывшихъ туда съ неясными порывами, съ неустановившимся характеромъ, съ ничтожнымъ запасомъ идей, черезъ три-четыре года уходили готовыми людьми съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, съ развитымъ инстинктомъ общественности, увѣренные въ своихъ силахъ, испытанныхъ уже на мирной работѣ, въ нормальныхъ условіяхъ борьбы противоположныхъ мнѣній. Всякое стремленіе къ дѣятельности находило здѣсь скромное, конечно, но полезное примѣненіе, всякій умственный запросъ легче удовлетворялся при содѣйствіи болѣе развитыхъ товарищей, всякая новорожденная мысль обстрѣливалась въ контроверсахъ дебатовъ, теряла угловатость или гибла, если не обладала жизнеспособностью. Нельзя не быть благодарнымъ дерптскому университету, который относился съ такимъ довѣріемъ къ юношеству, позволяя ему безъ потрясеній и жертвъ слѣдовать своимъ естественнымъ стремленіямъ къ развитію и самодѣятельности.

Эти условія студенческой жизни въ Дерптѣ создавали своеобразные типы, или, лучше сказать, поддерживали ихъ существованіе, тогда какъ въ иномъ мѣстѣ они несомнѣнно должны были гибнуть. Всякій изъ товарищей, прочитавъ эти строки, конечно, догадается, что я говорю о покойномъ Омировѣ. Изъ числа русскихъ студентовъ, штудировавшихъ въ Дерптѣ въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ навѣрное нѣтъ ни одного, кто бы не хранилъ памяти объ этомъ удивительномъ человѣкѣ въ самомъ свѣтломъ уголкѣ своей души. Онъ не былъ вожакомъ, который вызываетъ или слѣпое поклоненіе своей сильной волей, или вражду своимъ властолюбіемъ. Нѣтъ, съ нимъ всѣ спорили, но всѣ его любили за его евангельскую чистоту. Его называли «вѣчнымъ студентомъ»; дѣйствительно, онъ началъ свою университетскую «карьеру» давно, навѣрное болѣе десяти лѣтъ назадъ, въ Москвѣ; послѣ тяжелыхъ испытаній онъ, какъ многіе другіе, попалъ въ Дерптъ и здѣсь бросилъ якорь. Въ моихъ рукахъ находится нѣсколько его стихотвореній, я не считаю себя въ правѣ предавать ихъ публичности, для которой они, повидимому, не предназначались, да они и не заключаютъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ, но въ каждой строчкѣ ихъ сквозитъ прекрасная личность автора. Въ одномъ изъ нихъ говорится о несомнѣнности близкой смерти и о томъ, какъ тяжело это сознаніе, когда такъ страстно хочется «жить разумной жизнью» и просто жить. Почему же онъ не торопился утилизировать послѣдніе драгоцѣнные годы и вмѣсто того, чтобы вступить въ такъ называемую «дѣйствительную жизнь», тратился на мелочи студенческаго быта? Потому что для него это были не мелочи, а настоящая, серьезная, единственно возможная жизнь. Доктора посылали его на югъ, и онъ понималъ, что только тамъ онъ могъ продлить свое существованіе. Онъ дѣйствительно и уѣхалъ было куда-то въ Самарскую губернію на кумысъ,

но дольше году не могъ выдержать и вернулся опять въ милый его сердцу Дерптъ. Онъ былъ всестороннѣе начитанъ и образованъ, чѣмъ мы всѣ; онъ любилъ природу и потому былъ естественникомъ, но университетской наукой онъ занимался исключительно съ цѣлью пополнить свое образованіе, безъ всякой утилитарной мысли и объ экзаменахъ, кажется, не помышлялъ. Что могло ему предстоять по окончаніи университета? Служить по акцизу, въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться земскимъ статистикомъ или учителемъ физики. Нигдѣ бы онъ не нашелъ того нравственнаго удовлетворенія, какъ въ непосредственномъ сліяніи съ молодежью какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ ней зарождаются и достигаютъ полноты лучшія, наименѣе себялюбивыя человеческія качества. Это была его сфера, тутъ онъ сознавалъ, что приноситъ пользу.

Пріѣхавъ въ Дерптъ, я не засталъ тамъ Омирова,—онъ какъ разъ уѣзжалъ лѣчиться, — но отъ старожиловъ-товарищей я часто слышалъ фразы вродѣ слѣдующей: «Вотъ пріѣдетъ Омировъ; увидите, что при немъ теплѣе живется». Я склоненъ былъ съ пренебреженіемъ относиться къ такимъ неопредѣленнымъ функціямъ, какъ увеличеніе теплоты жизни, подсмѣивался надъ сентиментальными идеалистами, которые способны только подогрѣвать другъ друга и раскисаютъ подъ вліяніемъ обычныхъ въ дѣйствительности атмосферныхъ условій, и заранѣе относился съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ къ ожидаемому апостолу «добра, истины и справедливости», какъ говаривали въ 40-хъ годахъ.

Но мой скептицизмъ (да и не мой одинъ) быстро разсѣялся при личномъ знакомствѣ. Скромный, почти застѣнчивый, деликатный, безъ малѣйшаго самомнѣнія, безконечно правдивый и искренній, онъ побѣждалъ съ первой встрѣчи. Теоретическіе общественные вопросы его волновали страшно, онъ готовъ былъ безконечно спорить на всякія жгучія темы (что было крайне вредно для его здоровья); но его терпимость и отсутствіе фанатизма не создавали ему изъ противниковъ враговъ, какъ часто бываетъ въ русскихъ спорахъ. Даже молодыхъ студентовъ его мнѣніе никогда не подавляло, а вызывало только критическую мысль; онъ какъ бы игралъ роль фермента, возбуждающаго необходимое броженіе. Всѣми текущими вопросами студенческаго обихода также страстно интересовался. Несмотря на всеобщую къ нему любовь и уваженіе, ему никогда нельзя было поручать трудную роль предсѣдателя въ обществахъ или въ случайныхъ собраніяхъ: онъ не обладалъ для этого ни спокойствіемъ, ни безстрастною настойчивостью, ни тактическою находчивостью; напротивъ, онъ всегда со всѣмъ пыломъ присоединялся къ одной изъ спорящихъ сторонъ и нерѣдко самъ нарушалъ внѣшній порядокъ дебатовъ. Но удивительная вещь, при немъ самые жгучіе вопросы обсуждались по существу, безъ полемическаго лукавства, и рѣшались не

съ точки зрѣнія партійнаго или личнаго самолюбія, а дѣйствительно по крайнему разумѣнію. Его благородная искренность дѣйствовала заразительнымъ образомъ на толпу; онъ умѣлъ задѣть въ людяхъ лучшія, самыя человѣчныя струны. И послѣ каждаго такого собранія, какъ бы оно ни было бурно, участники расходились съ спокойнымъ сознаніемъ, что они не постановили ничего, противорѣчащаго справедливости и студенческому достоинству. Въ личныхъ бесѣдахъ онъ также готовъ былъ по первому встрѣчному поводу броситься въ препирательства, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ, который всякій разговоръ сводитъ на излюбленную тему и на всякаго человѣка смотритъ, какъ на объектъ воздѣйствія. Онъ всѣмъ интересовался, любилъ и чувствовалъ красоту, что было весьма рѣдко въ его сверстникахъ, деликатно старался выяснить для себя складъ личности своего собесѣдника, но никогда не навязывался самъ...

Онъ умиралъ долго. Доктора перестали уже его лѣчить и только морфіемъ уменьщали его страданія. Какъ всѣ чахоточные, онъ не могъ отказаться отъ надежды. Еще за недѣлю до смерти, совсѣмъ упавшимъ голосомъ онъ говорилъ, что вотъ онъ немножко оправится, тогда поѣдетъ на югъ, и пристально смотрѣлъ, какъ за окномъ шевелились только что появившіеся весенніе листочки. Несмотря на горячее экзаменаціонное время, товарищи, нетолько русскіе, но и поляки, чередовались день и ночь у его постели; каждаго онъ встрѣчалъ благодарной, виноватой улыбкой... Но онъ умеръ во́-время: черезъ годъ или два его заставили бы ходить на обязательныя лекціи, держать семестровые, годовые, полукурсовые и другого наименованія экзамены, напялили бы ему, пожалуй, мундиръ. Онъ увидѣлъ бы также, какъ съ измѣненіемъ внѣшнихъ порядковъ рѣзко понизился умственный и нравственный уровень студентовъ; это внесло бы много горечи въ его послѣдніе дни. Но о «новомъ Фараонѣ» послѣ. Теперь возвратимся къ общественному быту дерптскаго студенчества.

Кромѣ заботъ о матеріальномъ благѣ и въ тѣсной связи съ ними приходилось отдавать много времени, труда и нести крупныя для нашихъ тощихъ бюджетовъ жертвы на поддержаніе и развитіе общественности и на питаніе умственныхъ интересовъ. Въ достиженіи этихъ задачъ существенную, хотя и не исключительную роль играли упомянутыя выше общества. Съ внѣшней стороны ихъ жизнь не была стѣснена никакими мелочными придирками; контроль со стороны начальства ограничивался требованіемъ представлять проректору обязательные по уставу полугодовые отчеты о личномъ составѣ, о состояніи кассы и библіотеки, о темахъ литературно-научныхъ рефератовъ, если таковые имѣли мѣсто, и т. п. Уставы оставляли намъ полный просторъ самодѣятельности, и мы чувствовали себя самостоятельными, хотя и отвѣтственными хозяевами въ своихъ маленькихъ общественныхъ квартиркахъ. Нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить воспитательное

значеніе, какое имѣло для каждаго изъ насъ регламентированное товарищеское общеніе. Съ одной стороны всякій сознавалъ, что его личность, его сужденіе, голосъ играютъ извѣстную, не безконечно малую роль въ общественномъ механизмѣ; съ другой стороны надо было свыкнуться съ мыслью, что роль эта все-таки весьма скромна: надо отвѣчать за логичность и послѣдствія своихъ мнѣній, надо подчиняться извѣстной дисциплинѣ, надо умѣть смиряться передъ постановленіями большинства; нельзя просто устраниться или дѣйствовать на свой личный страхъ, по своему личному произволу, какъ бываетъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ неорганизованной толпы («скопомъ»), когда мнѣнія раздѣляются. Кромѣ того, необходимость публично выражать свои мысли не только сглаживала внѣшнюю форму рѣчи, но придавала и самому мышленію интенсивность, опредѣленность и послѣдовательность. Любопытно было наблюдать, какъ большинство новичковъ, далеко не одни юнцы, или упорно молчали, или конфузливо торопились выпалить свои соображенія, запинались, запутывались въ собственныхъ мысляхъ и часто обрывали свои ораторскія попытки отчаяннымъ жестомъ. Мало-по-малу являлась, если и не блестящая, то во всякомъ случаѣ связная, спокойная рѣчь, содержательная постольку, поскольку ораторъ имѣлъ что выразить.

Но замкнутыя общества не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ товарищеской жизни. Съ одной стороны далеко не всѣ студенты принадлежали къ какой-нибудь организаціи, съ другой—встрѣчались случаи, затрогивавшіе интересы всего русскаго студенчества. Такимъ образомъ вполнѣ естественнымъ путемъ возникла институція такъ называемаго «общестуденческаго собранія», которая функціонировала спорадически по мѣрѣ необходимости. Само собою разумѣется, всеобщность этого учрежденія была только фикціей: предполагалось, что каждый студентъ *можетъ*, если захочетъ, явиться на подобное собраніе, безразлично, къ какой бы національности и къ какому бы языку онъ ни принадлежалъ. Фактически ни одинъ нѣмецъ конечно никогда не показывался на нашихъ сходбищахъ, и собиралось на нихъ вообще только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ болѣе 150—200 человѣкъ, хотя приходили не только русскіе, но также, напр., евреи, имѣвшіе, кстати сказать, свои собственныя организаціи, и нѣкоторыя группы поляковъ. Чаще всего «общестуденческое собраніе» созывалось для товарищескаго суда.

Надо сказать, что это было самое больное мѣсто нашего быта. Правда, при университетѣ существовалъ студенческій судъ, такъ называемый Burschengericht, юрисдикція котораго распространялась на всѣхъ университетскихъ студентовъ, но по многимъ причинамъ онъ былъ намъ совершенно чуждъ. Онъ составлялся изъ представителей цвѣтныхъ корпорацій; некорпоранты, такъ называемые «дикіе», которые въ сущности составляли большинство студенчества, не

имѣли никакого вліянія на отправленіе справедливости. Не разъ «дикіе» домогались извѣстнаго представительства въ судѣ, находя, что ихъ интересы въ случаѣ столкновеній съ корпорантами недостаточно охранены отъ несправедливости, но шаги эти никогда успѣха не имѣли. Русскіе же *) менѣе всего могли быть удовлетворены Burschengericht'омъ, кодексъ его совершенно не соотвѣтствовалъ ни нашимъ нравамъ, ни нашимъ понятіямъ. То, что въ нашей средѣ считалось предосудительнымъ, очень часто было ненаказуемо съ точки зрѣнія дерптскихъ обычаевъ, и наоборотъ. Способъ разрѣшенія конфликтовъ между студентами посредствомъ рапирныхъ дуэлей (Mensur) былъ намъ совершенно не по душѣ. Наконецъ, самое серьезное наказаніе, которымъ располагалъ судъ,—удаленіе изъ товарищеской среды (Ruckung), нѣчто вродѣ отлученія отъ церкви, не могло быть дѣйствительно въ нашей средѣ: съ нѣмецкими студентами большинство изъ русскихъ не имѣло и безъ того никакихъ сношеній, а на отношенія между русскими студентами авторитетъ Burschengericht'а не распространялся. Кромѣ того, въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ русскихъ студентовъ являлся жалобщикомъ или отвѣтчикомъ передъ этимъ судомъ, безпристрастіе его не обнаруживалось съ достаточною ясностью.

Между тѣмъ, потребность въ обузданіи дурныхъ элементовъ, сообразно господствовавшимъ въ нашей средѣ понятіямъ о достоинствѣ, чести и порядочности, ощущалась очень сильно. Неоднократно возникали попытки дать товарищескому суду какую-нибудь прочную организацію, выработать опредѣленныя нормы сужденій, но всякія попытки разбивались тѣмъ обстоятельствомъ, что подчиненіе товарищескому суду всегда оставалось на доброй волѣ заинтересованнаго лица: тѣ, которые стремились оградить достоинство студенческой среды правильно организованнымъ судомъ, не совершали наказуемыхъ проступковъ, а тѣ, которые таковые совершали, большею частью мало общались съ товарищеской средой, не принадлежали ни къ одному изъ обществъ, не участвовали въ обсужденіяхъ организаціи суда и свободно могли игнорировать его постановленія. Такимъ образомъ судебныя функціи волей-неволей оставались за «общестуденческимъ собраніемъ», что представляло крупныя неудобства. Порядокъ созыва его не былъ ничѣмъ регламентированъ, такъ что нерѣдко случалось, что обвинителями являлись наименѣе надежные въ нравственномъ отношеніи элементы, а обвиняемыми наиболѣе уважаемыя лица. Однажды,

*) Во время оно въ Дерптѣ существовала и русская цвѣтная корпорація. Среди позднѣйшихъ поколѣній русскихъ студентовъ отъ нея не сохранилось никакихъ традицій; мы даже мало свѣдѣній имѣли объ ея жизни и исторіи. Извѣстно было только, что она по своему быту приближалась къ нѣмецкимъ корпораціямъ и закрыта была «совѣтомъ корпоративныхъ старшинъ» (Senioren-Convent) за дебоширство.

напр., было созвано собраніе для суда надъ кассиромъ одного изъ студенческихъ обществъ, завѣдомо честнѣйшимъ человѣкомъ, по обвиненію въ растратѣ общественныхъ денегъ. Оказалось слѣдующее: одному изъ товарищей предстояла настоятельная надобность выѣхать изъ Дерпта куда-то очень далеко; денегъ у него, конечно, не было ни гроша, время было глухое, каникулярное, достать было неоткуда, созвать членовъ кассы также нельзя было; въ этихъ обстоятельствахъ кассиръ выдалъ ему на свой страхъ изъ общественныхъ денегъ что-то, кажется, 25 рублей, и затѣмъ, когда товарищи съѣхались послѣ каникулъ, покрылъ эту сумму частной складчиной. Обвиненіе же было возбуждено какими-то добровольцами по совершенно некрасивымъ личнымъ мотивамъ. Все это, конечно, и обнаружилось на собраніи, добродѣтель восторжествовала, но на это затраченъ былъ цѣлый вечеръ страстныхъ дебатовъ, тогда какъ самое разбирательство не могло бы имѣть мѣста, если бы преданіе суду зависѣло отъ какой-нибудь отвѣтственной коллегіи, а не отъ перваго встрѣчнаго взбалмошнаго добровольца. Дальше мнѣ придется разсказать еще одинъ подобный случай.

Если же на собраніи, дѣйствительно, подтверждалось нарушеніе порядочности, то въ распоряженіи суда не было никакого другого орудія, кромѣ платоническаго «выраженія порицанія», которое часто имѣло для виновнаго весьма ничтожное значеніе, особенно, если болѣе или менѣе значительное меньшинство не соглашалось съ постановленіемъ. Да и можно ли имѣть довѣріе къ суду толпы, составленной всегда въ значительной степени случайно? Ужъ одно установленіе порядка дебатовъ представляетъ громадныя трудности. Неорганизованная толпа чрезвычайно дорожитъ своимъ суверенитетомъ; выбранный для даннаго собранія предсѣдатель, сколько ни выбивается изъ силъ, не можетъ ни добиться спокойствія, ни направлять пренія по извѣстному плану, ни прекращать не идущія къ дѣлу словоизверженія, такъ какъ ему не дано никакой дисциплинарной власти. Предсѣдатели на этихъ собраніяхъ бывали настоящими мучениками; обливаясь потомъ, они метались изъ стороны въ сторону, чтобы хоть сколько-нибудь утихомирить недисциплинированныхъ спорщиковъ, записывали порядокъ желающихъ говорить, считали голоса, постепенно рискуя за малѣйшую ошибку или даже за резонное замѣчаніе услышать оскорбительный возгласъ или ропотъ неудовольствія: если предсѣдатель предложитъ кому-нибудь перейти къ вопросу, ему кричатъ, что онъ зажимаетъ ротъ; не досчитаетъ какой-нибудь поднятой руки,—значитъ, онъ гнетъ въ пользу какой-нибудь стороны.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что при такихъ условіяхъ постановленія собраній рѣдко были не справедливы. Объясняется же это тѣмъ, что крикуны, которыхъ въ сущности было немного, не принадлежали ни къ самымъ развитымъ, ни къ самымъ вліятельнымъ элементамъ студенчества. Они могли долго тормозить

выясненіе истины, они могли испортить много крови и наговорить много непріятностей своимъ противникамъ, но программы дѣйствій у нихъ обыкновенно не было, и подсказать большинству логическое рѣшеніе вопроса они не умѣли. Масса приходила на собраніе въ большинствѣ случаевъ безъ установившагося мнѣнія, и достаточно было, чтобы на собраніи присутствовало десять-пятнадцать человѣкъ, болѣе благоразумныхъ и выдержанныхъ, съ большею ясностью общихъ идей, чтобы ихъ мнѣніе, въ концѣ концовъ, одержало верхъ. Съ большимъ успѣхомъ въ нужныхъ случаяхъ примѣнялись нѣкоторые весьма невинные стратегическіе пріемы, построенные на элементарныхъ наблюденіяхъ надъ психологіей массы. Такъ, если группа болѣе зрѣлыхъ людей являлась на собраніе, заранѣе выяснивъ себѣ вопросъ и намѣтивъ въ главныхъ чертахъ желательное рѣшеніе, то большою ошибкой было бы съ ихъ стороны расположиться среди толпы тѣсной кучкой, — масса сейчасъ бы установила опредѣленное отношеніе ко всему, чтобы ни высказывалось изъ этой группы, и не стала бы взвѣшивать каждое мнѣніе въ отдѣльности. Можно сказать, что излагаемая мысль, поскольку она дѣйствуетъ не только логически, но и на чувства слушателя, обладаетъ заразительной силой въ прямой зависимости отъ разстоянія между говорящимъ и слушающимъ; одни и тѣ же слова могутъ произвести слабое впечатлѣніе на слушателя, стоящаго въ отдаленномъ концѣ комнаты, и оказать сильное дѣйствіе на сосѣда, который, кромѣ логическаго содержанія рѣчи, воспринимаетъ подробности интонаціи, безсознательную выразительность лица и жестовъ, словомъ душевное состояніе оратора: если оно искренно и проникнуто достоинствомъ, то непредвзятый слушатель лучше усваиваетъ и самую высказываемую мысль. Исходя изъ такихъ примѣрно соображеній, въ серьезныхъ случаяхъ, когда надо было не допустить какого-нибудь опрометчиваго рѣшенія или провести принципіальную резолюцію, люди болѣе зрѣлаго образа мыслей разсѣивались по разнымъ концамъ залы собранія и, взаимно поддерживая и дополняя другъ друга, постепенно овладѣвали настроеніемъ массы, что не всегда легко удавалось. Побѣды, одерживаемыя умственнымъ превосходствомъ и выработанной дисциплиной, сильно раздражали самолюбіе нѣкоторыхъ фразеровъ, которые очень охотно взяли бы на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія, но не имѣли для этого достаточно пороху. За отсутствіемъ ясныхъ идей, они постоянно старались произвести въ свою пользу взрывъ массовыхъ инстинктовъ сакраментальными призывами къ солидарности, товариществу, демократизму, но не трудно было выяснить безсодержательность этихъ тридцати шести страшныхъ словъ. Болѣе дѣйствовала на массу игра на ея самолюбіе: «Развѣ вы не видите, что *они* считаютъ себя выше насъ, поучаютъ насъ, какъ дѣтей, диктуютъ намъ рѣшеніе и вертятъ нами по своему произволу!» Публика становилась недовѣрчива и по-

дозрительна, но спокойствіе и терпѣніе въ большинствѣ случаевъ, въ концѣ концовъ, возстановляли дѣйствіе доводовъ разсудка. Правда, на это иногда уходила цѣлая ночь, а то и нѣсколько вечеровъ подрядъ, и никто не могъ поручиться, что завтра тотъ же рѣшенный и пережеванный вопросъ онять не будетъ поднятъ въ новомъ случайномъ составѣ собранія и перерѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ.

Помимо частныхъ случаевъ, какими являлись различныя судебныя разбирательства, передъ русскимъ студенчествомъ всегда стояло нѣсколько крупныхъ вопросовъ, которые время отъ времени обострялись и глубоко волновали умы. Однимъ изъ такихъ кардинальныхъ пунктовъ было отношеніе къ студенческому движенію въ русскихъ университетахъ. Каждый разъ, какъ въ другихъ университетскихъ центрахъ возникали волненія, русская часть дерптскаго студенчества мучительно билась надъ дилеммой: примкнуть или не примкнуть къ общему теченію. И тутъ предъ наблюдателемъ каждый разъ обнаруживалось весьма знаменательное явленіе: независимо отъ того или другого принципіальнаго рѣшенія, отъ неизмѣннаго глубокаго сочувствія товарищамъ, отъ «агитаціи подстрекателей», для активнаго проявленія мятежныхъ чувствъ необходимъ извѣстный подъемъ недовольства, подготовленный мѣстными столкновеніями и несовершенствами общественно-студенческаго быта. Русское студенчество въ Дерптѣ, какъ было уже указано, состояло почти исключительно изъ такъ называемыхъ «безпокойныхъ элементовъ». Не говоря о тѣхъ, въ общемъ, конечно, немногочисленныхъ лицахъ, которыя попали въ университетъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ болѣе или менѣе отдаленныхъ частяхъ Россійской имперіи, — эти обыкновенно всего меньше сочувствовали безпорядкамъ,—большинство состояло изъ уволенныхъ откуда-нибудь за безпорядки же. Дерптская ссылка не измѣняла, конечно, ни ихъ мыслей, ни направленія ихъ симпатій. Казалось бы, при первомъ случаѣ можно было ожидать самой бурной вспышки. Однако, до введенія въ Дерптѣ устава 1884 года, мѣстному начальству ни разу не случилось надобности въ какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣрахъ. Дѣйствительно, когда изъ другихъ городовъ къ намъ приходили дурныя вѣсти, собраніямъ, пылкимъ дебатамъ, внутреннему волненію конца не было, но на этомъ дѣло и кончалось. Не хватало искры для взрыва. Если бы университетскія или городскія власти потребовали, чтобы мы были спокойны, или запретили намъ сходки, или предприняли бы какія-нибудь иныя усмирительныя мѣры, то вѣроятнѣе всего и дерптскіе студенты оказались бы не плоше, не лучше всякихъ другихъ. Но начальство и не думало давать намъ поводъ; оно совершенно игнорировало наше взволнованное состояніе, и я увѣренъ, что въ то время, какъ мы ночи напролетъ до седьмого пота развивали свое краснорѣчіе, проректоръ преспокойно спалъ на оба уха или сидѣлъ за своими толстыми книгами. Основаній приставать къ начальству съ какими-

нибудь требованіями у насъ также не было, ибо мы пользовались всѣмъ, о чемъ наши товарищи въ другихъ университетахъ не смѣли и мечтать. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ виды товарищескаго общенія,—общества для взаимопомощи, научныя, для самообразованія, національныя. Никто не находилъ ничего противозаконнаго или противоестественнаго въ нашемъ свободномъ общеніи между собой и даже съ ветеринарами, помимо всякихъ установленныхъ формъ. Академическую свободу наши профессора охраняли съ такою же ревностью, какъ мы сами. Въ проректорѣ мы не имѣли повода видѣть что-либо иное, кромѣ благожелательнаго профессора, завѣдующаго студенческими дѣлами. Оставалось бы требовать развѣ только удаленія какого-нибудь педеля, которые, какъ всюду, были соглядатаями и не пользовались симпатіями студентовъ. Но и соглядатайство педелей въ Дерптѣ было совсѣмъ иначе направлено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: ихъ призваніе было выслѣживать дуэли, такъ что отъ нихъ страдали больше нѣмцы; а о присутствіи на сходкахъ педеля никогда и не помышляли.

Еще одинъ вопросъ постоянно тревожилъ наше спокойствіе: отношеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ. Съ нашей стороны въ сущности никакой національной непріязни не было. Дѣйствительно, намъ были чужды многія черты ихъ характера, намъ казались смѣшными и иногда дикими нѣкоторыя особенности ихъ корпоративнаго быта, но непосредственнаго злого чувства ни ко всей массѣ, ни къ каждому отдѣльному индивидууму мы не питали, тогда какъ къ себѣ мы, именно, чувствовали такую слѣпую вражду, безъ вниманія къ личнымъ качествамъ каждаго. Въ насъ ненавидѣли прежде всего представителей того начала, которое грозило нивеллировкой мѣстныхъ особенностей, хотя не надо было бы особенно напрягать вниманіе, чтобы увидѣть, что русскіе студенты менѣе всего причастны были къ мѣстной политикѣ и ни въ чемъ не проявляли своихъ завоевательскихъ аппетитовъ. Надо думать, что національная вражда въ значительной степени питалась классовыми различіями: нѣмецкая молодежь въ Дерптѣ, какъ и повсюду въ Германіи, сохраняла крѣпкую связь, матеріальную, культурную и идейную, со своей природной средой, т.-е. съ земельною аристократіей и городской солидной буржуазіей, тогда какъ русскіе студенты, тоже какъ вездѣ въ Россіи, были разночинцы по происхожденію и демократы по настроенію и по матеріальному положенію. Нельзя конечно сказать, что всѣ нѣмецкіе студенты имѣли солидныя средства; многіе жили очень скромно, но нищеты среди нихъ не было, — всѣ имѣли опредѣленный бюджетъ, изъ котораго они не выходили. Кто живетъ выше своихъ средствъ, тотъ недостоинъ уваженія, таковъ мудрый принципъ тѣхъ, для кого ежедневная сытость не составляетъ сверхбюджетной роскоши; я слышалъ это изреченіе въ той или другой формѣ десятки

разъ за время своихъ дерптскихъ штудій. Въ классической формѣ ту же мысль выразилъ еще Гейне:

Wenn du aber gar nichts hast,
Ach, so lasse dich begraben—
Denn ein Recht zum Leben, Lump,
Haben nur, die etwas haben.

Русскіе же студенты никакъ не хотятъ понять силу этой философіи, и не только продолжаютъ существовать, не имѣя ничего, но предъявляютъ претензіи на всѣ блага наивысшей цивилизаціи, къ негодованію своихъ болѣе обезпеченныхъ коммилитоновъ.

Такъ или иначе, враждебность эта существовала. Въ обычныхъ условіяхъ она ощущалась въ видѣ безмолвно висящей въ воздухѣ тучи, но нерѣдко, по какимъ-нибудь частнымъ поводамъ, дѣло доходило до непріязненныхъ столкновеній. Изъ болѣе значительныхъ событій этого рода мнѣ припоминается слѣдующій эпизодъ. Какая-то компанія русскихъ студентовъ устроила въ складчину танцовальную вечеринку въ наемномъ помѣщеніи. Дамскій элементъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, состоялъ изъ женъ и дочерей русскихъ чиновниковъ. Вечеръ не отличался, вѣроятно, особенно блестящей внѣшностью, но имѣлъ вполнѣ респектабельный характеръ. Къ несчастію, помѣщеніе было выбрано неудачно—на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери съ квартирой одной изъ нѣмецкихъ корпорацій. Часовъ около двухъ, когда оживленіе было въ полномъ разгарѣ, двое подвыпившихъ корпорантовъ, пробиравшіеся къ себѣ заканчивать вечеръ, были привлечены музыкой и просили позволенія войти въ залу, гдѣ происходили танцы, что и было имъ разрѣшено безъ малѣйшихъ препятствій.

Теперь нужно имѣть въ виду, какъ нѣмецкіе студенты представляютъ себѣ приличный танцовальный вечеръ: балы, устраиваемые корпораціями, служатъ важнымъ общественнымъ событіемъ въ городѣ; городскіе и университетскіе нотабли, все мѣстное дворянство считаютъ лестнымъ приглашеніе на подобный праздникъ и являются—дамы въ бальныхъ платьяхъ, мужчины во фракахъ; обширныя корпоративныя квартиры, въ обычное время довольно непріютныя по своей холостяцкой обстановкѣ, декорируются цвѣтами, наполняются мебелью, освѣщаются люстрами. Такихъ баловъ бываетъ два-три въ году, но зато на нихъ не жалѣютъ ни трудовъ, ни издержекъ. Въ сравненіи съ этимъ, какою мизерною должна была показаться нѣмецкимъ буршамъ вечеринка русскихъ студентовъ! Грязноватое наемное помѣщеніе, освѣщенное полдюжиной керосиновыхъ лампъ, пестрыя или темныя платья танцующихъ дамъ, мѣшковатые сюртуки, а то и просто пиджаки кавалеровъ, незавитыя, ненапомаженныя шевелюры, не всегда гладко выбритыя бороды, толстыя подошвы на сапогахъ и, конечно, полное отсутствіе перчатокъ,—все это не дѣйствовало особенно импонирующимъ образомъ на случайныхъ гостей. Имъ показалось, вѣроятно, что присутствующее общество не заслуживаетъ

болѣе приличнаго отношенія, чѣмъ клубъ эстонскихъ кухарокъ и извозчиковъ «Вайнемюйне», гдѣ нѣмецкіе студенты нерѣдко для потѣхи устраивали самые невозможные скандалы. Такъ и здѣсь, усѣвшись съ вызывающею безцеремонностью передъ самымъ кругомъ танцующихъ, они стали дѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями надъ присутствующими дамами въ такой формѣ и такъ гройко, что терпѣть ихъ присутствіе оказалось невозможно. Предложенію удалиться они не послѣдовали, тогда ихъ насильно вытолкали вонъ. Эта мѣра была вызвана крайнею необходимостью, и ни въ чемъ нельзя было бы упрекнуть русскихъ студентовъ, если бы они на этомъ и остановились. Но возмущеніе ихъ дошло до такихъ предѣловъ, что они толпой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ ворвались въ корпоративную квартиру и и произвели тамъ буйство: стали бить окна, опрокидывать мебель, срывать со стѣнъ эмблематическіе щиты, арматуры, фотографіи. Это, конечно, уже выходило изъ границъ самообороны и имѣло видъ дикаго взрыва національной вражды къ нѣмцамъ.

На слѣдующій день русское студенчество было глубоко взволновано непріятнымъ ночнымъ происшествіемъ. Въ общестуденческомъ собраніи господствовало сочувствіе мстителямъ за оскорбленное національное самолюбіе, тогда какъ въ обществѣ русскихъ студентовъ, которое долгое время объединяло наиболѣе благоразумную и развитую часть русскаго студенчества, послѣ весьма горячихъ споровъ большинство пришло къ инымъ заключеніямъ: признано было неправильнымъ возлагать отвѣтствіе за дѣйствія двухъ пьяныхъ нахаловъ на цѣлую корпорацію, а тѣмъ болѣе на цѣлое нѣмецкое студенчество; поэтому разгромъ чужой квартиры казался ничѣмъ не оправдываемымъ поступкомъ, заслуживающимъ безусловно порицанія. Для того, чтобы нѣмцы, въ свою очередь, не могли обвинять все русское студенчество въ сочувствіи дикой расправѣ, рѣшено было предать эту резолюцію гласности, т.-е. вывѣсить ее письменно въ общестуденческомъ собраніи и отправить делегатовъ къ представителямъ разгромленной корпораціи для выясненія указанной точки зрѣнія. Общестуденческое собраніе отнеслось крайне неодобрительно къ мнѣнію общества русскихъ студентовъ и съ своей стороны выразило ему порицаніе за отсутствіе товарищеской солидарности и подрывъ общему дѣлу. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда никакіе доводы разсудка не дѣйствовали на возбужденную и негодующую массу. Такое отношеніе, впрочемъ, зная мѣстныя условія, можно было предвидѣть, и русское общество не было особенно поражено порицаніемъ товарищей. Гораздо чувствительнѣе была неудача делегаціи къ нѣмцамъ; какъ это ни странно, но къ этому мы были не приготовлены. Втайнѣ мы возлагали довольно большія надежды на этотъ шагъ: отъ обсужденія даннаго факта, казалось намъ, можно будетъ перейти къ болѣе общему вопросу объ отношеніяхъ русскаго и нѣмецкаго студенчества, и такимъ образомъ открыть

будетъ путь для взаимнаго пониманія и непосредственныхъ сношеній. Всѣ эти разсчеты разбились о самую простую тактику нѣмцевъ: всякія объясненія прерваны были въ самомъ началѣ лаконическимъ заявленіемъ, что обсуждать происшедшій фактъ нечего, такъ какъ дѣло о произведенномъ буйствѣ направлено общимъ судебнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ положеніе не подвинулось ни на одну іоту впередъ.

Черезъ нѣкоторое время, однако, вслѣдствіе участившихся мелкихъ столкновеній нѣмцевъ съ русскими, особенно съ ветеринарами, вопросъ о выработкѣ какого-нибудь международнаго modus vivendi опять всплылъ на поверхность дерптской студенческой жизни. На этотъ разъ инціатива принадлежала уже общестуденческому собранію. Была выбрана коммиссія изъ нѣсколькихъ старыхъ и пользовавшихся довѣріемъ студентовъ, которымъ поручено было составить подробную мотивированную записку, заключающую предложеніе нѣмцамъ совмѣстно обсудить съ нами мѣры къ улучшенію взаимныхъ отношеній и формулировку тѣхъ принципіальныхъ основаній, на почвѣ которыхъ мы согласны вести переговоры. Главными пунктами были поставлены: признаніе равноправности за ветеринарами и принятіе какихъ-нибудь мѣръ для болѣе справедливаго разрѣшенія взаимныхъ столкновеній, такъ какъ приговоры буршенгерихта, состоявшаго исключительно изъ представителей корпорацій, мы не считали безпристрастными.

Въ интересахъ дѣла рѣшено было обратиться за содѣйствіемъ польскихъ студентовъ, къ которымъ нѣмцы относились совершенно иначе, чѣмъ къ русскимъ *). Поляки съ готовностью прислали къ намъ своихъ представителей, но отъ общихъ дѣйствій отказались. Признавая наши требованія справедливыми, они питали глубокое и, какъ оказалось, основательное сомнѣніе въ томъ, что нѣмцы пойдутъ на какія бы то ни было уступки, и не желали осложнять свои отношенія безнадежными попытками; если бы, однако, нѣмцы, паче чаянія, согласились начать переговоры, то и они, поляки, не отказались бы въ нихъ участвовать. Несмотря на предусмотрительность поляковъ, мы не теряли надежды и во всякомъ случаѣ хотѣли довести свое предпріятіе до конца. Чтобы заручиться еще однимъ козыремъ, мы обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые какъ филистеры дерптскихъ корпорацій сохраняли съ ними близкую связь и могли повліять своимъ мнѣніемъ на студентовъ. Всѣ профессора, къ которымъ мы обращались, выражали полное сочувствіе нашему начинанію; одинъ взялся даже проредактировать вмѣстѣ съ нами составленное нами на нѣмецкомъ языкѣ обращеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оно будетъ болѣе убѣдительно для

*) Поляки пользовались даже нѣкоторыми спеціальными преимуществами: такъ, во всѣхъ случаяхъ, когда по кодексу для разрѣшенія столкновенія требовалась дуэль, поляки дуэлировали между собою и съ нѣмцами не на рапирахъ, а на пистолетахъ, что вообще имѣло мѣсто лишь при дуэляхъ съ филистерами.

адресатовъ, если выразить его тѣмъ специфическимъ студенческимъ жаргономъ, который служилъ оффиціальнымъ языкомъ студенческихъ учрежденій. Наконецъ, посланіе наше получило окончательную форму, одобренную общимъ собраніемъ, и мы отправили его въ совѣтъ старшинъ (Seniorenconvent). Отвѣта пришлось ждать довольно долго, откуда мы заключали, что предложеніе наше подвергается подробному обсужденію. Пришедшій, наконецъ, отвѣтъ этого не подтвердилъ. Насъ увѣдомляли, что всѣ взаимныя недоразумѣнія между студентами университета безъ различія національностей разбираются буршенгерихтомъ и... больше ничего. Наше недовольство этимъ судомъ было оставлено безъ вниманія, а о требованіяхъ ветеринаровъ даже не упоминалось. Отвѣтъ этотъ, очевидно, былъ простой канцелярской отпиской, послѣ которой всякій дальнѣйшій шагъ являлся невозможнымъ.

Почти такой же глубокій интересъ и страстное обсужденіе вызывали общественно-научные вопросы, хотя по своему существу они дебатировались не на общестуденческихъ собраніяхъ, а въ болѣе тѣсномъ кругу, при обсужденіи какого-нибудь реферата въ одномъ изъ обществъ, а еще больше за безконечнымъ «стакаломъ чаю» на частныхъ квартирахъ. Это было время, когда споръ марксистовъ и народниковъ еще не попалъ въ журналистику, но уже вызывалъ ожесточенныя столкновенія среди интеллигентныхъ круговъ общества и особенно въ средѣ университетской молодежи. Въ Дерптѣ ему удѣлялось такъ много времени и вниманія, что, въ концѣ концовъ, являлось желаніе просто бѣжать отъ этихъ нескончаемыхъ и безнадежныхъ препирательствъ, которыя велись постоянно одними и тѣми же лицами, съ одною и тою же, совершенно теоретическою постановкою вопроса, съ одними и тѣми же аргументами. Роли были разъ навсегда распредѣлены. Представителями марксизма первоначально являлись, главнымъ образомъ, поляки, которые, конечно, не питали никакой нѣжности ни къ общинѣ, ни къ артельному началу. Антагонистами имъ выступали русскіе «семидесятники» (такъ они себя называли,—по духу, конечно). Молодые русскіе студенты сначала не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ по данной категоріи вопросовъ, но явно симпатизировали деревнѣ и вообще всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ *). Однако за очень короткое время, въ какіе-нибудь два три года настроеніе русскаго студенчества радикально измѣнилось. «Семидесятники», конечно, остались вѣрными себѣ, но молодежь отъ нихъ отхлынула. Рѣшивъ самостоятельно разобраться въ столь запутанномъ спорѣ, она принялась изучать Маркса и примыкающую къ нему нѣмецкую литературу. Это изученіе стало настоящей эпидеміей, которая распространилась даже на совершенно отсталые

*) Въ числѣ другихъ и покойный Н. В. Водовозовъ, бывшій недолгое время также дерптскимъ студентомъ, въ то время былъ такимъ же страстнымъ противникомъ марксизма, какъ впослѣдствіи его сторонникомъ.

въ умственномъ отношеніи элементы. Я помню, какъ одинъ изъ подобныхъ читателей Маркса наивно признавался: «Вотъ всѣ говорили, что Маркса такъ трудно читать, а оказалось совсѣмъ нѣтъ: прочтешь три четыре раза одну страницу и ничего—понимаешь». Читатели очень скоро обратились въ почитателей. Цитировать наизусть пассажи изъ «Капитала» и «толковать» ихъ смыслъ обратилось въ своего рода спортъ. Такимъ образомъ, когда появились въ печати «Критическіе очерки» П. Б. Струве, то они нашли уже весьма воспріимчивую почву въ Дерптѣ.

Завязка спора обыкновенно тоже имѣла типическую форму. Одинъ изъ «семидесятниковъ», большой любитель всевозможныхъ словопреній, по каждому удобному поводу, а то и безъ повода разворачивалъ истрепанный экземпляръ «Судебъ русскаго капитализма» г-на В. В., который онъ имѣлъ обыкновеніе носить съ собою вмѣстѣ съ пятью шестью другими книжками и брошюрками, составлявшими его походную библіотеку, и читалъ оттуда какой-нибудь пассажъ. Возгласы негодованія или презрительный смѣхъ обыкновенно перебивали его на серединѣ фразы; но только этого онъ и хотѣлъ. Сраженіе разгоралось. Въ пятисотый разъ развивалась схема діалектическаго матеріализма, никогда не обходилось безъ упоминанія письма Маркса къ Н. К. Михайловскому, воздухъ наполнялся словами: «денежное хозяйство», «обезземеленье», «форма производства», «экономическое пониманіе исторіи» и пр. и пр. Схватка прекращалась обыкновенно, какъ настоящія сраженія—«съ наступленіемъ темноты», когда спорщики расходились за недосугомъ, съ тѣмъ чтобы при первой встрѣчѣ сцѣпиться снова. Иногда полемика принимала литературную форму. Одинъ изъ народниковъ сочинилъ комедію, гдѣ въ лицѣ философа Панглосса изображался марксистъ, который находилъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ: и обезземеленье крестьянъ, и кулачество, и голодовки, ибо все это ведетъ къ развитію капитализма, а слѣдовательно и къ разрушенію его. На это одинъ изъ поляковъ придумалъ довольно остроумный отвѣтъ. Подобравъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ сочиненій Герцена, той эпохи, когда Герценъ разочаровался въ политическомъ строѣ Западной Европы и съ радостью усматривалъ въ каждомъ ухудшеніи общественной жизни близость конца, онъ составилъ цѣлый рефератъ подъ заглавіемъ «Мысли русскаго Панглосса», не называя своего источника. Впрочемъ слушатели, хотя и не догадались, кому принадлежатъ эти мысли, по глубинѣ ихъ и по блестящему стилю сообразили, что съ возраженіями лучше повоздержаться, дабы не попасть въ просакъ.

Кстати, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ авторѣ этого реферата, весьма оригинальномъ субъектѣ. Онъ былъ богатый польскій помѣщикъ и къ прохожденію наукъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Марксизмъ увлекъ его, какъ послѣдняя мода, такъ же, какъ онъ

первый въ Дерптѣ сталъ носить смокингъ, только что изобрѣтенный въ то время. Одновременно съ марксизмомъ онъ увлекался французскимъ символизмомъ и импортировалъ ихъ произведенія въ Дерптъ; я лично долженъ признаться, что черезъ него впервые познакомился съ Метерлинкомъ, слава котораго тогда только что родилась на свѣтъ. Затѣмъ онъ совершилъ въ высшей степени удивительную эволюцію. Группа развитыхъ и общественно настроенныхъ соотечественниковъ, въ которой онъ сначала вращался, какъ-то разсыпалась, и онъ попалъ въ среду польской золотой молодежи, которой было не мало въ Дерптѣ. Тогда онъ сдѣлался дебоширомъ, бреттеромъ и іудофобомъ. Побить хлыстомъ еврея, безъ всякаго повода, доставляло ему истинное удовольствіе; когда мировой судья желалъ узнать мотивъ его поступка, онъ отвѣчалъ безъ запинки: «А зачѣмъ онъ мучилъ Іисуса Христа, моего Спасителя?» Въ другой разъ онъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ окно какого-то сапожника-еврея, такъже безъ малѣйшей причины, и чуть было не убилъ его; на судѣ онъ съ циничной откровенностью излагалъ событія такимъ стилемъ: «Пуля, къ моему сожалѣнію, прошла на вершокъ отъ его головы». По окончаніи университета я потерялъ изъ виду этотъ любопытный экземпляръ нравственной дегенераціи и не знаю, какіе курбеты онъ еще выкинулъ. Я бы нисколько не удивился, если бы услышалъ, что онъ par blague постригся въ какомъ-нибудь доминиканскомъ монастырѣ и отправился миссіонеромъ въ Китай или Полинезію.

Одичаніе этого господина можетъ быть разсматриваемо, какъ символъ (развѣ только немного утрированный) процесса, совершившагося въ русской части дерптскаго студенчества подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Эволюція эта совершилась какъ-то сама собой, путемъ естественнаго подбора. Количество русскихъ студентовъ стало быстро возрастать, но преобладаніе между ними принадлежало другимъ элементамъ, чѣмъ прежде. Дерптъ пересталъ уже служить тихою пристанью для людей, претерпѣвшихъ бури житейскаго моря,—доступъ имъ сталъ такъ же труденъ, какъ и во всѣ остальные университеты. Зато съ каждымъ семестромъ наплывали лица, не одолѣвшія науки въ другихъ мѣстахъ, максимальное число разъ провалившіяся на экзаменахъ, но желавшія во что бы то ни стало получить университетскій дипломъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, дерптскій университетъ открылъ свои двери и для семинаристовъ, такъ что, напр., въ осеннемъ семестрѣ 1900 года, по свѣдѣніямъ газетъ, изъ 300 вновь поступившихъ студентовъ 270 окончили семинаріи. Но этой картины университета я не видалъ и не могу о ней говорить. То, что мнѣ пришлось наблюдать, впрочемъ, совершенно достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи пошло «развитіе» академической жизни. Чѣмъ менѣе новые фараоны имѣли связи съ наукой, тѣмъ болѣе они сознавали себя насадителями русской культуры. Это сказывалось прежде всего и во внѣшности. Въ аудиторіяхъ и на

улицахъ чаще и чаще сталъ бросаться въ глаза непопулярный въ Дерптѣ и необязательный еще форменный сюртукъ, носители котораго держали себя съ такимъ побѣдоноснымъ и вызывающимъ видомъ, какъ испанскіе конквистадоры среди Ацтековъ или инковъ. Студенческія кухмистерскія и общества продолжали быть многолюдными, но при всякомъ случаѣ все выше поднимали голову темные, свободные отъ идей элементы, которые прежде скромно молчали или совсѣмъ устранялись отъ общественной жизни. Все труднѣе становилось поддерживать общественную корректность русскаго студенчества по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, а иногда приходилось ограничиваться только рѣзкимъ выраженіемъ особаго мнѣнія, чтобы хоть нѣсколько ослабить значеніе недостойнаго поступка. Такой фактъ, правда, очень мелкаго колибра, но весьма характерный, произошелъ по поводу переименованія Дерпта въ Юрьевъ. Если бы Москву переименовали въ какой-нибудь Кацбахъ, то истые москвичи, вѣроятно, не болѣзненнѣе отнеслись бы къ такому coup d'état, чѣмъ нѣмцы къ утратѣ любимаго названія своихъ «Аѳинъ на Эмбахѣ». Имъ казалось, что камни мостовой должны возопить къ небу, оскорбленные чужимъ именемъ. Впрочемъ, въ этомъ нельзя видѣть только одну привязанность къ формальнымъ мелочамъ. Въ тотъ моментъ, всѣ, не только одни нѣмцы, видѣли въ немъ лишь внѣшнее проявленіе окончательнаго торжества новой эры.

Мы, русскіе студенты, не сквозь розовыя очки смотрѣли на порядки стараго нѣмецкаго режима; ни аристократическіе аграріи, ни городское мѣщанство не внушали намъ особенныхъ симпатій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы лучше всѣхъ умѣли цѣнить хорошія стороны мѣстной культуры; мы не могли забыть, что своими вольностями и самою возможностью закончить свое научное образованіе мы были обязаны нѣмецкому складу университета. Тѣ, кто имѣли понятіе о средней школѣ балтійскаго края, также съ завистью видѣли разницу между дѣйствительно воспитательными нѣмецкими заведеніями (несмотря на ихъ классицизмъ) и нашими гимназіями толстовско-деляновскаго типа. Мы знали также широкое распространеніе низшаго образованія среди латышскаго и эстонскаго населенія; хотя это явленіе нельзя приписывать заслугамъ нѣмцевъ, но оно было тѣснѣйшимъ образомъ связано со старымъ режимомъ. Какъ иллюстрація народной грамотности, мнѣ припоминается маленькая уличная картинка. Идемъ мы вдвоемъ съ товарищемъ по одной изъ окраинныхъ улицъ Дерпта. Темный, пасмурный, осенній вечеръ. На углу мигаетъ свѣтлая точка извозчичьяго фонаря. Подходимъ ближе,—извозчикъ изогнулся въ три погибели на козлахъ и читаетъ свою эстонскую газетку, подставляя ее подъ трепещущій свѣтлый кружокъ экипажнаго фонаря. Мой спутникъ, очень экспансивный и чувствительный любитель «меньшого брата», былъ такъ умиленъ, что чуть было не полѣзъ цѣловаться съ эстонскимъ гра-

мотѣемъ, но остановился, потому что не сумѣлъ бы объяснить ему причины своей радости.

Но возвращаюсь къ отношенію русскихъ студентовъ къ балтійскому вопросу. Мы были такъ далеки отъ нѣмцевъ, между нами и ими было столько принципіальныхъ и бытовыхъ отличій, что какъ-нибудь активно проявлять свое сочувствіе и несочувствіе мы не могли и не хотѣли. Никто отъ насъ этого не ожидалъ, и никому это не принесло бы ничего, кромѣ вреда. Но зато безусловно обязательнымъ считался и сдѣлался уже традиціей въ нашей средѣ самый корректный нейтралитетъ, при полномъ уваженіи къ нѣмецкому языку и мѣстному патріотическому чувству. Поэтому, совершенно небывалымъ долженъ былъ показаться поступокъ одного товарища, который на вечеринкѣ русскихъ студентовъ, случайно совпавшей съ преображеніемъ Дерпта въ Юрьевъ, неожиданно для всѣхъ громогласно выпалилъ тостъ «за новый Юрьевъ». Демонстрантъ, впрочемъ, не былъ изъ числа новоприбывшихъ мундирниковъ, напротивъ, это былъ чуть не самый старый «семидесятникъ», прошедшій много огня и воды. Мотивы его поступка остались не совсѣмъ ясны, но не въ томъ было и дѣло. Подобная единичная выходка, если бы и случилась въ прежнее время, вызвала бы моментальный и всеобщій отпоръ и была бы сочтена за возгласъ пьянаго субъекта. Теперь же господствующій тонъ студенчества настолько измѣнился, что цѣлая группа студентовъ воодушевленно поддержала странный тостъ, бо́льшая часть осталась равнодушной, и единичные протесты не вызвали никакого впечатлѣнія. Правда, на слѣдующій день вопросъ былъ поставленъ принципіально: допустимы ли среди русскаго студенчества подобныя манифестаціи? И послѣ продолжительныхъ дебатовъ и колебаній рѣшенъ былъ отрицательно, но настроеніе большинства при этомъ было такъ нерѣшительно и апатично, что при первомъ представившемся случаѣ, т.-е. на ближайшей вечеринкѣ, тотъ же господинъ безнаказанно повторилъ свой политическій тостъ. За этимъ послѣдовали новыя собранія, принципіальныя разсужденія, безконечные дебаты, впродолженіи которыхъ опять обнаружилась утрата прежняго единодушія и прежней принципіальной стойкости.

Преображенію физіономіи русскаго студенчества въ Дерптѣ задолго предшествовало постепенное пониженіе научнаго уровня университета. Среди нѣмецкихъ профессоровъ прежняго состава можно было найти не мало далекихъ отъ жизни, отсталыхъ отъ современности узкихъ педантовъ и крохоборныхъ буквоѣдовъ, но единственнымъ интересомъ и содержаніемъ ихъ жизни была наука, какъ бы узко они ее ни понимали. То, что явилось имъ на смѣну, въ большинствѣ случаевъ съ наукой имѣло весьма мало общаго. Во время оно въ Дерптъ попадали нерѣдко выдающіеся русскіе ученые. Такъ, напримѣръ, я припоминаю проникнутые уваженіемъ разсказы нѣмцевъ о проф. А. А. Котляревскомъ; имъ импонировала его широкая образованность, а прямой откры-

тый характеръ вызывалъ ихъ симпатіи. «Только во время франко-прусской войны,—жаловался мнѣ одинъ нѣмецкій профессоръ,—съ нимъ не стало сладу (er wurde ganz ungeniessbar); онъ сдѣлался раздражительнымъ, сталъ насъ чуждаться, а въ 1871 году открыто признавался, что сочувствуетъ парижскимъ коммунарамъ»! Послѣднее обстоятельство приводило почтеннаго профессора въ глубокое и искреннее недоумѣніе. Позднѣе въ Дерптъ попалъ проф. И. И. Дитятинъ, высокія качества котораго, какъ ученаго и человѣка, общеизвѣстны; къ сожалѣнію, Дерптъ узналъ его въ тотъ періодъ, когда неизлѣчимый недугъ уже подорвалъ его душевныя силы. Въ мою бытность, глубокимъ уваженіемъ и всеобщею любовью пользовался одинъ русскій профессоръ, назвать котораго я не рѣшаюсь, чтобы не оскорбить его всегдашнюю скромность. Русскіе студенты обязаны ему очень многимъ. Всѣ, которые имѣли хоть сколько-нибудь живые умственные интересы, бывали приняты въ его радушномъ домѣ, какъ добрые знакомые. Мы не чувствовали себя здѣсь учениками передъ заслуженнымъ ученымъ, что ставитъ первыхъ всегда въ извѣстныя границы сдержанности и суживаетъ выборъ темъ разговора; напротивъ, профессоръ умѣлъ установить между собой и своими молодыми гостями совершенно непринужденное общеніе; онъ охотно самъ говорилъ и разсказывалъ, но также любилъ слушать и разспрашивать. Эти посѣщенія, которыя не были рѣдки, конечно, отнимали массу времени отъ его собственныхъ научныхъ занятій, но онъ все-таки не рѣшался установить какія-нибудь ограниченія своей доступности, прекрасно понимая, какъ важно такое общеніе для студентовъ именно въ Дерптѣ, гдѣ они были отрѣзаны отъ интеллигентной среды, которая доступна студентамъ во всѣхъ другихъ университетскихъ центрахъ. Къ личной симпатіи, которую питали къ нему всѣ близко знавшіе его, присоединялось еще глубокое уваженіе за его солидныя заслуги въ качествѣ ученаго и профессора и за его неизмѣнно безукоризненное поведеніе во всѣхъ вопросахъ университетской жизни, гдѣ нерѣдко приходилось проявлять много нравственной стойкости и гражданскаго мужества.

Можно было бы указать еще нѣсколько лицъ среди русскихъ профессоровъ дерптскаго университета, которые въ большей или меньшей степени счастливо соединяли въ себѣ высокія качества, необходимыя для университетскаго преподавателя, но всѣхъ ихъ не трудно пересчитать по пальцамъ (еще разъ повторяю, что я имѣю въ виду лишь то время, которое мнѣ извѣстно изъ непосредственнаго наблюденія), и эти немногіе всегда стремились при первой возможности бросить Дерптъ для какого угодно другого университета. Господствующее же большинство новыхъ профессоровъ представляло коллекцію убожества, немыслимую въ другомъ мѣстѣ. Такъ какъ люди съ именемъ въ наукѣ только по недоразумѣнію попадали въ

Дерптъ, то весьма обычнымъ было назначеніе туда профессоровъ безъ соотвѣтствующаго научнаго ценза. Прибавивъ къ своему званію буквы и. д. (исполняющій должность), такіе господа вполнѣ спокойно почивали безъ лавровъ; когда же они, наконецъ, рѣшались выступить въ свѣтъ съ какимъ-нибудь сочиненіемъ собственнаго производства, то это далеко не всегда доставляло авторамъ лавры! Можно указать не одинъ трудъ дерптскихъ профессоровъ, доставившій прекрасный матеріалъ для остроумія рецензентовъ въ спеціальной и общей прессѣ. Объ одномъ такомъ ученомъ, до сихъ поръ, впрочемъ, не издавшемъ ни одной строчки, было извѣстно, что на магистерскомъ экзаменѣ послѣ многихъ неудачъ экзаменаторы согласились признать его познанія удовлетворительными, лишь взявъ съ него честное слово, что онъ никогда не будетъ домогаться профессорскаго званія.

Однажды произошелъ такой любопытный казусъ. Къ намъ пріѣхалъ попечитель и, между прочимъ, обѣщался быть на лекціи одного профессора. Лекція была двухчасовая. По ораторскимъ пріемамъ и воодушевленію лектора слушатели сразу догадались, что эта лекція была спеціально подготовлена для начальства. Проходитъ, однако, первый часъ,—попечителя нѣтъ. Начинается вторая лекція, студенты-нѣмцы, какъ всегда, принимаются усердно записывать слова профессора. Наконецъ, входитъ попечитель. Рѣчь профессора льется потокомъ. Вдругъ одинъ нѣмецъ кладетъ перо и недоумѣвающе смотритъ на лектора; за нимъ другой, третій перестаетъ писать, и, наконецъ, вся аудиторія догадывается, что записывать безполезно: профессоръ повторяетъ слово въ слово то, что онъ говорилъ въ теченіе перваго часа,—на второй часъ онъ ничего не приготовилъ. Какъ мало уваженія нужно имѣть къ наукѣ, къ своей аудиторіи и къ себѣ самому, чтобы позволить себѣ подобную передержку! Очевидно, что такіе господа видѣли въ профессурѣ только источникъ доходовъ и случай сдѣлать карьеру. Одинъ профессоръ этого пошиба наивно разсказывалъ мнѣ, что, когда гр. Дѣляновъ предложилъ ему занять каѳедру въ Дерптѣ, то онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему дали однимъ чиномъ больше, чѣмъ полагается по классу должности. «Ибо, — поучалъ онъ меня,—чинъ это удѣльный вѣсъ человѣка; кто къ сорока годамъ остается какимъ-нибудь коллежскимъ совѣтникомъ, тотъ въ моихъ глазахъ человѣкъ совершенно ничтожный». Но самый блестящій образчикъ того, какіе могутъ быть въ Дерптѣ профессора, далъ проф. Васильевъ своей знаменитой рѣчью о необходимыхъ для практикующаго врача правилахъ житейской мудрости. Этотъ замѣчательный монументъ въ довольно полномъ видѣ попалъ въ печать, такъ что потокъ времени, уничтожающій или искажающій такъ много характерныхъ чертъ вседневной жизни, на этотъ разъ не ограбитъ будущаго историка. Повторять эту рѣчь въ подробностяхъ едва ли стоитъ. Достато-

что сказать, что по содержанію она смѣло можетъ стать рядомъ съ наставленіями, которыми Мефистофель вводитъ новичка студента въ курсъ медицинскихъ наукъ, только безъ малѣйшей ироніи или сарказма,—напротивъ, по серьезности и убѣжденности, оратора скорѣе можно было бы сравнить съ Владиміромъ Мономахомъ, поучающимъ своего сына.

Рѣчь проф. Васильева вызвала отзвукъ въ различныхъ сферахъ. Не говоря уже объ обширной литературѣ, которую она породила въ періодической прессѣ, дерптскіе профессора, также какъ и студенты, не могли остаться къ ней равнодушны. Какъ разъ вскорѣ послѣ упомянутаго событія, случился пріѣздъ гр. Делянова въ Дерптъ. По этому поводу предполагалось устроить какой-то обѣдъ или, не упомню уже, какое другое общеуниверситетское торжество. Тогда нѣсколько русскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ открыто заявили министру, что они не считаютъ возможнымъ находиться въ обществѣ съ проф. Васильевымъ, и мотивировали свое заявленіе содержаніемъ его лекціи. Но гр. Деляновъ рѣшительно отказался вѣрить: «Да это, навѣрное, недоразумѣніе,—говорилъ онъ.—Вѣдь я знаю Васильева,—онъ *не мог* сказать ничего подобнаго». Въ отвѣтъ на увѣреніе профессоровъ, что онъ *сказалъ* то, что ему приписываетъ и молва, и печать, гр. Деляновъ продолжалъ повторять: «Вы не вѣрьте этому, господа! Этого не могло быть. Вѣдь нужно быть о двухъ головахъ, чтобы сказать что-либо подобное. Это просто недоразумѣніе!» Такъ онъ и остался въ своей увѣренности, не обнаруживъ склонности разъяснить это недоразумѣніе оффиціальнымъ путемъ. Впрочемъ, совмѣстное торжество, кажется, было отмѣнено.

Студенты рѣшили также воспользоваться пріѣздомъ министра, чтобы выразить свое отношеніе къ проф. Васильеву. Извѣстно было, что министръ собирается посѣтить одну изъ его клиническихъ лекцій, поэтому медики рѣшили не ходить на эти лекціи во все время пребыванія гр. Делянова въ Дерптѣ. Кому-то вздумалось вывѣсить объ этомъ объявленіе въ одной изъ самыхъ людныхъ студенческихъ кухмистерскихъ. Но проф. Васильевъ составилъ себѣ цѣлый штатъ приверженцевъ, подъ названіемъ «подассистентовъ», конечно, изъ числа представителей новой эры. Одинъ изъ этихъ господъ, своимъ форменнымъ видомъ не оставлявшій сомнѣнія въ своей принадлежности къ новѣйшей формаціи, зашелъ въ кухмистерскую и, увидѣвъ на стѣнѣ упомянутое объявленіе, пришелъ въ столь благородное негодованіе, что сорвалъ его со стѣны и громогласно заявилъ намѣреніе снести его своему патрону. Присутствовавшіе студенты были такъ возмущены, что безъ дальнѣйшихъ препирательствъ вытолкали доносчика за дверь. Черезъ нѣкоторое время онъ было опять появился въ кухмистерской, произнося ругательства и угрозы, но подвергся вновь той же участи.

На этомъ дѣло логически должно было бы кончиться, но здѣсь опять обнаружилась радикальная перемѣна въ настроеніи студенчества. Вопросъ получилъ неожиданный оборотъ. Дѣло изображалось такъ, будто бы виновникъ конфликта былъ сильно выпивши и будто бы студенчество возмущено грубымъ насиліемъ надъ достойнымъ товарищемъ. Созвано было общестуденческое собраніе для суда надъ хозяиномъ кухмистерской, однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ студентовъ, будто бы онъ былъ иниціаторомъ и главнымъ дѣятелемъ въ совершенномъ надъ товарищемъ насиліи. Изъ всѣхъ собраній, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, это было самое многолюдное. Съ одной стороны явились всѣ сторонники традиціонныхъ началъ студенческой жизни, чтобы не дать восторжествовать представителямъ доноса или въ лучшемъ случаѣ лакейства. Съ другой стороны явилась небывалая масса какихъ-то невиданныхъ до тѣхъ поръ на собраніяхъ фигуръ, сторонниковъ оскорбленнаго доносителя. Маленькая зала кухмистерской была набита народомъ буквально до потолка, потому что публика, не имѣя мѣста не только сидѣть, но и стоять, громоздилась на отодвинутыхъ къ стѣнамъ столахъ и скамейкахъ, упираясь руками въ низкій потолокъ. Пришедшіе послѣдними не могли уже войти въ залу и стояли на темномъ дворѣ за окнами, которыя были открыты, несмотря на позднюю осень. Нельзя было даже разобрать, кто тамъ былъ, но при голосованіяхъ предсѣдателю надо было высовываться за окно, чтобы пересчитать поднятыя руки. Настроеніе собранія было весьма возбужденное и въ высшей степени неблагопріятное для обвиняемаго. Лица, ясно представлявшія себѣ всю нелѣпость и неискренность обвиненія, были сравнительно немногочисленны; сторонниковъ обвиненія было гораздо больше, они компактной толпой занимали цѣлый конецъ, чуть не треть залы. На нейтральную же массу, голоса которой только и могли дать перевѣсъ тому или другому рѣшенію, очень дѣйствовала игра на благородство: шутка сказать—выгнать изъ студенческаго учрежденія товарища! Правда, онъ грозилъ доносомъ, но вѣдь онъ былъ невмѣняемъ, теперь же онъ самъ соглашается, что онъ въ пьяномъ видѣ совершилъ некрасивый поступокъ. Самъ обвинитель оказался весьма ограниченнымъ субъектомъ, который вовсе не имѣлъ вида оскорбленнаго человѣка. Чрезъ нѣкоторое время выяснилось, что онъ былъ просто пѣшкой въ рукахъ цѣлой компаніи темныхъ личностей, которымъ чувство оскорбленнаго ничтожества подсказывало недоброжелательство ко всему, что носило признаки нѣкотораго нравственнаго или умственнаго превосходства. Имъ невыносима была мысль, что видныя роли въ товарищескомъ быту всегда выпадали «идейнымъ» студентамъ, и они рады были придраться ко всякому случаю, чтобы дискредитировать ихъ авторитетъ. Не самъ оскорбленный, а они придавали необыкновенно драматическій характеръ происшествію въ кухмистерской.

Разбирательство вертѣлось на установленіи мельчайшихъ подробностей, напр., числа оторванныхъ пуговицъ, количества выпитой потерпѣвшимъ водки, длины и глубины полученныхъ имъ царапинъ, когда при выталкиваніи за дверь онъ упираясь разбилъ дверное стекло, и т. д. Когда же противная сторона въ свою очередь путемъ установленія послѣдующихъ фактовъ желала выяснить, что потерпѣвшій почувствовалъ себя оскорбленнымъ лишь послѣ того, какъ побывалъ въ извѣстной компаніи, то изъ толпы обвинителей слышался ропотъ, раздавались возгласы, что это къ дѣлу не относится, что не по-товарищески производить прокурорское разслѣдованіе и т. п. Время отъ времени выступали ораторы, прочувствованно, но не особенно связно развивавшіе тему, что есть молъ въ нашей средѣ «нѣкоторые», которые ставятъ себя выше товарищей, думаютъ, что если они прочли нѣсколько книгъ, то могутъ нетолько руководить тѣми, кто таковыхъ не прочелъ, но даже обращаться съ ними, какъ со скотами.

Собраніе тянулось уже нѣсколько часовъ, а вопросъ въ сущности не подвигался впередъ. Публика приходила въ нетерпѣніе, и можно было предвидѣть моментъ, когда постановлено будетъ самое безобразное, самое несправедливое рѣшеніе. Напрасно мы напрягали всю свою находчивость, чтобы въ убѣдительной формѣ представить истинный характеръ событія, — доводы разума плохо дѣйствовали, и настроеніе большинства оставалось крайне неопредѣленнымъ и ненадежнымъ. Вдругъ изъ дальняго угла комнаты, откуда-то изъ-подъ потолка неожиданно для всѣхъ послышался взволнованный голосъ товарища, который до тѣхъ поръ не вмѣшивался въ дебаты. Содержаніе его словъ было примѣрно слѣдующее: «Господа, мы потратили уже нѣсколько часовъ—на что? Мы считаемъ пуговицы и рюмки водки... Да развѣ въ этомъ дѣло? Дѣло въ томъ, что уровень студенчества съ каждымъ днемъ понижается; то, что было немыслимо какой-нибудь годъ назадъ, теперь становится обычнымъ явленіемъ. И сегодняшнее наше рѣшеніе должно показать, сохранили ли мы еще уваженіе къ достоинству студента, или деморализація уже такъ глубоко охватила насъ, что въ нашей средѣ могутъ безнаказанно раздаваться угрозы доноса, и мы будемъ это терпѣть, какъ нормальное явленіе». Искренность и безыскуственность этихъ словъ (въ моемъ изложеніи они звучатъ, быть можетъ, нѣсколько глаже, чѣмъ въ дѣйствительности) произвели переворотъ въ настроеніи собранія. Точно завѣса спала съ глазъ колеблющагося большинства. Зала огласилась дружными аплодисментами. Сраженіе было выиграно. «Темныя личности», считая, что ихъ роль исполнена, стали вереницей протискиваться къ выходу и демонстративно оставили собраніе. Въ залѣ стало немного просторнѣе и нравственная атмосфера очистилась. Публика новыми аплодисментами встрѣтила предложеніе одного изъ товарищей: не только отвергнуть обви-

неніе NN въ неблаговидномъ поступкѣ, но выразить ему благодарность за то, что онъ еще сохранилъ такое высокое мнѣніе о студенческой средѣ, что считалъ позоромъ для нея малѣйшую попытку къ доносу. Мы разошлись по домамъ часовъ въ пять утра, страшно усталые, но въ необыкновенно счастливомъ настроеніи.

Это было одно изъ послѣднихъ пріятныхъ впечатлѣній общественнаго характера, какія мнѣ случилось испытать въ Дерптѣ. Вскорѣ я окончательно покинулъ его и съ тѣхъ поръ ни разу не побывалъ на старомъ пепелищѣ.

Въ будущемъ году исполняется столѣтіе со дня основанія нашей almae matris. Нетрудно предвидѣть, что этотъ день не соединитъ въ общемъ праздникѣ разнообразныхъ элементовъ, которымъ дерптскій университетъ въ свое время давалъ пріютъ, какъ не соединялись они и въ періодъ академической жизни. Но вѣроятно всѣ, кто зналъ его еще при старыхъ порядкахъ, хотя каждый про себя, помянетъ его добрымъ словомъ симпатіи и благодарности. Честь тому учрежденію, которое оказалось приспособленнымъ для столькихъ разнородныхъ вкусовъ и удовлетворяло столькимъ разнороднымъ и непредвидѣннымъ требованіямъ.

Евгеній Дегенъ.

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ, философъ и учитель.

Фридриха Паульсена.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

(*Окончаніе*) *).

Философія Шопенгауэра.

Я попытаюсь теперь показать, что раздвоенность личности Шопенгауэра составляетъ основу всей его философіи. Навряд ли можно найти другого мыслителя, у котораго связь между философіей и личностью имѣла болѣе глубокое значеніе и въ то же время была болѣе очевидна. И точно также, вѣроятно, нѣтъ другого мыслителя, который бы съ такой прозорливостью ясновидящаго уяснилъ себѣ собственную личность. Обращенія «къ самому себѣ», которыми Гвиннеръ воспользовался для характеристики его, доказываютъ въ немъ изумительную способность къ самоанализу и въ то же время не менѣе изумительную легкость создавать иллюзіи относительно самого себя.

Именно это обстоятельство придаетъ такую притягательную силу произведеніямъ Шопенгауэра. Онъ никогда не разсуждаетъ на разныя далекія отвлеченныя темы, по поводу разныхъ сомнѣній и вопросовъ, выростающихъ изъ ученыхъ изслѣдованій, по поводу спорныхъ пунктовъ систематики, опредѣленія или взаимоотношенія понятій. Противорѣчія въ мысляхъ другихъ людей не побуждаютъ его къ размышленію, его мысль возбуждаютъ противорѣчія въ собственной личности. Какъ Сократъ въ платоновскомъ Федрѣ говоритъ о себѣ, что для него важно одно—изслѣдовать самого себя, представляетъ ли онъ чудовище болѣе сложной и вулканической природы, чѣмъ Тифонъ, или кроткое и простое животное божественной, а не вулканической природы,—точно такъ же можно сказать и про Шопенгауэра: онъ самъ и его внутренняя сущность представляетъ для него загадку, которая постоянно занимаетъ его мысли. Отсюда серьезная вдумчивость и глубокая убѣжденность, проникающая всѣ его произведенія. Философія для него не такое занятіе, которое онъ могъ бы и оставить, это первая, важнѣй-

*) См. «Міръ Божій». № 1. январь. 1902 г.

шая задача, его собственная жизненная задача. Онъ размышляетъ надъ ней не для того, чтобы найти подтвержденіе какой-нибудь системы или какой-нибудь книги, не для того, чтобы произвести впечатлѣніе на другихъ, нѣтъ, онъ стремится только уяснить себѣ себя самого. Безъ всякихъ обиняковъ, безъ всякихъ отступленій и изворотовъ идетъ онъ прямо къ рѣшенію своей задачи, вполнѣ честно и вполнѣ объективно. Его писательская искренность и справедливость, которую не надо смѣшивать съ личной, не имѣетъ себѣ равной среди современныхъ философовъ. Это роднитъ его съ древними греческими философами, для которыхъ не существовало никакой школьной мудрости, никакой уважаемой ученой каѳедры, никакой признанной оффиціальными авторитетами системы, и слѣдовательно, не было ни хорошей, ни дурной философіи, а была только истинная и ложная.

Эта искренность, эта безусловная честность мысли составляетъ гордость Шопенгауэра; это та добродѣтель, которая вознаграждаетъ его за недостатокъ другихъ добродѣтелей. Одно замѣчательное мѣсто изъ письма его друга Лотцова (Гвиннеръ, стр. 405) хорошо обрисовываетъ самооцѣнку философа: «Вы достаточно часто и устно, и письменно поносили всѣ добродѣтели, кромѣ искренности, и съ вашей стороны можно довольствоваться и тѣмъ, что вы придаете своему характеру меньше цѣны, чѣмъ силѣ своего мышленія. Невольно вспоминается тотъ врачъ Наполеона, который не хотѣлъ лѣчить его отъ застарѣлой чесотки, чтобъ не причинить вреда силѣ его характера». Нельзя не вспомнить этихъ словъ, читая слѣдующее мѣсто изъ «Parerga» (II, 354): «Люди, одаренные великими и блестящими качествами, не боятся признавать и проявлять свои недостатки и слабости. Они считаютъ, что съ избыткомъ искупаютъ ихъ или даже думаютъ, что не эти слабости кладутъ на нихъ пятно, а напротивъ, они дѣлаютъ честь этимъ слабостямъ. Въ особенности, если эти недостатки связаны съ ихъ великими качествами, какъ conditiones sine quibus non» *).

Эта ярко выраженная и сильно прочувствованная двойственность собственнаго существа, противорѣчіе между характеромъ мыслителя и характеромъ человѣка составляетъ отправный пунктъ шопенгауэровскаго мышленія. Это проявляется даже въ заглавіи его главнаго произведенія: «Міръ, какъ воля и представленіе». Какъ самъ философъ представляетъ собою двойственную личность, такъ и міръ онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія этой двойственности—какъ волю и какъ представленіе. Всюду онъ будетъ находить и указывать эту противоположность,—въ теоретической философіи—противоположность между вещью въ себѣ и явленіемъ, въ метафизикѣ между матеріей и волей, въ эстетикѣ между идеей и индивидуумомъ, въ практической филосо-

*) Необходимое условіе.

фіи между эгоистическимъ подтвержденіемъ и сверхъиндивидуалистическимъ отрицаніемъ желанія жизни (воли къ жизни).

Прежде всего я обращаюсь къ практической философіи, гдѣ по природѣ вещей всего тѣснѣе связь между мышленіемъ и переживаніями. Здѣсь яснѣе всего сказывается то, что міросозерцаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ, служащій выводомъ изъ его моральной философіи и ученія о свободѣ воли, представляетъ собой теорію его собственныхъ переживаній и настроеній.

Сужденіе человѣка о цѣнности міра и жизни всегда зависитъ отъ его сужденія о цѣнности живыхъ людей. Человѣкъ есть единственное существо, имѣющее абсолютную цѣнность для человѣка, всѣ остальныя вещи имѣютъ цѣнность только какъ средства для человѣческихъ цѣлей. Сужденіе Шопенгауэра о цѣнности человѣка основывается на чувствѣ безграничнаго презрѣнія, которое внушаетъ ему средній человѣкъ,—это все фабричный товаръ природы, массами изготовляемый и выпускаемый въ свѣтъ, слѣдуя правилу: дешево и плохо. Его собственной жизни придавали цѣну въ его глазахъ его духовныя достоинства, его познанія, его философія. Все это отсутствуетъ въ жизни массы; среднему человѣку нуженъ маленькій кусочекъ разума только для того, чтобы достигать своихъ маленькихъ личныхъ цѣлей. Человѣкъ, имѣющій серьезные теоретическіе интересы, является избранникомъ среди десятковъ тысячъ; геній, живущій исключительно для познанія, представляетъ рѣдкую игру природы, случающуюся разъ, два въ столѣтіе. Въ жизни массы преобладающую роль играетъ воля; питаніе и размноженіе—вотъ и все, чему она въ сущности придаетъ серьезное значеніе. Разумъ у этихъ людей является орудіемъ воли, онъ служитъ только къ тому, чтобы удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ и вести борьбу за существованіе съ другими людьми.

Къ умственной незначительности присоединяется и нравственная. У средняго человѣка умъ способствуетъ тому, чтобы естественному чувству самосохраненія придать характеръ чистѣйшаго эгоизма,—каждый сознательно стремится жить на счетъ другихъ; угнетеніе ближнихъ само по себѣ доставляетъ ему удовольствіе. Такимъ образомъ человѣкъ превращается въ злое животное, въ звѣря, отличающагося отъ другихъ злобой и завистью. Жестокость, наслаждающаяся видомъ чужихъ страданій, составляетъ характерную особенность человѣка, она проявляется еще у дѣтей, съ удовольствіемъ мучающихъ животныхъ. Прежде всего ихъ зависть и злоба обращается на наиболѣе выдающихся изъ ихъ породы, въ особенности же на выдающихся въ умственномъ отношеніи, на геніевъ, отсюда и происходитъ одиночество послѣднихъ, ихъ непонятость естественное слѣдствіе ничтожества остального стада. Понятно, что единственное чувство, какое можетъ питать геній къ стаду—это чувство безграничнаго презрѣнія. Шопенгауэръ также заявляетъ свое право на подобное отношеніе. И немед-

ленно, превращая право въ обязанность, онъ говоритъ: презрѣніе къ людямъ его единственная защита противъ людской ненависти (Гвинеръ, стр. 406).

Объективное сужденіе о ничтожествѣ людей находитъ, по мнѣнію Шопенгауэра, подтвержденіе въ субъективныхъ чувствахъ, наполняющихъ жизнь человѣка, всякаго рода непріятныя чувства, горе, страхъ, пресыщеніе, разочарованіе составляютъ постоянное содержаніе внутренней жизни человѣка, минутное облегченіе или освобожденіе испытывается человѣкомъ какъ радость. Удовольствіе не можетъ быть длительнымъ состояніемъ, воля, получившая полное удовлетвореніе,—это понятіе, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе, воля, которая ничего не желаетъ. Въ сущности есть только два состоянія, между которыми, какъ маятникъ, качается воля: болѣзненное желаніе и горестное разочарованіе и скука. Если желаніе достигаетъ своей цѣли, наступаетъ моментъ удовлетворенія, но въ слѣдующій же моментъ оно уступаетъ мѣсто разочарованію, пресыщенію, скукѣ. Если же оно не достигаетъ своей цѣли, потребность превращается въ лишеніе и страданіе. Геній тоже не составляетъ исключенія изъ этого общаго закона существованія. То преимущество, которое даютъ ему часы чистыхъ духовныхъ переживаній, уравновѣшивается большей интенсивностью ощущеній страданія, соотвѣтствующихъ повышенной чувствительности и болѣе могущественнымъ инстинктамъ.

Слѣдствіе этого—не жить лучше, чѣмъ жить. Вѣчный покой это та цѣль, къ которой надо всего настойчивѣе стремиться. Какъ достичь его? Къ нему ведетъ только одинъ путь. Полное отрицаніе воли. Отказъ отъ жизни, самоубійство было бы напрасно. Стремленіе бѣжать отъ страданій это актъ утвержденія воли, а пока есть воля, т.-е. желаніе жизни, до тѣхъ поръ есть и жизнь. Только уничтоженіе воли ведетъ къ уничтоженію жизни. Будда, Просвѣтленный, сказалъ послѣднее слово премудрости.

Таково міросозерцаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ. Онъ безъ сомнѣнія основывается на непосредственныхъ личныхъ ощущеніяхъ Шопенгауэра. Сознаніе человѣческаго ничтожества, ничтожества жизни, страданія, наполняющаго жизнь, составляетъ основной тонъ его жизненныхъ настроеній. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ему незнакомы были иныя настроенія, но данное настроеніе образуетъ постоянный фонъ его духовной жизни.

Въ одномъ отрывкѣ, озаглавленномъ «Безпечальный пессимизмъ и счастливая жизнь» (стр. 132), Куно Фишеръ говоритъ о Шопенгауэрѣ: его пессимистическіе взгляды были совершенно лишены горечи, напротивъ, ихъ ясность и живость доставляли ему наслажденіе. Не то, чтобы это была для него пустая мечта, воображеніе, «нѣтъ, это было серьезное, трагическое міросозерцаніе, но все-таки это было созерцаніе, взглядъ, образъ. Трагедія міровой скорби разыгрывалась на сценѣ, а онъ сидѣлъ въ зрительной залѣ, на удобномъ креслѣ, съ биноклемъ въ рукѣ;

большинство зрителей забывали о міровой скорби въ буфетѣ, никто не слѣдилъ за трагедіей съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой глубокой серьезностью, такимъ проницательнымъ взглядомъ; потомъ, глубоко взволнованный, съ чувствомъ сердечнаго удовлетворенія шелъ онъ домой и изображалъ тамъ, что только что видѣлъ».

Я не думаю, чтобы тутъ былъ взятъ правильный тонъ. Конечно, пессимизмъ самъ по себѣ есть воззрѣніе, а не чувство, и, быть можетъ, познаваніе и изображеніе познаннаго не лишено наслажденія, наслажденія художника, облекающаго въ плоть и кровь свои образы, и въ концѣ концовъ убѣжденіе въ неизбѣжности того, что жизнь есть страданіе, можетъ до извѣстной степени дѣйствовать успокоительно. Но при всемъ томъ остается несомнѣннымъ, что въ своемъ пессимистическомъ міровоззрѣніи Шопенгауэръ находилъ выраженіе для своего собственнаго глубочайшаго жизненнаго опыта, а не только для эстетически разыгранной трагедіи міровой скорби. Бремя жизни дѣйствительно всей своей тяжестью легло на него, особенно въ годы юности, когда складывались его взгляды. И то, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ участіе въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыми наслаждались его сверстники, еще унижало его въ собственныхъ глазахъ. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что чужое горе такъ сильно на него дѣйствовало, что совершенно уничтожало его собственную радость. Необычайно живая фантазія содѣйствовала при этомъ врожденной склонности погружаться въ область тяжелыхъ ощущеній. Конечно, нельзя назвать несчастливой жизнь Шопенгауэра, особенно во вторую половину, когда онъ нашелъ соотвѣтствующую его желаніямъ форму жизни и тѣмъ болѣе въ старости, когда онъ могъ, наконецъ, насладиться долго ускользавшей отъ него славой. Тѣмъ не менѣе для меня представляется невозможнымъ сказать вмѣстѣ съ Куно Фишеромъ. «Онъ изучилъ и изобразилъ пессимизмъ, но не пережилъ и не перестрадалъ его». Нѣтъ, онъ глубоко пережилъ и перечувствовалъ, конечно, не пессимизмъ, но страданія и пустоту жизни, и только то, что онъ пережилъ, онъ облекалъ въ теорію.

Но что это за теорія сама по себѣ? Имѣетъ ли она какое-нибудь значеніе помимо чисто личнаго? Представляетъ ли она нѣчто большее, чѣмъ міровоззрѣніе, выросшее на почвѣ даннаго темперамента? Можетъ ли она считаться объективной, пригодной для всякаго рода случаевъ истиной, на что она сама имѣетъ претензію?

Я не думаю, чтобы за ней могло быть признано такое значеніе. Она можетъ считаться лишь субъективно истинной, истинной для того, кто именно такъ чувствуетъ. Но тотъ, кто испытываетъ совершенно иное настроеніе, имѣетъ полное право не допускать, чтобы ему предписывали данное отношеніе къ жизни и людямъ. Оптимистическое міровоззрѣніе можетъ съ точно такимъ же правомъ считаться теоріей, имѣющей всеобщее значеніе, какъ и пессимистическое, или, лучше ска-

зать, оно съ психологической необходимостью должно это сдѣлать. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ умъ служитъ только отраженіемъ воли, и внутреннее настроеніе стремится облечься въ форму всеобщей теоріи. Такимъ образомъ оба міровоззрѣнія имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковое право на существованіе. Они представляютъ въ сущности нечто иное, какъ выраженіе личнаго опыта, которое съ силою психологической необходимости изображаютъ, какъ результатъ всеобщаго опыта. Поэтому, всѣ споры между ихъ послѣдователями совершенно напрасны. Ни тѣ, ни другіе не могутъ переубѣдить другъ друга. Факты, на которые они опираются, различны для тѣхъ и другихъ. Выборъ между ними опредѣляется не разсудкомъ, а чувствомъ, природа котораго всегда индивидуальна, хотя бы оно и считалось свойственнымъ всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣдовательное проведеніе этихъ взглядовъ не лишено теоретическаго значенія. Нѣтъ такой жизни, въ которой не встрѣчались бы оба вида чувствъ и настроеній. Обѣ эти противоположныя теоріи, оптимизма и пессимизма, могутъ быть разсматриваемы, какъ извѣстнаго рода сознательный и произвольный опытъ—рѣшить, въ какомъ видѣ представлялась бы жизнь, если бы въ человѣческой природѣ существовалъ только одинъ—тотъ или другой—родъ чувствъ и настроеній? и какъ составлялись бы сужденія о людяхъ и о жизни? Это экспериментъ, подобный тому, какой дѣлаетъ политическая экономія, допуская, что вся хозяйственная дѣятельность людей опредѣляется исключительно мотивами, изъ нея самой исходящими. Она прекрасно знаетъ, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Одновременно съ ними дѣйствуютъ и другіе мотивы—доброжелательство, стремленіе къ удобству, тщеславіе и чрезвычайно спутываютъ общую картину; но это не отнимаетъ значенія у формулъ, выработанныхъ при вышеупомянутомъ допущеніи. Не нужно только принимать ихъ за точное изображеніе дѣйствительнаго явленія, точно также какъ формулу закона притяженія нельзя считать изображеніемъ реальныхъ случаевъ паденія тѣлъ, она лишь односторонне выражаетъ опредѣленную тенденцію тѣлъ.

То же самое можно сказать и о формулахъ Шопенгауэровскаго пессимизма; онѣ выражаютъ собою дѣйствіе извѣстныхъ тенденцій, играющихъ роль въ составленіи міровоззрѣнія и отношенія къ жизни. Онѣ показываютъ, какова была бы жизнь, если бы люди были такими, какими изображаетъ ихъ Шопенгауэръ, каково было бы отношеніе къ жизни, если бы его жизненный опытъ и его ученіе о волѣ имѣли всеобъемлющее значеніе. Такимъ образомъ мы получаемъ гипотетическія формулы, облегчающія намъ аналитическое изученіе предметовъ; я думаю, что съ этой точки зрѣнія и формулы пессимизма могутъ оказаться полезными для изученія человѣческихъ отношеній.

Конечно, Шопенгауэръ желалъ придать своей теоріи другое зна-

ченіе, онъ думалъ, что его формулы представляютъ непосредственное изображеніе дѣйствительности. Надо замѣтить къ тому же, что его личныя мнѣнія еще во много разъ одностороннѣе его теоріи. Взять хотя бы, напримѣръ, его утвержденіе, что единственнымъ двигателемъ людскихъ поступковъ является исключительно стремленіе къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей, теоретическіе же вопросы оставляютъ людей совершенно безучастными. Въ XVII-й главѣ II-го тома своего труда, полной глубокихъ и прекрасныхъ мыслей, Шопенгауэръ самъ показалъ, что теорія является далеко не исключительно дѣломъ избранныхъ умовъ, — въ формѣ метафизической потребности она составляетъ важную черту духовной физіономіи всего человѣческаго рода. Въ сравненіи съ животными можно въ этомъ смыслѣ всѣхъ людей назвать геніями. Исторія на всякой страницѣ показываетъ, какъ серьезно они принимаютъ всѣ теоретическіе вопросы. Можно, пожалуй, утверждать, что всѣ величайшія историческія движенія имѣютъ корень въ религіи, слѣдовательно, въ метафизикѣ. И искусство, если смотрѣть на него съ всемірно-исторической точки зрѣнія, является, также какъ религія и метафизика, не дѣломъ немногихъ избранныхъ, а произведеніемъ и достояніемъ всего народа. Бываютъ времена, когда оно далеко уходитъ отъ народной жизни и падаетъ до степени пустой забавы высшихъ классовъ общества. Но настоящее истинное искусство всегда народно. Оно удовлетворяетъ потребности народа облекать въ образы то, что шевелится въ глубинѣ души. Если бы у людей вообще не было этой потребности, то не могло бы явиться никакихъ геніевъ ни въ поэзіи, ни въ религіи, ни въ философіи, ни въ искусствѣ; всѣ великія созданія духа создаютъ и среду, способную воспринять и прочувствовать ихъ. Самъ Шопенгауэръ расчитывалъ на это. И когда онъ понялъ, что имъ пренебрегаютъ, онъ не отказался отъ своихъ ожиданій, онъ былъ увѣренъ, что для его философіи не настало еще время, что когда нибудь она сдѣлается достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей, даже всего человѣчества. И въ этомъ онъ не совсѣмъ ошибся, теперь его произведенія рядомъ съ Кантомъ можно встрѣтить въ любой дешевой библіотекѣ.

Чрезвычайная односторонность его ученія тѣсно связана съ безграничнымъ эгоизмомъ естественнаго человѣка. Для нѣкоторыхъ областей человѣческой дѣятельности она можетъ имѣть болѣе безспорное значеніе; на рынкѣ, напримѣръ, всякій хлопочетъ о своей выгодѣ, не заботясь о выгодахъ другихъ, точно также въ обществѣ всякій стремится блистать, не думая о томъ, что это можетъ причинить непріятность окружающимъ. Между тѣмъ въ сферѣ болѣе интимныхъ отношеній, въ семьѣ, напримѣръ, основнымъ двигателемъ является далеко не исключительно эгоизмъ, особенно при нормальномъ ходѣ вещей. Здѣсь принципъ индивидуализаціи не проводится во всей своей послѣдовательности. Онъ не проводится также и въ отношеніяхъ единичной

личности къ народной массѣ. Человѣкъ не является на свѣтъ въ качествѣ изолированнаго индивидуума, онъ выростаетъ, какъ членъ извѣстнаго цѣлаго, семьи, родины, своего народа; и эти отношенія кладутъ печать на его чувства и на его волю. Симпатическія чувства и стремленіе сохранить цѣлое не менѣе врожденны, чѣмъ эгоистическія чувства и стремленіе къ самосохраненію.

Въ этомъ отношеніи Шопенгауэръ страдаетъ какъ бы цвѣтовой слѣпотой. Въ теоріи онъ знаетъ, что все это такъ. Онъ самъ ставилъ симпатическія влеченія въ зависимость отъ единства воли въ родѣ и даже отъ метафизическаго единства воли во всѣхъ существахъ. Но на его чувства эти теоріи не оказывали ни малѣйшаго вліянія. И это опять-таки зависѣло отъ условій его личной жизни. Онъ одинокъ по рожденію и по воспитанію. Ему дали имя Артуръ, потому что оно остается одинаковымъ на всѣхъ языкахъ, этого желалъ его отецъ, космополитъ по влеченію, покинувшій Данцигъ, чтобъ не онѣмечиться, и его супруга, отправившаяся во время беременности въ Англію, чтобъ ожидавшійся Артуръ появился на свѣтъ англичаниномъ,—впрочемъ въ послѣдній моментъ это было перерѣшено. Мальчикъ не имѣлъ никакой настоящей родины, онъ жилъ то тутъ, то тамъ, то въ Данцигѣ, то въ Гамбургѣ, то во Франціи, то въ Англіи. Онъ оставался свободнымъ отъ всѣхъ крѣпкихъ цѣпей, какія налагаютъ на душу родина, окружающіе, товарищи игръ, школа. Онъ вездѣ былъ гостемъ. Рано разорвалъ онъ и семейныя связи, матери онъ, повидимому, никогда не любилъ, и тѣ почтительныя чувства, которыя онъ такъ часто и такъ охотно высказывалъ по адресу своего покойнаго отца, проистекали едва ли не изъ желанія досадить этимъ матери. Во всякомъ случаѣ, контрастъ между ними обоими сильно способствовалъ идеализаціи въ его воспоминаніи образа отца. Если бы отецъ остался въ живыхъ, между ними, безъ сомнѣнія, происходили бы тяжелыя столкновенія. Какъ бы то ни было, онъ никогда не говорилъ, чтобы молодость его была особенно счастливой. Въ домѣ родителей, повидимому, никогда не царилъ духъ радости. Мать разсказывала однажды о своей загубленной юности, а Шопенгауэръ о суровости отца, отъ которой ему много пришлось выстрадать въ молодости (Фрауэнштетъ, стр. 306).

Изъ всего этого ясно, что у Шопенгауэра совершенно отсутствуетъ тотъ мотивъ, который нерѣдко лежитъ въ основѣ нелѣпо-пессимистическаго воззрѣнія на общество, напримѣръ, у Руссо и у Канта—сентиментально-идеализированныя воспоминанія о ранней юности, о простыхъ отношеніяхъ въ родительскомъ домѣ, справедливыхъ и радостныхъ. Ни малѣйшаго намека на подобныя чувства нельзя найти у Шопенгауэра. Или, быть можетъ, эта искорка сентиментализма пріютилась у него въ отношеніи къ животнымъ? Въ своемъ пуделѣ онъ находитъ, можетъ быть, ту справедливость и честность, которой не достаетъ людямъ? Въ его разсужденіяхъ по поводу простоты и довольства, вы-

ражающихся въ физіономіяхъ животныхъ можно найти оттолосокъ сентиментализма въ духѣ Руссо. Человѣческая физіономія, наоборотъ, пробуждаетъ въ немъ тотчасъ же враждебныя чувства. Владѣльцы ея злобныя животныя, которыхъ только намордникъ страха передъ полиціей удерживаетъ отъ поползновенія кинуться на него. Даже къ дѣтямъ онъ не питаетъ иного рода чувствъ, они мѣшаютъ и надоѣдаютъ ему крикомъ и шумомъ. Онъ поздравляетъ своего друга фонъ-Доса съ рожденіемъ ребенка, неоднократно повторяя, что проситъ небо не посылать ему больше дѣтей.

Эта крайняя односторонность личныхъ настроеній создаетъ исключительно благопріятныя условія для того, чтобы Шопенгауэръ могъ съ честью исполнять роль адвоката отъ дьявола противъ всего человѣческаго рода. И онъ проводилъ ее, дѣйствительно, съ такимъ искусствомъ и одушевленіемъ, съ такой охотой и постоянствомъ, какъ никто ни до, ни послѣ него. Онъ съ такой проницательностью подмѣчаетъ всѣ пороки и слабости людей, мужчинъ и женщинъ, ученыхъ и неученыхъ, великихъ и малыхъ, правящихъ и управляемыхъ, и съ такой силой и юморомъ изображаетъ ихъ, что самому Мефистофелю не худо было бы поучиться у него. Многіе воображаютъ и до сихъ поръ, что онъ, рисуя свои мрачныя картины, имѣлъ въ виду разновидности не людей, а чертей. Я не думаю, что бы они были правы. Разъ чортъ имѣетъ свои права и, надо думать, не лишенныя основательности,—иначе откуда взялась бы вѣра въ чертей?—то въ интересахъ справедливаго рѣшенія дѣла лежитъ несомнѣнно, чтобы и на ихъ защиту всталъ энергичный и ловкій адвокатъ. По крайней мѣрѣ, судья долженъ былъ бы желать этого. Во всякомъ случаѣ, процессъ отъ этого сильно выигрываетъ въ занимательности. Какъ становится скучно и пресно, когда защитникъ не встрѣчаетъ серьезнаго противника, показываетъ литература просвѣтительной эпохи.

Тѣсное соотношеніе между философіей и личностью Шопенгауэра высказывается въ его моральной философіи, не менѣе чѣмъ въ его сужденіи о людяхъ и о жизни. Конечно, здѣсь это соотношеніе имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Его пессимистически-мизантропическая антропологія представляетъ непосредственное выраженіе его чувствъ и отношеній къ людямъ; его мораль, наоборотъ, есть формула для изображенія его собственной жизни и внутреннихъ настроеній; съ большимъ правомъ можно сказать, что они противоположны другъ другу. По его теоріи состраданіе есть источникъ всякаго моральнаго блага. Только тѣ поступки имѣютъ нравственную цѣнность, которыя имѣютъ цѣлью исключительно достиженіе чужого блага и устраненіе чужого страданія безъ всякаго отношенія къ собственному благу. Поступки, мотивомъ которыхъ служатъ исключительно потребности, требованія собственнаго блага, не имѣютъ никакой нравственной цѣны; они имѣютъ отрицательную цѣну, если собственное благо достигается за счетъ чужого.

Такимъ образомъ, сама себя отрицающая сердечная доброта оказывается единственнымъ свойствомъ, придающимъ человѣку моральную или абсолютную цѣнность. Одновременно съ этимъ исчезаетъ цѣнность всѣхъ остальныхъ проявленій, даже проявленій генія, они вмѣстѣ съ умомъ, этимъ продуктомъ мозга, принадлежатъ всецѣло міру явленій, между тѣмъ какъ воля, исполненая доброты, проникаетъ въ самую метафизическую сущность вещей. Здѣсь Шопенгауэръ сказывается въ полномъ согласіи со всѣми великими искупительными религіями. Для него также добровольное самоотреченіе и добровольное страданіе служитъ единственнымъ путемъ къ совершенству. Этимъ путемъ шли святые, имъ же шли ученики Будды, точно также какъ и ученики Христа. Посредствомъ умерщвленія влеченій естественнаго человѣка достигали они совершенства, отрицаніе воли давало имъ міръ и блаженство. Свободное отъ эгоистическихъ желаній и страха, сердце ихъ открыто для участія къ братьямъ, которые ведутъ еще тщетную борьбу за призрачныя блага міра.

Противоположность дѣйствительной жизни Шопенгауэра съ этой картиной совершенной жизни очевидно для всякаго. Достаточно часто онъ выслушивалъ упреки за это: онъ превозноситъ аскетовъ и ищетъ комфорта, онъ называетъ страданіе лучшимъ путемъ къ совершенству и съ пугливой осторожностью избѣгаетъ его, онъ видитъ въ состраданіи корень всякаго истиннаго нравственнаго достоинства, а самъ заключилъ свое сердце въ броню презрѣнія, чтобы сдѣлать его недоступнымъ состраданію,—однимъ словомъ, его ученіе пробповѣдуетъ отрицаніе эгоистическаго желанія жизни, а его жизнь утвержденіе этого желанія.

Но можемъ ли мы вслѣдствіе этого считать его ученіе ложью, въ которую онъ самъ не вѣритъ?

Гвиннеръ разсказываетъ, что однажды Шопенгауэръ увидѣлъ у него портретъ аббата Рансе, основавшаго вновь орденъ траппистовъ. Онъ отвернулся и сказалъ съ горечью: «Вотъ гдѣ жила благодать!» Кто приметъ это за ложь, тотъ не знаетъ Шопенгауэра. Не знаетъ и человѣческой природы вообще. Шопенгауэръ глубоко чувствовалъ превосходство подобной жизни. Это чувство было еще интенсивнѣе, оттого что онъ самъ не могъ сдѣлаться участникомъ такой жизни, не могъ склонить свою волю къ отреченію, оттого что она влекла его къ презрѣнію міра и людей, а не къ воздержанію и успокоенію. Это чувство превращалось въ болѣзненное стремленіе къ иной жизни, соотвѣтствующей лучшей сторонѣ его природы. Его мораль представляетъ выраженіе этого стремленія; ее можно назвать собраніемъ его desiderata *).

*) Лучшихъ желаній.

исключительнымъ. Идеалъ отражаетъ дѣйствительность, но въ обратномъ видѣ, чего не достаетъ дѣйствительности, то мы находимъ здѣсь, что есть тамъ, то отсутствуетъ здѣсь. Никто не цѣнитъ здоровье такъ, какъ больной, никто не придаетъ богатству больше значенія, чѣмъ бѣднякъ. Никто не восхищается добродѣтелью искреннѣе чѣмъ, тотъ, кто не обладаетъ ею. Смѣлому мужество представляется такъ естественно, что онъ не говоритъ о немъ, но робкій не можетъ молчать о немъ, онъ такъ искренно и глубоко восхищается имъ, что по крайней мѣрѣ въ воображеніи не можетъ не драпироваться въ геройскій плащъ. Вспомнимъ сэра Джона Фальстафа или храбраго законника Джозефа Сидлея изъ «Ярмарки тщеславія» Теккерея. Такъ и Руссо, отдававшій своихъ дѣтей въ воспитательный домъ, съ пафосомъ разсуждалъ объ естественномъ воспитаніи и естественномъ устройствѣ соціальныхъ отношеній. Конечно, имъ руководитъ не лицемѣріе, онъ, можетъ быть, глубже прочувствовалъ и глубже оцѣнилъ весь ужасъ неестественныхъ отношеній, чѣмъ кто бы то ни было изъ его современниковъ.

И почему Кантъ превозноситъ искренность выше всѣхъ добродѣтелей и со всей присущей ему силой бранитъ лживость, что Шопенгауэръ считаетъ съ его стороны аффектаціей? Этому послѣднему, съ его гордымъ, даже надменнымъ характеромъ вполнѣ свойственна безпощадная искренность, между тѣмъ какъ Кантъ, нѣсколько робкій отъ природы, могъ только стремиться къ ней. Развѣ это не всегда такъ бываетъ,—плоды, съ тяжелымъ трудомъ добытые изъ безплодной почвы, цѣнятся выше, чѣмъ тѣ, которые въ изобиліи приноситъ плодоносная земля. Такъ же обстоитъ дѣло и у Шопенгауэра съ его самоотреченіемъ и отрицаніемъ желанія жизни. Бывали люди, которые дѣйствительно совершали чудеса; въ буддистскихъ и христіанскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ правдивые разсказы о томъ, какъ святые побѣждали въ себѣ страсти и желанія, страхъ и боль и достигали уже въ этой жизни совершеннаго покоя. Шопенгауэръ слушаетъ объ этомъ съ удивленіемъ и восторгомъ, онъ страстно желалъ бы испытать тоже самое,—побѣдить свою волю и странствовать въ мірѣ безъ страха и желаній, предаваясь чистому созерцанію. Но чудо не свершалось надъ нимъ.

Онъ долженъ былъ считаться съ собой, такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ афоризмахъ житейской мудрости (въ первомъ томѣ Parerga) онъ излагаетъ правила, которыми онъ при этомъ руководствовался. Онъ знаетъ и прямо говоритъ, что эти правила не соотвѣтствовали его морали; они представляютъ суррогатъ къ ней, которымъ онъ пользуется, такъ какъ не можетъ достичь истиннаго совершенства. На этомъ пути онъ создалъ для себя наилучшую возможную жизнь; жизнь уединенную, посвященную созерцанію, немногого ожидающую отъ будущаго и, поэтому, свободную отъ горя и разочаро-

ваній. При этомъ онъ болѣзненно чувствовалъ недоступность для него идеала. Это сознаніе наполняетъ его этику стремленіемъ къ освобожденію отъ самого себя.

Карлъ Бэръ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ о встрѣчѣ своего отца съ Шопенгауэромъ. «Во время разговора мой отецъ сказалъ, что его философія въ сущности проникнута величайшей скромностью. И когда Шопенгауэръ спросилъ: «какъ такъ?» онъ отвѣтилъ: «Вы ставите сердечную доброту выше генія, которымъ между, тѣмъ, вы сами одарены».—«Вы правы,—отвѣтилъ тотъ,—но то, чѣмъ я выдѣляюсь изъ тысячъ, нѣкогда исчезнетъ, а сердечная доброта останется навѣки». (Шеманъ. «Разговоры и переписка съ А. Шопенгауэромъ, изъ бумагъ К. Бэра», изд. въ 1894 г.). Итакъ, Шопенгауэръ, заключившій себя въ броню презрѣнія и высокомѣрія, не вполнѣ лишенъ того, что на языкѣ религіи называется смиреніемъ передъ Господомъ.

Это великое сознаніе, до котораго дошелъ философъ путемъ собственной жизни явилось для него ключомъ къ уразумѣнію одного изъ величайшихъ событій въ жизни человѣческаго рода. Шопенгауэръ снова вернулся къ пониманію искупительныхъ религій. Въ XVIII вѣкѣ это пониманіе было совершенно утрачено; просвѣтительная эпоха видѣла въ буддизмѣ одно сплошное заблужденіе, а христіанство считала исключительно руководствомъ къ тому, какъ обрѣсти въ этой жизни временное, а въ той вѣчное блаженство. Новое время установило взглядъ на исторію, какъ на неуклонное стремленіе къ высшей культурѣ и къ большему счастію. Оно видѣло только путь утвержденія жизни, путь отрицанія жизни находился внѣ поля его зрѣнія; оно не видѣло въ немъ ничего кромѣ случайнаго уклоненія въ сторону, которое проповѣдывали отупѣвшіе отшельники или невѣжественные монахи въ мрачную эпоху средневѣковья. Шопенгауэръ сдѣлалъ открытіе, что это вторая большая дорога, по которой всегда шло человѣчество, и по его мнѣнію—прямая дорога къ спасенію. Этимъ онъ открылъ девятнадцатому вѣку путь къ пониманію христіанства, по крайней мѣрѣ одной существенной стороны христіанства. Возрожденіе, реформація, современная наука и современное развитіе культуры расшатали старое христіанство, интеллектуализмъ, раціонализмъ и оптимизмъ завладѣли всѣми умами, они видѣли вездѣ только тѣ мысли и чувства, которыя были имъ самимъ свойственны. Шопенгауэръ, въ силу своего личнаго настроенія, способенъ былъ понять сущность христіанства и подмѣтить его общность съ индійскимъ буддизмомъ въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ.

Онъ оказалъ этимъ несомнѣнную услугу той наукѣ, которую онъ цѣнитъ меньше всѣхъ остальныхъ—исторіи и философіи исторіи. Въ понятіяхъ утвержденія и отрицанія жизни, какъ двухъ видовъ—отношенія къ жизни, онъ нашелъ вѣрный способъ пониманія многообразныхъ явленій исторической жизни. Здѣсь выступаетъ то коренное раз-

личіе, которое разбиваетъ ряды историческаго развитія на двѣ основныя группы.

До сихъ поръ человѣчество по двумъ путямъ стремилось достичь своей жизненной цѣли. Первый путь, это путь культуры, — по нему идутъ всѣ тѣ, которые стремятся удовлетворить естественныя желанія и потребности посредствомъ развитія всѣхъ силъ и способностей и подчиненія природы власти человѣка, этимъ способомъ они надѣются достичь счастія. Второй путь есть путь искупленія,—по нему идутъ тѣ, которые мечтаютъ достичь мира и покоя, посредствомъ искорененія потребностей и отрицанія естественной воли или естественнаго желанія жизни.

Въ двухъ великихъ историческихъ рядахъ развитія встаетъ передъ нами эта противоположность въ формѣ крупнаго историческаго поворота,—въ исторіи индійской и греко-итальянской вѣтви великаго арійскаго ствола. Индусы, народъ воинственный, въ молодости завладѣвшій всѣми землями по берегамъ Инда и Ганга, создали себѣ въ брамапизмѣ и буддизмѣ религію искупленія, которая путемъ устраненія отъ міра ведетъ къ освобожденію отъ желанія жизни и отъ самой жизни съ ея страданіями. Точно также молодость грековъ и римлянъ протекала на пути культуры. Война, завоеванія, политика, мореплаваніе, торговля, искусство, наука вотъ тѣ занятія, которымъ они предавались въ эпоху молодости и зрѣлаго возраста. И здѣсь также наступилъ поворотъ, обращеніе къ христіанству знаменуетъ отклоненіе классической древности отъ пути культуры, на которомъ люди отчаялись достичь цѣли—счастія на землѣ. Христіанство, какъ и буддизмъ, указываетъ на иной міръ.

Современные европейскіе народы мы находимъ тоже сначала на пути утвержденія жизни: охота, война были ихъ главными занятіями. Потомъ церковь увлекла ихъ къ міросозерцанію и настроенію умирающаго античнаго міра, и всѣ средніе вѣка они, по крайней мѣрѣ, наружно, не покидали этой колеи. Но возрожденіе произвело новый переворотъ; новый міръ вполнѣ сознательно отвернулся отъ пути искупленія и пошелъ по пути культуры, чтобы найти счастіе на землѣ, т.-е. свести небо на землю, вмѣсто того чтобы искать неба въ иномъ мірѣ. Будетъ ли онъ счастливѣе индусовъ и грековъ? Найдетъ ли онъ его? Шопенгауэръ увѣренъ, что этого никогда не случится. Небо на землѣ это вообще иллюзія, которую создала себѣ человѣческая воля. Для западныхъ народовъ тоже настанетъ моментъ, когда они убѣдятся въ самообманѣ и вернутся на покинутый путь. Шопенгауэръ хочетъ помочь имъ въ этомъ.

Дѣйствительно ли они готовы совершить этотъ поворотъ?

Нельзя отрицать, что пессимистическое настроеніе въ настоящее время все больше выступаетъ и въ литературѣ, и въ жизни, не только въ Германіи, но и во всѣхъ западныхъ странахъ. Правъ ли вслѣдствіе

этого Шопенгауэръ? Стоимъ ли мы наканунѣ радикальнаго переворота, какой пережилъ древній міръ въ своемъ обращеніи къ христіанству?

Я не знаю этого, и никто этого не знаетъ. Будущее свято хранитъ свои тайны отъ глазъ смертныхъ. Я не думаю только, чтобы этотъ переворотъ былъ близокъ къ намъ. Онъ наступитъ раньше или позже, всякая жизнь приходитъ къ концу и за всякимъ подъемомъ слѣдуетъ нисхожденіе. И эпохѣ подъема соотвѣтствуетъ иное міровоззрѣніе и иное отношеніе къ жизни, чѣмъ эпохѣ нисхожденія. Но я не думаю, чтобы это новое уже стучалось въ двери. Мнѣ кажется, что жизненная сила западно-европейскаго міра, особенно германскихъ и славянскихъ народовъ, еще не изжита. Приростъ населенія и стремленіе къ разселенію служитъ самымъ несомнѣннымъ показателемъ этого. Сколько бы ни говорили объ упадкѣ и о fin de siecle, доказывающемъ истощеніе жизненыхъ силъ,—народъ, который хочетъ жить, будетъ жить наперекоръ всѣмъ своимъ пессимистическимъ философамъ и поэтамъ.

Вотъ и все, что можно сказать о практической философіи Шопенгауэра. Впрочемъ, не мѣшаетъ коснуться еще одного вопроса,—какъ она дѣйствуетъ на жизнь и характеръ отдѣльныхъ индивидуумовъ? Она, положимъ, рѣшительно отказывается быть практической философіей въ этомъ смыслѣ, она стремится лишь описывать, что есть, но никакъ не предписывать, что должно быть. Шопенгауэръ прямо заявляетъ, что познаніе, даже познаніе моральной философіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на измѣненіе характера. Ученіе о неизмѣняемости характера при помощи разсудка принадлежитъ къ тѣмъ догматамъ его философіи, которые коренятся въ его собственныхъ переживаніяхъ. Но въ дѣйствительности самъ Шопенгауэръ говоритъ не только о томъ, что есть, но и о томъ, что имѣетъ цѣну въ его глазахъ, онъ судитъ о жизни и о ея цѣнности и пытается убѣдить читателя въ правильности его сужденія. Быть можетъ, даже нѣтъ другого философа, который превзошелъ бы его въ искусствѣ принудительно внушать читателю его взгляды на то, что хорошо и что дурно, то спокойно изображая ихъ, какъ единственно возможные взгляды, то проповѣдуя ихъ съ страстной убѣдительностью.

Какое же вліяніе могутъ имѣть его произведенія на взгляды и поступки? Я думаю, что оно можетъ быть очень различно, смотря по образу мыслей читателя. На нѣкоторыхъ, вѣроятно, оно будетъ дѣйствовать какъ противоядіе противъ страстей и разочарованій, какія вызываетъ у нихъ жизнь. Такъ она, повидимому, дѣйствовала и на него самого, успокаивая и освобождая его духъ. Избѣжать страданія невозможно, оно свойственно самой природѣ нашей воли, а измѣнить волю не въ нашей власти, поэтому остается только покориться необходимости. А его философія, показавъ ему истинное значеніе вещей и научивъ истинному отношенію къ міру, помогла ему найти путь къ

жизни, наиболѣе отвѣчающей его склонностямъ. Точно также она подѣйствовала, кажется, на самую симпатичную личность изъ числа его первыхъ послѣдователей, фонъ-Досса, котораго самъ Шопенгауэръ всего охотнѣе называетъ своимъ ученикомъ. Его письма къ Шопенгауэру, наиболѣе привлекательныя изъ всей переписки (опубликованной Шеманомъ), даютъ возможность прослѣдить, какъ благородная, глубоко чувствующая душа, подавленная собственнымъ горемъ и общими страданіями, въ ученіи Шопенгауэра нашла утѣшеніе и спасеніе отъ страстей и страданій. Возможность подняться отъ единичнаго къ общему подѣйствовала на него разрѣшающимъ образомъ, какъ въ поэзіи художественное изображеніе страданій. Чувство горечи, пронкающее все, написанное Шопенгауэромъ, повидимому, совершенно не заразило его, также какъ вопреки всѣмъ разсужденіямъ Шопенгауэра онъ рѣшился вступить въ бракъ, оказавшійся очень счастливымъ.

На людей иного склада увлеченіе Шопенгауэровскимъ ученіемъ можетъ дѣйствовать совершенно иначе, какъ указывалъ однажды самъ Доссъ (Шеманъ, стр. 251). Если въ душѣ есть склонность къ горечи, къ презрѣнію и ненависти къ людямъ, тогда упорное изученіе обратной стороны человѣческой природы, къ которому ведетъ Шопенгауэръ, даетъ ей такъ много пищи, что можетъ совершенно пересилить противоположныя стороны души. Склонность къ угрюмой замкнутости и мрачному квіэтизму укрѣпляется пессимистическими размышленіями и становится неизлѣчимой, тогда какъ энергичное уклоненіе отъ печальныхъ мыслей могло бы уничтожить ее. Во всякомъ случаѣ я никакъ не думаю, чтобы Шопенгауэръ могъ быть хорошимъ совѣтникомъ въ юномъ возрастѣ; принятое на вѣру въ критическій періодъ жизни его ученіе можетъ легко повлечь за собой разнаго рода дурныя послѣдствія, презрѣніе ко всему достойному уваженія, высокомѣрную нетерпимость, склонность къ догматическому отрицанію, непривычку къ вдумчивой оцѣнкѣ явленій и къ самокритикѣ, влеченіе къ затворничеству, къ мрачному и меланхолическому настроенію и къ противорѣчіямъ. И если даже всѣ эти противоестественныя душевныя состоянія будутъ побѣждены при дальнѣйшемъ ходѣ развитія, все-таки въ душѣ останется неистребимый осадокъ. Человѣкъ невольно сохраняетъ тонъ разочарованности,—какъ бы то ни было, онъ заглянулъ уже за кулисы жизни. Развѣ можно отрицать, что этотъ тонъ въ современной литературѣ встрѣчается чаще, чѣмъ въ какой-либо иной? И что часть вины за это лежитъ на Шопенгауэрѣ и его ученикахъ?

Въ заключеніе мнѣ остается еще показать, какимъ образомъ теоретическая философія Шопенгауэра тоже имѣла корни въ его личности. Наиболѣе характерны для нея двѣ особенности—идеализмъ въ теоріи познанія и волунтаризмъ въ метафизикѣ.

Идеализмъ въ теоріи познанія это первая твердо установленная отправная точка Шопенгауэровскаго мышленія; различіе между міромъ

явленій и міромъ истинныхъ сущностей составляетъ для него исходный пунктъ всей философіи, а Платонъ и Кантъ, согласные между собой въ этомъ пунктѣ, являются единственными истинными основателями философіи. Обыденное сознаніе принимаетъ эмпирическое существованіе вещи во времени и пространствѣ за истинную дѣйствительность, убѣдившись, что это лишь явленія и, указавъ на «вещи въ себѣ», философское мышленіе порываетъ всякую связь съ обыденнымъ.

Идеализмъ или нуменализмъ въ теоріи познанія, являющійся во вступленіи къ его главному труду въ качествѣ основанія всякой философіи, въ дѣйствительности опирается на нѣкотораго рода практическій идеализмъ и на отрицательное отношеніе къ эмпирической дѣйствительности. Недостатки эмпирическаго міра унижаютъ его, превращая въ міръ недѣйствительный въ метафизическомъ смыслѣ, — міръ имѣющій такъ мало достоинствъ, какъ этотъ міръ, существующій во времени и пространствѣ, можетъ быть не болѣе, какъ явленіемъ. Такъ разсуждалъ Платонъ, также разсуждалъ и Кантъ, и Фихте. И мысли этихъ своихъ учителей Шопенгауэръ воспринялъ особенно глубоко, благодаря своему личному отношенію къ жизни. Существованіе во времени и пространствѣ представляется ему пустымъ сномъ, эта истина нашла себѣ полное выраженіе въ Упанишадахъ,—видимый міръ—это сонъ и обманчивая греза, твореніе Майи. Фолькельтъ прекрасно изобразилъ этотъ характеръ шопенгауэровскаго идеализма. Какое рѣшающее значеніе имѣло его личное настроеніе при образованіи его основныхъ взглядовъ въ теоріи познанія и метафизикѣ, показываетъ исторія ихъ развитія, обрисованная Лоренцомъ въ его сочиненіи «Къ исторіи развитія шопенгауэровской метафизики», составленномъ на основаніи писанныхъ документовъ. Въ самыхъ раннихъ упоминаніяхъ объ этомъ руководящую роль играетъ противоположность между «высшимъ сознаніемъ» и «эмпирическимъ сознаніемъ»; послѣднее въ теоретическомъ отношеніи направлено на міръ доступный внѣшнимъ чувствомъ и на господствующія въ немъ во времени и пространствѣ причинныя взаимоотношенія, въ практическомъ же отношеніи — на удовлетвореніе чувственныхъ потребностей. Между тѣмъ, «высшее сознаніе» въ теоретическомъ отношеніи направлено на вѣчно сущія идеи, практически же на аскетизмъ и святость. Это идеи платоновской философіи, воспринятыя на фонѣ собственнаго жизненнаго опыта.

Эта личная подкладка теоретическихъ построеній еще яснѣе выступаетъ въ другомъ основномъ пунктѣ его теоретической философіи — въ метафизическомъ волунтаризмѣ. Утвержденіе, что воля есть сущность вещей—безусловно собственная мысль Шопенгауэра. Хотя она намѣчалась слегка у Канта и у Фихте, но окончательно оформилась она только у него. Она ставитъ Шопенгауэра на ряду съ тѣми, кто обогатилъ человѣчество новыми великими идеями. Первымъ источникомъ этого убѣжденія онъ называетъ самосознаніе. Заглянувъ въ са-

мого себя, человѣкъ открываетъ въ себѣ двойное существо — представляющее и желающее, но воля составляетъ коренную основу, а умъ лишь зависящую отъ нея функцію. Это открытіе возникло изъ личнаго самосознанія Шопенгауэра. Сильное разногласіе между волей и разумомъ, существовавшее въ немъ самомъ, направляло его вниманіе на это противорѣчіе и оно казалось ему основнымъ. Онъ сравниваетъ разницу между ними, очевидную для всѣхъ, съ противоположностью двухъ элементовъ, на которые разлагаетъ воду Пристлей. Съ другой стороны, его собственный опытъ говоритъ ему, что сознаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ опредѣлять волю, и онъ выражаетъ это въ своемъ ученіи въ формѣ примата воли: воля первична, разумъ же вториченъ, воля господствующая субстанція, разумъ же служебное орудіе.

И вотъ, съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ извлекъ изъ наблюденія собственной внутренней сущности, онъ приступаетъ къ изученію міра, — ключъ къ великой загадкѣ онъ уже держитъ въ рукѣ: міръ есть «міръ, какъ воля и представленіе». Въ представленіи всѣ вещи являются намъ какъ тѣла, точно также какъ я самъ являюсь себѣ въ представленіи тѣломъ. Сами въ себѣ вещи являются волей,— или волей, одаренной сознаніемъ, какъ въ животныхъ, или чистой обнаженной волей, какъ въ растительномъ и неорганическомъ мірѣ. Но во всѣхъ случаяхъ проявляется воля, даже въ случаяхъ паденія и столкновенія тѣлъ. Каждое движеніе указываетъ на явленіе, родственное внутренне знакомому намъ проявленію стремленія и желанія.

Можно ли такимъ образомъ сказать, что шопенгауэровская метафизика представляетъ собой точно также исключительно его личное воззрѣніе, какъ мы утверждали относительно его пессимизма? Я этого не думаю; скорѣй я склоненъ видѣть въ его основной мысли о томъ, что тѣлесный міръ есть проявленіе внутренней жизни, являющееся нашему самосознанію прежде всего въ формѣ воли,—твердо установленную истину. Самъ онъ видѣлъ въ пессимистическомъ міровоззрѣніи необходимое слѣдствіе своей метафизики, или, лучше сказать, считалъ данную метафизику подтверждающимъ слѣдствіемъ своего твердо установленнаго пессимизма. Въ дѣйствительности это взаимоотношеніе далеко не такъ неизмѣнно, пессимизмъ можно вполнѣ отдѣлить отъ волунтаризма, одинъ отвергнуть, а другой принять.

Конечно, и волунтаристическая метафизика должна очиститься отъ нѣкоторыхъ придатковъ, главнымъ образомъ отъ разнаго рода разсужденій, которыя возникаютъ у Шопенгауэра изъ формулы теоріи познанія, гласящей, что воля есть вещь въ себѣ, формулы унаслѣдованной Шопенгауэромъ отъ Канта. Шопенгауэръ самъ никогда въ сущности не утверждалъ, что вещь въ себѣ должна быть признана трансцендентной. И тѣмъ не менѣе въ послѣдующихъ разсужденіяхъ она служитъ ему для такихъ утвержденій, которыя вытекаютъ изъ признанія воли вещью въ себѣ. Какъ вещь въ себѣ, она существуетъ

внѣ времени и пространства и не подчиняется principio individuationis, — точно также не подчиняется и закону причинности, имѣющему силу только для міра явленій. Незамѣтнымъ образомъ эти отрицательныя утвержденія превращались въ положительныя; единство, безграничность во времени и пространствѣ, свобода открываетъ вамъ путь ко всевозможнымъ чародѣйскимъ искусствамъ. Извѣстно, съ какимъ вниманіемъ Шопенгауэръ относился ко всякимъ явленіямъ оккультизма и какую склонность къ нимъ чувствовалъ, онъ находилъ въ нихъ подтвержденіе своей метафизики, такъ какъ только она могла объяснить эти явленія съ помощью своего принципа единой и безусловной воли. Конечно, онъ тѣмъ самымъ противорѣчитъ собственному, столько разъ настойчиво повторяемому предостереженію, — не давать физическимъ явленіямъ метафизическихъ объясненій. Всякая здоровая философія стоитъ на томъ, что хотя метафизическая сторона есть во всемъ, но тѣмъ не менѣе въ мірѣ явленій все совершается по чисто физическимъ законамъ; если столы двигаются, то, конечно, въ послѣднемъ счетѣ ихъ двигаетъ воля, или, лучше сказать, воля проявляется въ этомъ движеніи, но ни въ какомъ случаѣ не воля, лишенная физическаго выраженія, все равно можемъ ли мы его въ данномъ случаѣ замѣтить или нѣтъ. Nexus physicus и nexus metaphisicus *) образуютъ каждый замкнутое кольцо взаимныхъ соотношеній.

Если же смотрѣть на дѣло иначе и понимать въ чисто эмпирическомъ смыслѣ положеніе, что воля есть сущность вещей, тогда оно можетъ по моему служить прекрасно обоснованнымъ обобщеніемъ психологіи, — воля есть основная и первичная функція душевной жизни, которая въ процессѣ органической жизни имѣетъ всегда физическое выраженіе. Я держусь убѣжденія, что душевную жизнь можно понять только въ томъ случаѣ, если считать волю первичной функціей, а умъ вторичной. Всякая попытка выводить волю изъ представленія, терпитъ крушеніе. Въ этомъ истинная и великая заслуга Шопенгауэра. Я думаю, что придетъ время, когда съ Шопенгауера будутъ начинать новую эпоху въ исторіи психологіи. И мнѣ кажется, что мы замѣтно приблизились къ этому времени съ тѣхъ поръ, какъ я впервые высказалъ, что волюнтаристическая точка зрѣнія на душевную жизнь стала быстро распространяться въ послѣднее время, а старый интеллектуалистическій взглядъ, долгое время господствовавшій благодаря Гербарту въ Германіи, вездѣ уступаетъ ему мѣсто. Дарвиновская біологія, которую Шопенгауэръ такъ враждебно встрѣтилъ, едва услышавъ объ ней, стала сильной союзницей волюнтаризма. Ставя человѣка въ ряду другихъ живыхъ существъ на лѣстницѣ историческаго развитія, она стремится и душевную жизнь, достигшую высшей ступени развитія, выводить генетически изъ дру-

*) Кругъ физическій и кругъ метафизическій.

гихъ низшихъ, животныхъ зачатковъ ея. Между тѣмъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ разумъ, и волевая сторона наполняетъ всю душевную жизнь смутными желаніями и темными инстинктами.

Въ отношеніи матафизики наше время настроено скептичнѣе, чѣмъ та эпоха, когда складывались взгляды Шопенгауэра. Теперь врядъ ли кто-нибудь сталъ бы такъ смѣло утверждать, что старая загадка сфинкса рѣшена, какъ это дѣлалъ Шопенгауэръ въ отношеніи своего ученія о о волѣ. Я бы по крайней мѣрѣ не сталъ защищать его претензію во всемъ ея объемѣ. Но одно, по моему мнѣнію, можно смѣло утверждать. Связь между міромъ животнымъ, міромъ растительнымъ и даже далѣе міромъ неорганическимъ настолько тѣсна и глубока, что вполнѣ оправдываетъ слѣдующее предположеніе: въ сложной органической жизни животныхъ и въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется въ сущности то же самое, что составляетъ внутреннюю сторону дѣйствій и движеній всѣхъ остальныхъ тѣлъ. Иначе сказать, если въ проявленіяхъ животной жизни выражается воля, то воля же сказывается и въ движеніяхъ растительнаго и неорганическаго міра. Конечно, такимъ образомъ понятіе воли расширяется до неопредѣленности, но этого не отрицалъ и Шопенгауэръ. Мы не могли бы объяснить въ конкретной формѣ, что мы подразумѣваемъ, говоря, что въ организаціи и развитіи жизни того или другого растенія выражается воля. Но, по правдѣ сказать, не иначе обстоитъ дѣло и тогда, когда мы говоримъ о какомъ-нибудь животномъ,—о муравьѣ, о рыбѣ или собакѣ,—что во всѣхъ его поступкахъ проявляется опредѣленная воля. Въ сущности мы хотимъ этимъ сказать только, что тамъ происходитъ нѣчто подобное тому, что совершается въ насъ самихъ, когда наше тѣло исполняетъ тѣ или другія отправленія животной жизни, испытываетъ желанія, чувства голода или сытости, потребность въ дѣятельности или усталость. Вполнѣ понимать каждый человѣкъ можетъ только то, что онъ самъ переживаетъ. Какъ не полно въ насъ пониманіе и какъ не отчетливо представленіе о томъ, что переживаетъ человѣкъ, принадлежащій къ другой расѣ, къ другому народу или даже только къ другому общественному классу, или къ другому полу! Съ тою же подразумѣваемой оговоркой, съ какою мы употребляемъ для обозначенія внутреннихъ чувствъ родовыя названія,—любовь, ненависть, стыдъ, тщеславіе, страхъ, раскаяніе, хорошо зная, что обозначаемыя ими явленія происходятъ совершенно различно у различныхъ людей,—точно также можемъ мы обозначать именемъ воли внутреннюю сущность, проявляющуюся во всѣхъ вещахъ. Слово это указываетъ скорѣй не опредѣленное, конкретное содержаніе, а то направленіе, въ какомъ слѣдуетъ его искать.

Такимъ путемъ мы будемъ одинаково далеки и отъ высокомѣрной увѣренности, что мы обладаемъ исчерпывающимъ познаніемъ сущно-

сти вещей, и отъ агностицизма, вырывающаго непроходимую пропасть между сущностью вещей и нашимъ познаніемъ. Мы скажемъ вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ: ключъ къ пониманію всего существующаго лежитъ въ нашей внутренней жизни, если сущность нашу составляетъ воля, то воля же составляетъ сущность вещей вообще. И мы скажемъ также, если наша сущность вмѣстѣ съ сущностью всѣхъ вещей заключается въ единомъ, то сущность этого всеединаго должна быть признана волей.

Конечно, мы должны прибавить, что ни сущность вещей, ни сущность все единаго нельзя исчерпать при помощи человѣческихъ понятій, какъ въ отношеній формы, такъ и въ отношеніи содержанія. Вѣра, а не знаніе охватываетъ это и представляетъ намъ въ образахъ. Это ея право, право создающей ее воли, представлять намъ эту сущность въ образѣ добра и мудрости, святости и блаженства, а не въ образѣ зла и слѣпоты, жестокости и страданія. Тѣмъ или инымъ способомъ можно придать ей и эту обратную сторону, но ея дѣйствительное существо остается отъ насъ скрытымъ.

Шопенгауэръ самъ могъ бы сдѣлать такой выводъ изъ своихъ мыслей. Посылки для этого онъ могъ бы найти въ собственныхъ положеніяхъ, въ положеніяхъ, какъ теоретической, такъ и практической философіи. И у него воля является не вполнѣ слѣпой, наоборотъ, она оказывается скорѣй зрячей, какъ показываетъ его натуръ-философія. Слѣпое влеченіе приводитъ не къ безпорядочному хаосу, а къ космическому порядку, воля облекается въ формы, которыя воспринимаются человѣческимъ разумомъ, какъ идеи, какъ ясныя мысли, доставляющія эстетическое удовольствіе созерцающему ихъ разуму. Конечно, Шопенгауэръ избѣгаетъ относить чувство эстетическаго удовольствія въ чистомъ созерцаніи на счетъ содержанія созерцаемыхъ идей, онъ объясняетъ испытываемое удовольствіе исключительно прекращеніемъ болѣзненнаго стремленія къ нему. Между тѣмъ несостоятельность теоріи, что удовольствіе есть лишь прекращеніе страданія, выступаетъ всего яснѣе именно въ этомъ пунктѣ,—эстетическое наслажденіе имѣетъ всегда положительный характеръ, и оно едва ли могло бы ощущаться, если бы самъ созерцающій былъ дѣйствительно такъ ничтоженъ и жалокъ, какъ хочетъ увѣрить насъ Шопенгауэровскій пессимизмъ. Его эстетика свидѣтельствуетъ противъ его пессимизма.

Съ другой стороны, и его практическая философія, его ученіе объ искупленіи тоже является свидѣтельствомъ противъ его пессимизма. Воля и по мнѣнію Шопенгауэра, можно сказать, достигаетъ своей цѣли, сначала жизни, а потомъ, посредствомъ отрицанія желанія жизни, освобожденія отъ всѣхъ страданій, исцѣленія отъ болѣзненнаго влеченія къ жизни. Пессимизмъ только въ томъ случаѣ нашелъ бы себѣ подтвержденіе, если бы это влеченіе не могло быть уничтожено, а должно

было вѣчно существовать, причиняя страданія. Если же передъ нимъ открытъ путь къ нирваннѣ, тогда къ чему же жалобы?

Дѣйствительно, воля можетъ въ сущности обладать всѣмъ, къ чему она стремится. Въ ея власти находится и жизнь, и прекращеніе жизни. Прежде всего она получаетъ то, къ чему стремится отъ вѣка—жизнь. Конечно, содержаніе жизни составляетъ не пріятное наслажденіе, а тяжелый трудъ, суровое соперничество и даже кровавая борьба, по крайней мѣрѣ все это занимаетъ большое мѣсто въ жизни. Но, повидимому, даже къ этому стремится сама воля, по крайней мѣрѣ она скоро отказывается отъ пассивнаго, инертнаго наслажденія, находя его вялымъ и скучнымъ. Ее влечетъ къ себѣ тревожная жизнь, крупная значительная дѣятельность. Ее скорѣй можно назвать героической волей, чѣмъ искательницей спокойныхъ радостей. Далѣе, если воля пресыщена жизнью, она можетъ достичь и второй цѣли,—прекращенія жизни. Устанъ отъ труда и борьбы, она можетъ достичь покоя и уничтоженія. Раньше или позже—какъ предсказываетъ Шопенгауэръ, она во всей своей совокупности придетъ къ этому.

Судя по этому, воля имѣетъ всѣ основанія оглядываться назадъ на жизнь съ чувствомъ полнѣйшаго удовлетворенія. Она сама создала великую трагедію человѣческой жизни, сама съ страстнымъ увлеченіемъ играла роль въ ней и сама созерцала ее съ чувствомъ живѣйшаго эстетическаго интереса,—чего же ей надо еще? Зачѣмъ бранить жизнь и говорить,—это была глупая ошибка, заблужденіе? Почему не сказать лучше,—это было путешествіе по неизслѣдованнымъ странамъ бытія, полное интересныхъ зрѣлищъ, полное неожиданныхъ столкновеній, полное тяжелой нужды и борьбы, но прерываемое по временамъ мирнымъ отдыхомъ и минутами чистѣйшихъ наслажденій, а въ цѣломъ, крайне интересное и значительное путешествіе?

Если бы Шопенгауэръ оглянулся въ концѣ на собственную жизнь, она должна была представиться ему приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: много труда и борьбы, много досадъ и огорченій, и тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ счетѣ она стоила этихъ трудовъ и страданій. Видѣть эти зрѣлища, продумывать эти мысли, побѣдоносно выдерживать эту борьбу съ міромъ, право, это не малое и не ничтожное содержаніе для одной человѣческой жизни. Судьба могла бы съ полнымъ правомъ упрекнуть Шопенгауэра въ томъ, что онъ, видѣвшій въ теченіе всей своей жизни, какъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ развивались и приносили плоды его богатыя дарованія, въ благодарность за это постоянно клеймилъ жизнь.

Но Шопенгауэръ не хотѣлъ и не могъ поступать иначе: послѣднее слово должно было остаться за пессимизмомъ его молодости. Презрѣніе къ людямъ составляло часть его самого, оно вытекало изъ его глубочайшихъ чувствъ и въ тоже время служило оправданіемъ его жизни. Какъ могъ онъ отказаться отъ него?

Шопенгауэръ, какъ учитель жизни.

Въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній *) Фр. Ницше восхвалялъ Шопенгауэра, какъ учителя, какъ воспитателя мыслителей и философовъ. Подходитъ ли онъ для этой роли?

Дѣйствительно, Шопенгауэръ имѣетъ черты, которыя подходятъ для воспитателя людей, желающихъ изучать науку. Сильное чувство дѣйствительности, стремленіе къ будущему, презрѣніе къ внѣшности, безстрашная любовь къ истинѣ, полная независимость отъ чужого мнѣнія, любовь къ уединенію, равнодушіе къ злобамъ дня, постоянное тяготѣніе къ неизмѣнному и вѣчному,—все это качества, которыя прежде всего нужны изслѣдователю и служителю истины, и во всемъ этомъ Шопенгауэръ можетъ служить образцомъ. Его произведенія обладаютъ особымъ свойствомъ укрѣплять совѣсть противъ лицемѣрія, приспособленія, угодничества и искательства. И еще во многихъ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ Шопенгауэръ является хорошимъ воспитателемъ, онъ развиваетъ ясность мышленія и рѣчи, чистоту языка, точность даже въ мелочахъ орфографіи.

Но нѣтъ въ немъ недостатка и въ такихъ чертахъ, которыя, быть можетъ, составляютъ неотъемлемую особенность его индивидуальности и поэтому терпимы въ немъ самомъ,—chacun a les défauts de ses vertus **), какъ часто говоритъ самъ Шопенгауэръ,—но которыя крайне непріятны и даже невыносимы у его послѣдователей и вообще у людей маленькихъ. Это—вѣра въ свою непогрѣшимость, крайнее самомнѣніе, стремленіе выставлять на видъ свое презрѣніе къ людямъ, недостатокъ скромности и сердечнаго смиренія. И эти недостатки особенно страшны тѣмъ, что они опираются на примѣръ крупнаго человѣка. Быть можетъ, высокомѣріе и увѣренность въ непогрѣшимости составляютъ не самый глубокій, но, во всякомъ случаѣ, самый замѣтный результатъ вліянія Шопенгауэра на современную литературу.

И еще одно надо прибавить: любовь къ истинѣ и честность, которыми по справедливости гордится Шопенгауэръ, не всегда согласуются съ осторожностью въ сужденіи и съ добросовѣстностью въ изслѣдованіи и въ доказательствахъ. Наоборотъ, мы встрѣчаемъ въ немъ въ самой незначительной дозѣ способность относиться критически къ собственнымъ мыслямъ. Онъ схватываетъ какую-нибудь вещь, ясно и отчетливо высказываетъ, что онъ объ ней думаетъ, и стремится сейчасъ же привести ее къ какой-либо опредѣленной формулѣ. Если это ему удалось, если формула въ его глазахъ схватываетъ самую сущность предмета, то дѣло его кончено и дальнѣйшее изслѣдованіе пред-

*) «Размышленія не ко времени».

**) Каждый обладаетъ недостатками своихъ добродѣтелей.

ставляется для него излишнимъ. Для него истинно то, что онъ воспринимаетъ въ силу нѣкотораго рода эстетической необходимости. Его утвержденія—это догматы. Если они ему нравятся, если они отвѣчаютъ его образу мыслей, всему его существу, то это служитъ вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ ихъ истинности. Онъ относится къ нимъ самъ съ извѣстнымъ почтеніемъ, какъ къ дарамъ духа. Онъ не отказывается ни отъ одной изъ высказанныхъ имъ однажды мыслей и своему читателю онъ вмѣняетъ въ обязанность не упускать ничего изъ того, что онъ написалъ, такъ какъ все это составляетъ часть священнаго ученія. На возраженія онъ не обращаетъ никакого вниманія или отвѣчаетъ на нихъ, повторяя свои положенія. Онъ ненавидитъ критику, она мѣшаетъ интуиціи.

Шопенгауэръ обладаетъ выдающимся умомъ; кромѣ того, онъ имѣетъ изумительную способность схватывать сущность вещей съ помощью интуиціи. Сила его анализа, изученія, доказательства далеко уступаетъ ей. И здѣсь, какъ во всемъ остальномъ и, мѣриломъ вещей онъ считаетъ собственную личность; онъ очень невысокаго мнѣнія объ аргументированіи вообще. Тотъ, кто прочелъ первую книгу его сочиненія, тотъ знаетъ, что онъ придаетъ мало значенія доказательству не только въ метафизикѣ, но даже въ физикѣ и въ математикѣ и считаетъ его поверхностнымъ искусствомъ. Все сводится къ внѣшнему представленію, къ непосредственному воспріятію сущности и къ установленію связи по закону основанія и слѣдствія. Его пріемы соотвѣтствуютъ особенностямъ его индивидуальности и потому плодотворны у него. Для учениковъ и подражателей, не обладающихъ его достоинствами, они могутъ оказаться опасными. Я думаю, что не малое количество лжегеніевъ, которыми такъ богато наше время, надо отнести на счетъ Шопенгауэра, какъ учителя.

Но и для него самого эта односторонность дарованій, которую онъ считаетъ добродѣтелью, оказалась вредной. Прежде всего аффектъ часто затемняетъ ясность его мышленія. Intellectus luminis sicci non est *),—эти слова Бэкона Шопенгауэръ приводитъ очень охотно, такъ какъ провѣрилъ ихъ на собственномъ опытѣ. Когда досада, неудовольствіе, зависть, гнѣвъ и ненависть смущаютъ зеркало души, тогда тамъ легко могутъ возникать извращенные образы. А онъ на многое смотритъ и многое изображаетъ съ гнѣвомъ и ненавистью.

Однажды Шопенгауэръ характеризовалъ трехъ великихъ «софистовъ», Фихте, Шеллинга и Гегеля, противопоставляя ихъ философамъ XVII и XVIII вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ вездѣ честное изслѣдованіе, честное стараніе подѣлиться найденнымъ и сдѣлать его понятнымъ; у тѣхъ софистовъ, напротивъ, все дышетъ нечестностью. «Тонъ спокойнаго изслѣдованія замѣненъ непоколебимой увѣренностью, составлявшей

*) Свѣтъ ума не бываетъ холоднымъ.

во всѣ времена принадлежность шарлатанства, которая здѣ
покоиться на мнимо-непосредственномъ умственномъ воспрія
на абсолютномъ, т.-е. независимомъ отъ субъекта и отъ его забл
ній, мышленіи. Отовсюда выглядываетъ стараніе перехитрить читате
обмануть его, импонировать ему, обойти его непонятными фразами,
иногда положительной безсмыслицей, или ослѣпить его смѣлыми до
дерзости утвержденіями». И причина этого заключалась въ томъ, что
люди эти заботились не объ истинѣ, а о вкусахъ и намѣреніяхъ
сильныхъ міра сего, отъ милостей которыхъ они ждали назначеній и
хлѣба насущнаго, чтобъ такимъ образомъ съ женами и дѣтьми кор-
миться на счетъ философіи («Parerga» I, стр. 22 и сл).

Въ этихъ строкахъ Шопенгауэръ нарисовалъ свой собственный портретъ, и при томъ съ двухъ сторонъ. Прежде всего, не малая доля того, что онъ говоритъ о способѣ мышленія тѣхъ философовъ, падаетъ и на него. Не меньше ихъ любилъ онъ импонировать читателю, смущать, ослѣплять и оглушать его своими догматическими утвержденіями. Вообще, какъ мыслитель и писатель, онъ стоялъ ближе къ Шеллингу или Фихте, чѣмъ къ Канту и Вольфу или къ Юму и Локку. У него мы не найдемъ и слѣда ихъ терпѣливаго изслѣдованія и основательнаго подробнаго изложенія. Кромѣ того, онъ не рѣже Фихте или Шеллинга прибѣгалъ къ инвективамъ и литературнымъ убійствамъ.

Съ другой стороны, очень характерна та манера, съ какою онъ здѣсь, какъ и въ тысячѣ другихъ случаевъ, утверждаетъ разныя очень неблаговидныя вещи относительно характера и мотивовъ дѣятельности другихъ людей, не трудясь даже приводить особенно много аргументовъ и доказательствъ въ пользу этого. Онъ даже и не подозрѣваетъ, что обвиненія вродѣ тѣхъ, какія содержатъ въ себѣ его послѣднія строки, налагаютъ обязанность доказать ихъ. Они кажутся ему вѣроятными, они соотвѣтствуютъ тому образу этихъ людей, какой нарисовала ему ненависть,—этого достаточно. Всякое сомнѣніе, всякая попытка привести доказательства, нарушила бы цѣльность картины. Поэтому онъ не позволяетъ волѣ браться за это. Вмѣсто всякаго доказательства, онъ снова и снова повторяетъ свои обвиненія. Кто же былъ этотъ Фихте, котораго онъ въ другомъ мѣстѣ называлъ «философомъ, умѣющимъ приспособляться къ обстоятельствамъ», которому не доставало строгой честности, стремящейся независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній къ одной цѣли—истинѣ? Мы невольно спрашиваемъ себя, что же сдѣлалъ Фихте, чтобы оправдать подобныя обвиненія? Конечно, въ 1799 году, когда его обвинили въ атеизмѣ, онъ писалъ въ Веймаръ: «Глубокоуважаемый господинъ тайный совѣтникъ! Поступайте со мной, какъ пожелаете, объявите мнѣ выговоръ за прошлое, сдѣлайте указаніе на будущее,—не лишайте меня только одного, моей профессуры!» А въ 1806 году онъ во главѣ депутаціи встрѣтилъ у Бранден-

бургскихъ воротъ рѣчью Наполеона-побѣдителя,—онъ счастливъ, что можетъ повергнуть къ стопамъ его величества почтительную преданность нѣмецкой философіи. Приблизительно такъ и долженъ былъ поступать человѣкъ, «приспособляющійся къ обстоятельствамъ». Нужно все легковѣріе, все безграничное слѣпое подчиненіе своимъ аффектамъ, чтобы повторять подобныя обвиненія.

Но и почтеніе, какое чувствуетъ Шопенгауэръ къ какому-нибудь человѣку, не предохраняетъ его отъ подобнаго отношенія. Мы упоминали выше, что онъ говорилъ о Кантѣ по поводу тѣхъ измѣненій, которыя тотъ ввелъ во второе изданіе своей критики. Онъ объясняетъ ихъ лицемѣріемъ и трусостью, а именно, страхомъ передъ новымъ господиномъ (Фридрихъ Вильгельмъ II) и прямо называетъ ихъ нечестными уловками (въ письмѣ къ Розенкранцу въ 1837 году). Онъ не вспомнилъ о написанной имъ пять лѣтъ спустя, въ самый разгаръ вельнеровской системы *), «Религіи въ границахъ одного разума» и другія статьи, дававшія такой рѣшительный, можно даже сказать вызывающій отпоръ этому режиму, а между тѣмъ одно это воспоминаніе должно было доказать ему несправедливость этого упрека. Кантъ былъ не герой, онъ молчалъ, когда король приказывалъ ему молчать, но онъ не былъ слабохарактернымъ трусомъ, поддѣлывавшимъ въ угоду обстоятельствамъ свои мысли.

Больше того, въ то время, когда Кантъ началъ переработку критики, новый режимъ еще не показалъ себя съ этой стороны, часть измѣненій была, вѣроятно, сдѣлана еще при жизни Фридриха Великаго. Вѣроятно, они были вызваны одной рецензіей, появившейся вскорѣ вслѣдъ за первымъ изданіемъ и указывавшей на сходство кантовскихъ идей съ берклеевскими. Эта рецензія сильно оскорбила Канта. Когда Розенкранцъ указалъ на это, опровергая обвиненія Шопенгауэра, послѣдній вмѣсто того, чтобы взять ихъ назадъ, прибавилъ къ указанному имъ мотиву трусости, другой мотивъ—стремленіе къ оригинальности. Кантъ боялся, чтобы сопоставленіе съ Берклеемъ не уменьшило его славы, какъ оригинальнаго мыслителя. Подозрѣніе вполнѣ неосновательное, особенно въ глазахъ того, кто знаетъ, что Кантъ видѣлъ свою заслугу не въ томъ, что онъ былъ основателенъ феноменализма, а въ томъ, что онъ воспользовался имъ, какъ основой для раціонализма.

Такъ же легко обращался Шопенгауэръ съ честью и добрымъ именемъ всѣхъ людей вообще. Объ этомъ не должны бы были забывать тѣ, кто такъ чувствительно относится ко всякой не вполнѣ благопріятной характеристикѣ учителя. Точно такъ же и тѣ, кто рекомендуетъ

*) Вельнеръ—глава духовной цензуры при фр. Вильгельмѣ II.

намъ Шопенгауэра въ качествѣ воспитателя, не должны обходить молчаніемъ этотъ пунктъ.

Въ послѣднемъ итогѣ мы скажемъ такъ: въ личности Шопенгауэра были стороны достойныя подражанія, но были и далеко не привлекательныя, и поэтому его ученіе можетъ быть опаснымъ для людей, не одаренныхъ крупнымъ умомъ. Если люди, неспособные ни къ какой серьезной дѣятельности, станутъ подражать его тону и манерѣ, если они будутъ съ тѣми же пріемами судить объ университетской философіи, о научныхъ стремленіяхъ, о вкусахъ и направленіяхъ нашего времени, то изъ этого получится просто нелѣпая болтовня. Что у крупнаго и сильнаго человѣка обладаетъ извѣстнымъ величіемъ, какъ обратная сторона его добродѣтелей, то самое дѣлаетъ смѣшными его подражателей. Высокомѣрное презрѣніе ко всему пользующемуся уваженіемъ превращается у нихъ въ задиранье своевольныхъ мальчишекъ, вдохновеніе вырождается въ громкія потрясающія фразы. Внѣшнимъ особенностямъ подражать гораздо легче, чѣмъ крупнымъ природнымъ дарованіямъ; это и дѣлаетъ часто великихъ людей далеко не желательными учителями. Политическая жизнь нѣмецкаго народа въ послѣ бисмарковскую эпоху даетъ много данныхъ для подобнаго наблюденія.

Со стороны Нитцше было тоже не вполнѣ разумно избрать себѣ учителемъ Шопенгауэра. По крайней мѣрѣ, было бы не безполезно, если бы рядомъ съ нимъ онъ нашелъ себѣ какого-нибудь другого руководителя, который помогъ бы ему бороться съ склонностью къ переоцѣнкѣ самого себя и къ презрѣнію другихъ. Строить свою жизнь на презрѣніи окружающаго и считать это презрѣніе своимъ правомъ, это опасный рискъ, и я не знаю никого, кто бы отважился на него безъ вреда для своей души. Нельзя этого сказать и про Нитцше. И для него стало роковымъ избранное имъ себѣ призваніе, держать зеркало передъ лицомъ своего времени и колоть его «словами, какъ кинжаломъ», говоря словами Гамлета. Понятно, правда требуетъ силы, чтобъ не поклониться господствующимъ идоламъ и противиться господствующимъ теченіямъ, она требуетъ также силы, чтобы выносить одиненіе, которое является слѣдствіемъ возмущенія. То, что истинно, рѣдко согласуется съ тѣмъ, что принято. И еще надо замѣтить, что нѣмецкій народъ едва ли переживалъ эпоху, дававшую больше пищи для презрѣнія и негодованія, чѣмъ тѣ годы, когда Нитцше писалъ свои «Размышленія не ко времени», а Лагардъ свои болѣе глубокія и серьезныя, но одинаковыя по настроенію сочиненія (Deutsche Schriften). Никогда рыночный товаръ въ области литературы и въ области искусства не былъ такъ ходокъ и такъ не цѣнился, какъ послѣ побѣдоносныхъ войнъ. И тѣмъ не менѣе, для Нитцше было бы лучше, если бы онъ въ эти годы встрѣтилъ другого руководителя, чѣмъ Шопенгауэра, человѣка, который вмѣсто того, чтобы развивать въ немъ

личную гордость и тщеславіе филолога и укрѣплять его въ безусловномъ презрѣніи ко всему, отразившемся въ его «Размышленіяхъ не ко времени», указалъ бы ему бо́льшую положительную цѣль и научилъ бы хладнокровно переносить остальное.

Старый Маттіасъ Клавдій *) въ завѣщаніи своему сыну Іоанну рядомъ съ другими совѣтами, свидѣтельствующими объ истинной мудрости, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Презирать легко, сынъ мой, но понимать гораздо лучше». Эти слова Нитцше долженъ бы былъ записать въ свой дневникъ, вмѣсто того, чтобы записывать совѣтъ Шопенгауэра—вооружиться презрѣніемъ противъ людской ненависти. Быть можетъ, нашелся бы среди его юныхъ почитателей хоть одинъ, кому эти слова запали бы въ душу.

Для такого почитателя я выпишу еще слѣдующія слова изъ «Критики способности сужденія» Канта: «Если же кто-нибудь даже въ вещахъ доступныхъ самому тщательному изслѣдованію говоритъ и рѣшаетъ, какъ геній, то это просто смѣшно. Не знаешь, надъ кѣмъ больше смѣяться, надъ фокусникомъ, окружающимъ себя такимъ туманомъ, что нельзя ничего различить и тѣмъ болѣе отдать себѣ ясный отчетъ, или надъ публикой, искренно воображающей, что невозможность разобрать, въ чемъ тутъ суть, зависитъ отъ того, что ей открываютъ новыя истины во всемъ ихъ объемѣ, причемъ обращать вниманіе на подробности (вдаваться въ необходимыя объясненія и подвергать положенія научному изслѣдованію) представляется пустымъ, ни къ чему не нужнымъ занятіемъ».

Если бы кто-нибудь усумнился въ томъ, что Шопенгауэръ и Нитцше призваны быть учителями жизни, и пожелалъ найти иного лучшаго учителя, тому я могу указать такого. Конечно, это не вновь открытый и не модный учитель — я думаю о старомъ и вѣчно юномъ пророкѣ изъ Назарета.

Въ одномъ только пунктѣ онъ согласенъ съ Шопенгауэромъ,—также какъ и тотъ онъ учитъ презрѣнію къ міру, къ его благамъ и къ его власти. Contemptus mundi **)—основа его проповѣди. Онъ учитъ не придавать цѣны благамъ этого міра. И учитъ онъ не только словами устъ своихъ, но и дѣйствительнымъ примѣромъ собственной жизни. Когда онъ стоялъ на горѣ испытанія и къ нему подошелъ князь міра сего,—все это отдамъ я тебѣ, если падши поклонишься мнѣ,—онъ оттолкнулъ его отъ себя и избралъ бѣдность, униженіе, преслѣдованіе, позоръ, страданіе и смерть.

И въ другомъ еще смыслѣ учитъ онъ презирать міръ. Міръ, это

*) Mattias Claudius—нѣмецкій поэтъ XVII вѣка.

**) Презрѣніе къ міру.

слово означаетъ на языкѣ древняго христіанства организацію мірскихъ интересовъ и силъ въ государство и общество. Учениковъ своихъ онъ учитъ не предаваться ему и сохранять свою независимость, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Для этого даетъ онъ имъ тайное средство, содержащееся въ словахъ, — тѣло они могутъ убить, но душу они не могутъ убить. И еще есть третья форма мірской организаціи, противъ которой учитъ онъ охранять самостоятельность личной жизни,—противъ церкви, противъ господства и угнетенія въ сферѣ духовной жизни, противъ первосвященниковъ и книжниковъ. Онъ возстаетъ противъ авторитетовъ и традицій и полагается исключительно на себя и собственную увѣренность: человѣкъ господинъ надъ субботой и надъ вѣрой. И здѣсь онъ подкрѣпляетъ ученіе жизнью: борьба противъ духовныхъ властей и авторитетовъ составляетъ содержаніе его жизни и причину его смерти. Повидимому, Нитцше плохо изучилъ христіанство, такъ какъ онъ называетъ его стадной религіей и рабской моралью. Ничто еще не призывало человѣчества къ такой полной и гордой свободѣ, какъ Евангеліе.

Кто ищетъ этого, кто считаетъ достойной цѣлью жизни независимость своего я отъ міра и его власти, тотъ найдетъ здѣсь и ученіе, и примѣръ. Іисусъ не принадлежалъ къ мирнымъ людямъ, къ удовлетвореннымъ существамъ, живущимъ въ мирѣ съ міромъ и находящимъ существующій порядокъ превосходнымъ. Напротивъ, Онъ больше чѣмъ кто бы то ни было въ мірѣ возбуждалъ недовольство. Онъ недоволенъ міромъ, конечно, не за то, что тотъ не уготовалъ ему части въ своихъ благахъ и наслажденіяхъ, не удовлетворилъ его тщеславія и стремленія къ власти. Онъ имѣлъ бы полное основаніе жаловаться на недостатокъ признанія, пожалуй, нѣсколько больше основанія, чѣмъ Шопенгауэръ. Но недовольство его зависѣло не отъ этого, а отъ другого,—съ жгучею болью и досадой чувствовалъ Онъ, что жизнь людей, его братьевъ, такъ пуста и безсодержательна, такъ бѣдна и исполнена страданій, что они слуги наслажденій или рабы закона, что въ жизни ихъ такъ мало духа и свободы, правды и справедливости, любви и счастья.

Здѣсь мы подходимъ къ другой сторонѣ ученія Христа, и въ этомъ оно не имѣетъ ничего общаго съ франкфуртскимъ философомъ—къ любви къ Богу и людямъ. У Шопенгауэра презрѣніе къ міру стоитъ одиноко, у Христа оно составляютъ обратную сторону Божественной любви. Contemptus mundi и amor Dei составляютъ два связанные между собой полюса его существа. Онъ живетъ въ Божественной любви, въ любви къ Богу и въ той любви, которою, Онъ знаетъ, что Богъ его любитъ. И эта Божественная любовь переноситъ его невредимо черезъ всѣ пропасти, черезъ пропасть презрѣнія къ міру и отрицанія всѣхъ авторитетовъ. Онъ не шумитъ и не стучитъ, и мы не слышимъ крика на

улицахъ, онъ тихо идетъ своимъ путемъ, увѣренный въ своемъ призваніи и въ своемъ признаніи, несмотря на все сопротивленіе міра. Въ Божественной любви лежитъ корень и его любви къ людямъ,—они дѣти его Отца. Конечно, павшія дѣти Бога, но во всѣхъ нихъ, тѣмъ не менѣе, живетъ смутное воспоминаніе о домѣ Отца, откуда они происходятъ. И, говоря съ ними о Немъ, Онъ возбуждаетъ въ нихъ стремленіе, возбуждаетъ въ нихъ мужество вернуться туда. Зачѣмъ хотите вы оставаться скудно вознаграждаемыми поденщиками міра, когда вы свободные сыны Божіи, граждане грядущаго царства? Онъ не останавливается на ничтожности и мелочности людей, каковы они теперь, онъ держится за мысль о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ и что онъ есть въ существѣ своемъ. И живя этой идеей, Онъ находитъ въ себѣ силу отдать жизнь за грядущее царство Божіе на землѣ.

И такъ оно и будетъ. Учителемъ долженъ быть не Шопенгауэръ, не Нитцше или какой-нибурь иной, созданный блуждающей во тьмѣ вѣрой, идолъ, а Учитель изъ Назарета.

Конецъ.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Ударъ грома.

На другой день погода была дѣйствительно скверная, непріятная. По туманному небу то и дѣло пробѣгали разорванныя тучи, осыпая землю мелкимъ дождемъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ обнаженныхъ поляхъ, рвалъ снопы, выискивалъ трепещущими отъ голода крыльями умершіе листья въ кленовскомъ паркѣ, сбивалъ плоды съ деревьевъ въ саду и по длинной тѣнистой аллеѣ вылеталъ на огромный прудъ. Тамъ онъ подымалъ изъ глубины мутную воду, разбивая пѣнистыя волны о низкіе берега... Шумѣлъ въ камышахъ, влача за собой пестрыя стаи крикливыхъ чаекъ, и исчезалъ на противоположномъ берегу въ нѣдрахъ лѣса. Черезъ мгновеніе онъ снова вырывался оттуда вдвое сильнѣе и диче, съ унылымъ воемъ проносился онъ по ржавымъ бороздамъ, взмахивая неувѣренными крыльями галокъ и воронъ, какъ траурными флагами.

Къ вечеру онъ притихъ и только изрѣдка вздыхалъ, какъ усталый звѣрь. А отъ этихъ вздоховъ осыпались разноцвѣтные лепестки съ розовыхъ кустовъ, окружающихъ кленовскій дворъ, звенѣли жалобно оконныя стекла и взъерошивались перья на головѣ и хвостѣ у четырехъ скворцовъ, сидящихъ передъ крыльцомъ.

Выглянуло солнце, огромное, низкое, покрытое мглою, точно пропитанное вспѣненной кровью.

Приближался часъ разлуки.

Всѣ собрались въ большой дѣтской. Викторъ въ синей дорожной куртке возился съ малышами. Авреля старательно выворачивала ноги у самой новой куклы; Марыня кормила кашкой толстенькаго, выма-

---

*) См. «Міръ Божій», № 2. февраль, 1902 г.

заннаго Стася, послѣдній отпрыскъ Бэли, а Игнатій курилъ папиросу за папиросой. Видъ у него былъ озабоченный, онъ чувствовалъ изжогу и былъ въ такомъ мрачномъ настроеніи, что терялъ вѣру въ полезность воды Франца-Іосифа, которую постоянно пилъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ прекрасными результатами.

Это настроеніе было вызвано продолжительной утренней бесѣдой съ Викторомъ.

Началось съ повѣрки разсчетовъ по имѣнію, и сразу все пошло великолѣпно, какъ это и любилъ Игнатій, то-есть не спѣша, систематично и до мелочей. Викторъ не отказывался отъ пересмотра плановъ, разсматривалъ описи общія и частныя, слушалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что слушаетъ мельчайшія вычисленія, водилъ терпѣливо немного сонными глазами по длиннымъ рядамъ цифръ, и узнавъ, что ему приходится 30 тысячъ, изъ которыхъ половину онъ можетъ хоть сейчасъ получить въ земельномъ банкѣ, обрадовался въ соотвѣтственной мѣрѣ. Поблагодаривъ брата, онъ потребовалъ чекъ, прося удержать остальной капиталъ и впредь на ипотекѣ Кленова, какъ состояніе Марыни и Игнася.

Игнатій, наслаждаясь удовольствіемъ добросовѣстно исполненной обязанности, а также солиднымъ поведеніемъ Виктора, выдалъ соотвѣтственный чекъ, и отбросивъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ счетнымъ актомъ чиновничью сухость, началъ шутливо выпытывать у брата, въ какое дѣло онъ хочетъ помѣстить полученную сумму.

Въ концѣ концовъ, онъ это узналъ.

Послѣ минутнаго ошеломленія, онъ напалъ на Виктора съ неслыханной запальчивостью, и послѣ довольно значительнаго промежутка времени, начался между братьями болѣе ожесточенный споръ, чѣмъ когда-либо прежде, съ тою только разницей, что Игнатій горячился и наступалъ, а Викторъ защищался съ видимымъ спокойствіемъ, но не уступалъ ни на шагъ. Наоборотъ, онъ, вѣрнѣе, проявлялъ стремленіе идти дальше.

Онъ жаловался на постыдную слабость, которой поддается изъ снисхожденія къ Марынѣ и Игнасю, и оправдывался любовью къ нимъ.

Къ тому же, когда онъ касался этого предмета, въ его словахъ было столько боли, что гнѣвъ и негодованіе Игнатія быстро уступили мѣсто чувству благородной печали.

Когда же Викторъ въ довершеніе всего первый извинился передъ нимъ за нѣсколько колкихъ выраженій, произнесенныхъ въ спорѣ, Игнатій растрогался до слезъ.

Наступила сердечная минута, а съ ней и взаимная откровенность. И это-то признаніе брата удручило Игнатія окончательно, въ особенности, когда Викторъ отвергъ его проектъ немедленнаго докторизированія за границей, какъ преждевременный и вообще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невозможный планъ.

Напрасно позднѣе Викторъ старался умалить значеніе своихъ словъ. Игнатія трудно было утѣшить; онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ физически и нравственно, и заглушалъ глодавшаго его червя никотиномъ, посматривая неоднократно на Виктора изъ-за облаковъ табачнаго дыма. Минутами что-то вродѣ надежды мелькало у него въ сердцѣ, при взглядѣ на брата, возившагося съ дѣтьми, и такъ искренно отдавшагося игрѣ, точно онъ самъ былъ самымъ наивнымъ изъ всего ихъ сборища.

Но эти проблески быстро потухали; ложная веселость брата начинала его даже раздражать, а чашу его долготерпѣнія переполняли рѣзкіе высокіе звуки голоса жены, пробирающей въ сосѣднихъ комнатахъ кого-то изъ прислуги не въ особенно изысканныхъ выраженіяхъ.

— Наказаніе Божіе съ этой дубиной,—произнесла, наконецъ, вблизи за дверями Бэля и снова вскрикнула, входя:—ну, и надымили здѣсь, папаша снова занимается куреньемъ въ дѣтской! Казюкъ, отвори форточку!—позвала она грозно и, обращаясь къ Виктору, продолжала свои наставленія съ остатками гнѣва въ голосѣ:—помни, у тебя два слоеныхъ пирога въ чемоданѣ, не позволяй его кидать слугамъ. Верхъ и оставшіяся мѣста я напихала фруктами... Вынь, а то еще сгніютъ и испортятъ все бѣлье... Въ корзиночкѣ есть наливка, два цыпленка, фруктовая пастила, горшечекъ масла, въ салфеткѣ рюмка; булки купишь на станціи, свѣжѣе будутъ...

— Побойся Бога, голубка,—засмѣялся Викторъ,—или ты окончательно рѣшила сдѣлать изъ меня каплуна?

— Игнатій, говорятъ тебѣ не кури!—рѣзко прервала Бэля.—А ты упрямый козелъ, если ѣдешь, такъ поѣзжай, потому что уже шесть часовъ, еще опоздаешь!..

— Ого!—воскликнулъ Викторъ, взглянувъ на часы. — Дѣйствительно, правда! Ну, карапузы,—прибавилъ онъ, снимая съ колѣнъ Мечислава и Зыгмуся,—вы ужъ наѣздились, теперь и мой чередъ.

И онъ началъ цѣловать дѣтокъ, беря ихъ по очереди на руки. Послѣднимъ поцѣловалъ Игнася, опустилъ его на полъ и долго молча смотрѣлъ на него.

— Сморчокъ еще,—прошепталъ онъ, и громче добавилъ:—ну, до свиданья, дай отцу ручку.

Малышъ, съ широко разставленными босыми ножками и выступающимъ животикомъ, вытаращилъ свои темные глаза на отца; на лбу у него появилась характерная складочка, указывающая у дѣтей на работу мысли.

— Досиданя!—проговорилъ онъ и вытянулъ свою круглую, какъ валикъ, ручонку; затѣмъ, потерявъ равновѣсіе, усѣлся на полъ, оглядѣлся вокругъ и заявилъ о своемъ паденіи громкимъ: ба..а..бусь!

— Мы, дядя, съ вами поѣдемъ,—лѣзли къ нему въ то же время старшіе племянники.

— Конечно, садитесь на коней и догоняйте,—успокаивалъ ихъ Викторъ, указывая на стулья.

Малыши бросились къ стульямъ, а взрослые вышли на крыльцо.

Запаковывали и завязывали вещи, а Игнатій вдругъ началъ уговаривать Виктора остаться хоть до завтра.

— Все равно опоздаешь; смотри,—говорилъ онъ,—снова вѣтеръ и тучки за лѣсомъ. Вымокнешь, какъ курица, а можетъ быть еще и перекувыркнешься гдѣ-нибудь въ этихъ Мышенецкихъ трущобахъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Викторъ,—ѣхать, такъ ѣхать! Ну, подставляй физіономію!

— Ну, такъ съ Богомъ, съ Богомъ!—бормоталъ, обнимая брата Игнатій.—Возвращайся скорѣе и счастливо, помни же возвращайся...—повторялъ онъ одни и тѣ же слова, и когда Викторъ вырвался у него изъ объятій, вдругъ крикнулъ дискантомъ:

— Ѳедоръ, дубина, что это ты бубенчики навѣсилъ,—и бросился къ лошадямъ такъ стремительно, что у него даже свалились очки.

— Весеѣе ѣхать, баринъ!..—отвѣтилъ кучеръ.

— Ну, все равно...—буркнулъ ничего не видящій Игнатій, тщетно пытаясь схватить дрожащими руками болтавшійся шнурокъ.

Бэля, цѣлуя Виктора въ лобъ и въ губы, повторяла, всхлипывая:

— Помни же... варенье!

— Хорошо,—глухо произнесъ Викторъ и приблизился къ женѣ.

Марыня, въ темномъ обтянутомъ платьѣ, стояла все время выпрямившись, отчего казалась выше и тоньше.

Что-то тяжелое и неестественное было въ ея напряженной фигурѣ, въ застывшихъ чертахъ лица, которому придавали почти болѣзненное выраженіе опущенные внизъ углы рта.

Сѣрые, вѣчно погруженные во влажную мглу, глаза ея были теперь сухи и блестящи. Когда мужъ приблизился къ ней, мелкая, холодная, пронизывающая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Безсильно покачнулась она впередъ и помертвѣлымъ сердцемъ прильнула къ груди Виктора.

Его нѣжные, теплые поцѣлуи, ощущаемые ею на рукахъ и губахъ, наполняли ее безмѣрностью страстной скорби.

— Ну... до свиданья... Марыня... повторялъ Викторъ прерывающимся шопотомъ.

И эти слова, какъ тяжелыя груды земли, падали въ глубь ея души, на самое дно, гдѣ отдавались тяжкимъ гуломъ глухого грохота.

Тихо, безъ слезъ, безъ словъ она закинула ему руки на шею, и длинные точеные пальцы сплелись въ желѣзномъ объятіи.

— Ну... Марыня... Игнась ждетъ,—говорилъ Викторъ, нѣжно разнимая ея руки и еще разъ цѣлуя ихъ.

— До свиданья... Игнась!—произнесъ онъ съ усиліемъ.

Онъ вскочилъ на сидѣнье.

— Трогай!

Лошади двинулись съ мѣста хорошею рысью, позванивая бубенчиками; вскарабкались на мостикъ; правая пристяжная испугалась и получила ударъ кнутомъ.

— О, но, махонькія!—затянулъ за воротами Ѳедька. Загремѣли быстрѣе колеса, зазвенѣли и расплакались слышнѣе колокольчики; промелькнули нѣсколько разъ двѣ сѣрыя фуражки, показались еще разъ на пригоркѣ, спустились и исчезли.

— Ну, пойдемъ,—поспѣвая за мужемъ, позвала съ лѣстницы Бэля.

Но Марыня осталась, и напрягая всѣ свои силы, слѣдила за удалявшимся звономъ колокольчиковъ; она слышала ихъ такъ ясно, точно въ нихъ билось ея испуганное и обливавшееся кровью сердце.

Эти едва слышные металлическіе звуки, усиливались въ ней во сто кратъ и протяжно отдавались въ ея груди, какъ скорбные звуки органа. Наконецъ, необычай норѣзкимъ звукомъ они пронизали ее насквозь.

Какъ птица, раненная тяжелою дробью, сорвалась она съ крыльца, обѣжала домъ и вбѣжала на насыпь погреба, чтобы хоть разъ еще что-нибудь увидѣть.

Пусто было вокругъ, куда ни взгляни. За облитыми краснымъ свѣтомъ полями, въ густомъ лиловомъ туманѣ багровѣли полосы зарева заката, а щитъ солнца, тонущаго въ вишневомъ облакѣ, казался пламеннымъ бугромъ.

Справа изъ-за колеблющагося въ туманѣ за прудомъ густого лѣса, выдвигалось, быстро разростаясь къ пурпурнымъ лучамъ, чудовищное синее очертаніе тучи, бурой по краямъ, свинцовой въ глубинѣ.

Въ минуты зловѣщаго затишья слышался ропотъ клубящейся внутри ея темноты, которая помрачала все вокругъ... Казалось, воздухъ сгибался и трещалъ подъ ея быстро стелющейся по землѣ тяжестью.

Въ легкомъ тревожномъ шопотѣ листьевъ, въ быстромъ дрожаніи волнъ Сниводы выражалось необычайное безпокойство, съ неслыханною силой сообщавшееся Марынѣ.

Съ проникающимъ до мозга костей холодомъ, она застыла на насыпи, какъ статуя изъ чернаго мрамора на осунувшемся курганѣ одинокой могилы.

Она не рѣшалась двинуться, только волосы, зачесанные на виски, порывисто развѣвались при дуновеніяхъ вѣтра, какъ два крыла птицы, рвущейся къ полету.

Уже лѣсъ понемногу тонулъ въ стальномъ зеленоватомъ туманѣ, сливаясь съ поверхностью пруда въ огромное, безцвѣтное, грозное море.

Надъ этимъ моремъ свѣшивалась чудовищная изодранная бахрома, точно зазубренная, испещренная доска потускнѣвшей мѣди.

Вихрь усиливался, а туча изъ синевато-бурой становилась темно-багровой, клубилась все сильнѣе, обнажая мѣстами бездонныя пропасти, откуда валилъ бѣлый дымъ.

Черезъ минуту по ней засверкали робкіе огоньки, столь же быстрые, сколько слабые, а глухой ропотъ замѣнился громовыми ударами и раскатами.

Могучая стихія, казалось, еще сдерживала нечеловѣческими усиліями обезумѣвшія подчиненныя ей силы и содрогалась грозно и величественно.

Вскорѣ, однако, бѣшенство и разнузданность превозмогли.

Въ тучѣ что-то заклокотало, заворочалось, и темная ея оболочка съ грохотомъ разорвалась въ зигзаги красно-синихъ жилъ, развѣтвившихся въ ту же минуту и съ трескомъ осыпавшихъ землю. Печальные контуры ея то и дѣло обнажались мелькающими огнями.

Озвѣрѣвшій вихрь съ дикимъ воемъ бросался на деревья, которыя отчаянно защищались, съ болью изгибая свои вѣтви, и метались во всѣ стороны. Весь паркъ былъ въ борьбѣ и жалобно скрипѣлъ.

У Марьини духъ захватывало; ее обдавало сырымъ туманомъ, холодныя капли били по лицу, вдругъ ее ослѣпилъ внезапный свѣтъ, и въ ту же минуту оглушающій грохотъ потрясъ все ея существо.

Съ сдавленнымъ крикомъ бросилась она съ насыпи, и, гонимая паническимъ страхомъ, исхлестанная дождевыми струями, истерзанная вихремъ, вбѣжала на крыльцо.

Обезумѣвшими руками отворила она тяжелыя двери и, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ взобралась наверхъ.

И когда, наконецъ, ей удалось опомниться, она съ раздирающимъ душу стономъ опустилась на кровать, въ припадкѣ судорожныхъ рыданій.

Поднялась она, когда уже едва замѣтныя, мелкія струйки дождя стекали по окнамъ и въ отдаленномъ мракѣ безшумно сверкали молніи. При видѣ этихъ змѣекъ безъ грому содрогалось ея сердце и душа рвалась на части.

Съ минуты отъѣзда Виктора ее, именно, поражали на смерть далекіе удары грома.

Какъ казалось—такъ и случилось, ибо съ этой послѣдней грозы и со времени перваго извѣстія о Викторѣ въ Кленовѣ поселилась продолжительная печаль и безпокойство.

Проходили мѣсяцы, а Ѳедоръ почти не слѣзалъ съ козелъ. У лошадей подтянулись животы, а одна, самая молодая, ослабла на ноги и зачахла. Замѣнили ее новой, и снова уже не такая подобранная четверка отвозила кого-нибудь изъ домашнихъ или привозила кого-нибудь со станціи. Дорога, къ тому же, пять дьявольскихъ миль, сдѣлалась невозможной, то вязкая, то кочковатая, какими обыкновенно становятся дороги въ позднюю осень. А потому поѣздки мучили и лошадей, и людей.

У потускнѣвшихъ стеколъ многочисленныхъ оконъ кленовскаго дома

неоднократно часами простаивали старшіе, ожидая возвращенія уѣхавшаго, чаще всего Марыни, а дѣти—солнца.

Однако, погода не прояснялась, послѣ сѣрыхъ, сизыхъ дней, блѣдножелтыхъ, какъ призракъ свѣта, дней безъ утра, полудня и милаго вечера, безконечныхъ и монотонныхъ, наступали темныя ночи, пасмурныя, безъ звѣздъ.

И послѣ каждой изъ нихъ, земля въ паркѣ становилась все болѣе размякшей, обильнѣе покрывалась блѣднымъ золотомъ и грязноватымъ, поблекшимъ пурпуромъ, рѣдѣли листья на деревьяхъ и сами деревья.

Природа хмурилась. Только изрѣдка, какъ златокрылая птица, проглядывалъ солнечный лучъ и освѣщалъ все на короткое время; проносилось какое-то теплое дуновеніе, точно послѣдній вздохъ угасающей вселенной, и застывало во мглѣ.

И снова стеклянныя очи меланхоліи уставились въ землю съ высоты. Торчали, вытянувшись къ небу, силуэты деревьевъ, изгибая, точно въ предсмертныхъ судорогахъ, свои почернѣвшіе сучья. Гниль могилъ таилась въ курганахъ истлѣвшихъ листьевъ.

Безграничной тоскою вѣяло отъ побурѣвшихъ полей и мертвой поверхности Сниводы, по которой сновали лиловые туманы, точно блуждающія сновидѣнія.

Все усталое склонялось къ вѣчному покою.

Одна Марыня, неунывающая, неутомимая, съ непоколебимостью гранита, съ настойчивостью маніака, ѣздила безпрестанно туда и обратно, то къ Игнасю, болѣвшему тяжелой скарлатиной, то снова ближе къ мужу.

Игнатій съ женой не разъ выражали удивленіе передъ этимъ запасомъ энергіи, находчивости и силы, проявлявшимся внезапно въ такомъ кроткомъ существѣ, какимъ они считали Марыню.

— Это какая-то органическая аномалія, какъ порокъ сердца!— присовокуплялъ Постанскій, согласившійся лѣчить Игнася и, ко всеобщему удивленію, поселившійся для этой цѣли въ Кленовѣ.

Его присутствіе нимало не способствовало прояснѣнію домашней атмосферы. Старый ворчунъ или молчалъ, какъ нѣмой, или откликался, какъ выражалась Бэля, ни къ селу, ни къ городу и всегда почти раздражительно. Къ тому же онъ скучалъ и толокся изъ угла въ уголъ, какъ бѣсъ передъ заутреней.

Въ болѣе ясные дни онъ мастерилъ что-нибудь въ паркѣ, огребалъ листья, или часами разглядывалъ ель, разбитую молніей.

Въ дурную погоду прислушивался къ урокамъ Зыгмуся, и какъ-то разъ напалъ на Бэлю за то, что та учитъ его разнымъ сказкамъ.

— Набиваете ему, сударыня, глупостями голову,—говорилъ онъ въ гнѣвѣ,—тары да бары!..

— Не тары-бары, а басни,—разсердилась Бэля,—которыя имѣютъ нравственный смыслъ, и суть чистая правда, красиво выраженная.

— Ну, хорошо! Такъ скажи мнѣ, если ужь ты такая смѣлая, какіе на мнѣ сапоги?

— Прежде всего, грязные!—отрѣзала Бэля.

— А короткіе или длинные?—настаивалъ Постанскій.

— Ну, короткіе!—отвѣтила Бэля, смущенная вопросомъ.

— А вотъ видишь, сударыня, длинные,—торжествующе выпалилъ Постанскій, задирая брюки до колѣнъ.

— Такъ что-жъ изъ этого? — спросила Бэля, шокированная непринужденностью старика.

— А то, что можно такъ задрапировать голенище, что сапогъ будетъ похожъ на башмакъ, а ложь на правду. Съ этого льва сдерутъ шкуру, мышь сѣтей не перегрызетъ, такъ какъ зубы черезчуръ малы, да и котъ ее удушитъ. А твой, сударыня, Яховичъ былъ набитый дуракъ,—закончилъ докторъ и вышелъ, хлопнувъ дверьми.

V.

Отчаяніе.

Сырой, весенній вѣтеръ, хотя и кажущійся ласкающимъ, а все-таки пронизывающій, продулъ Постанскаго насквозь. Очутившись въ теплой комнатѣ, онъ довольно долго растиралъ окостенѣвшія руки, затѣмъ, достаточно обогрѣвшись, приблизился къ Игнасю, который вмѣстѣ съ краснощекой Аврелей распускалъ мыло въ глиняной мисочкѣ.

— Ну что жъ, сморчокъ, есть письмо отъ отца?—спросилъ Постанскій, схвативъ слегка любимца за темный торчащій хохолокъ.

— А, есть...—поспѣшно отвѣтилъ мальчикъ, выскользнулъ изъ руки доктора и, окунувъ расщепленную соломку въ мыльную воду, надулъ щечки.

Этотъ небрежный отвѣтъ, чистосердечное равнодушіе ребенка къ такимъ трогающимъ умъ и сердце вопросамъ задѣли Постанскаго, точно ему наступили на больной мозоль; онъ нетерпѣливо огрызнулся, но сейчасъ же спохватился.

— Конечно! Молокососъ, для него отецъ это звукъ пустой...

И думая такъ, онъ ушелъ въ глубь комнатъ, настроенный раздражительно ко всѣмъ, не исключая дѣтей.

И онъ ошибался.

Игнась въ теченіе двухъ лѣтъ, то-есть со дня отъѣзда Виктора, на самомъ дѣлѣ одинъ разъ всего, и то больше мѣсяца тому назадъ, видѣлъ отца.

Однако, это свиданіе произошло при необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Прежде всего, Игнась съ матерью совершилъ огромное, въ особенности для пятилѣтняго малыша, путешествіе, полное странностей.

Было это такъ.

Маленькая комнатка изъ желтыхъ полированныхъ дощечекъ съ двумя обитыми диванчиками и сѣтчатой полочкой, вдругъ затряслась и мѣрно загудѣла. Черезъ маленькое окошечко безъ поперечныхъ рамокъ видиѣется рядъ зеленыхъ, желтыхъ и синихъ большихъ коробокъ съ маленькими стеклами, огромный, точно локомобиль съ широкой трубой, обвитой паромъ и дымомъ, потомъ цвѣтные фонарики, человѣкъ съ зеленымъ флажкомъ, столбы съ бѣлыми чашечками наверху, безконечное множество различныхъ предметовъ, большей частью неизвѣстныхъ — и все это такъ быстро убѣгаетъ назадъ, вертится и пропадаетъ.

Столбы все время сопровождаютъ окна и соединены множествомъ проволокъ.

Мама говоритъ, что это телеграфъ.

Комната по временамъ перестаетъ колебаться и тутъ-то начинается шумъ: звонятъ, какъ на обѣдъ въ Кленовѣ, только нѣсколько разъ и раздается пронзительный свистокъ, время отъ времени страшный визгъ, точно тремъ свиньямъ сразу Ральфъ пообрывалъ крючковатые хвостики, и звонъ желѣза, точно въ кузницѣ; какіе-то люди съ вещами вылѣзаютъ и вылѣзаютъ изъ комнатки, которая становится значительно холоднѣе.

Раздается унылый протяжный вой, чувствуется сильный толчокъ, и диванчикъ трясется дальше, постукивая.

Темнѣетъ. Поперекъ окна пролетаютъ огненныя палочки, какъ толстая тлѣющая спичка, ихъ все больше и онѣ все длиннѣе, наконецъ онѣ превращаются въ ряды раскаленныхъ проволокъ.

Это, навѣрное, на ночь зажгли этотъ телеграфъ.

Проволоки горятъ безпрерывно, а комнатка колышется такъ хорошо, какъ качели, все медленнѣе... тише...

Его будитъ мамочка. День. Они сидятъ въ маленькой кареткѣ; ѣдутъ медленно, а шумъ такой, какъ у плотины на мельницѣ. Экипажей штукъ сто десять, запряжены въ одну лошадь, самое большее въ двѣ, а людей—страхъ сколько!

Мужиковъ не видно, хатъ тоже, ни травы, ни деревьевъ, только камни.

Ѣдутъ они по каменной дорогѣ, идутъ стада мужчинъ и женщинъ по каменному полу въ длинномъ корридорѣ подъ каменными стѣнами.

Что-то кружится передъ Игнасемъ, какъ сонъ, который онъ никакъ не можетъ припомнить.

Вотъ они въѣзжаютъ въ сводчатое отверстіе въ каменной стѣнѣ, точно въ огромный гротъ, и черезъ минуту уже находятся въ обыкновенной, небольшой комнатѣ.

Мама прикасается пальцемъ къ бѣленькой косточкѣ, торчащей изъ деревяннаго кружка, повѣшеннаго на зеленый шнурокъ. Входитъ одѣ-

тый въ черное господинъ безъ усовъ и бороды, какъ ксендзъ. Мама проситъ его принести обѣдъ и говоритъ Игнасю, что послѣ обѣда они поѣдутъ къ папѣ.

Игнась знаетъ, что у него необыкновенный папа, но послѣ всего видѣннаго, отецъ представляется ему чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ. Его страшно интересуетъ, какъ мама разыщетъ папу среди такого множества людей.

Но мама, какъ видно, все съумѣетъ, потому что послѣ долгой ѣзды въ экипажѣ, виднѣются деревья, покрытыя иневмъ, снѣжныя кучки дерна, поля,—совсѣмъ деревня, и снова каменныя зданія, громадныя какъ погреба.

Входятъ по лѣстницѣ, и въ какой-то мрачной комнаткѣ мама бросается на шею незнакомому мужчинѣ.

Это и долженъ быть папа.

Совсѣмъ онъ не такой странный и огромный, какимъ себѣ его представлялъ Игнась; правда, онъ выше дяди, но ниже пана Постанскаго, зато очень худой, съ лицомъ, похожимъ на тотъ портретъ, который у мамы, только глаза еще болѣе глубокіе, точно два дупла, и блескъ гнилушекъ преобладаетъ въ ихъ темной глубинѣ.

Мужчина этотъ подхватываетъ Игнася и подымаетъ на уровень со своей головой...

— Поцѣлуй папу!—подсказываетъ, всхлипывая, мама.

Игнась цѣлуетъ, а папа отвѣчаетъ ему поцѣлуями, такими сильными, что духъ замираетъ въ груди ребенка.

Игнась чувствуетъ на лицѣ не свои слезы, а потомъ и свои. Грустно ему, странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно.

Папа ставитъ его на полъ и начинаетъ обнимать и успокаивать мамочку, которая такъ заливается слезами, точно ее только что порядочно выпороли.

Игнасю ужасно жаль мамочку; онъ и самъ всхлипываетъ, и сквозь слезы присматривается къ блестящему одѣянію лысаго господина, который одной бѣлой рукой съ кольцами на двухъ пальцахъ щиплетъ усики, а другою играетъ золотыми часами.

Потомъ та же дорога обратно, уже менѣе интересная.

Игнась утомленъ и ему кажется, что сто миль отдѣляютъ его отъ момента отъѣзда изъ Кленова.

И вотъ онъ какъ-то пробуждается: что это?

Кленовскія санки, лошади, въѣздная аллея; сбоку и вадъ нимъ темно, а передъ нимъ движущійся огненный кружочекъ.

Это Андрюшка, конюхъ, какъ объясняетъ мама, свѣтитъ смоляннымъ факеломъ.

Минутами огонь слабѣетъ и стелется свѣтлымъ кругомъ на бѣломъ фонѣ снѣга; каплетъ пламя, то снова вспыхиваетъ вверхъ, и красноватые столбы мелькаютъ въ вѣтвяхъ посеребренныхъ тополей.

Медленно переходитъ огненный столбъ отъ дерева къ дереву, колокольчики заливаются, а мама вдругъ спрашиваетъ:

— Помнишь папу?

— Помню,—шепчетъ очарованный Игнась.

— И будешь помнить?

— Буду!

И въ самомъ дѣлѣ помнитъ, только по своему.

Правда, черты лица отца смѣшались уже почти съ чертами лица портрета, но слово «папа» не переставало вызывать въ немъ необыкновенныя впечатлѣнія.

При звукѣ этого слова въ ушахъ Игнася начинаютъ обыкновенно раздаваться отдаленные хоры колокольчиковъ или угрюмые свистки; въ глазахъ мелькаютъ огненныя линіи, или возстаютъ красныя зарева, пылающія въ серебряныхъ бокалахъ тихимъ [высокимъ пламенемъ; а въ сердцѣ блуждало смутное волненіе какой-то охватывающей тоски.

А въ данномъ случаѣ небрежный отвѣтъ мальчика объяснялся чрезвычайно важнымъ занятіемъ—производствомъ чудесъ на яву.

Потому что какъ разъ теперь на концѣ обыкновенной соломенки отъ выдуванія долженъ былъ появиться ни съ того ни съ сего шарикъ, сначала маленькій и мутный, потомъ все большій и большій, [полный блеска и радужныхъ цвѣтовъ, отражающій въ себѣ съ очаровательной ясностью всѣ предметы, красивый и быстро исчезающій, а докторъ хотѣлъ отвлечь чарующую минуту появленія чуда.

И въ то время, какъ восхищенныя дѣти занимались сотвореніемъ хрупкихъ новыхъ міровъ, Постанскій стоялъ въ нерѣшительности передъ дверьми въ гостинную: войти или вернуться домой?

До него доходили черезъ запертыя двери звуки разсерженнаго голоса Бэли: смысла словъ онъ не могъ разобрать, но догадывался, что происходитъ какая-то супружеская распря, въ которой рохля Игнатій изображаетъ молчаливую покорность, а жена—рогъ изобилія выразительныхъ словечекъ.

Доктора раздражали подобныя сцены и онъ уже думалъ ретироваться, какъ вдругъ Бэля остановилась переводя духъ, и до ушей его донеслись внятныя слова Марыни: «Нѣтъ, [я поѣду!» произнесенныя хватающимъ за живое голосомъ, тономъ рѣшительнымъ, какъ внезапный ударъ отчеканивающаго штампа.

Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ вошелъ и видѣлъ рѣшительное выраженіе лица Марыни, съ профилемъ, точно заостреннымъ, мелкимъ, и въ то-же время поражающимъ взоръ прелестью тонкой рѣзьбы.

Неожиданное появленіе Постанскаго остановило на полусловѣ новый потокъ краснорѣчія изъ устъ Бэли, пылающей внутреннимъ жаромъ, съ трепещущими раздутыми ноздрями.

При видѣ доктора безпомощныя, вялыя черты лица Игнатія вне-

запно оживились, а Марыня съ мрачнымъ лицомъ и потускнѣвшими глазами бросилась къ Постанскому, точно ища убѣжища, всунула ему въ руку скомканный листъ бумаги и, видимо исчерпавъ всѣ свои силы, опустилась на ближайшій стулъ.

Это было письмо отъ Виктора.

Докторъ развернулъ бумагу, и держа ее на разстояніи вытянутой руки, разбиралъ вполголоса, дешифрируя огромные выкрутасы, начертанные дрожащею рукой:

«Марыся, Игнась и всѣ мои дорогіе,—я еще въ Европѣ.

«За это я очень благодаренъ моему ревматизму, произведшему перерывъ въ моемъ странствованіи. Меня крайне радуетъ, что ты относительно скоро получишь это письмо, а я твой отвѣтъ...

«Пишу лежа, опухшими пальцами, а потому и не особенно разборчиво. Лѣчитъ меня quasi-соплеменникъ, такъ что-то вродѣ неопредѣленнаго возраста копченой селедки, главный врачъ госпиталя.

«Помнитъ еще что-то и привѣтствуетъ меня утромъ на родномъ языкѣ:

«— День добрый, панъ, ну, какъ тамъ, сильно больно или мало?

«А я ему на это:

«— Напишите, докторъ, рецептъ такой длинный, какъ отсюда до моего дома, и увидите, какъ я, исполняя его, вскочу съ постели, хоть ноги-то у меня, какъ бревна.

«А Петръ Петровичъ отвѣчаетъ сурово и серьезно:

«— Нѣтъ, этого нельзя.

«И такъ мы каждый день болтаемъ на одну и ту же тему. Понравился ему мой «reumatismus acutus», или, какъ его тамъ, а изъ-за него и моя персона...

«У васъ тамъ весна на дворѣ, а тутъ снѣгъ по поясъ...»

— Вотъ именно,—подхватила Бэля,—это я и говорю, подождать до лѣта, въ концѣ концовъ, хоть до слѣдующаго письма... Что тамъ спѣшить! А зимой, не близкій свѣтъ дорога-то!

— Только недѣля по желѣзной дорогѣ...—начала Марыня.

— Недѣля только по желѣзной дорогѣ!—передразнила Бэля.—Нечего сказать, пустяки—недѣлю болтаться по желѣзной дорогѣ! Вѣдь это можно получить заворотъ кишокъ, а воспаленіе легкихъ или мозга, какъ пить дать!.. Скажите-ка, докторъ, сами?

Постанскій молчалъ съ нахмуреннымъ лицомъ и закрытыми глазами; глубже, чѣмъ когда-либо, наморщенный лобъ, казалось, что-то припоминалъ.

— Петровичъ, Петровичъ,—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ, и обращаясь къ Марынѣ, произнесъ:—я знаю эту копчушку! Онъ даже не злой человѣкъ, а такъ себѣ, просто всеядное животное... Тамъ еще есть нѣсколько фанфароновъ, начиняющихъ свою кулебяку либеральнымъ фаршемъ... Напивались мы съ ними еще не такъ давно, когда

я тамъ пребывалъ, какъ послѣдніе пьяницы... Если ужъ туда ѣхать, такъ я дамъ нѣсколько писемъ; можетъ быть, и пригодятся, вѣдь они любятъ порисоваться своимъ фырканьемъ передъ посторонними, а въ особенности передъ дамой.

— Благодарю васъ,—прошептала Марыня, неожиданно прижалась къ старику и поцѣловала его въ плечо.

Постанскій быстро и украдкой погладилъ ее рукой по волосамъ.

— Ну, ну, ну!—бормоталъ онъ, отодвигаясь, быстро повернулся и бросилъ, уходя:

— Я тамъ у тебя въ кабинетѣ, Игнатій, нацарапаю эти посланія!..

Въ Изабэллѣ что-то закипѣло. У нея не разъ происходили мелкія столкновенія съ докторомъ, но въ данномъ случаѣ Постанскій не только рѣшилъ вопросъ наперекоръ ея мнѣнію, но даже сдѣлалъ это пренебрежительно, абсолютно игнорируя ея личность, избѣгая разговора съ нею, точно она и не существовала.

Это задѣло ее за живое.

Подъ вліяніемъ слѣпого импульса взволнованной крови, передъ ней замелькало желчное, обостренное чувство, злое и мстительное, выражавшее настоятельную, стихійную потребность вцѣпиться во что-нибудь живое, чтобы притупить раздражавшее остріе въ судорогахъ чужого страданія.

Постанскій ушелъ, но оставалась еще причастная къ этому Марыня.

Хищнически устремивъ свои круглые, потемнѣвшіе отъ злости глаза на ея фигуру, Бэля произнесла довольно медленно, тихимъ и выразительнымъ голосомъ:

— Если бы ты задержала Виктора, какъ мы говорили, даже просили, не пришлось бы теперь любезничать съ этимъ грубіяномъ и развратникомъ, который вмѣстѣ съ тобой вкрался въ нашъ домъ и принесъ несчастье.

Марыня не поняла даже цѣликомъ этого оскорбленія, но почувствовала пронизывающую боль; передъ ней возникали мрачныя воспоминанія о той ужасной минутѣ наканунѣ разлуки. Тѣ же нечеловѣческія усилія самоотреченія для него воскресали изъ прошлаго и навалывались на нее, какъ ниспадающая съ горы лавина. Она поблѣднѣла, и моргая глазами отъ ужаса, съ печальнымъ лицомъ обиженнаго несправедливо ребенка, ожидала оскорбленія.

Изабэлла въ безумной ярости хотѣла еще что-то прибавить, какъ вдругъ передъ нею очутился мужъ.

Она смѣрила его вызывающимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, но встрѣтила совершенно неожиданный отпоръ.

Въ сѣрыхъ мутныхъ глазахъ Игнатія упорно свѣтился стальной блескъ непреклонной энергіи. Въ сосредоточенныхъ чертахъ лица было что-то грозное.

*

Опущенныя брови сомкнулись въ одну прямую линію, и лицо Игнатія сильно припоминало наружность младшаго брата.

— Ни слова, Бэля,—сурово произнесъ онъ,—ни слова больше.... Иди и приготовь все на дорогу такъ, какъ тебѣ подскажетъ успокоенное сердце, а я займусь лошадьми...

Онъ постоялъ еще минуту, точно ожидая чего-то.

Изабэлла опустила глаза; тогда онъ вышелъ.

Послѣ короткаго молчанія, наединѣ, Бэля взглянула украдкой на Марыню, которая старалась вызвать улыбку на своемъ грустномъ лицѣ, но эти старанія искривили ея тонкія губы въ горькую и болѣзненную гримасу, а измученные глаза, казалось, изнемогали подъ напоромъ наводняющихъ слезъ.

При видѣ этого, въ душѣ Изабэллы произошелъ внезапный переворотъ въ лучшую сторону. Она обняла невѣстку и съ плачемъ начала говорить скоро:

— Марыня, пусть громы небесные на меня обрушатся, если я дѣйствительно хотѣла тебя обидѣть! Только этотъ старикашка имѣетъ какую-то особенную способность доводить меня до бѣшенства. Я злая, вспыльчивая, только и онъ несносный, а ты скрытная. Ну, скажи сама. Можетъ быть, я и виновата, только и вы тоже... Я предпочла бы теперь броситься съ пятаго этажа на мостовую, хотя мнѣ это и внушаетъ отвращеніе, лишь бы это все измѣнилось... Поѣзжай, хоть сейчасъ, если хочешь, хоть по правдѣ это не имѣетъ ни на грошъ смысла. Только не сердись!..

— Я не сержусь, Бэля, я только такъ...—прошептала Марыня.

И какъ хрустальныя бусинки, ниспадали одна за другой слезы по ея пылающимъ щекамъ, освобождаясь послѣ долгаго блужданія по орбитамъ раздраженныхъ страданіемъ глазъ.

На другой день утромъ, надлежащимъ образомъ снабженная всевозможными припасами, теплою одеждой и деньгами, сердечно расцѣлованная всѣми, а нѣжнѣе всѣхъ Бэлей, Марыня тронулась въ путь.

Пересиливъ растроганность, вызванную прощаніемъ, она начала возстановлять въ памяти содержимое своего сундучка и, къ своему удовольствію, убѣдилась, что, кромѣ нѣсколькихъ безполезныхъ мелочей, не забыла ничего

Ощупывая висящую черезъ плечо сумочку и чувствуя на груди спрятанный за корсажемъ полотняный мѣшечекъ съ значительною суммою денегъ, Марыня встревожилась при мысли, что ее могутъ обокрасть; затѣмъ ее охватило сомнѣніе, что она не поспѣетъ къ соотвѣтствующему поѣзду. Ей казалось, что она выѣхала слишкомъ поздно; безпокоилась, что лошади бѣгутъ слишкомъ лѣниво, и что этотъ весенній дождикъ, представлявшійся изъ глубины экипажа подвижной сѣткой, дрожащей передъ поднятымъ верхомъ, старается сдерживать движеніе экипажа.

Вскорѣ, однако, экипажъ, дѣйствительно, неожиданно остановился, и Марыня увидѣла на фартукѣ большую руку; она узнала ее и впервые замѣтила, что эта, по словамъ Бели «медвѣжья лапа», очень красива.

Это была большая, мускулистая рука, необыкновенно правильная; длинные, внушительные пальцы на черномъ фонѣ кожанаго фартука производили впечатлѣніе бронзы, вырытой изъ земли, у которой ни царапины, ни наслоенія плѣсени и слежавшейся пыли не могли бы отнять черты художественности.

— Не помѣшаю я тебѣ?—спросилъ, отстегивая фартукъ, Постанскій.

И сейчасъ же прибавилъ, точно желая оправдаться.

— Видишь ли, у меня дѣла на станціи!

— Напротивъ!—поспѣшно освобождая мѣсто, радушно отвѣтила Марыня.

Докторъ, отряхнувъ грубую ватную куртку отъ капель дождя, влѣзъ въ коляску и скомандовалъ:

— Трогай!

Тронулись.

Сердце Марыни охватила волна глубокаго умиленія, когда Постанскій два раза сказалъ ей «ты», хотя, какъ справедливо выражалась Бэля, хлѣбомъ его не корми—только дай возможность вклѣпать кому-нибудь «ты».

Къ тому же ей казалось, что необходимо начать какой-нибудь разговоръ; однако, каждый разъ, какъ настойчиво она обращала взоры на Постанскаго, рѣшая заговорить, ея назрѣвшая рѣшимость обрушивалась въ пропасть смутной скорби.

Старикъ сидѣлъ къ ней бокомъ. Она видѣла его выпуклый неподвижный бѣлый глазъ, выдающійся орлиный носъ и правую щеку, всю изрытую морщинами и пересѣченную шрамомъ, точно разодранный вдоль кусокъ старательно исписаннаго пергамента.

Она вглядывалась въ эти черты, какъ въ полустертыя письмена на невѣдомомъ языкѣ. Странное начертаніе этихъ буквъ нашептывало ей непонятные звуки, такіе унылые, какъ дребезжаніе желѣзныхъ листовъ, когда порывистый вѣтеръ пролетаетъ ночью надъ старымъ кладбищемъ, гдѣ уже никого не хоронятъ.

Это была какая-то металлическая рѣчь, полная ржаваго лязга, нечеловѣческій языкъ, такой жесткій, что могъ окровавить изнѣженныя уста.

Такъ ѣхали они долго въ молчаніи.

Первый отозвался Постанскій.

— Такъ!—пробормоталъ онъ про себя, тряхнувъ головою. А потомъ, повернувшись къ Марынѣ всѣмъ лицомъ, рѣзко спросилъ:

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ самомъ дѣлѣ?

И не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Ты упиралась съ самаго начала—знаю! Но, вѣдь, онъ не хотѣлъ, развѣ позднѣе, когда осмотрится на мѣстѣ, и Игнась подрастетъ..... Онъ былъ правъ.... такъ почему-жъ теперь? Вѣдь остаться при немъ ты не можешь и должна вернуться къ ребенку.

— Онъ захворалъ!

— Такъ что же, не думаешь ли ты ухаживать за нимъ?

— Нѣтъ, но присмотрѣть за нимъ, увидѣть, что тамъ...

— Увидѣть!—порывисто прервалъ Постанскій.—Безопаснѣе не смотрѣть. Глазъ, это подлый инструментъ: иной разъ такое увидишь, что потомъ когтями не выскребешь изъ памяти. Такъ глупы эти буркалы,—пробурчалъ докторъ и вдругъ замолкъ.

А черезъ мгновеніе почти гнѣвно спросилъ:

— Такъ значитъ—ѣдешь?

— Вѣдь докторъ самъ...

— Хочешь сказать, что я уговаривалъ, потому что далъ эти письма. Можетъ быть, ну а теперь категорически отговариваю, обдумавъ хорошенько—отговариваю, вопреки собственной выгодѣ—отговариваю, понимаешь! Потому что, если прикажешь повернуть, придется мнѣ плестись на станцію пѣшкомъ, а дождь мороситъ, хоть можетъ и пройдетъ, ибо ранній дождь, что дѣвичьи слезы, ненадолго...

Губы Марыни боязливо задрожали; въ голосѣ доктора звучали зловѣщія предостерегающія ноты, точно отдаленное указаніе на надвигающееся за кровавой добычею несчастье.

— Не прикажу!—тревожно и печально прошептала Марыня.

Докторъ вздохнулъ, махнулъ нехотя рукой и уныло началъ всматриваться въ дождевую мглу.

Въ Марынѣ среди каоса чувствъ и мыслей внезапно зародилось безпокойство, какъ будто она теперь только поняла, что пускается въ путь далекій и невѣдомый, не зная, зачѣмъ, вполнѣ беззащитная противъ страданій, терзающихъ тѣло и душу того человѣка, который сдѣлался безумной радостью и пламенною скорбью всѣхъ ея чувствъ, умственныхъ и душевныхъ силъ.

Коляска снова остановилась на мгновеніе. Подняли шлагбаумъ, и колеса съ звонкимъ гуломъ перекатились черезъ рельсы. Вскорѣ показалась убогая станція. Оказалось, что до прихода курьерскаго поѣзда остается полчаса. Передъ запертой кассой вели оживленный разговоръ нѣсколько жидковъ въ халатахъ; между громаднымъ окномъ и вѣсами на деревянной скамейкѣ, представляющей залъ третьяго класса, храпѣлъ развалившись мужикъ, въ желтомъ тулупѣ и барашковой шапкѣ, у ногъ его сидѣлъ какой-то бѣднякъ въ длинныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ оборваннымъ козырькомъ и тонкой палочкой чертилъ зигзаги на загрязненномъ каменномъ полу.

Въ залѣ второго класса никого не было.

Марыня, расположившись съ вещами на клеенчатомъ диванчикѣ,

занялась приведеніемъ въ порядокъ пострадавшей во время ѣзды прически, а Постанскій, осмотрѣвъ всѣ расписанія и выцвѣтшія объявленія, развѣшанныя на стѣнахъ, отправился въ буфетъ, откуда доносился интересовавшій его шумъ.

Приблизившись, онъ увидѣлъ надъ стойкой растрепанную голову красной, полураздѣтой дѣвки, которая, окинувъ доктора любопытнымъ взглядомъ, снова нагнулась и съ бѣшенствомъ и пошлой бранью, начала раздувать упрямый самоваръ.

Постанскій окинулъ глазомъ буфетную стойку, гдѣ подъ запыленнымъ колпакомъ въ сообществѣ нѣсколькихъ высохшихъ обрѣзковъ колбасы гнилъ кусокъ ноздреватаго сыра, оклееннаго серебряной бумагой; дальше стояла бутылка водки, нѣсколько тарелочекъ, съ чѣмъ-то, повидимому, съѣдобнымъ, и искусственная пальма, окруженная кольцомъ бутылокъ крымскаго вина.

Испробовавъ твердость булки, Постанскій махнулъ рукой и отошелъ къ столику съ наклонной доской, оклеенной клеенкой, тамъ виднѣлась чернильница съ воткнутой ручкой.

Въ чернильницѣ было много разныхъ вещей, но такъ мало чернилъ, что докторъ долженъ былъ плюнуть въ середину, чтобы добыть нѣсколько капель мутной жидкости, при помощи которой и заржавѣвшаго пера ему удалось намазать, какъ палкой, телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Какъ здоровье Гинтовта? Жена сегодня выѣзжаетъ. Прошу встрѣтить на станціи, все уладить».

Передъ подписью онъ задумался на минуту и прибавилъ:

«Тотъ самый, что вылечилъ».

— Только помнятъ ли—пробурчалъ онъ, пробѣгая бумагу, досталъ изъ узелка въ платкѣ двѣ смятыя рублевки и вышелъ.

Марыня въ это время достала изъ корзинки свои запасы и, когда докторъ вернулся, предложила ему позавтракать.

Дары Бэли были уничтожены исключительно докторомъ, Марыня ограничилась стаканомъ плохенькаго чая, предложеннаго Постанскимъ въ видѣ реванша.

Станція начала понемногу оживляться.

Марыня и Постанскій вышли на платформу и прогуливались въ молчаніи, ожидая поѣзда, который останавливался на этой станціи едва двѣ минуты.

Дождь уже пересталъ, но солнца не было видно, между сѣрымъ небомъ и намокшими холмами порыжѣвшихъ полей висѣли облака сырого тумана, такъ что свѣтъ былъ видѣнъ точно сквозь запотѣвшія стекла.

Вдругъ поднялось лихорадочное движеніе, съ крикомъ «дорогу»! проѣхала желѣзная платформа съ сундучкомъ Марыни; распахнулись двери и вылетѣлъ коренастый брюнетъ въ красной фуражкѣ, по дорогѣ застегивая мундиръ.

Около стѣны выросъ, точно изъ земли, бѣдно одѣтый молодой служитель, и застылъ какъ истуканъ, съ разорваннымъ рукавомъ, держа въ рукѣ веревку отъ колокола.

Черезъ минуту раздался звонокъ и съ шумомъ и трескомъ подкатилъ короткій запыхавшійся поѣздъ. Зашумѣлъ выпущенный паръ. На платформу соскочили нѣсколько кондукторовъ, выкрикивая названіе станціи. Какой-то пасажиръ, безъ шляпы, съ чайникомъ въ рукѣ бросился къ дверямъ буфета, но оглушенный новымъ ударомъ звонка, опрометью пустился обратно.

Марыня исчезла за носильщикомъ въ вагонѣ второго класса, но сейчасъ же вернулась обратно на платформу.

— Есть мѣсто для спанья?—спросилъ Постанскій, стоя около ступенекъ вагона.

— Есть, — отвѣтила Марыня задумчивымъ тономъ, хватаясь тонкими руками за опущенную перекладину перилъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, докторъ вдругъ быстро заговорилъ прерывающимся голосомъ, точно ему воздуху не хватало:

— Такъ ты ему скажи, понимаешь!.. Глупости, все минуетъ! Ты, голубка моя, помни, что бы тамъ ни случилось, а у тебя есть Игнась!.. И я... Помни!..

Простоналъ троекратно звонокъ, раздался оглушительный свистокъ, локомотивъ печально завылъ, вторичный свистокъ пронесся въ воздухѣ; звякнули цѣпи, закачались вагоны.

Постанскій поднялся на носки и поцѣловалъ у Марыни сложенныя руки.

Она вытянула свою точеную ручку, но не могла уже до него достать; докторъ поклонился на прощанье.

Онъ долго слѣдилъ глазами за ея лицомъ и рукою, трепещущей около лица, какъ мотылекъ надъ лепесткомъ цвѣтка, до тѣхъ поръ, пока уносясь въ вихрѣ пара, дыма, стука, скрежетанья желѣза, она не исчезла въ сѣромъ туманѣ.

Гдѣ-то поднялась цвѣтная лапа семафора. Замелькалъ свѣтъ фонаря. Исчезли съ платформы люди. Вдали пронесся рѣзкій звукъ рожка сторожа и смолкъ.

На мгновеніе наэлектризированная станція погрузилась въ обычную дремоту, а докторъ все еще стоялъ, устремивъ мутные глаза въ бесконечную полосу рельсъ, точно загипнотизированный ихъ истертымъ блескомъ.

Послѣ ненастныхъ дней пронеслись два огромныхъ ливня.

Потоки теплаго дождя растопили грязные снѣга, притаившіеся въ оврагахъ, ямахъ и канавахъ, смыли заплѣсневѣвшіе покровы зимы съ земли, а ясное солнце и вереницы птицъ въ голубой вышинѣ возвѣстили о тріумфѣ весны на небѣ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней ландшафтъ измѣнился до неузна-

ваемости; сухіе прутья въ паркѣ начали по ночамъ покрываться липкими почками, показывающими мелкіе желто-зеленые листочки, полинялые поля и газоны одѣлись мягкою, нѣжною, зеленою травою.

Снивода, пробужденная птичками, привѣтствовавшими радостнымъ щебетаньемъ ея огромную зеркальную поверхность, колыхала отъ берега къ берегу въ любовномъ ритмѣ, отраженіе лазури.

Дѣти, выпущенныя изъ комнаты, какъ голуби изъ ковчега, несмотря на суровыя назиданія Бэли не сидѣть на сырой землѣ, приходили домой все чаще въ позеленѣвшихъ платьицахъ и приносили съ собой извѣстія о томъ, что липа покрылась листьями, каштанъ уже съ кистями, черемуха побѣлѣла сверху до низу, сѣрая птичка строитъ гнѣздышко въ смородинѣ, дятелъ застучалъ въ темной аллеѣ, а аистъ несъ въ деревню маленькаго ребенка, а можетъ быть, и большую лягушку.

Панъ Боровскій, который еще недавно жаловался на удушье въ груди и предсказывалъ себѣ скорую смерть, вдругъ выздоровѣлъ, вскочилъ верхомъ на чалаго и съ младенческимъ воодушевленіемъ началъ снова разъѣзжать по полямъ, и кричать на работниковъ, точно въ рупоръ.

У Бэли прибавилось работы на скотномъ дворѣ и въ саду «вотъ по сихъ поръ», какъ выражалась она, проводя нѣжнымъ розовымъ пальчикомъ по бѣлой красиво поставленной шеѣ.

А Игнатій, пользуясь теплымъ временемъ, занялся питьемъ Карлсбада.

Для этой цѣли онъ вставалъ въ шесть часовъ утра и, прогуливаясь по парку, каждые полчаса вливалъ въ себя маленькими глотками три кружки воды, которую въ особой посудѣ съ термометромъ разогрѣвалъ старый Янъ, необыкновенно скептически относившійся ко всѣмъ этимъ заморскимъ затѣямъ.

— На тощакъ водка и то ослабляетъ!—ворчалъ онъ, когда Игнатій жаловался на слабость.—А чтожъ послѣ этого такая нѣмецкая вода, да еще гнилая и теплая!..

— Ну, ну, ну!—останавливалъ ворчуна Игнатій, хотя и чувствовалъ, что леченіе идетъ не особенно; однако, онъ это приписывалъ отсутствію покоя.

И дѣйствительно, сначала Бэля изъ заботливости и вниманія устраивала ему нѣсколько разъ на день сцены по поводу не выдержанности діэты, Боровскій допекалъ дѣлами по хозяйству, а ко всему этому присоединялось полное отсутствіе извѣстій отъ Марыни, что его сильно безпокоило.

— На самомъ дѣлѣ можно было бы и доѣхать, и вернуться, а по крайней мѣрѣ ворохъ писемъ написать,—закончила Бэля въ одинъ изъ вечеровъ разговоръ по этому поводу. И испортила мужу всю ночь.

Игнатій до поздней ночи раздумывалъ о причинахъ молчанія Марыни, строя тысячи все менѣе и менѣе правдоподобныхъ предположе-

ній, пока не пришелъ къ заключенію, что у него голова кругомъ идетъ отъ усталости и сонливости, потушилъ свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза, въ которыхъ промельнуло нѣсколько огненныхъ линій.

Ему очень хотѣлось спать, но сонъ не приходилъ; вмѣсто того, разыгравшееся воображеніе въ ночной темнотѣ подымало въ его душѣ настоящую сумятицу; рѣзкіе обрывки давнишнихъ образовъ, воспоминанія о свѣжихъ впечатлѣніяхъ смѣшивались съ отрывками странныхъ понятій и выливались въ какія-то пестрыя фигуры, безформенныя, безсмысленныя, то снова превращались въ нескончаемыя, запутанныя цѣпи, идущія неизвѣстно откуда и куда, безпрерывно кружась и мелькая; временами тѣнь сна отуманивала все его существо и производила фальшивое впечатлѣніе крѣпкаго сна: исчезало все сколько-нибудь похожее на мысль въ дымкѣ сѣраго тумана, въ его клубахъ начинали вырисовываться полувоздушныя, легкія, никогда невиданныя фигуры съ уродливыми туловищами, безобразными головами, вызывающими ужасъ, удушье и страданіе. Тогда Игнатій, обливаясь холоднымъ потомъ, съ нечеловѣческими усиліями срывалъ съ себя тяжкія путы этой летаргіи, открывалъ глаза и не узнавалъ положенія предметовъ въ своей комнатѣ; ему казалось, что онъ лежитъ обернувшись головой къ окну, которое въ то же время свѣтится въ сторонѣ ногъ; онъ ощупывалъ рукой стѣну и понемногу убѣждался, что все находится на своемъ мѣстѣ.

Онъ переворачивался на другой бокъ, старательно прикрывался одѣяломъ, въ отчаяніи сжималъ вѣки и начиналъ считать въ тактъ пульса, бьющагося въ горячихъ вискахъ:

— Разъ, два, три... десять, двадцать!.. Куры кудахчутъ, деруть горло, какъ бѣшеныя!.. Чортъ бы ихъ побралъ!.. Письмо Марыни могло и пропасть, какъ тогда отъ отца, и еще такое важное, о деньгахъ...

— Ахъ, я не считаю!.. спохватывается Игнатій и снова начинаетъ считать.

Вотъ онъ въ большомъ залѣ; толпа гостей. Викторъ танцуетъ мазурку съ Марыней, которая хочетъ его выбрать для фигуры; тутъ Игнатій съ ужасомъ замѣчаетъ, что онъ безъ сапогъ, сильно сконфуженный онъ прячется за стулъ, желая скрыть этотъ недостатокъ въ своемъ туалетѣ, и одновременно съ этимъ утѣшается мыслью, что это только сонъ. Вдругъ толпа людей раздвигается и выдвигается фигура Постанскаго, который кладетъ ему руку, на правый бокъ, тяжелую и горячую, какъ кусокъ раскаленнаго желѣза.

Мгновенная пронизывающая боль; зарево пламени, и все ниспадаетъ въ невѣдомую глубину, а онъ послѣднимъ.

Поутру Игнатія разбудилъ старый Янъ.

— Чего тебѣ нужно, чортъ возьми?—заартачился отрезвившійся отъ сильнаго дерганья Игнатій.

— Уже седьмой часъ, вода готова! Вы заспались!

— А платье вычистилъ?

— А какъ же!

— Покажи-ка часы!

Оказалось, что уже половина седьмого. Нечего было дѣлать, и Игнатій началъ лѣниво одѣваться.

Онъ чувствовалъ дурной вкусъ во рту, что то безпокоящее въ области печени. Взявъ стаканъ, и съ гримасой на лицѣ, желтый какъ лимонъ, выпивая глотками теплую горьковатую воду, побрелъ въ паркъ.

Утро было ясное; по блѣдному простору неба на крыльяхъ легкаго сѣраго облачка подымалось къ зениту блестящее солнце. Сладко вздыхалъ вѣтеръ. Мясистые, блестящіе листья деревьевъ и кустовъ, опушенные дымкой высыхающей росы, скромнымъ шопотомъ сообщали другъ другу исторію минувшей ночи, весенней ночи любви.

Тамъ и сямъ весело чирикали воробьи; рѣзвыя ласточки, какъ крылатыя пули, пронизывали свѣжій воздухъ.

Значительно выше, точно развѣянный вѣнокъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, парило въ лазуревой вышинѣ стадо голубей.

Протянулись острымъ клиномъ утки и исчезли въ камышахъ, надъ которыми бродили еще полосы тумана, нѣжныя какъ паутинныя нити.

Оттуда доносился шумъ и плескъ переливающейся черезъ плюзъ воды, сильные, неровные удары лопатокъ, всплески играющей рыбы; а съ противоположнаго берега, изъ свѣтлыхъ купъ березъ и кленовъ, производящихъ на темномъ фонѣ сосенъ впечатлѣніе свѣтлыхъ букетовъ, откликались все время горлицы и часто кукушка.

Въ вышинѣ парилъ бурый коршунъ, сверкая время отъ времени серебристой подкладкой искривленныхъ крыльевъ, точно стальнымъ ятаганомъ.

Гдѣ то вблизи раздался веселый храпъ лошади, а черезъ мгновеніе немного хриплое пѣніе басомъ:

Какъ на рѣчкѣ быстрой
Мала рыбка
Острымъ плавнемъ
Воду разсѣкаетъ!
Воду разсѣкаетъ!
А вдругъ щука настигаетъ,
Настигаетъ
И глотаетъ,
Рыбка погибаетъ,
Ой, да, погибаетъ!

Это панъ Боровскій проѣзжалъ вдоль по берегу Сниводы, и, весело посвистывая въ воздухѣ орѣховымъ прутомъ надъ ухомъ стараго чалаго, оглашалъ блестящую поверхность воды своимъ могучимъ голосомъ.

Былъ бы я большимъ болваномъ,
Да, болваномъ,
Не попробовавъ тебя!

Припомнился Игнатію шаловливый конецъ слѣдующей строфы, онъ даже вдругъ развеселился.

Любопытнымъ глазомъ окинулъ онъ все вокругъ и въ немъ отразились наиболѣе сильные тона обширнаго ландшафта: выбивающейся наружу жизни, которая билась вездѣ съ разливающимся эхомъ,—въ согрѣтой щебетаньемъ пташекъ чащѣ зелени, въ сырости жирной земли, волнующейся ржаными побѣгами, въ массѣ чистаго воздуха, трепещущаго и полнаго аромата и золота лучистаго солнца.

Точно освѣжившись этимъ впечатлѣніемъ, Игнатій уже бодро направился въ сторону дома. Одной рукой онъ помахивалъ стакановъ въ тактъ звучащему въ ушахъ мотиву, другой хлопалъ по посѣдѣвшей мордѣ Ральфа, всегда сопровождавшаго его въ утреннихъ прогулкахъ.

Осчастливленный лаской песъ быстро махалъ облѣпленнымъ чертополохомъ хвостомъ, подымался на заднія лапы и старался схватить притупившимися зубами руку хозяина, издавая при этомъ какіе то хриплые звуки, долженствующіе изображать писк радости.

Вдругъ Ральфъ выбѣжалъ впередъ, остановился и насторожилъ свои волчьи уши; Игнатій то же пріостановился, услышавъ приближающійся грохотъ неокованной телѣги; черезъ мгновеніе между тополями показались двѣ полысѣвшія, неуклюжія лошадки и возница въ широкой соломенной шляпѣ и мужицкой свиткѣ.

— Сюда, Ральфъ!—позвалъ Игнатій собаку, которая съ лаемъ бросилась впередъ, но добѣжавъ до телѣги перестала и, весело взвизгивая, начала подскакивать къ высоко нагроможденному сидѣнью, гдѣ виднѣлась закутанная женская фигура.

Горячая, боязливая волна разлилась въ груди Игнатія, съ быстротою молніи пронеслось у него въ головѣ предположеніе и сейчасъ же возникло сомнѣніе; онъ ускорилъ шаги, приблизился къ крыльцу и тогда уже вполнѣ убѣдился.

— Марыня!—крикнулъ онъ, подбѣжалъ и обнялъ слѣзающую съ телѣги невѣстку.—Какъ поживаешь, голубка моя, дорогая!—началъ онъ говорить, но нѣжныя слова замерли у него на устахъ отъ холода, которымъ вѣяло отъ этой закутанной женщины.

Въ зимнемъ пальто, въ которомъ выѣхала, въ мѣховой котиковой шапочкѣ она стояла передъ нимъ безучастная, съ точеными, застывшими чертами лица, точно вырѣзанными изъ слоновой кости; ея сѣрые глаза, немного удивленные и неподвижные, были устремлены на лицо Игнатія.

По временамъ ему казалось, что эти глаза оживляются, но это былъ обманъ зрѣнія, вызываемый дрожаніемъ длинныхъ рѣсницъ; они продолжали смотрѣть на него, тупые и остолбенѣвшіе, какъ глаза слѣпого.

— Марыня, что съ тобой? Побойся Бога! Что тамъ съ Викторомъ?—снова принялся разспрашивать Игнатій задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Викторъ умеръ!—услышалъ онъ въ отвѣтъ; слова эти были произнесены безъ перерыва, безъ всякаго выраженія, какъ очень длинная фраза. Точно придавленный тяжестью, Игнатій опустился вдругъ на ступени, машинально слѣдя за удаляющимся наверхъ коричневымъ пальто, обшитымъ пепельнымъ мѣхомъ, за оборваннымъ воланомъ черной юбки, который шуршалъ по ступенькамъ, на порогѣ свернулся въ складку и исчезъ въ дверяхъ.

— Викторъ умеръ! — повторилъ невольно, послѣ минуты абсолютной пустоты въ мысляхъ, Игнатій, точно изумленный, и вдругъ почувствовалъ безъотлагательную потребность подѣлиться съ Бэлей этимъ неправдоподобнымъ извѣстіемъ.

Онъ поднялся, и спотыкаясь о Ральфа, который путался у него въ ногахъ, вошелъ въ комнату.

— Гдѣ барыня?—крикнулъ онъ на Степку, натирающаго полы.

— Въ кладовой,—снимая ногу со щетки, отвѣтилъ парень, испуганный рѣзкимъ звукомъ своего мягкаго въ обращеніи барина.

Игнатій пробѣжалъ дѣтскую; тамъ всполошилъ причесывающуюся передъ зеркаломъ бонну, панну Флорентину, которая съ пискомъ прячась за ширмы, плотно скрестила худыя руки въ томъ мѣстѣ, гдѣ корсетъ отставалъ отъ плоской, какъ доска, груди; толкнулъ кого-то въ корридорѣ и замедлилъ шаги, услышавъ приподнятый голосъ Бэли:

— Нѣтъ, пойдешь! Кто это опять Ральфа впустилъ? Возьми его!— въ отчаяніи звала она мужа, отталкивая ногой собаку и приподнимая тарелку съ творогомъ.

— Знаешь?

— Что я должна знать?

— Викторъ умеръ!—закончилъ надломленнымъ шопотомъ Игнатій, выбиваясь изъ силъ.

Тарелка со звономъ полетѣла подъ лапы Ральфа, который не преминулъ воспользоваться случаемъ.

Бэля отступила шагъ назадъ и смотрѣла на мужа широко раскрытыми глазами.

— Что ты говоришь?—произнесла она сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ.

— Марыня вернулась. Викторъ умеръ, — произнесъ заикаясь Игнатій, снялъ очки и прижалъ руку къ мутнымъ глазамъ.

Бэля поблѣднѣла, оперлась плечами о стѣну и начала повторять:

— Боже, Боже!..

Потомъ быстрымъ движеніемъ приблизилась къ мужу, обняла его обѣими руками за шею и заплакала тихими слезами.

По пожелтѣвшимъ щекамъ Игнатія, изъ угловъ закрытыхъ глазъ потекли тонкія слезы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пробужденіе.

Дни идутъ на прибыль,
Ночи—на ущербъ,
Развернулись почки
Опушенныхъ вербъ.
Таетъ... Ненадеженъ
Хрупкій вешній ледъ,
Стаи журавлиной
Слышенъ перелетъ.
Въ небѣ рѣютъ точки...
Сколько ихъ! Не счесть.
Въ крикахъ стаи шумной—
Радостная вѣсть.
Тамъ надъ колокольней—
Первые грачи;
Изъ темницы дольней
Выбились ключи.
И гремятъ побѣдно
Вешнія струи
О борьбѣ великой,
О святой любви.

Гребецъ.

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой клубились тучи,
И грозно шелъ за валомъ валъ,
Вдали чернѣли кручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Изломанъ руль сначала,

И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ спокойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
— Хвала тому, кто—духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе*) *)

II.

Родбертусъ.

Классовые интересы, несомнѣнно, оказали глубокое вліяніе на экономическую науку, но все же политическая экономія далеко не есть простое идеологическое отраженіе классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочаго класса могутъ быть противоположны интересамъ капиталистовъ, но то, что является объективной истиной для капиталиста должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны и самый сильный интересъ не можетъ не склониться передъ ними. Не существуетъ двухъ политическихъ экономій — буржуазной и соціалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствѣ, правда, еще очень не совершенная и потому распадающаяся на нѣсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеніи этихъ направленій, различія между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось мѣста. Теоретическія построенія защитника капиталистическихъ интересовъ Рикардо легли въ основу такъ называемаго научнаго соціализма, долгое время опиравшагося на трудовую теорію цѣнности; въ новѣйшее время многіе выдающіеся теоретики соціализма приняли новую теорію цѣнности, развитую учеными буржуазнаго лагеря. Такимъ образомъ не взирая на различіе классовыхъ интересовъ, объективная и единая наука прокладываетъ себѣ путь, слѣдуя своимъ собственнымъ логическимъ законамъ развитія и повинуясь одному голосу истины.

Ученый можетъ имѣть классовыя симпатіи; но истина — ревнивая богиня, открывающаяся только тому, кто любитъ ее безкорыстной любовью и служитъ ей предпочтительно передъ всѣми другими богами — должна быть для него всего выше. Именно такимъ ученымъ, сумѣвшимъ подняться надъ своими классовыми симпатіями, не пожертвовав-

*) См. «Міръ Божій», февраль 1902 г., № 2.

шими ради нихъ ни крупицей истины, былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ экономистовъ XIX вѣка — Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ (1805—1875 г.).

По своему происхожденію, общественному положенію, условіямъ жизни и всей жизненной обстановкѣ, этотъ, наряду съ Марксомъ, замѣчательнѣйшій представитель критическаго соціализма былъ совершенно чуждъ рабочимъ классамъ: отецъ его былъ профессоромъ римскаго права въ грейфсвальдскомъ университетѣ. По окончаніи университета Родбертусъ поступилъ на службу по министерству юстиціи. Но вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и въ 1832 г. купилъ въ Помераніи крупное дворянское имѣніе Ягецовъ, гдѣ и жилъ, съ небольшими перерывами до конца жизни. Онъ былъ дѣятельнымъ и успѣшнымъ сельскимъ хозяиномъ, благодаря чему пользовался значительнымъ престижемъ среди мѣстнаго дворянства, неоднократно выбиравшаго его на разныя почетныя должности. Въ 1847 г. Родбертусъ былъ представителемъ дворянства въ ландтагѣ. Какъ парламентскій дѣятель, онъ обращалъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей горячей преданностью общегерманскимъ національнымъ интересамъ. Революціонныя бури выдвинули нашего ученаго на короткое время на первый планъ политической арены. Онъ съ жаромъ выступилъ на защиту верховныхъ правъ народнаго представительства и національной германской идеи. Когда образовалось умѣренно-прогрессивное министерство Ауэрсвальде-Ганземана, Родбертусъ получилъ въ немъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Но министромъ онъ пробылъ всего нѣсколько дней: реакція скоро восторжествовала и наступилъ періодъ трусливыхъ попытокъ парламентскихъ либераловъ бороться съ прусской солдатчиной. Родбертусъ принималъ нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и издалъ въ началѣ 1849 г. брошюру, въ которой защищалъ права народнаго представительства и отрицалъ законность дѣйствій прусскаго правительства. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ депутатомъ одного берлинскаго округа. Когда собраніе представителей было распущено правительствомъ, Родбертусъ высказался противъ участія своей партіи въ выборахъ и уже больше не принималъ активнаго участія въ политической жизни страны. Онъ сблизился съ консерваторами и разошелся съ либералами: поэтому, когда въ 1862 г. партія прогрессистовъ предложила Родбертусу кандидатуру въ одномъ округѣ, онъ отклонилъ это предложеніе.

Вся его послѣдующая жизнь была посвящена упорному, уединенному научному труду въ деревнѣ и отчасти практической дѣятельности въ качествѣ сельскаго хозяина. Вначалѣ научныя работы Родбертуса не имѣли никакого успѣха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась въ печати только почти полвѣка

спустя въ посмертномъ изданіи. «Соціальныя письма» къ Кирхману—работа, въ полномъ смыслѣ, геніальная — были напечатаны въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и остались совершенно незамѣченными публикою. Только въ 60-хъ годахъ одинокій мыслитель начинаетъ находить друзей и послѣдователей. Съ нимъ завязываетъ сношенія Лассаль, стремившійся, но безуспѣшно, вовлечь Родбертуса въ свою агитацію, поведшую къ образованію германской рабочей партіи. Несмотря на всѣ усилія, Лассаллю не удалось побудить Родбертуса вступить въ члены «Всеобщаго германскаго рабочаго союза». Въ отвѣтъ на одинъ вопросъ комитета союза, Родбертусъ издалъ брошюру, въ которой выразилъ мнѣніе, что рабочіе вполнѣ правы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ассоціаціямъ Шульце-Делича, но что и рекомендуемыя Лассалемъ производительныя ассоціаціи съ государственной помощью не въ силахъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Но въ особенности неодобрительно отнесся Родбертусъ къ тому, что рабочіе, подъ вліяніемъ Лассалля, поставили въ первую очередь своихъ требованій всеобщее избирательное право; политическія задачи—говорилъ Родбертусъ—не должны ни въ какомъ случаѣ заслонять соціальныхъ. Рабочимъ не слѣдуетъ тратить время на блужданіе окольными путями политики, а нужно напрямикъ идти твердымъ шагомъ къ своимъ соціальнымъ цѣлямъ.

Крѣпкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помѣхой къ достиженію его соціальныхъ идеаловъ. Напротивъ, въ его глазахъ особенностью нашего времени является близость политическаго консерватизма къ экономическому радикализму. Потому Родбертусъ одновременно поддерживалъ сношеніе съ создателемъ нѣмецкой соціалъ-демократіи Лассалемъ и съ консервативными политиками вродѣ Рудольфа Мейера и Вагнера. Онъ искренно вѣрилъ въ утопію соціальной монархіи и думалъ, что прусская королевская власть можетъ взять на себя миссію осуществленія требованій рабочихъ классовъ.

Все это, разумѣется, отнюдь не свидѣтельствуетъ о проницательности Родбертуса, какъ политика, и о глубинѣ его соціально-политическихъ воззрѣній. Его сила лежала въ совершенно иной области, чѣмъ практическая политика—въ области теоретической мысли. Классовыя симпатіи Родбертуса тѣсно связывали его съ консервативными и даже реакціонными общественными элементами, а какъ теоретикъ онъ былъ провозвѣстникомъ общественнаго строя будущаго. Этимъ и объясняется противорѣчивая общественная позиція великаго экономиста.

Родбертусъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ и выступалъ энергичнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ аграріевъ. «Намъ (землевладѣльцамъ) не хватаетъ пониманія своихъ матеріальныхъ интересовъ, чѣмъ обладаетъ въ такой высокой степени капиталъ,—писалъ Родбертусъ въ предисловіи ко второму тому своей книги «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes» (1868—

69).—Намъ не хватаетъ сознанія своего классового интереса, въ то время какъ рабочіе поднимаются, какъ одинъ человѣкъ... Не хотимъ ли мы совсѣмъ сойти съ соціальной сцены, какъ самостоятельный общественный классъ, и тянуться вслѣдъ за капиталомъ? Не хотимъ ли мы быть праздными зрителями борьбы между капиталомъ и трудомъ или—что еще хуже—стать слугами капитала?.. Капиталъ стремится къ обезпеченію своей нормальной прибыли, онъ овладѣлъ законодательствомъ и сталъ всемогущимъ, не встрѣчая себѣ никакихъ соперниковъ. Рабочіе начинаютъ группироваться для обезпеченія себѣ нормальной заработной платы, и энергія, съ которой они дѣйствуютъ, гарантируетъ имъ успѣхъ. Послѣдуемъ же этимъ примѣрамъ! Соберемся на защиту своего естественнаго дохода! Соберемся на защиту своей ренты! Почему намъ не можетъ удасться то, что удалось капиталу и что, навѣрное, удастся труду? Съ соціальной точки зрѣнія мы требуемъ не болѣе потребованнаго и достигнутаго уже капиталомъ и трудомъ, а съ національной точки зрѣнія мы имѣемъ еще больше правъ, чѣмъ оба эти класса. Государство должно было бы окончательно попасть во власть капиталу, чтобы не уразумѣть, что землевладѣніе является, или, вѣрнѣе, должно быть единственной соціальной силой, способной по преимуществу представлять національный элементъ общества, а государство, какъ нѣчто цѣлое, основывается на національномъ, а не на соціальномъ началѣ».

Эти строки достаточно выразительно характеризуютъ классовыя симпатіи Родбертуса. Онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, и интересъ этого класса, изъ всѣхъ *классовыхъ* интересовъ, былъ ему всего ближе. Родбертусъ былъ — horribile dictu! — аграрій!!! Да, аграрій, представитель наиболѣе реакціонныхъ общественныхъ элементовъ. Для тѣхъ, для кого исторія *только* борьба классовъ, и ничего больше, для этихъ не особенно проницательныхъ господъ міросозерцаніе такого человѣка, какъ Родбертусъ, является совершенно неразрѣшимой загадкой. Аграрій—и въ то же время теоретикъ будущаго хозяйственнаго строя, одинъ изъ творцовъ такъ называемаго «научнаго» соціализма! Рѣшеніе загадки въ томъ, что классовые интересы не могли сковать могучаго полета теоретической мысли великаго экономиста, не могли заглушить его любви къ истинѣ и живого чувства справедливости впереди *классовыхъ* интересовъ для него стояло нѣчто несравненно высшее — интересы *человѣка*, къ какому бы онъ классу ни принадлежалъ, интересы всего общества, какъ цѣлаго. Поэтому аграрныя классовыя симпатіи Родбертуса не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ теоретическихъ защитниковъ интересовъ *труда*.

Теоретическія изслѣдованія Родбертуса одинаково замѣчательны какъ по своимъ выводамъ, такъ и по методологическимъ пріемамъ. Для смитовской школы народное хозяйство было огромнымъ собраніемъ автономныхъ частныхъ хозяйствъ, *отдѣльныхъ* хозяйственныхъ цен-

тровъ, а общество собраніемъ независимыхъ личностей. *Атомическое* изученіе народохозяйственныхъ процессовъ, въ ихъ составныхъ элементахъ, а не въ цѣломъ, было характерной особенностью методологіи классической школы политической экономіи. Напротивъ, для Родбертуса народное хозяйство есть недѣлимое цѣлое, одинъ живой соціальный организмъ.

«Экономическая наука—говоритъ Родбертусъ во второмъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману—вмѣсто того, чтобы исходить изъ положенія, что раздѣленіе труда превратило общество въ неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того, чтобы съ этой точки зрѣнія приступить къ объясненію отдѣльныхъ общественнохозяйственныхъ понятій и явленій, вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить во главу угла понятія національнаго богатства, національнаго производства, національнаго капитала, національнаго дохода, и распаденіе послѣдняго на земельную ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату, и при помощи этихъ общественныхъ понятій объяснить доли отдѣльныхъ лицъ въ національномъ доходѣ—вмѣсто всего этого, наука о народномъ хозяйствѣ не избѣгла подчиненія утрированному индивидуалистическому направленію нашего времени. Она разорвала въ мелкіе лоскутки то, что, благодаря раздѣленію труда, образуетъ неразрывное цѣлое, соціальное цѣлое, имѣющее реальное значеніе лишь въ качествѣ такого цѣлаго и изъ этихъ лоскутковъ, изъ участія отдѣльныхъ личностей въ цѣломъ, пытается вновь возсоздать понятіе цѣлаго. Она положила въ основаніе своихъ построеній понятіе богатства отдѣльнаго лица, не сообразивъ, что богатство члена общества, связаннаго съ другими членами раздѣленіемъ труда, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ богатство человѣка, изолированно ведущаго свое хозяйство. Она исходитъ изъ понятія ренты отдѣльнаго землевладѣльца, упустивъ изъ виду, что земельная рента уже предполагаетъ прибыль на капиталъ и заработную плату и что обо всѣхъ этихъ понятіяхъ не можетъ быть и рѣчи, если не исходить изъ представленія обо всемъ современномъ обществѣ и общественномъ доходѣ, *частью* котораго является земельная рента и пр. Современная наука о народномъ хозяйствѣ разсматриваетъ дѣло такъ, какъ будто общество есть просто сумма различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не моральное, иначе говоря соціальное цѣлое».

Это методологическое требованіе Родбертуса—синтетическаго изученія народохозяйственныхъ процессовъ въ ихъ совокупности, реальномъ взаимодѣйствіи, какъ проявленій жизнедѣятельности единаго общественнаго организма,—не есть, какъ это бываетъ такъ часто съ методологическими принципами, одно благое пожеланіе, не исполняемое самимъ авторомъ на дѣлѣ. Напротивъ, вся теоретическая система Родбертуса вытекаетъ изъ его основной методологической предпосылки.

Пользуясь своимъ методомъ, Родбертусъ освѣтилъ совершенно новымъ свѣтомъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической науки.

Въ методологическомъ отношеніи особенно замѣчательно четвертое «Соціальное письмо» къ Кирхману, увидавшее свѣтъ только послѣ смерти автора и изданное въ 1884 г., подъ заглавіемъ «Das Kapital». Въ этой работѣ Родбертусъ поистинѣ геніальной рукой очерчиваетъ три основныхъ типа хозяйства—изолированное хозяйство, мѣновое—капиталистическое и коллективное. Первый изъ этихъ хозяйственныхъ типовъ принадлежитъ прошедшему, послѣдній будущему. Наше время характеризуется господствомъ капиталистическаго хозяйства; и Родбертусъ даетъ неподражаемую, хотя и схематическую картину настоящаго, сравнивая его не только съ тѣмъ, чего уже нѣтъ, но и съ тѣмъ, что еще не наступило.

Изолированное хозяйство не знаетъ раздѣленія труда, а слѣдовательно, и обмѣна. Тѣмъ не менѣе, и это хозяйство предполагаетъ цѣлый рядъ экономическихъ понятій, свойственныхъ всякому хозяйственному процессу, какъ таковому, слѣдовательно совершенно независимо отъ его исторической формы. Эти понятія образуютъ, по терминологіи Родбертуса, *логическія* категоріи хозяйства, иначе говоря категоріи логически связанныя съ самымъ понятіемъ хозяйства, въ отличіе отъ *историческихъ* категорій хозяйства—исторически преходящихъ и смѣняющихся хозяйственныхъ формъ.

Такъ, изолированное хозяйства предполагаетъ экономическія категоріи потребности, средства удовлетворенія потребности, работы, производства, продукта, капитала, въ извѣстномъ смыслѣ дохода, потребленія, оцѣнки продукта по стоимости (труду) и оцѣнки его по потребительной пользѣ. Оно знаетъ основной хозяйственный принципъ: по отношенію къ производству—съ возможно меньшей стоимостью (затратой труда) производить возможно больше продуктовъ, и по отношенію къ потребленію—возможно меньшимъ количествомъ продуктовъ удовлетворять возможно больше потребностей. Поэтому, изолированный хозяинъ можетъ организовать планомѣрное производственное и потребительное хозяйство.

Но хозяйственная дѣятельность изолированнаго хозяина очень проста и ограничивается производствомъ и сохраненіемъ хозяйственныхъ продуктовъ. Никакой особой дѣятельности не требуется въ этомъ случаѣ для установленія размѣра потребностей и поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ потребностями; для поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ количествомъ средствъ производства; для распредѣленія продукта между производителями и установленія соотвѣтствія между тѣмъ, что каждый даетъ хозяйству и что отъ него получаетъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ должно удовлетворять каждое хозяйство, въ томъ числѣ и изолированное, но особенностью изолированнаго хозяйства слѣдуетъ считать то, что указанныя требованія

осуществляются въ немъ сами собой, простымъ волевымъ актомъ хозяйствующаго лица. Изолированный хозяинъ непосредственно знаетъ свои потребности, непосредственно располагаетъ средствами производства и непосредственно владѣетъ изготовленнымъ продуктомъ. Поэтому, производство въ изолированномъ хозяйствѣ не можетъ не соотвѣтствовать потребностямъ и средствамъ производства, и доходъ не можетъ не быть равнымъ продукту труда. Весь хозяйственный процессъ совершается въ предѣлахъ двухъ хозяйственныхъ сферъ: производственнаго и потребительнаго хозяйства.

Съ раздѣленіемъ труда положеніе измѣняется до самаго основанія. Отдѣльные хозяева связываются въ единое общество, благодаря чему всѣ категоріи изолированнаго хозяйства получаютъ новое содержаніе и возникаютъ новыя экономическія категоріи, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ изолированномъ хозяйствѣ. Возникаетъ потребность въ цѣломъ рядѣ новыхъ хозяйственныхъ дѣйствій, связывающихъ отдѣльныя хозяйства въ высшее хозяйственное единство, *народное хозяйство.*

Раздѣленіе труда очень несовершенно изслѣдовано школой Смита, обратившей вниманіе только на индивидуалистическую сторону этого явленія. Смитъ игнорируетъ самое важное въ раздѣленіи труда, именно то, что раздѣленіе труда не раздѣляетъ, а связываетъ отдѣльныхъ хозяевъ. Существенное въ раздѣленіи труда заключается не въ индивидуализмѣ, а въ общности—раздѣленіе труда есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общность труда. Оно требуетъ, какъ своего естественнаго спутника, *распредѣленія* между производителями продукта, изготовленнаго ими сообща.

Поэтому, «раздѣленіе труда есть матеріальная связь, сплачивающая отдѣльныхъ индивидовъ въ одно общество, подобно тому, какъ мораль и право есть этическая связь, а языкъ и народное сознаніе—умственная связь. Раздѣленіе труда есть одно изъ основаній соціальной жизни, а именно, хозяйственное основаніе, благодаря чему, въ дѣйствительности, каждый работаетъ на всѣхъ и всѣ на каждаго».

Обыкновенно представляютъ дѣло такъ, какъ будто, при господствѣ раздѣленія труда, каждый изготовляетъ особый предметъ потребленія и обмѣниваетъ его на продуктъ работы другого лица. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ несравненно сложнѣе. Совокупное производство общества, прежде всего, дѣлиться на *ступени* производства: производители сырья доводятъ обработку продукта до опредѣленной ступени, и затѣмъ продуктъ поступаетъ другимъ рабочимъ, превращающимъ его въ полуфабрикатъ; слѣдующіе производители дѣлаютъ изъ полуфабриката фабрикатъ; но и это еще не все,—фабрикатъ поступаетъ въ руки окончательныхъ производителей, приспособляющихъ его къ потребленію. Такъ, одни рабочіе собираютъ хлопокъ, другіе превращаютъ его въ пряжу, третьи въ ткань, четвертые въ предметъ

одежды. Поэтому, первымъ и основнымъ дѣленіемъ общественнаго труда есть его дѣленіе по *ступенямъ* производства.

Во-вторыхъ, трудъ раздѣляется въ предѣлахъ той же ступени на *отрасли* производства. Производство сырья распадается на земледѣліе, скотоводство, рыболовство, лѣсоводство, горное дѣло и т. д. Въ-третьихъ, каждая отрасль производства слагается изъ отдѣльныхъ *предпріятій*, въ которыхъ, въ-четвертыхъ, трудъ опять подраздѣляется самымъ сложнымъ образомъ.

«Что же является отличительной чертой всѣхъ этихъ подраздѣленій? *Общность* труда, какъ наиболѣе первичное раздѣленіе труда по ступенямъ производства, имѣетъ своимъ результатомъ то, что продуктъ проходитъ черезъ руки всѣхъ, чѣмъ устанавливается общность труда, такъ и раздѣленіе труда въ своемъ завершеніи, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ, напр., одинъ рабочій занятъ только тѣмъ, что постоянно шлифуетъ остріе иглы, есть не что иное, какъ трудовая ассоціація, т. е. та-же общность труда. Это—коллективизмъ, правда, еще не правовой, но все же фактическій коллективизмъ, коллективизмъ не потребленія продукта, а производства».

Такими чертами характеризуется въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ сфера производства—первая половина понятія раздѣленія труда. Вторая половина этого понятія—раздѣленіе *продукта*, то, что называютъ *распредѣленіемъ*, имѣетъ, несомнѣнно, больше индивидуалистическій видъ. Но все же и въ этой области индивидуалистическое начало далеко не такъ всемогуще, какъ обыкновенно думаютъ. Прежде всего, индивидуальному раздѣленію между потребителями подпадаетъ только небольшая часть общественнаго продукта—продукты послѣдней ступени производства, окончательно готовые предметы потребленія. Но и изъ этой части далеко не все переходитъ въ обладаніе частныхъ лицъ—общество, въ лицѣ государства и другихъ общественныхъ учрежденій, удерживаетъ себѣ долю, и эта доля — при томъ все возрастающая—поступаетъ въ коллективное пользованіе общества. Это уже не только фактическій, но и правовой коллективизмъ.

Затѣмъ, общественный продуктъ распредѣляется не только между тѣми, кто прямо или косвенно участвовалъ въ его производствѣ, но и между «всѣми членами болѣе широкой, чѣмъ хозяйственной, сферы раздѣленія труда, въ которой хозяйственное раздѣленіе труда образуетъ лишь одну область—чиновниками, военными, духовенствомъ, представителями такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, врачами, художниками, учеными» и пр., и пр. Всѣ эти лица не производятъ своимъ трудомъ никакихъ матеріальныхъ цѣнностей, но получаютъ, тѣмъ не менѣе, свою долю общественнаго продукта. «Въ потребленіи участвуютъ всѣ члены общества, производство же средствъ потребленія, хозяйственный трудъ, есть спеціальность нѣкоторыхъ».

Поэтому, и во второй половинѣ раздѣленіе труда—въ распредѣленіи—

фактическій коллективизмъ есть хотя и не единственное, но все же господствующее начало!

Мѣновое хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, преобразуетъ и видоизмѣняетъ характеръ всѣхъ экономическихъ категорій, знакомыхъ намъ по изолированному хозяйству. Категоріи эти получаютъ новый смыслъ и такимъ образомъ возникаютъ понятія національной потребности, національнаго производства, національнаго продукта, національнаго капитала, національнаго дохода. Всѣмъ имъ присущъ коллективистическій характеръ. «Можно сказать, что и общество начинается съ ограниченія индивидуализма коллективизмомъ, почему сущность общества и состоитъ въ коллективизмѣ. Историческое развитіе общества заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ расширеніи сферы этого коллективизма».

Но кромѣ указанныхъ, мѣновое хозяйство создаетъ цѣлый рядъ новыхъ *историческихъ* категорій, для которыхъ не существовало уже никакихъ аналогій въ изолированномъ хозяйствѣ. Такой категоріей является, прежде всего, *циркуляція продукта*. Такъ какъ участники общественнаго производства многоразличны и разсѣянны въ пространствѣ, то національный продуктъ, раньше чѣмъ поступить потребителю, долженъ переходить изъ рукъ въ руки, подымаясь по ступенямъ производства и переходя отъ однихъ производителей къ другимъ. Эта циркуляція продукта создаетъ три новыхъ экономическихъ категоріи: *цѣнность, деньги и кредитъ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ потребность въ новыхъ родахъ хозяйственной дѣятельности, совершенно незнакомыхъ изолированному хозяйству. Соотвѣтствіе между размѣромъ производства и потребностями, размѣромъ производства и запасомъ средствъ производства, между изготовленіемъ и полученіемъ продукта устанавливалось въ изолированномъ хозяйствѣ само собою. Теперь же, при раздѣленіи труда, для этого требуется цѣлый рядъ особыхъ дѣйствій, отъ успѣха которыхъ зависитъ и успѣшность всего національнаго хозяйства. Совокупность этихъ дѣйствій и есть предметъ изученія національной экономіи, которая возникаетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда—мѣновымъ хозяйствомъ, и которая до сихъ поръ была «простымъ ученіемъ о естественныхъ законахъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ». На самомъ же дѣлѣ, національная экономія должна быть «ученіемъ о хозяйственномъ коллективизмѣ», непосредственно вытекающемъ изъ раздѣленія труда.

Охарактеризовавъ сущность народнаго хозяйства, какъ основаннаго на раздѣленіи труда, Родбертусъ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ типовъ такого хозяйства—не знающаго частной собственности на землю и на капиталъ и покоящагося на такой собственности. Анализъ перваго, коллективистическаго, типа хозяйства, данный Родбертусомъ, весьма замѣчателенъ, но мы на немъ останавливаться не будемъ. Что касается до второго типа—капиталистическаго, то его харак-

терной чертой является отсутствіе какого-бы то ни было сознательнаго регулированія народнохозяйственнаго процесса въ цѣломъ—иначе говоря, стихійность всего процесса. «Не положительное право, но силы обращенія, предоставленнаго самому себѣ, управляютъ (въ капиталистическомъ хозяйствѣ) распредѣленіемъ». Двигателями этихъ силъ являются собственники земли и капитала. Они исполняютъ тѣ же общественнохозяйственныя функціи, которыя, при отсутствіи собственности на средства производства, должны были бы исполняться особыми органами общественной власти. Землевладѣльцевъ и капиталистовъ можно разсматривать, поэтому, какъ «прирожденныхъ, наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ общества, подобно тому, какъ въ прежнія времена рожденіе и наслѣдованіе давало право замѣщенія многихъ другихъ общественныхъ должностей, до тѣхъ поръ, пока это право—нѣкогда не менѣе законное право, чѣмъ нынѣ земельная и капитальная собственность,—не рухнуло передъ вопросомъ—не лучше ли замѣщать эти должности по особому назначенію, чѣмъ по наслѣдству?»

Каковы же специфическія черты характернаго для капиталистическаго хозяйства способа исполненія народохозяйственныхъ функцій, а именно, черезъ посредство частныхъ лицъ, владѣющихъ средствами производства?

Прежде всего бросается въ глаза одна такая специфическая черта—собственники земли и капитала, подобно другимъ наслѣдственнымъ должностнымъ лицамъ, исполняютъ свои обязанности, прежде всего, въ своихъ интересахъ. Общественный результатъ ихъ дѣятельности есть не что иное, какъ попутное слѣдствіе осуществленія ими ихъ собственныхъ частныхъ выгодъ. Производя тотъ или иной товаръ, они стремятся не къ удовлетворенію общественной потребности, а къ полученію въ наибольшемъ размѣрѣ своего частнаго дохода—ренты.

При этомъ предприниматели-капиталисты не имѣютъ никакой возможности непосредственно знать размѣры общественныхъ потребностей, покрываемыхъ производимыми ими товарими. Вмѣсто такого непосреднаго знанія, которое было бы возможно лишь въ обществѣ, непосредственно владѣющемъ средствами производства, предприниматели должны довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными догадками относительно будущаго спроса по даннымъ прошлаго спроса. Къ тому же, что еще существеннѣе, *каждый* предприниматель дѣйствуетъ за свой страхъ, ничего не зная о дѣйствіяхъ другихъ. «Какъ частные собственники отдѣльныхъ частицъ національной территоріи и національнаго капитала, они не только безотвѣтственны въ своей дѣятельности передъ обществомъ, но и совершенно независимы другъ отъ друга. Даже болѣе—ихъ частный интересъ побуждаетъ ихъ, по возможности, скрывать свои дѣйствія другъ отъ друга. Если же интересъ побуждаетъ ихъ къ соглашенію, то послѣднее совершается *противъ* общества: они устанавливаютъ монопольныя цѣны».

При общественномъ регулированіи хозяйственнаго процесса, соотвѣтствіе между размѣромъ общественнаго производства и размѣромъ общественныхъ производительныхъ силъ устанавливается само собой. При господствѣ же въ хозяйственной сферѣ частныхъ наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ (собственниковъ земли и капитала), дѣло принимаетъ совершенно иной видъ. Въ капиталистическомъ обществѣ «недостаточно, чтобы трудъ былъ готовъ къ производству. Не достаточно, чтобы средства производства имѣлись налицо. Сколько бы ни было незанятыхъ рабочихъ, могущихъ быть хорошими прядильщиками, сколько бы шерсти ни изготовили сельскіе хозяева, сколько бы прядильныхъ машинъ ни произвели машинные фабриканты, если всѣмъ этимъ производительнымъ силамъ не противостоитъ капиталистъ, если не находится предпринимателя, обладающаго достаточнымъ состояніемъ, чтобы купить всѣ эти элементы капитала, то рабочіе остаются безъ работы, а средства производства безъ производительнаго употребленія. Ни рабочіе не могутъ найти доступа къ производительной дѣятельности, ни средства производства придти въ движеніе».

Далѣе, если даже и имѣется состоятельный предприниматель, онъ возьмется за дѣло лишь въ томъ случаѣ, если дѣло обѣщаетъ ему достаточный барышъ. Но пусть предпріятіе пошло въ ходъ, и трудъ соединился съ капиталомъ для производительной дѣятельности. Все же нѣтъ никакой гарантіи, что производство приняло, съ точки зрѣнія всего общества, наиболѣе выгодное направленіе, такъ какъ частная собственность ограничиваетъ свободу размѣщенія производительныхъ силъ страны и нерѣдко приковываетъ ихъ къ такому пункту, на которомъ невозможно наиболѣе производительное примѣненіе этихъ силъ.

«Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе, разумнѣе, понятнѣе, какъ то, что богатство націи опредѣляется количествомъ объективныхъ средствъ производства, которыми она владѣетъ и которыя она желаетъ утилизировать, и количествомъ труда, моторый она можетъ и желаетъ примѣнить къ дѣлу. Казалось бы, что могло бы быть нелѣпѣе устройства, которое парализовало бы желаніе и возможность производства, осуждало бы готовность къ труду на праздность, машины на бездѣйствіе и матеріалъ производства на порчу? Однако, въ современномъ устройствѣ общества эта нелѣпость есть дѣйствительность. Ни одна нація, при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ, не настолько богата, насколько она можетъ быть богата, и разсчетъ Шевалье — что, при равномъ раздѣленіи французскаго національнаго дохода, каждый французъ превратился бы въ бѣдняка — есть, въ дѣйствительности, жесточайшая критика современнаго порядка вещей... Размѣръ національнаго производства не опредѣляется нынѣ размѣромъ имѣющихся средствъ производства, но случайными обстоятельствами, которыя столь же часто позволяютъ, какъ и препятствуютъ

пользованію средствами производства. Среди всеобщей нужды, трудъ и капиталъ могутъ быть обществу совершенно безполезны... Но и тогда, когда «конъюнктура» допускаетъ утилизированіе средствъ производства, они не могутъ быть примѣнены наиболѣе производительнымъ образомъ. Ибо частная собственность на землю и капиталъ монополизируетъ даже прогрессъ производительности и нерѣдко ведетъ, при случайности распредѣленія собственности, къ устройству предпріятій тамъ, гдѣ они являются наименѣе производительными».

Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда, капиталистическое хозяйство не только не есть идеалъ, какимъ его считаютъ экономисты, но заключаетъ въ себѣ условія, прямо препятствующія полному развитію производительныхъ силъ общества. Съ точки зрѣнія справедливости распредѣленія общественнаго продукта, капиталистическое хозяйство подлежитъ еще болѣе суровой критикѣ.

Ученіе Родбертуса о распредѣленіи народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ представляетъ собой настоящій шедевръ неумолимо логическаго развитія одной основной идеи — трудовой теоріи цѣнности. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что это ученіе есть не только наиболѣе послѣдовательное, но даже, безусловно, *единственно* послѣдовательное развитіе трудовой теоріи. И Рикардо, и Марксъ были, сравнительно съ Родбертусомъ, эклектиками. Только теорія прибыли на капиталъ — но *не земельной ренты*—построена Рикардо и Марксомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ теоріей трудовой цѣнности. И лишь въ ученіи Родбертуса теорія какъ прибыли, такъ и земельной ренты находится въ полномъ согласіи съ признаніемъ труда единственнымъ факторомъ цѣнности.

Но мы видѣли, что трудовая теорія цѣнности допускаетъ весьма различныя толкованія. Мы познакомились пока съ двумя варіантами этой теоріи. Согласно общему варіанту (принадлежащему Рикардо), трудъ есть *не единственный, но важнѣйшій объективный факторъ цѣны* свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Трудовая теорія цѣнности Рикардо есть въ то же время теорія издержекъ производства: трудъ лишь постольку вліяетъ на цѣны, поскольку онъ опредѣляетъ издержки производства.

По ученію англійскаго экономиста, между относительными затратами труда на производство различныхъ товаровъ и относительными мѣновыми цѣнностями послѣднихъ существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе, но соотвѣтствіе весьма грубое и несовершенное, къ тому же постоянно нарушаемое колебаніями спроса и предложенія. Въ одномъ изъ не такъ давно опубликованныхъ писемъ Рикардо къ Макъ-Куллоху, содержится любопытное мѣсто, проливающее яркій свѣтъ на то, какъ смотрѣлъ творецъ трудовой теоріи цѣнности на свою собственную теорію.

Вотъ это мѣсто. «Я думаю иногда,—пишетъ Рикардо,—что если бы

мнѣ пришлось снова написать главу о цѣнности въ моей книгѣ, я призналъ бы, что относительная цѣнность продуктовъ регулируется двумя причинами, а не одной: а именно, относительнымъ количествомъ труда, требующагося для производства данныхъ продуктовъ, и размѣромъ прибыли, получаемой за то время, въ теченіе котораго капиталъ былъ занятъ и которое прошло, пока продукты не поступили на рынокъ». Но не будучи доволенъ своимъ изложеніемъ теоріи цѣнности, Рикардо въ тѣхъ же письмахъ энергично настаиваетъ на справедливости своей основной идеи, что «великимъ (т.-е., строго говоря, главнѣйшимъ. *М. Т.-Б.*) регуляторомъ цѣнности является количество труда, потребнаго для производства оцѣниваемаго предмета».

Такова теорія цѣнности Рикардо. Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ трудъ есть важнѣйшій объективный регуляторъ среднихъ товарныхъ цѣнъ. Совершенно иначе понималъ трудовую теорію цѣнности Прудонъ. Для него трудовая цѣнность есть далеко недостигнутый современнымъ обществомъ хозяйственный идеалъ — равнаго и справедливаго вознагражденія рабочихъ. Для Рикардо трудовая теорія есть теорія существующаго капиталистическаго строя; для Прудона— революціонная теорія будущаго, теорія освобожденія пролетаріата.

Кто же изъ двоихъ правъ? Такъ какъ Рикардо и Прудонъ понимаютъ трудовую теорію различно, то оба они могутъ быть правы. Какъ мы видѣли въ предыдущемъ «Очеркѣ», Марксъ противопоставлялъ Рикардо Прудону. Но, конечно, самъ Рикардо никогда не согласился бы, чтобы его теорія доказывала осуществленіе въ современномъ хозяйственномъ строѣ того требованія экономической справедливости, которое выставлялъ Прудонъ. Рикардо призналъ бы, вѣроятно, трудовую цѣнность въ смыслѣ Прудона утопіей, но ужъ, разумѣется, онъ усмотрѣлъ бы въ толкованіи его теоріи Марксомъ безцеремоннѣйшее искаженіе его мыслей. Точно также Прудонъ, называя трудовую теорію цѣнности революціонной теоріей будущаго, охотно бы призналъ, что теорія Рикардо ничего революціоннаго въ себѣ не заключаетъ и всецѣло покоится въ настоящемъ.

Итакъ, мы знаемъ пока двѣ трудовыхъ теоріи цѣнности: одна теорія признаетъ трудъ производства (точнѣе воспроизводства) важнѣйшимъ регуляторомъ среднихъ товарныхъ цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ; другая теорія конструируетъ понятіе трудовой цѣнности, какъ полной пропорціональности между трудовыми затратами и мѣновыми отношеніями продуктовъ, и признаетъ такую трудовую цѣнность хозяйственнымъ идеаломъ, равнозначущимъ полному господству справедливости въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Обѣ теоріи не противорѣчатъ другъ другу и могутъ быть одновременно вѣрны.

Но существуетъ еще третья трудовая теорія цѣнности, или третій варіантъ этой теоріи. Согласно этой теоріи, или этому варіанту, цѣнность, сама по себѣ, есть ничто иное, какъ общественный трудъ, какъ

бы заключенный, кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ. Въ этомъ смыслѣ трудъ есть субстанція, существо, природа цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности признаетъ трудъ—и при томъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ—не верховнымъ или важнѣйшимъ факторомъ цѣнности, а самой цѣнностью, единственной цѣнностью. Только трудъ—и ничего больше—образуетъ цѣнность—все, что не содержитъ въ себѣ человѣческаго труда, не содержитъ въ себѣ и цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности находится въ очевидномъ противорѣчіи какъ съ первымъ варіантомъ трудовой теоріи—по которому трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности — такъ и со вторымъ, по которому трудовая цѣнность есть хозяйственный идеалъ. Ибо если уже *теперь* абсолютная трудовая цѣнность осуществлена, то она не можетъ быть идеаломъ *будущаго*.

Родбертусъ сдѣлалъ болѣе всякаго другого для раскрытія глубочайшаго, до сихъ поръ еще не разъясненнаго, сокровеннаго смысла трудовой теоріи цѣнности, которая поистинѣ играетъ роль загадки сфинкса въ новѣйшей политической экономіи. Уже многочисленность варіантовъ трудовой теоріи цѣнности, а еще болѣе, то весьма любопытное обстоятельство, что трудовая теорія, по мѣрѣ своего развитія, принимала все болѣе абсолютную форму и изъ скромнаго утвержденія, что трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности, превратилась—въ системѣ Родбертуса и Маркса — въ признаніе труда единственной субстанціей цѣнности — заставляетъ думать, что въ трудовой теоріи скрывается какая-то глубокая истина. И именно послѣдняя, новѣйшая форма трудовой теоріи — абсолютная теорія Родбертуса и Маркса, — легче всего доступная критикѣ, опровергнутая тысячи разъ и находящаяся въ вопіющемъ противорѣчіи съ очевиднѣйшими экономическими фактами, является, на нашъ взглядъ, наиболѣе многозначительной. Мы не считаемъ эту абсолютную теорію истинной — слишкомъ очевидны ея натяжки и слишкомъ произволенъ ея основной тезисъ, который не только никогда никѣмъ не былъ доказанъ, но и безусловно недоказуемъ. Опровергнуть эту теорію, повторяемъ, не трудно — и она уже, несомнѣнно, окончательно опровергнута и отвергнута наукой. Но есть же въ этой теоріи какая-то таинственная сила, какое-то непонятное очарованіе, если, несмотря на очевиднѣйшія, какъ дважды два, опроверженія, она продолжаетъ жить и не теряетъ своей власти надъ умами!

Въ чемъ же заключается великая и пока не разгаданная тайна трудовой теоріи цѣнности? Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ съ полной точностью и опредѣленностью въ слѣдующемъ «Очеркѣ», посвященномъ Марксу. Теперь же вернемся къ ученію о цѣнности Родбертуса.

Этотъ удивительно ясный, прямо прозрачный, логическій умъ, все построеніе котораго развертывается съ наглядной неотразимостью гео-

метрической теоремы, внезапно теряетъ свою ясность и опредѣленность именно въ этомъ центральномъ вопросѣ всякой экономической системы. Несомнѣнно, что Родбертусъ былъ сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности. Но въ какомъ ея варіантѣ? На это можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ—во всѣхъ трехъ варіантахъ.

Въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatwirthschaftlichen Zustände» (1842 г.) Родбертусъ даетъ весьма замѣчательное обоснованіе трудовой теоріи цѣнности, которое могло бы покончить съ загадкой сфинкса, если бы авторъ не остановился на полдорогѣ. Родбертусъ указываетъ, что въ производствѣ участвуютъ три фактора—трудъ, орудія производства и земля, которые, въ техническомъ смыслѣ, совершенно однородны. Машина замѣняетъ рабочаго и, какъ средство производства, ничѣмъ по существу не отличается отъ рабочаго. Технологія не имѣетъ никакого основанія проводить принципіальное различіе между человѣкомъ и прежними факторами производства. Напротивъ, съ точки зрѣнія политической экономіи, человѣческая рабочая сила принципіально, по самому существу, отличается отъ всѣхъ другихъ производительныхъ агентовъ. Съ экономической точки зрѣнія, единственной затратой производства является человѣческій трудъ — и ничего больше. «Трудъ есть единственный элементъ въ производствѣ благъ, имѣющій значеніе съ точки зрѣнія стоимости. Нужно, однако, выяснить самое понятіе стоимости. Оно содержитъ въ себѣ нѣчто больше простого признанія необходимости чего-либо для производства другого. Оно означаетъ, по самой своей сущности, какъ то, что затрата должна быть сдѣлана,—затрата,—не могущая, поэтому, одновременно служить для чего-либо другого, такъ и то, что затрата эта должна быть сдѣлана опредѣленнымъ лицомъ, не могущимъ поэтому ее повторить. Изъ послѣдняго слѣдуетъ, что лишь человѣкъ что либо можетъ стоить... Матеріалъ не принадлежитъ къ числу затратъ на производство блага, ибо стоимость блага опредѣляется для насъ лишь затратами дѣлаемыми самимъ человѣкомъ».

Поэтому, Родбертусъ считаетъ себя въ правѣ признавать единственной производительной силой трудъ, а землю и капиталъ — лишь условіями производства, непосредственно вліяющими на производительность труда. «Въ каждомъ производствѣ,—говоритъ Родбертусъ въ другой своей книгѣ «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes»,—участвуютъ силы природы; безъ ихъ помощи трудъ не могъ бы ничего произвести; даже болѣе—*технически* матеріальный трудъ участвуетъ въ производствѣ отнюдь не иначе, чѣмъ помогающая ему природа, ибо трудъ сводится къ матеріальному передвиженію части матеріи. Но *экономически* всякій продуктъ, который, благодаря труду, становится для насъ (хозяйственнымъ) благомъ, долженъ быть отнесенъ исключительно на счетъ *человѣческаго труда* благодаря тому, что трудъ есть единственная первоначальная сила и также единственная

первоначальная затрата, съ которой считается *человѣческое хозяйство*. Поэтому, тамъ, гдѣ трудъ получаетъ большую помощь отъ природы, *трудъ* дѣлается, съ экономической точки зрѣнія, *производительнѣе*, а не часть трудоваго продукта относится на счетъ силъ природы».

Признаніе труда единственной производительной силой требуетъ признанія, что «только тѣ блага принадлежатъ къ числу хозяйственныхъ, которыя стоили труда... Всѣ прочія блага, какъ бы они ни были необходимы или полезны человѣку, суть *естественныя* блага, до которыхъ человѣческому хозяйству нѣтъ никакого дѣла». (Третье «Соціальное письмо» къ Кирхману).

Каково же соотношеніе между трудовой *стоимостью* и *цѣнностью* продукта?

На это Родбертусъ даетъ противорѣчивые отвѣты. Такъ, онъ категорически утверждаетъ, что «то, что Рикардо признавалъ дѣйствительностью (трудовая цѣнность) есть лишь наше требованіе, есть лишь величайшая и практически-важнѣйшая политико-экономическая идея», и упрекаетъ Маркса въ томъ, что онъ еще «не освободился отъ индивидуалистической скорлупы, признавая трудовую цѣнность реализованной уже въ нынѣшнемъ хозяйственномъ строѣ, между тѣмъ какъ достигнуть ея реализаціи мы можемъ лишь путемъ законодательства».

При существованіи частной собственности на землю и капиталъ не только рыночныя цѣны не совпадаютъ съ относительными трудовыми затратами на производство продуктовъ, но даже и среднія цѣны *не могутъ* совпадать съ трудовой стоимостью—и по слѣдующей причинѣ. При современныхъ условіяхъ хозяйства большая часть хозяйственныхъ предметовъ, повышаясь по ступенямъ производства, переходитъ изъ одного предпріятія въ другое (въ одномъ предпріятіи добывается сырье, въ другомъ оно превращается въ полуфабрикатъ и т. д.). «Допустимъ—говоритъ Родбертусъ въ своемъ четвертомъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману,—что производство извѣстнаго блага раздѣляется на четыре ступени, требующія равнаго количества труда и являющіяся достояніемъ особыхъ предпріятій. Если бы на каждой ступени цѣнность совпадала съ трудовой затратой, то цѣнность, создаваемая на каждой изъ этихъ ступеней производства, должна была бы быть равна. На самомъ же дѣлѣ, послѣдній предприниматель, дающій занятіе не большему числу рабочихъ, чѣмъ первый или второй, долженъ начислить на свой продуктъ большую прибыль, чѣмъ первый и второй. Ибо въ послѣднемъ предпріятіи матеріалъ, поступающій въ обработку стоитъ большаго труда и имѣетъ, поэтому, большую цѣнность, чѣмъ матеріалъ второго предпріятія. Отсюда слѣдуетъ, что если бы продукты второго и послѣдняго предпріятія расцѣнивались пропорціонально затратамъ труда, одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ, то процентъ прибыли въ послѣднемъ предпріятіи былъ бы ниже, чѣмъ во второмъ. Но такъ какъ конкуренція требуетъ равныхъ процентовъ прибыли, то и положеніе, что

цѣнность пропорціональная трудовой стоимости, гарантируетъ достаточную прибыль капиталисту, должно быть видоизмѣнено. И я не только никогда не смотрѣлъ на этотъ вопросъ иначе — прибавляетъ Родбертусъ—но даже думаю, что я первый между политикоэкономами доказалъ, что въ этомъ случаѣ принимаемый англійской школой законъ тяготѣнія рыночной цѣнности къ трудовымъ затратамъ требуетъ ограниченія».

Иными словами, Родбертусъ указываетъ, что, благодаря закону равенства прибылей, продукты, для производства которыхъ требуется равная затрата труда, но различная затрата капитала, должны имѣть не равную, а различную цѣнность, и именно цѣнность, пропорціональную затратамъ капитала, а не труда. То же самое, только въ болѣе общей формѣ, утверждалъ, какъ мы видѣли, и Рикардо. Поэтому, Родбертусъ безусловно неправъ приписывая себѣ открытіе указаннаго ограниченія закона трудовой расцѣнки и утверждая, что школа Рикардо принимала этотъ послѣдній законъ безъ всякихъ ограниченій. Какъ разъ наоборотъ: ученіе о цѣнности Рикардо покоилось, именно, на этомъ ограниченіи, сущность котораго сводится къ тому, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ среднія цѣны тяготѣютъ *не къ трудовымъ затратамъ*, а къ *издержкамъ производства*.

Итакъ, Родбертусъ цѣликомъ принимаетъ ученіе о цѣнности Рикардо, по которому трудъ играетъ въ современномъ хозяйствѣ роль *важнѣйшаю*, но *не единственнаго* регулятора среднихъ цѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Прудону, Родбертусъ признавалъ *конституированіе* цѣнности—созданіе такой экономической организаціи, которая прекратила бы колебанія цѣнъ и привела бы ихъ въ строгое соотвѣтствіе съ трудовой стоимостью каждаго продукта—важнѣйшей задачей экономическаго законодательства. Трудовая цѣнность для Родбертуса, какъ и для Прудона, была осуществленіемъ соціальнаго идеала равенства и справедливости, идеала, котораго общество достигнетъ въ полномъ размѣрѣ лишь тогда, когда исчезнетъ частная собственность на землю и капиталъ, и когда «общество замѣнитъ законами разума» дѣйствующіе въ настоящее время такъ называемые «естественные законы».

Все это вмѣстѣ не даетъ, повидимому, никакого права зачислять Робертуса въ число сторонниковъ абсолютной трудовой теоріи, согласно которой трудъ уже и теперь есть единственная субстанція цѣнности. И однако, не взирая на столь категорическія заявленія Родбертуса, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ, еще болѣе Маркса, повиненъ въ томъ грѣхѣ, въ которомъ онъ упрекалъ послѣдняго—а именно въ «признаніи трудовой цѣнности реализованной уже въ настоящемъ строѣ».

Вся теорія земельной ренты Родбертуса покоится (какъ мы увидимъ ниже) на абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Отвергая эту

послѣднюю теорію въ своемъ общемъ ученіи о цѣнности, Родбертусъ исходитъ, именно, изъ нея въ своемъ ученіи о распредѣленіи.

Но и въ ученіи о цѣнности Родбертуса имѣется мостъ, перебрасываемый нашимъ мыслителемъ черезъ бездну, отдѣляющую теорію издержекъ производства отъ абсолютной трудовой теоріи. Этимъ мостомъ является утвержденіе Родбертуса, что трудовая цѣнность, хотя и не реализуется полностью въ современномъ хозяйствѣ, но все же составляетъ центръ, къ которому тяготѣютъ и вокругъ котораго колеблются цѣны. «Хотя рыночная цѣна,—говоритъ Родбертусъ,—подчиняется въ предоставленномъ самому себѣ мѣновомъ хозяйствѣ, владычеству случайнаго спроса и предложенія, все же цѣна, во всякомъ случаѣ, *тяготѣетъ* къ затраченной на производство продукта производительной силѣ, къ стоимости продукта. Цѣна имѣетъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе придти въ соотвѣтствіе съ справедливымъ принципомъ оплаты». (Второе «Соціальное письмо»).

«...Цѣнность, въ дѣйствительной жизни рыночная цѣна, то падаетъ ниже центральнаго пункта, устанавливаемаго трудовой затратой, то подымается выше его, потому что въ предоставленномъ самому себѣ обращеніи нѣтъ высшей регулирующей руки... Но рыночная цѣна, по крайней мѣрѣ, постоянно тяготѣетъ къ этому пункту». (Третье «Соціальное письмо»).

Нечего и говорить, что это, безусловно, невѣрно. Трудовая стоимость вовсе не есть центръ притяженія рыночныхъ цѣнъ. Такимъ центромъ притяженія являются въ капиталистическомъ хозяйствѣ отнюдь не трудовыя затраты, а издержки производства — и это призналъ самъ Родбертусъ. (См. вышеприведенную цитату изъ 4-го «Соціальнаго письма»). *Черезъ* издержки производства трудовая затрата могущественно вліяетъ на цѣны, но, *помимо* издержекъ производства, *сама по себѣ* трудовая стоимость не оказываетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ абсолютно никакого вліянія на цѣны. Такова теорія цѣнности Рикардо, принятая и Родбертусомъ.

Но Родтбертусу, для его теоріи распредѣленія, требуется абсолютная трудовая цѣнность, и вотъ онъ ее вводитъ контрабандным путемъ, съ задняго хода. Оказывается, что трудовая затрата, сама по себѣ, какимъ-то мистическимъ образомъ, управляетъ средними цѣнами товаровъ. Но если такъ, то какой смыслъ имѣетъ цитированное разсужденіе Родбертуса, убѣдительно доказавшаго, что законъ равенства прибыли препятствуетъ въ современномъ хозяйствѣ совпаденію съ трудовыми затратами даже и среднихъ товарныхъ цѣнъ?

Въ итогѣ, ученіе о цѣнности автора «Соціальныхъ писемъ», несмотря на отдѣльныя глубокія мысли, противорѣчиво и незаконченно. Не подлежитъ сомнѣнію, что Родбертусъ одновременно придерживался взаимоисключающихъ варіантовъ трудовой теоріи. Не довольствуясь признаніемъ абсолютной трудовой цѣнности идеаломъ будущаго, онъ

не могъ освободиться отъ мысли, что и въ настоящемъ трудовая цѣнность какимъ-то таинственнымъ образомъ господствуетъ надъ средними цѣнами, и въ то же время придерживался совершенно противоположной теоріи издержекъ производства.

На такомъ зыбкомъ фундаментѣ было бы трудно построить логически-стройную теорію распредѣленія. Но Родбертусъ обходитъ это затрудненіе, разсѣкая гордіевъ узелъ, распутать который онъ оказался не въ силахъ. Онъ какъ бы совершенно забываетъ о томъ, что, по его собственному признанію, регуляторомъ среднихъ цѣнъ является въ настоящее время не трудъ, а издержки производства, онъ исходитъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ изъ положенія, что трудовая затрата есть реальный центръ, вокругъ котораго колеблются цѣны—иначе говоря, исходитъ изъ абсолютной трудовой теоріи. Такимъ путемъ Родбертусъ достигаетъ чрезвычайной стройности и послѣдовательности въ своемъ ученіи о распредѣленіи, но въ ущербъ его объективной правильности. Ложная посылка, лежащая въ основаніи всего научнаго зданія, воздвигнутаго Родбертусомъ, привела съ логической неизбѣжностью къ ложному ученію о земельной рентѣ. Поэтому, теорія распредѣленія Родбертуса есть вмѣстѣ и высшее торжество, и уничтожающее пораженіе абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Торжество потому, что только теорія Робертуса есть безусловно послѣдовательное, *до самаго конца*, безъ всякихъ ограниченій, развитіе абсолютной трудовой теоріи; пораженіе же потому, что это логическое развитіе оказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, reductio ad absurdum трудовой теоріи.

Но несмотря на все это, ученіе о распредѣленіи Родбертуса есть одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній человѣческаго ума. Оно развито, главнымъ образомъ, во второмъ и третьемъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману. Строго слѣдуя своему методу—синтетическаго изученія всего народнаго хозяйства въ совокуиности — Родбертусъ объясняетъ происхожденіе составныхъ элементовъ народнаго дохода т.-е., заканчиваетъ дѣло Рикардо, открывшаго взаимную зависимость этихъ элементовъ, ихъ соотношеніе, какъ опредѣленныхъ *долей* общественнаго дохода, но и не ставившаго вопросъ объ ихъ происхожденіи и соціальномъ значеніи. Все это исполнено Родбертусомъ съ неподражаемымъ мастерствомъ.

Результатомъ производительной дѣятельности общества является коллективное созданіе общественнаго продукта. Часть этого общественнаго продукта совсѣмъ не предназначена для общественнаго потребленія и идетъ на возмѣщеніе израсходованнаго и уничтоженнаго во время процесса производства общественнаго капитала—иначе говоря средствъ производства. Другая часть распредѣляется между общественными классами, и прежде всего между тремя классами, непосредственно владѣющими тремя основными производительными факторами—трудомъ, капиталомъ и землей—рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. «Рабочая плата, рента, земельная рента, прибыль на ка-

питалъ суть соціальные факты и понятія,—говоритъ Родбертусъ,—т.-е. факты и понятія, которые существуютъ лишь потому, что соотвѣтствующія лица соединены узами раздѣленія труда въ одно общество. При принципіальномъ объясненіи заработной платы, ренты и пр. можно, разсматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр., какъ цѣлое, такъ что можно мыслить все общество, какъ состоящее изъ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующіе дальнѣйшее раздѣленіе заработной платы, земельной ренты и прибыли на капиталъ между отдѣльными рабочими, отдѣльными землевладѣльцами и отдѣльными капиталистами суть иные законы, чѣмъ тѣ, которые устанавливаютъ распаденіе общественнаго продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образуетъ всякій доходъ, получаемый безъ собственнаго труда, исключительно въ силу владѣнія имуществомъ. Что такой доходъ имѣется къ обществѣ—это не можетъ быть никѣмъ оспариваемо, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что имущество, которымъ владѣютъ, есть результатъ собственнаго труда владѣльца. Рентой является, поэтому, какъ земельная рента, такъ и прибыль, и процентъ на капиталъ».

Какимъ же образомъ возникаетъ рента? Съ точки зрѣнія Родбертуса, единственной производительной силой является трудъ, всѣ продукты суть продукты труда и только труда. Но, между тѣмъ, рента не есть результатъ труда получающаго ее лица. Слѣдовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновенія ренты необходимы два слѣдующихъ основныхъ условія: «Во-первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ больше того, что требуется, по крайней мѣрѣ, для продолженія труда рабочаго; ибо, если такого избытка нѣтъ, то никто не можетъ получать доходъ, не работая лично. Во-вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не имѣется учрежденій, лишающихъ рабочихъ всего или доли этого избытка и передающихъ его другимъ, лично не работающимъ, ибо рабочіе по самому существу дѣла являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа даетъ этотъ избытокъ—основывается на хозяйственныхъ причинахъ, повышающихъ производительность труда. То же, что этотъ избытокъ частью или цѣликомъ отбирается у рабочихъ и поступаетъ въ пользу другихъ—основывается на положительномъ правѣ, которое съ самаго своего возникновенія покоилось на силѣ и повынѣ лишь путемъ принужденія лишаетъ рабочихъ части созданнаго ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовыя формы дохода, первоначально было *рабство*. Рабочіе, изготовлявшіе общественный продуктъ, были рабами своего господина, оставлявшаго рабамъ лишь такую долю ихъ продукта, которая была имъ строго необходима для поддержанія ихъ жизни и работоспособности. Но рабство возникаетъ лишь на опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ общества, благодаря тому, что на болѣе раннихъ ступеняхъ трудъ слишкомъ мало произ-

водителенъ и не могъ бы создать никакого избыточнаго продукта для своего господина. Поэтому, наиболѣе первобытныя племена не обращаютъ своихъ плѣнниковъ въ рабство, а просто убиваютъ ихъ.

Въ настоящее время рабства не существуетъ, но отсутствіе средствъ производства у рабочихъ и принадлежность земли и капитала другимъ лицамъ оказываетъ на рабочихъ такое же принудительное дѣйствіе, какъ и рабство. «Приказанія рабовладѣльца замѣнены договоромъ рабочихъ со своимъ хозяиномъ, но этотъ договоръ только формально, а не матеріально, свободенъ, и голодъ почти вполнѣ замѣняетъ плеть. Что называлось раньше кормомъ для рабовъ, теперь называется заработной платой».

Причиной увеличенія производительности труда, сдѣлавшей возможной ренту, было раздѣленіе труда. «Въ изолированномъ состояніи—до раздѣленія труда—наши потребности превосходятъ наши силы; въ общественномъ состояніи—при раздѣленіи труда—наши силы превосходятъ наши потребности». Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и эксплуатація однихъ членовъ общества другими, распаденіе общества на работающіе и неработающіе классы, причемъ послѣдніе присваиваютъ себѣ большую или меньшую долю продукта первыхъ. «Утвержденіе экономистовъ, что, по крайней мѣрѣ, первоначально земля, капиталъ и рабочій продуктъ принадлежали самимъ рабочимъ, не только не согласуется съ исторіей, но даже, наоборотъ, исторія показываетъ, что первоначально не только земля, капиталъ и рабочій продуктъ, но даже и самъ рабочій принадлежали другимъ лицамъ, что первичная система эксплуатаціи была настолько же тяжелѣе современной, насколько рабство тяжелѣе земельной и капитальной собственности».

Получивъ свободу, рабочій не получилъ ничего, кромѣ свободы. Онъ не получилъ ни земли, ни капитала, требуемыхъ для производства. И то, и другое было собственностью другихъ лицъ. Такое положеніе вещей должно было неизбѣжно привести къ тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками рабочаго продукта, рабочему было предоставлено пользованіе *частью* произведеннаго имъ продукта, какъ своей заработной платой. «Если трудъ достаточно производителенъ, и существуетъ право собственности на землю и капиталъ, то неизбѣжно должно произойти само собой, что рабочіе будутъ получать, какъ свой доходъ, только часть своего рабочаго продукта, а остальная часть поступитъ въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ».

Такимъ образомъ объясняетъ Родбертусъ происхожденіе ренты—нетрудового дохода вообще. Но въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ рента, въ свою очередь, распадается на два различныхъ дохода—доходъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ—прибыль и земельную ренту. На чемъ же основывается это распаденіе?

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ.

(Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля).

(*Окончаніе* *).

VII.

Популярность Букера и огромная способность его, какъ воспитателя и организатора, повели къ тому, что его пригласили устроить школу въ Тёскиджи, тоже для негровъ, по образцу Гамптонской.

Городокъ Тёскиджи находился въ мѣстности, гдѣ негрское населеніе оказывалось преобладающимъ въ своей численности и гдѣ учебное заведеніе для чернокожихъ естественно представлялось самою насущною потребностью времени. Но для негровъ ничего еще не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ, и какъ чернокожее, такъ и бѣлое населеніе одинаково стремилось къ этому—въ виду того, что представители обоихъ племенъ хорошо уживались здѣсь другъ съ другомъ. Къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, правительство Алабамы постановило наконецъ открытіе въ Тёскиджи общеобразовательной и промышленной школъ, а городъ, съ своей стороны, предложилъ этой школѣ ежегодную субсидію въ размѣрѣ двухъ тысячъ долларовъ. Но этой суммы не могло хватить ни на что, кромѣ оплаты учительскаго и воспитательскаго персонала, и вопросъ о томъ, на какія средства соорудить школьное зданіе и обставить его всѣми необходимыми учебными пособіями, оставался открытымъ.

Такимъ образомъ, по прибытіи въ Тёскиджи, Букеръ Вашингтонъ узналъ, что школа существуетъ только въ проектѣ, практическое выполненіе котораго всецѣло ложилось на него. Будущему руководителю школы не было даже приготовлено никакого помѣщенія. Букеръ принужденъ былъ поселиться въ небольшой хижинѣ, находившейся въ такомъ печальномъ состояніи, что въ дождливую погоду ему приходилось завтракать подъ зонтикомъ, а по открытіи занятій—и читать, прикрываясь зонтикомъ, ибо иначе книга совершенно размокла бы отъ потоковъ воды, лившейся сквозь дырявую крышу и потолокъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь, 1902 г.

Однако, прежде, чѣмъ приступить къ занятіямъ и къ дальнѣйшему обсужденію школьнаго проекта, Букеръ нашелъ нужнымъ хорошенько ознакомиться съ истинными нуждами мѣстнаго населенія. Съ этою цѣлью онъ не только обходилъ дома негровъ, живущихъ въ городѣ, но и совершилъ цѣлое путешествіе въ небольшой телѣжкѣ, запряженной муломъ, по мѣстамъ, прилежащимъ къ городу. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца разъѣзжалъ онъ такимъ образомъ изъ одной деревушки въ другую, вступая въ разговоръ съ неграми, проводя ночи въ ихъ хижинахъ и раздѣляя ихъ скудную пищу. Повсюду поражала его при этомъ та же безкультурность, то же невѣжество и то же стремленіе къ благамъ внѣшней, поверхностной цивилизаціи, какія онъ наблюдалъ и раньше въ Мальденѣ.

«Я долженъ признаться,— пишетъ Букеръ,—что все видѣнное мною за этотъ мѣсяцъ моихъ разъѣздовъ и разслѣдованій произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе. Предстоящая мнѣ задача возвышенія этого народа показалась мнѣ почти невыполнимой. Она лежала на мнѣ одномъ и мнѣ думалось, что съ моими небольшими силами я не смогу сдѣлать ничего, что дало бы ощутительные результаты».

Однако, всѣ эти сомнѣнія, на время смутившія душу Букера, уступили мѣсто новой рѣшимости. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, видѣлъ онъ, что система образованія негровъ должна быть значительно расширена и углублена по сравненію съ общеобразовательною системою американскихъ бѣлыхъ и что новая школа должна взять на себя ту же воспитательную и цивилизующую роль, какую играла школа Гамптона. Но для начала нужно было собрать и начать обучать хоть маленькую горсточку негрской молодежи, которая нетерпѣливо ждала открытія школы. Большинство бѣлаго населенія Тёскиджи, какъ было уже сказано, относилось къ образовательнымъ стремленіямъ негровъ вполнѣ сочувственно. Находились однако и такіе, которые боялись, чтобы, получивъ образованіе, негры не стали отказываться отъ земледѣлія и промышленнаго труда и такимъ образомъ не понизили производительныхъ силъ страны. «Этимъ людямъ трудно было представить себѣ, какое иное воздѣйствіе могло бы произвести на негровъ воспитаніе и образованіе», говоритъ Букеръ.

При такихъ-то условіяхъ состоялось наконецъ, въ іюлѣ 1881 г., открытіе школы. Въ этотъ день въ школу явились тридцать учениковъ, на половину юношей, на половину дѣвушекъ. Число желающихъ обучаться было гораздо значительнѣе, но рѣшено было принимать пока только учениковъ не моложе пятнадцатилѣтняго возраста и при томъ— имѣющихъ уже нѣкоторую образовательную подготовку. Большинство принятыхъ занималось прежде учительствомъ въ маленькихъ деревенскихъ школахъ; нѣкоторые изъ нихъ достигали сорокалѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ этими «учителями» явился въ школу и кое-кто изъ ихъ бывшихъ учениковъ, причемъ на вступительномъ экзаменѣ ока-

зывалось иногда, что ученики знаютъ больше своего учителя. Въ общемъ познаніи поступающихъ отличались крайнею безсистемностью и обнаруживали отсутствіе какихъ-либо разумныхъ критеріевъ въ дѣлѣ образованія. Многіе изъ экзаменующихся похвалялись толщиною прочитанныхъ ими книгъ и, такъ сказать, мудреностью изучаемыхъ ими предметовъ. Нѣкоторые изъ нихъ учились латинскому языку, одинъ или два пытались даже овладѣть греческимъ языкомъ. Многіе вызубривали самыя сложныя правила грамматики и математики, не имѣя ни малѣйшаго представленія о примѣненіи этихъ правилъ. Одинъ изъ поступающихъ заучилъ формулу извлеченія кубическихъ корней, не зная хорошенько даже таблицы умноженія.

Тѣмъ не менѣе, Букеръ скоро замѣтилъ, что всѣ эти молодые люди были полны любознательности, настоящаго стремленія къ свѣту. Они только не умѣли найти пути, по которому нужно было идти къ нему. Но всѣ указанія учителя принимались ими съ величайшимъ вниманіемъ и готовностью исправить свои ошибки.

Число учениковъ возрастало съ каждою недѣлею. Черезъ полтора мѣсяца послѣ открытія школы на помочь Букеру явилось еще одно лицо, новая учительница школъ, миссъ Оливія Дэвидсонъ, которая впослѣдствіи, сблизившись съ Букеромъ въ процессѣ дружной совмѣстной работы, сдѣлалась его женою. Несмотря на то, что въ своихъ воспоминаніяхъ Букеръ говоритъ о ней весьма сдержанно, не вдаваясь въ подробности, которыя могли бы художественно обрисовать ея обликъ, нельзя не видѣть, что эта молодая негритянка отличалась и умомъ, и нѣжностью сердца, и какою-то особенною, можно сказать принципіальною, выдержкою во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ. Она родилась и получила первоначальное воспитаніе въ Огіо, одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, но уже въ очень ранніе годы получила склонность примѣнить свои силы и педагогическія способности въ южныхъ штатахъ, которые дѣйствительно гораздо больше нуждались въ истинныхъ просвѣтителяхъ. Нѣкоторое время она была учительницей въ штатѣ Миссисипи, причемъ проявила рѣдкую сердечность и самоотверженіе въ отношеніи къ своимъ ученикамъ. Но опытъ привелъ ее къ тому же убѣжденію, которое было основою педагогической дѣятельности генерала Армстронга и затѣмъ Букера: она поняла, что одного книжнаго обученія недостаточно для молодого, некультурнаго племени. Чтобы ознакомиться съ болѣе разносторонею системой обученія и воспитанія, она поступила въ Гамптонскую школу, а затѣмъ, окончивъ курсъ ея, дополнила свое образованіе двухгодичнымъ курсомъ нормальной школы въ Фрэмингамѣ. Передъ тѣмъ, какъ она поступила въ Фрэмингамскую школу, кто-то посовѣтовалъ ей, въ виду исключительно бѣлаго для негритянки цвѣта ея лица *), от-

*) Кожа негровъ такъ разнообразится въ своей окраскѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя отличить отъ представителей кавказской расы. *Прим. авт.*

речься отъ принадлежности къ негрскому племени и, такимъ образомъ, поставить себя въ гораздо болѣе выгодное положеніе. Миссъ Дэвидсонъ твердо отвѣтила, что никогда въ жизни, ни при какихъ обстоятельствахъ, не согласится она ввести кого-либо въ заблужденіе относительно своей принадлежности къ презираемой расѣ чернокожихъ.

Поступивъ въ качествѣ помощницы Букера въ школу Тёскиджи, она внесла въ дѣло всю свою энергію и цѣлый рядъ разумныхъ мыслей и цѣнныхъ педагогическихъ наблюденій. Легко понять, какое подспорье нашелъ въ ней Букеръ и какъ поднялась въ немъ его собственная энергія. Постоянно занимавшая его идея широкаго практическаго воспитанія непрестанно тревожила его умъ и требовала своего скорѣйшаго осуществленія. Несмотря на то, что всѣ ученики школъ были приходящіе, Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сдѣлали все, чтобы повліять на нихъ въ чисто-культурномъ отношеніи, привить имъ привычку къ чистотѣ и порядку, научить ихъ какъ можно сознательнѣе относиться ко всѣмъ мелочамъ обыденной жизни. Но этого было недостаточно. Огромное большинство окрестныхъ жителей и вообще чернокожаго населенія Алабамы и ближайшихъ штатовъ занимались земледѣліемъ. Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сошлись въ томъ, что задачею школъ должно быть приготовленіе хорошихъ учителей, но такихъ учителей, которые, на ряду съ книжнымъ преподаваніемъ, могли бы воздѣйствовать на умственную и нравственную жизнь народа въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространять новые, лучшіе, методы земледѣльческой культуры.

Такимъ образомъ, задача школы выяснилась у обоихъ преподавателей съ полною опредѣленностью. Но средства ея осуществленія были очень неясны и составляли предметъ ихъ постоянныхъ бесѣдъ и размышленій. Въ это время—это было три мѣсяца спустя по открытіи школы—Букеръ услышалъ на городскомъ базарѣ извѣстіе о продажѣ одной заброшенной плантаціи, находившейся на разстояніи одной мили отъ города. Домъ, въ которомъ жили когда-то собственники плантаціи, сгорѣлъ, а потому земля продавалась за очень невысокую цѣну—пятьсотъ долларовъ. Собственникъ ея соглашался даже разсрочить платежъ, ограничившись пока только половиною назначенной суммы. Случай былъ рѣдкій: руководители школъ понимали, что для ихъ цѣлей имъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи хоть небольшой клочокъ земли и при томъ, конечно, по близости отъ города. И рѣчь шла только о томъ, чтобы заплатить за эту подходящую имъ землю пока хоть двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Но школа не располагала и этими средствами. Тогда Букеру пришла мысль обратиться съ просьбою о временномъ пособіи къ его хорошему знакомому, Дж. Маршалу, состоявшему казначеемъ гамптонской школы. Возвратъ просимой суммы Букеръ рѣшилъ взять на свою личную отвѣтственность.

Прошло нѣсколько дней мучительнаго ожиданія. Но зато полученный отвѣтъ содержалъ радостное извѣстіе: не считая себя въ правѣ распоряжаться средствами гамптонской школы, Дж. Маршалъ предлагалъ Букеру взять нужные ему двѣсти пятьдесятъ долларовъ изъ его личныхъ средствъ. «Признаюсь, — говоритъ Букеръ, — до этого времени мнѣ никогда еще не приходилось имѣть въ своихъ рукахъ и ста долларовъ заразъ и, сумма, объ одолженіи которой я просилъ генерала Маршала, казалась мнѣ страшно большой. Сознаніе моей отвѣтственности въ уплатѣ такихъ денегъ легло на мое сердце тяжелымъ камнемъ».

Тѣмъ не менѣе, первый шагъ въ осуществленіи поставленной цѣли былъ теперь сдѣланъ, и къ чувству тяжелой отвѣтственности присоединялась бодрая надежда. Не теряя времени, Букеръ сталъ заботиться о перенесеніи школы на пріобрѣтенную имъ землю. Изъ строеній бывшей фермы здѣсь сохранилась только маленькая полуразвалившаяся кухня, хлѣвъ и курятникъ. Но первоначальное помѣщеніе школы пріучило воспитанниковъ къ невзыскательности, и никто не былъ особенно удивленъ идеей Букера воспользоваться для классныхъ помѣщеній хлѣвомъ и курятникомъ. Оба зданія были починены и старательно вычищены руками самихъ учениковъ подъ руководствомъ и при участіи наставниковъ.

Гораздо труднѣе было Букеру провести другую свою мысль—о немедленной расчисткѣ земли подъ будущій посѣвъ. Понятіе о соединеніи образованія съ земледѣльческимъ трудомъ рѣшительно не укладывалось въ головѣ его воспитанниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе уже учителями, полагали даже, что это можетъ уронить ихъ достоинство. Но мало-по-малу Букеру удалось личнымъ примѣромъ примирить ихъ съ этимъ дѣломъ и даже пріохотить ихъ къ физическому труду. Каждый день, послѣ школьныхъ занятій, они выходили на работу, и скоро было расчищено и обработано до двадцати акровъ земли, на которой сдѣланъ былъ первый посѣвъ.

Между тѣмъ, миссъ Дэвидсонъ занялась собираніемъ средствъ для выплаты долга и дальнѣйшаго поддержанія школы. Съ этою цѣлью она устраивала маленькіе «праздники» или «ужины», провизія которыхъ состояла изъ собираемыхъ ею доброхотныхъ пожертвованій и на которыхъ собирались маленькія денежныя пожертвованія въ пользу школы. Не только чернокожее, но и бѣлое населеніе отозвалось на ея призывъ самымъ сердечнымъ образомъ. Всякій давалъ, что могъ и сколько могъ. Однажды въ комнату Букера вошла старая, одѣтая въ лохмотья негритянка и обратилась къ нему съ такою рѣчью: «М-ръ Вашингтонъ! Богу извѣстно, что лучшіе дни моей жизни прошли въ неволѣ. Богу извѣстно, какая я темная и бѣдная... Но все-таки я вѣдь знаю, надъ чѣмъ вы и миссъ Дэвидсонъ такъ стараетесь. Я вѣдь знаю, что вы стараетесь сдѣлать изъ негровъ хорошихъ людей и хо-

рошихъ женщинъ. Денегъ у меня нѣтъ, но вы ужъ не откажитесь взять эти шесть яичекъ, которыя я сберегла. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы ихъ взяли, мои шесть яичекъ, на воспитаніе этихъ юношей и этихъ дѣвушекъ». «Со времени основанія школъ въ Тёскиджи,—заключаетъ Букеръ,—мнѣ много разъ приходилось получать разныя пожертвованія въ пользу нашего заведенія, но, кажется, никогда и ни одно изъ нихъ не трогало такъ глубоко моего сердца, какъ приношеніе этой негритянки».

Сборъ пожертвованій и выручка денегъ посредствомъ разныхъ празднествъ шли настолько успѣшно, что по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени покупки земли, Букеру удалось выплатить долгъ въ двѣсти пятьдесятъ долларовъ генералу Маршалу, а еще черезъ нѣкоторое время уплачены были и отсроченные двѣсти пятьдесятъ долларовъ бывшему собственнику земли.

Такимъ образомъ положено было незыблемое основаніе, на которомъ должны были развернуться широкіе замыслы первыхъ руководителей школы. Но нужно было безостановочно идти дальше. Ученики школы были до сихъ поръ приходящими, а при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о воспитаніи ихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Необходимо было приступить къ сооруженію болѣе или менѣе обширнаго зданія съ хорошо устроенными классами и помѣщеніями для пансіонеровъ. По разсчету Букера, зданіе это должно было обойтись не менѣе, чѣмъ въ шесть тысячъ долларовъ,—а въ кассѣ не имѣлось, конечно, ни одного сента. Всѣ надежды приходилось возложить на сборы и пожертвованія, которые, дѣйствительно, не переставали понемногу притекать какъ отъ бѣлаго, такъ и отъ чернокожаго населенія городка. Къ тому же своевременная расплата за землю, а также и общій характеръ дѣятельности Букера создали уже предпріятію извѣстный кредитъ. Вскорѣ послѣ того, какъ въ населеніи распространилось извѣстіе о сооруженіи школьнаго зданія, къ Букеру явился одинъ торговецъ, изъ бѣлыхъ, и предложилъ поставку всего лѣса, необходимаго для зданія, причемъ единственною гарантіей уплаты являлось слово Букера, а срокъ ея предоставлялся его усмотрѣнію—согласно съ тѣмъ, какъ это окажется возможнымъ и удобнымъ.

Началась работа. Каждый день, по окончаніи классныхъ занятій, Букеръ выходилъ съ учениками для расчистки земли, предназначенной для зданія, и мало по-малу, несмотря на протесты нѣкоторыхъ учениковъ противъ такой тяжелой и черной работы, всѣ втягивались въ дѣло и подвигали его все быстрѣе и успѣшнѣе. Между тѣмъ миссъ Дэвидсонъ продолжала заниматься сборами. Исчерпавъ щедрость мѣстныхъ жителей, она отправилась въ сѣверные штаты, и тамъ, переѣзжая изъ одного города въ другой, неустанно занималась пропагандою дорогой ей идеи. Она не упускала случая выступить съ публичною рѣчью—въ церкви, въ воскресныхъ школахъ, указывая на необходимость

широкаго воспитанія для негровъ и прося у всѣхъ добрыхъ людей посильной помощи. Такимъ образомъ собиралась одна сотня долларовъ за другою. Букеръ и его ученики, продолжая работу на мѣстѣ, никогда не знали, что принесетъ завтрашній день, и жили въ постоянной тревогѣ. Бывали моменты, когда они рисковали потерять кредитъ, не имѣя возможности сдѣлать условленнаго платежа. Но бывали также дни, когда необходимая сумма приходила своевременно—словно чудомъ. Однажды, въ день платежа въ четыреста долларовъ, они сидѣли съ пустыми руками, но вотъ пришли почта,—денежный пакетъ, а въ немъ какъ разъ необходимая сумма отъ миссъ Дэвидсонъ.

Закладка зданія была дѣломъ настоящаго торжества для мѣстнаго населенія, и въ этотъ день бѣлые съ умиленіемъ смотрѣли на бывшихъ рабовъ своихъ, напрягавшихъ всѣ усилія для обезпеченія себѣ настоящаго развитія, а чернокожіе, еще не забывшіе времени рабства, ликовали, какъ дѣти, предаваясь надеждамъ на совсѣмъ иныя, лучшія времена.

Букеръ вспоминаетъ объ этомъ днѣ съ величайшимъ умиленіемъ. Онъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Однако, ничто не гарантировало этого успѣха. Никакіе опредѣленные разсчеты относительно денежныхъ поступленій не были возможны, а сознаніе отвѣтственности было такъ велико. «Я помню,—пишетъ Букеръ,—что въ теченіе перваго года моего труда въ Тёскиджи я ночь за ночью метался въ своей постели не находя сна, терзаясь неизвѣстностью въ денежномъ вопросѣ. Я сознавалъ, что дѣло наше въ значительной степени является экспериментомъ, который долженъ былъ разрѣшить вопросъ о томъ, способны ли негры къ созданію обширнаго воспитательнаго учрежденія. Я сознавалъ, что наша неудача отзовется на всемъ племени. Я сознавалъ, что намъ нужно было побѣдить существующее противъ насъ предубѣжденіе. Я сознавалъ, что если бы за такое предпріятіе взялись бѣлые, всѣ твердо вѣрили бы въ успѣхъ его, тогда какъ въ нашемъ случаѣ успѣхъ долженъ былъ бы вызвать общее удивленіе. И мысли эти тяжкимъ бременемъ лежали на моей душѣ»...

Тѣмъ не менѣе, работа безостановочно продолжалась. Число учениковъ школы возрастало, и на второй годъ пришлось пригласить еще двухъ учителей для преподаванія классныхъ предметовъ. Кромѣ того, школа пріобрѣла еще одного дѣятельнаго руководителя въ лицѣ первой жены Букера, урожденной Фанни Смитъ, которая также окончила курсъ Гамптонской школы и сдѣлалась энергичной помощницей мужа во всѣхъ его сложныхъ обязанностяхъ. Но по истеченіи двухъ лѣтъ супружества, въ 1884 г., она умерла, не дождавшись того дня, когда Букеру суждено было увидѣть первые плоды своихъ героическихъ усилій.

VIII.

Съ того самаго момента, какъ для Букера выяснилась программа его дѣятельности въ Тёскиджи, онъ рѣшилъ, что школьныя зданія должны быть воздвигнуты трудомъ его воспитанниковъ. Само собою разумѣется, что ему пришлось выслушать не мало возраженій на эту мысль, и нѣкоторыя изъ этихъ возраженій были довольно существенны. Такъ, напримѣръ ему говорили, что сооруженія, сдѣланныя такими неопытными строителями, будутъ слишкомъ несовершенны и неудобны для жизни. Но, сознавая всю справедливость этихъ словъ, Букеръ твердо стоялъ на своемъ: онъ указывалъ на то, что такая работа можетъ явиться для воспитанниковъ незамѣнимымъ урокомъ въ дѣлѣ самопомощи, а кромѣ того должна пріучить ихъ, при соотвѣтственныхъ указаніяхъ учителя, къ сознательному общенію съ силами природы—воздуха, воды, огня, пара и электричества. Самыя ошибки, неизбѣжныя при такого рода трудѣ, должны быть поучительными уроками для будущихъ работъ воспитанниковъ.

Стоя во главѣ дѣла, Букеръ имѣлъ возможность настоять на осуществленіи этого плана, и опытъ показалъ, что разсчетъ его былъ совершенно правиленъ. При постепенномъ расширеніи предпріятія, одно зданіе воздвигалось за другимъ, и почти всѣ они были сооружены воспитанниками школы. Такимъ образомъ путемъ практическаго обученія, идущаго рука объ руку съ теоретическими занятіями, школа создала, втеченіе двадцати лѣтъ своего существованія, безчисленное множество образованныхъ и опытныхъ работниковъ, способныхъ примѣнять свои познанія въ самыхъ различныхъ спеціальностяхъ, начиная отъ архитектурныхъ плановъ и чертежей и кончая всѣми усовершенствованіями электротехники.

Первая работа, надъ которою приходилось биться неопытнымъ строителямъ при сооруженіи школьнаго зданія, была выдѣлка кирпичей. Въ городѣ не было кирпичнаго завода, а покупать кирпичи изъ другихъ мѣстностей было бы слишкомъ дорого. Къ тому же, кирпичное производство было не менѣе полезнымъ и нужнымъ въ странѣ, чѣмъ всякое другое, и могло имѣть сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, давая нѣкоторый заработокъ тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые превзойдутъ его. Но работа эта являлась истиннымъ испытаніемъ и для учениковъ, и для самого учителя: приходилось цѣлыми часами стоять по колѣни въ мокрой глинѣ, пачкаться, таскать огромныя тяжести и Букеру съ трудомъ удавалось собственнымъ примѣромъ привлечь воспитанниковъ къ этой, по истинѣ, «грязной работѣ». Нашлось нѣсколько человѣкъ, категорически отказавшихся проходить курсъ наукъ при такихъ условіяхъ и покинувшихъ школу.

Главное затрудненіе для Букера состояло въ томъ, что и самъ

онъ былъ совершенно неопытенъ въ дѣлѣ кирпичнаго производства и долженъ былъ учиться заодно со своими воспитанниками. Вначалѣ онъ даже не представлялъ себѣ всѣхъ трудностей этого производства. Но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что выдѣлка кирпичей, особенно же обжиганіе ихъ, требуетъ очень большого искусства и даже нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній. Послѣ продолжительныхъ поисковъ хорошей глины и подготовительной работы надъ ней, выдѣлано было около двадцати пяти тысячъ кирпичей. Печь для обжиганія ихъ была сооружена также собственными усиліями. Но она скоро дала трещину. Построили новую печь, которая опять оказалась негодною, наконецъ—третью, которую начали обжигать. Но и она развалилась. Эта третья неудача, совершенно обезкуражившая учениковъ, совпала съ моментомъ полнаго безденежья. Однако Букеръ не упалъ духомъ. Онъ вспомнилъ, что у него есть еще маленькое подспорье въ видѣ часовъ, которые можно было заложить, и отправился съ этою цѣлью въ ближайшій городъ, гдѣ имѣлся ломбардъ. По возвращеніи оттуда, съ пятнадцатью долларами въ карманѣ, онъ снова принялся за работу надъ печью и на этотъ разъ — успѣшно. Дѣло пошло на ладъ. Кирпичи стали изготовляться съ надлежащимъ совершенствомъ, и мало-по-малу школьное производство кирпичей пріобрѣло прекрасную репутацію въ окрестностяхъ, такъ что на нихъ начался спросъ. Пріѣзжающіе въ школу за кирпичемъ—чернокожіе и бѣлые—заинтересовывались школою, которая въ короткое время стала приносить столь замѣтные плоды, и мало-по-малу предубѣжденіе негровъ противъ промышленнаго образованія стало разсѣиваться. Однако въ теченіе трехъ лѣтъ существованія школы протестъ противъ «черной работы», какъ со стороны воспитанниковъ, такъ и со стороны ихъ родителей, не прекращался, и Букеру приходилось затрачивать не мало своего природнаго краснорѣчія на борьбу съ бунтовщиками.

Между тѣмъ сооруженіе зданія тоже подвигалось. Въ серединѣ второго года жизни школы часть зданія была приведена уже въ такой видъ, что представлялось возможнымъ поселиться въ немъ. Воспитанники, желавшіе воспользоваться школьнымъ пансіономъ, быстро собирались со всѣхъ сторонъ, несмотря на то, что многія комнаты, какъ напримѣръ, кухня и столовая, были еще совсѣмъ не готовы, а предметы домашняго обихода, мебель, посуда, совершенно отсутствовали и въ классѣ не было денегъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Но и на этотъ разъ Букера выручило довѣріе населенія: мѣстные торговцы стали немедленно предлагать ему кредитъ на провизію и всѣ необходимыя вещи домашняго обихода. Кое-что изъ мебели было изготовлено сейчасъ же руками воспитанниковъ. Приготовленіе кушаній производилось также самими воспитанниками, и вначалѣ очень плохо, такъ что находилось много недовольныхъ и ропщущихъ. Во всемъ чувствовался еще безпорядокъ, всевозможные недочеты. Но мало-по-малу, путемъ

неусыпнаго вниманія, терпѣнія и настойчивости, распорядителямъ школы удалось превратить этотъ хаосъ въ опредѣленный, строгій порядокъ. Относительно каждой мелочи приходилось дѣлать указанія, всему нужно было учить и учиться. Каждая отрасль домашнаго быта создавала постепенно своихъ работниковъ-самоучекъ, которые подъ неусыпнымъ надзоромъ руководителей совершенствовались до степени настоящаго мастерства.

Число воспитанниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Условія поступленія были далеко не обременительны: за полный пансіонъ взималось всего восемь долларовъ въ мѣсяцъ, причемъ въ зачетъ этой платы шли всѣ полезныя для школы работы учениковъ. Число учителей и воспитателей тоже приходилось увеличивать. Вскорѣ по открытіи новоотстроеннаго зданія, не было уже возможности помѣстить въ немъ всѣхъ желающихъ. Тогда Букеръ рѣшилъ выйти изъ затрудненія по примѣру начальника Гамптонской школы, генерала Армстронга, который, при такихъ же условіяхъ, поселилъ новоприбывшихъ воспитанниковъ въ палаткахъ. Букеръ нанялъ для своихъ питомцевъ нѣсколько полуразрушенныхъ хижинъ въ окрестностяхъ школы. Но наступившая зима была исключительно сурова, а примитивно построенныя хижины не представляли почти никакой защиты отъ холода. Недостатокъ средствъ не позволялъ школѣ даже такихъ расходовъ, какъ покупка необходимаго числа матрацовъ и теплыхъ одѣялъ. Воспитанники буквально мерзли, и мысль объ этомъ до такой степени терзала Букера, что въ особенно холодныя ночи онъ самъ не могъ сомкнуть глаза. Иногда онъ вставалъ съ постели и дѣлалъ ночной обходъ хижинъ. Воспитанники сидѣли вокругъ разложеннаго на полу костра, плотно прижавшись другъ къ другу. Многіе изъ нихъ ни на минуту не рѣшались подняться и лечь въ постель, но несмотря на это, Букеру почти не приходилось слышать жалобы. Всѣ видѣли и чувствовали, что руководители школы дѣлали все возможное, понимая, что плата, вносимая за пансіонъ, не покрываетъ расходовъ школы и что самъ Букеръ и его помощники буквально выбиваются изъ силъ въ борьбѣ съ разными затрудненіями.

Отношенія между учащими и учащимися были самыя дружескія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и сердечной теплотой. Никогда, за все время существованія школы, говоритъ Букеръ, не приходилось ему слышать какой-либо дерзости отъ воспитанниковъ. Напротивъ, они не пропускали ни одного случая выказать ему свое почтеніе, свою преданность и готовность, чѣмъ можно услужить. Чтобы установить болѣе близкое общеніе съ учениками, Букеръ предлагалъ имъ, два-три раза въ годъ, написать ему въ формѣ простыхъ откровенныхъ писемъ все, что они думаютъ о состояніи школы, о ея недостаткахъ и возможныхъ усовершенствованіяхъ. Послѣ этого онъ назначалъ собраніе, въ которомъ добросовѣстно и серьезно обсуждалъ высказанныя ему мысли,

давая при этомъ чувствовать воспитанникамъ, что онъ дѣйствительно считаетъ школу не своимъ личнымъ, а общимъ съ ними дѣломъ, въ которое всякому позволительно внести свою разумную критику и свою инициативу. И никогда не пришлось ему раскаяться въ томъ довѣріи, которое онъ такимъ образомъ оказывалъ своимъ питомцамъ. «Всякій человѣкъ, —говоритъ онъ, — сердечно отзывается на оказанное ему довѣріе, и, быть можетъ, ни къ одной расѣ это не примѣнимо въ большей степени, чѣмъ къ неграмъ. Дайте имъ почувствовать, что вы принимаете въ нихъ безкорыстное участіе, и они охотно послѣдуютъ за вами куда-угодно».

Въ началѣ, какъ мы видимъ, руководителямъ школы приходилось постоянно наталкиваться на протесты учащихся противъ физическаго труда. Но мало-по-малу они привыкли къ системѣ Букера. Научившись дѣлать кирпичи и сооружать дома, они должны были выучиться затѣмъ и еще нѣсколькимъ ремесламъ—для созданія домашней обстановки. Кровати, стулья, столы—все было сдѣлано руками воспитанниковъ. Сначала издѣлія ихъ были крайне грубы и непрочны. Случалось, что при утреннемъ осмотрѣ комнатъ Букеръ находилъ того или другого студента спящимъ на полу, такъ какъ кровать его за ночь совершенно развалилась. Но постепенно и плотничье, и столярное мастерства стали выдвигать въ школѣ способныхъ и полезныхъ работниковъ. Матрацы также дѣлались собственными руками, по преимуществу руками дѣвушекъ. Набивкою имъ служила мелко искрошенная солома или собираемая въ лѣсу хвоя. Съ теченіемъ времени матрасное производство достигло въ школѣ такого развитія, что нашло себѣ хорошій сбытъ на мѣстномъ рынкѣ. Навонецъ, и экипажи, необходимыя школѣ, были самодѣльные, и, какъ это легко себѣ представить, ученикамъ и учителямъ приходилось не мало биться, прежде чѣмъ достигнуть надлежащаго совершенства въ этой отрасли промышленности. Принципъ самодѣятельности и самопомощи проводился въ школѣ съ неотступною послѣдовательностью, какъ и другой педагогическій принципъ Букера—безукоризненной чистоты тѣла и аккуратности въ одеждѣ. Школа, волей-неволей, проводила своихъ воспитанниковъ черезъ разныя лишенія и тяжкій, сначала едва посильный трудъ и въ то же время прививала имъ цѣлый рядъ культурныхъ требованій и привычекъ. «Бѣдность нашу всякій долженъ простить намъ, но неряшества, грязи простить нельзя», говорилъ Букеръ своимъ учителямъ.

IX.

Приливъ учениковъ и ученицъ не прекращался, и если юношей можно было еще разселить по окрестнымъ хижинамъ, то для дѣвушекъ необходимо было болѣе удобное помѣщеніе. И вотъ пришлось рѣшиться

на постройку новаго, еще болѣе обширнаго зданія. Смѣта его была исчислена въ десять тысячъ долларовъ. Между тѣмъ, денегъ въ кассѣ, по обыкновенію, не было. Пожертвованій, которыя продолжала собирать миссъ Дэвидсонъ, хватало только на текущіе расходы. Нужно было измыслить для собиранія денегъ какое-нибудь экстренное средство, и Букеръ находился въ величайшемъ смущеніи.

Въ это время на помощь ему явился его старый и вѣрный другъ генералъ Армстронгъ. Онъ уже помогалъ школѣ своего бывшаго воспитанника изъ своихъ личныхъ средствъ. Но средства эти были крайне ограниченны. Теперь онъ предложилъ Букеру слѣдующій своеобразный планъ: они организуютъ квартетъ пѣвцовъ и будутъ въ теченіе мѣсяца, разъѣзжать съ этимъ квартетомъ по сѣвернымъ штатамъ изъ одного большого города въ другой, устраивая послѣ концерта митинги и привлекая къ школѣ Букера общественное вниманіе и общественную благотворительность своими рѣчами. Мы уже знаемъ, что Букеръ съ дѣтства проявлялъ очень выдающіяся ораторскія способности. Отправляясь съ нимъ въ путешествіе, генералъ Армстронгъ далъ ему, относительно искусства краснорѣчія, одно указаніе, которое, по его словамъ, оказало на него живѣйшее воздѣйствіе въ будущемъ: «говорите такъ, чтобы въ каждомъ вашемъ словѣ заключалось какое-либо опредѣленное содержаніе». «Слѣдовать этому указанію, разумѣется, не легко,—пишетъ Букеръ,—однако, его дѣйствительно нужно было бы всегда держаться, выступая съ публичною рѣчью. Съ того времени и до сихъ поръ я постоянно стараюсь имѣть его въ виду».

Въ теченіе мѣсяца генералъ Армстронгъ и Букеръ объѣхали всѣ главные города сѣверныхъ штатовъ—Нью-Іоркъ, Бруклинъ, Бостонъ, Филадельфію и др., и цѣль ихъ поѣздки была достигнута: они собрали порядочную сумму денегъ.

Однако, въ виду возростающихъ потребностей школы и непрерывнаго расширенія предпріятія, Букеру пришлось вскорѣ повторить поѣздку—уже безъ участія генерала Армстронга, и съ тѣхъ поръ этотъ способъ добыванія денегъ сдѣлался у него постояннымъ. «За послѣдніе пятнадцать лѣтъ,—говоритъ онъ,—я принужденъ былъ проводить внѣ школы очень значительную часть года. Изъ моихъ стараній по части собиранія денегъ я вынесъ извѣстный опытъ, который можетъ оказаться небезъинтереснымъ для моихъ читателей. Время отъ времени люди, занимавшіеся сборомъ денегъ на какія-нибудь филантропическія предпріятія, задавали мнѣ вопросъ: какими правилами я руковожусь, стараясь заинтересовать моимъ дѣломъ лицъ, способныхъ оказать ему ту или другую поддержку. Поскольку искусство «выпрашиванья» можетъ быть подведено подъ какія-либо правила, я могу сказать, что руководился двумя правилами. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ чтобы возможно лучше ознакомить съ моимъ дѣломъ тѣхъ лицъ или то общество, къ которому я обращаюсь; второе заключается

въ томъ, чтобы ни при какихъ обстоятельствтхъ не падать духомъ». Конечно, продолжаетъ Букеръ, не такъ-то легко слѣдовать этому второму правилу, когда тебя постигаетъ неудача въ минуту гнетущей нужды. Однако, жизнь научаетъ понимать, что нельзя безнаказанно давать волю своимъ тревогамъ, ибо онѣ пожираютъ силы, нужныя для самого дѣла. Наилучшихъ результатовъ въ жизни достигаютъ тѣ, которые всегда стараются бодриться, сохранить терпѣніе и самообладаніе.

Разсказывая дальше о своихъ опытахъ по собиранію денегъ, Букеръ совѣтуетъ относиться къ богатымъ людямъ съ крайней деликатностью и довѣріемъ. Не надо забывать, говоритъ онъ, что богатыхъ постоянно осаждаютъ всевозможные просители, и мы никогда не въ правѣ упрекать того или другого богатаго человѣка, на основаніи существующихъ о немъ слуховъ, въ томъ, будто онъ скупъ на свои даянія. Многіе помогаютъ людямъ и какимъ-нибудь учрежденіямъ втайнѣ, скрывая свою благотворительность—одни изъ чисто сердечнаго побужденія, другіе ради того, чтобы хотя нѣсколько оградить себя отъ наплыва безпокойныхъ просителей и разбирательства писемъ. Затѣмъ нужно помнить, что когда рѣчь идетъ о поддержкѣ какого-нибудь предпріятія, «просьба» въ обычномъ смыслѣ этого слова не имѣетъ смысла. Тутъ приходится не «просить», а заинтересовывать, убѣждать человѣка, а потому лицо, собирающее деньги, не должно чувствовать себя въ унизительной роли просителя. Агитаторомъ, а не просителемъ является такой собиратель денегъ на идейное дѣло. «Конечно, тяжело, непріятно, утомительно ходить такъ отъ двери къ двери,—говоритъ Букеръ,—но дѣло это даетъ и свои удовлетворенія. Оно открываетъ рѣдкую возможность для изученія человѣческой природы и предетавляетъ случаи познакомиться съ лучшими представителями человѣческаго рода».

Само собою разумѣется, что Букеру приходилось выносить и много тягостнаго, даже оскорбительнаго отъ людей, къ которымъ онъ обращался. Но—потому ли, что его мягкая и благородная душа болѣе способна запоминать отрадное, чѣмъ злое, или потому, что его самообладаніе и краснорѣчіе вліяли на людей исключительнымъ образомъ и заставили ихъ проявлять себя съ лучшей стороны,—показанія его проникнуты самымъ свѣтлымъ оптимизмомъ. По его мнѣнію, склонность *давать*, дѣлиться своимъ добромъ, быстро прогрессируетъ въ человѣчествѣ, и люди всегда благодарны тому, кто указываетъ разумный исходъ ихъ щедрости.

«Стучите—и отворятъ вамъ!» — вотъ что говорятъ страницы его книги, посвященныя данной сторонѣ его дѣятельности. Терпѣніе и вѣру проповѣдуетъ онъ, основываясь на своемъ многолѣтнемъ жизненномъ опытѣ, и нужно сказать, что простыя, искреннія слова его производятъ чарующее впечатлѣніе. Цѣлый рядъ приводимыхъ имъ примѣровъ, дѣйствительно, представляетъ нѣчто крайне поучительное.

Однажды, находясь въ г. Стамфордѣ, въ Коннентикутѣ, онъ услышалъ объ одномъ человѣкѣ, который, судя по разсказамъ, долженъ былъ оказаться щедрымъ филантропомъ. Человѣкъ этотъ жилъ за городомъ. Букеръ отправился къ нему пѣшкомъ въ холодный бурный день и съ трудомъ добился свиданія съ нимъ. Тотъ выслушалъ его съ большимъ интересомъ, но отпустилъ съ пустыми руками. Два года спустя онъ неожиданно получилъ отъ него чекъ на десять тысячъ долларовъ при письмѣ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «Я обозначилъ эту сумму, какъ даръ вашей школѣ, въ своемъ завѣщаніи, но думаю, что будетъ гораздо разумнѣе отдать ее вамъ теперь же. Съ удовольствіемъ вспоминаю ваше посѣщеніе ко мнѣ два года тому назадъ».

Деньги эти пришли въ такое время, когда въ нихъ ощущалась особенно острая надобность. «Мы были совсѣмъ измучены недостаткомъ средствъ, и наше нервное напряженіе было ужасно,—говоритъ Букеръ. Трудно представить себѣ положеніе, болѣе изнурительное для нервовъ, чѣмъ положеніе человѣка, который руководитъ большимъ заведеніемъ, запутаннаго въ тяжелыя обязательства, не имѣя никакой увѣренности въ томъ, что онъ своевременно найдетъ деньги, для выполненія этихъ обязательствъ».

Другой примѣръ относится къ извѣстному американскому желѣзнодорожнику, К. П. Гентингтону. Послѣ первой бесѣды съ Букеромъ онъ далъ ему на школу всего два доллара. «Я не осудилъ его за то, что онъ не далъ больше,—пишетъ Букеръ, но сказалъ себѣ, что нужно постепенно убѣдить его въ томъ, что наше дѣло достойно болѣе щедраго пожертвованія». Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ прилагалъ свои усилія въ этомъ направленіи. Щедрость Гентингтона, дѣйствительно, возрастала и наконецъ въ послѣднее свиданіе съ Букеромъ, незадолго до своей смерти, онъ пожертвовалъ школѣ огромную сумму въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ.

Почти такая же исторія повторилась съ извѣстнымъ американскимъ богачомъ А. Карнеджи, который сначала не выказалъ почти никакого интереса къ школѣ Букера, но мало-по-малу проникался сочувствіемъ къ этому дѣлу, а черезъ десять лѣтъ, когда разросшемуся учебному заведенію нужно было подумать о сооруженіи особаго зданія для библіотеки, пожертвовалъ всю требующуюся для этого сумму въ двадцать тысячъ долларовъ.

Но большая часть денегъ, собиравшихся на поддержаніе и расширеніе школы, состояла все-таки изъ безчисленныхъ маленькихъ приношеній небогатыхъ людей. Никелевыя монетки продолжали стекаться со всѣхъ сторонъ отовсюду, куда проникали извѣстія о великолѣпно поставленномъ дѣлѣ Букера. И чернокожіе и бѣлые съ радостью давали, что могли, на воспитаніе молодого поколѣнія негровъ, потому что результаты достигаемые школою Тёскиджи заставляли вѣрить, что воспитаніе человѣка есть не пустое слово.

X.

Первые годы существованія школы, открытой въ 1881 г., были для Букера годами наиболѣе тяжкихъ испытаній и сомнѣній. Но къ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ дѣло, хотя и постоянно нуждавшееся въ средствахъ могло считаться прочнымъ. При всѣхъ невзгодахъ и затрудненіяхъ, Букеръ долженъ былъ чувствовать удовлетвореніе истиннаго успѣха. Къ этому удовлетворенію дѣятеля присоединилось и личное счастье: въ 1885 г. онъ женился на миссъ Оливіи Дэвидсонъ, которая, не переставая работать для школы съ прежнимъ самоотреченіемъ, создала для своего мужа уютную домашнюю жизнь. Въ теченіе этихъ лѣтъ, которые ему суждено было прожить съ нею, онъ испыталъ всѣ радости семейной жизни, составлявшей истинную потребность для его энергичной, но простой и мягкой натуры. Дѣти, которыхъ Букеръ имѣлъ отъ этого брака, всегда составляли для него предметъ нѣжнѣйшихъ заботъ. Но въ 1889 г. Оливія Дэвидсонъ умерла, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой супружеской жизни и восьми лѣтъ тяжкаго хотя и успѣшнаго труда на пользу школы. «Она буквально сгорала въ непрерывномъ стремленіи послужить дѣлу, которое она такъ горячо любила», говоритъ о ней Букеръ, вообще крайне сдержанный въ сообщеніяхъ о своей личной жизни и людяхъ близкихъ его сердцу.

Въ эти счастливые годы жизни Букера началась и широкая слава его въ качествѣ публичнаго оратора. Показавъ свое ораторское искусство въ первомъ путешествіи по сѣвернымъ штатамъ, вмѣстѣ съ генераломъ Армстронгомъ, онъ вскорѣ сталъ получать соотвѣтственныя приглашенія отъ разныхъ обществъ. «Я могъ бы сказать,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—что собственно никогда не имѣлъ въ виду удѣлять значительную часть своей жизни публичному ораторству. Стремленіе *дѣлать* что-либо было во мнѣ всегда сильнѣе, чѣмъ стремленіе *говорить*». Однако, онъ понималъ, что успѣхъ его въ качествѣ оратора долженъ былъ содѣйствовать успѣху его жизненнаго дѣла, и не сталъ уклоняться отъ развертывающагося передъ нимъ новаго поприща. Темы его рѣчей всегда находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что составляло предметъ всѣхъ его стремленій. Онъ говорилъ о взаимномъ отношеніи черной и бѣлой расъ, о задачахъ воспитанія, о значеніи разносторонняго труда для развитія нравственнаго характера человѣка.

Первою рѣчью, доставившею ему громкую извѣстность, была рѣчь въ собраніи національнаго педагогическаго общества въ городѣ Мэдисонъ. Ему пришлось выступить передъ толпою въ четыре тысячи человѣкъ—чернокожихъ и бѣлыхъ, и успѣхъ его сразу обозначился въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ. «Въ этой рѣчи,—пишетъ Букеръ,—я говорилъ о томъ, что вся будущность негровъ зависитъ отъ того, сумѣютъ ли они, своими способностями, интеллигентностью и характеромъ за

*

воевать себѣ достойное положеніе въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежатъ, сдѣлаться необходимыми членами этого общества. Я сказалъ, что каждый человѣкъ, научившійся дѣлать что-нибудь лучше, чѣмъ другіе—научившійся дѣлать какую-либо *обыкновенную вещь необыкновеннымъ манеромъ*—разрѣшилъ для себя жизненную задачу, независимо отъ цвѣта своей кожи, и что поскол ку негры научатся производить нѣчто полезное и необходимое для другихъ племенъ, постольку они будутъ пользоваться уваженіемъ».

Послѣ этой рѣчи въ національномъ педагогическомъ обществѣ Букеру уже не приходилось сомнѣваться въ своемъ успѣхѣ на поприщѣ публичнаго ораторства. Приглашенія посыпались къ нему со всѣхъ концовъ сѣвера и юга. Однажды, въ 1893 г., онъ былъ въ Бостонѣ, гдѣ ему предстояло говорить въ одномъ изъ обществъ. Въ это время онъ получилъ просьбу выступить съ рѣчью на международномъ съѣздѣ «христіанскихъ работниковъ» въ городѣ Атлантѣ, тысячу миль отъ Бостона. Затрудненіе было тѣмъ значительнѣе, что приглашеніе падало на тотъ день, когда обязательства его по отношенію къ бостонскому обществу не могли еще окончиться. Однако, обдумавъ всѣ обстоятельства, Букеръ рѣшилъ не отказываться отъ предложенія: «Я зналъ,—говоритъ онъ,—что въ собраніи будетъ множество представителей, мужчинъ и женщинъ наиболѣе вліятельныхъ классовъ бѣлаго общества и что я имѣлъ рѣдкій случай ознакомить ихъ съ моимъ предпріятіемъ въ Тёскиджи, а также высказаться о взаимномъ отношеніи обѣихъ расъ». Обслѣдовавъ росписаніе поѣздовъ Букеръ увидѣлъ, что могъ поспѣть еще въ Атланту за полчаса до начала своей рѣчи, а затѣмъ поспѣшить на поѣздъ, чтобы немедленно вернуться въ Бостонъ. При такихъ условіяхъ рѣчь его должна была продолжаться не болѣе пяти минутъ. Планъ этотъ былъ приведенъ имъ въ исполненіе съ величайшимъ успѣхомъ. Пятиминутная рѣчь его вызвала восторгъ слушателей и была предметомъ газетныхъ замѣтокъ по всей странѣ.

Два года спустя, работая въ Тёскиджи, Букеръ получилъ лестное для него предложеніе присоединиться къ депутаціи гражданъ штата Георгія, отправлявшейся въ Вашингтонъ, чтобы испросить у правительства разрѣшеніе на открытіе въ Атлантѣ международной выставки. Рѣчь, которую Букеръ сказалъ при этомъ случаѣ передъ комитетомъ конгресса, была основана на той же, постоянно волнующей идеѣ о необходимости расоваго единенія. «Я сказалъ,—пишетъ онъ,—что выставка въ Атлантѣ дала бы возможность обѣимъ расамъ показать, какой прогрессъ достигнутъ ими со времени освобожденія, и побудила бы ихъ къ дальнѣйшему прогрессу... Я говорилъ въ теченіе пятнадцати или двадцати минутъ, и былъ очень удивленъ, когда по окончаніи рѣчи, члены депутаціи и присутствующіе члены конгресса обратились ко мнѣ съ самыми сердечными поздравленіями. Комитетъ единодушно

представилъ благопріятный отзывъ, а черезъ нѣсколько дней билль прошелъ въ конгрессѣ».

Выставка въ Атлантѣ была первою, на которой черная раса заявляла о своихъ успѣхахъ наравнѣ съ бѣлою. Для демонстраціи ея успѣховъ предназначено было особое обширное зданіе, возведенное—начиная съ архитектурнаго плана до послѣднихъ деталей, исключительно неграми. Какъ по техническому совершенству, такъ и по красотѣ, зданіе это не отставало отъ другихъ сооруженій выставки, говоритъ Букеръ. Завѣдующими негрскимъ отдѣломъ были также негры. Эту роль предлагали и ему, но онъ отказался отъ нея, такъ какъ присутствіе его требовалось въ Тёскиджи. Экспонаты, обращавшіе на себя наибольшее вниманіе посѣтителей выставки, исходили изъ школъ Гамптона и Тёскиджи, и бѣлые граждане южныхъ штатовъ разсматривали ихъ съ величайшимъ удивленіемъ.

Открытіе выставки должно было произойти съ особою торжественностью, и въ виду той роли, какую играла на ней черная раса, рѣшено было, что одна изъ торжественныхъ рѣчей при открытіи ея должна быть поручена негру. Выборъ палъ на Букера. «Что я почувствовалъ въ ту минуту, когда получилъ это приглашеніе? —пишетъ онъ.—Я вспомнилъ, что былъ рабомъ, что ранніе годы мои прошли въ глубочайшемъ мракѣ бѣдности и невѣжества, что я не имѣлъ почти никакой возможности подготовиться къ столь отвѣтственной роли, какая предстояла мнѣ теперь. Какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ присутствующихъ на собраніи бѣлыхъ могъ окликнуть меня, какъ своего раба; быть можетъ, даже кто-нибудь изъ моихъ бывшихъ владѣльцевъ, дѣйствительно, явится сюда и будетъ слушать, какъ я говорю... Я зналъ также, что во всей исторіи негрскаго племени еще ни одинъ представитель его не получалъ приглашенія говорить, по случаю какого-нибудь значительнаго національнаго событія, на одной платформѣ съ бѣлыми представителями юга... Я рѣшилъ, что не произнесу ни одного слова, правдивости и справедливости котораго я не чувствовалъ бы до самой глубины моего сердца». «Газеты сѣвера и юга принялись съ жаромъ обсуждать вопросъ о моей предстоящей рѣчи, и чѣмъ дальше, тѣмъ полемика ихъ становилась ожесточеннѣе. Многія изъ южныхъ газетъ протестовали противъ моего появленія въ качествѣ оратора. Даже отъ моихъ соплеменниковъ я получалъ выраженія неудовольствія по поводу того, что я рѣшаюсь говорить. Я готовился къ своей рѣчи, какъ только могъ, но чѣмъ ближе былъ этотъ день, 18-го сентября, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ и тѣмъ болѣе я опасался, что всѣ мои старанія не приведутъ ни къ чему, кромѣ провала и позора»...

Передъ отъѣздомъ въ Атланту Букеръ сказалъ свою рѣчь передъ товарищами по школѣ. Ихъ одобреніе нѣсколько успокоило его. Но во время путешествія — онъ ѣхалъ со своей семьей — волненіе

всѣхъ его спутниковъ, шумные разговоры по поводу его рѣчи въ вагонѣ заставили его опять потерять спокойствіе. Атланта была переполнена пріѣзжими со всѣхъ концовъ свѣта. Повсюду мелькали оффиціальные представители иностранныхъ государствъ, разныхъ военныхъ и гражданскихъ организацій... Въ теченіе ночи Букеръ почти не смыкалъ глазъ. «Поднявшись съ постели,—пишетъ онъ,—я повторяю въ памяти все, что хотѣлъ сказать. Потомъ я сталъ на колѣни и попросилъ Бога благословить мои старанія. Быть можетъ, я смѣю прибавить по этому поводу, что я вообще никогда не вхожу въ собранія, по какому бы то ни было случаю, не помолившись Богу о томъ, чтобы онъ благословилъ все, что я хочу сказать... Было еще очень рано, когда за мною явилась депутація, которая должна была сопровождать меня въ процессіи, направлявшейся къ выставкѣ. Шествіе это продолжалось около трехъ часовъ, а солнце палило все сильнѣе и тягостнѣе. Когда мы достигли выставки, жара вмѣстѣ съ моимъ нервнымъ напряженіемъ довела меня до того, что мнѣ показалось, будто я вотъ-вотъ упаду въ обморокъ.»

Однако, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и вошелъ въ переполненную народомъ залу. Онъ едва слышалъ, что говорили передъ нимъ другіе, оффиціальные, ораторы. Затѣмъ мѣстный губернаторъ представилъ его собранію и онъ взошелъ на каѳедру.

Все, что происходило дальше, мы передадимъ словами одного изъ присутствовавшихъ въ залѣ, Мг. Крильмана, корреспондента нью-іоркской газеты «World».

«...Въ эту минуту,—пишетъ Крильманъ въ своемъ отчетѣ,—тысячи глазъ приковались къ лицу оратора-негра. Странная вещь происходила передъ нами: черный человѣкъ говорилъ въ защиту своего народа и никто не прерывалъ его. Профессоръ Вашингтонъ подошелъ къ краю эстрады. Заходящее солнце бросало черезъ окно огненные лучи прямо ему въ лицо. Онъ отвернулъ голову, защищаясь отъ ослѣпительнаго свѣта и нѣсколько отступилъ. Потомъ, съ безподобнымъ самообладаніемъ, онъ опять повернулся прямо къ солнцу, не моргнувъ рѣсницами, и началъ говорить.

«Онъ представлялъ собою замѣчательную фигуру: высокій, стройный, съ большимъ лбомъ, тонкимъ носомъ, тяжелымъ подбородкомъ и рѣшительнымъ выраженіемъ рта, съ крупными бѣлыми зубами, пронизывающимъ взглядомъ и повелительными манерами. На его бронзовой шеѣ напряглись жилы, мускулистая правая рука поднялась высоко вверхъ, вмѣстѣ съ судорожно зажатымъ въ кулакѣ карандашомъ. Голосъ его звучалъ ясно и правдиво, а выразительныя паузы придавали рѣчи особенную отчетливость. Черезъ десять минутъ толпа была охвачена безумнымъ восторгомъ—всѣ махали платками, стучали палками, бросали въ воздухъ шляпы. Прелестнѣйшія женщины Георгіи поднялись со своихъ мѣстъ и начали апплодировать. Ораторъ словно

околдовалъ ихъ... А когда онъ поднялъ надъ головою свою темную руку съ растопыренными пальцами и сказалъ, обращаясь наполовину къ бѣлымъ, наполовину къ своимъ соплеменникамъ: «Во всѣхъ чисто соціальныхъ вопросахъ мы можемъ быть разъединены, какъ пальцы, но въ томъ, что касается сущности прогресса, должны быть едины, какъ рука!»—въ залѣ поднялся цѣлый ураганъ криковъ — всѣ были на ногахъ, всѣ апплодировали, словно охваченные какимъ-то бредомъ.

«Я слышалъ величайшихъ ораторовъ разныхъ странъ, но и самъ Гладстонъ не могъ бы говорить въ защиту какой-либо идеи съ болѣе захватывающею силою, чѣмъ этотъ угловатый негръ, стоящій въ солнечномъ сіяніи, окруженный людьми, которые нѣкогда стремились заковать въ цѣпи его племя. Голосъ его звучалъ все громче, но выраженіе его серьезнаго лица не измѣнялось. Мощный чернокожій исполинъ выжидалъ, съ горящими глазами и какимъ-то внезапнымъ трепетомъ въ лицѣ, пока не раздался послѣдній, самый яростный взрывъ апплодисментовъ, и вдругъ по лицу его побѣжали слезы. Многіе изъ присутствующихъ въ собраніи негровъ плакали, быть можетъ, сами не зная почему».

Газеты мгновенно разнесли повсюду вѣсть о небываломъ успѣхѣ Букера. При возвращеніи его въ Тёскиджи, на каждой станціи ожидала его толпа чернокожихъ и бѣлыхъ, желавшихъ пожать ему руку. Президентъ штатовъ, Клевелендъ, написалъ ему, въ отвѣтъ на присылку печатного текста рѣчи, самое теплое и лестное письмо. Различныя общества предлагали ему баснословныя суммы за какую-нибудь рѣчь на ихъ каѳедрѣ, газеты и журналы выпрашивали у него какой-нибудь замѣтки. Для Букера настали дни настоящей славы.

XI.

Конечно, среди глубокаго душевнаго удовлетворенія у Букера бывали и минуты испытаній. У славы бываютъ свои неизбѣжные приливы и отливы. Бурныя похвалы однихъ вызываютъ критику другихъ. Такъ случилось и теперь—послѣ перваго далеко прошумѣвшаго успѣха Букера въ Атлантѣ. Нѣкоторыя негрофобскія газеты набросились на него съ особенною яркостью и стали упрекать комитетъ выставки за допущеніе негра къ роли публичнаго оратора. Но въ этомъ не могло быть ничего неожиданного для Букера: онъ слишкомъ хорошо зналъ, что предразсудки бѣлыхъ по отношенію къ его племени разсѣются не такъ-то скоро, что предстоятъ еще новыя вспышки вражды къ неграмъ. Гораздо тяжелѣе для него было то, что и изъ соплеменниковъ многіе были недовольны имъ. Рѣчь его носила общегуманный характеръ; исходная точка его въ вопросѣ объ отношеніяхъ расъ была нравственная, а не политическая: вмѣсто того, чтобы требовать отъ бѣлыхъ немедленнаго

расширенія права для негровъ, онъ призывалъ самихъ негровъ къ умственному, культурному и нравственному возвышенію и выражалъ глубокую вѣру въ то, что общечеловѣческія заслуги съ ихъ стороны неизбѣжно приведутъ къ уравненію ихъ въ правахъ съ бѣлыми. Весьма понятно, что такая постановка вопроса должна была вызвать неудовольствіе всѣхъ тѣхъ, для кого на первомъ планѣ всегда стоитъ опредѣленная политическая программа. Букеръ говорилъ, не политиканствуя, не скрывая того, что и самимъ неграмъ нужно еще много поработать, чтобы сравняться въ своей культурѣ съ расами, болѣе старыми и болѣе богатыми историческимъ опытомъ. Высказывая глубокое убѣжденіе въ томъ, что по природѣ своей негръ стоитъ не ниже бѣлаго человѣка, и ни однимъ словомъ не польстивъ бѣлымъ, онъ проявилъ то высокое нравственное безпристрастіе, ту справедливость, которая не можетъ быть пригодна въ качествѣ остраго орудія въ партійныхъ, чисто политическихъ походахъ. Все міровоззрѣніе его, всегда высказывавшееся въ его рѣчахъ, было моральнымъ, а не политическимъ, а такое міровоззрѣніе не можетъ быть особенно популярнымъ въ такой странѣ, какъ Америка. И нужно было все великое ораторское дарованіе Букера, искренность и обращеніе всегда непосредственно къ человѣческимъ сердцамъ, весь его лирическій пафосъ, вся сила его образныхъ сравненій, чтобы такъ увлекать большую толпу, какъ онъ увлекъ ее своею рѣчью въ Атлантѣ и многими послѣдующими рѣчами.

Букеръ мужественно и спокойно, не вступая ни въ какую полемику, перенесъ моментъ нападокъ. Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «правда въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ» и что въ извѣстный періодъ нужно заботиться только о самообладаніи.

Дѣйствительно, противникамъ его не удалось взять верхъ надъ нимъ. Популярность его не только не ослабѣвала, но все возростала. На него сыпались всевозможныя выраженія общественнаго почета и довѣрія. Въ 1896 г. онъ получилъ приглашеніе отъ Гарвардскаго Университета явиться на публичный актъ, гдѣ онъ будетъ увѣнчанъ *honoris causa*—степенью магистра изящныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ, 1897 г., городъ Бостонъ просилъ его выступить съ рѣчью на народномъ торжествѣ при открытіи памятника Роберту Шау. Когда нація праздновала заключеніе испано-американской войны, онъ былъ вызванъ Чикаго, гдѣ произнесъ рѣчь въ мѣстномъ университетѣ передъ аудиторіей въ шестнадцать тысячъ человѣкъ. Основныя темы его рѣчей были тѣ же: взаимныя отношенія расъ, нравственныя заслуги человѣка, какъ единственное основаніе для уваженія къ нему, здоровое, широко поставленное воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса. И каждый разъ поэзія его сердечныхъ вѣрованій, нравственная красота его личности, сквозившая въ каждомъ его словѣ, потрясали его аудиторію, какъ какое-нибудь откровеніе. Каждая рѣчь его сопровождалась бурей

общихъ восторговъ, громомъ аплодисментовъ, неудержимыми похвалами въ штатѣ.

Вмѣстѣ съ славою самого Букера, какъ краснорѣчиваго провозвѣстника извѣстныхъ нравственныхъ и воспитательныхъ идей, возростала и слава его школы, которая была живымъ практическимъ воплощеніемъ этихъ идей. Вся страна знала теперь о нормальной и промышленной школѣ въ Тёскиджи, какъ о разсадникѣ полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и работниковъ. Въ 1898 г. школу Букера посѣтилъ президентъ С. А. Штатовъ, покойный Макъ-Кинлей. Посѣщеніе это носило торжественно-оффиціальный характеръ, и высказанное президентомъ удивленіе передъ организаціей школы долго служило предметомъ общественныхъ толковъ и газетныхъ обсужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, широко развившееся и роскошно обставленное заведеніе Букера блистало не только дарованіями и энергіей своего основателя и главы, но и замѣчательной внутренней организаціей на коллегіальныхъ началахъ. Дѣло стояло уже на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что не страдало даже отъ постоянныхъ отлучекъ Букера, проводившаго въ разъѣздахъ около полугода. Одно изъ правилъ его дѣятельности по школѣ выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Не дѣлай того самъ, что столь же хорошо и успѣшно можетъ быть выполнено другими». При умѣньи выбирать себѣ подходящихъ и надежныхъ помощниковъ, которымъ предоставляется и широкая инициатива, и которые взаимно контролируютъ другъ друга на регулярно собирающихся «совѣтахъ», Букеръ можетъ спокойно отлучаться для своихъ агитаторскихъ цѣлей. Но при этомъ онъ ни на одинъ день не упускаетъ надзора за всѣмъ, что дѣлается въ школѣ: ежедневныя телеграфныя увѣдомленія, по опредѣленной, лично выработанной системѣ, постоянно держатъ его въ извѣстности относительно всѣхъ главныхъ явленій школьной жизни.

Большую роль въ жизни школы играетъ Миссисъ Вашингтонъ, третья жена Букера, урожденная Миссъ Мюрей, съ которою онъ также сблизился на почвѣ любимаго имъ дѣла. Миссъ Мюррей пріѣхала въ Тёскиджи въ качествѣ учительницы, впослѣдствіи сдѣлалась директрисою школы (Lady Principal). Раздѣляя всѣ труды и заботы своего мужа, она является какъ бы замѣстительницей въ его отсутствіе. При этомъ она находитъ достаточно времени и силъ, чтобы руководить нѣсколькими дополнительными предріятіями: по ея иниціативѣ въ Тёскиджи было основано «Общество матерей». Затѣмъ, она была избрана предсѣдательницей такъ называемаго «Союза южныхъ клубовъ для чернокожихъ женщинъ» и руководительницею преній въ комитетѣ «Національнаго союза клубовъ для чернокожихъ женщинъ». Кромѣ того она завѣдуетъ «образцовыми плантаціями» въ окрестностяхъ Тескиджи.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ велъ Букеръ свое дѣло, не зная ни

одного дня отдыха и развлеченія. Только его мощная натура позволяла ему выносить, не пошатнувшись въ здоровьѣ, эту постоянно-напряженную жизнь, полную всякихъ видовъ труда, заботъ, быстрыхъ и далекихъ переѣздовъ. Но самъ онъ даже не задумался о необходимости отдыха. Однако, многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ его становилось ясно, что организмъ его нуждается во временномъ отдохновеніи отъ труда, а душа—въ освѣжающихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. И вотъ однажды, во время его пребыванія въ Бостонѣ, друзья сообщили ему о томъ, что ими собрана довольно крупная сумма денегъ для поѣздки его, вмѣстѣ съ женою, въ Европу и для обезпеченія всѣхъ нуждъ школы въ его отсутствіи. «Это извѣстіе было такъ неожиданно для меня, пишетъ Букеръ—что я чуть не свалился со стула». Онъ пробовалъ возражать, но всѣ возраженія его были предусмотрѣны. «Въ глубинѣ моего сердца,—продолжалъ онъ,—все,это казалось мнѣ какимъ-то сномъ а не дѣйтвительностью, и долга я не могъ освоиться съ мыслью, что я и въ самомъ дѣлѣ поѣду въ Европу». Въ теченіе всей его жизни, начавшейся при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, Европа, съ ея сложною и глубокою культурою, съ ея безсмертными историческими памятниками, казалась ему чѣмъ-то безконечно далекимъ и сказочно-прекраснымъ. «Неужели же я въ самомъ дѣлѣ поѣду теперь въ Европу?» вновь и вновь спрашивалъ онъ себя, какъ ребенокъ.

9-го мая 1899 г. насталъ, наконецъ, этотъ радостный для него день. Онъ сѣлъ, вмѣстѣ съ женою, на большой океанскій пароходъ,—на какомъ ему «никогда не приходилось бывать до тѣхъ поръ», и чувства, овладѣвшія имъ въ эту минуту, «не поддаются описанію».

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Букеръ съ женою осмотрѣлъ Голандію и Бельгію, прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ и объѣхалъ главные культурные и культурно-промышленные центры Англіи. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ его друзей изъ высшаго общества С.-А. штатовъ, ему были открыты двери въ лучшіе дома всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ. Въ Лондонѣ онъ пріобрѣлъ дружбу герцога и герцогини Сёдерлендскихъ, съ которыми поддерживалъ письменныя отношенія и по возвращеніи въ Америку. При посредствѣ лэди Абердинъ, онъ былъ приглашенъ въ числѣ почетныхъ гостей на происходившій въ это время международный женскій конгрессъ, а затѣмъ въ Виндзоръ «на чашку чая», къ королевѣ Викторіи. Разсказывая объ этомъ событіи своей жизни въ самыхъ сжатыхъ и бѣглыхъ словахъ, Букеръ заключаетъ: «Съ нами вмѣстѣ была Миссъ Сюзана Антони, и я находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ такого рѣдкаго стеченія обстоятельствъ, которое позволило мнѣ одновременно увидѣть двухъ столь значительныхъ, замѣчательныхъ и столь различныхъ женщинъ».

Во время пребыванія своего въ Европѣ Букеръ получилъ изъ Америки одно извѣстіе, которое, какъ и все особенно лестное для него, повергло его въ глубокое удивленіе: представители городского само-

управленія г. Чарлстона, главнаго города. Западной Виргиніи, приглашали его, отъ лица всѣхъ выдающихся гражданъ города «почтить ихъ, по возвращеніи изъ Европы, своимъ посѣщеніемъ» и дать имъ возможность публично выразить ему благодарностькакъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ людей и дѣятелей современности. Чарлстонъ, находившійся вблизи отъ Мольдена, былъ городъ, съ которымъ у Букера были соединены многія воспоминанія дѣйтства и юности. И кромѣ того это былъ городъ, являвшійся въ очень недавнее время оплотомъ рабовладѣльчества. Здѣсь именно томился въ тюрьмѣ и былъ повѣшенъ, за мятежъ въ пользу рабовъ, героическій пуританинъ Джонъ Броунъ. Теперь, ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого событія, Чарлстонъ устраивалъ рожденному въ рабствѣ негру небывалое публичное чествованіе. Букеръ не могъ отказаться отъ приглашенія на это чествованіе, имѣвшее столь принципіальный характеръ. Праздникъ, который ему устроили, носилъ характеръ торжественнаго юбилея. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ депутаціею города, а вечеромъ состоялся торжественный пріемъ въ переполненномъ залѣ театра, гдѣ присутствовали городскія власти и представители всѣхъ классовъ общества. Среди представителей бѣлой расы Букеръ узналъ нѣсколькихъ лицъ, на которыхъ ему приходилось въ дѣтствѣ работать.

Послѣ этого празднества въ Чарлстонѣ, Букеръ получилъ подобныя же приглашенія изъ Атланты, Новаго Орлеана и другихъ городовъ, но нѣкоторыя изъ этихъ приглашеній онъ принужденъ былъ отклонить: онъ спѣшилъ въ Тёскиджи, къ своему любимому дѣлу, которое не переставало нуждаться въ немъ, какъ въ своемъ вдохновенномъ руководителѣ.

Въ текущемъ году, когда вышла въ свѣтъ автобіографія Букера Вашингтона, школа его могла бы отпраздновать двадцатилѣтіе своего существованія. Отчетъ, который онъ даетъ о ней въ заключеніе своей книги, рисуетъ картину, словно заимствованную изъ какой-нибудь соціально-художественной утопіи. Школа, открывшаяся въ полуразрушенной хижинѣ — безъ единой копейки въ кассѣ, превратилась въ обширнѣйшее учебное заведеніе, вмѣщающее болѣе 1.100 воспитанниковъ-пансіонеровъ, собирающихся сюда изъ 27 различныхъ штатовъ, а также изъ Африки, Кубы и Ямайки. Изъ 2.300 акровъ принадлежащей школѣ земли, 700 акровъ ежегодно обрабатываются руками учениковъ подъ различные посѣвы. Школа занимаетъ въ общемъ сорокъ строеній разной величины и разныхъ назначеній, и всѣ эти строенія, за исключеніемъ четырехъ, были возведены самими учащимися. Учительскій и воспитательскій персоналъ школы состоитъ изъ 86 человѣкъ, причемъ на ряду съ профессорами, читающими лекціи по академическимъ предметамъ, работаютъ спеціалисты-техники по двадцати восьми отраслямъ промышленности. Академическими предметами женщины занимаются вмѣстѣ съ мужчинами, въ промышленныхъ же

и сельскохозяйственныхъ отрасляхъ курса онѣ обучаются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отдѣльно; онѣ спеціализируются преимущественно въ домоводствѣ, садоводствѣ, птицеводствѣ, огородничествѣ. Лица, окончившія школу, всегда немедленно находятъ себѣ заработокъ, и руководители школъ затрудняются только тѣмъ, что не могутъ удовлетворять всѣхъ поступающихъ къ нимъ просьбъ о присылкѣ, на то или другое мѣсто, оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ.

Пересказанная нами автобіографія Букера Вашингтона появилась въ свѣтъ въ разгаръ его дѣятельности. Этому мощному человѣку, прошедшему тяжелую школу всяческихъ лишеній и создавшему для своего племени безподобную школу разносторонняго труда, всего только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Нужно думать, что онъ будетъ еще долго жить, работать и говорить въ защиту своей расы, — до сихъ поръ нуждающейся въ этой защитѣ, ибо въ Соединенныхъ Штатахъ расовые предразсудки далеко еще не разсѣялись. Еще въ концѣ прошлаго года мы читали въ газетахъ извѣстіе о новомъ взрывѣ племеннаго антагонизма въ Соединенныхъ Штатахъ и при томъ именно въ связи съ именемъ Букера Вашингтона: представители вашингтонскаго общества и мѣстной печати были крайне шокированы поступкомъ новаго президента штатовъ Рузвельта, который пригласилъ Букера, въ числѣ другихъ гостей, къ себѣ на завтракъ. Покойный президентъ Мак-Кинлей посѣтилъ его школу, сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на завтракъ все же его не приглашалъ. Всѣ знаютъ и признаютъ заслуги Букера передъ страною, и тѣмъ не менѣе такое невинное новшество, какъ приглашеніе *негра* на завтракъ къ президенту, является для американскаго общества цѣлымъ событіемъ, которое возбуждаетъ разнорѣчивые толки и ожесточенную газетную полемику. Это кажется почти непонятнымъ въ Европѣ, гдѣ Букеръ Вашингтонъ былъ гостемъ даже у англійской королевы, и особенно поражаетъ того, кто прочелъ книгу Букера Вашингтона.

И однако, это такъ и это показываетъ, въ какой мѣрѣ нужна дѣятельность такого человѣка, такого негра, какъ Букеръ Вашингтонъ. Пламенныя и трогательныя рѣчи его, призывающія людей къ неустанному труду и къ любви, потому именно такъ и волнуютъ его слушателей, что онъ напоминаетъ имъ объ истинахъ, скрытыхъ въ сердцѣ каждаго человѣка, но часто лежащихъ тамъ безъ движенія, задавленныхъ разными грубыми инстинктами. Злыя расовыя предубѣжденія постепенно смягчаются, побѣждаются, но они представляютъ собою еще огромную силу, и для борьбы съ ними нужны такіе добрые, но непреклонные духомъ герои, какимъ выступаетъ въ его безыскусственной исторіи Букеръ Вашингтонъ.

Л. Гуревичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА.

I.

Наступившій XX вѣкъ засталъ нашу біологическую науку за усиленной переработкой одного изъ самыхъ важныхъ ея ученій, за перестройкой одного изъ самыхъ стройныхъ зданій, воздвигнутыхъ ею впродолженіи истекшаго вѣка: теорія Дарвина переживаетъ кризисъ.

Въ жизни каждой науки бываютъ періоды, когда одна какая-нибудь общая идея безраздѣльно овладѣваетъ умами и становится центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальные элементы познанія. Каждый фактъ, всякое единичное явленіе пріобрѣтаютъ интересъ постольку, поскольку они могутъ быть приведено въ связь съ этой общей идеей—и между спеціальнымъ изслѣдованіемъ и теоретической мыслью устанавливается тѣсная связь и гармонія, гарантирующія прочное и плодотворное развитіе науки. Такое время пережили біологическія науки съ тѣхъ поръ, какъ теорія Дарвина нашла себѣ почти всеобщее признаніе ученыхъ всего міра. Обозрѣвая успѣхи, сдѣланные разными отдѣлами біологіи за этотъ періодъ, не знаешь, чему больше удивляться: огромному росту фактическихъ знаній, или той цѣльности и гармоничности общей картины, въ которую группировались частные факты.

Но вотъ съ начала 90-хъ годовъ начинаетъ чувствоваться диссонансъ, наступаетъ «смутное время»; сначала робко и нерѣшительно, а потомъ все громче и настойчивѣе начинаютъ раздаваться изъ среды естествоиспытателей голоса объ устарѣлости теоріи Дарвина, о ея несоотвѣтствіи съ новѣйшими данными точнаго изслѣдованія, о необходимости отрѣшенія отъ предразсудковъ дарвинизма и т. д. Появляется рядъ статей и большихъ сочиненій, пытающихся замѣнить устарѣвшую якобы теорію новыми, завязывается полемика, вопросы Дарвинизма все чаще становятся темой оживленныхъ дебатовъ на съѣздахъ естествоиспытателей—словомъ, мы вступаемъ въ полосу «критики» и «антикритики».

Покуда ученые спеціалисты спорятъ обо всѣхъ этихъ вопросахъ, читающая публика, до которой доносятся время отъ времени отзвуки

споровъ, приходитъ въ справедливое недоумѣніе. Только что, кажется, эта замѣчательная теорія сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ образованнаго міра, проникнувъ въ элементарные учебники и популярныя сочиненія,—и вдругъ уже опять «устарѣла»!

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ остановиться на нѣсколькихъ важныхъ методологическихъ вопросахъ, въ которыхъ прежде всего необходимо разобраться всякому, кто желаетъ приблизиться къ рѣшенію вопроса: устарѣла ли теорія Дарвина, или нѣтъ.

Прежде чѣмъ перейти къ самому предмету моей статьи я долженъ, однако, сдѣлать одно замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что большинство современныхъ антидарвинистовъ отрицаютъ не всю совокупность того ученія, которое принято называть дарвинизмомъ, а только часть его—именно, теорію естественнаго отбора *).

Споръ ведется, стало быть, только о томъ, является ли формулированный Дарвиномъ естественный отборъ въ дѣйствительности тѣмъ способомъ, при помощи котораго совершается превращеніе органическихъ формъ и достигается это поразительное разнообразіе формъ животнаго и растительнаго міра. Современные антидарвинисты утверждаютъ, что развитіе органическаго міра совершается при помощи цѣлаго ряда факторовъ, и либо отводятъ естественному отбору лишь второстепенное мѣсто въ ряду этихъ факторовъ, либо совершенно исключаютъ его изъ ихъ числа. Споръ ведется, стало быть, не о признаніи или непризнаніи эволюціи органическихъ формъ, а о пути, которымъ шла эта эволюція, о факторахъ, двигавшихъ ею.

Это чрезвычайно важно отмѣтить и необходимо постоянно имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнивать разницу между современной антидарвинистической оппозиціей и той, съ которой въ свое время пришлось бороться первымъ приверженцамъ дарвинизма. Тогда, въ героическій періодъ борьбы за дарвинизмъ, это была борьба за эволюціонное міросозерцаніе и за свободу научнаго изслѣдованія, противъ клерикальнаго догматизма, пытавшагося задержать свободное развитіе научной мысли силою доводовъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Въ силу особой комбинаціи общественныхъ условій того времени обстоятельства сложились такъ, что все прогрессивное было за дарвинизмъ, вся реакція—противъ него, и этимъ, главнымъ образомъ, обусловливалось моральное значеніе одержанной дарвинистами побѣды.

Теперь это—чисто академическій споръ между представителями науки, споръ затѣваемый не во имя защиты какихъ-нибудь старыхъ

---

*) Потому современный антидарвинизмъ было бы правильнѣе назвать «антиселекціонизмомъ». Единственное исключеніе составляетъ Флейшманъ, отрицающій эволюцію организмовъ вообще. О Флейшманѣ я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ («Міръ Божій», 1901 г., № 7) и потому здѣсь совершенно оставляю его въ сторонѣ.

отжившихъ догматовъ и не во имя «предупрежденія и пресѣченія», а исключительно во имя строгой научной критики, требующей постоянной провѣрки теорій вновь пріобрѣтаемымъ запасомъ фактическихъ знаній.

Но тутъ возникаетъ важный вопросъ: можно ли разъединять ученіе Дарвина на двѣ части, и предавая критикѣ одну изъ нихъ, безусловно признавать другую? Въ своей вступительной статьѣ къ переводу «Происхожденія видовъ» профессоръ К. Тимирязевъ говоритъ о новыхъ попыткахъ опроверженія дарвинизма слѣдующее:

«Но прошло еще десятилѣтіе или два, и стали проявляться новыя попытки подорвать значеніе этого небывалаго, по своему объему, пріобрѣтенія науки. Въ томъ, что еще недавно признавали за нелѣпое новшество, пытаются видѣть давно извѣстную, общепризнанную истину. Для достиженія этого, пытаются раздробить это стройное въ своей цѣлостности ученіе на двѣ основныя задачи, которыя только что нами указаны. Пытаются разграничить ученіе о единствѣ органическаго міра, или вообще эволюціонное ученіе, отъ объясненія, какимъ образомъ совершился этотъ процессъ эволюціи,—что собственно составляетъ главное содержаніе дарвинизма. Пытаются доказать, что важно въ этой книгѣ только доказательство существованія эволюціи, а не объясненіе самаго ея процесса; а такъ какъ предположенія о *возможности* *) эволюціи высказывались и ранѣе, напр., Ламаркомъ, то выходило бы, что хорошо въ этой книгѣ только то, что не ново, а то, что ново, или нехорошо, или во всякомъ случаѣ несущественно. Старая, вѣчно повторяющаяся исторія: на первыхъ порахъ новая идея признается нелѣпой, а когда она выйдетъ побѣдительницей изъ упорной борьбы, оказывается, что всѣ ее давно раздѣляли» **).

Мы не можемъ раздѣлить аргументаціи проф. Тимирязева. По нашему мнѣнію, всякую теорію можно разсматривать либо въ чисто логическомъ освѣщеніи, либо въ историческомъ. И весьма часто можетъ оказаться, что какое-либо ученіе, представляющее при историческомъ освѣщеніи одно «стройное въ своей цѣлостности» зданіе, можетъ и должно быть расчленяемо при логическомъ и методологическомъ анализѣ на свои составныя части, иногда рѣзко различающіяся какъ по своей задачѣ, такъ и по своему методу. Именно такъ обстоитъ дѣло въ данномъ случаѣ. Если мы сравнимъ *теорію происхожденія* (Descendenztheorie) съ *теоріей естественнаго отбора* — (Selectionstheorie), то мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свои собственныя задачи и свой собственный методъ.

Задача теоріи происхожденія болѣе общая—показать генетическую связь между формами различныхъ животныхъ и растительныхъ группъ, связь, угадываемую нами на основаніи нѣкоторыхъ общихъ чертъ организаціи, но на первый взглядъ непримиримую съ кажущимся постоянствомъ видовыхъ признаковъ. Задача эта весьма обширна и отъ правильнаго рѣшенія ея въ значительной степени зависитъ весь характеръ нашего міросозерцанія. Въ этомъ смыслѣ теорія происхожде-

*) Курсивъ автора.

**) «Происхожденіе видовъ». Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Вступительная статья профессора К. Тимирязева, стр. III.

нія занимаетъ приблизительно такое же мѣсто по отношенію къ господствовавшимъ раньше воззрѣніямъ, какъ обоснованная Коперникомъ и Кетлеромъ геліоцентрическая система къ господствовавшей прежде геоцентрической.

Иную задачу ставитъ себѣ теорія отбора: разсматривая эволюцію организмовъ, какъ прочно установленный фактъ, она пытается дать представленіе о томъ пути, по которому совершается эта эволюція, о тѣхъ движущихъ силахъ, которыя играютъ въ ней главную роль. Эта часть ученія Дарвина по своей задачѣ является подчиненной первой, ея судьба цѣликомъ зависитъ отъ судьбы первой теоріи.

То же коренное различіе наблюдается и въ методахъ, при посредствѣ которыхъ эти обѣ теоріи были установлены. Общая теорія о развитіи органическихъ формъ была выработана чисто индуктивнымъ путемъ: множество частныхъ фактовъ изъ анатоміи, палеонтологіи, географіи животныхъ и растеній всѣ согласно указывали на необходимость такого вывода—и этотъ выводъ былъ сдѣланъ. По нашему мнѣнію, Дарвину принадлежитъ почти цѣликомъ заслуга научнаго обоснованія трансформизма, предшественниками Дарвина для этого было сдѣлано очень мало *).

Не трудно убѣдиться въ томъ, что къ теоріи отбора ведетъ иной путь. Старая натурфилософская школа сводила очевидное сходство въ организаціи животныхъ группъ, послѣдовательно населявшихъ землю, на чисто абстрактный моментъ, на идейное «единство плана творенія». Новое трансформистское ученіе утверждало, наоборотъ, чисто реальную преемственность, кровное родство между организмами. Этимъ самымъ вопросъ вводился въ сферу явленій, доступныхъ научному изслѣдованію, и новое ученіе какъ бы обязывалось освѣтить самый ходъ этого процесса измѣненія формъ, выставивъ его, какъ продуктъ продолжительнаго взаимодѣйствія между организмами и условіями ихъ земного существованія. Однако, для того, чтобъ получить представленіе о такомъ процессѣ измѣненія формъ на основаніи прямого наблюденія, потребовался бы трудъ нѣсколькихъ поколѣній біологовъ, проникнутыхъ эволюціонной идеей и подходящихъ къ явленіямъ съ опредѣленными вопросами и съ опредѣленными методами изслѣдованія. У Дарвина не было подъ руками такого матеріала; необходимо было поискать аналогій и прежде всего обратиться къ той области, гдѣ измѣненіе органическихъ формъ совершается ускореннымъ темпомъ, благодаря планомѣрному вмѣшательству человѣка,— къ области прирученныхъ животныхъ и возлѣланныхъ растеній. Здѣсь важнѣйшимъ фактомъ, обусловливающимъ прогрессивное расхожденіе признаковъ, является подборъ, сознательно суммирующій уклоненія въ сторону, желательную для скотовода и садовода. Этотъ то факторъ и былъ перенесенъ по аналогіи на процессъ,

*) Болѣе подробный разборъ этого вопроса ср. «М. Б.» 1901, № 7.

совершающійся въ свободной природѣ. Основаніемъ для такого перенесенія послужило прежде всего совершенно вѣрное наблюденіе, что число особей, доживающихъ до взрослаго состоянія ничтожно по сравненію съ числомъ родящихся особей того же вида. Изъ этого наблюденія было выведено предположеніе, что если такимъ образомъ жизнь однихъ особей покупается цѣною гибели другихъ, переживать всегда будутъ тѣ, организація которая наиболѣе приспособлена къ даннымъ условіямъ существованія. Результатъ сознательнаго суммированія желательныхъ уклоненій былъ отожествленъ съ результатомъ безсознательнаго истребленія отрицательныхъ уклоненій.—Умѣстно ли такое перенесеніе—это вопросъ, о которомъ спорили и спорятъ теперь. Мы не можемъ разбирать здѣсь этого вопроса по существу, для насъ важно лишь отмѣтить, что теорія отбора является по логическому характеру заключеніемъ по аналогіи.

Если такимъ образомъ оказывается, что двѣ важнѣйшія части ученія Дарвина различаются какъ по методу, такъ и по задачѣ, то мы обязаны разграничивать ихъ, разъ мы ставимъ своей задачей уясненіе и критическій анализъ основныхъ элементовъ этого ученія. Но дѣлая такое разграниченіе, мы ни на минуту не должны забывать, что, какъ бы ни отличались эти двѣ теоріи по своему логическому характеру, онѣ тѣсно связаны между собой въ силу того историческаго факта, что онѣ были разработаны и обоснованы однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но тутъ мы уже становимся на историческую точку зрѣнія.

Теперь, когда никто и не думаетъ оспаривать трансформизма и и привлекать къ объясненію явленій природы какія-то сверхъестественныя силы, нечего бояться повредить эволюціонному міросозерцанію и его приложенію къ органическому міру, разлагая ученіе Дарвина на его составныя части и освѣщая и критикуя ту или иную часть на основаніи новыхъ данныхъ науки. Итакъ, мы будемъ заниматься въ послѣдующемъ исключительно *теоріей естественнаго отбора*.

Доступные наблюденію факты, на которыхъ основывается теорія естественнаго отбора, это: *измѣнчивость*, *наслѣдственность* и *тенденція къ безграничному размноженію*. Само собою разумѣется, что правильная формулировка теоріи находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ того, насколько точно изучена та область фактовъ, явленій, на которой она опирается. Но явленія эти могутъ быть изучаемы двоякимъ образомъ: мы можемъ изслѣдовать законы этихъ явленій, т.-е. установить эмпирически закономѣрности въ ихъ проявленіи, въ ихъ связи съ другими явленіями и т. д. Такъ, въ области измѣнчивости мы можемъ пытаться отвѣтить на вопросы: совершаются ли измѣненія въ организаціи въ любыхъ направленіяхъ, или только въ нѣкоторыхъ, вполнѣ опредѣленныхъ; находятся ли эти измѣненія въ зависимости отъ возраста организма, отъ условій его жизни, ограничиваются ли они извѣстнымъ размѣромъ или

они могутъ принять любую величину и т. д. Такъ, въ области наслѣдственности насъ могутъ интересовать вопросы о томъ, пріурочена ли наслѣдственная передача къ извѣстному возрасту или же она независима отъ возраста; исчезаетъ ли возможность наслѣдственной передачи съ теченіемъ времени, или же признаки могутъ находиться долгое время въ скрытомъ состояніи и затѣмъ проявиться и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ путемъ продолжительнаго наблюденія, нѣкоторые разрѣшаются чисто статистическимъ путемъ; всѣ такіе отвѣты будутъ относиться къ категоріи *законовъ* измѣнчивости, *законовъ* наслѣдственности. Но мы можемъ подходить къ этимъ явленіямъ и съ другой стороны, мы можемъ пытаться уяснить себѣ сущность и причины этихъ явленій, ихъ механизмъ, или, другими словами, мы можемъ пытаться свести ихъ на рядъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ явленій. Всякая такая попытка будетъ носить уже характеръ *теоріи* измѣнчивости, *теоріи* наслѣдственности. Въ противоположность эмпирическимъ законамъ такая теорія всегда будетъ носить спекулятивный характеръ, она будетъ давать намъ болѣе или менѣе наглядный образъ, цѣнность котораго лежитъ именно въ этой наглядности; она будетъ удовлетворять извѣстную потребность нашего мышленія, но въ то же время составляетъ самый непрочный элементъ въ системѣ нашихъ знаній. Эмпирикъ Дарвинъ былъ все же вынужденъ построить такую гипотезу наслѣдственности для наглядnаго изложенія нѣкоторыхъ затронутыхъ имъ вопросовъ; но послѣ Дарвина было опубликовано не менѣе полдюжины другихъ гипотезъ наслѣдственности, а теперь едва ли есть хоть одинъ выдающійся біологъ, у котораго нѣтъ на этотъ счетъ своихъ собственныхъ представленій, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ къ каждой изъ предложенныхъ гипотезъ.

Другое дѣло—эмпирически устанавливаемые *законы* измѣнчивости и законы наслѣдственности. Ко времени возникновенія теоріи отбора такихъ законовъ измѣнчивости и наслѣдственности было извѣстно еще очень мало. На стр. 105 «Происхожденія видовъ» Дарвинъ говоритъ: «Наше незнаніе, по отношенію къ законамъ измѣнчивости, глубоко». На стр. 15 мы находимъ такое мѣсто: «Измѣнчивость управляется многочисленными законами; нѣкоторые изъ нихъ уже смутно выясняются», и нѣсколько дальше на той же стран.: «Результаты различныхъ, вовсе неизвѣстныхъ, или смутно понимаемыхъ, законовъ измѣнчивости безконечно сложны и разнообразны», тоже на стр. 16 относительно наслѣдственности: «Законы, управляющіе наслѣдственностью, по большей части неизвѣстны». Это незнаніе становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ, что до Дарвина эта область явленій никого не интересовала. Но данный Дарвиномъ толчокъ долженъ былъ повести къ усиленному занятію этими вопросами, къ изслѣдованіямъ, въ результатѣ которыхъ должно было получиться установленіе новыхъ

«законовъ измѣнчивости и наслѣдственности». Съ этими-то вновь открываемыми эмпирическими законами должна считаться теорія естественнаго отбора, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ такъ или иначе отразиться на формулировкѣ самой теоріи, требуя измѣненія тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Поясним примѣромъ. Принимая личную измѣнчивость организмовъ и наслѣдственную передачу наступившихъ измѣненій за основаніе своей теоріи, Дарвинъ представлялъ себѣ ходъ этого процесса приблизительно такимъ образомъ. У особей того вида, который мы должны считать за родоначальника жираффы, длина шеи колебалась въ извѣстныхъ предѣлахъ, и рѣзкія уклоненія въ ту или другую сторону группировались около извѣстной средней величины. Если вслѣдствіе засухи погибли всѣ особи, обладавшія слишкомъ короткими шеями, то вслѣдствіе переживанія особей съ длинными шеями, у слѣдующаго поколѣнія былъ большій процентъ длинношеихъ, т.-е. средняя величина этого признака повысилась; если судьба пошлетъ еще разъ такое тяжелое испытаніе, то средняя длина шеи снова подымется на нѣкоторую долю и такъ далѣе безъ конца, другими словами, если какой-нибудь признакъ подвергается отбору, то средняя величина этого признака можетъ повышаться до неопредѣленнаго предѣла, такъ какъ переживаніе положительныхъ уклоненій все больше уменьшаетъ вѣроятность появленія рѣзкихъ уклоненій въ отрицательную сторону. Но вотъ въ послѣднее время де-Фризъ, на основаніи обширныхъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что такое повышеніе среднихъ размѣровъ признака, осуществляемое при помощи отбора, имѣетъ свои предѣлы, и при томъ довольно тѣсные предѣлы. Отбирая для посѣва початки маиса, обладающіе наибольшимъ числомъ рядовъ зеренъ, мы можемъ повышать среднее число рядовъ въ початкахъ, но лишь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Дальше никоимъ образомъ не удается достигнуть повышенія, а при малѣйшемъ ослабленіи отбора число рядовъ зеренъ стремится возвратиться къ первоначальной средней величинѣ, являющейся однимъ изъ признаковъ данной разновидности. Съ другой стороны, тотъ же де-Фризъ, а также независимо отъ него и Коржинскій пришли къ тому убѣжденію, что исходнымъ пунктомъ образованія новыхъ видовъ является не тѣ личныя измѣненія въ величинѣ признака, которыя подвергаются извѣстнымъ статистическимъ законамъ и носятъ характеръ количественныхъ уклоненій, не передающихся по наслѣдству, а другія, болѣе внезапно появляющіяся, уклоненія, носящія качественный характеръ и способныя къ наслѣдственной передачѣ: такъ внезапно возникаютъ махровыя разновидности цвѣтовъ, пурпурныя разновидности деревьевъ и др. (теорія мутацій де-Фриза, гетерогенезисъ-Коржинскаго).

Всѣ эти и другіе вновь открываемые законы измѣнчивости должны быть анализируемы съ точки зрѣнія ихъ совмѣстимости или несовмѣстимости съ теоріей отбора и формулировка этой теоріи должна быть въ

случаѣ необходимости измѣняема и приспособляема къ этимъ новымъ законамъ. Къ сожалѣнію, такой анализъ очень рѣдко предпринимается: обыкновенно всякій, открывшій такой новый законъ измѣнчивости, спѣшитъ объявить теорію отбора упраздненной, какъ будто бы самый фактъ установленія новаго закона измѣнчивости подрываетъ престижъ теоріи отбора. Съ другой стороны, безусловные сторонники отбора огульно отрицаютъ новыя наблюденія и отстаиваютъ всѣ детали теоріи, даже явно несообразныя.

Обычное мнѣніе, высказываемое дарвинистами, таково, что теорія естественнаго отбора способна объяснить механическимъ путемъ цѣлесообразность въ строеніи и отправленіяхъ живыхъ организмовъ, въ ихъ поразительныхъ приспособленіяхъ къ окружающему міру, живому и мертвому. Раскройте наугадъ любую книгу по біологіи и вы найдете приблизительно такую типическую фразу: «Чарльзу Дарвину удалось, при помощи развитой имъ теоріи естественнаго отбора, объяснить естественно-историческимъ путемъ, какъ осуществляются цѣлесообразныя приспособленія въ живой природѣ» *).

Не трудно доказать, однако, что эта формулировка слишкомъ обширна и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Всякому, даже поверхностно знакомому съ данными современной біологіи, извѣстно, что на ряду съ филетическимъ приспособленіемъ организмовъ, т.-е. постепеннымъ приспособленіемъ цѣлаго ряда формъ къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ условіямъ—напомнимъ хотя бы клювъ дятла, охранительныя окраски полярныхъ и степныхъ животныхъ, замѣчательный механизмъ опыленія у многихъ цвѣтовъ и пр.—существуетъ еще область явленій такъ называемаго «прямого приспособленія», заключающаяся въ томъ, что организмъ, попавшій въ извѣстную среду, реагируетъ цѣлесообразно на воздѣйствія этой среды, т.-е. принимаетъ такія формы и отправленія, которыми парализуются вредныя воздѣйствія среды.

Къ этой категоріи явленій относится замѣчательная архитектура нашихъ костей, особенно ярко бросающаяся въ глаза въ раздутыхъ концахъ (эпифизахъ) нашихъ трубчатыхъ костей, хотя бы, напримѣръ, бедренныхъ. Твердое костное вещество здѣсь не сплошь заполняетъ внутренность кости, а расположено въ видѣ тонкихъ, сѣтеобразно переплетенныхъ пластинокъ, причемъ эти пластинки располагаются такимъ образомъ, что соотвѣтствуютъ направленію наибольшаго давленія. Въ каждой кости пластинки имѣютъ иное расположеніе, сообразно ея особой службѣ, но вездѣ оно таково, что можетъ быть вычислено, если принять во вниманіе главнѣйшія направленія давленія и вытягиванія. Благодаря этому, получается наибольшая вы-

*) Цитирую изъ «Физіологіи животнаго организма и въ особенности человѣка» профессора Ю. Бернштейна. Изд. 1894 года.

ность кости при большомъ сбереженіи въ строительномъ матеріалѣ. Что данное приспособленіе есть дѣйствительно «прямое», слѣдуетъ изъ того, что въ случаяхъ залечиванія переломовъ, когда взаимное расположеніе частей кости, а вмѣстѣ съ этимъ и направленіе наибольшаго давленія, испытываемаго каждою частью, измѣняются, мы наблюдаемъ вполнѣ соотвѣтственное измѣненіе въ направленіи костныхъ пластинокъ данной части эпифизы.

Такія непосредственно-цѣлесообразныя реакціи наблюдаются также и въ области явленій регенераціи — самодѣятельнаго возмѣщенія живымъ организмомъ поврежденныхъ или удаленныхъ тканей и органовъ. Приведу одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ, съ которымъ мы познакомились въ сравнительно недавнее время. Извѣстно, что хрусталикъ, находящійся въ глазу позвоночныхъ, обязанъ своимъ возникновеніемъ цѣлому ряду весьма сложныхъ процессовъ роста и дифференцировки тканей, происходящихъ въ эктодермальномъ эпителіи. Нѣтъ нужды излагать здѣсь эти процессы, но важно отмѣтить слѣдующій, весьма знаменательный фактъ: регенерація поврежденнаго хрусталика никоимъ образомъ не можетъ совершиться тѣмъ же путемъ, какимъ совершается его нормальное развитіе въ нашей эмбріональной жизни, когда каждый шагъ этого развитія диктуется наслѣдственностью. Ибо, какъ только его развитіе заканчивается, хрусталикъ отторгается отъ ткани, давшей ему начало, и попадаетъ въ чуждую семью тканей, весьма односторонне приспособленныхъ къ своимъ функціямъ: сѣтчатка, роговица, радужная оболочка и т. д. Сдѣлавъ на личинкахъ и на выросшихъ особяхъ Triton taeniatus операцію извлеченія хрусталика, Вольфъ убѣдился въ томъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ хрусталикъ снова возстановлялся. Но изъ какой ткани? Кратчайшимъ изъ мыслимыхъ путей такого возстановленія было бы превращеніе клѣтокъ радужной оболочки въ новый хрусталикъ, такъ какъ эти клѣтки сохраняютъ свойства эктодермальнаго эпителія въ наиболѣе чистомъ видѣ; но клѣтки этого эпителія переполнены пигментомъ, соотвѣтственно главной задачѣ радужной оболочки — быть непрозрачной. Этотъ кратчайшій путь и былъ на самомъ дѣлѣ избранъ организмомъ. Цѣлая армія лейкоцитовъ была пущена въ дѣло для удаленія пигмента изъ клѣтокъ—и въ результатѣ самая непрозрачная изъ тканей глаза была превращена въ самый важный изъ его прозрачныхъ діоптрическихъ аппаратовъ! *).

Какъ же объяснить себѣ эти проявленія внутренней цѣлесообразности, непосредственно управляющей, повидимому, живыми организмами, какъ въ процессѣ ихъ нормальнаго развитія, такъ и при случаяхъ приспособленія къ измѣнявшимся условіямъ существованія. Что кости

*) G. Wolff. «Beiträge zur Kritik der darvin'schen Lehre». Leipzig. 1898. Также въ «Archiv für Entwickelungsmechanick».

наши не сплошь состоятъ изъ твердаго вещества—это еще можно было объяснить отборомъ, ссылаясь во-первыхъ на выгоды связанныя со сбереженіемъ вещества, во-вторыхъ на легкость костей, гарантирующую большую свободу движеній, чѣмъ это было бы возможно при компактныхъ костяхъ. Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые дарвинисты (Plate), особенно подчеркивая ту несомнѣнно вѣрную мысль что проведеніе рѣзкой черты между «внутренней» и «внѣшней» цѣлесообразностью не всегда возможно. Но способность прямого приспособленія развитой кости къ измѣнившимся условіямъ уже заставляетъ насъ вспомнить объ одномъ основномъ свойствѣ живыхъ тканей,—объ ихъ функціональной или трофической раздражимости. Общеизвѣстнымъ внѣшнимъ выраженіемъ этого свойства тканей служитъ тотъ фактъ, что продолжительное и частое упражненіе побуждаетъ наши органы къ усиленному питанію и росту, между тѣмъ какъ неупотребленіе ведетъ къ дегенераціи (первый принципъ Ламарка). Въ приложеніи къ данному случаю, имѣющему, къ слову сказать, свои аналогіи въ расположеніи механическихъ тканей у растеній, это означало бы, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клѣткамъ приходится оказывать наибольшее противодѣйствіе дѣйствующимъ извнѣ механическимъ силамъ, эти клѣтки сильнѣе всего развиваются. Такая способность организма соразмѣрять количественно размѣръ своего отправленія съ размѣромъ потребности, является въ высшей степени цѣлесообразной для организма.

Вотъ тутъ и возникаетъ вопросъ, можетъ ли это весьма цѣлесообразное свойство организмовъ, которое мы называемъ «трофическимъ вліяніемъ функціональнаго раздраженія», можетъ ли это свойство быть объяснено отборомъ? Здѣсь мнѣнія дарвинистовъ расходятся. Французскій ученый *Ле-Дантекъ* въ послѣднее время пытается доказать, что такое объясненіе не только возможно, но составляетъ даже «очевидный фактъ». Для этого приходится однако построить гипотезу, что первоначально ткани состояли изъ двухъ родовъ клѣтокъ: такихъ, для которыхъ ихъ функціонированіе служило стимуломъ для дальнѣйшаго питанія и роста, и такихъ, которые, не обладали этимъ свойствомъ. Въ результатѣ неизбѣжно должно получиться переживаніе тѣхъ элементовъ ткани, которыя обладали этой функціональной раздражимостью, и такимъ образомъ это весьма полезное свойство сдѣлалось достояніемъ всей ткани.

Слѣдуетъ замѣтить, что такое объясненіе по своей основной идеѣ не ново, а представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Вильгельма Ру, опубликовавшаго еще въ 1881 году свою теорію «борьбы частей въ организмѣ» въ сочиненіи, которое Геккель считаетъ «однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ ученіе о развитіи, сдѣланныхъ со времени появленія главнаго сочиненія Дарвина (1859) и однимъ изъ существеннѣйшихъ дополненій къ его теоріи естественнаго отбора». Другіе дарвинисты считаютъ эту теорію «внутренней борьбы частей» излиш-

ней для объясненія эмбріональнаго развитія, строго слѣдующаго законамъ наслѣдственности, и самую идею отбора неприложимой къ объясненію трофической раздражимости. Такъ, въ самое послѣднее время Плате, поставившій себѣ задачей собрать весь арсеналъ доводовъ въ пользу естественнаго отбора и въ частныхъ вопросахъ часто прибѣгающій къ большимъ натяжкамъ, въ данномъ общемъ вопросѣ усматриваетъ въ разумномъ ограниченіи области приложенія скорѣе пользу, чѣмъ вредъ для защищаемой имъ теоріи. Онъ рѣшительно выступаетъ противъ теоріи Ру, говоря между прочимъ о трофической раздражимости слѣдующее:

«Способность къ трофическому раздраженію есть элементарное свойство организмовъ, какъ и способность къ ассимиляціи и дыханію. Она не объясняется внутренней борьбой и вообще въ настоящее время не объяснима, развѣ что мы предположимъ, что она постепенно развивалась начиная съ простѣйшихъ путемъ отбора особей (т.-е. вымиранія тѣхъ особей, у которыхъ эта трофическая раздражимость была менѣе совершенна С. Ч.). *Но это разумѣется не было бы объясненіемъ ея происхожденія*, это объясняло бы лишь почему она теперь имѣется у всѣхъ особей и какимъ путемъ она могла бы, пожалуй, быть повышена» *).

Подчеркнутыя мною слова Плате лучше всего вводятъ насъ въ самую суть вопроса. Принципъ отбора приложимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно объяснить происхожденіе болѣе совершеннаго изъ менѣе совершеннаго. Но добравшись до самаго начала этого процесса мы имѣемъ передъ собой живой организмъ, обладающій уже въ нѣкоторой степени трофической раздражимостью. Значитъ мы объяснили отборомъ лишь постепенный ростъ этой полезной способности, но отнюдь не ея первое происхожденіе. Еще ярче бросается въ глаза несообразность такого приложенія идеи отбора, если перенести туже аргументацію на другія основныя свойства живой клѣтки.

«Ткани животнаго послѣ смерти его тотчасъ же подвергаются измѣненіямъ, вызываемымъ вліяніями внѣшняго міра,—говоритъ Вольфъ.—Модифицируя соотвѣтственно эти воздѣйствія, мы можемъ задержать эти измѣненія. Такъ мы можемъ уберечь мясо отъ такихъ воздѣйствій, содержа его въ холодѣ. Но покуда оно было живо, органическое вещество не нуждалось въ такой защитѣ, отъ этихъ самыхъ воздѣйствій, она лежала въ немъ самомъ, оно было приспособлено къ этимъ воздѣйствіямъ». «Вообще не трудно понять, что жизненныя явленія суть нечто иное, какъ явленія приспособленія, т.-е. проявленія того совершенно своеобразнаго взаимодѣйствія между организмомъ и внѣшнимъ міромъ, которыя намъ извѣстны какъ органическая цѣлесообразность».

Эта первичная цѣлесообразность въ приспособленіи органическаго вещества къ внѣшнему міру и есть самая характерная особенность всего живого, что и дало возможность *Спенсеру* опредѣлять жизнь, какъ «опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ, происходящихъ соотвѣтственно внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ», или короче:

*) Plate. Ueber Bedeutung und Tragweite des Darwinschen Selectionsprincips. Leipzig 1900. Стран. 104 и слѣдующія. Курсивъ мой. *Ч.*

«Жизнь есть постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Если бы мы вздумали объяснять происхожденіе этой цѣлесообразности постепеннымъ накопленіемъ при помощи естественнаго отбора, то мы должны были бы взять своей отправной точкой такіе живые организмы, у которыхъ этой цѣлесообразности *еще не имѣлось*, что противорѣчило бы данному выше опредѣленію жизни. Итакъ, прилагать идею отбора къ первичнымъ или элементарнымъ свойствамъ живыхъ существъ невозможно, какъ бы ни были видимо цѣлесообразны эти свойства; ибо это значило бы приписывать дарвинизму поползновеніе объяснить самую жизнь, а этого поползновенія дарвинизмъ никогда и не думалъ имѣть.

На стр. 115 «Происхожденія видовъ» мы читаемъ: «Какимъ образомъ нервъ сдѣлался чувствительнымъ къ свѣту, почти такъ же мало насъ касается, какъ и вопросъ, какъ возникла жизнь». А въ письмѣ къ Тукеру отъ 29-го марта 1863 года онъ пишетъ: «Это просто безсмыслица задумываться въ настоящее время о началѣ жизни; можно было бы съ такимъ же успѣхомъ размышлять о происхожденіи матеріи». Изъ этого ясно слѣдуетъ, что Дарвинъ и не помышлялъ о включеніи первично-цѣлесообразныхъ проявленій жизни въ сферу компетенціи теоріи отбора. Такъ же высказывается и Уоллесъ.

Видимая цѣлесообразность основныхъ свойствъ протоплазмы, являющаяся превосходнымъ приспособленіемъ общаго феномена жизни, во всей его совокупности, къ космической средѣ можетъ имѣть совершенно другія причины, чѣмъ видимая цѣлесообразность *многихъ* органовъ и функцій отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, прекрасно приспособленныхъ къ ихъ спеціальнымъ условіямъ существованія. Я намѣренно говорю *многихъ*, а не *всѣхъ*, чтобы напомнить читателю тѣ многочисленные случаи, когда органы не носятъ и слѣда видимой цѣлесообразности.

Возьмемъ прежде всего самое цѣлесообразное свойство протоплазмы ея способность ассимилировать. Мы еще не можемъ объяснить себѣ физико-химическимъ путемъ этого процесса, но мы не теряемъ надежды, что современемъ это намъ удастся. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно развитой способностью къ полимеризаціи, способностью, которую мы въ болѣе слабой степени встрѣчаемъ и у другихъ органическихъ и неорганическихъ соединеній *). Гораздо труднѣе будетъ свести раздражимость на физико-химическія причины, такъ какъ здѣсь дѣло усложняется, повидимому, весьма трудно поддающимися изслѣдованію структурными особенностями протоплазмы.

Совершенно иной рядъ явленій приходится привлекать къ объяс-

*) Интересующіеся этимъ вопросомъ читатели могутъ найти нѣсколько интересныхъ указаній въ «Общей физіологіи» Ферворна.

ненію происхожденія небольшихъ внѣшнихъ отличій одного вида отъ другого, какъ бы ни были цѣлесообразны эти отличія, т.-е., какъ бы ни гармонировали съ особыми условіями, при которыхъ этимъ видамъ приходится жить. Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ.

Альпійскія растенія отличаются отъ близкихъ видовъ, живущихъ на равнинѣ цѣлымъ рядомъ признаковъ, вполнѣ гармонирующихъ съ особыми условіями альпійской жизни. Нашъ однолѣтній мятликъ (Poa annua) представленъ въ альпійской флорѣ многолѣтней разновидностью, varietas supina, что при краткости періода вегетаціи на Альпахъ весьма цѣлесообразно. Другія однолѣтнія альпійскія растенія отличаются отъ равнинныхъ видовъ чрезвычайно раннимъ цвѣтеніемъ и плодоношеніемъ, благодаря чему обезпечивается вызрѣваніе сѣмянъ и существованіе вида. Едва поднявшись надъ землей растеніе зацвѣтаетъ и съ этого момента вся его дальнѣйшая работа направлена на питаніе сѣмянъ; отношеніе между вѣсомъ сѣмянъ и вѣсомъ всего растенія у нѣкоторыхъ маленькихъ альпійскихъ растеній прямо огромно, если сравнить его съ тѣмъ же отношеніемъ у растеній равнины. У многихъ альпійскихъ видовъ и разновидностей вѣнчикъ вытянутъ въ длинную трубку, въ чемъ выражается приспособленіе къ особому составу альпійской фауны насѣкомыхъ, опыляющихъ цвѣты. Изъ тысячи посѣщеній цвѣтовъ насѣкомыми, на долю мотыльковъ, имѣющихъ болѣе длинные хоботки, чѣмъ пчелы и шмели, приходится на Альпахъ 428, на равнинѣ всего 70. Приведу также одинъ примѣръ изъ области арктической флоры. Наша трилистная вахта или трифоль—(Menyanthes trifoliata), отличаются весьма характернымъ устройствомъ цвѣтка, обезпечивающимъ перекрестное опыленіе: рыльца и пылинки у разныхъ особей находятся на различной высотѣ внутри вѣнчиковой трубки, благодаря чему пыльца одного цвѣтка, прилипающая къ хоботку насѣкомаго на извѣстной высотѣ, попадаетъ на рыльце другого цвѣтка, у котораго это послѣднее расположено именно на такой высотѣ (гетеростилія). Но то же самое растеніе въ Гренландіи не имѣетъ этого признака; тамъ у всѣхъ особей рыльце и пыльники находятся другъ подлѣ друга, благодаря чему становится возможнымъ самоопыленіе. Въ связи съ рѣдкостью насѣкомыхъ въ Гренландіи этотъ возвратъ къ самоопыленію является весьма цѣлесообразнымъ.

Укажемъ еще на безкрылыхъ насѣкомыхъ Мадейры и другихъ острововъ, лежащихъ въ поясѣ постоянныхъ и сильныхъ вѣтровъ; слабые летуны, не способные бороться съ вѣтромъ, были бы уносимы въ море и для нихъ гораздо выгоднѣе вести наземную жизнь, между тѣмъ какъ болѣе сильныя насѣкомыя сохранили свои крылья. Наконецъ, укажемъ еще на извѣстный примѣръ шотландской куропатки (Lagopus scoticus), отличающейся отъ своихъ материковыхъ родичей тѣмъ, что она не одѣвается на зиму въ бѣлыя перья, а сохраняетъ свой темно-ко-

ричневый цвѣтъ, что при безснѣжности шотландской зимы весьма цѣлесообразно.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читателю должна была выясниться разница между первичной цѣлесообразностью съ одной стороны, проявленія которой мы видимъ какъ въ элементарныхъ функціяхъ клѣтки, такъ и въ прямыхъ приспособленіяхъ, совершающихся въ теченіе индивидуальной жизни (примѣры: строеніе буковыхъ листьевъ, нашихъ трубчатыхъ костей и т. д.), и той цѣлесообразностью въ филетическомъ приспособленіи цѣлаго ряда формъ къ ихъ особымъ условіямъ жизни—(клювъ дятла, альпійскія и арктическія растенія и т. д.),—которая является только какъ результатъ продолжительнаго процесса постепеннаго приспособленія. Но чтобы окончательно выяснить эту разницу и освѣтить взаимное отношеніе этихъ обѣихъ формъ цѣлесообразности, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на одномъ наблюденіи, сдѣлавшемся извѣстнымъ сравнительно недавно и представляющемъ огромный интересъ уже одной своей фактической стороной.

Наблюденіе это сдѣлано было ботаникомъ *Габерландтомъ* у тропической ліаны—*Conocephalus ovatus*, принадлежащей къ семейству тутовыхъ. У этого растенія, какъ и у многихъ другихъ, существуютъ особые железистые органы, функція которыхъ заключается въ выдѣленіи воды въ капельно-жидкомъ состояніи—гидатоды. Органы эти расположены на верхней поверхности листа (по 4—5 на квадратный сантиметръ) и состоятъ изъ множества паренхиматическихъ клѣтокъ, являющихся передаточными станціями между нижележащими узловыми точками сѣти водоносныхъ сосудовъ съ одной стороны и вышележащимъ слоемъ кожицы (эпидермиса), снабженной въ этомъ мѣстѣ многочисленными порами (по 30—40 поръ на одну гидатоду). Біологическое значеніе этихъ гидатодъ заключается, повидимому, въ своевременномъ удаленіи большихъ количествъ воды, грозящихъ въ случаѣ застоя заполненіемъ межклѣточныхъ воздушныхъ пространствъ и нарушеніемъ правильнаго хода ассимиляціи и дыханія. Въ теченіе одной ночи каждый листъ выдѣляетъ 2,76 грамма воды, т.-е. 26% собственнаго своего вѣса. При этомъ вода почти не содержитъ солей, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ растворенныя въ водѣ соли остаются въ клѣткахъ растенія; это послѣднее обстоятельство можетъ, въ свою очередь, оказаться полезнымъ для растенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе насыщенности тропической атмосферы, выдѣленіе парообразной воды низводится до минимума и растеніе не въ состояніи получать необходимыхъ солей этимъ болѣе обычнымъ путемъ.

Чтобы доказать, что ткань гидатодъ является не просто пассивнымъ фильтромъ для воды, но активно дѣйствующей железой, Габерландтъ смазалъ гидатоды одной половины листа растворомъ сулемы. На другое утро смазанная половина листа оказалась совершенно сухой, между тѣмъ какъ на несмазанной, поверхъ гидатодъ находились нормальныя капли

воды; но зато въ смазанной половинѣ всѣ межклѣточные ходы были заполнены водой, не нашедшей себѣ нормальнаго исхода и профильтровавшейся подъ высокимъ давленіемъ изъ внутренности клѣтокъ въ воздухоносные пути. Растенію приходилось, стало быть, прежде чѣмъ приступить къ ассимиляціи удалить эту застоявшуюся воду путемъ испаренія черезъ устьица, находящіяся на нижней сторонѣ листа, а это влекло за собою значительную потерю дорогого времени, предназначеннаго для ассимиляціи. Но черезъ нѣсколько дней растеніе справилось съ этимъ затрудненіемъ: на верхней сторонѣ смазанной половины листа показались новыя гидатоды, имѣвшія, правда, совершенно иное гистологическое строеніе и происходившія изъ другихъ слоевъ ткани, чѣмъ первоначальныя гидатоды. Эти новые органы возникаютъ вслѣдствіе повторнаго дѣленія опредѣленнаго числа паренхиматическихъ клѣтокъ, лежащихъ въ окружности сосудистыхъ пучковъ, внутри листа образуются конусообразныя скопленія трубчатыхъ клѣтокъ, которыя вскорѣ прорываютъ лежащія надъ ними слои палисадныхъ клѣтокъ и кожицы, выступаютъ на поверхность и образуютъ пучокъ расходящихся вверху трубчатыхъ клѣтокъ, надъ которыми каждое утро замѣчается капля воды. Съ этого дня межклѣточные ходы перестали наполняться водой *).

Въ данномъ случаѣ передъ нами образованіе новаго органа, вызванное непосредственной потребностью и осуществившееся благодаря присущей всѣмъ организмамъ способности саморегулированія ихъ функцій. Можно было бы, конечно, и здѣсь попытаться примѣнить селекціонистскую аргументацію, говоря, что изъ всѣхъ Conocephalus'овъ пережили въ борьбѣ за существованіе именно тѣ, которые обладали способностью образовывать замѣнныя гидатоды описаннаго типа, всякій разъ, когда функціонированіе нормальныхъ гидатодъ нарушается чѣмъ-либо. Это была бы хотя и нѣкоторая натяжка, но доказать ея полную невозможность нельзя и такимъ образомъ наше разграниченіе индивидуальнаго и филетическаго приспособленія все же было бы подъ сомнѣніемъ. Но дальнѣйшая исторія того же растенія дѣлаетъ такую натяжку совершенно невозможной. Дѣло въ томъ, что какъ ни пригодны были вновь образовавшіяся гидатоды для активнаго выдѣленія воды (физіологически), онѣ, однако, оказались очень непрактичными съ біологической точки зрѣнія: нѣжные волоски, не защищенные толстой клѣточной оболочкой, не устояли передъ палящимъ зноемъ тропическаго дня и не болѣе какъ черезъ недѣлю новыя гидатоды сморщились, а на ихъ мѣстѣ на поверхности листа началось образованіе заживляющей или раковой пробки. Выводъ отсюда ясенъ: способность образовывать замѣнныя гидатоды не есть признакъ, за-

*) Подробное описаніе съ рисунками находится, между прочимъ, въ «Naturwissenschaftliche Wochenschrift», 1899 г., стр. 297.

крѣпленный при помощи естественнаго отбора, ибо въ этомъ случаѣ естественный отборъ сумѣлъ бы создать запасный органъ болѣе прочный, т.-е. жизнеспособный при данныхъ климатическихъ условіяхъ. На этомъ примѣрѣ мы яснѣе всего видимъ, что способность саморегулированія, выражающаяся не только въ количественныхъ измѣненіяхъ, но принимающая даже характеръ формативной дѣятельности, можетъ явиться почвой, на которой возникаютъ новообразованія, несомнѣнно, цѣлесообразныя для жизни особи. Въ тѣхъ же частныхъ случаяхъ, когда эти новообразованія обладаютъ достаточной устойчивостью, и когда обладаніе ими является рѣшающимъ для жизни и смерти особи, они могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для филетическаго приспособленія, путемъ ли прямымъ (наслѣдственная передача признака и его постепенное усиленіе) или косвеннымъ (естественный отборъ).

Только такимъ образомъ, прослѣживая на отдѣльныхъ конкретныхъ примѣрахъ гармоническое приспособленіе отдѣльныхъ животныхъ или растительныхъ видовъ къ ихъ спеціальнымъ условіямъ существованія и строго разграничивая область явленій индивидуально цѣлесообразныхъ и филетически цѣлесообразныхъ приспособленій, мы получаемъ правильное представленіе о предполагаемомъ характерѣ дѣятельности естественнаго отбора, какъ фактора образованія видовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и болѣе правильную оцѣнку его истинной роли. Въ самомъ дѣлѣ, по характеру своей дѣятельности, естественный отборъ есть факторъ отрицательный, дѣйствующій путемъ устраненія нецѣлесообразнаго или менѣе цѣлесообразнаго и такимъ образомъ *косвенно* способствующій накопленію болѣе цѣлесообразныхъ измѣненій, но самое появленіе этихъ измѣненій стоитъ, однако, внѣ власти естественнаго отбора. Для того чтобы естественный отборъ могъ проявить свою дѣятельность, долженъ существовать уже извѣстный запасъ измѣненій въ строеніи и отправленіяхъ отдѣльныхъ органовъ. Измѣненія эти возникаютъ вслѣдствіе способности живой протоплазмы воспринимать формативныя и функціональныя раздраженія, безразлично, являются ли эти раздраженія, какъ непосредственныя воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ или какъ результатъ внутреннихъ перераспредѣленій энергіи въ самомъ живомъ комплексѣ, въ силу его сложныхъ структурныхъ особенностей. Причины возникновенія измѣненій лежатъ, такимъ образомъ, въ той области молекулярно-структурныхъ отношеній, которая, какъ мы видѣли, независима отъ естественнаго отбора. Также независимы отъ естественнаго отбора и тѣ законы, которымъ подчиняются эти измѣненія при своемъ возникновеніи или такъ называемые «законы развитія», т.-е. тотъ рядъ закономѣрныхъ сосуществованій и послѣдовательностей, въ силу которыхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ перераспредѣленій энергіи возникаютъ именно тѣ, а не иныя измѣненія. Въ конечномъ счетѣ эти закономѣрности сводятся, вѣроятно, къ тѣмъ

же молекулярно-структурнымъ отношеніямъ; однако, ихъ связь съ этими послѣдними еще весьма мало выяснена, а между тѣмъ, существованіе и проявленіе «законовъ развитія» можетъ быть установлено чисто индуктивнымъ путемъ, такъ что мы можемъ трактовать эти законы развитія независимо отъ того, какія представленія мы дѣлаемъ себѣ объ этихъ молекулярно-структурныхъ отношеніяхъ. Поясним примѣромъ. Появленіе у мужчинъ бороды и усовъ есть слѣдствіе того, что обмѣнъ веществъ извѣстной группы клѣтокъ принимаетъ извѣстный характеръ и что формативная дѣятельность этихъ клѣтокъ выражается въ возникновеніи даннаго типа новообразованій. Но тотъ фактъ, что этотъ особый родъ обмѣна веществъ и формативной дѣятельности клѣтокъ появляется въ организмѣ въ извѣстномъ только, вполнѣ опредѣленномъ возрастѣ, есть выраженіе существованія извѣстнаго ряда закономѣрностей, управляющихъ данными молекулярными и формативными процессами; этотъ-то рядъ закономѣрностей, существованіе которыхъ мы установили чисто эмпирическимъ путемъ, мы и называемъ «закономъ равновременной или гомохронной наслѣдственности» (Геккель). Такихъ законовъ наслѣдственности установленъ цѣлый рядъ, но ими не исчерпывается область «законовъ развитія»: сюда относятся и законы измѣнчивости, и законы соотношенія, и законы постепеннаго усложненія организаціи, достигаемой раздѣленіемъ труда между органами и координаціей ихъ. Сюда же относятся и такъ называемые числовые законы, управляющіе листорасположеніемъ у растеній, числомъ одинаковыхъ органовъ и частей у извѣстныхъ животныхъ типовъ: число сегментовъ у низшихъ ракообразныхъ колеблется, у высшихъ оно достигаетъ опредѣленнаго числа (20) и становится постояннымъ; число амбулакральныхъ и межамбулакральныхъ рядовъ пластинокъ у ископаемыхъ морскихъ ежей (Echinida) колеблется, пока не достигаетъ цифры 20, которая и удерживается до настоящаго времени. Морскіе ежи интересны и въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ ряда чисто морфологическихъ измѣненій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ геологической исторіи; древнѣйшія формы морскихъ ежей обладали двухсторонней симметріей, но уже въ девонскомъ періодѣ появляются морскіе ежи съ правильной пятисторонней формой (и 20-ю рядами пластинокъ), между тѣмъ какъ двусторонніе формы близятся къ вымиранію и окончательно вымираютъ еще до наступленія мезозойской эры (тріаса). Однако, среди пятисторонних ежей, максимальное развитіе которыхъ относится къ мѣловому періоду, уже въ юрскомъ періодѣ начинаютъ появляться снова двусторонне-симметричныя формы, которыя становятся даже впослѣдствіи преобладающими по числу и остаются таковыми по настоящее время. Изъ другихъ примѣровъ чисто морфологической эволюціи я укажу лишь на одинъ еще: съ древнѣйшихъ временъ геологической исторіи совершается

переходъ дихотомическаго (вилообразнаго) вѣтвленія папоротниковыхъ листьевъ въ перистое (Potonié).

Къ этой же области относятся, наконецъ, и тѣ признаки, о которыхъ еще самъ Дарвинъ предполагалъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не какимъ-нибудь приспособленіямъ, а исключительно тому, что онъ называетъ «законами роста». Такъ, въ «Происхожденіи видовъ» мы находимъ слѣдующее мѣсто:

«Черепные швы у молодыхъ млекопитающихъ разсматривались, какъ прекрасное приспособленіе, облегчающее актъ родовъ, и, безъ сомнѣнія, они могутъ ему способствовать или даже оказаться необходимыми, но такъ какъ эти швы существуютъ и на черепахъ птицъ и пресмыкающихся, которымъ приходится только вылупляться изъ яйца, то мы и въ правѣ заключить, что это строеніе вытекаетъ изъ самыхъ законовъ роста и только позднѣе изъ него была извлечена польза при актѣ рожденія» («Происхожденіе видовъ», стр. 126).

Это противопоставленіе, такъ ясно проведенное Дарвиномъ, дѣлаетъ излишнимъ дальнѣйшіе примѣры и лучше всего доказываетъ необходимость различенія чисто морфологическихъ признаковъ, съ ихъ эволюціей, подчиняющейся еще неизвѣстнымъ намъ «законамъ роста и развитія», отъ признаковъ приспособительныхъ, являющихся внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго равновѣсія, установившагося между организмомъ и его средой. Если распространеніе даннаго организма ограничено одной какой-нибудь небольшой областью, гдѣ ему приходится покупать свое существованіе цѣной приспособленія къ особымъ специфическимъ условіямъ, то онъ будетъ поражать насъ преобладаніемъ признаковъ приспособительныхъ надъ основными признаками организаціи; напомню хотя бы о паразитныхъ ракахъ изъ подъотряда *Rhizocephalinae*, теряющихъ часто послѣдніе слѣды сегментаціи—этого основного признака организаціи ракообразныхъ, да и всѣхъ вообще членистоногихъ. Но зато у цѣлаго ряда формъ попадающихся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія, явно преобладаютъ признаки «организаціонные», для которыхъ часто такъ трудно бываетъ указать ихъ «пользу».

Это раздѣленіе признаковъ на двѣ группы не ново: уже *Нэгели* различалъ «совершенство организаціи» (Organisationsvollkommenheit) отъ «совершенства приспособленія» (Anpassungsvollkommenheit). Но эта, безъ сомнѣнія, основательная мысль, какъ и многія другія идеи Нэгели, не нашли въ свое время поддержки, отчасти вслѣдствіе нѣсколько неудачной формы, въ которой онѣ были выражены и которая придавала имъ въ глазахъ многихъ трезвыхъ эмпириковъ характеръ «метафизическихъ бредней». Эта излишняя подозрительность многихъ естествоиспытателей мѣшала имъ признать «прямые» законы развитія до тѣхъ поръ, пока они не выяснили себѣ истинныхъ предѣловъ приложимости теоріи отбора.

А между тѣмъ, уже однихъ явленій «соотношенія роста», о которыхъ самъ Дарвинъ такъ часто говорилъ въ своихъ трудахъ, достаточно было бы для признанія существованія такихъ прямыхъ зако-

новъ. И въ этомъ случаѣ философъ *Ф. А. Ланге* правильнѣе оцѣнилъ значеніе данныхъ явленій, чѣмъ многіе спеціалисты естествоиспытатели. Говоря о явленіяхъ соотношеній роста Ланге замѣчаетъ:

«Что, напр., тяжелыя, отвислыя уши нѣкоторыхъ видовъ кроликовъ должны производить модифицирующее давленіе на черепъ—это мы можемъ понять по механическимъ причинамъ»... «Но почему, напримѣръ, бѣлыя кошки съ голубыми глазами обыкновенно глухи, почему пунцовые георгины имѣютъ выемчатые лепестки—для насъ пока совершенно непонятно. Но такъ какъ подобныя связи существуютъ въ весьма большомъ количествѣ, то мы изъ этого видимъ, что въ строеніи организмовъ господствуютъ законы образованія, которые намъ неизвѣстны не только по объему ихъ дѣйствія, но даже по способу дѣйствія. *Но при этомъ, конечно, нѣтъ необходимости думать о какихъ-либо намъ неизвѣстныхъ силахъ*»... и т. д. *).

Правильно понимаемые «законы развитія», которыми управляется измѣненіе органическихъ формъ, не можетъ быть «ничѣмъ инымъ, кромѣ мыслимаго въ видѣ нѣкотораго единства совокупнаго дѣйствія общихъ законовъ природы для произведенія явленія развитія». Это «взятыя изъ наблюденія извѣстныя правила въ процессахъ природы, послѣднихъ причинъ которыхъ мы еще не знаемъ» **).

Говоря о «внутреннихъ причинахъ», мы разумѣемъ лишь то неоспоримое обстоятельство, что такой въ высшей степени сложный аггрегатъ, какимъ является элементарный носитель жизни — протоплазма, въ самомъ сложномъ химизмѣ и своей сложной структурѣ обладаетъ средствомъ для разнообразнаго внутренняго перераспредѣленія воспринимаемой имъ энергіи, вслѣдствіе чего реакція организма на внѣшнія воздѣйствія носитъ высокую степень самостоятельности, специфичности, такъ что одно и то же воздѣйствіе можетъ вызвать въ разныхъ организмахъ совершенно различныя реакціи. Цѣпь причинностей, которою связываются начало и конецъ процесса, слишкомъ длинна и запутана, чтобъ быть прослѣженой по всѣмъ этапамъ. Особенно сильно поражаетъ насъ эта видимая несоизмѣримость между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и реакціей организма тамъ, гдѣ на сцену выступаетъ формативная энергія. Вслѣдствіе укушенія опредѣленнаго насѣкомаго, на вѣтвяхъ и листьяхъ опредѣленнаго вида растенія получается новообразованіе вполнѣ опредѣленной формы: здѣсь химическое раздраженіе вспрыснутаго вещества, благодаря сложной цѣпи внутреннихъ взаимодѣйствій получаетъ характеръ морфогеннаго или формативнаго раздраженія, вслѣдствіе чего вновь образующіяся на этомъ мѣстѣ клѣтки располагаются въ строго-опредѣленномъ порядкѣ. Кто здѣсь болѣе виноватъ въ происшедшемъ измѣненіи формы: химическое свойство вспрыснутаго вещества или сложная структура и вообще организація растенія? Дарвинъ вполнѣ опредѣленно отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ говоря: «Мы въ правѣ заключить, что природа условій имѣетъ въ произведеніи каждаго даннаго измѣненія менѣе значенія, чѣмъ природа са-

*) «Исторія матеріализма». Русское изданіе Пантелѣева. Спб. 1899 г., стр. 532. Курсивъ мой.

**) Тамъ же, стр. 535.

мого организма; быть можетъ, первая вліяетъ не болѣе существенно, чѣмъ природа той искры, которая воспламеняетъ массу горючаго матеріала, вліяетъ на свойства вспыхивающаго пламени» *).

Вообще самъ Дарвинъ безъ всякаго сомнѣнія признавалъ «внутреннія причины» и «законы развитія» и другіе факторы развитія, какъ, напримѣръ, дѣйствія прямого приспособленія. Послѣднее онъ особенно ясно высказалъ въ одномъ письмѣ къ Уолессу (отъ 5-го іюля 1866 года), гдѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитанныхъ «Основаній біологіи» Спенсера, онъ говоритъ: Какое, это однако, несчастіе, что, какъ мнѣ кажется, едва ли когда-либо будетъ возможно отличить прямое воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ отъ «переживанія наиболѣе приспособленнаго». Правда, читая Дарвина мы не слишкомъ часто наталкиваемся на выраженія «внутреннія причины» и т. п. Но это вполнѣ понятно, такъ какъ Дарвинъ не писалъ трактата объ эволюціи органическаго міра вообще, а лишь старался разъяснить дѣйствіе открытаго имъ фактора.

«Съ той грандіозной и обыкновенно плодотворной односторонностью, которую мы видимъ особенно часто у англичанъ, Дарвинъ провелъ свой принципъ такъ, какъ будто бы нужно было все вывести исключительно изъ него—говоритъ Ф. А. Ланге.—*Содѣйствующая* повсюду причина трактовалась такъ, какъ будто бы она дѣйствовала одна, но догматическое утвержденіе, что она одна, не есть необходимая составная часть системы. Дарвинъ вездѣ, гдѣ онъ видитъ себя приведеннымъ къ содѣйствію внутреннихъ причинъ, принималъ это содѣйствіе такъ просто въ свое объясненіе формъ природы, что можно скорѣй предположить, что онъ считалъ его *само собою разумѣющимся*».

Для человѣка, стремящагося провести новую идею—это пріемъ вполнѣ понятный. Но принять такой пріемъ за основу всего дальнѣйшаго изслѣдованія значитъ намѣренно закрыть глаза на массу явленій, только потому, что нашъ великій учитель случайно не видѣлъ или не могъ видѣть ихъ.

Принимая положеніе, что естественный отборъ, какъ факторъ эволюціи уживается съ законами развитія, намъ остается еще только уяснить себѣ различіе въ характерѣ дѣятельности этихъ обѣихъ группъ факторовъ. Здѣсь прежде всего необходимо указать на то, что дѣйствіе другихъ факторовъ развитія — прямое, дѣйствіе же естественнаго отбора—косвенное. Пояснимъ примѣромъ.

Нѣкоторые виды европейскихъ мотыльковъ обладаютъ одной характерной особенностью, извѣстной подъ именемъ сезоннаго диморфизма **), и заключающейся въ томъ, что одна группа особей, возникшая изъ перезимовавшихъ куколокъ и летающая весной, рѣзко отличается въ своей окраскѣ отъ другой группы особей того же вида, продѣлывающей всѣ стадіи метаморфозы отъ яйца до гусеницы, куколки и зрѣлаго мотылька въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, и летающей

*) Дарвинъ. «Происхожденіе видовъ» стр. 14.

**) См. «Научн. Хрон.» Апрѣль. 1901.

позднимъ лѣтомъ и осенью. Обѣ эти формы—зимняя и лѣтняя, настолько отличны другъ отъ друга, что были описываемы, какъ различные виды, покуда не удалось вывести одну форму изъ лицъ другой. Такъ теперь знаютъ, что видъ *Vanessa levana* представляетъ зимнюю форму вида *Vanessa prorsa*, тогда какъ Lycaena-Polysperchon является зимней формой вида Lycaena Amyntas и мн. др. Какъ только этотъ фактъ былъ установленъ, ученые попытались объяснить себѣ его, и первое предположеніе, на которомъ они остановились, было то, что различія между зимней и лѣтней формами обусловливаются различіемъ температуры, при которой развиваются куколки. Сдѣлавъ такое предположеніе, не было ничего проще, какъ попытаться путемъ эксперимента доказать его вѣрность. Начиная съ 1864 года цѣлымъ рядомъ зоологовъ производились опыты въ этомъ направленіи и всѣ эти опыты съ несомнѣнностью доказали, что сдѣланное предположеніе о непосредственномъ воздѣйствіи температуры на окраску совершенно вѣрно. При продолжительномъ воздѣйствіи низкой температуры удавалось изъ лѣтнихъ личинокъ получить зимнюю форму—такъ лѣтняя *Pieris rapæ* превращалась въ зимнюю *Pieris Bryoniæ*, у многихъ удавалось и обратное превращеніе зимнихъ формъ въ лѣтнія, у другихъ въ зависимости отъ условій опыта получался большій или меньшій процентъ весьма любопытныхъ переходныхъ формъ. Насколько такіе опыты могутъ пролить свѣтъ на распредѣленіе близкихъ родственныхъ видовъ по данной территоріи, показываетъ слѣдующій фактъ, приводимый Эймеромъ.

Lycaena Agestis имѣетъ сезонный диморфизмъ двоякаго рода: двѣ формы A и B смѣняютъ другъ друга въ Германіи, какъ зимняя и лѣтняя формы. Въ Италіи та же смѣна совершается между двумя формами B и C, изъ коихъ B зимняя, а C лѣтняя. Зимняя итальянская форма (B) соотвѣтствуетъ лѣтней германской, лѣтняя же итальянская (C или Lyc. Allous) въ Германіи не попадаются, точно также какъ зимняя германская (A) не живетъ въ Италіи.

Сказаннаго достаточно, чтобы иллюстрировать ту мысль, что воздѣйствіе прочихъ факторовъ развитія, какъ воздѣйствіе *прямое*, поддается провѣркѣ путемъ опыта и что, изучая отдѣльные случаи, мы можемъ иногда получать весьма ясные отвѣты на запросы нашего ума. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ естественнымъ отборомъ. Здѣсь экспериментальная провѣрка невозможна, ибо естественный отборъ дѣйствуя косвенно путемъ жизни и смерти, требуетъ цѣлаго ряда поколѣній для проявленія своего дѣйствія: а воспроизвести искусственно всѣ условія существованія для цѣлаго ряда поколѣній невозможно. Вслѣдствіе этого, дѣйствіе естественнаго отбора не подлежитъ провѣркѣ, и идея естественнаго отбора останется всегда тѣмъ, чѣмъ она была съ самаго начала: логическимъ выводомъ, основывающимся на аналогіи и на соображеніяхъ общаго характера. Это сознавалъ уже и самъ Дарвинъ. 22-го мая 1863 года онъ пишетъ Бентаму:

«Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ естественный отборъ принуждена въ настоящее время опираться на общихъ соображеніяхъ: 1) что онъ является vera causa, вслѣдствіе борьбы за существованіе и достовѣрнаго геологическаго факта, что виды, во всякомъ случаѣ, измѣнялись же какимъ-нибудь образомъ; 2) вслѣдствіе измѣненій, наступающихъ въ состояніи приручения путемъ производимаго человѣкомъ подбора; 3) и главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что этотъ взглядъ связываетъ массу фактовъ одной понятной точкой зрѣнія. Переходя къ отдѣльнымъ случаямъ, мы можемъ доказать, что ни одинъ видъ не измѣнился (т.-е. мы не можемъ доказать, чтобы хотя бы одинъ видъ измѣнился); также мы не можемъ доказать, что предположенныя измѣненія были полезны, что, вѣдь, составляетъ основу теоріи».

Для тѣхъ, кого могли бы смутить слова «въ настоящее время», относящихся къ 1863 году, я могу замѣнить, что еще не далѣе, какъ въ 1893 году *Вейсманъ*, послѣ долгаго спора съ Спенсеромъ о томъ, можетъ ли тотъ или иной признакъ, какъ, напримѣръ, неодинаковая чувствительность различныхъ частей кожи человѣка и т. п., имѣть «подборную цѣнность», т.-е. рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе, рѣшительно заявляетъ: «По моему мнѣнію вообще ни одинъ случай процесса естественнаго отбора не можетъ быть установленъ опытной провѣркой. Что же вынуждаетъ насъ принять этотъ принципъ отбора? Не что иное, какъ могущество логики». Такъ же высказывались и *Дюбуа-Реймонъ* (1876) и *Lloyd-Morgan* (1890) и *Уоллесъ* (1894) и, наконецъ, *Plate* (1900), говорящій: «Почти всегда невозможно опредѣлить въ данномъ частномъ случаѣ мѣру подборной цѣнности, а часто даже невозможно установить, имѣетъ ли тотъ или иной, повидимому, полезный органъ подборную цѣнность, или нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣрность теоріи отбора вытекаетъ не изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ, и не на таковыхъ, можетъ быть, испытана, но представляетъ логическое заключеніе изъ общихъ положеній».

А если это такъ, то какую же познавательную цѣнность имѣетъ для насъ эта теорія? Отвѣтимъ прежде всего наглядным примѣромъ. Вспомнимъ хотя бы ту бабочку, о которой выше шла рѣчь, именно итальянскую лѣтнюю форму Lycaena, *Lycaena Agestis var. Allous* (форма C). Не встрѣчая ее въ Германіи, гдѣ живутъ, однако, очень близкія формы (A и B), мы, желая объяснить это явленіе естественнымъ отборомъ, пускались бы въ догадки о томъ, какую пользу можетъ приносить этой формѣ C ея окраска, отличная отъ всѣхъ близкихъ формъ, такъ какъ исходили бы изъ того представленія, что первоначально тамъ происходило состязаніе нѣсколькихъ формъ и что данная форма пережила именно вслѣдствіе обладанія этимъ признакомъ; не находя, однако, въ такой особой окраскѣ никакой видимой пользы, мы ухватились бы за другой якорь спасенія: мы рѣшили бы, что окраска эта, сама по себѣ не полезная и не вредная, находится въ соотношеніи съ какимъ-нибудь полезнымъ физіологическимъ признакомъ и благодаря этому отбиралась; не трудно убѣдиться, однако, въ томъ, что такое объясненіе равносильно отреченію отъ дальнѣйшихъ поисковъ за объясненіемъ, ибо область соотносительной измѣнчивости еще со-

вершенно темная область, гдѣ спекуляція можетъ комбинировать, что угодно съ чѣмъ угодно. Но стоитъ только отказаться отъ тенденціознаго прикрапванія фактовъ къ теоріямъ и подойти къ вопросу съ испытаннымъ орудіемъ-опытомъ, и намъ открываются несомнѣнныя, и при томъ прямыя, подлежащія контролю, причины дифференцированія видовъ, образованія новыхъ видовъ изъ другихъ близкихъ видовъ.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какова должна быть общая оцѣнка значенія теоріи отбора, кратко формулированная въ слѣдующемъ положеніи: включеніе принципа естественнаго отбора въ систему нашего познанія природы является прогрессомъ, такъ какъ эта теорія, во-первыхъ, расчищаетъ путь для научной мысли, знаменуя собою переходъ отъ телеологической точки зрѣнія къ каузальной, и во-вторыхъ, даетъ намъ представленіе о возможныхъ причинахъ явленій въ органической природѣ, исходя изъ предположеній, совмѣстимыхъ съ прочими нашими представленіями объ условіяхъ существованія организмовъ. Но одностороннее приложеніе этого общаго принципа ко всѣмъ частнымъ случаямъ, стремленіе втиснуть всѣ проблемы въ прокрустово ложе излюбленной теоріи часто угрожаетъ опасностью для дальнѣйшаго развитія науки, такъ какъ содѣйствуетъ раціоналистическому направленію мысли, довольствующемуся *мыслимымъ* истолкованіемъ и добровольно отказывающемуся отъ поисковъ за *дѣйствительной* причиной явленія. А что мыслимое объясненіе не всегда тожественно съ дѣйствительнымъ, это, при всей сложности явленій и разнообразіи возможныхъ комбинацій, не подлежитъ сомнѣнію.

Заканчивая на этомъ разборъ общихъ вопросовъ о предѣлахъ приложимости, характерѣ и общемъ значеніи теоріи естественнаго отбора, я хотѣлъ еще къ концу сгруппировать тѣ выводы, къ которымъ мы приходимъ путемъ такого разсмотрѣнія.

Если мы признаемъ эволюцію органическихъ формъ доказанной, то передъ нами возникаетъ вопросъ о томъ, какими путями и средствами совершается эта эволюція. Вопросъ этотъ можетъ и долженъ быть трактуемъ совершенно особо отъ болѣе общаго вопроса объ эволюціи формъ вообще: было бы совершенно невѣрно думать, что общій принципъ эволюціи органическихъ формъ доказывается той или иной теоріей этой эволюціи, т. е. тѣмъ или инымъ представленіемъ о движущихъ причинахъ этого процесса. Движеніе планетъ вокругъ солнца не доказывается всеобщемъ тяготѣніемъ, а только дѣлается для насъ болѣе наглядпымъ, иллюстрируется теоріей тяготѣнія. Также мало эволюція органическихъ формъ доказывается теоріей естественнаго отбора. Такимъ образомъ, на ряду съ теоріей естественнаго отбора мыслимы и другія теоріи, пытающіяся иллюстрировать ходъ органической эволюціи. Каждая изъ такихъ теорій должна основываться на извѣстномъ рядѣ фактовъ и эмпирически установленныхъ закономѣрностей въ процессахъ органическаго развитія или «эмпирическихъ законовъ развитія»; каждая такая теорія должна считаться съ основными свойствами, съ физико-химическими и структурно-формативными

особенностями протоплазмы, какъ матеріальнаго носителя жизненныхъ явленій; объясненіе этихъ основныхъ свойствъ не входитъ въ сферу компетенціи такой теоріи, она вводитъ ихъ въ свой разсчетъ, какъ нѣчто данное, и пытается лишь освѣтить динамическую сторону явленія; и, наконецъ, каждая такая теорія можетъ имѣть лишь извѣстную, ограниченную сферу приложенія и не можетъ претендовать на универсальность и на истолкованіе всего феномена жизни, именно въ силу того, что и первичныя свойства протоплазмы, и извѣстные законы развитія служатъ ей предпосылками.

Вотъ тѣ немногія общія положенія, которыя необходимо уяснить себѣ, прежде чѣмъ перейти къ критическому обзору столь разросшейся за послѣдніе годы антидарвинистической литературы. Передъ нами цѣлый рядъ новыхъ теорій органической эволюціи: теорія ортогенезиса—*Эймера*, теорія гетерогенезиса — *Коржинскаго*, теорія мутацій—*Де—Фриза*—рядъ теорій, изъ коихъ каждая считаетъ себя несовмѣстимой съ теоріей естественнаго отбора. Затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ поправокъ къ теоріи отбора—физіологическій отборъ—*Роменса*, новые взгляды на сущность и характеръ борьбы за существованіе, высказанные *Пфеффером*ъ и *Делажем*ъ; новыя ограниченія и формулировка теоріи полового подбора и мн. др. Согласно установленной выше методологической точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ, для достиженія правильной оцѣнки каждаго изъ указанныхъ новыхъ направленій научной мысли, постараться отвѣтить на вопросы: каковы эмпирическія основы этого новаго ученія? Какую область явленій оно пытается объяснить? Поскольку оно опровергаетъ и поскольку дополняетъ теорію естественнаго отбора или дарвинизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, опровергая или подтверждая ея эмпирическія предпосылки, съужая или расширяя область ея приложенія? Только подходя къ каждому новому ученію съ такими вопросами и не упуская изъ виду общей логической точки зрѣнія, можно придти къ наиболѣе правильной оцѣнкѣ всего современнаго движенія въ этой области мысли, не рискуя впасть ни въ излишній консерватизмъ по отношенію къ существующей теоріи, ни въ излишнюю односторонность многихъ ея новыхъ оппонентовъ. И какъ ни кажутся на первый взглядъ противорѣчивыми мнѣнія разныхъ авторовъ, объективный наблюдатель долженъ будетъ вынести изъ такого обзора впечатлѣніе, что научная мысль находится на вѣрномъ пути развитія и при своихъ дальнѣйшихъ шагахъ исходитъ изъ правильнаго пониманія своей роли, о которой Эймеръ такъ вѣрно высказался въ заключеніе одного своего доклада, говоря: «Наша обязанность—трудъ, наше право—свободное изслѣдованіе, наше удовлетвореніе — установленіе крупицы истины на благо человѣчества, наша надежда—познаніе».

С. Чулокъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

V.

Наша дѣйствительность и ея бытописатели. — Отраженіе современной жизни въ творчествѣ Крылова, Жуковскаго, Батюшкова Грибоѣдова и Пушкина. — Второстепенныя литературныя силы: Нарѣжный, Булгаринъ, Вѣгичевъ, Ушаковъ, Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и Полевой.—Значеніе ихъ романовъ въ дѣлѣ сближенія искусства и жизни.

Если подъ словомъ «народность», которое такъ часто поминала наша критика въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, разумѣть преимущественно отраженіе *современной* русской жизни въ литературѣ, то съ жалобами критики на отсутствіе у нашихъ писателей любви и чутья къ дѣйствительности придется согласиться, хотя съ нѣкоторыми оговорками.

Нужно прежде всего помнить, какъ уже замѣчено, что всѣ наши подражатели, какъ индивидуальныя лица, были все-таки въ извѣстной степени самобытны и народны и никогда не перенимали чужого, не подмѣшавъ къ нему своего, въ силу чего подъ иностранной внѣшностью часто крылись чисто русскіе помыслы и чувства; нельзя забывать также, что подражаніе простому наивному творчеству и реставрація старины легендарной и исторической также способствовали выясненію «русскаго народнаго духа», въ его историческомъ обнаруженіи.

Но помимо всего этого, въ тогдашней словесности было не мало такъ называемыхъ «картинъ нравовъ», въ которыхъ современная жизнь находила себѣ уже прямое, довольно вѣрное отраженіе. Нельзя было сказать такъ категорически, какъ говорила критика, «что мы нищіе, принужденные обкрадывать сосѣдей». Кое что у насъ было и своего, и это кое что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается отнюдь не столь ничтожнымъ. Если критика недостаточно оцѣнила это національное богатство, то потому, что заглядываясь на западъ, требовала слишкомъ многого, а также и потому, что не всегда внимательно слѣдила за литературными новинками.

---

*) См. «Міръ Божій», февраль 1902 г.

Слишкомъ большая строгость критики находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ довольно любопытномъ фактѣ, что наши наилучшія литературныя силы и дарованія тѣхъ годовъ, дѣйствительно, неохотно брались за изображеніе окружающей ихъ жизни, обнаруживая очень мало склонности къ ея реальному воспроизведенію въ искусствѣ. За реальное же изображеніе окружающей «существенности»—которое, въ силу своего реализма, и имѣло больше всего шансовъ стать народнымъ, взялись не они, а художники второго, иной разъ третьяго ранга, въ произведеніяхъ которыхъ, конечно, цѣль и намѣреніе не покрывались исполненіемъ. Критика, чувствуя эти эстетическіе недохваты въ повѣстяхъ и романахъ нашихъ раннихъ реалистовъ, поторопилась скинуть ихъ работу со своихъ счетовъ и потому естественно должна была придти къ выводу, что наша современность въ литературѣ отзвука не находитъ.

Но для историка такой строгій приговоръ старой критики необязателенъ и малое «эстетическое» значеніе первыхъ попытокъ нашего реальнаго романа ничего не говоритъ противъ того «историческаго» вліянія, какое они безспорно имѣли на творчество художниковъ, упразднившихъ эти попытки своими истинно-реальными картинами.

Страннымъ, дѣйствительно, на первый взглядъ можетъ показаться тотъ фактъ, что наши наиболѣе сильныя дарованія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ чувствовали очень малое влеченіе къ реальному изображенію нашей жизни въ искусствѣ. Они какъ будто сторонились отъ дѣйствительности, оберегая свободу своего творчества, которой и пользовались, чтобы почаще перелетать за границу нашей родины, а нерѣдко и вообще за предѣлы всякой дѣйствительности.

Это тѣмъ болѣе странно, что XVIII вѣкъ завѣщалъ намъ довольно типичные примѣры реализма въ искусствѣ. Мы хорошо помнили Фонвизина и охотно прощали ему за его реализмъ сентиментальную дидактику его комедій; мы не могли позабыть и о журнальной дѣятельности Новикова. Въ его старыхъ летучихъ листкахъ мы имѣли образцы довольно искусной жанровой живописи, образчики типовъ, можетъ быть нѣсколько общаго характера, но все-таки живыхъ и реальныхъ; наконецъ и въ книгѣ Радищева, которую, конечно, трудно отнести къ числу памятниковъ чисто художественнаго творчества, были страницы такого захватывающаго житейскаго реализма, до котораго лишь много лѣтъ спустя возвысился нашъ романъ натуральной школы.

Эта тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла, конечно, и въ началѣ XIX вѣка и мы увидимъ, какъ медленно и постепенно расширялось все болѣе и болѣе поле зрѣнія русскаго «реалиста». Но если не погибла сама тенденція, то все-таки ея ростъ не соотвѣтствовалъ тому приросту литературныхъ силъ, который замѣчается въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX вѣка. Талантовъ народилось много и даже очень сильныхъ, но изъ числа ихъ лишь нѣкоторые и притомъ болѣе слабые обнаружили склонность и способность къ реаль-

нему воспроизведенію нашей жизни: самые даровитые откликались на эту жизнь какъ-то неохотно и предпочитали заимствовать свой матеріалъ изъ жизни не русской и не современной, либо ограничивались изображеніемъ хотя и реальной жизни, но жизни частной и личной, т.-е. оставались лириками.

Представителемъ старшаго поколѣнія писателей-реалистовъ былъ въ тѣ годы Крыловъ. Авторъ статей и очерковъ сатирическаго характера, во многомъ напоминавшихъ пріемы Новикова, Крыловъ въ началѣ XIX вѣка прославился своими баснями, которыя могли бы подъ его живописнымъ перомъ стать цѣлымъ рядомъ правдивыхъ жанровыхъ картинокъ нашей дѣйствительности, если бы авторъ не придерживался такъ послушно иноземныхъ образцовъ, у которыхъ онъ заимствовалъ свои мысли и положенія. Басня Крылова—предметъ нашей національной гордости—была большой побѣдой «народности» въ искусствѣ, но эта побѣда пошла на пользу не столько литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, сколько языку и стилю въ частности. Въ вѣкъ неоригинальнаго стиля и несвободнаго языка, Крыловъ былъ однимъ изъ немногихъ писателей, въ которомъ русскій человѣкъ узналъ самого себя, со своей образной и остроумной рѣчью. Но огромное большинство басенъ Крылова все-таки не имѣло никакого мѣстнаго колорита и дѣйствующія въ нихъ лица были типы самые общіе, безъ всякихъ чертъ какой-либо народности. Во всѣхъ басняхъ мы наберемъ можетъ быть два три современныхъ типа, которые во всякомъ случаѣ не позволяютъ намъ сказать, что въ лицѣ Крылова передъ нами бытописатель нашей жизни. Крыловъ—выразитель мудрости общечеловѣческой, накопившейся вѣками и выраженной въ традиціонныхъ стереотипныхъ образахъ, на которыхъ давнымъ давно стерлись всякія краски и черты тѣхъ національностей, которыя надъ выработкой этихъ типовъ потрудились. Наша критика однако всегда превозносила Крылова за его «народность» и она была конечно права, если подъ этимъ словомъ разумѣть ту внѣшнюю форму, въ которую Крыловъ облекалъ свою мораль и сатиру, но связь этой морали со своимъ вѣкомъ была очень слабая, а иной разъ, какъ напр. въ типахъ изъ среды крестьянской, этой связи совсѣмъ не существовало.

Бо́льшую связь со своей эпохой обнаруживала поэзія Жуковскаго—столь популярная въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Она сумѣла уловить господствующее сентиментально-религіозное настроеніе русскаго общества, равно какъ и патріотическій подъемъ его духа, но для выраженія этихъ народныхъ чертъ поэзія Жуковскаго всегда пользовалась заимствованной формой, образами и картинами, взятыми изъ какой угодно исторической жизни, но только не нашей. Чутья дѣйствительности у Василія Андреевича совсѣмъ не было, да онъ, какъ извѣстно, очень мало интересовался этой дѣйствительностью, всегда предпочитая ей «былое» или туманное «тамъ». Опредѣлить по

его поэзіи, въ какой историческій моментъ она создана, крайне трудно, хотя, если этотъ историческій моментъ опредѣленъ, то имъ объясняются легко всѣ основные мотивы этой однообразной, но задушевной пѣсни. При своей нелюбви къ житейскому факту и стремленіи искать въ немъ всегда общій нравственный или религіозный смыслъ, Жуковскій избѣгалъ всякаго намека на реализмъ въ своемъ искусствѣ, и искать въ этомъ искусствѣ какихъ-нибудь бытовыхъ чертъ—напрасно. Даже тогда, когда поэтъ съ умысломъ хотѣлъ быть русскимъ и брался за разработку русскихъ національныхъ преданій и старины—онъ никогда не могъ выдержать наивно-правдиваго тона, и пѣсня его сбивалась на иностранный мотивъ, хотя критика, обманутая ея искренностью и красотой, и признавала ее нерѣдко за истинно народную. Случалось, впрочемъ, и Жуковскому иной разъ напасть на тему современную, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ ограничивались совсѣмъ незначущими эскизами и замѣтками, и онъ писалъ ихъ презрѣнной прозой.

Русская дѣйствительность была, такимъ образомъ, обойдена художникомъ, и онъ за своей личностью просмотрѣлъ ее или вѣрнѣе не хотѣлъ къ ней приглядѣться. А Василій Андреевичъ имѣлъ случай изучить ее—и въ деревнѣ, и въ пансіонѣ, и въ походахъ, и въ гостиныхъ, и во дворцѣ. Но онъ этимъ знаніемъ не воспользовался. Всю жизнь остался онъ юношей-мечтателемъ и не замѣчалъ не только повседневной тихой русской жизни, но даже всего шума жизни западной, среди которой ему проживать случалось.

Не существовала текущая минута и для Батюшкова—этого тонкаго эстетика, которому слѣдовало бы родиться въ Авзоніи, а не на нашемъ дальнемъ сѣверѣ. Служитель музъ по премуществу, онъ, также какъ Жуковскій, не питалъ пристрастія къ людямъ—какъ ихъ создаетъ пространство и время. Онъ любилъ человѣка въ его просвѣтленномъ образѣ.

Большой поклонникъ красоты античнаго міра и Италіи, затѣмъ ревностный ученикъ французской словесности XVIII-го вѣка, въ минуты тоски и печали романтикъ въ стилѣ Рене—Батюшковъ умѣлъ выразить съ неподражаемой граціей всѣ основныя общеевропейскія настроенія своего вѣка, подбирая для нихъ—въ чемъ и была его главная литературная заслуга—удивительно мелодичную форму. Русскій языкъ подъ его перомъ пріобрѣталъ особую эластичность и пѣвучесть, которой иной разъ могъ позавидовать и Жуковскій. Въ этой красотѣ формальной и заключалась вся заслуга поэзіи Батюшкова передъ нашей «народностью»: «народный» языкъ подъ его перомъ пріобрѣлъ особую гибкость и пріучился выражать тѣ чувства и настроенія, для которыхъ онъ, повидимому, не имѣлъ раньше подходящей формы.

Но современная жизнь не оставила никакого слѣда на этой поэзіи. Даже тогда, когда нашъ эстетикъ, въ общемъ равнодушный къ теченію русской жизни, начиналъ обнаруживать хотя бы интересъ къ соціаль-

нымъ и политическимъ вопросамъ, волновавшимъ тогда наши умы, даже въ эти рѣдкія для него минуты, онъ продолжалъ оберегать свою фантазію отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: нѣсколько военныхъ картинокъ и нѣсколько военныхъ силуэтовъ — вотъ все «современное», что мы находимъ въ его поэзіи. Остальное было общечеловѣческое, съ текущей минутой связанное лишь самой общей связью и потому только русское, что оно было сказано русскимъ человѣкомъ и при томъ прекраснымъ русскимъ языкомъ.

Такими же русскими писателями, выразителями личныхъ чувствъ единичныхъ особей русскаго интеллигентнаго міра были и наслѣдники Жуковскаго и Батюшкова—всѣ молодые наши поэты двадцатыхъ годовъ, всѣ эти таланты разныхъ степеней, которымъ наша лирическая поэзія обязана своимъ расцвѣтомъ.

Но одинъ тотъ фактъ, что Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій, Туманскій, Веневитиновъ, Козловъ, Вяземскій и другіе были почти исключительно лириками, указываетъ на то, насколько трудно было даже для яркаго таланта, найти въ себѣ силу для воспроизведенія дѣйствительности, дѣйствительности столь пестрой, столь разнообразной по своимъ взглядамъ и вкусамъ, какова была въ тѣ годы наша жизнь. Всѣ эти поэты предпочитали говорить о себѣ, чѣмъ о томъ, что ихъ окружало.

Исключеніемъ среди нихъ были два писателя, дѣйствительно, одаренные чутьемъ дѣйствительности, но одинъ изъ нихъ успѣлъ сдѣлать слишкомъ мало, другой сдѣлалъ много, но не все, что онъ сдѣлалъ, попало во время въ печать и стало общимъ достояніемъ.

Комедія Грибоѣдова, быть можетъ, потому произвела такое оглушающее впечатлѣніе на современниковъ, что она были единственнымъ литературнымъ памятникомъ двадцатыхъ годовъ, въ которомъ современное общество въ лицѣ многихъ представителей себя узнало. Художникъ— болѣе сатирикъ, чѣмъ бытописатель—обладалъ удивительнымъ даромъ реальнаго воспроизведенія жизни, даромъ который онъ обнаружилъ въ созданіи нѣкоторыхъ (не всѣхъ) типовъ, дѣйствительно, выражавшихъ господствующія вѣянія его эпохи. Это были не только сами по себѣ интересные типы, но, главнымъ образомъ, такіе, въ которыхъ отразился глубокій смыслъ совершавшагося на глазахъ Грибоѣдова историческаго процесса. Во всей нашей литературѣ того времени не было памятника, въ которымъ бы этотъ смыслъ былъ такъ вѣрно уловленъ, какъ въ нашей знаменитой комедіи.

Комедія была впрочемъ не безъ недостатковъ и ее едва ли можно назвать комедіей вполнѣ самобытно-русской. «Горе отъ ума» все-таки носитъ на себѣ слѣды вліянія французскихъ образцовъ. Чѣмъ-то не вполнѣ русскимъ вѣетъ отъ рѣчей Софьи и Лизы—этой субретки и ея барыни-жеманницы; да и самого хваленаго Чацкаго едва ли можно признать настоящимъ типомъ—онъ не столько личность, сколько мысль

самого автора, воплощенная въ нѣсколько странной трагикомической фигурѣ. Исторія появленія этой фигуры и ея исчезновенія изъ дома Фамусова разсказана также не вполнѣ реально: и торопится Александръ Андреевичъ своимъ пріѣздомъ и спѣшитъ отъѣздомъ. Нѣкоторые эпизоды придуманы также съ явнымъ умысломъ дать дѣйствующимъ лицамъ высказаться: таковы, напр., эпизоды паденія Молчалина съ лошади или монологъ Чацкаго среди танцовальной залы. Все это, быть можетъ, мелочи сравнительно съ достоинствами комедіи, но они довольно характерные показатели того, какъ даже большому таланту бывало трудно подчасъ обработать русскій сюжетъ вполнѣ реально и съ «существенностью» согласно.

Но все-таки, какъ реалисту, Грибоѣдову принадлежитъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ первое мѣсто среди писателей его эпохи—именно, въ виду того пониманія историческаго смысла этой эпохи, которое онъ обнаружилъ въ своей комедіи. Важна въ данномъ смыслѣ не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократической распущенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника аракчеевской выправки ума и тѣла, или его гостей—этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря обѣщающаго въ будущемъ—чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ, важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной переживаемой минуты, которое обнаружилъ Грибоѣдовъ, противупоставивъ всѣмъ этимъ сложившимся и опредѣленнымъ цѣльнымъ типамъ, въ которыхъ олицетворилась старина, типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, котораго авторъ сдѣлалъ выразителемъ стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка и вмѣстѣ съ тѣмъ экзальтированный юноша, т.-е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ не понятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполнѣ истолкованы и согласованы. Онъ — выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ разъ установившимися взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отмѣтила и первая заставила о немъ подумать

Для вѣрнаго художественнаго освѣщенія современности Грибоѣдовъ сдѣлалъ больше другихъ, но зато комедія эта и взяла у автора всю его творческую силу — стоила ему многолѣтней работы и

высказала все, что имѣлъ сказать художникъ о своемъ времени: по-крайней мѣрѣ, въ томъ, что Грибоѣдовъ писалъ послѣ «Горе отъ ума», въ его литературныхъ наброскахъ и планахъ, онъ отъ современности сталъ удаляться.

Нельзя сказать, что къ этой современности близко подошелъ и Пушкинъ. Онъ — «Петръ Великій нашей литературы», какъ его иногда называютъ — сблизилъ русское творчество съ Европой въ томъ смыслѣ, что единственный изъ русскихъ людей умѣлъ такъ сживаться съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ нашихъ сосѣдей, что казался какимъ-то гражданиномъ вселенной—какъ всѣ истинно міровые геніи. Его творчество было цѣлой историко-литературной энциклопедіей, въ которой читатель имѣлъ передъ собой самые разнообразные поэтическіе міры, не реставрированные съ натяжкой, а живо и глубоко прочувствованные. Пушкинъ—классикъ и сентименталистъ, Пушкинъ романтикъ и почитатель Байрона и Вальтеръ-Скотта, Пушкинъ драматургъ съ пріемами Шекспира всегда оставался оригинальнымъ и самобытнымъ поэтомъ, который не подражалъ, а перевоплощался въ людей иныхъ вѣковъ, иного круга мнѣній, настроеній и мыслей. И при этой рѣдчайшей способности на все въ мірѣ откликаться, онъ всего рѣже откликался, какъ художникъ, на запросы современной ему жизни. Говоримъ «какъ художникъ», потому что онъ рѣзко разграничивалъ свою дѣятельность, какъ художника, отъ своей работы, какъ критика, историка и публициста. Трудно было найти въ нашемъ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ человѣка, который имѣлъ бы такіе разносторонніе общественные интересы, какъ, именно, Пушкинъ и, съ другой стороны, не легко указать писателя, съ его широтой ума и глубиной чувства, который бы такъ ревниво оберегалъ свое творчество отъ вторженія въ его область именно этихъ интересовъ. Тому были свои психологическія и иныя причины, и здѣсь не мѣсто ихъ касаться, но самый фактъ остается фактомъ: Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ, неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, его окружавшей, и всегда предпочиталъ въ своемъ творчествѣ міру реальному либо свой психическій, личный міръ, либо міръ историческихъ воспоминаній и легендъ, либо, наконецъ, міръ общихъ символовъ. И это дѣлалъ онъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ реалистовъ въ искусствѣ.

Но такое устраненіе отъ жизни не давалось ему легко. Онъ неоднократно старался побороть въ себѣ эту нелюбовь къ современному и до послѣднихъ годовъ своей жизни все носился съ мыслью объ истинно реальномъ, русскомъ по преимуществу, соціальномъ романа. Въ его бумагахъ какъ извѣстно, осталось много отрывковъ изъ такихъ недописанныхъ романовъ, часть которыхъ относится къ самому началу тридцатыхъ годовъ. Приглядываясь къ этимъ отрывкамъ, удивляешься тому, что они остались въ такомъ неоконченномъ видѣ: въ нихъ нѣтъ ни вялости, ни натяжекъ, ни длиннотъ, ничего

такого, что указывало бы на неспособность художника справиться съ темой, или на вымученность его работы. Пушкинъ въ этихъ отрывкахъ все тотъ же геніальный Пушкинъ и тѣмъ не менѣе работа его прервана въ самомъ началѣ. Очевидно, что художнику измѣняла въ данномъ случаѣ не сила, а любовь.

Во всемъ, что Пушкину пришлось обнародовать до появленія первыхъ произведеній Гоголя въ печати, современность была очень слабо представлена. Если не считать мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ отражалась жизнь той минуты въ формѣ ли сатиры, либеральной пѣсни, картинки изъ сельскаго быта, или вообще жанроваго эскиза, если не считать такихъ мелочей, какъ, напр., «Домикъ въ Коломнѣ» и такого удачнаго воспроизведенія старины, какъ, напр., въ «сказкахъ», то придется указать только на «Евгенія Онѣгина» и на «Повѣсти Бѣлкина», какъ на попытки художественнаго воспроизведенія текущей минуты. И то, и другое произведеніе—не въ одинаковой только степени—были безспорной побѣдой истинной «народности» въ литературѣ, и странно, что критика, которая такъ настойчиво требовала тогда отъ писателя народности, отнеслась къ этимъ двумъ произведеніямъ совсѣмъ не такъ, какъ они этого заслуживали.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» заинтересовала ее всего больше личность самого героя, т.-е. наименѣе типичное лицо, въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» ея вниманіе было сосредоточено главнымъ образомъ, на фабулѣ разсказовъ, а не на деталяхъ, которыя наиболѣе цѣнны. На самомъ дѣлѣ, однако, и «Онѣгинъ», и «Повѣсти Бѣлкина» были первой попыткой изобразить реально нашу жизнь въ болѣе или менѣе цѣльной и связной картинѣ. Въ «Онѣгинѣ» эта цѣль была относительно достигнута, а повѣсти Бѣлкина остались все-таки сборникомъ анекдотовъ. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ, и въ другомъ памятникѣ, читатель могъ узнать окружающую его жизнь — въ особенности жизнь мирныхъ деревенскихъ уголковъ, съ ея затаенными думами и внѣшней простой обстановкой. Въ этой обстановкѣ жили и двигались люди довольные и мирные, не ставившіе жизни никакихъ особыхъ требованій, какъ напр. всѣ добрые знакомые старушки Лариной и всѣ члены ея семьи, за исключеніемъ задумчивой Татьяны, въ эту жизнь вторгались иногда пресыщенные столичные эгоисты въ родѣ Евгенія, съ ней мирно уживались восторженные юноши въ родѣ Ленскаго, привозившіе въ Россію нѣмецкую мудрость, которая однако отнюдь не шла въ прокъ ихъ собственному уму; проживалъ среди этой обстановки и добрѣйшій Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, литераторъ и филантропъ, распустившій бразды своего правленія, сентименталистъ, трогательно разсказывавшій сказки о томъ, какъ баринъ полюбилъ крестьянку и готовъ былъ на ней жениться, и какъ другой баринъ увезъ себѣ для потѣхи дѣвушку, которая потомъ сама стала важной барыней. Вырисовывая съ особой любовью эту помѣщичью жизнь въ усадьбахъ,

Пушкинъ въ томъ же «Онѣгинѣ» набрасывалъ сценки изъ жизни столичной, но набрасывалъ бѣгло, вмѣсто типовъ давая лишь силуэты. Итакъ, если въ «Онѣгинѣ» и на нѣкоторыхъ страницахъ «Повѣстей Бѣлкина» была правдиво воспроизведена наша дѣйствительность, то это воспроизведеніе освѣщало лишь очень незначительный уголокъ нашей жизни, и при томъ самый мирный, въ которомъ было всего меньше движенія внутри и на поверхности.

«Евгеній Онѣгинъ» и «Повѣсти Бѣлкина» были единственными произведеніями Пушкина, въ которыхъ онъ являлся какъ бытописатель передъ читающей публикой. Но это было далеко не все, что къ тридцатымъ годамъ въ этомъ направленіи успѣлъ сдѣлать Пушкинъ. Многое хранилось въ его портфелѣ и только послѣ его смерти увидало свѣтъ. Такое позднее появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашъ реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнакомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе.

Дѣйствительно, если бы въ началѣ тридцатыхъ годовъ читатель имѣлъ въ рукахъ «Исторію села Горохина» (1830)—эту историческую картину современныхъ крестьянскихъ порядковъ при старостахъ и приказчикахъ, эту сатирическую лѣтопись крестьянскаго быта, богатую столь вѣрными деталями; если бы онъ прочиталъ отрывокъ изъ романа «Рославлевъ» (1831), въ которомъ Пушкинъ такъ удивительно просто разсказалъ исторію чисто русской души, получившей не русское образованіе и сохранившей, несмотря на все «подражаніе» въ своей жизни, чисто русскую самобытность ума и сердца; если бы читатель могъ развернуть «Дубровскаго» (1832) и присмотрѣться къ этой галереѣ типовъ дворянъ и ихъ дворовыхъ или если бы онъ могъ пробѣжать «Отрывки изъ романа въ письмахъ» (1831)—эту интимную переписку свѣтскихъ молодыхъ людей, переписку безъ всякой тѣни условнаго сентементализма и романтизма, гдѣ всего лишь штрихами, но необычайно вѣрно очерчена была столичная свѣтская жизнь; если бы весь этотъ матеріалъ былъ во время напечатанъ, то наши художники реалисты того времени имѣли бы передъ глазами рядъ образцовъ истинно реальнаго творчества и ихъ собственное творчество, конечно отъ этого только бы выиграло. Но все это оставалось подъ спудомъ и Пушкинъ какъ бытописатель русской жизни, былъ извѣстенъ лишь какъ авторъ одной поэмы и одного сборника разсказовъ, мало оцѣненныхъ. Когда заходила рѣчь о «народности» его поэзіи, то указывали, главнымъ образомъ на его «Сказки» и на его «Бориса», понимая, какъ мы уже замѣтили, слово *«народность»* въ нѣсколько узкомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ критика, обозрѣвая творческую дѣятельность нашихъ первоклассныхъ художниковъ не могла не пожалѣть о томъ, что

вся эта поэтическая сила уходила на изображеніе либо индивидуальнаго міра писателя, либо на выраженіе самыхъ общихъ мыслей и чувствъ, для которыхъ писатель подбиралъ къ тому же образы и обстановку совсѣмъ не русскую. Критика отмѣчала каждый малѣйшій поворотъ этихъ художниковъ къ «народности», радовалась этому, но всетаки жаловалась на то, что наши успѣхи на политическомъ поприщѣ не сопровождаются равными успѣхами на поприщѣ литературномъ.

Но если критика и была права, когда говорила съ нѣкоторымъ упрекомъ о нашихъ лучшихъ литературныхъ силахъ, она была недостаточно справедлива къ литературѣ вообще—къ работѣ тѣхъ второстепенныхъ писателей, въ творчествѣ которыхъ за эти годы все яснѣе и яснѣе стало проявляться стремленіе къ реализму и къ выбору самобытныхъ темъ изъ русской жизни, прошлой, а главнымъ образомъ, изъ современной.

Дѣйствительно, этотъ недостатокъ современности въ творчествѣ нашихъ первыхъ литературныхъ силъ восполнялся трудолюбивой работой ихъ товарищей, менѣе сильныхъ, менѣе даровитыхъ и зато болѣе зависящихъ отъ среды, которая ихъ окружала. Эту работу писателей второго ранга, а иногда и третьяго, нельзя упускать изъ виду. Какъ бы въ эстетическомъ отношеніи ни была несовершенна ихъ работа, она въ общей сложности представляла довольно значительное литературное богатство, и свидѣтельствовала о развивающейся и торжествующей тенденціи изображать современную жизнь какъ можно болѣе реально. При этой работѣ медленно и постепенно крѣпли пріемы истинно реальнаго творчества, вырабатывалась извѣстная техника и — что въ особенности важно—при ней замѣтно расширялся кругозоръ художника, который пріучался включать въ сферу своего художественнаго наблюденія матеріалъ все болѣе и болѣе разнообразный. Вся эта, иной разъ кропотливая, работа наблюдателей-жанристовъ и бытописателей-моралистовъ уравнивала дорогу, по которой долженъ былъ пойти истинно сильный талантъ, призванный дать настоящую художественную форму этимъ наблюденіямъ надъ жизнью.

Перечислять всѣ эти раннія опыты нашихъ бытописателей нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ весьма многіе изъ нихъ являются лишь разновидными варіаціями одного общаго образца и почти совпадаютъ и въ планировкѣ разсказа, и даже въ обрисовкѣ основныхъ типовъ. Тотъ, кто имѣлъ случай читать ихъ въ достаточномъ количествѣ—могъ убѣдиться въ ихъ однообразіи. Талантовъ болѣе или менѣе крупныхъ среди этихъ второстепенныхъ писателей было немного; если назвать Нарѣжнаго, Полевого и Марлинскаго, то къ этимъ именамъ, пожалуй, другихъ добавлять и не придется. Остальные были просто люди съ извѣстной литературной опытностью, которые, конечно, не

могли внести ничего своего въ искусство, но при случаѣ могли собрать довольно любопытный матеріалъ, что они и сдѣлали.

Этотъ матеріалъ изъ жизни дѣйствительный подбирался нашими писателями съ разными цѣлями, невсегда только художественными.

Всего чаще писатель имѣлъ въ виду поученіе или обличеніе, задолго упреждая ту обличительную тенденцію, которая такъ восторжествовала въ нашей литературѣ послѣ Гоголя. Писатель считалъ себя призваннымъ исправлять нравы, и ему очень улыбалась эта роль художника, карающаго порокъ и награждающаго добродѣтель. Онъ писалъ свои романы и повѣсти, съ добрымъ намѣреніемъ, иногда потому, что по природѣ своей былъ человѣкомъ благожелательнымъ, а иногда просто въ силу традиціи сентиментальной, которая такъ тѣсно соединяла доброту и нравственность съ творчествомъ, каково бы оно ни было. Слѣдуя этому призыву творить добро, предаваясь «мечтамъ воображенія», писатель, конечно, долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобы его романъ или повѣсть хоть внѣшнимъ обликомъ не напоминали сухую проповѣдь и потому онъ запутывалъ дѣйствіе разными вставными занимательными эпизодами. Такъ какъ почти всегда планъ такого разсказа получался не какъ результатъ художественнаго наблюденія надъ жизнью, а былъ составленъ авторомъ раньше, опредѣленъ какъ извѣстная нравственная сентенція, то писателю, для выполненія своего плана, оставалось только пригонять факты жизни къ своей идеѣ, нанизывать ихъ на нить своей морали, что онъ и дѣлалъ. Дѣйствіе развивалось, поэтому, несвободно, все произведеніе представлялось сшитымъ изъ разныхъ лоскутковъ, и авторъ, вмѣсто того, чтобы творить, занимался сортировкой и группировкой на лету схваченныхъ наблюденій. Для облегченія своей работы мозаиста и классификатора, писатель прибѣгалъ обыкновенно къ очень распространенному пріему: онъ заставлялъ главнаго героя своего разсказа — личность иногда менѣе интересную, чѣмъ всѣ второстепенныя лица, которыя его окружали—путешествовать или вообще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этотъ главный герой или героиня, которые не сами двигали дѣйствіе разсказа, а наоборотъ этимъ дѣйствіемъ приводились въ движеніе — получали, такимъ образомъ, возможность сталкиваться съ самымъ разнообразнымъ контингентомъ лицъ, попадали иногда произвольно для себя, но съ умысломъ для автора, въ самыя различныя обстановки и авторъ получалъ возможность устами этихъ героевъ раздавать свои «нравственно-сатирическіе» дипломы всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такіе романы и носили названіе «нравственно-сатирическихъ» или «нраво-описательныхъ» и романистъ не думалъ скрывать своей тенденціи, потому что былъ увѣренъ, что публика, въ тѣ годы столь сентиментальная, не только не осудитъ его за это подчеркиваніе морали, но наоборотъ только прельстится ею. Дѣйствительно, спросъ на эти нравственно-сатирическіе романы въ тѣ годы

былъ большой, и всѣ вопли противъ нихъ истинно талантливыхъ писателей ни къ чему не приводили.

Истинные таланты были, конечно, правы въ своемъ негодованіи на быстрый ростъ этой литературы, смахивавшей нѣсколько на ремесло, но историкъ долженъ быть болѣе разборчивъ въ своемъ осужденіи.

Если планъ этихъ романовъ и ихъ выполненіе были иной разъ антихудожественны, то отдѣльныя детали этихъ «картинъ нравовъ» имѣли нѣкоторую цѣну, не только историческую, но въ извѣстномъ смыслѣ и литературную. Писатель иной разъ невольно становился жанристомъ, портретистомъ, фотографомъ и даже историкомъ. Само желаніе писателя говорить о «дѣйствительности», стремленіе держаться реальныхъ фактовъ заставляло его мало-по-малу вырабатывать пріемы чисто реальнаго творчества, и случалось нерѣдко, что онъ забывалъ свою тенденцію, увлекаясь самымъ процессомъ описанія. И то, что онъ описывалъ, во многихъ случаяхъ заслуживало описанія.

Изъ всей массы романовъ и повѣстей, написанныхъ съ этой тенденціей, мы, конечно, отмѣтимъ лишь самое выдающееся—то, что имѣло въ читающей публикѣ наибольшее распространеніе. Да и содержаніе этого главнаго разсказать нѣтъ никакой возможности—такъ обыкновенно запутанъ бываетъ разсказъ и такъ много всевозможныхъ интригъ бываетъ въ него вставлено. Писатель запутывалъ разсказъ умышленно, для того, чтобы морализирующая тенденція не выступала наружу слишкомъ явно и кромѣ того онъ прибѣгалъ къ этой путаницѣ—почти всегда на любовной подкладкѣ—придерживаясь старой традиціи, что безъ любви романъ не романъ. Тотъ, кто въ этихъ романахъ ищетъ указаній на современную жизнь, картинъ тогдашнихъ нравовъ, можетъ смѣло обойти молчаніемъ всѣ эти любовныя интриги, въ которыхъ нѣтъ и намека на реализмъ, нѣтъ типовъ, а одни только положенія и притомъ самыя шаблонныя.

Длинная серія этихъ «нравоописательныхъ» романовъ закончилась въ началѣ сороковыхъ годовъ «Мертвыми душами» Гоголя, этой послѣдней и самой блестящей попыткой нанизать жанровыя картинки изъ современной жизни на довольно произвольную нить «похожденій» одного человѣка. Въ первой части своей поэмы Гоголь окончательно освободилъ этотъ «нравственно-сатирическій» романъ отъ дидактики, и смерть помѣшала ему во второй части поэмы вновь вернуться на старую дорогу. Но еще задолго до Гоголя побѣда реализма надъ дидактикой была обезпечена.

Наиболѣе ясно дидактическая цѣль сказалась на первомъ нашемъ «реальномъ» романѣ, который вышелъ въ свѣтъ въ первый же годъ XIX вѣка. Это былъ нѣкогда популярный романъ совсѣмъ юнаго писателя А. Измайлова—«Евгеній» *). Авторъ въ предисловіи самъ ука-

*) «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества». Повѣсть А. Е. Измайлова, 1800 г.

зывалъ на задачу, которую себѣ ставилъ: онъ хотѣлъ, чтобы люди задумались надъ вопросомъ о воспитаніи и потому весь романъ—жизнеописаніе юноши Евгенія Негодяева — былъ довольно искусно составленнымъ разсказомъ о разныхъ опасностяхъ, грозящихъ молодому человѣку. Отъ этихъ опасностей Евгеній и погибъ на 24 году жизни, запутавшись въ сѣтяхъ разныхъ Развратиныхъ, Вѣтровыхъ, Подлянковыхъ, Лицемѣркиныхъ и иныхъ, на лбу которыхъ были прописаны всѣ ихъ пороки, и которые поэтому могли представить опасность лишь тогда, когда этого хотѣлъ самъ авторъ. И авторъ умышленно сталъ насъ знакомить со всевозможными темными личностями, заставилъ присмотрѣться ко всевозможнымъ сценамъ вымогательства, къ карточной фальшивой игрѣ, къ подстроеннымъ въ цѣляхъ ограбленія любовнымъ свиданіямъ, ко всякой грязи, которую изображать онъ былъ мастеръ. Но изображать эту грязь не значило еще быть реалистомъ. Передъ нами были все-таки не люди, а ходячіе пороки. Составить себѣ по нимъ понятіе о жизни было невозможно, и единственно, что въ романѣ было цѣннаго, такъ это вовсе не эти общіе силуэты по всей землѣ распространенныхъ пороковъ,—а извѣстное, между строками проглядывающее, пониманіе дѣйствительности, которое обнаружилъ авторъ, угадавъ причину, вызывающую такое уродливое воспитаніе и ему способствующую. На эту причину авторъ указывалъ, когда говорилъ вообще о барскомъ строѣ жизни и мимоходомъ касался вопроса о крѣпостныхъ. Конечно, Измайловъ говорилъ все это не отъ себя — многіе писатели XVIII вѣка ему его слова подсказали,—но важно то, что въ эпоху, очень неблагопріятную для всякихъ такихъ намековъ, онъ рѣшился заговорить объ этомъ.

«Знаете ли вы, безсмысленныя креатуры—говоритъ герой романа своимъ крестьянамъ—что жизнь ваша принадлежитъ не вамъ, а моему отцу, по смерти же его въ эритажъ мнѣ достанется?»—«Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника»—ворчитъ сквозь зубы крестьянинъ въ отвѣтъ на одну изъ такихъ выходокъ своего промотавшагося барина, который готовъ распродать своихъ «тварей» по одиночкѣ, имѣя отъ отца довѣренность продавать людей въ случаѣ надобности. Много такихъ мелкихъ, но мѣткихъ чертъ у Измайлова, но, вырабатывая въ себѣ проповѣдника, нашъ авторъ не разработалъ свой талантъ реалиста.

Неразработанной осталась эта сторона и въ писательскомъ талантѣ Карамзина, который, хотя и опередилъ Измайлова, какъ авторъ слезливой «Бѣдной Лизы», но выступилъ, однако, уже послѣ него въ роли бытописателя современной ему жизни. Среди всѣхъ повѣстей Карамзина, даже тѣхъ, которыми онъ наполнилъ свою «Исторію Государства Россійскаго», «Рыцарь нашего времени» (1802) выдѣляется своей силой и оригинальностью. Это всего лишь отрывокъ, за который, однако, можно отдать цѣлые законченные тома сочиненій нашего писателя, такъ си-

ленъ въ этомъ отрывкѣ ароматъ жизни, такъ непосредственно схвачена дѣйствительность человѣкомъ, который всегда изображалъ эту дѣйствительность не иначе, какъ передѣлавъ ее сообразно своему сентиментальному представленію объ идеалѣ, въ который, какъ моралистъ, онъ былъ влюбленъ безъ памяти. «Рыцарь нашего времени»—уголокъ цѣлой художественной картины, въ которой должна была быть изображена наша дворянская жизнь глухой усадьбы. И если Карамзинъ когда былъ историкомъ, то, именно, въ этомъ отрывкѣ. Безъ шаржировки, безъ сатирической каррикатурности и безъ прописной морали, т.-е. безъ всѣхъ обычныхъ для того времени недостатковъ, развертывается передъ нами эта бытовая картина, въ которой изображены старые типы провинціальныхъ дворянъ, ихъ жизнь и затѣи, и разсказана такъ трогательно исторія сентиментальнаго воспитанія подростка.

Изъ всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ реальнаго романа, которому Измайловъ и Карамзинъ положили начало, наиболѣе характерные принадлежатъ перу Нарѣжнаго и Булгарина.

Имя Нарѣжнаго въ свое время не пользовалось широкой извѣстностью, которую оно безспорно заслуживало. Даже въ разгаръ споровъ о нашей «самобытности» это имя упоминалось рѣдко, и только позднѣйшая критика признала въ немъ прямого предшественника Гоголя. Такое невнимательное отношеніе критики къ выдающемуся писателю крайне странно, тѣмъ болѣе, что этотъ писатель удовлетворялъ ходячему тогда вкусу публики къ такъ называемымъ «романамъ съ похожденіями». Романы Нарѣжнаго, дѣйствительно, полны невѣроятныхъ происшествій, и реальное съ фантастическимъ смѣшано въ нихъ самымъ произвольнымъ образомъ. Той или другой своей стороной они должны были бы нравиться, а между тѣмъ, критика недостаточно внимательно отнеслась къ ихъ реализму, а читатели недостаточно оцѣнили ихъ занимательность. Бываютъ иногда такія несправедливости... ихъ должно исправлять потомство, и въ отношеніи Нарѣжнаго эта поправка теперь сдѣлана. Въ исторіи нашей литературы ему отведено почетное мѣсто, и его нравоописательные романы послѣ долгаго забвенія теперь оживились въ нашей памяти.

Разсматривая ихъ, какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обладалъ большимъ чутьемъ дѣйствительности и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны нашей жизни, которыхъ не касались его современники. Изъ общаго перечня повѣстей и романовъ Нарѣжнаго намъ для нашей цѣли необходимо остановиться лишь на пяти произведеніяхъ смѣшаннаго типа, въ которыхъ, однако, «нравоописаніе» составляетъ главную цѣль автора. Это: «Аристіонъ» (1822), «Бурсакъ» (1824), «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» (1825) и «Черный годъ или горскіе князья» (1829) (написанный въ самомъ началѣ столѣтія) и въ особенности «Россійскій Жилблазъ» (1814). Романы эти, какъ мы уже сказали, не однородны—въ однихъ, какъ, напр., въ «Аристіонѣ», преобладаетъ дидактизмъ, въ

«Бурсакѣ» большая примѣсь историческаго элемента, въ «Двухъ Иванахъ» всего больше анекдотическаго, «Черный годъ» — соціальная сатира и, наконецъ только «Жилблазъ» — типичный «нравоописательный» разсказъ. Содержаніе этихъ романовъ разсказывать нѣтъ нужды, тѣмъ болѣе, что оно такъ запутано, что и послѣ неоднократнаго чтенія удержать его въ памяти нѣтъ возможности. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ бытовыхъ картинъ для искусства и жизни, достаточно указать лишь на тѣ общіе вопросы, которыхъ Нарѣжный въ нихъ коснулся. Одинъ бѣглый обзоръ ихъ покажетъ намъ, какъ близко этотъ человѣкъ присматривался къ нашей тогдашней жизни и какой шагъ впередъ сдѣлало въ его романахъ наше общественное самосознаніе.

Въ романѣ «Аристіонъ» *), въ которомъ авторъ трактуетъ о несовершенствѣ нашего воспитанія, онъ, при обрисовкѣ дворянскаго быта, все время наводитъ нашу мысль на соціальную аномалію своего времени и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы обосновать свои разсужденія о системѣ воспитанія на этой первопричинѣ всякой дворянской разнузданности. Если ему не удаются типы, и сами портреты сбиваются на шаблонъ, то эти художественные недочеты не вредятъ тому историческому смыслу, который вѣрно уловленъ и высказанъ въ этой картинѣ. Картина въ общемъ веселая, какъ почти всѣ разсказы Нарѣжнаго, который любилъ кончать все къ общему благополучію; картина, кромѣ того, мѣстами очень игривая и полная юмора, которымъ природа щедро надѣлила нашего автора, и вмѣстѣ съ тѣмъ картина съ возмутительными деталями въ теньеровскомъ стилѣ. Передъ нами нищенское крестьянское хозяйство, исчисленіе всевозможныхъ поборовъ, которыми помѣщикъ облагаетъ крестьянъ, экзекуціи и мужиковъ, и дѣвокъ, грубыя игры помѣщичьихъ сынковъ съ крестьянскими мальчишками, уличныя сцены, гдѣ дѣйствующими лицами является толпа голодныхъ полуодѣтыхъ оборванцевъ, однимъ словомъ картины съ натуры, которыя тѣмъ рельефнѣе выступаютъ наружу, чѣмъ больше авторъ старается скрасить ихъ иными сентиментальными разсказами о томъ, какъ благодарные поселяне цѣлуютъ полу платья у благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Когда Нарѣжный отъ этихъ бытовыхъ картинъ переходитъ къ картинамъ историческимъ, какъ, напр., въ романѣ «Бурсакъ» **), онъ сохраняетъ тѣ же пріемы реальной обрисовки лицъ и событій, несмотря на вторженіе иногда чисто сказочныхъ эпизодовъ въ его романъ. Онъ произвольно мѣшаетъ вымыселъ съ дѣйствительностью, съ исторической правдой обходится довольно свободно, придумываетъ имена совсѣмъ не реальныя, пользуется широко всякими разбойничьими сказками, запутываетъ интригу до крайности, но искупаетъ все это

*) «Аристіонъ или первоевпитаніе». Истинная повѣсть. 2 части. Спб. 1822.

**) «Бурсакъ». Малороссійская повѣсть. 4 части. Москва. 1824.

живыми и юмористическими разсказами изъ жизни бурсы, казаковъ, запорожской сѣчи, сценками, которыя иногда какъ будто напоминаютъ манеру и письмо Гоголя. Они впрочемъ не совсѣмъ гоголевскія, потому что народный колоритъ въ нихъ не всегда выдержанъ и, главное, не выдержана рѣчь, которая у Гоголя болѣе естественна. Нѣтъ у Нарѣжнаго и того историческаго чутья, которое было у Гоголя, хотя Нарѣжный зналъ малороссійскую жизнь безспорно лучше, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ писателей до Гоголя.

Всего больше малороссійскихъ бытовыхъ чертъ сохранено въ другомъ романѣ Нарѣжнаго «Два Ивана» *), который считается прототипомъ извѣстнаго разсказа Гоголя «о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ». Эта мысль о междуусобной истребительной войнѣ двухъ сосѣдей вытекла у Нарѣжнаго изъ вѣрно схваченной имъ основной черты нашей тогдашней жизни,—черты серьезной, несмотря на то, что она нерѣдко проявляла себя въ самыхъ комическихъ формахъ. Эта страсть къ тяжбамъ и одновременно къ самоуправству, была, при условіяхъ тогдашней дворянской жизни, некультурнымъ проявленіемъ самостоятельности въ поступкахъ и мнѣніяхъ, проявленіемъ энергіи, неправильно развитой царящимъ вокругъ произволомъ. И Нарѣжный, задолго до Гоголя и до Островскаго, уловилъ эту черту жизни не одной только Малороссіи, но и всей нашей дореформенной Россіи. Его романъ отнюдь не былъ «забавнымъ» романомъ, несмотря на массу истинно комическихъ эпизодовъ, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. Въ своей основѣ это была сатира соціальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ. И, дѣйствительно, помимо основной концепціи темы, читатель даже нашего времени найдетъ въ этомъ устарѣломъ романѣ много страницъ, изъ которыхъ жизнь еще не выдохлась. Сцены изъ быта простонародія, сцены на ярмаркѣ, сельскія картинки, описаніе хуторовъ, шинокъ съ его хозяевами и посѣтителями, городъ, гдѣ ведется тяжба, и цѣлый рядъ судейскихъ типовъ—все говоритъ о довольно тонкой наблюдательности автора.

Стремясь всегда уловить въ окружающей жизни не только ея внѣшность, но и ея смыслъ, Нарѣжный задумалъ еще въ началѣ своей дѣятельности нарисовать огромную бытовую картину русскихъ нравовъ, цѣлую эпопею дворянской и интеллигентной жизни своего времени. Предпріятіе было смѣлое и Нарѣжный понималъ это: вотъ почему, быть можетъ, онъ и перенесъ дѣйствіе своего романа въ половину XVIII вѣка, какъ бы желая отвести глаза слишкомъ зоркаго читателя. Ему не удалось однако обмануть

*) «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ». 2 части. Москва, 1825.

этого читателя, и его романъ, «Россійскій Жилблазъ» *), былъ все-таки запрещенъ цензурой, и послѣднія три его части въ печати не появились.

Изъ тѣхъ трехъ частей, которыя передъ нами, мы видимъ ясно, какъ широкъ и глубокъ былъ замыселъ нашего писателя. Можно утвердительно сказать, что даже послѣ «Мертвыхъ душъ» «Россійскій Жилблазъ» остался самымъ пространнымъ реальнымъ романомъ изъ нашей старой жизни. Конечно, слово «реальный» надо и въ данномъ случаѣ — какъ всегда, когда говоришь о Нарѣжномъ — понимать съ большими ограниченіями. Сама завязка романа и всѣ побочныя интриги, входящія въ его составъ, опять—рядъ невозможныхъ и невѣроятныхъ хитросплетеній и неожиданностей, вставленныхъ, конечно, ради развлеченія требовательнаго въ этомъ смыслѣ читетеля. Но дѣло не въ завязкѣ, а въ деталяхъ, и вотъ эти-то детали въ «Жилблазѣ» и цѣнны. Изъ самаго бѣглаго обзора ихъ читатель убѣдится въ томъ, какъ серьезно отнесся писатель къ своей задачѣ и какъ онъ умѣлъ подчасъ схватить главное и существенное во всей пестротѣ современности.

Авторъ опять пользуется каждымъ случаемъ, чтобы сорвать свою злобу на какомъ-нибудь господинѣ Головорѣзовѣ, который «на досугѣ гоняется за дворовыми дѣвками, сбираетъ слугъ и велитъ имъ бить другъ друга, а самъ не можетъ налюбоваться, видя кровь, текущую отъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящіе клоками». Сопровождая затѣмъ своего героя въ его долгихъ и запутанныхъ похожденіяхъ, авторъ всегда готовъ высказаться по разнымъ весьма существеннымъ вопросамъ. Его интересуетъ, напр., наше отношеніе къ иностранцамъ и къ нашей старинѣ. Нарѣжный держится очень трезвыхъ уравновѣшенныхъ взглядовъ на это двойное направленіе нашихъ симпатій, проявившихся въ тѣ годы съ достаточной рѣзкостью: онъ предаетъ остроумнѣйшему осмѣянію фанатиковъ-любителей старины, не понимающихъ сущности національнаго и замѣняющихъ эту сущность одной внѣшностью; онъ, съ другой стороны, травитъ иностранцевъ, которыхъ мы допускаемъ такъ охотно къ себѣ въ семьи и которымъ мы готовы простить даже ихъ глумленіе надъ нашей національностью. Не менѣе любопытныя страницы посвящаетъ Нарѣжный въ своемъ романѣ каррикатурной характеристикѣ русскаго «метафизика» — повидимому, довольно странная выходка со стороны интеллигентнаго человѣка, которому наши умственные недочеты тѣхъ годовъ были ясны. Если, однако, Нарѣжный рѣшился заговорить объ излишествѣ метафизики въ русской головѣ, а не объ ея недостаткѣ, то эту сатирическую выходку, это глумленіе надъ разсужденіями о «душѣ, гдѣ она сидитъ во лбу или въ затылкѣ?» этотъ разсказъ о томъ, какъ нашего метафизика свезли въ

*) «Россійскій Жилблазъ или Похожденія князя Гавриды Семеновича Чистякова». 6 частей. Спб. 1814 г. (Напечатаны всего лишь 3 части).

домъ умалишенныхъ—надо понимать не въ прямомъ смыслѣ. Нарѣжный въ своихъ романахъ далъ не мало доказательствъ тому, какъ высоко онъ цѣнитъ науку, и въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ не ее, а современный ему мистицизмъ, который, если еще не успѣлъ вполнѣ заволочь русскіе умы («Жилблазъ» написанъ въ 1814 г.), то все-таки достаточно тогда уже обнаружился. Трезвый умъ Нарѣжнаго предугадалъ опасность, но писатель не имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи подходящаго слова, которымъ бы онъ могъ окрестить поднимавшійся тогда туманъ мысли и онъ указалъ на «метафизику», которой, какъ извѣстно, приходится часто расплачиваться не за свои грѣхи. А Нарѣжный—юмористъ и сатирикъ—любилъ во всемъ ясность и онъ доказалъ это въ томъ же романѣ необычайно для того времени смѣлой выходкой противъ массонства. Что въ своемъ беззастѣнчивомъ глумленіи надъ массонствомъ Нарѣжный былъ опять таки неправъ, это едва ли нужно доказывать; писатель сдѣлалъ крупную историческую ошибку: онъ частный случай разврат въ массонскихъ ложахъ изобразилъ какъ характерное для массонства явленіе. Но описаніе этихъ массонскихъ оргій, и этихъ церемоній, гдѣ дѣйствуютъ разные братья Козерогъ, Телецъ и Большой Песъ, «весь скотный дворъ земной, небесный и преисподній», гдѣ чванится Полярный Гусь и гдѣ, въ концѣ концовъ, все мистическое сводится просто-на-просто къ скабрезному — читается все-таки не безъ интереса, такъ много въ немъ смѣлой мысли.

А Нарѣжный былъ смѣлый писатель. Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ тѣ годы, когда онъ чиновникомъ служилъ на Кавказѣ, онъ сочинилъ длинный «нравоописательный» романъ изъ жизни горскихъ князей. Романъ этотъ «Черный Годъ» *) вышелъ уже послѣ смерти Нарѣжнаго, такъ какъ самъ авторъ не рѣшался его печатать, и онъ имѣлъ на то свои основанія. Подъ невиннымъ заглавіемъ нравоописательнаго романа, дѣйствіе котораго происходитъ въ горахъ Кавказа и на берегу Каспійскаго моря, дѣйствующія лица котораго всѣ вымышленныя, и обстановка никакихъ мѣстныхъ красокъ не имѣетъ, нашъ авторъ создалъ любопытнѣйшій образецъ общественно-политической сатиры, единственный въ своемъ родѣ для того времени. Какъ чиновникъ, онъ имѣлъ случай присмотрѣться къ русскимъ порядкамъ на Кавказѣ въ тотъ самый моментъ, когда Грузія вошла въ составъ нашего государства. Всю перелицованную исторію этого управленія онъ и далъ въ своемъ романѣ. Въ настоящую минуту разгадать всѣ намеки и псевдонимы трудно, да и нѣтъ необходимости. Романъ Нарѣжнаго цѣненъ не этимъ историческимъ матеріаломъ, а общими драматическими и комическими положеніями, въ которыхъ авторъ съ такимъ юморомъ выразилъ соотношеніе между разными общественными силами и властями.

*) «Черный Годъ или Горскіе Князья», 4 части. Москва, 1829 г.

Князь, его министры, верховный жрецъ и его клевреты, военачальникъ и народъ — вотъ тѣ соціальныя силы, надъ которыми авторъ изощрялъ свое остроуміе, наводя насъ, однако, ежеминутно на серьезныя мысли. Рѣчь шла, конечно, не о Грузіи только и не о тѣхъ русскихъ чиновникахъ, которые въ этой Грузіи хозяйничали, а вообще о властяхъ и о соціальныхъ группахъ въ ихъ трагикомическихъ столкновеніяхъ между собой. Властитель, одурманенный своимъ величіемъ, капризный и своевольный, привыкшій смотрѣть на свой народъ, какъ на толпу, украшающую площадь при его выѣздахъ; совѣтъ министровъ, который не можетъ дать ни одного путнаго совѣта, верховный жрецъ, корыстолюбивый, торгующій святыней и желающій присвоить себѣ руководящую роль въ государствѣ, дезорганизированное войско, для котораго война и грабежъ тожественны, наконецъ, и самый народъ, который при всякомъ случаѣ служитъ козломъ отпущенія—всѣ эти общіе собирательные типы и группы, которые авторъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду, даже въ самый разгаръ разсказа о любовныхъ похожденіяхъ своего героя—достаточно поясняютъ серьезную мысль писателя и указываютъ на мишень, въ которую онъ мѣтилъ. Въ романѣ есть страницы очень смѣлыя. Ни въ одномъ изъ нашихъ старыхъ романовъ, даже самаго сатирическаго типа, не оттѣненъ, напр., такъ рельефно принципъ «дубины», который издавна имѣлъ такое широкое приложеніе въ нашей жизни. Нарѣжный прозрачно намекаетъ на него въ нѣсколькихъ главахъ, въ которыхъ разсказываетъ, какъ горскій князь Кайтукъ 25-й, обладатель не малой части ущелій кавказскихъ, учредилъ особый орденъ нагайки, рыцарями котораго могли быть люди только извѣстнаго привилегированнаго положенія. Имъ только присвоенъ былъ этотъ знакъ, сдѣланный изъ кишекъ бараньихъ, длиною въ аршинъ съ кнутовищемъ изъ кедроваго дерева, на которомъ былъ княжескій вензель. За награжденіе этимъ знакомъ отличія полагалось, однако, взыскивать не малую сумму для пополненія государственнаго казначейства. Кавалерамъ этого ордена были продоставлены особыя преимущества, среди которыхъ одно изъ немаловажныхъ заключалось въ томъ, что кавалеръ могъ приколотить не кавалера безъ суда и расправы, «только бы удары надѣляемы были ничѣмъ другимъ, какъ орденскою нагайкой» *).

Если вспомнить, что эти строки были писаны за много лѣтъ до торжества аракчеевской системы и при томъ въ эпоху самаго розоваго оптимизма, въ годы наибольшихъ и наилучшихъ обѣщаній александровскаго царствованія, приходится удивляться тому чутью дѣйствительности, какимъ обладалъ нашъ авторъ. Онъ умѣлъ отличать въ нашей жизни постоянное отъ наноснаго, существенное отъ неважнаго.

Въ этомъ смыслѣ Нарѣжный былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди

*) «Черный Годъ», часть I, стр. 53, 86, 89.

нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя...

Впрочемъ, при оцѣнкѣ дѣятельности этихъ писателей николаевской эпохи, нужно всегда помнить, что условія ихъ работы были нѣсколько иныя, чѣмъ въ предшествующее царствованіе. Литераторъ чувствовалъ себя подъ большимъ надзоромъ и пріучался сознавать себя прежде всего цензоромъ своихъ произведеній а потомъ уже ихъ авторомъ.

Изъ этихъ бытописателей - реалистовъ новаго царствованія всего болѣе былъ популяренъ въ читающей публикѣ Ѳ. В. Булгаринъ.

Онъ, какъ литераторъ, имѣлъ свои безспорныя заслуги и нелюбовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ журналиста и писателя. Для своего круга читателей,—очень широкаго замѣтимъ — онъ былъ во всякомъ случаѣ поставщикомъ занимательнаго чтенія, въ которомъ онъ обнаруживалъ и нѣкоторую литературную сноровку и нѣкоторый запасъ свѣдѣній историческихъ и литературныхъ и, наконецъ, даже въ общемъ приличную сентиментальную мораль, правда, истертую, но въ общественномъ смыслѣ не вредную. Конечно, все это для круга самаго средняго, который имъ и увлекался.

Для роста литературы въ широкомъ и серьезномъ смыслѣ этого слова—Булгаринъ, несмотря на его плодовитость сдѣлалъ мало, и искать въ его романахъ настоящаго пониманія дѣйствительности или освѣщенія характерныхъ ея сторонъ—напрасно. Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого Булгарина: онъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, провозвѣстниковъ обыденной несложной морали, привыкшей имѣть дѣло съ самыми будничными добродѣтелями. Въ своихъ «картинахъ нравовъ» Булгаринъ всегда избѣгалъ касаться вопросовъ острыхъ и сложныхъ, почему всѣ его романы и повѣсти и носятъ такой общій характеръ. Мѣстныхъ, народныхъ красокъ въ нихъ мало; бытовыя черты попадаются рѣдко, но всетаки въ общемъ всѣ эти романы обнаруживаютъ тенденцію къ реализму и въ этомъ ихъ главная литературная заслуга. Они прививали публикѣ вкусъ къ литературѣ воспроизводящей современность и хоть слабо, но всетаки сосредоточивали ея интересъ на дѣйствительности. Въ этой погонѣ за реализмомъ Булгарину случалось кромѣ того бросать иногда свѣтъ и на нѣкоторые уголки нашей жизни, совсѣмъ мало освѣщенные.

Въ 1829 году Булгаринъ соединилъ всѣ свои фельетоны, разсказы, очерки и сказки въ 12-ти томахъ своихъ «Сочиненій» *). Въ это

*) «Сочиненія Ѳадея Булгарина». С.-Пб. 1829 г. XII частей.

собраніе сочиненій не вошли его романы, которые къ этому году также могли бы составить 12 томовъ. Продуктивность, какъ видимъ, была большая, но количество шло всетаки въ ущербъ качеству. Въ этомъ сборникѣ мелкихъ статей передъ нами литературный матеріялъ довольно пестрый. Въ нихъ замѣтны двѣ главныхъ тенденціи—моральная и патріотическая. Недаромъ, намекая на успѣхъ своихъ сочиненій въ публикѣ, Булгаринъ говорилъ въ предисловіи, что всѣ добрые и просвѣщенные люди держатъ его сторону. Онъ очень гордился тѣмъ, что сѣялъ добрыя чувства, но если мы поближе присмотримся къ этимъ чувствамъ и мыслямъ, то намъ въ глаза сразу бросится ихъ незатѣйливость. Патріотическая тенденція его разсказовъ сводится къ прославленію силы и стойкости русскаго оружія и къ восхваленію преданности «славянъ» своимъ государямъ. Этотъ также несложный видъ патріотизма Булгаринъ поясняетъ разсказами изъ славянской старины, конечно, вымышленной, изъ русской древней исторіи, а также картинками изъ жизни реальной, которыя онъ срисовывалъ съ событій, свидѣтелемъ которымъ былъ самъ, и съ лицъ, съ которыми встрѣчался во время своихъ походовъ съ Наполеономъ. Если отбросить заключительную мораль, пришитую почти всегда на живую нитку къ самой повѣсти, то въ этихъ воспоминаніяхъ найдутся живыя странички. Ихъ значительно меньше въ повѣстяхъ чисто вымышленныхъ, сочиненныхъ въ доказательство какой-нибудь нравственной сентенціи. Такія сентенціи, не идущія дальше самыхъ банальныхъ истинъ, Булгаринъ поясняетъ и восточными апологами, и фантастическими сказками, и жанровыми сценками. Всѣ они не выше общаго литературнаго ординара того времени и въ нихъ не затронутъ ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ нашей тогдашней жизни. Если автору и случается на такомъ вопросѣ мимоходомъ остановиться, какъ, напр., на вопросѣ крестьянскомъ, то изъ обличителя и нравописателя, какимъ онъ себя выдаетъ, онъ становится сентименталистомъ самой чистой воды и рисуетъ блаженныя идилліи. Освѣщенію дѣйствительности онъ предпочитаетъ туманный ничего не говорящій очеркъ идеала. Наиболѣе живы въ этихъ разсказахъ сатирическія выходки противъ литературной братіи, нравы которой Булгаринъ имѣлъ возможность изучить на себѣ самомъ и ближайшихъ пріятеляхъ.

Такую же малую литературную цѣнность имѣлъ и его нѣкогда очень популярный романъ «Иванъ Выжигинъ» *). Задуманъ онъ былъ очень широко, по плану ходячихъ тогда «романовъ съ похожденіями». Авторъ перекатывалъ своего героя и всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа по всему пространству нашей родины, отъ Польши до киргизскихъ степей, заставлялъ ихъ жить въ самыхъ разнообразныхъ

*) «Иванъ Выжигинъ. Нравственно-сатирическій романъ». 4 части. С.-Пб. 1829 г.

общественныхъ условіяхъ, придумывалъ невѣроятныя случайности и все это затѣмъ, чтобы дать «благонамѣренную сатиру, процвѣтаніе которой въ Россіи издавна составляло заботу нашего мудраго правительства». Такимъ образомъ, и въ этомъ романѣ авторъ остается вѣренъ своимъ излюбленнымъ тенденціямъ—сентиментально-дидактической, которая должна изображать жизнь «благонамѣренно», не возбуждая сильныхъ страстей, и тенденціи патріотической, которая должна укрѣпить въ читателѣ довѣріе къ правительству, а потому и уменьшить остроту его недовольства дѣйствительностью. Авторъ, такимъ образомъ, самъ себя обезоруживалъ. Онъ хотѣлъ, пользуясь похожденіями совсѣмъ незначительнаго и неинтереснаго Ивана Выжигина дать намъ по возможности полный списокъ пороковъ нашей русской жизни и онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изображеніи этихъ пороковъ отнюдь не желалъ прогнѣвить тѣхъ, кто, можетъ быть, былъ виноватъ прямо или косвенно въ ихъ процвѣтаніи. Поэтому, всѣ его сатирическіе образы—лица безъ лицъ, тѣни безъ плоти и крови, съ традиціонными, въ тридцатыхъ даже годахъ уже устарѣвшими, фамиліями Плутяговичей, Скотенко, Плезиныхъ, Вороватиныхъ, Ножовыхъ, Безпечныхъ или для контраста—Виртутиныхъ и Законенко. Само собою разумѣется, что и вся жизнь этихъ лицъ—одна фантасмагорія, съ русской жизнью ничего общаго не имѣющая, а между тѣмъ, ею именно заняты почти всѣ страницы романа. Заключая свой длинный романъ, авторъ устами героя высказался въ самомъ примирительномъ духѣ и тѣмъ показалъ, какъ несвойственна была ему роль сатирика и обличителя, которую онъ разыгрывалъ.

«Испытавъ многое въ жизни—говорилъ онъ—бывъ слугою и господиномъ, подчиненнымъ и начальникомъ, лѣнивцемъ и дѣльцомъ, мотомъ и игрокомъ, испытавъ людей въ счастьи и несчастьи, я удалился отъ свѣта, но не погасилъ въ сердцѣ моемъ любви къ человѣчеству. Я увѣрился, что люди больше слабы, нежели злы, и что на одного дурного человѣка, вѣрно, можно найти пятьдесятъ добрыхъ, которые оттого только неприметны въ толпѣ, что одинъ злой человѣкъ дѣлаетъ болѣе шуму въ свѣтѣ, нежели сто добрыхъ. Радуюсь, что я русскій, ибо, не взирая на наши странности и причуды, неразлучныя съ человѣчествомъ, какъ недуги тѣлесные, нѣтъ въ мірѣ народа смышленнѣе, добрѣе, благодарнѣе нашего». Съ такимъ оптимизмомъ было, конечно, очень трудно выполнить роль Катона, на которую претендовалъ нашъ обличитель, и въ своемъ описаніи нравовъ онъ долженъ былъ пройти мимо главнѣйшихъ «нравственныхъ» вопросовъ тогдашней жизни.

И все-таки въ четырехъ томахъ своего романа Булгарину иногда удавалось уловить ту или другую характерную черточку нашей дѣйствительности. Это все были картины незатѣйливыя, но, по крайней мѣрѣ, списанныя съ натуры. Бытъ бѣлорусскаго помѣщика, его отно-

шенія къ крестьянину и къ еврею былъ очерченъ въ романѣ довольно живо, по личнымъ воспоминаніямъ самого автора. Наблюдательность и даже не мало остроумія обнаружилъ онъ въ обрисовкѣ нравовъ нашей древней столицы и въ описаніи разныхъ старыхъ и новыхъ типовъ московской жизни; иногда онъ поднимался и выше этихъ простыхъ наблюденій, переходилъ къ обобщеніямъ, разсуждалъ на тему о солидарности всѣхъ сословій, которая будетъ установлена просвѣщеніемъ; при случаѣ, измѣняя даже своему миролюбивому настроенію, разсказывалъ о томъ, какъ помѣщицы стригли своихъ дѣвушекъ и продавали ихъ косы на сторону; подобралъ нѣсколько довольно веселыхъ анекдотовъ о помѣщичьей дури; прошелся на счетъ какихъ-то либераловъ-дворянъ, которые за вкуснымъ обѣдомъ или на вечерѣ въ толпѣ молодыхъ людей вопіяли о благѣ человѣчества и о законахъ, а дома у себя были самовластными пашами и угодили подъ судъ за свое обхожденіе съ крестьянами. Всѣхъ этихъ неблагонамѣренныхъ людей авторъ отсылалъ въ усадьбу нѣкоего Александра Александровича Россіянинова, чтобы научить ихъ уму-разуму и заставить приглядѣться къ жизни истиннаго русскаго добродѣтельнаго дворянина — совсѣмъ, какъ много лѣтъ спустя Гоголь возилъ своего Чичикова по разнымъ исправительнымъ усадьбамъ во второй части «Мертвыхъ душъ». Этотъ булгаринскій Россіяниновъ дѣйствительный феноменъ: усадьба его—земной рай. Крестьяне сыты, одѣты и довольны, къ тому же всѣ они нѣжны сердцемъ и богаты умомъ. Домики ихъ обложены рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами; стоятъ эти домики одинъ отъ другого на нѣкоторомъ разстояніи изъ предосторожности отъ пожара, между ними садики съ плодовыми деревьями, позади овощные огороды, а за ними гумны... тамъ церковь, тамъ домики для общественной пользы, въ одномъ изъ нихъ госпиталь и аптека, въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, въ третьемъ запасный сельскій магазинъ, въ четвертомъ сельское училище и словесный судъ. Крестьянскія лошади и скотъ отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!» восклицаетъ любимецъ автора Миловидинъ при этомъ умилительномъ зрѣлищѣ. Еще больше умиленъ былъ тотъ же Миловидинъ, когда онъ вошелъ внутрь дома г-на Россіянинова и ознакомился съ его библіотекой, гдѣ вмѣстѣ съ русскими книгами въ огромныхъ шкафахъ стояли книги латинскія, греческія, французскія, нѣмецкія, англійскія и итальянскія и рядомъ съ этими шкафами другіе—съ физическими инструментами, химическими аппаратами, моделями машинъ и собраніемъ минераловъ. «Здѣсь пахнетъ Европою!» сказалъ въ восторгѣ обозрѣватель, и, наконецъ, сама Европа явилась передъ нимъ въ лицѣ двухъ гувернеровъ, живущихъ при дѣтяхъ Россіянинова. Это были мосье Энстрюи и геръ Гутманъ, которымъ можно было безъ опаски довѣрить воспитаніе русскаго юношества... Вообще г-нъ Рос-

сіяниновъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный и даже достаточно либеральный: въ его имѣніи всѣ молодые люди были грамотны, такъ какъ помѣщикъ былъ убѣжденъ, что безъ грамоты невозможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятіе объ его обязанностяхъ къ властямъ для собственнаго же его блага.

Было много людей, которымъ эта прѣсная идиллія Булгарина очень нравилась, но въ кружкахъ литературныхъ она была встрѣчена враждебно. Въ ней видѣли произведеніе лубочное и рыночное—и въ смыслѣ художественномъ «Иванъ Выжигинъ», пожалуй, иной оцѣнки и не заслуживалъ; но помимо кое-какихъ своихъ достоинствъ, этотъ романъ даже своими отрицательными сторонами оказалъ извѣстную услугу русскому реализму. «Выжигинъ» вызвалъ не мало пародій. Въ этихъ пародіяхъ, въ которыхъ совсѣмъ уже незначительные писатели изощряли свое остроуміе надъ образомъ мыслей и надъ поведеніемъ плоскаго булгагаринскаго героя, попадаются опять-таки страницы очень характерные. Авторы разнообразятъ обстановку и, оставляя въ сторонѣ тѣ круги дворянскіе, о которыхъ говорилъ Булгаринъ, и жизнь которыхъ онъ какъ имъ казалось, исчерпалъ, сосредоточиваютъ свое вниманіе на болѣе низкихъ слояхъ общества, гдѣ и заставляютъ вращаться либо самого Выжигина, либо его предковъ, жену и дѣтей, либо какую-нибудь карикатуру съ него списанную. Въ этомъ отношеніи характеренъ, напр., романъ Гурьянова «Новый Выжигинъ», въ которомъ дано очень живое описаніе макарьевской ярмарки [1]). Не малый интересъ представляютъ въ данномъ смыслѣ и извѣстные романы А. А. Орлова, надъ которыми въ свое время такъ потѣшились. Этотъ Орловъ былъ человѣкъ довольно любопытный. Литераторъ безъ таланта, но съ большой любовью къ писательству, онъ выпускалъ романъ за романомъ, въ которыхъ писалъ разные пасквили на Выжигина, производя его родъ отъ Ваньки Каина и иныхъ личностей сомнительнаго поведенія [2]). Сатира въ этихъ романахъ очень слаба, но недурны нѣкоторые типы мѣщанскіе и купеческіе, очевидно списанные съ натуры авторомъ, который, какъ мы знаемъ изъ его автобіографіи, былъ съ жизнью этихъ слоевъ общества достаточно знакомъ съ дѣтства [3]).

Къ числу «нравоописательныхъ» романовъ нужно отнести также и ту обширную хронику дворянской жизни, которая въ началѣ 30 годовъ вышла подъ заглавіемъ «Семейство Холмскихъ» [4]). Авторъ ея

[1]) *И. Гурьяновъ.* «Новый Выжигинъ на макарьевской ярмаркѣ». Москва. 1831 г.

[2]) *А. Орловъ.* «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина». Москва 1831 года. «Родословная Ивана Выжигина» сына «Ваньки Каина». Москва 1831 г. «Смерть Ивана Выжигина». Москва 1831 г.

[3]) *А. Орловъ.* «Моя жизнь или исповѣдь Московскія происшествія». Москва. 1832 г.

[4]) «Семейство Холмскихъ, нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ». Москва. 1830 г. VI частей.

С. Бѣгичевъ—былъ самъ родовитый дворянинъ и зналъ о чемъ писалъ. Ему пришла странная фантазія въ голову пристегнуть свой разсказъ къ комедіи «Горе отъ ума», съ авторомъ которой онъ былъ очень друженъ. Такимъ образомъ въ его романѣ дѣйствуютъ наши старые знакомые. Но отъ этого интересъ разсказа нисколько не выигралъ. Значеніе этой длинной хроники опредѣляется опять не главными типами, которыхъ нѣтъ, а довольно вѣрно скопированными деталями помѣщичьей жизни. Историкъ нашего дворянства найдетъ въ немъ кое-какія любопытныя указанія. Авторъ не пощадилъ своего сословія, и хотя въ концѣ концовъ все разрѣшилось къ благополучію благомыслящихъ дворянъ, но много коренныхъ недостатковъ этой жизни пришлось разоблачить автору. Отношенія къ крестьянамъ стоятъ и здѣсь на первомъ планѣ. Сцены мрачныя: авторъ не экономитъ красокъ и всевозможные виды крестьянскихъ страданій, всевозможныя формы расправы съ ними попадаются во всѣхъ томахъ этой длинной хроники. Жизнь помѣщика въ усадьбѣ, лѣнивая и полная самодурства, жизнь въ столицахъ, распутная и безшабашная, протекающая въ будуарахъ и въ игорныхъ домахъ, гдѣ всякіе Змѣйкины, Вампировы, Удушьевы и Шурке заняты вымогательствомъ дворянскихъ денежекъ; покинутыя въ усадьбахъ семьи, во главѣ которыхъ стоятъ беззащитныя и слабыя женщины, живущія подъ ежедневнымъ страхомъ конфискаціи имущества за долги; описаніе всевозможныхъ формъ жизни не по средствамъ, жизни праздной, приводящей человѣка то къ пустому поверхностному разочарованію, то къ маниловщинѣ, сентиментальной и попусту мечтательной, то, наконецъ, даже къ преступленію — всѣ эти довольно тщательно выписанныя детали одной общей картины не лишены интереса, въ особенности, если вспомнить, что они вышли изъ-подъ пера человѣка, который радъ былъ бы такія сцены и не вырисовывать. Въ общемъ авторъ обнаружилъ не мало свободомыслія и смѣлости, иной разъ злой какъ бы демократической ироніи по адресу аристократовъ. Заканчивая свою хронику, какъ и полагалось, благополучнымъ концомъ для всѣхъ добродѣтельныхъ представителей истинно-гуманнаго дворянства, авторъ съ грустью говорилъ, что онъ не успѣлъ выполнить всей своей задачи. «Мы почти не коснулись сословія знатнаго и богатаго дворянства, говорилъ онъ. А какое обширное поле! Развратные, безнравственные, безпутные старики и негодныя старухи, вѣроломные супруги, безпечные родители, филантропки и раскольницы нашего времени, молящіяся по католическимъ книгамъ, и имѣющія аббатовъ отцами наставниками, молодые, полувыучившіеся люди, тоскующіе о философіи, метафизикѣ, статистикѣ, юриспруденціи, правахъ народовъ. Весьма бы любопытно было описать общества сихъ великихъ мудрецовъ, которые за стаканомъ шампанскаго съ трубкою въ зубахъ и съ очками на глазахъ, т.-е. со всѣми признаками глубокой учености, судятъ и рядятъ о своемъ отечествѣ, не видавъ его и ничего не зная

о немъ. Какую обильную жатву представятъ писателю съ дарованіемъ характеры и домашняя жизнь интригановъ или пройдохъ—придворныхъ, министерскихъ, губернскихъ, уѣздныхъ и даже деревенскихъ! Потомъ паразитовъ, или, употребляя старинное русское названіе, прихлѣбателей, начиная также съ придворныхъ, продолжая потомъ наблюденія свои въ чертогахъ вельможъ и знатнаго дворянства и оканчивая въ смиренномъ соломою крытомъ домикѣ небогатаго помѣщика. Купечество? Какое пространное поле! есть гдѣ разгуляться воображенію! есть надъ чѣмъ позабавиться!»

Перечисленные нравоописательные романы лучшее, что создала тогдашняя литература въ этомъ родѣ. Если мы къ нимъ добавимъ романъ Симоновскаго «Русскій Жилблазъ» [1])—то перечень ихъ будетъ почти что полный, такъ какъ остальные романы этого типа рѣшительно ничего характернаго въ себѣ не содержатъ.

Романъ Симоновскаго особыми достоинствами также не отличается и въ большей части своихъ главъ—простое повтореніе обычныхъ для того времени положеній, размышленій и разговоровъ. Та же мораль и тѣ же мрачныя картины крѣпостной жизни. Но попадается въ этомъ романѣ кое-что и новое, какъ, напр., довольно обстоятельно разсказанная исторія домашняго воспитанія и затѣмъ школьнаго обученія дворянскаго сынка—героя этой скучной исторіи. Она оживляется когда авторъ приходится говорить о нравахъ губернской гимназіи, о гимназическомъ начальствѣ, берущемъ взятки и о бытѣ самихъ учениковъ живущихъ по квартирамъ преподавателей. Мимоходомъ обрисованы и женскіе пансіоны. Все это описано наскоро и небрежно, но вѣрно и съ натуры.

Такая живопись съ натуры вообще единственное достоинство всѣхъ этихъ «картинокъ нравовъ», и настоящихъ большихъ картинъ вродѣ только что поименованныхъ, и другихъ, которыя изображали лишь одинъ какой-нибудь уголокъ русской жизни. Такихъ романовъ съ менѣе обширной программой и съ тѣмъ же стремленіемъ уловить бытовыя особенности нашей дѣйствительности было также не мало въ тѣ годы и иной разъ въ этихъ разсказахъ былъ собранъ довольно интересный этнографическій матеріалъ. Такъ, напр., малороссійская усадьба была живо обрисована въ романѣ Погорѣльскаго «Монастырка» [2]), кое-какіе нравы южнаго губернскаго города въ разсказѣ Кулжинскаго «Ѳедюша Мотовильскій» [3]) и особенной популярностью пользовался романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова» [4])—романъ разбойничій, но съ

---

[1]) *Г. Симоновскій.* «Русскій Жилблазъ, похожденіе Александра Сибирякова или школа жизни», 2 части. Москва 1832 г.

[2]) *Антоній Погорѣльскій.* «Монастырка». 2 части. Спб. 1830—1833.

[3]) *И. Кулжинскій.* «Ѳедюша Мотовильскій, украинскій романъ». Москва. 1836.

[4]) *И. Калашниковъ.* «Дочь купца Жолобова. Романъ извлеченный изъ иркутскихъ преданій». 4 части. Спб. 1832.

массою бытовыхъ чертъ изъ жизни сибирскаго купечества. Къ числу такихъ бытовыхъ романовъ можетъ быть отнесенъ и надѣлавшій въ свое время нѣкоторый шумъ романъ Ушакова «Киргизъ-Кайсакъ» [1]) Этотъ довольно живо написанный разсказъ посвященъ собственно разбору одного соціально-нравственнаго вопроса, который нерѣдко подымался и въ романтической литературѣ, а именно, вопроса о столкновеніи незаконнорожденнаго человѣка, но одареннаго всѣми дарами духа съ общественными предразсудками. Герой романа—свѣтскій блестящій кавалеръ, счастливый любовникъ оказывается незаконнымъ сыномъ какой-то киргизки, купленной за 100 рублей. Быстрая агонія этого несчастнаго среди свѣтскаго общества, гдѣ онъ хорошо принятъ, крушеніе всѣхъ надеждъ любви, несмотря на то, что онъ усыновленъ какой-то княгиней, сцены свиданія со своей старухой матерью и, наконецъ смерть его на войнѣ даютъ автору возможность написать нѣсколько истинно драматическихъ страницъ, нарисовать съ настроеніемъ картинку киргизскихъ степей и ихъ быта, а главное при случаѣ рѣзко подчеркнуть свою собственную либеральную тенденцію. Романъ дѣйствительно полонъ благородныхъ рѣчей и изъявленій симпатій по адресу простого народа, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало было въ то время людей, имѣвшихъ право на уваженіе общества, страдавшихъ отъ своего незаконнаго, т.-е. крѣпостнаго происхожденія? Среди романовъ съ серьезнымъ замысломъ, «Киргизъ-Кайсакъ» занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Совсѣмъ не серьезенъ и очень скученъ былъ романъ Греча «Поѣздка въ Германію» [2]), но и его должно отмѣтить, такъ какъ это была попытка набросать новыя для того времени бытовыя сценки изъ жизни русскихъ въ Германіи и нѣмцевъ въ Россіи.

Не мало было также въ тѣ годы повѣстей и романовъ изъ военнаго быта, частью вымышленныхъ, а частью написанныхъ по воспоминаніямъ о великой отечественной войнѣ. Что интересъ писателя долженъ былъ остановиться на этой эпохѣ—это вполнѣ понятно, но ожидать отъ этихъ повѣстей истиннаго реальнаго воспроизведенія дѣйствительности было уже потому трудно, что самый сюжетъ наталкивалъ на преувеличеніе, на пафосъ и на повышенный патріотизмъ. Такое преувеличеніе и составляетъ основной недостатокъ всѣхъ романовъ этого типа.

Лучшее сочиненное на эту тему—были «Походныя записки русскаго офицера» [3])—дневникъ, который И. Лажечниковъ велъ во время своихъ походовъ въ 1812—1815 годахъ. Написанныя при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, на барабанахъ и нерѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго войска, эти записки были совсѣмъ не чужды пафоса и излишняго сенти-

---

[1]) *В. Ушаковъ.* «Киргизъ-Кайсакъ». Повѣсть. 2 части. Москва. 1830.

[2]) *Н. Гречъ.* «Поѣздка въ Германію. Романъ въ письмахъ». 2 части. Спб. 1831.

[3]) *И. Лажечниковъ.* «Походны записки русскаго офицера». Спб. 1820.

ментализма, но они были правдивы. Лажечниковъ записывалъ изо дня въ день свои впечатлѣнія на грудахъ развалинъ русскихъ городовъ, на поляхъ и въ лѣсахъ, гдѣ валялись непогребенные остатки великой арміи, на полѣ битвы въ предѣлахъ Россіи и за границей, разсказывалъ объ ужасныхъ звѣрствахъ голодныхъ и замерзавшихъ солдатъ, набрасывалъ силуэты полководцевъ, описывалъ все, что случалось видѣть въ иноземныхъ городахъ вплоть до Парижа, лилъ слезы надъ человѣчествомъ и взывалъ къ чувствительнымъ сердцамъ, призывая ихъ ополчиться противъ людской вражды и злобы и—что очень характерно—онъ вѣрно оцѣнилъ тѣ жертвы, которыя въ эти тяжелые годы принесъ русскій простой народъ; и въ благодарность Лажечниковъ не упускалъ случая напомнить объ его подневольномъ положеніи, почему въ свой военный разсказъ и вставлялъ часто эпизоды изъ крестьянской неволи и пускался даже въ политическія разсужденія.

Несмотря на ту дань, которую Лажечниковъ заплатилъ своему сентиментальному вѣку, его записки даютъ гораздо болѣе правильное и полное понятіе объ эпохѣ двѣнадцатаго года, чѣмъ романы, которые на эту тему написаны.

Изъ этихъ романовъ выдѣлялись тогда особенно два: «Рославлевъ» Загоскина и «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» Булгарина. Романъ Загоскина написанъ болѣе умѣло, чѣмъ «Выжигинъ», но ни тотъ, ни другой художественными достоинствами не блещутъ. На развитіи дѣйствія, равно какъ и на самихъ характерахъ отражается очень невыгодно слишкомъ яркая патріотическая тенденція писателей. Она превращаетъ разсказъ въ однообразную проповѣдь любви къ отечеству, проповѣдь, которую автору приходится во что бы то ни стало разнообразить вымысломъ—что́ и влечетъ за собой вторженіе въ реальный романъ совершенно излишнихъ, романтическихъ эпизодовъ. Въ «Рославлевѣ» *) придуманнаго очень много; совсѣмъ не замѣтенъ «духъ времени» и почти нѣтъ мѣстныхъ красокъ, хотя завязка—любовь русской дѣвицы къ плѣнному французу и ея страшная гибель — кажется, взята изъ дѣйствительной жизни. Все, что относится къ этой завязкѣ писано въ старомъ романтическомъ стилѣ; и офицеры русскіе и французы, равно какъ и дамы, стоящія между ними — не люди, а страсти, временно облеченныя въ тѣлесную форму. Впрочемъ, какъ въ бытовыхъ романахъ, такъ и въ этомъ суть не въ главной интригѣ, и не въ главныхъ лицахъ, а въ деталяхъ, и въ этомъ смыслѣ кое-что уловлено Загоскинымъ вѣрно. Не лишены интереса народные типы—солдаты и партизаны; авторъ умѣетъ даже при случаѣ говорить не совсѣмъ ломаннымъ народнымъ языкомъ; ему ясна до извѣстной степени психологія массы и эта масса у него не только издаетъ одобрительные или

*) *М. Загоскинъ.* «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году». 4 части. Москва. 1831 г.

порицающіе возгласы, она разсуждаетъ и чувствуетъ, и вообще, кое-гдѣ въ романѣ вѣетъ атмосферой войны.

Этихъ достоинствъ почти совсѣмъ нѣтъ въ романѣ Булгарина «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» *). Сынъ Ивана Ивановича Выжигина, конечно, образецъ доблести и самаго яркаго патріотизма. Рядъ неожиданныхъ приключеній ставитъ на пробу эту его любовь къ отечеству, и онъ изъ нихъ выходитъ побѣдителемъ, чтобы успокоиться въ объятіяхъ своей Лизы, скромной дѣвушки, выросшей въ семьѣ людей «средняго состоянія», а посему добродѣтельныхъ, о которыхъ авторъ говоритъ вообще съ большой нѣжностью, противупоставляя имъ наше высшее общество, столь мало патріотичное. Романъ въ общемъ неудачный и не имѣвшій у публики успѣха, но все-таки съ попыткой уловить живые типы и описать историческія событія не нарушая правды.

Наиболѣе живой и вѣрный типъ русскаго военнаго былъ данъ впрочемъ не этими «наблюдателями» со стороны, а человѣкомъ, который самъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяготу походной жизни. Въ 1832 году вышло—безъ имени и псевдонима автора—первое собраніе повѣстей декабриста Александра Бестужева, очень популярнаго въ публикѣ подъ именемъ Марлинскаго **). Авторъ этихъ повѣстей былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и для своего времени его дѣятельность была явленіемъ очень замѣтнымъ. Создатель особаго литературнаго стиля, нѣсколько вычурнаго, но сильнаго и эффектнаго, напоминавшаго во многомъ ранній стиль Гоголя, критикъ остроумный и образованный, Марлинскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ талантливымъ изъ нашихъ историческихъ романистовъ. Его историческая повѣсть, всегда съ занимательной интригой, полная археологически-вѣрныхъ деталей и веденная въ быстромъ драматическомъ темпѣ уступала развѣ только историческимъ повѣстямъ Пушкина. Въ этой области Марлинскій былъ своего рода новаторъ: еще задолго до Загоскина и Лажечникова съумѣлъ онъ выработать технику историческаго разсказа, сближающаго болѣе или менѣе удачно старину съ житейской правдой.. Но онъ на этомъ не остановился. Отъ историческихъ картинъ онъ сталъ постепенно переходить къ описанію дѣйствительности, и повѣсти, написанныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, были наполовину очерками бытовыми. Правда, въ этихъ повѣстяхъ наиболѣе любопытна характеристика міросозерцанія и настроенія самого автора—человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго но и помимо этого въ нихъ собрано было не мало бытовыхъ чертъ изъ жизни нашего свѣтскаго общества и преимущественно военнаго. Марлинскій изучилъ этотъ бытъ хорошо, въ особенности, когда судьба за-

*) *Ѳ. Булгаринъ.* «Петръ Ивановичъ Выжигинъ. Нравописательный историческій романъ XIX вѣка. 4 части. Спб. 1831 г.

**) «Русскія повѣсти и разсказы». 4 части. Москва. 1832. (въ 1834 году добавлены еще 4 части).

бросила его на Кавказъ, гдѣ онъ тянулъ впродолженіи долгихъ лѣтъ солдатскую лямку.

Отчасти въ Якутскѣ, куда онъ былъ сначала сосланъ, отчасти на Кавказѣ были написаны эти разсказы, въ которыхъ, вспоминая свою вольную жизнь, нашъ авторъ рисовалъ портреты съ себя самого и своихъ знакомыхъ. Нерѣдко разсказывалъ онъ и о своей личной жизни на Кавказѣ, и никто не умѣлъ такъ вѣрно, какъ онъ, схватить дикую прелесть кавказской природы и такъ живо обрисовать восточные типы горцевъ, мирныхъ и немирныхъ. Его «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ» (1830), «Амалатъ Бекъ» (1832) и позднѣе «Мулла Нуръ» (1835), лучшее, что до Лермонтова было у насъ написано о Кавказѣ. Тонкій, полный юмора разсказъ изъ жизни нашихъ моряковъ за границей далъ Марлинскій въ своемъ «Лейтенантѣ Бѣлозорѣ» (1831), и наконецъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ очерковъ даже самыхъ фантастическихъ онъ умѣлъ сохранить правдивость чувствъ и вѣрную психологическую мотивировку въ поступкахъ своихъ героевъ. Марлинскій, при всей романтической необузданности своей фантазіи, былъ, безспорно, хорошій психологъ и въ дѣлѣ сближенія искусства съ жизнью онъ—романтикъ по преимуществу—сдѣлалъ больше, чѣмъ многіе реалисты, его менѣе талантливые современники.

Нашъ краткій перечень русскихъ реальныхъ романовъ былъ-бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ одинъ сборникъ анекдотовъ и сатирическихъ очерковъ, который былъ самымъ оригинальнымъ и любопытнымъ явленіемъ тогдашней обличительной литературы. Это былъ «Новый живописецъ» Полевого *) (1832), въ которомъ были собраны летучія статейки на разныя темы, которыя Полевой печаталъ въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ». Среди всѣхъ тогдашнихъ сатиръ и обличительныхъ картинокъ нравовъ «Живописецъ» былъ самымъ злымъ памфлетомъ. Содержаніе его необычайно богато. Почти каждый памфлетъ—живая страничка изъ русской жизни, конечно, перелицованной. Та «народность», которая ускользала отъ Полевого, когда онъ писалъ свои повѣсти и романы, въ этихъ каррикатурахъ далась ему легко и непринужденно. Непринужденная веселая шутка надъ очень серьезными сторонами нашей жизни—вотъ главное достоинство этого наслѣдника новиковскаго живописца. Полевой — романтикъ и сентименталистъ передъ нами въ новой очень удачной роли юмориста.

Достается всѣмъ. Дворянамъ Тугоумовымъ, Щелкоперовымъ и Тонкосвистовымъ за то, что они просвистали свои родовыя имѣнья, за то, что либеральничали, будучи въ сущности страшными эгоистами, толкуя о правахъ человѣчества, истязали низшую братію, торговали собой, умѣли хвастаться лишь чужими заслугами, жить не своимъ умомъ и на чужой счетъ. Досталось и дамамъ за то, что, по ихъ мнѣ-

*) *Н. Полевой.* «Новый живописецъ общества и литературы». 6 частей. Москва. 1832.

нію, вся жизнь создана для забавы, за то, что они мнятъ себя королевами, для которыхъ существуютъ однѣ лишь прерогативы и ни одной обязанности. Градъ насмѣшекъ сыпался на голову чиновниковъ, отъ мелкихъ до высокопоставленныхъ, и если эти насмѣшки были мало оригинальны, и авторъ въ нихъ казнилъ все старые грѣхи — все взяточничество да плутовство—онѣ были зато очень злы и остроумны. Среди этихъ остроумныхъ шутокъ находилась и маленькая драматическая сценка, озаглавленная «Ревизоры, или славны бубны за горами»—комическій эпизодъ изъ чиновничьей жизни, напоминающій «Ревизора». То же ожиданіе ревизора, тѣ же страхи, совѣщанія, какъ отразить грозу, торжественный пріемъ ревизора и его женитьба на дочери Цапкина—судьи, «какихъ много».

Одни изъ лучшихъ страницъ въ «Живописцѣ» были посвящены безпощадному глумленію Полевого надъ своими собратіями—литераторами и журналистами. Подняты на смѣхъ отдѣльные писатели подъ довольно прозрачными псевдонимами, даны очень удачныя пародіи разныхъ литературныхъ стилей, и осмѣяны всѣ литературныя партіи, и классики, и романтики, и искатели народности, осмѣяны тонко, безъ шаржа и грубостей. Но среди этихъ шутокъ есть и серьезныя мысли: такъ напр., цѣлый обзоръ современной литературы втиснутъ въ маленькій діалогъ, озаглавленный «Разговоръ послѣ бесѣды съ литераторами». Основная мысль этого діалога—не въ такой только рѣзкой формѣ—намъ уже извѣстна по критическимъ статьямъ Полевого. «Можно ли утверждать, что у насъ есть литература? — спрашивалъ нашъ памфлетистъ. Когда литература будетъ необходимою потребностью общества, когда она составитъ часть его бытія, тогда только она будетъ имѣть право на названіе голоса общества. Наше общество совсѣмъ не въ такомъ отношеніи къ литературѣ; книга для русскаго человѣка такая же вещь, какъ часы, игрушки дѣтскія, или такое же занятіе, какъ гулянье подъ Новинскимъ... Смѣшно однако требовать литературы когда мы едва грамотѣ знаемъ... Нельзя дивиться, замѣчая у насъ мелкость литературную, не видя примѣровъ высокаго самоотверженія и находя повсюду безцвѣтность, холодность, подражательность. Отъ этихъ ли пестрыхъ куколъ, отъ этихъ ли человѣковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданій! У нихъ всѣ дѣтскіе пороки. Самохвальство, горделивость, невѣжество, мелочная зависть, сплетни, подражательность—все это найдется въ нашей литературѣ, и ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослаго человѣка... Впрочемъ, зачѣмъ говорить такимъ языкомъ? Съ литературой русской надобно шутить и смѣяться, потому что на дѣтей сердиться грѣшно и смѣшно. Пусть критика ставитъ иногда русскихъ литераторовъ въ уголъ за шалости» и нашъ, въ данномъ случаѣ пристрастный и не спра-

*

ведливый критикъ, разставлялъ въ своемъ «Живописцѣ» по угламъ русскихъ литераторовъ, даже такихъ, которые вовсе этого не заслуживали. Но Полевой, конечно, иронизировалъ и шутилъ. Не могъ же онъ въ 1832 году не видѣть, что изъ дѣтской рубашки наша литература давно выросла.

Эта литература числила въ своихъ рядахъ, какъ мы видѣли, людей съ большимъ, даже огромнымъ дарованіемъ; ей на пользу шли, кромѣ того, труды цѣлаго ряда писателей менѣе даровитыхъ, но все-таки наблюдательныхъ. Если первоклассныя силы сдѣлали въ общемъ слишкомъ мало для освѣщенія текущей жизни и ея художественнаго истолкованія, если работа второстепенныхъ силъ оставляла многія стороны нашей дѣйствительности неосвѣщенными и если, такимъ образомъ, разнообразіе нашей тогдашней жизни не находило себѣ въ общемъ достаточнаго отраженія въ искусствѣ—то все-таки къ началу тридцатыхъ годовъ настоящая народность, т.-е. истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно.

Критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству. Къ тому же эти попытки самобытнаго творчества тонули и исчезали въ огромной массѣ переводныхъ памятниковъ, чисто подражательныхъ произведеній, либо произведеній совсѣмъ ничтожныхъ, либо, наконецъ, такихъ, въ которыхъ народность проявилась въ своей условной формѣ, архаически-легендарной или исторической. Во всемъ этомъ огромномъ количествѣ литературныхъ памятниковъ самаго смѣшаннаго типа, въ этомъ, обычномъ для каждой переходной эпохи, скрещиваніи своего и иноземнаго, стараго и новаго, трудно было услѣдить за произведеніями, которыя не были настолько талантливы и ярки, чтобы бросаться въ глаза сразу своей оригинальностью. И потому всѣ попытки реальнаго воспроизведенія нашей тогдашней жизни въ искусствѣ, несмотря на все цѣнное, что въ нихъ заключалось—остались мало оцѣненными, но свое дѣло все-таки сдѣлали: они подготовляли общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ не заставилъ себя ждать долго.

Въ гоголевскихъ типахъ и въ завязкахъ его повѣстей нерѣдко подмѣчаютъ извѣстное сходство съ тѣми положеніями и лицами, которыя до него съумѣли уловить Нарѣжный, Полевой, Булгаринъ, Бѣгичевъ и другіе. Проводить эти параллели нѣтъ особенной надобности, такъ какъ въ данномъ случаѣ со стороны Гоголя никакого прямого заимствованія не было. Онъ писалъ съ натуры такъ-же, какъ и его предшественники, и потому совпаденія были неизбѣжны. Но если не было заимствованія, то зависимость все-таки существовала. Пріемы реальнаго воспроизведенія жизни и интересъ къ бытовымъ ея сторонамъ,

тенденція изображать не одну лишь лицевую сторону дѣйствительности, а также ея изнанку, отсутствіе въ писателѣ отвращенія къ житейской пошлости и грязи, стремленіе эту грязь претворить въ художественный образъ—всѣ эти черты «натуральной» школы, отцомъ которой считается Гоголь, существовали въ нашей литературѣ задолго до появленія его разсказовъ, и ему въ данномъ случаѣ пролагать новыхъ путей не приходилось. Должно отмѣтить также, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гоголь даже отставалъ отъ скромныхъ своихъ предшественниковъ, не какъ художникъ, конечно, а какъ зоркій наблюдатель. Было много очень острыхъ и важныхъ вопросовъ нашей общественной жизни, о которыхъ предшественники Гоголя имѣли смѣлость говорить рѣзко, хотя и не совсѣмъ складно, и мимо которыхъ — какъ мы увидимъ— Гоголь проходилъ съ опаской и осторожно.

Въ 1832 г., съ выходомъ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», имя Гоголя стало извѣстно всей грамотной Россіи.

Но по этому первому оригинальному произведенію нашего художника трудно было догадаться, какое направленіе приметъ его творчество: начнетъ ли оно уходить въ даль народной старины, исторической и легендарной, или, наоборотъ, отъ этого поэтическаго прошлаго— которое тогда такъ любилъ Гоголь—приближаться къ настоящему.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТОЛЬКО ЧАСЪ.

I.

Молоденькая писательница Рябушкина изъ разряда „начинающихъ“ пріѣхала въ рудничный поселокъ Хотѣевку за „матеріаломъ“. Отановилась она у мѣстнаго доктора Зуева, — жена котораго Марѳа Ивановна доводилась дальней родственницей Рябушкинымъ,— и едва только переступила порогъ докторскаго дома, какъ тотчасъ же засыпала вопросами: сколько рабочихъ? какова заработная плата? сколькимъ часамъ равенъ рабочій день? часты ли несчастные случаи и отъ какихъ причинъ? какъ вознаграждаются рабочіе за увѣчья? какова администрація — справедливая или несправедливая?.. и т. д., и т. д. до безконечности...

Докторъ, коротенькій и пузатенькій, плѣшивый и розовый, давалъ „показанія“ бойко и весело, съ шуточками и прибауточками, уснащая трескучую рѣчь свою безпрестаннымъ обрывистымъ смѣшкомъ, похожимъ на кашель. Выходило у него такъ: скажетъ фразу и сейчасъ же весь заколышется, побагровѣетъ и— „кахъ-кахъ-кахъ!..“.

— Часты ли несчастные случаи? кахъ-кахъ-кахъ!.. Да сколько угодно... кахъ-кахъ! Тотъ подъ вагончикъ угодитъ, того камнемъ прихватитъ, землей завалитъ, дурнымъ газомъ отравитъ... да мало ли случаевъ у насъ!.. Вотъ на прошлой недѣлѣ трое рабочихъ на твердую породу напали: рыли-рыли, ничего не выходитъ, надо было порохомъ взорвать... такъ одинъ-то, что фитиль поджигалъ, не успѣлъ во время отскочить, ему полживота такъ и выхватило.. А третьяго дня глыба угля рухнула и двоихъ забойщиковъ на смерть расплющило... только мокренько стало... кахъ-кахъ-кахъ!..

Рябушкину хоть и раздражалъ нелѣпый хохотъ доктора, но все же слушала она внимательно, съ тою трепетною и напряженною жадностью, на какую способны только „начинающіе“. Вопросы свои она задавала по заранѣе составленной „програмкѣ“, заключавшей въ себѣ 32 вопросныхъ пункта. „Показанія“ док-

тора тоже разносила по пунктамъ, быстро испещряя поля програмки какими-то одной только ей понятными іероглифами. Дойдя до 15-го, она энергически раза два подчеркнула цифру 15, строго сдвинула брови и спросила тономъ особенно дѣловитымъ и озабоченнымъ.

— Ну-съ, а какія-же у васъ просвѣтительныя и увеселительныя учрежденія для народа?

На что веселый докторъ, въ знакъ величайшаго изумленія, расхохотался чуть не до истерики.

— И выдумала же, прости Господи!..—укоризненно протянулъ, наконецъ, онъ, съ трудомъ превозмогая неистовый хохотъ свой. —„Учрежде-е-нія!..“ Номереть можно со смѣху, побей меня Богъ!..

— Позвольте,—нетерпѣливо и рѣзко остановила его Рябушкина.—Неужели же ничего нѣтъ: ни воскресныхъ классовъ, ни клуба, ни театра, ни библіотеки, ни чайной,—неужели же ничего этого нѣтъ?

— Ничевошеньки... Ни Боже мой!..—дурашливо воскликнулъ докторъ, глядя на Рябушкину восхищенно и благожелательно до послѣдней степени.

— Да и на что намъ эти ваши „учрежденія“, голуба вы моя? Ну хотя бы взять эти ваши почтенныя чайныя... на кой онѣ намъ? Водка не въ примѣръ превосходнѣе чая, клянусь честью!.. Положимъ, кабаки у насъ воспрещены, но обыватели торгуютъ тайно, и живительной влаги можно достать сколько душѣ угодно. И пьютъ же, я вамъ доложу... и-и-и!.. Матыньки мои!.. Идеально, неподражаемо пьютъ!.. Иной „черный богатырь“ въ одно только воскресенье весь мѣсячный заработокъ ухнетъ, да еще и одежу съ себя пропьетъ... Потому не нужна она ему, одежа-то, подъ землею все равно нагишемъ ползаетъ...

Отъ этихъ „данныхъ“ у Рябушкиной на щекахъ бурыя пятна выступали и глаза стали еще жаднѣе. „Какой матеріалъ!“, думала она, быстро бѣгая карандашемъ по полямъ програмки, — „Какой матеріалъ!.. Какіе контрасты, выводы, сопоставленія!.. Все—для капитала, для предпринимателей и ничего для рабочихъ. Доходы милліонные, а для духовнаго развитія тѣхъ, кто добылъ эти милліоны — „ничевошеньки“!.. Трудъ каторжный, ни съ чѣмъ несообразный по риску и ужасный трудъ этотъ ничѣмъ не скрашивается... Да тутъ можно такую штучку изобразить, разрисовать такіе узоры, что любо-дорого!.. Богатѣйшій матеріалъ!..“

И жадно вслушиваясь въ дальнѣйшія „показанія“ доктора, Рябушкина въ то же время уже сортировала эти показанія въ умѣ своемъ на „нужныя“ и „ненужныя“, причемъ нужныя поры-

висто и поспѣшно заносила въ видѣ іероглифовъ въ программу, а на ненужныя только презрительно морщилась.

На вопросъ о „санитарныхъ условіяхъ труда, о новѣйшихъ техническихъ условіяхъ", докторъ, также, какъ и на вопросъ о „просвѣтительныхъ учрежденіяхъ", отвѣтилъ не сразу. Сперва поднялъ Рябушкину на смѣхъ, назвалъ ее „ходячей книжкой" и „грудным младенцемъ", а потомъ уже радостно сообщилъ о томъ, что шахты освѣщаются первобытными керосинками, отчего въ галлереяхъ копоть стоитъ такая, что носы и уши у рабочихъ вѣчно забиты черными пробками, величиною съ орѣхъ. И машины разоренныя, и вентиляція преподлѣйшая, и у вентиляціонныхъ дверей дежурятъ дѣти, между саночниками тоже попадаются дѣти, хотя дѣтскій трудъ строго воспрещенъ закономъ... Для крѣпей галлерей употребляютъ гнилыя подпорки, взятыя изъ старыхъ шахтъ, и ламповый дворикъ ради экономіи перенесенъ съ верху во внутрь шахты, отчего загорѣлся какъ-то уголь и горѣлъ цѣлые два мѣсяца, и цѣлые два мѣсяца рабочіе задыхались въ адскомъ пожарищѣ, калѣчились, обжигались на смерть...

— Значитъ, взаимныя отношенія между рабочими и администраціей ужасныя, — полувопросомъ констатировала Рябушкина, точно сама еще сомнѣвалась въ своихъ выводахъ.

— А это какъ посмотрѣть!..—весело воскликнулъ докторъ. Вамъ кажутся „ужасными", а намъ самыми обыкновенными... Жизнь, голуба моя, не книжка, гдѣ все возвышено и благородно. Жизнь — борьба-съ, въ нѣкоторомъ родѣ война, а война „не ужасная" никогда и не бываетъ,—поучительно пояснялъ докторъ. И въ доказательство того, что жизнь—война, докторъ разсказалъ о прошлогоднемъ бунтѣ, когда „черные богатыри" превратились въ настоящихъ звѣрей, разгромили весь базаръ, всѣ лавчонки, разнесли квартиру инженера Каплицы, а штейгера Юрченку чуть не заколотили до смерти.. Грозились кишки вымотать изъ Юрченки и собакамъ бросить...

Рябушкина все чиркала и чиркала въ тетрадкѣ своей порывисто, поспѣшно и внутренно вся замирала отъ радостнаго сознанія, что „любопытный матеріалъ" съ каждой минутой разростается, становится все любопытнѣе, все цѣннѣе.

Въ концѣ концовъ, Рябушкина узнала не только то, что требовалось узнать ей по пунктамъ, но еще и то, о чемъ въ пунктахъ и не упоминалось. Любопытство ея было возбуждено до послѣдней степени. Страстная жажда поскорѣе приступить къ „наблюденіямъ" рождала тайное нетерпѣніе, тревогу смутную и сладкую, похожую на ту, какую испытываютъ влюбленные наканунѣ свиданія съ возлюбленными. И потому весь остатокъ вечера Рябушкина провела, какъ въ чаду, за ужиномъ ничего не

ѣла, на разспросы Маѳы Ивановны о родныхъ отвѣчала не впопадъ и ночь спала плохо: все думала о завтрашнихъ наблюденіяхъ, о томъ, какъ она спустится въ подземное царство и увидитъ тамъ собственными глазами все-все...

II.

Было тепло, въ воздухѣ свѣтло, легко и отрадно по весеннему, когда Рябушкина въ сопровожденіи доктора подъѣзжала къ шахтѣ „Діаны“. Съ высоты ярко голубаго неба, глубокаго и безоблачнаго, глядѣло огромное, желтое и жаркое солнце. Подъ лучами его, покрытая углемъ черная степь сверкала безчисленными искрами, словно драгоцѣнные камни, бриллианты и алмазы въ невѣроятномъ количествѣ разсыпаны были по землѣ.

Чѣмъ-то страннымъ, необычнымъ и волнующимъ вѣяло отъ этой сверкающей черной степи съ разбросанными по ней маленькими, грязными домиками рабочихъ, съ громадными, неуклюжими и мрачными надшахтными зданіями, съ горами угля вокругъ этихъ зданій, съ сѣтью блестящихъ рельсъ, по которымъ, какъ гигантскія змѣи, бѣгали взадъ и впередъ вагоны, тоже черные, мрачные. Необычайными и волнующими казались высокія, узкія, черныя и бурыя трубы, рисовавшіяся на свѣтломъ фонѣ неба такъ ярко, отчетливо. Странными казались и люди, встрѣчавшіеся на пути, съ лицами черными, какъ у негровъ, и съ такими же черными шеями и руками. Страннымъ, удивительнымъ было полное отсутствіе растительности: ни кустика, ни деревца, ни травиночки... все голо кругомъ и черно-черно, угрюмо и мрачно. И только вдали, на самомъ горизонтѣ свѣтлѣли сѣро-голубые курганы, но и эта свѣтлая, зубчатая полоса степи, далекая и мечтательная, казалось, затѣмъ только и протянулась, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть безнадежную тоску и уныніе черной картины, волнующей и странной.

Рябушкина съ жаднымъ любопытствомъ осматривалась по сторонамъ, стараясь схватить и запомнить всѣ подробности этой картины. Но проникнуться всецѣло ея безнадежно-унылымъ настроеніемъ не могла: мѣшала радость... тревожная и нетерпѣливая, знойная и сладкая радость ожиданія, что дальше будетъ еще „любопытнѣе, еще интереснѣе“... И даже трусливыя мысли на тотъ счетъ, что „вѣдь несчастныхъ случаевъ—масса, сколько угодно, какъ увѣрялъ вчера докторъ... и, быть можетъ, вотъ это желтое солнце и голубое небо она, Рябушкина, видитъ въ послѣдній разъ—почемъ знать? все можетъ случиться“...—даже эти трусливыя мысли не ослабляли ея радости. Какъ легкія черныя

птицы, мысли эти только проносились въ мозгу ея и не оставались надолго, черныя крылья этихъ птицъ слегка задѣвали ея душу и не омрачали ни на іоту.

III.

И только очутившись подъ сводами угрюмой и мрачной громады, именуемой шахтой „Діаны", среди шума, лязга, свиста и рева машинъ, гулкаго грохота вагончиковъ, пронзительнаго треска электрическихъ звонковъ, тревожныхъ и озабоченныхъ окриковъ грязныхъ людей, суетившихся подлѣ машинъ и вагоновъ,— тутъ только Рябушкина почувствовала рѣзкій, непріятный холодъ въ груди, какъ будто бы огромная, ледяная рука цѣпко схватила ее за сердце...

И когда подошелъ къ ней инженеръ Зазулевичъ (который, по просьбѣ Петра Петровича, поджидалъ ее здѣсь уже съ полчаса) и, галантно расшаркавшись, объявилъ, что онъ „весь къ услугамъ" и при этомъ пригласительнымъ жестомъ указалъ на черное отверстіе шахты, страшною дырою зіявшее шагахъ въ пятнадцати отъ нихъ, то Рябушкина, взглянувъ на эту дыру, даже слегка вздрогнула: ледяная рука сжала сердце ей до боли, и рѣзкій ознобъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Но это длилось какую-нибудь минуту или даже меньше, а потомъ Рябушкина опять вспомнила, что пріѣхала она съ цѣлью наблюденій и что самое любопытное вотъ именно въ этой черной дырѣ и заключается. Радостное ожиданіе снова согрѣло ее, и на мѣстѣ страха заиграла буйная отвага.

— Въ такомъ случаѣ идемъ! — вскрикнула она звонко, съ удалью и первая рѣшительно двинулась по направленію къ чудовищу.

Но докторъ остановилъ ее.

— Те-те-те-те!.. Погодите-ка, голуба моя! — сказалъ онъ насмѣшливо, хватая Рябушкину сзади за кофточку. — Переодѣться надо бы, въ нѣкоторомъ родѣ маскарадъ... Кахъ-кахъ-кахъ!..

А инженеръ добавилъ:

— Вонъ туда пожалуйте, въ корридорчикъ... Я вамъ ужъ и костюмъ приготовилъ...

И пошелъ впередъ черезъ все машинное отдѣленіе.

Рябушкина поспѣшно двинулась за нимъ.

Въ маленькой грязной комнаткѣ на деревянномъ грязномъ диванчикѣ лежалъ „костюмъ": ветхая ситцевая юбчонка, такая же кофточка, грубые опойковые башмаки и кумачевый, дырявый

платочекъ на голову. Все это Зазулевичемъ взято было для Рябушкиной у кухарки Авдотьи „на прокатъ".

— Ну вотъ вамъ и уборная... преображайтесь! — сказалъ инженеръ, щелкнулъ каблуками по военному, поклонился и вышелъ, заботливо затворивъ за собою двери.

Минутъ черезъ пять Рябушкина уже „преображенная" снова появилась въ корридорѣ, нелѣпая и забавная въ своемъ новомъ нарядѣ.

„Преображеннымъ" оказался и инженеръ: въ старой отрепанной курточкѣ, въ рыжихъ стоптанныхъ сапожкахъ, въ холщевыхъ шароварахъ и въ уродливомъ картузикѣ.

Докторъ увидалъ „ряженыхъ" и затрясся отъ смѣха. Смѣялась и Рябушкина и недоумѣло спрашивала:

— Да для чего все это?

— А вотъ увидите!—таинственно и многозначительно отвѣтилъ, наконецъ, инженеръ и тотчасъ же озабоченно поднялъ съ пола два плаща, которые только что принесъ откуда-то черный, какъ негръ, рабочій. Одинъ изъ этихъ плащей Зазулевичъ подалъ Рябушкиной, а другой набросилъ себѣ на плечи. Плащи, съ капюшонами для головы, съ тонкими бичевками около ворота вмѣсто застежекъ, сдѣланные изъ грубой, какъ кожа, клеенки, насквозь пропитанные сыростью, были тяжелы, топорщились во всѣ стороны и мерзко пахли гнилью.

— Не скажу, чтобы нарядъ былъ особенно пріятный, — весело замѣтила Рябушкина, стараясь не прикасаться лицомъ къ влажному, вонючему капюшону. И мокрыя грязныя бичевки у ворота она завязала съ явнымъ отвращеніемъ, гадливо сморщивъ носъ и оттопыривъ на каждой рукѣ по три пальца.

— Ну-съ... идемъ!—скомандовалъ Зазулевичъ, передавая изъ рукъ рабочаго въ руки Рябушкиной зажженную лампочку.

И они двинулись обратно въ машинное отдѣленіе. У самой шахты Рябушкина вдругъ инстинктивно остановилась, какъ бы въ нерѣшительности, обернулась назадъ и посмотрѣла черезъ открытое окно на далекое, синее небо особенно пристально и тревожно, словно прощалась и съ небомъ, и со всѣмъ, что было на немъ и подъ нимъ.

Потомъ Зазулевичъ взялъ ее за руку и осторожно повелъ на площадку подъемной машины.

— Точно женихъ невѣсту къ алтарю ведетъ!—крикнулъ имъ докторъ издали и по обыкновенію захохоталъ, какъ дуракъ.

— Спускай!—тихо, но строго приказалъ кому-то инженеръ.

И тотчасъ же площадка подъемной машины дрогнула и провалилась въ темную бездну...

Въ первое мгновеніе Рябушкина только и успѣла замѣтить,

что они несутся въ какомъ-то тѣсномъ колодцѣ, сложенномъ изъ толстыхъ гнилыхъ бревенъ, по которымъ непрерывными потоками бѣжала вода. Затѣмъ свѣтъ исчезъ надъ ея головою, густая темнота ослѣпила ее, ѣдкій промозглый запахъ гніющаго дерева и ржаваго желѣза захватилъ ей дыханіе до дурноты, а ощущеніе пустоты подъ ногами закружило голову...

IV.

Очутившись на днѣ глубокой шахты, она въ первую минуту отъ ужаса и недоумѣнія съ мѣста сдвинуться не могла. Со всѣхъ сторонъ ее обнимала черная, непроглядная ночь, душная и теплая, смрадная и зловонная. Что-то гдѣ-то шумѣло, грохотало, гудѣло и скрипѣло, журчало и шлепало... Но что?.. понять нельзя было, такъ какъ въ глаза бросался только мракъ одинъ, всеобъемлющій мракъ, безпредѣльный, бездонный и безкрайній... И было мокро кругомъ, лилась вода сверху, на голову, брызгала съ боковъ, хлябала внизу подъ ногами. Но откуда вода — опять же ничего нельзя было понять, ничего не было видно.

Какъ очумѣлая, Рябушкина шарила передъ собою руками, съ неестественною силою таращила глаза свои въ темноту и одни только тусклые блѣдножелтые огни лампочекъ и видѣла вокругъ себя. Огни эти мерцали повсюду: вверху, внизу, съ боковъ, сзади и спереди. Одни изъ нихъ стояли неподвижно, другіе перебѣгали съ мѣста на мѣсто, какъ живые, но темноты не разсѣивали. Наоборотъ, огни, казалось, еще сильнѣе сгущали мракъ, подчеркивали его и придавали ему что-то загадочное, мистически таинственное, непостижимое...

У Рябушкиной волоса на головѣ тихо шевелились и по всему тѣлу ледяныя иглы пробѣгали отъ одной мысли, что страшному мраку этому нѣтъ предѣла, нѣтъ конца и не будетъ, ибо мракъ этотъ — вѣчный, безысходный мракъ могилы, съ ума сводящій мракъ смерти. И ужасъ нечеловѣческій, сверхъестественный, подобный тому, какой испытываютъ люди, заживо погребенные, леденилъ въ жилахъ ея кровь, проникалъ все ея тѣло насквозь до самыхъ костей, опьянялъ и угналъ. И даже тогда, когда глаза ея уже освоились съ темнотою и она, кромѣ лампочекъ, увидала еще и черныхъ людей, черныхъ лошадей, части какихъ-то машинъ, колеса, рычаги, ремни, вагоны и тачки, нагруженные углемъ, словомъ увидала въ могилѣ какую-то жизнь, какую-то странную работу, смутную и сложную, — даже и тогда она не въ состояніи была побороть въ себѣ этотъ сверхъестественный ужасъ свой и продолжала глядѣть на все окружающее черезъ призму этого

ужаса. Все ей казалось здѣсь невѣроятнымъ, непостижимымъ, недѣйствительнымъ, похожимъ на кошмаръ, на страшное видѣніе, и все говорило о смерти. Передъ нею двигались люди въ странныхъ одѣяніяхъ факельщиковъ, въ широкополыхъ шляпахъ и въ короткихъ плащахъ и съ ними вмѣстѣ двигались желтые огни лампочекъ. Люди казались ей привидѣніями, загробными тѣнями, а огни—погребальными свѣчами. Стучали, гудѣли, шумѣли и скрипѣли машины, грохотали вагоны, топотали лошади, журчала вода, хлябала грязь подъ ногами,—и это безпрерывное движеніе и многоголосый шумъ и гамъ казались ей воплощеніемъ ада на землѣ... „Да что же это такое, Боже мой?.. Что это такое?—мысленно спрашивала она. — Что это за жизнь внѣ законовъ природы, безъ неба, безъ солнца, безъ воздуха и свѣта?.. Что это за люди?.. Какъ они могутъ что-то такое дѣлать въ этихъ адскихъ потемкахъ, соображать, о чемъ-то заботиться, когда смерть сторожитъ ихъ, подкарауливаетъ, хищными глазами глядитъ со всѣхъ сторонъ... Вотъ нависли надъ головою черные своды потолка, мрачные, угрюмые, страшные: это — слой земли въ полтораста саженей. Что стоитъ громадѣ этой опуститься на нѣсколько аршинъ, и тогда все, что здѣсь есть, будетъ погребено заживо... Вотъ бѣжитъ лошадь: того и гляди попадешь въ темнотѣ подъ ноги животнаго, подъ колеса вагона... Съ потолка льется дождь, по стѣнамъ журчатъ непрерывные потоки — это значитъ, что гдѣ-то по близости въ подъземныхъ слояхъ скопилась вода, и она напираетъ на шахту со всѣхъ сторонъ и вотъ-вотъ прорветъ стѣны и потолокъ, страшнымъ ураганомъ ворвется въ галлереи и все здѣсь зальетъ, затопитъ, исковеркаетъ...“ Въ воображеніи Рябушкиной съ быстротою молніи проносится рядъ ужасающихъ картинъ наводненія, рядъ смертельныхъ катастрофъ, о которыхъ она когда-либо слышала или читала. И отъ смертельнаго страха она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

А воздухъ?.. Какая отрава!.. Отъ лампочекъ вьются черныя струи густой копоти, и гниль—кругомъ, вверху, внизу, повсюду... плѣсень, мокрота... Какъ можно дышать этой отравой изо дня въ день, изъ года въ годъ, всю жизнь, всю жизнь!..

Инстинктивно Рябушкина закрывала ротъ, задерживала дыханіе. Мерзкое зловоніе, теплое и влажное, напоминало ей трупное гніеніе и всю ее мутило, тошнота подступала къ горлу.

И когда Зазулевичъ принялся объяснять ей что-то такое насчетъ машинъ и работъ: какъ дѣйствовала водокачка и какъ вентиляторъ, и кто изъ людей что дѣлалъ, гдѣ были—штейгеры и гдѣ—машинисты, куда возили уголь и откуда, сколько пудовъ вѣситъ вагонъ и сколько такихъ вагоновъ доставятъ въ сутки,—то вникнуть во всѣ эти подробности Рябушкина не могла, да,

къ удивленію своему, и не хотѣла вникать. Ее вдругъ словно подмѣнили. Обычная живость ея пропала, а съ нею вмѣстѣ пропала и пламенная любознательность и страстное желаніе „все, все увидать собственными глазами“. Она даже забыла, зачѣмъ, почему очутилась она въ этомъ черномъ аду, въ волнахъ мерзкаго зловонія? И зачѣмъ, для чего ей нужны эти люди, похожіе на привидѣнія....

Попрежнему все окружающее продолжало казаться ей не дѣйствительностью, не правдою, а страшнымъ сномъ, тягостнымъ кошмаромъ. И она реагировала на этотъ кошмаръ тупо и безвольно, впитывала въ себя тягостныя впечатлѣнія механически, какъ губка впитываетъ влагу.

Такъ же механически и безвольно, опьяненная мракомъ, пропитанная насквозь постылымъ, зловоннымъ дыханіемъ могилы потащилась она за инженеромъ въ узкія и длинныя галлереи, въ которыхъ добывали уголь. Шлепая ногами по жидкой грязи, то и дѣло натыкаясь на какіе-то острые камни, оступаясь въ рытвинахъ, наполненныхъ водою, она попрежнему напряженно пялила глаза свои въ темноту и думала только объ одномъ: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ страшномъ, запутанномъ лабиринтѣ, по которому ведетъ ее инженеръ: рухнетъ земля, свалится камень, налетитъ лошадь, хлынетъ вода, сгустится „дурной газъ“, струившійся съ угольныхъ пластовъ съ тихимъ тоненькимъ свистомъ и задушитъ, отравитъ или же загорится и взорветъ... И, слѣдовательно, она уже никогда больше не увидитъ свѣтлаго надземнаго міра, не увидитъ воздуха, радостнаго солнца, чудныхъ звѣздъ, мечтательнаго мѣсяца... Мысли эти ее съ ума сводили....

И опять представлялось невѣроятнымъ, непостижимымъ все то, что она встрѣчала въ узкихъ и низкихъ ходахъ, по которымъ приходилось пробираться согнувшись и сильно наклонивъ голову. Опять густую, съ ума сводящую темноту испещряли тусклые, желтые огни, похожіе на погребальныя свѣчи, и могильную тишину оглашали странные, глухіе и загадочные звуки... И опять ненужными, безсмысленными и постылыми казались объясненія инженера, который время отъ времени останавливался передъ грудами развороченной земли, камней и угля и, указывая на уродливые выступы въ стѣнахъ, трещины, рытвины и пещеры, похожія на зіяющія раны, говорилъ:

— Вотъ здѣсь, видите ли, уголь лежитъ сплошнымъ пластомъ и брать его легко, а вотъ твердыя каменныя породы и тутъ ужъ приходится повозиться: гдѣ порохомъ взорвутъ, гдѣ динамитомъ...

И мерзко, отвратительно было смотрѣть на работу людей. Полуголые, въ однихъ только высоко подсученныхъ портахъ, люди походили на черныхъ звѣрей. Мелькали гибкія спины... на-

прягавшіяся, цѣпкія руки... худыя, голенастыя ноги... огромныя, уродливыя ступни... Потъ, смѣшанный съ черною угольною пылью, струился по возбужденнымъ лицамъ, по чернымъ согнутымъ спинамъ. Работа въ духотѣ, въ адскомъ пеклѣ, насыщенномъ отравою, „дурнымъ газомъ", этимъ воздухомъ смерти,— была тяжкая каторжная работа, и окрики людей полны были тупого озлобленія, тупой тревоги и заботы.

— Крѣпй, крѣпи, дьяволъ!.. Чего зѣваешь?.. Того и гляди, какъ червя раздавитъ...

— А ты за собой смотри!.. У тебя, вонъ, у самого земля надъ башкой ползетъ....

— Э-э-хъ!.. Де-е-ержись!—доносится откуда-то, какъ стонъ, уныло и протяжно. И тотчасъ же глухіе и частые удары, похожіе на отдаленные раскаты грома, оглашаютъ могильный мракъ жуткою угрозою.

За низенькими, тяжелыми деревянными дверями, отдѣлявшими одинъ проходъ отъ другого. Рябушкина попадала изъ адскаго пекла въ ледяной ураганъ и вся сотрясалась съ головы до ногъ отъ пронзительнаго, рѣзкаго холода.

— Это вентиляторъ гонитъ чистый воздухъ,—всякій разъ успокоительно объяснялъ инженеръ,—здѣсь обыкновенно рабочіе простужаются, схватываютъ обязательныя для каждаго шахтера болѣзни.

И ловкимъ, кавалерскимъ жестомъ инженеръ подхватывалъ Рябушкину подъ руку и снова увлекалъ въ духоту и пекло....

И чѣмъ дальше они бродили, тѣмъ все уже и ниже становились длинные ходы. Лошадей здѣсь уже не было, и огней было меньше, а мракъ непроницаемѣе и тишина казалась полною, едва нарушаемою. Еле-еле слышны были голоса углекоповъ и удары кирки. Люди работали, сидя и лежа на брюхѣ, на спинѣ, на бокахъ, въ самыхъ ужасныхъ неестественныхъ позахъ. Чѣмъ-то унизительнымъ, оскорбляющимъ человѣческое достоинство, вѣяло отъ этихъ скотскихъ позъ, отъ противоестественныхъ поворотовъ головы, отъ ползанья въ узкихъ дырахъ на четверенькахъ и на брюхѣ, какъ ползаютъ гады...

Наконецъ, и безъ того узкіе ходы превратились въ какія-то кротовыя норы, по которымъ нельзя было уже пролѣзть иначе, какъ только ползкомъ.

— Куда мы идемъ?—вскрикнула, наконецъ, Рябушкина и припала всѣмъ своимъ изнеможденнымъ горячимъ тѣломъ къ мокрой землѣ, задыхаясь отъ пекла и обливаясь потомъ.

— А вотъ сейчасъ.... тутъ поворотъ,—сказалъ инженеръ глухо и нетерпѣливо, прерывающимся голосомъ. Онъ самъ задыхался, самъ былъ измученъ усиліями, съ какими приходилось

пролазить эти кротовыя норы.—Вотъ тутъ сейчасъ поворотъ и тогда будетъ свободнѣе.

— О, Боже мой... я больше не могу! — простонала Рябушкина, но, однако, подталкиваемая какою-то постороннею силою, подобною той, какая руководитъ сомнамбуломъ, снова поползла за инженеромъ, купаясь въ жидкой грязи по горло. И когда трудный поворотъ былъ пройденъ и можно было вздохнуть свободнѣе, то не было уже никакихъ силъ двигаться дальше. Инженеръ усадилъ Рябушкину на какомъ-то гниломъ обрубкѣ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Потъ лилъ съ его лица градомъ и онъ тоже дышалъ тяжело и прерывисто.

— Тутъ, видите ли, очень узкія угольныя жилы,— сказалъ онъ,—какой-нибудь аршинъ и даже меньше, слѣдовательно, прорывать просторные ходы невыгодно и даже очень разорительно, вотъ и роютъ такіе, чтобы можно было только хоть какъ-нибудь пролѣзть...

А Рябушкина опять его не слушала и сидѣла, какъ отравленная. Ей казалось, что отъ адской жары, отъ вонючей духоты и отъ тошнотной, проникавшей всю ее насквозь влаги, у нея сердце оторвется. Во рту у нея было сухо, горько, на вискахъ и во лбу надъ глазами бились огненныя жилы съ такою силой, что казалось, вотъ-вотъ лопнутъ, и лицо ея все обольется горячею кровью.

— Я больше не могу, — снова повторила она изнеможенно, перебивая Зазулевича на полуфразѣ.

Послѣдній встрепенулся, вынулъ часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ фонарю.

— Сейчасъ двѣнадцать, а мы съ вами спустились въ одиннадцать, слѣдовательно часъ... Что-жъ, можно и домой... Опирайтесь на меня... вотъ такъ!.. Отсюда мы пойдемъ уже болѣе легкимъ и ближайшимъ ходомъ.

И теперь Зазулевичъ уже безцеремонно обхватилъ Рябушкину за талію и потащилъ съ трудомъ, какъ тяжелую ношу.

А она вся мокрая, горячая и задыхающаяся, уже ничего не соображала, ничего не видала и не слыхала и плыла, какъ во снѣ. И только за тяжелыми низенькими дверями, въ волнахъ ледовитаго урагана, она кое-какъ перевела духъ, освободилась изъ объятій инженера и пошла самостоятельно, покачиваясь на ходу, какъ пьяная. На лбу у нея продолжали биться огненныя жилы, стучало въ темя, дрожали руки и ноги и съ тихимъ внутреннимъ звономъ кружилась голова...

V.

Поднималась она вверхъ, на землю, точно такъ же, какъ и опускалась въ шахту—съ затуманеннымъ сознаніемъ и съ однимъ только ощущеніемъ ужасающей пустоты подъ ногами... Въ омертвѣвшемъ мозгу ея слабо мелькала одна только мысль: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ узкомъ, мокромъ колодцѣ, по которому безшумно скользитъ платформа—оборвется канатъ, и она съ высоты полетитъ въ темную бездну; лопнетъ деревянная обшивка колодца, и ее расплющатъ, сомнутъ гнилыя бревна; свалится что-нибудь сверху, и ей разможжитъ голову... Наконецъ, повернется она какъ-нибудь неловко въ подъемной клѣткѣ, зацѣпится платьемъ за срубъ, или прикоснется къ срубу локтемъ, спиною—и ей сорветъ кожу, оторветъ руку, пальцы... Инстинктивно она ежилась, горбилась, точно надъ нею ударъ заносили...

И вдругъ забрезжилъ свѣтъ... Сперва слабый, сѣренькій, какъ передъ утромъ, потомъ все ярче, все бѣлѣе. Наконецъ, отчетливо и звонко хлынули откуда-то съ высоты живые звуки, живой жизни... О, да неужели же земля, небо, солнце, воздухъ?!..

И съ легкимъ тоненькимъ вскрикомъ, похожимъ на тотъ, какимъ вскрикиваютъ дѣти, когда ихъ ошеломятъ до испуга, до истерики, неожиданною огромною радостью,—Рябушкина выскочила изъ подъемной клѣтки и оглядѣлась кругомъ: да неужели же она на землѣ? И что такое теперь—утро ли, полдень или вечеръ? Ахъ, да не все ли равно!.. Только бы жить, жить, жить!.. Только бы небо, солнце, свѣтъ!..

И она сперва засмѣялась, а потомъ заплакала... Чѣмъ-то чудеснымъ, новымъ, словно неиспытаннымъ показался ей бѣлый день, лившійся со двора въ широкія, раскрытыя настежь окна надшахтнаго зданія... Чудеснымъ, новымъ показался воздухъ, которымъ она надышаться не могла...

И весь тотъ день до самой ночи она носила въ себѣ это до слезъ умилительное и благодарное сознаніе, что она—на землѣ и дышетъ воздухомъ земли, что надъ нею небо и солнце, что она жива и вокругъ нея все живетъ... И весь тотъ день до самой ночи она всячески старалась забыть, не думать, не вспоминать о томъ, что было подъ землею, что было смертью и говорило только о смерти...

VI.

И ложась въ постель на ночь, она приняла всѣ предосторожности, чтобы „не думать и не вспоминать“. Она нарочно

не потушила лампы, чтобы темнота ночи не напомнила бы ей темноты подземелья и всего, что тамъ было. Закрывши глаза, она повторяла только одно слово: „спать, спать, спать...“ Этимъ ритмическимъ повтореніемъ она хотѣла загипнотизировать себя, внушить себѣ сонъ. Но гипнозъ не удавался. Черныя видѣнія тихо подступали къ ней, окружали со всѣхъ сторонъ, дышали въ лицо ей дыханіемъ ужаса и смерти.

Опять видала она отравленныя могилы, узкія и тѣсныя, мокрыя и смрадныя... Видала черныхъ людей, похожихъ на звѣрей... Видала и слышала ихъ адскую работу подъ немолчною угрозою смерти... Видала самую смерть, разныя кровавыя катастрофы, о которыхъ до сихъ поръ знала только по наслышкѣ, изъ книгъ, изъ газетъ, теперь же видала передъ собою, какъ живыми: всѣ эти обвалы, взрывы, пожары, затопленія... раздробленныя кости, проломленные черепа, обуглившіяся тѣла, оторванныя руки и ноги... цѣлые потоки крови человѣческой, цѣлое море слезъ...

Вопреки отчаяннымъ усиліямъ съ ея стороны „не думать, не вспоминать“, воспоминанія и думы все плыли и плыли передъ нею, неумолимыя и безпощадныя въ своей жестокой отчетливости и яркости. Отъ взволнованной, лихорадочной работы мозга у нея опять мучительно болѣла голова, стучало въ темя и въ виски. И во рту было сухо, и опять вся она горѣла, какъ отравленная. Она и упивалась этими ужасными воспоминаніями своими, и въ то же время боролась противъ нихъ всѣми силами, гнала отъ себя съ ненавистью.

— Ахъ, да не теперь!—беззвучно шептала она и то открывала глаза, то закрывала, сбрасывая съ себя одѣяло, вставала, садилась на постели, то снова падала въ подушки и шептала: „спать, спать, спать“...

Но вмѣсто того, чтобы спать, она съ мучительнымъ сладострастіемъ опять погружалась въ то, отъ чего не знала, какъ избавиться.

„Ну хорошо... — думала она,—ну, пусть такъ... пусть все это непостижимо-ужасно, нечеловѣчески-жестоко, несправедливо, безумно... Да я-то тутъ при чемъ? Что я-то могу подѣлать?.. У меня, вотъ, голова болитъ смертельно, въ темя и въ виски молотки стучатъ и мнѣ даже думать нестерпимо-мучительно... Ничего я не могу... да и никто, никто не можетъ! Тутъ—заколдованный кругъ, изъ котораго не выбраться, проклятая стѣна, о которую можно голову расколоть въ дребезги и которая отъ этого не дрогнетъ ни на мгновеніе... И, слѣдовательно, чего же тутъ мучиться, о чемъ думать?.. Гдѣ тутъ выходъ? Э, да, впрочемъ, не въ томъ дѣло... не въ томъ дѣло... не въ выходѣ...

Какой тутъ къ чорту выходъ? И развѣ я выхода ищу?.. Просто думаю, потому что не могу не думать, не могу забыть"...

И снова погружалась она въ думы свои съ наслажденіемъ, съ тоской и отчаяніемъ.

Вспоминался ей разсказъ доктора о взрывѣ рудничнаго газа на сосѣдней шахтѣ „Ольги". Погибло до ста человѣкъ. На верхъ вытащили изъ развалинъ шахты не трупы людей, а груды горѣлаго мяса и костей: не поймешь—гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ голова. Вмѣсто фигуръ человѣческихъ — какія-то безформенныя обуглившіяся головешки... Все отверстіе шахты, весь срубъ отъ верху и до низу саженей на сто былъ обрызганъ мозгами и кровью людей...

И ужасомъ дикимъ, суевѣрнымъ вѣяло на нее отъ этихъ кровавыхъ видѣній... И казалось ей, что отнынѣ она уже никогда-никогда больше не избавится отъ нихъ... что они, эти видѣнія, будутъ преслѣдовать ее, отравлять ей жизнь до могилы...

— О, Боже мой, Боже мой, Боже мой... Да что же это такое? Зачѣмъ, для чего? кому это нужно? — отчаянно вопрошала она кого-то. И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ, тотчасъ же припоминалось ей и другое, когда-то вычитанное ею изъ книгъ: „Если бы не было каменнаго угля, то что сталось бы съ фабриками, заводами, желѣзными дорогами, пароходами? Если бы не было каменнаго угля, остановился бы промышленный ростъ человѣчества, остановился бы прогрессъ, исчезла бы культура"...

И отъ этихъ книжныхъ фразъ, спокойныхъ и безстрастныхъ, продиктованныхъ здравымъ смысломъ, логикою вещей, исторической необходимостью, у Рябушкиной все внутри закипало отъ злобы, протеста и негодованія неистоваго, бурнаго, страстнаго... Хотѣлось этого „кого-то", спокойнаго и безстрастнаго, вооруженнаго всѣми доводами логики, стереть съ лица земли... Хотѣлось крикнуть громко-громко на весь міръ:

„Будь прокляты культура и прогрессъ!.. Будь прокляты историческая необходимость, логика вещей, грядущее счастье человѣчества, если для счастья этого нужны живыя кладбища... Будь все проклято!... Жизнь человѣку дана однажды и никто, никто не смѣетъ зарыть эту живую жизнь въ могилу преждевременно. А ее, эту живую жизнь—зарываютъ... каждый день, каждый день, милліоны людей погребаютъ себя заживо, бродятъ въ черныхъ могилахъ, готовые ежеминутно принять мученическую смерть... Каждый день, каждый день изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе... Терпѣливые, выносливые и безотвѣтные, какъ лошади, безстрашные, какъ умалишенные, люди эти обречены на вѣчную пожизненную каторгу. Не совершивъ никакого пре-

ступленія, они несутъ наказаніе величайшихъ преступниковъ, тяжкихъ злодѣевъ... Всю жизнь не вѣдать солнца, свѣта и воздуха... уподобиться животному, пресмыкающемуся, ползать въ мокротѣ и потемкахъ, дышать отравою и каждую минуту ждать смерти... О, Боже мой, Боже мой, Боже мой!..“

Она задыхалась, ломала руки... Яростное отчаяніе разрывало ей сердце, тяжелая, какъ чугунъ, тоска давила грудь, въ голову молотки стучали, и вся она горѣла, дрожала, какъ отравленная...

Въ первый разъ за всю свою жизнь она почувствовала такую нестерпимо-мучительную связь съ людьми, которые не были ей ни родные, ни знакомые. Раньше она только воображала, что люди ей близки и дороги. Страданье людей она только теоретизировала, теперь же страданіе это страшное, неутолимое и безысходное страданіе человѣческое вонзалось въ сердце ей, какъ остро отточенный ножъ, и всѣ внутренности ея обливались кровью.

Наконецъ, не въ силахъ больше сдерживать жгучую боль души своей, она упала навзничь, и застонала громко, во весь голосъ, душу надрывающимъ стономъ, какъ будто ее убивали...

Тотчасъ же откуда-то прибѣжала Марѳа Ивановна, заспанная, всклокоченная, въ одномъ бѣльѣ. За нею вскочилъ докторъ.

— Истерика!—сказалъ докторъ кому-то и выскочилъ обратно. Минуту погодя онъ вернулся уже въ туфляхъ и халатѣ.

— Ну-ну-ну...—урезонивалъ онъ Рябушкину строго, а у самого голосъ дрожалъ отъ испуга и руки дрожали.—Ну-ну!.. Выпейте-ка вотъ эту штуку... Все нервы, все нервы!...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Рябушкина звонко, съ надсадою, превозмогая истерическіе стоны свои.—Это не отъ нервовъ... нѣтъ, нѣтъ... А оттого, что нельзя жить!.. Поймите вы—нельзя жить, нельзя, нельзя!—выкрикнула она убѣжденно, страстно.—Поймите нельзя жить!.. никому нельзя жить... ни мнѣ, ни вамъ, никому въ мірѣ нельзя жить, разъ есть то, что я видала сегодня... Ахъ, эти могилы!.. Этотъ смрадный, жгучій, черный адъ!.. Понимаете? Я пробыла тамъ только часъ... одинъ только часъ и вотъ—отравлена... а какъ же они-то всѣ?... вѣдь они живутъ тамъ и день, и ночь, всю жизнь, всю жизнь... ужасъ, ужасъ, ужасъ!...

Она съ силою оттолкнула доктора, судорожно схватилась за голову и закачалась изъ стороны въ сторону, какъ безумная.

— Боже мой, Боже мой!.. Ходить надъ могилами съ заживопогребенными и... и мечтать о счастьѣ, о равенствѣ, о свободѣ... и не понимать, и не чувствовать во всемъ этомъ безумной, невыразимо-жестокой насмѣшки кого-то надъ нами, надъ всею жизнью нашей... Называть „трудомъ“, „профессіей“ то, что слу-

житъ воплощеніемъ ужаса, воплощеніемъ ада на землѣ... Нѣтъ, отъ всего этого съ ума можно сойти!..

И въ глазахъ ея сухихъ и мутныхъ, какъ тусклое выгорѣвшее стекло, блуждало мрачное безуміе лицо было блѣдное и на лбу выступили капли пота.

— Именно съ ума можно сойти—говорила, она все попрежнему звонко, съ надсадою, злобно отталкивая доктора, который все топтался подлѣ нея, то и дѣло подносилъ рюмку съ лекарствомъ и пытался насильно влить лекарство ей въ ротъ.—Если сознаешь все вотъ такъ и почувствуешь, то ужъ послѣ этого нельзя жить... Или... или... надо что-нибудь дѣлать... Только что дѣлать? Что? Что? Что?—вскрикнула она пронзительно, умоизступленно, вопрошающими глазами бѣгая по испуганнымъ лицамъ доктора и докторши... этихъ двухъ стариковъ, въ своихъ бѣлыхъ ночныхъ сорочкахъ съ оголенными шеями, похожихъ на дѣтей.

— Что дѣлать, чтобы счастье однихъ не окупалось такимъ нечеловѣчески-ужаснымъ страданіемъ другихъ?.. Что?.. Что?..

И вспомнивъ, что никто и ничто не разрѣшитъ ей этого страшнаго, рокового вопроса, который тяготѣетъ надъ людьми, какъ проклятіе, никто не скажетъ — зачѣмъ, для чего нужны зло, мученія и смерть... вспомнивъ это, она зарыдала горестно, сиротливо и отчаянно... И вся сотрясаясь отъ рыданій, опять упала на постель и, ломая руки, плакала долго-долго, упоенно и страстно, до безчувствія, до полнаго забытья и изнеможенія...

VII.

А на другой день она уже уѣзжала изъ Хотѣевки, отказавшись отъ дальнѣйшихъ „наблюденій“. Безъ стыда она не могла вспомнить своей вчерашней радости по поводу „богатѣйшаго матеріала“, противно было глядѣть и на программу, и на іероглифы, которые она всего только день тому назадъ заносила съ такимъ наслажденіемъ, съ такимъ трепетнымъ восторгомъ. Ибо то, что раньше жило въ ея воображеніи, какъ „матеріалъ“, только теперь вдругъ открылось въ сердцѣ ея свѣжею раною, одно прикосновеніе къ которой рождало въ ней тоску и отчаяніе. Да и что могла сказать она этими своими іероглифами?.. Не только она, юная писательница изъ разряда начинающихъ, съ очень маленькимъ и сомнительнымъ дарованіямъ, не знаетъ такихъ словъ, отъ которыхъ земля, насыщенная страданіями человѣческими, напоенная слезами и кровью, исторгла бы изъ груди своей вопль негодованія... и содрогнулось бы, возмутилось все живое и измѣнилось, переродилось,— не только она, маленькая,

слабая женщина не знаетъ такихъ словъ, но и никто-никто не знаетъ!..

И больная, разстроенная, нервно-потрясенная убѣгала она отъ незнакомой жизни, полной молчаливаго, терпѣливаго, привычнаго горя... И въ первый разъ уносила въ молодомъ, впечатлительномъ сердцѣ своемъ острый и жгучій, какъ заноза, нестерпимо-мучительный вопросъ: такъ что же дѣлать? Что? что? что?..

А. Крандіевская.

АЛМАЗЫ.

Насъ давятъ, насъ тяжко гнетутъ!
Надъ нами—слои вѣковые
И горныя цѣпи идутъ,
Вершины блестятъ снѣговыя.

Холодныя головы горъ
Насъ давятъ рудой и гранитомъ...
Ни чей мы не радуемъ взоръ,
Намъ душно, въ могилѣ зарытымъ!

И твердыми сдѣлались мы,
И чуднымъ огнемъ заблистали
Отъ тяжести горъ и тюрьмы,
Отъ злобы, тоски и печали!

Скиталецъ.

И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ*).

Для меня и многихъ моихъ сверстниковъ съ крупной личностью Ивана Васильевича связаны воспоминанія почти половины нашей жизни. Прошло семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы услыхали первый разъ лекціи Ивана Васильевича въ Горномъ институтѣ. То было иное время, чѣмъ теперь; мы не были нервомъ, выражающимъ часто общественные недуги, и не были нервомъ, страданія котораго вызываютъ жестокую боль во всѣхъ слояхъ общества. Но это не значитъ, что то было время реакціи. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Мы также пульсировали согласно и живо съ лучшей частью интеллигенціи, мы также чувствовали и сознавали направленія, увлекавшія насъ безвозвратно въ среду пошлости и безволья; мы также искали выхода избытку силъ и инстинктивно стремились возстановить чѣмъ-нибудь равновѣсіе между внутренней энергіей и гнетущей будничностью окружающей обстановки. Правда, въ то время не было бурныхъ внѣшнихъ причинъ для нарушенія однообразія нашей жизни. Тѣмъ не менѣе и мы часто испытывали колебанія, часто вздрагивали и подчасъ готовы были упасть, и не одинъ изъ насъ выбылъ изъ строя товарищей подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ. Инстинктивно мы тянулись ко всему, что было сильнымъ, стойкимъ.

Примиряющій характеръ науки для насъ былъ еще непостижимъ; двери этого величественнаго храма казались намъ плотно закрытыми,— въ сердца юношей спокойный, самодовлѣющій голосъ науки не всегда находитъ себѣ свободный доступъ. Среди группы нашихъ блестящихъ профессоровъ того времени мы видѣли молодого, полнаго силъ, энергіи и свѣжести человѣка, покрытаго и тогда уже лаврами выдающагося ученаго и отважнаго путешественника; съ особеннымъ любопытствомъ мы ждали перваго знакомства съ нимъ. Законченность математическаго и химическаго анализовъ, удивительная законность кристаллографическихъ системъ, даже завоеванія техническаго генія въ промышленности

---

*) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Императорскаго минералогическаго Общества 5-го февраля сего года.

рѣдко могутъ увлечь юныхъ слушателей съ умомъ пытливымъ, съ слабой еще аналитической способностью, но съ сильно развитой потребностью критической оцѣнки. И безъ сомнѣнія, не одинъ изъ насъ впервые почувствовалъ неопредѣленное стремленіе къ самостоятельной работѣ, когда въ увлекательныхъ образахъ живого языка строгія научныя теоріи смѣнялись недоказанными гипотезами, и молодой профессоръ раскрывалъ передъ нами обширныя перспективы для изслѣдованія, открывалъ передъ нами неисчерпаемое поле научныхъ вопросовъ и идей. Всѣ мои сверстники помнятъ, какъ каждый изъ насъ подъ вліяніемъ лекцій молодого профессора пережилъ періодъ увлеченія геологіей. Увлеченіе въ годы броженія мысли есть уже все; увлеченіе часто замѣняетъ опору для колеблющихся умовъ; чѣмъ и дороги намъ года юности, какъ не ея увлеченіями?

Такимъ увлекающимъ профессоромъ былъ Иванъ Васильевичъ. Быстро происходило сближеніе съ Ив. Вас., сначала на почвѣ увлеченія его предметомъ, и мы невольно приходили въ соприкосновеніе съ сильнымъ стойкимъ характеромъ Ив. Вас. Встрѣчая въ немъ отликъ нашимъ неопредѣленнымъ стремленіямъ, мы невольно испытывали на себѣ вліяніе его характера, и не одинъ изъ моихъ сверстниковъ долженъ сознаться вмѣстѣ со мною, что увлеченіе геологіей и затѣмъ вліяніе сильнаго характера Ив. Вас. спасало ихъ отъ безвозвратной потери лучшихъ годовъ ихъ жизни; вліяніе твердаго, спокойнаго характера Ив. Вас. положило, быть можетъ, неизгладимыя черты на вырабатывающійся характеръ многихъ изъ насъ. Если оглянуться назадъ, мы припомнимъ, что въ Ив. Вас., какъ человѣкѣ, мы не разъ черпали силы, ослабленныя сомнѣніями и колебаніями, встрѣчая въ немъ обширный умъ и доброе сердце, всегда отзывчивое и соболѣзнующее. Сердечность Ив. Вас. вела къ тому, что мы стали прибѣгать въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ нашей жизни, требующихъ часто немедленной помощи. Чуткимъ чувствомъ проницательной въ этомъ отношеніи молодости мы знали, что всегда встрѣтимъ у Ив. Вас. сочувствіе, а въ его обширномъ умѣ, опытности, знаніи людей, жизни найдемъ и добрый совѣтъ. Не разъ мы злоупотребляли временемъ Ив. Вас., отрывая его отъ занятій и заставляя его выслушивать пространные разсказы о горестяхъ и злоключеніяхъ людей, часто ему даже неизвѣстныхъ. Увлекаясь, нерѣдко преувеличивая значеніе фактовъ, иногда подавленные ими совершенно, мы стремились къ Ив. Вас., и его спокойное, ясное отношеніе ко всякому дѣлу позволяло ему указывать часто выходъ изъ положенія, казавшагося уже безнадежнымъ. По складу своего широкаго мышленія, какъ всѣ открытые, спокойные характеры, Ив. Вас. былъ оптимистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, и многіе изъ насъ должны сознаться, какое благотворное на нихъ вліяніе оказывалъ честный оптимизмъ Ив. Вас. Здѣсь, въ стѣнахъ нашей almae

matris, не имѣвшей никакихъ воспитательныхъ тенденцій, и къ которымъ, если бы онѣ были, мы такъ естественно отнеслись бы съ недовѣріемъ, часто граничащимъ съ озлобленіемъ, въ этихъ стѣнахъ, благодаря сближенію съ Ив. Вас., заканчивалось наше воспитаніе, выработка характера, умѣнье владѣть собой и упрочивалось сознаніе въ необходимости сердечной связи между людьми.

Оглядываясь назадъ, вспоминая свое продолжительное уже знакомство съ Ив. Вас., я не могу отдѣлить въ немъ ученаго и человѣка. Всегда умѣя найти что-либо заслуживающее поощренія въ нашихъ слабыхъ, но часто самоувѣренныхъ первыхъ научныхъ шагахъ, Ив. Вас. одобрялъ намѣренія, щадя болѣзненное молодое самолюбіе; мягкость Ив. Вас. въ этомъ отношеніи была безпримѣрна; онъ чутко прислушивался къ нашимъ попыткамъ, умѣло направляя наши стремленія къ научному развитію. Наука часто бываетъ безжалостна и сурова; въ рукахъ Ив. Вас. она теряла эти качества, становясь снисходительной и привлекательной. Чуждый всякаго научнаго и житейскаго педантизма, Ив. Вас. незамѣтно, я думаю, и для себя все крѣпче завязывалъ узы, которыя скрѣпляли его съ учениками.

Изъ года въ годъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ изъ массы слушателей Ив. Вас. отдѣлялась группа лицъ, склонность которыхъ къ геологіи, вызванная сначала увлекательными чтеніями Ив. Вас., смѣнялась, обыкновенно не безъ вліянія его личности, опредѣленнымъ уже стремленіемъ работать на этомъ поприщѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ популярность Ив. Вас. въ широкихъ кругахъ общества росла съ каждымъ годомъ. Читая лекціи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (сначала въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и историко-филологическомъ), своими блестящими докладами въ географическомъ обществѣ Ив. Вас. широко распространялъ интересъ къ геологіи. Въ то же время своей научно-практической дѣятельностью Ив. Вас. болѣе чѣмъ кто-либо другой вывелъ геологію изъ спеціальныхъ рамокъ предмета, основнаго только для горнаго дѣла, и все болѣе расширялъ кругъ дѣятельности геологовъ. При организаціи желѣзнодорожныхъ изысканій, водоснабженія, регулированія рѣкъ, въ бальнеологіи стали. въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ Ив. Вас., сознавать необходимость идти рука объ руку съ геологическими изслѣдованіями. Съ 1886 г. Ив. Вас. былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи физической географіи Императорскаго русскаго географическаго общества, и съ этого знаменательнаго года произошелъ коренной поворотъ въ организаціи широкихъ географическихъ предпріятій и въ оживленіи дѣятельности общества; геологамъ было открыто новое широкое поприще для приложенія ихъ знаній.

Продолжая вербовать изъ года въ годъ своихъ учениковъ въ ряды спеціалистовъ-геологовъ, Ив. Вас. при такомъ расширеніи приложенія

геологическихъ знаній находилъ всѣмъ имъ и соотвѣтствующее дѣло. Для всѣхъ насъ наступалъ вмѣстѣ съ этимъ иной періодъ—періодъ тѣснаго единенія съ Ив. Вас. на почвѣ чаще всего имъ же организованныхъ или имъ вдохновленныхъ работъ. Кто работалъ съ Ив. Вас., знаетъ, сколько труда онъ посвящалъ въ организованныя имъ работы; онъ писалъ намъ подробныя программы, многія изъ которыхъ не потеряли своего интереса и до сего дня; онъ знакомилъ насъ съ техникой геологическихъ изслѣдованій, указывалъ матеріалы, литературу; оживленно, съ любовью къ дѣлу и къ намъ самимъ знакомилъ насъ съ мѣстными условіями работъ, когда они были ему извѣстны; щедро дѣлился съ нами своей обширной всесторонней опытностью и нерѣдко ставилъ насъ, своихъ юныхъ учениковъ, въ положеніе прямо-таки почетное въ глазахъ настоящихъ хозяевъ даннаго дѣла, какъ это испыталъ я и мой товарищъ Обручевъ при нашихъ первыхъ работахъ въ Закаспійской области. Чтобы такъ относиться къ людямъ, нужно любить этихъ людей не меньше, чѣмъ самое дѣло. Далѣе онъ слѣдилъ съ искреннимъ интересомъ за каждымъ нашимъ шагомъ и радовался искренней гордостью учителя за малѣйшій успѣхъ своихъ учениковъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ все продолжало возрастать. Для многихъ изъ насъ изъ наставника, имѣвшаго на насъ громадное воспитательное значеніе, Ив. Вас. становился искреннимъ другомъ, никогда не дававшимъ чувствовать свое превосходство. Ни время, ни разстояніе не измѣняло отношеній Ив. Вас. къ своимъ ученикамъ; толпы новыхъ смѣняли около него старыхъ, а въ памяти и въ сердцѣ его мы жили всѣ. Лишне, конечно, говорить о томъ, что Ив. Вас. такъ сердечно относился не только къ своимъ ученикамъ, имъ, можно сказать, взлелѣяннымъ, но и ко всѣмъ, кто стучался къ нему, а чаще всего стучались тѣ, кто нуждался въ помощи и въ поддержкѣ. Ив. Вас. горячо любилъ свою науку, доказавъ это трудными путешествіями и своими крупными работами; онъ не менѣе любилъ свое профессорское занятіе, посвящая ему массу труда, оцѣнить который можно, только вникнувъ серьезно въ значеніе его курса физической геологіи; но онъ отрывался постоянно отъ кабинетныхъ занятій, прерывая работу на полусловѣ и посвящая свое время, столь дорогое для него самого, заботамъ о чужихъ ему людяхъ, интересы которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своихъ, а нерѣдко, самъ того не сознавая, ставилъ выше своихъ. Такое отношеніе къ людямъ есть удѣлъ натуръ высшаго порядка; какую бодрость вселяютъ такіе люди въ окружающихъ, и какъ ужасна потеря такихъ людей!.. Тайна обаянія личностью Ив. Вас. въ томъ и заключалась, что въ немъ выдающійся и блестящій ученый представлялъ стройное и крупное цѣлое съ сердечнымъ, живымъ, смѣлымъ человѣкомъ, какое во всемъ объемѣ представляетъ величайшую рѣдкость.

Прошло много лѣтъ; бурныя потрясенія нарушили теченіе академической жизни, безжалостно раздавливая цѣлыя толпы молодежи. Исключительное положеніе, какое такъ естественно занималъ Иванъ Васильевичъ среди своихъ многочисленныхъ учениковъ въ предшествовавшіе годы, распространилось теперь и на массы молодежи, чуткой къ такимъ стройнымъ натурамъ. Плодотворная дѣятельность Ивана Васильевича, какъ центра молодыхъ геологовъ-горныхъ инженеровъ, продолжала развиваться и обѣщала все новыя успѣхи. Безжалостная смерть похитила этого человѣка съ поприща научной и академической жизни въ самую тяжелую минуту. Геологическая наука осталась безъ ученаго, умѣвшаго привлекать на ея поприще и удерживать на немъ все новыхъ тружениковъ, не дававшаго техникѣ поглощать все талантливое и бодрое, а молодежь осталась безъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, откровеннаго, чуткаго и авторитетнаго. Оттѣняя значеніе Ивана Васильевича, какъ учителя, вліявшаго на выработку опредѣленныхъ взглядовъ среди своихъ учениковъ и способствовавшаго выбору поприща всей жизни, нужно помнить, что эта сторона дѣятельности менѣе замѣтна, чѣмъ дѣятельность чисто научная, и, быть можетъ, не всякій обращалъ вниманіе, что дѣлу привлеченія геологіи новыхъ адептовъ Иванъ Васильевичъ посвящалъ слишкомъ много силъ. Дѣятельность геолога-горнаго инженера не всегда обѣщаетъ житейскій успѣхъ; его ожидаютъ въ будущемъ не каѳедры и въ рѣдкихъ только случаяхъ почетное положеніе члена геологическаго комитета; ему сулитъ это поприще много работы и жизнь полную превратностей, и если при такихъ условіяхъ талантливая молодежь изъ горнаго института мѣняетъ технику на геологію, то велика заслуга профессора, умѣвшаго зажечь въ сердцахъ своихъ слушателей чистое стремленіе къ этой научной дѣятельности. Не менѣе велика заслуга Ивана Васильевича въ умѣніи удержать людей на этомъ поприщѣ; Иванъ Васильевичъ, можно сказать, былъ центромъ, пробуждавшимъ и поддерживавшимъ научное самосознаніе. Не стало такого центра, а мы, ученики Ивана Васильевича прежняго времени, наружно спокойнаго, потеряли своего учителя, бывшаго для насъ и опорой въ тяжелыя минуты прошлаго, и руководителемъ первыхъ нашихъ опытовъ на научномъ поприщѣ, потеряли дорогого намъ человѣка, съ которымъ насъ будутъ связывать до нашего послѣдняго дня чувства безграничной благодарности, черпаемой изъ воспоминаній нашей лучшей половины жизни.

Иванъ Васильевичъ въ области геологическихъ знаній былъ рѣдкимъ энциклопедистомъ; какъ выдающійся профессоръ, онъ былъ знатокомъ обширной геологической литературы; какъ умъ критическій, онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ стремленій объяснять геологическія явленія исключительно съ одной какой-либо точки зрѣнія. Талантливое и блестящее обобщеніе, правильное въ одномъ случаѣ, Иванъ Васильевичъ

не торопился распространять и на другіе, всегда припоминая, что мало того, чтобы полагать, но нужно еще доказать. Иванъ Васильевичъ никогда не стремился, во что бы то ни стало, сказать новое слово, а безпристрастно, мастерски группировалъ факты, указывая на всѣ возможныя объясненія ихъ и отдавая предпочтеніе тѣмъ, которыя согласнѣе со всей суммой остальныхъ фактовъ.

Въ области динамической геологіи Иванъ Васильевичъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Его изслѣдованія вѣрненскаго землетрясенія можно поставить на ряду съ лучшими работами такого рода въ иностранной литературѣ, а по обилію наблюденій, исполненныхъ научно и всесторонне, эта работа является образцовой. Скромный отдѣлъ курса Ивана Васильевича, въ видѣ двухъ главъ, посвященныхъ сейсмическимъ явленіямъ, представляетъ лучшее руководство по наблюденію и методологіи землетрясеній, такъ какъ лучшій иностранный курсъ Hoernes'a, по странному недоразумѣнію, совершенно игнорируетъ работы русскихъ сейсмологовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередившихъ своихъ иностранныхъ коллегъ. Въ области изслѣдованія ледниковъ альпійскаго характера и въ особенности дѣятельности атмосферы Иванъ Васильевичъ оставилъ образцовыя наблюденія. Иванъ Васильевичъ положилъ, можно сказать, основаніе для правильной оцѣнки значенія и роли субаэральныхъ агентовъ въ пустыняхъ, высказавъ по этому вопросу еще въ 1877 году рядъ положеній, впослѣдствіи самостоятельно развитыхъ Рихтгофеномъ и въ особенности въ новѣйшее время Вальтеромъ. Основной физико-географическій выводъ о природѣ Средней Азіи, представляющей картины медленнаго усыханія въ теченіе послѣднихъ геологическихъ эпохъ, былъ высказанъ Иваномъ Васильевичемъ еще въ 1879 году.

Курсъ Ивана Васильевича «Физическая геологія» представляетъ замѣчательную особенность, какой я не знаю ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ однородныхъ сочиненій, за исключеніемъ «Führer'a» Рихтгофена, — онъ переполненъ ясными и поучительными примѣрами и фактами, почерпнутыми изъ собственныхъ наблюденій Ивана Васильевича. Возьмите любой отдѣлъ динамической геологіи—о внутренней теплотѣ земного шара, сейсмическія явленія, дѣятельность атмосферы, подземной и проточной воды, ледниковъ, сложныя дислокаціонныя явленія, основныя линіи лица земли и т. д., и вы всюду встрѣтите превосходные, ясные и опредѣленные примѣры, впервые наблюдавшіеся самимъ Иванъ Васильевичемъ.

Капитальный трудъ Ивана Васильевича о геологіи и орографіи Туркестана, къ несчастью, оставшійся неоконченнымъ, въ русской литературѣ является единственнымъ въ своемъ родѣ. Тщательныя наблюденія знатока динамической геологіи, собранныя въ этомъ трудѣ, будутъ всегда служить образцомъ для геологическихъ изслѣдованій.

Основные выводы Ивана Васильевича объ единствѣ природы Азіатскаго материка представляютъ уже крупный шагъ впередъ сравнительно съ положеніями Рихтгофена, а его геологическая группировка хребтовъ системы Тянь-шаня всегда будетъ служить одной изъ опоръ современныхъ взглядовъ о происхожденіи складчатыхъ хребтовъ и носитъ уже зародышъ современныхъ идей Зюсса объ алтаидахъ.

Не упоминая о другихъ плодотворныхъ научныхъ трудахъ Ив. Вас., можно уже видѣть, какимъ было его направленіе, какъ профессора, это направленіе можно характеризовать двумя словами—«учитесь наблюдать». Для горнаго инженера, въ его поисковой и рудничной практикѣ, и для геолога, работающаго въ полѣ, знаніе динамической геологіи есть основаніе для дальнѣйшаго совершенствованія. Чѣмъ шире взгляды геолога, чѣмъ менѣе онъ связанъ одной какой-либо теоріей, по существу хотя бы и правильной, но направляющей его наблюдательную способность въ одну сторону, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его дальнѣйшая работа надъ собранными наблюденіями. Ив. Вас. при такомъ направленіи его профессорской работы далъ цѣлую школу горныхъ инженеровъ, разносторонних и опытныхъ наблюдателей, быстро двинувшихъ дѣло развѣдокъ и поисковъ полезныхъ ископаемыхъ. Въ этомъ крупная заслуга Ив. Вас. въ дѣлѣ развитія русской горной промышленности, которой онъ оказалъ и прямыя услуги замѣчательными изслѣдованіями рудныхъ богатствъ Урала, неутомимыми работами въ области Тянь-шаня, изслѣдованіями соляныхъ озеръ и минеральныхъ водъ. Аудиторія Ив. Вас. распространялась далеко за предѣлы горнаго института; его дѣятельность въ географическомъ обществѣ поистинѣ историческая; съ его именемъ неразрывно связано учрежденіе каѳедръ географіи въ университетахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Риттеръ положилъ въ основаніе сравнительной географіи изслѣдованіе законовъ устройства земной поверхности и законовъ вліянія ея на развитіе человѣческаго рода, вторая часть этой задачи быстро развилась; первая же часть задачи еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія имѣла свое общее выраженіе въ изслѣдованіи географическихъ гомологій, т.-е. въ изслѣдованіи идеальнаго подобія очертаній отдѣльныхъ частей материковъ, независимо отъ исторіи постепеннаго развитія этихъ элементарныхъ подобій. Постепенно подъ давленіемъ геологическихъ фактовъ эта часть задачи сравнительной географіи выросла въ отдѣльную дисциплину подъ названіемъ геоморфологіи или геоморфогеніи, причемъ въ основаніе разсмотрѣнія формъ поверхности земли были положены генетическія начала, изслѣдуемыя геологіей. Наиболѣе видным представителемъ въ Россіи такого современнаго направленія объяснительной части географической науки и первымъ совершенно самостоятельнымъ выразителемъ такихъ взглядовъ еще въ 1876 году былъ, безспорно, Ив. Вас. Онъ немало

потрудился на этомъ поприщѣ, повсюду распространяя и своими лекціями, и такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ «Туркестанъ» и всей своей дѣятельностью въ географическомъ обществѣ, правильные взгляды на отношеніе геологіи къ географіи. Ив. Вас. этой стороной своей дѣятельности имѣлъ громадное вліяніе даже на развитіе отрасли естествознанія, повидимому, ему совершенно чуждой, именно на развитіе геоботаническихъ изслѣдованій въ Россіи.

Вліяніе Ив. Вас., какъ геолога съ широкимъ географическимъ умозрѣніемъ, не могло не отразиться и на его ученикахъ. Они не могли не испытать на себѣ вліянія широкой постановки значенія геологіи для географіи, какую всегда проводилъ Ив. Вас., и въ этомъ отношеніи они составляютъ весьма опредѣленно выраженную школу геологовъ, работавшихъ исключительно на окраинахъ Россіи—Кавказѣ, Туркестанѣ, Сибири, Манчжуріи и Средней Азіи.

Если въ области географическихъ изслѣдованій иные достигали вполнѣ заслуженной всемірной извѣстности, благодаря удивительной личной энергіи, то Ив. Вас., который всю жизнь посвятилъ на то, чтобы отыскивать подходящихъ работниковъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, научать ихъ и отправлять на изслѣдованіе во всеоружіи ихъ спеціальныхъ знаній, совершилъ гигантскую работу, охватившую всѣ отдаленнѣйшія дебри Азіи, и по ея плодотворности единственную въ своемъ родѣ. Дѣятельность Ив. Вас. въ этомъ отношеніи можетъ получить достойную оцѣнку только въ исторіи развитія географическихъ познаній въ Россіи, а самъ Ив. Вас. сошелъ въ могилу недостаточно еще оцѣненнымъ, и сознаніе это должно прибавить еще болѣе горечи къ нашимъ грустнымъ мыслямъ, вызваннымъ его неожиданной кончиной.

Невыразимая жалость сжимала сердце всѣхъ стоявшихъ у открытаго гроба Ив. Вас. Не стало человѣка, который щедро расточалъ среди насъ сокровищницу своихъ богатыхъ знаній и неисчерпаемую доброту своего сердца. Выраженія искренняго горя и знаки живѣйшей симпатіи, проявленныя при извѣстіи о кончинѣ Ив. Вас. со стороны всѣхъ знавшихъ его, заставляютъ вѣрить, что труды Ив. Вас. не пали на безплодную почву, что среди учениковъ Ив. Вас. никогда не изсякнутъ его широкіе взгляды на направленіе и значеніе геологической науки, что среди нихъ стремленіе къ работѣ, разбуженное Ив. Вас., никогда не заглохнетъ, что среди друзей Ив, Вас.,—а кто изъ знавшихъ Ив. Вас. не былъ его другомъ?—никогда не смолкнетъ призывъ къ сердечному единенію, надъ чѣмъ всю жизнь трудился Ив. Вас. съ добротой, снисходительностью и со всею силою своего характера.

К. Богдановичъ.

Иванъ Васильевичъ
МУШКЕТОВЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее.

Кто видѣлъ въ послѣднее время гоголевскаго «Ревизора» на сценѣ, прочелъ «Мертвыя души»,—а наступленіе «гоголевскихъ дней» невольно влечетъ всякаго къ этимъ твореніямъ, съ которыми душа русскаго читателя сроднилась еще съ дѣтства,—у того самъ собой напрашивается вопросъ, насколько эти безсмертные образы жизненны теперь? Отошли ли они въ область исторіи, или и теперь бродятъ по русскимъ градамъ и весямъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ съ Селифонтомъ и Петрушкой, и Ноздревъ съ Собакевичемъ обдѣлываютъ дѣла, а дама просто пріятная вмѣстѣ съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ общественное мнѣніе? Также ли трепетъ передъ ревизоромъ попрачаетъ мозги мирнаго обывателя, и Хлестаковъ многообразно пользуется этимъ трепетнымъ настроеніемъ провинціи?

Задавшись такими вопросами, вы начинаете припоминать все и видѣнное, и слышанное, и убѣждаетесь, что великій художникъ схватилъ нѣчто неумирающее въ русской жизни. Какъ ни измѣнилась послѣдняя за полвѣка, протекшіе со дня его смерти, а живы оказываются и Чичиковъ со всѣмъ антуражемъ «губерніи», и Хлестаковъ со всѣми своими подвигами. Пало крѣпостное право, но не исчезъ «дряхлый» человѣкъ, возросшій на немъ, глубоко пропитавшійся его развращающимъ духомъ.

Возьмите любого изъ героевъ Гоголя и разсмотрите его примѣнительно къ современной обстановкѣ, современнымъ нравамъ и условіямъ. Какую эволюцію совершилъ, напр., почтеннѣйшій Сквозникъ-Дмухановскій? А эволюцію онъ долженъ же былъ совершить, ибо «все течетъ», какъ говорятъ философы. Во времена Гоголя это былъ воришка-чиновникъ, плутоватый и суевѣрный, тонкая бестія, котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести», который «мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ». Нынѣ нѣтъ городничихъ, но все остальное, что запечатлѣно въ этой характеристикѣ, развѣ ушло вмѣстѣ съ ними? Нѣтъ, оно примѣнилось

къ обстоятельствамъ, приняло формы болѣе неуловимыя и не столь наивныя. Но духъ Сквозника-Дмухановскаго вѣетъ надъ нашей провинціей многочасне и многообразне, и что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ постоянный и всегда поразительный успѣхъ, коимъ и нынѣ пользуется тамъ Хлестаковъ. Пусть читатели припомнятъ всѣ безчисленные случаи самозванныхъ ревизоровъ и всякого рода удивительно ловкихъ по своей простотѣ самозванцевъ, которые то и дѣло налетаютъ въ провинцію, исчезаютъ, провравшись на пустякѣ, и вновь выныриваютъ въ другомъ мѣстѣ, но всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ, всегда пользуясь однимъ и тѣмъ же пріемомъ. Ревизоръ—и этого довольно, чтобы нашъ современный Сквозникъ, не уступающій по ловкости и тонкости своему прототипу, потерялъ голову и далъ себя провести «мальчишкѣ», «вертопраху», и когда игра такого мальчишки раскрывается, онъ также вопитъ, потрясая сжатымъ кулакомъ: «Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» И психологія всякаго такого траги-комическаго эпизода старая: трепетъ съ одной стороны, полное пренебреженіе къ личности—съ другой. Сквозникъ привыкъ не считаться съ обывателями, не признавать въ немъ человѣка, какъ и обыватель не привыкъ считать себя личностью, имѣющею права. Онъ знаетъ только обязанности, и чортъ его знаетъ, этого внезапно налетѣвшаго «мальчишку», какія новыя обязанности наложитъ онъ на обывателя! А если принять во вниманіи, что у рѣдкаго изъ этихъ грозныхъ мѣстныхъ владыкъ рыльце не бываетъ въ пуху, то понятно желаніе забѣжать впередъ, поюлить, поподличать, показать свою «благонамѣренность» не токмо за страхъ, но и за совѣсть. И если сплошь и рядомъ современные Хлестаковы почти всегда влетаютъ въ силки, то исключительно отъ того, что у рѣдкаго изъ нихъ есть степенный, осмотрительный Осипъ, который остановилъ бы ихъ во время мудрымъ совѣтомъ: «Погуляли здѣсь два денька, ну и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! Неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ».

Право, мы, что называется, перезрѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и наши Сквозники-Дмухановскіе никогда еще не расцвѣтали въ такой мѣрѣ, какъ теперь. Пріемы, быть можетъ, у нихъ иные, и въ этомъ вся эволюція. Прежде это былъ сокрушительный кулакъ, открытая дань, налагаемая на дореформенное купечество, унтеръ-офицерша, не по правиламъ высѣченная, и пр. Теперь болѣе тонкій «поведенцъ», въ родѣ нарушенія обывателемъ безчисленныхъ правилъ, не задержаніе, напр., извозчика, на которомъ ѣхалъ «подозрительный» субъектъ, и соотвѣтственно сему и штрафы въ томъ или иномъ размѣрѣ. И какъ трудно уловить здѣсь составъ преступленія, такъ же неуловимы и пріемы пресѣченія. Отсюда для Сквозника безчисленные способы уловленія обывателя, но въ то же время и постоянный суевѣрный страхъ, что три крысы, видѣнныя имъ во снѣ, которыя «пришли, понюхали и ушли», знаменуютъ нѣчто сугубо важное и трепетное. А если къ тому же достовѣрное извѣстіе со стороны одного изъ мѣстныхъ добровольцевъ-охранителей, Петра Ивановича

Бобчинскаго, что пріѣхалъ невѣдомый молодой человѣкъ, то и довольно. «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, — и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ». И при этомъ, «такой наблюдательный, все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани»...

Живъ и Земляника съ его классическимъ правиломъ, что «простой человѣкъ если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ». Намъ не приходится вдаваться въ тонкія соображенія по сему поводу: только что закончившійся въ Москвѣ пироговскій съѣздъ врачей подчеркнулъ всю недостаточность врачебной помощи, антисанитарное состояніе городовъ. Или вспомнимъ описаніе одной, напр., томской больницы, напечатанное года два-три назадъ въ нашемъ журналѣ, или знаменитую одесскую больничную эпопею, кажется, и до сихъ поръ не завершившуюся. А вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ столицы: Томскъ, Одесса,—что же творится въ какой-нибудь Тмутаракани... Не исчезли условія для благополучнаго процвѣтанія Земляники, и было бы странно, если бы этотъ богобоязненный типъ вымеръ самъ собой. Геніальный художникъ изобразилъ его нѣсколькими рѣзкими штрихами, въ предѣлахъ которыхъ возможны измѣненія, но яркость контуровъ не поблекла отъ времени.

Не беретъ, конечно, и Ляпкинъ-Тяпкинъ взятокъ борзыми щенками, которые вмѣстѣ съ псовой охотой отошли въ область преданій. Но ежели, напр., подъ дутый вексель получить изъ какого-нибудь екатеринославскаго банка или акціями и паями другого не менѣе почтеннаго учрежденія, то такая современная форма благодарности показываетъ только на измѣненіе формы, а не существа дѣла. Иначе, какимъ образомъ могли бы возникать знаменитыя исторіи въ родѣ кожинской и имъ подобныхъ.

И тотъ же подъ перо подвернувшійся пресловутый Кожинъ — развѣ не Чичиковъ, скупающій не мертвыя души, а договоры на эксплуатацію крестьянской земли для перепродажи ихъ какой-нибудь бельгійской или иной компаніи? Воображаемъ, какое въ свое время было ликованіе и пированіе въ городишкѣ, гдѣ разыгралась эта эпопея, и какъ тотъ или иной городской нотабль, уподобясь гоголевскому предсѣдателю палаты, обнималъ Чичикова, то бишь Кожина, произнося въ изліяніи сердечномъ: «Душа ты моя! Маменька моя!» и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты такой и эдакой, комаринскій мужикъ!» Въ качествѣ мертвыхъ душъ фигурируютъ и злополучные акціонеры, и миѳическія копи, и многое разное, что ловкіе Павлы Ивановичи охотно скупаютъ теперь для оборотовъ на современный ладъ. Съ такимъ же успѣхомъ они фигурируютъ среди провинціальныхъ Маниловыхъ и Собакевичей, производятъ фуроръ среди дамъ просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безсмертная пошлость русской жизни видоизмѣнила форму, а сущность остается все та же.

*

Развѣ не Собакевичи заполонили теперь наши губернскія и уѣздныя управы, и въ лицѣ Гордѣенокъ и Родзянокъ ведутъ войну съ «третьимъ элементомъ», отстаивая кулацкое хозяйство, которое одно имъ по плечу. Ибо «кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки,—дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку!» И слова эти пророчески сбываются нынѣ.

И опять-таки какъ имъ не сбываться? Пошлость, изображенная Гоголемъ, безсмертна, потому что она не есть нѣчто временное, наносное, нѣчто такое, что устранимо, какъ переходное явленіе, какъ плодъ тѣхъ или иныхъ условій. Она—коренная сущность человѣческой души вообще, а русской въ особенности. Она всегда жива, но временами, при неблагопріятныхъ общественныхъ условіяхъ она притаивается и ждетъ своего часа. А когда онъ наступаетъ, пошлость расцвѣтаетъ внезапно, выступая во всей наготѣ и безобразіи, какъ было и въ то время, когда Гоголь впервые раскрылъ ея сущность изумленному міру.

Въ одномъ письмѣ изъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки» Гоголь пишетъ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ», и далѣе поясняетъ значеніе своего главнаго творенія «Мертвыя души»: «Мертвыя души» не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, что бы они раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, что бы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности,—ничуть не бывало: герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ будто точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ». Въ этой самооцѣнкѣ глубокая правда. Только въ то время было немного тѣхъ, которые могли оцѣнить значеніе факта появленія «Мертвыхъ душъ». Подъ давленіемъ все покорившей тогда пошлости, души, дѣйствительно, были, какъ мертвыя, и лишь немногія живыя души были испуганы нарисованной картиной. Но на всемъ громадномъ пространствѣ необъятнаго царства торжествующей и торжественной пошлости господствовало молчаніе.

Въ наше время, когда пошлость тоже возобладала и празднуетъ если не вездѣ и во всемъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ побѣду, одно мѣшаетъ этому торжествующему ходу пошлости. Теперь появленіе новаго Гоголя

который сумѣлъ бы такъ же ярко «очертать пошлость пошлаго человѣка», какъ его великій предшественникъ,—было бы встрѣчено нѣсколько иначе. Съ тѣхъ поръ неизмѣримо расширился кругъ людей, понимающихъ весь ужасъ пошлости и необходимость бороться съ нею на всѣхъ поприщахъ жизни. Пусть герои и типы Гоголя и теперь, какъ живые, говорятъ съ нами со сцены и со страницъ его великихъ твореній, и каждому изъ нихъ мы можемъ противопоставить живой образецъ изъ современности. Но полстолѣтія все же прошло не даромъ и для насъ. Самое обостреніе пошлости, поднявшей голову теперь съ особо торжественнымъ видомъ, есть фактъ, имѣющій и оборотную сторону. Пошлость чувствуетъ, что въ жизни накопилось много элементовъ, готовыхъ для борьбы съ нею, и дѣлаетъ усиленную попытку отстоять свои твердыни. Отсюда эта небывалая страстность къ борьбѣ и неуступчивость пошлости, предчувствующей наступленіе чего-то новаго и для нея неотразимаго. Вотъ почему, несмотря на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о торжествѣ пошлости то тутъ, то тамъ, нѣтъ того удручающаго впечатлѣнія, какое на современниковъ произвела книга Гоголя, хотя это была только книга. Гоголь разсказываетъ въ томъ же письмѣ: «Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ видѣ, какъ они были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта». Теперь едва ли могло бы насъ такъ испугать подобное изображеніе, «пугающее отсутствіе свѣта», и не потому только, что нервы притупились. Усилилась вѣра въ неотразимое наступленіе «побѣды свѣта», которое нельзя ничѣмъ остановить. Возможны временныя затменія, и какъ они ни тяжки по своимъ послѣдствіямъ, они не могутъ доводить до отчаянія, до болѣзненнаго страха предъ тьмою, одолѣвшаго самого Гоголя, который задумалъ, по его словамъ, тогда же дать и иную картину—пошлости противопоставить идеальную Россію во второй части «Мертвыхъ душъ». Попытка эта и погубила его, такъ какъ въ дѣйствительности онъ не видѣлъ никакой идеальной Россіи и долженъ былъ ее выдумать.

И мы неизмѣримо далеки еще отъ этой идеальной Россіи, современность гораздо родственнѣе первой части «Мертвыхъ душъ», и тѣмъ не менѣе жива въ душѣ гордая увѣренность, что все это—область прошлаго, которое идетъ на смарку. Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы, Ноздревы и Собакевичи, населяющіе наши благодатныя палестины, не могутъ удержать позиціи, сколько ни укрѣпляютъ они ихъ разными новыми какъ-будто и усовершенствованными способами. Сильнѣе ихъ всепобѣждающая жизнь съ новыми требованіями и запросами, для удовлетворенія которыхъ нужны иныя силы, и она же сама и

выдвигаетъ ихъ, несмотря на давленіе. Изъ столкновенія новаго и стараго и состоитъ творческое дѣло жизни, въ которой все перемѣшано въ причудливыхъ сплетеніяхъ, странныхъ, иногда ужасныхъ и на первый взглядъ непонятныхъ, но полныхъ смысла и значенія для тѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Новое, идущее на смѣну стараго гоголевскаго міра, многообразно и многоразлично, но есть и одна доминирующая нота въ немъ, все рѣзче выдѣляющаяся со времени паденія крѣпостного права. Это—голосъ личности, сознавшей свое человѣческое достоинство и стремящейся на всѣхъ путяхъ жизни отвоевать себѣ свободное развитіе.

Очень любопытную иллюстрацію этого роста личности даетъ одинъ изъ вдумчивыхъ, талантливыхъ наблюдателей современной жизни, г. Елпатьевскій въ прекрасномъ разсказѣ «Служащій», напечатанномъ въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Будучи художникомъ, стремящимся проникнуть вглубь явленія и дать законченный типъ, г. Елпатьевскій не чуждъ и публицистическимъ задачамъ—взглянуть на данный фактъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, объединяя поразившее его явленіе съ рядомъ другихъ аналогичныхъ, подводя ихъ къ общему источнику. Такіе высоко-интересные экскурсы въ широкую жизнь, общественную по преимуществу, этотъ замѣчательный знатокъ русской жизни дѣлаетъ отъ времени до времени, вызывая всякій разъ общее вниманіе. Напомнимъ нашимъ читателямъ его любопытный очеркъ «Спирька», о которомъ мы говорили въ свое время *), гдѣ авторъ пытался дать художественный генезисъ русскаго «буржуа», того «всероссійскаго купечества», которое во время оно заявляло устами «Волгаря», что оно «все можетъ». Или другой очеркъ того же автора «Миша», рисующій эволюцію дворянства. Всѣ эти очерки, какъ бы ни относиться къ взглядамъ самого автора, тѣмъ и цѣнны, что они даютъ всегда интересныя наблюденія, обобщенныя и освѣщенныя всегда талантливо, живо и ярко.

«Служащій» едва ли не лучше прежнихъ. Это совершенно новая фигура, аналогій для которой мы не припомнимъ въ литературѣ. Когда почтенный авторъ рисовалъ намъ генезисъ «купечества» или дворянскія попытки послѣдняго времени, онъ имѣлъ такихъ могучихъ предшественниковъ въ этой области, какъ Гл. Успенскій и Щедринъ, и у читателя невольно навертывались сравненія, невольно возникало желаніе подвести итогъ пережитому съ тѣхъ поръ, какъ Успенскій и Щедринъ изображали тѣхъ же героевъ.

Въ новомъ очеркѣ г. Елпатьевскаго—совершенно новое явленіе.

«— Услужающій...—вотъ наше настоящее имя! — Злобный огонекъ блеснулъ въ сѣрыхъ свѣтлыхъ глазахъ моего собесѣдника.

«— Вы думаете,—*онъ* только труда отъ меня хочетъ, головы? Какъ же не такъ!.. Будь ты услужающій... И чувствуй... «Жалованье плачу, понимать

*) См. «Критич. Замѣтки», 1898 г., мартъ. Очеркъ «Миша», см. «Библ. отд.», «Беллетристика», 1899 г., іюнь.

долженъ, чувствовать»... Все дѣлай и не перечь, съ праздниками поздравь, выборы въ думу пойдутъ—шаръ за него кладн!..»

Такъ начинаетъ свои изліянія «служащій», объясняя автору тѣ взаимоотношенія, какія долголѣтнимъ путемъ сложились между «нимъ» — всероссійскимъ купцомъ — и тѣмъ мелкимъ людомъ, который является главной опорой купца въ его всероссійскихъ подвигахъ.— «Служащій» это представитель огромнаго сословія мелкихъ людей, приказчиковъ и полуинтеллигентныхъ тружениковъ, наполняющихъ лавки, конторы, банки, думскія и управскія канцеляріи и пр. Прежде этотъ типъ носилъ особыя черты, которыя Ножичкинъ, герой разсказа, не обинуясь называетъ «халуйствомъ», готовностью душу свою положить за «него», хозяина, который, въ свою очередь, «измывался» надъ «услужащими». И Ножичкинъ въ подтвержденіе приводитъ прелестную картинку истинно-россійскихъ нравовъ «темнаго царства».

«— Онъ и нанимаетъ... и теперь еще, а раньше и все такъ,—безъ опредѣленнаго жалованія. «По усердію глядя... Награжу»... Понимаете, не жалованье платитъ, а «награждаетъ». Вотъ я вамъ разскажу случай одинъ, — и не очень давно было. Служилъ у Воронина — тоже главнымъ довѣреннымъ — Митрофанъ Саввичъ и тоже, какъ Герасимъ Ѳедоровичъ, съ мальчишекъ. Милліонные обороты дѣлалъ, все дѣло велъ, а жалованья не получалъ. Нужно домишко ремонтировать—къ хозяину. «Вотъ, говоритъ, крыша течетъ»—дастъ. Дочку просватаетъ, приданое срядить надо — награждаетъ. Разъ — при мнѣ было, съ полгода я у нихъ въ конторѣ занимался приходитъ Митрофанъ Саввичъ — «десять рублей, говоритъ, позвольте»... «Зачѣмъ?» Показываетъ сапоги. «Вотъ, говоритъ, обносился, новые надо». Посмотрѣлъ хозяинъ. «Ну, говоритъ, намъ съ тобой не танцы танцовать. По базару-то и въ этихъ ладно,—вотъ тебѣ трешня, подкинь подметки»... И разговаривать не сталъ. Такъ вотъ какой случай выпалъ! Какъ-то захворалъ Митрофанъ Саввичъ, — старикъ уже былъ, — завязалъ въ платочекъ свой носовой клѣтчатый пятьдесятъ тысячъ изъ кассы, да и пошелъ домой... Думалъ, помирать будетъ, а не померъ.

«Ну, и при милліонахъ пятьдесятъ тысячъ все же деньги. Узналъ хозяинъ что въ кассѣ нехватка, а сколько — Богъ вѣсть, можетъ не одна сотня тысячъ. Книгъ-то нужныхъ не велось, больше на память да на записочки. Призываетъ Митрофана Саввича, когда тотъ выздоровѣлъ.

«— Взялъ деньги?

«— Отчислилъ, Прохоръ Лукичъ... За службу, дѣтямъ на прожитокъ...— самъ въ ноги.

«— Сколько?

«— Пятьдесятъ...

«— Вѣрно?

«— Вѣрно...

«Схватилъ его хозяинъ за сѣдую бороду, таскалъ, таскалъ по полу, а потомъ поднимаетъ. «Ну, говоритъ, поцѣлуемся... Я бы тебя, дурака, и

самъ наградилъ...» и поцѣловались. Объ деньгахъ, конечно, ни слова. И до самой смерти Митрофанъ Саввичъ главнымъ довѣреннымъ служилъ».

Таковы были старые типы «услужающихъ», которые набирались изъ мальчишекъ и всю жизнь полагали на хозяина, не зная высшей чести, какъ служить «ему» не токмо за страхъ, а и за совѣсть.

Не таковъ народившійся за послѣдніе годы новый «служащій», какимъ выступаетъ Ножичкинъ. Самъ онъ сынъ почтальона, добившійся всего собственными усиліями, знающій себѣ цѣну и не позволяющій наступить себѣ на мозоль. Онъ далеко отбился отъ старины и требуетъ себѣ правъ на уваженіе и признаніе въ себѣ человѣческой личности. «Хозяинъ» для него не «благодѣтель», а эксплуататоръ, противъ котораго онъ готовъ бороться всѣми дозволенными средствами. Ножичкинъ выступаетъ естественнымъ вождемъ цѣлой группы такихъ же «служащихъ», въ которой ясно сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, онъ проектируетъ нѣчто въ родѣ союза свободныхъ тружениковъ, въ видѣ артели, и требуетъ участія для служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. И аудиторія у него очень благодарная, такъ какъ ясно понимаетъ, что сила за тѣмъ, кто умѣетъ отстаивать свои интересы. А сила у этой аудиторіи есть. Сила, прежде всего, количественная и затѣмъ качественная. Въ городахъ торговопромышленнаго типа они составляютъ главный средній слой. Они наполняютъ мѣстные клубы и разныя, просвѣтительно-экономическія общества, они составляютъ главный контингентъ, на которомъ держится все дѣло торговли и оборота, они его ведутъ, отлично понимая, что безъ нихъ «хозяину—крышка». И по мѣрѣ развитія промышленной жизни, сосредоточившейся въ городахъ, такъ непомѣрно выросшихъ за послѣдніе годы, сила «услужающихъ» все увеличивается, и увеличивается не только количественно, но растетъ и качественно, что и отмѣчаетъ г. Клпатьевскій въ своемъ живомъ очеркѣ.

«До пріѣзда въ большой и шумный губернскій городъ я, — говоритъ авторъ,—мало зналъ тотъ слой городского населенія, который разумѣется подъ общимъ названіемъ: «служащіе». Со студенческихъ временъ у меня остался въ памяти старый классическій типъ приказчика изъ, покойной памяти, Ножевой линіи, — то лакированнаго по высшей модѣ приказчика «съ капулемъ», съ помадой Музатова, съ удивительными галстухами, носившимися, повидимому, только въ Ножевой линіи, который довольствовался «Письмовниками» и «Пѣсенниками» Никольской улицы, гулялъ въ зеленыхъ перчаткахъ по воскресеньямъ въ Сокольникахъ, и вечеромъ напивался до положенія ризъ въ укромномъ отъ хозяйскаго глаза трактирчикѣ, съ машиной,—и до клубовъ и общества не поднимался и библіотекъ и союзовъ не заводилъ. А рядомъ стоялъ другой приказчикъ «по сѣрому», — «оптовой», «лабазный», въ поддевкѣ, въ сапогахъ бураками, съ благообразной бородкой и русскимъ проборомъ въ волосахъ, придерживавшійся «старинки»,—въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянъ, приходившійся «сродственникомъ» хозяину, изъ одной деревни, «съ своей стороны». И тѣ, и другіе науками и искусствами не занимались и проходили одну и ту же школу,—поступали мальчиками въ лавку, бѣгали съ чайниками за

книгкомъ и за полштофомъ для старшихъ приказчиковъ, а потомъ входили въ года и достигали «капуля» и зеленыхъ перчатокъ или маленькаго домика въ маленькой уличкѣ...

«За двадцать пять лѣтъ много воды утекло, и особенно измѣнился средній слой городского населенія. Явился служащій. Осложнившаяся торгово-промышленная жизнь,—всѣ эти новыя, народившіяся коммерческія и техническія предпріятія, фабрики, заводы, банки, конторы, агентства, пароходныя и желѣзнодорожныя общества, усложнившіяся и расширившіяся земское и городское дѣло,—все это вызвало къ жизни новаго человѣка, потребовало огромную массу служащаго люда, который не требовался прежней жизнью; помимо учительскаго и медицинскаго персонала, выросла армія новыхъ служащихъ,—явились бухгалтеры, конторщики, агрономы, статистики, явился многообразный техникъ,—въ особенности тотъ, не получившій спеціальнаго образованія «техническій» человѣкъ, котораго такъ удачно одинъ мой знакомый назвалъ «полумехаником»».

«Я, кажется, знаю, откуда пришелъ этотъ всякаго рода служащій. Утлая ладья русскаго просвѣщенія не всегда довозитъ пассажировъ до намѣченной пристани и часто ссаживаетъ на перепутьи и въ непредусмотрѣнныхъ мѣстахъ, на пустынныхъ берегахъ, на дикихъ островахъ. Въ частности, въ былое время, когда въ газетахъ появлялись сообщенія о томъ процентѣ учащихся, который достигаетъ аттестата зрѣлости, меня всегда интересовалъ вопросъ,—куда дѣвается и какъ используется жизнью тотъ—другой процентъ... Мнѣ показалось, что я нашелъ, наконецъ, этотъ «процентъ», нашелъ этого, не успѣвшаго сдѣлаться «механикомъ» и оставшагося «полумехаником» человѣка—нашелъ его за толстыми конторскими книгами, за стойкой мануфактурнаго магазина, въ капитанской рубкѣ парохода, у котловъ завода, подъ форменной фуражкой начальника станціи. Мнѣ показалось даже, что для меня освѣтились многія явленія русской жизни, остававшіяся темными тамъ, гдѣ я раньше служилъ, что я открылъ, кто потребляетъ эту все растущую массу книгъ, появляющихся на рынкѣ, кто читатель этихъ размножившихся провинціальныхъ газетъ, которыя все-таки существуютъ, для кого въ самые дальніе углы несутся цѣлые вагоны «приложеній» сочиненій русскихъ писателей... Мнѣ думается, я нашелъ этого новаго читателя. Я пересталъ удивляться тѣмъ книгамъ и журналамъ, которые брали молодые приказчики и служащіе въ библіотекѣ нашего общества и торгово-промышленнаго клуба, пересталъ удивляться росту библіотекъ и читаленъ и книжныхъ магазиновъ, огромному наплыву публики на всякія публичныя лекціи, курсы, пересталъ удивляться всему, что было такъ удивительно для меня, хорошо помнившаго, что было какихъ-нибудь двадцать пять — тридцать лѣтъ назадъ...»

Самымъ яркимъ представителемъ новаго типа выведенъ авторомъ Ножичкинъ, около котораго группируются другія, не менѣе любопытныя лица изъ этой мало затронутой въ литературѣ среды. Самъ Ножичкинъ, энергичный и смѣлый иниціаторъ въ борьбѣ за интересы своего сословія противъ «хозяина», цѣлой головой выше остальныхъ, но присущія ему черты до извѣстной сте-

мени родовыя. Онъ выдвигаетъ при каждомъ столкновеніи вопросъ о *правѣ*, о достоинствѣ личности и страстно отстаиваетъ свое право быть наравнѣ со всѣми. Когда въ клубѣ заходитъ, напр., рѣчъ объ отчетности, одинъ изъ старшинъ, «владѣлецъ лѣсныхъ складовъ», обижается щепетильностью ревизіонной комиссіи, требующей отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ. «Ежели этакъ будутъ оскорблять, ежели всякій (подчеркнулъ онъ) придетъ и будетъ насъ въ копѣйкахъ учитывать, такъ это и служить нельзя, уйти только и больше ничего»... Это обычная въ нашихъ провинціальныхъ собраніяхъ обидчивость встрѣчаетъ со стороны Ножичкина страстный отпоръ, въ которомъ такъ и вырисовывается самое характерное отличье его, «новаго» человѣка, больше всего блюдущаго именно свое право, свое достоинство, какъ человѣка.

«— Какъ вы смѣете оскорбляться? — гремитъ онъ. — Кто вы такой? Выбранный нами старшина, обязанный всякому изъ насъ,— слышите *всякому*— давать отчетъ въ каждой копѣйкѣ, истраченной вами...»

Можно подумать, что это Мирабо, отвѣчающій на вопросъ, кто они, эти «всякіе». Но дѣло не въ размѣрѣ событія, не въ предѣлахъ правъ, а въ самой сущности вопроса о правѣ вообще, правѣ, такъ тяжко добытомъ и отстаиваемомъ Ножичкиными отъ посягательствъ. Отсюда и эта страстность человѣка, всѣмъ обязаннаго только себѣ и готоваго на каждомъ шагу стоять за это «свое».

«У него была истина, — маленькая, узенькая истина, но строго обдуманная, математически-ясная, провѣренная жизнью, вѣра въ себя, въ свою силу, въ свое человѣческое право, въ свое будущее. Оттуда выходила его злость человѣка, котораго оскорбляли, его гордость, ревнивое обереганіе своей личности и отъ оскорбленій, и отъ непрошенной помощи, незваннаго участія, его непоколебимая увѣренность въ томъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Съ точки зрѣнія его истины все было такъ ясно и просто, — нужно только неуклонно защищать свою личность, не поступаться правами, нужно вооружаться знаніями, развивать свои силы, имѣть волю хотѣть, имѣть силу мочь. Силы отдѣльнаго человѣка удесятеряются въ обществѣ,—нужно имъ, людямъ трудамъ, людямъ безъ диплома и безъ капитала, соединяться въ общества, чтобы съ удесятеренной энергіей защищать свою личность, развивать свои силы, увеличивать свои знанія. Все остальное онъ отмѣталъ, или проходилъ мимо, или ненавидѣлъ какъ все то, что онъ называлъ старымъ русскимъ хамствомъ, или презиралъ, какъ то, что онъ называлъ «мистикой» и «филантропіей». И какъ всякій человѣкъ, самъ добывшій свою истину, Ножичкинъ неудержимо распространялъ ее и неуклонно проводилъ въ жизнь и въ своихъ рѣчахъ въ нашемъ обществѣ, и въ клубѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ».

Ножичкинъ не только цѣнитъ себя, какъ всякій добившійся положенія лично своими усиліями и энергіей,—нѣтъ. Онъ идетъ дальше и, какъ истый представитель «новаго сословія», глядитъ далеко впередъ. Онъ презираетъ современнаго купца и промышленника, которому было все «дано» и который, поэтому, вырождается въ третьемъ уже поколѣніи и ничего не умѣетъ добиться самъ, а все черезъ «казну-матушку». Они всѣ осуждены имъ на смарку, но

сила знанія дѣла и традиція труда — только въ такихъ людяхъ, какъ онъ, Ножичкинъ, и его товарищахъ, «служащихъ». «Все дѣло торговое въ Россіи мы ведемъ. И традиціи только у насъ однихъ и имѣются, — традиціи людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Но какъ представитель своего сословія, онъ и понимаетъ интересы только *своихъ*, и когда въ разговорѣ одинъ изъ служителей, симпатизирующихъ Ножичкину, хотя и скептически настроенный, задаетъ вопросъ о рабочихъ, которыхъ нельзя обойти ни въ какомъ дѣлѣ, герой нашъ морщится и отмѣкивается очень характернымъ словечкомъ.

«— Онъ мнѣ не товарищъ... Всякъ самъ по себѣ... Хлопочи, добивайся... Я тебѣ сколько говорилъ,—не богадѣльню мы строимъ и не воспитательный домъ.

«— Намъ не по дорогѣ... Такъ, Николаичъ?.. — сумрачный бухгалтеръ улыбнулся.

«— Ну да, не по дорогѣ... — вдругъ разсердился Ножичкинъ. — Я ему дороги не заступаю... Иди, встрѣтимся,—милости просимъ. Только я не благотворитель, не филантропъ...»

Эта черта дорисовываетъ оригинальную фигуру Ножичкина. Именно такъ и долженъ стоять Ножичкинъ въ будущей исторіи, какъ онъ представляетъ ее себѣ, и это хорошо. Прежде всего надо научиться свои интересы отстаивать, такъ какъ самъ онъ весь въ будущемъ, и все остальное ему должно представляться «филантропіей», которая внушаетъ ему одно презрѣніе. Онъ получилъ пока хорошую закалку и съумѣетъ съ помощью ея завоевать свои «права», но теперь ему нелегко, и если бы онъ сталъ увлекаться «филантропіями», не добился бы ничего. Его сила только въ цѣльности его желаній и стремленій, а теперь, пока у него есть воля, чтобы хотѣть, ему еще надо поработать и пережить не одно разочарованіе, пока онъ достигнетъ и «силы мочь». Но чувство справедливости въ немъ живо,—не даромъ онъ всею силою души отстаиваетъ право,—и это чувство внушаетъ ему уваженіе и къ стремленіямъ другихъ. «Хлопочи, старайся... Встрѣтимся, милости просимъ». Въ этихъ словахъ залогъ взаимнаго пониманія двухъ нарождающихся новыхъ общественныхъ силъ, объединяемыхъ общимъ содержаніемъ жизни, общей традиціей — «людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Рядомъ съ Ножичкинымъ стоитъ его жена, типъ, прелестно очерченный авторомъ и тоже оригинальный въ своемъ родѣ. Она не только понимаетъ стремленія мужа, но всѣми силами поддерживаетъ его въ борьбѣ, которой ни мало не боится. Она прошла тоже жестокую школу жизни и вынесла увѣренность въ свои силы. Когда старый почтальонъ, отецъ Ножичкина, совѣтуетъ сыну по-старинкѣ «поклониться» сильнымъ міра сего, смиреніемъ взять то, чего сынъ добивается упорствомъ, она со смѣхомъ разсказываетъ объ этомъ мужу, не смущаясь ни закладомъ вещей, ни гнѣвомъ сильныхъ. Это настоящая подруга жизни, работница, привыкшая стоять рядомъ у станка, смѣло устремляя взоръ въ будущее, которое она завоюетъ для своихъ дѣтей, не пользуясь ни правительственными субсидіями, ни филантропіей. Сдержанная и строгая, она и дѣтей выдержитъ и воспитаетъ въ томъ же сосредоточенномъ, спокой-

номъ стремленіи къ дѣятельной, бодрой и здоровой жизни, къ борьбѣ за свое достоинство, которое она цѣнитъ выше всего. Среди привычной для насъ русской распущенности и разгильдяйства въ семейной и общественной жизни, эта пара представляетъ ячейку новой семьи, «ревниво берегущей свою неприкосновенность отъ посторонних людей», т.-е. самое главное, на чемъ держится культурное общество. Долгъ, дисциплина и выдержка — все новыя для насъ начала, плохо вяжущіяся съ русской небрежностью, невниманіемъ къ себѣ и чужимъ интересамъ, и все это на яко бы общей гуманной подкладкѣ, въ которой по существу ничего нѣтъ, кромѣ лѣни, безхарактерности и позорной неустойчивости.

Таковы представители народившагося за послѣдніе годы новаго сословія, которое требуетъ устами Ножичкина и своей доли въ жизни, и какъ требуетъ! Не слезницами со ссылками на бывшее великолѣпіе и современное оскудѣніе, а указаніемъ на свое право жить, потому что оно имѣетъ волю хотѣть и скоро завоюетъ себѣ волю мочь. Оно только не съорганизовано еще, но всѣми силами стремится къ организаціи, понимая, какая мощь заключается въ единеніи. Поэтому, оно прогрессивно теперь, стоитъ за расширеніе всякихъ правъ, за просвѣщеніе, за всѣ виды общихъ и частныхъ свободъ, ибо при каждомъ шагѣ въ этомъ направленіи съ Ножичкина слетаютъ тѣ или иныя путы, которыя на него надѣты съ рожденія. Что намъ досталось даромъ, ему приходится добиваться величайшими усиліями. Зато, если онъ ужъ добьется чего, — онъ не выпуститъ и безъ бою не отдастъ. Предстоитъ ему тягостная дорога, на которой много разъ придется ему быть побитымъ и поверженнымъ, но каждое пораженіе послужитъ новымъ урокомъ и новымъ стимуломъ къ дальнѣйшей борьбѣ, въ конечномъ итогѣ которой его все же ждетъ побѣда. И это потому такъ, что Ножичкины ни на кого, кромѣ себя, не разсчитываютъ. Эту мысль онъ очень оригинально разъясняетъ на примѣрахъ другихъ, созданныхъ и живущихъ «казной-матушкой».

«— Я еще маленькимъ помню, все, бывало, слышишь: «на казну поставляетъ». Одинъ около тюрьмы пропитывается, другой обмундировываетъ, третій дрова въ казну сдаетъ, четвертый казенные подряды беретъ... И дальше, и выше все то же. Теперь, вотъ, промышленность пошла... Грандіозно!.. Перспективы!.. Техническій прогрессъ!..—передразнивалъ онъ. — Мнѣ-то очки не вотрутъ!.. Все та же казна. Она и родила, она и соской кормитъ. Вонъ у насъ дворянское землевладѣніе сколько вѣковъ существовало,—кажется можно бы на ноги стать, а... вынули соску—какъ вѣтромъ все и вымело... И промышленность тоже... Отвори заграницу, только пыль пойдетъ отъ нашей промышленности. Знаете,—оживленно заговорилъ онъ,—въ чемъ, я думаю, главное наше зло? Все намъ дано, а не взято нами... Дано, дадено... Землей дадено, рудниками, крѣпостными, дадено пошлинами, субсидіями, казенными заказами, а не взято иниціативой, энергіей, образованіемъ, дѣйствительнымъ техническимъ прогрессомъ... Вотъ и вышло, что у насъ только одна традиція и имѣется,—казна! Исторія, что ли у насъ ужъ такая, что все мы дѣлали скопомъ, міромъ, а не отдѣльными личностями,—и государство устраивали...»

Но, какъ вѣрно заключаетъ Ножичкинъ, это уже—исторія. Теперь насту-

наетъ время инициативы, энергіи, образованной личности, которая, не прибѣгая къ казнѣ, а напротивъ, всячески отъ нея отбиваясь, желаетъ лишь одного, чтобы ей не мѣшали, не опекали ее на каждомъ шагу. Эту идею вноситъ Ножичкинъ всюду, куда жизнь приводитъ его, несмотря на всѣ противодѣйствія. Онъ и въ земствѣ, и въ думѣ, и въ мѣстной печати борется за эту идею, за принципъ самодѣятельности противъ бюрократизма, опутавшаго все и всѣхъ такъ, что, въ концѣ концовъ, никто ничего не дѣлаетъ и дѣлать не въ состояніи. Чѣмъ острѣе приходится Ножичкину чувствовать свое безсиліе въ бюрократическихъ тискахъ, тѣмъ усиленнѣе онъ станетъ выбиваться изъ нихъ, такъ какъ ему нѣтъ иного спасенія, какъ въ свободѣ инициативы, въ свободѣ личности—и поменьше опеки.

Предстоятъ ему жестокія испытанія, но бояться ихъ ему не приходится. Разъ выбившись на поверхность, ему нѣтъ ни малѣйшаго разсчета идти назадъ, въ тѣ темныя трущобы, которыя ему хорошо извѣстны. Впереди брезжитъ заманчиво свѣтъ, а глаза у него зоркіе и изъ виду онъ его не упуститъ, какъ бы ни усиливались туманы на пути.

Есть около него и свои мечтатели, безъ которыхъ ни одно дѣло не дѣлается и которые расширяютъ «узенькую» истину Ножичкина, въ родѣ Алеши, влюбленнаго въ своего героя. Этотъ Алеша, только намѣченный въ разсказѣ г. Клпатьевскаго, утопистъ чистой крови, жаждущій обновленія жизни путемъ обширныхъ ассоціацій, мечтающій о томъ, «какъ хорошо было бы, если всѣ маленькія людскія дороги вели на одинъ торный широкій путь подъ свѣтлымъ, высокимъ небомъ». И эти наивныя мечты расширяютъ горизонтъ въ дѣятельности новыхъ людей, даютъ полетъ ихъ мысли и согрѣваютъ ихъ сердца надеждой на возможность лучшей, болѣе человѣческой жизни.

Какъ далеко все это отъ стараго гоголевскаго міра, съ его Чичиковыми, Сквозниками-Дмухановскими, Собакевичами и Ноздревыми! Пусть этотъ міръ еще проченъ, еще живъ, какъ живуча пошлость вообще. Но дни его сочтены, потому что онъ изжилъ себя до глубины, прогнилъ до сердцевины и одряхлѣлъ, какъ старое вѣковое древо, только держащееся до перваго сильнаго порыва вѣтра, который вывернетъ его съ корнемъ и обнаружитъ всѣмъ его изъѣденную червями, истлѣвшую внутренность.

А Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Убійство стариковъ въ Россіи. 67-й полутомъ «Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона» неожиданно вызвалъ весьма оживленную газетную полемику. Въ словарѣ помѣщена статья «Убійство дѣтей и стариковъ», въ которой, между прочимъ, находятся слѣдующія строки: «Удивительнѣе всего, что еще въ недавнее время этотъ обычай (убійство стариковъ) практиковался въ Малороссіи. «Людей старыхъ,—говоритъ г-жа Литвинова,—не подававшихъ надежду на жизнь, вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не разбились или не задерживались на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ они, какъ на саняхъ, доходили до дна оврага. Отсюда: «сажать на лубокъ», «пора на лубокъ». Когда этотъ обычай былъ запрещенъ, то стали прибѣгать къ изолированію стариковъ въ пустой хатѣ, гдѣ они съ голоду и холоду помирали». Такой случай имѣла возможность наблюдать сама г-жа Литвинова въ 80-хъ годахъ въ д. Землянкѣ, Полтавской губ».

Достовѣрность этого утвержденія была заподозрѣна «Полтавскими Губернскими Вѣдомостями», а затѣмъ и «Придпѣпровскимъ Краемъ», сотрудникъ котораго г. Славинскій увидѣлъ во всемъ этомъ «какое-то недоразумѣніе», такъ какъ убійство стариковъ «не вяжется съ характеромъ малорусскаго народа, у котораго въ исторіи скорѣе можно замѣтить слегка преувеличенный культъ старости». Уѣздный землемѣръ г. Пржиборовскій призналъ эти сомнѣнія неосновательными. «Стоя близко къ народу и хорошо зная малороссійскій бытъ по источникамъ и изъ личныхъ наблюденій,—пишетъ онъ въ томъ же «Придпѣпровскомъ Краѣ», нахожу возможнымъ разсѣять сомнѣнія по вопросу «убійства стариковъ». Обычай этотъ существуетъ не только въ Малороссіи, но и въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Новгородской губерніи и лѣсныхъ уѣздахъ Минской губ); въ Малороссіи оно выражается двояко: 1) инициатива «убійства» принадлежитъ самому старику (это скорѣе самоубійство), и 2) инициатива убійства принадлежитъ дѣтямъ деликвента.

Въ первомъ случаѣ старикъ совершаетъ всѣ предсмертныя, ритуаломъ предписанныя дѣйствія (принимаетъ елеопомазаніе, причащается), прощается съ

родными и знакомыми, распоряжется имуществомъ и приказываетъ дѣтямъ вывезти его въ степь на морозъ и тамъ оставить; на утро старика хоронятъ.

Во второмъ случаѣ дѣти привязываютъ старика къ салазкамъ и вывозятъ его, помимо его воли въ степь, на морозъ; для подобнаго дѣянія имѣется даже особый терминъ «посадовити на санки».

Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ дѣти остаются безнаказанны: «громада», очевидно, считаетъ, что старикъ имѣетъ право распоряжаться своею жизнью, и что дѣти имѣютъ право избавить хату отъ лишняго рта.

Недавно, работая въ славяносербскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Первозвановки, я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что обычай существуетъ еще и теперь; дѣло было такъ. При мнѣ, въ качествѣ, понятого (присяжнаго), былъ глубокій старикъ Орестъ Чередниченко; это—типичный хохолъ-старожилъ, помнящій и «венгерца» и «того Гладкого, що запорожців у царьску неволю повернув» и чумачество, имѣющій даже (по разсказамъ, конечно) свѣдѣнія о борьбѣ новопоселенцевъ—сербовъ и волоховъ съ кореннымъ населеніемъ Кальміуской паланки,—словомъ, это интереснѣйшій типъ разумнаго «діда». И вотъ этотъ Чередниченко, споря со своими внуками изъ-завыдѣла на особые дворы, употребилъ выраженіе: «от ви, дурні, перше мене *на саночки посадовить*, а потім вже ділить худобу». Бесѣдуя съ нимъ на тему о раздѣлахъ хозяйства, я попутно выяснилъ значеніе термина «на саночки». По словамъ Чередниченка, обычай «на саночки» въ старые времена имѣлъ обширное примѣненіе, и что даже теперь случается старикамъ умирать въ степи по иниціативѣ дѣтей (онъ называлъ и имена, но къ сожалѣнію, я тогда не записалъ разговора и именъ не помню); послѣдній извѣстный ему случай былъ «як цар Александра Миколаевичъ на турка ходив», т.-е. въ 1877—78 годахъ.

Несомнѣнно, что обычай существуетъ. Прежде онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе съ религіозной точки зрѣнія: старикъ лишалъ себя жизни, не нарушая цѣлости тѣла своего «образа Божія»; теперь причина другая—экономическая. Tempora mutantur—но пережитки времени остаются; такъ остался, хотя и искаженный, обычай «убійства стариковъ».

Г. Славинскій, однако, даетъ иное объясненіе выраженію «на саночки посадовить». Это—пишетъ онъ—своеобразный оборотъ малорусской рѣчи и значитъ просто «похоронить», безъ всякаго намека на убійство стариковъ. Это выраженіе есть отголосокъ древне-русскаго оборота рѣчи. Какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» пишетъ: «Азъ, худый, сѣдя на санѣхъ», т.-е. переводя на современный языкъ: «На смертномъ одрѣ, я...» и т. д. Кромѣ того, существуетъ рукописная миніатюра, изображающая перевезеніе мощей св. Глѣба, на которой изображены сани, а на нихъ гробъ и надпись: «Везутъ святаго Глѣба въ рацѣ каменѣ». Существуютъ и другія свидѣтельства о странномъ обычаѣ древней Руси провожать мертвыхъ въ могилу на саняхъ и зимою и лѣтомъ.

Обычай этотъ исчезъ, но оборотъ рѣчи сохранился въ малорусскомъ языкѣ, какъ вообще въ этомъ языкѣ сохранились многія архаическія формы и выраженія. Странному обороту рѣчи, непонятному выраженію, народъ всегда по-

дыскиваетъ объясненіе,—вотъ,—какимъ путемъ, не берусь рѣшить,—слова «посадовить на саночки» оказались связанными съ существовавшимъ въ народѣ сказочнымъ къ настоящему времени преданіемъ объ убійствѣ стариковъ.

Съ своей стороны «Саратовскій Дневникъ» добавляетъ, что обычай этотъ еще не вездѣ исчезъ. «Въ прошломъ году такіе похороны на саняхъ лѣтомъ пришлось наблюдать хорошо извѣстному намъ лицу въ Бессарабіи. Въ Подольской губерніи, по разсказамъ очевидцевъ,—этотъ обычай имѣлъ значительное распространеніе еще въ 60-хъ годахъ. И, быть можетъ, не вывелся въ глухихъ мѣстахъ и по сей день.

«И у молдаванъ, и у малороссовъ проводы умершихъ стариковъ въ могилу лѣтомъ на саняхъ выражаютъ дань крайняго уваженія. Не хотятъ трясти останки покойнаго, тревожить его. Въ сани запрягаютъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а иногда пять-шесть паръ, смотря по достатку. Такимъ образомъ выраженіе «посадовить на саночки» означаетъ не просто похоронить, а похоронить съ почетомъ».

Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи Въ глуши Макарьевскаго уѣзда земскіе статистики отмѣтили волость, гдѣ всѣ крестьяне поголовно занимаются нищенствомъ. Изъ явленія случайнаго, какъ казалось самимъ крестьянамъ, временное нищенство постепенно превратилось въ правильно организованный промыселъ, перестраиваемый теперь на принципахъ капиталистической промышленности.

Четыре—пять разъ въ годъ всѣ,—и старые, и молодые, и бабы съ грудными ребятами,—снимаются съ мѣста и на лошадяхъ, а у кого нѣтъ—пѣшкомъ разбредаются, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», по разнымъ концамъ Россіи за сборомъ подаянія. Больше всего идутъ въ богатый хлѣбомъ «Яранскъ»—въ Вятскую губернію. Осень, послѣ сбора хлѣбовъ, Великій постъ,—время покаянія и заботъ о душѣ,—нижегородская ярмарка, стягивающая со всей Россіи любящее подавать милостыню купечество,—вотъ наиболѣе благопріятные моменты для отхода на нищенскій промыселъ. Раннею весной подъ предлогомъ набивки погребовъ нищіе направляются вверхъ по Волгѣ, въ фабричные центры. Каждый уходъ обыкновенно продолжается недолго, двѣ—три недѣли. Кто на лошадяхъ, набираютъ хлѣба цѣлый возъ и потомъ тамъ же на мѣстѣ продаютъ его на кормъ скоту, а кто пѣшкомъ, тотъ реализируетъ подаяніе по нѣскольку разъ въ день. Такимъ образомъ эти оригинальные промышленники возвращаются домой съ чистыми деньгами, иногда большими: уплачиваютъ подати, расплачиваются съ долгами и часть пропиваютъ. Иногда, послѣ особенно прибыльныхъ отлучекъ устраиваются въ деревняхъ цѣлыя пиршества, какъ въ храмовые праздники. Годовой заработокъ нищаго простирается до 200—300 руб. въ годъ. При объясненіи причинъ этого страннаго явленія статистики указываютъ на многоземелье, какъ на главную причину столь страннаго промысла. Дѣло въ томъ, что эта волость, состоящая изъ государственныхъ крестьянъ, имѣетъ вдвое болѣе земли, чѣмъ всѣ окрест-

ныя деревни. Но еще задолго до воли, а послѣ воли въ особенности, крестьяне очутились въ затруднительномъ положеніи. Всѣ окружныя деревни, издстари чувствовавшія недостатокъ въ хлѣбѣ, съ незапамятныхъ временъ пріучились къ тѣмъ или инымъ промысламъ, правда, промысламъ черными и тяжелымъ, но все-таки къ сторонними занятіямъ, которыя пополняли дефицитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Скоробогатовцы же всегда были обезпечены землей настолько, что не чувствовали потребности въ сторонних занятіяхъ. Но съ теченіемъ времени земля выпахалась, народились другія потребности, однимъ словомъ, одно земледѣліе не могло уже удовлетворить богатую землей волость, всѣ же промыслы около оказались занятыми. И вотъ въ видѣ временной мѣры крестьяне за непривычкой къ какому-либо промыслу стали уходить зимой за подаяніемъ въ Вятскую губернію. Сначала нищенство носило характеръ скорѣе займа, чѣмъ милостыни. Такъ смотрятъ на нищенство многіе крестьяне и теперь. Но съ теченіемъ времени и временный характеръ промысла, и нравственное его обоснованіе стали мѣняться, и теперь нищенство обратилось въ настоящій промыселъ, наложившій особую печать даже на земледѣліе этихъ промышленниковъ. Это—почти полное отсутствіе яровыхъ посѣвовъ. Дѣло въ томъ, что время ярового посѣва есть также и наиболѣе удобное время для сбора подаяній. Понятно, что земля бросается ради болѣе выгодной и легкой добычи. Съ каждымъ годомъ нищенскій промыселъ развивается все болѣе и болѣе. Раньше ходили только старики, но теперь ходятъ всѣ, такъ какъ земельное хозяйство забрасывается все болѣе и болѣе (по Скоробогатовской волости процентъ безлошадныхъ дворовъ выше, чѣмъ во всемъ уѣздѣ); раньше ходили только зимой и случайно, теперь ходятъ во всякое время года и безъ всякой надежды когда-нибудь перестать нищенствовать. Уже для доброй половины крестьянъ нищенство составляетъ главное занятіе, а земледѣліе — только подсобное. Съ теченіемъ времени измѣнилась и самая организація этого промысла: появляется капитализація—«предприниматели» и «рабочіе». Наиболѣе необезпеченные хозяева, чтобы избѣжать риска, нанимаются къ состоятельнымъ крестьянамъ, получаютъ отъ нихъ понедѣльное жалованье, сравнительно высокое (взрослый — 3—5 руб., а мальчикъ—1 руб.—1 руб. 20 коп.), а всю выручку отдаютъ своему хозяину. Съ другой стороны, появляется раздѣленіе труда: зарегистрирована масса лицъ, занимающихся только фабрикаціей «нужныхъ» для нищихъ документовъ, — о пожарахъ, градобитіяхъ, постройкѣ храмовъ и проч. Очень часто возвращающіеся съ промысла нищіе не досчитываются въ своихъ рядахъ нѣкоторыхъ односельчанъ. Это — задержанные полиціей за подложныя свидѣтельства или за кражи, совершенныя попутно со сборомъ милостыни, и т. п.

Замѣтимъ, что своеобразный промыселъ скоробогатовскихъ крестьянъ не представляетъ ничего исключительнаго въ лѣтописи русской жизни нашего времени, и печать не разъ уже отмѣчала случаи, когда цѣлыя населенныя мѣста обращались къ нищенству, какъ къ послѣднему средству въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Если скоробогатовцы занялись нищенствомъ «отъ многоземелья», то въ Воронежскомъ уѣздѣ недавна еще была «открыта» де-

ревня, занявшаяся этимъ промысломъ «отъ малоземелья», а въ Зѣньковскомъ уѣздѣ нищенскій промыселъ явился на смѣну кустарному, который окончательно пересталъ вознаграждать въ полномъ смыслѣ слова «неусыпные» труды крестьянъ. Причины разныя, но всѣ онѣ бьютъ въ одну точку, указывая на одни и тѣ же ненормальныя условія, въ какихъ протекаетъ жизнь нашего крестьянства, совершенно лишеннаго приспособляемости къ измѣняющимся требованіямъ времени.

Котлочисты. Въ Баку котлочистами называютъ рабочихъ, занимающихся чисткой котловъ на судахъ. Участіе дѣтей въ этомъ цехѣ — явленіе обыкновенное, и съ этой-то категоріей рабочихъ знакомитъ насъ въ «Новомъ Обозрѣніи» г-жа Ведребисели, членъ бакинскаго общества попеченія о дѣтяхъ.

Исторія дѣтей, попадающихъ въ этотъ цехъ работниковъ,— самая обыкновенная исторія маленькихъ людей, на которыхъ гибельно отразилась ненормальная, несчастная жизнь родителей, исторія маленькихъ обездоленныхъ, которыхъ волна жизни взрослыхъ выплеснула на темный берегъ одиночества и голоднаго скитанія.

Освобожденныя отъ необходимой опеки родителей или опеки общества, безъ знаній какого-нибудь ремесла, неграмотныя, они, въ поискахъ за хлѣбомъ, отправляются на пристани и тамъ нанимаются въ котлочисты. Съ 6 час. утра маленькіе котлочисты сидятъ въ темныхъ котлахъ до 12 час., работая при трепетномъ свѣтѣ огарка, прикрѣпленнаго къ трубамъ; послѣ часового перерыва работа возобновляется, продолжаясь до 6 — 7, а нерѣдко и до 9 час. вечера, причемъ случаются и ночныя работы. Котлочистъ въ возрастѣ 8—13 лѣтъ, работая въ сутки 12—13 час., получаетъ поденно отъ 30 до 40 коп.; съ 13 лѣтъ плата повышается, достигая 70 коп. въ день.

Котлочистовъ нанимаетъ обыкновенно подрядчикъ, деньги же выдаетъ имъ приказчикъ, его довѣренное лицо. Отношенія работодателя къ работникамъ и въ этомъ случаѣ самыя обыкновенныя, типичныя для хозяевъ-хищниковъ, но одна особенность соціальнаго строя маленькихъ работниковъ дѣлаетъ ихъ положеніе болѣе тягостнымъ, чѣмъ положеніе вообще рабочихъ въ Баку. Дѣло въ томъ, что въ числѣ котлочистовъ много бѣглыхъ дѣтей, безъ паспорта, безъ чего, какъ извѣстно, личность въ Россіи ничто. Въ этомъ заключается центръ тяжести драматическаго положенія ребенка-котлочиста: при разсчетѣ его сплошь и рядомъ обсчитываютъ подрядчики, и онъ, «въ виду своего незаконнаго проживательства», говоря слогомъ участка, не рѣшается жаловаться на обидчиковъ.

Трудъ котлочистовъ вообще тяжелъ, для дѣтей въ особенности, и если представляется какая-нибудь возможность, они съ удовольствіемъ бросаютъ его; отсюда понятно, какъ неохотно они работаютъ. Замѣтя это, наблюдатель работъ сперва старается подѣйствовать на нихъ окриками, а потомъ побоями. Есть, впрочемъ, и другія средства заставить ихъ работать.

Зачастую малыши отказываются влѣзать въ люки котла, куда ихъ посылаютъ. Тогда подрядчикъ сперва уговариваетъ маленькихъ работниковъ, но потомъ, видя, что это ни къ чему не приводитъ, спаиваетъ ихъ водкой, и

одурманенный мальчикъ съ возбужденными красными глазами лѣзетъ въ тотъ самый люкъ, который нѣсколько минутъ тому назадъ возбуждалъ въ немъ ненависть, страхъ, и проникаетъ въ котелъ; мальчику тамъ душно, темно, но ему не убѣжать изъ котла; подъ вліяніемъ водки, напѣвая уличныя пѣсни, полныя цинизма, онъ сѣчаками отбиваетъ отъ стѣнъ накипь соли; осколки попадаютъ ему въ глаза, онъ морщится, ему больно, тяжело и отъ водки, и отъ душнаго воздуха, а все-таки онъ работаетъ, потому что ему надо ѣсть.

Рано утромъ и послѣ 12 часовъ дня котлочистовъ можно видѣть въ чайныхъ и столовыхъ, которыя помѣщаются возлѣ пристани. Порціи отпускаются имъ по книжкѣ, и запись производится такимъ образомъ, что почти весь заработокъ дѣти оставляютъ тамъ. При этомъ, и пища и обстановка столовыхъ таковы, что только человѣкъ безъ крова, человѣкъ, живущій впроголодь, можетъ сколько-нибудь довольствоваться ими.

Легко представить себѣ моральное состояніе дѣтей-котлочистовъ, которыя цѣлые дни проводятъ то въ котлахъ, то въ «столовой». Пьянство, озлобленіе противъ подрядчика, общеніе съ развращенными татарами, побои, непосильный трудъ, 13-часовое пребываніе въ котлахъ—отъ всего этого въ сердцѣ маленькаго котлочиста шевелится злоба и ненависть ко всѣмъ безъ исключенія. Отсюда его страстное желаніе отомстить кому-нибудь за свою тяжелую долю, желаніе оскорбить кого-нибудь, побить, разбить чужое окно, нашумѣть, устроить скандалъ. Неудивительно, что эти несчастные мальчики, дурные инстинкты которыхъ ничѣмъ не сдерживаются, являются самымъ опаснымъ элементомъ населенія, тревожащимъ мирныхъ обитателей Чемберекента. Дѣти-котлочисты тамъ наводятъ ужасъ. Поэтому, большинство домохозяевъ избѣгаетъ ихъ и прямо гонитъ жильцовъ, какъ только узнаетъ, что они котлочисты.

Буйствуя на улицахъ, котлочисты вносятъ свою разнузданность и въ тѣ дворы, гдѣ они поселяются: безъ всякаго повода со стороны обижаемыхъ дерутся они, пьянствуютъ или обкрадываютъ сосѣдей. Не меньшей жестокостью отличаются и взаимныя отношенія котлочистовъ. Работа котлочиста—трудъ случайный. Въ среднемъ ему приходится работать дней 15. Любопытно знать, на какія средства онъ существуетъ остальные 15 дней?

И вотъ—заключаетъ г-жа Ведребисели—«всякій разъ, когда я встрѣчала пьянаго мальчика-котлочиста съ красными блестящими глазами, и развязной рѣчью, покачивавшагося изъ стороны въ сторону, отчаяніе и стыдъ наполняли мое сердце, стыдъ за себя, за общество, за его равнодушіе къ этимъ маленькимъ обездоленнымъ...»

Какъ собираются пожертвованія. Недавно «Хозяинъ» обратилъ вниманіе на опубликованный Императорскимъ техническимъ обществомъ отчетъ по открытому Обществомъ сбору пожертвованій на памятникъ барону Павлу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатту. Вѣроятно, не многіе изъ читателей «Міра Божьяго» помнятъ, кто такой Шиллингъ и каковы его общественныя заслуги. Поэтому, считаемъ необходимымъ напомнить, что Шиллингъ былъ первымъ изобрѣтателемъ электро-магнитнаго телеграфа. Такъ вотъ, въ опубликованномъ техниче-

скимъ Обществомъ довольно длинномъ спискѣ жертвователей на памятникъ Шиллингу обращаетъ вниманіе тотъ въ высшей степени странный фактъ, что, при совершенномъ отсутствіи пожертвованій со стороны частныхъ лицъ, ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, жертвователями являются исключительно чины городской и уѣздной полиціи, да нѣсколько начальниковъ губерній. Какъ будто съ принадлежностью къ составу полиціи связана исключительная способность оцѣнивать труды ученыхъ дѣятелей! Впрочемъ, если памятникъ изобрѣтателю электро-магнитнаго телеграфа будетъ сооруженъ посильными трудами однихъ только полицейскихъ чиновъ, то этотъ случай надо будетъ признать исключительнымъ, такъ какъ, вообще говоря, полиція умѣетъ возбуждать и общественное настроеніе въ пользу различныхъ дѣятелей и учрежденій, для которыхъ или во имя которыхъ разсылаются въ разные концы Россіи многочисленные листы для сбора пожертвованій.

Весьма интересныя въ этомъ смыслѣ указанія даетъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ» г. М. Ольминскій. Хотя собранныя имъ данныя относятся только къ Якутской области, но общее ихъ значеніе, ихъ, такъ сказать, типичность могутъ быть установлены безъ особеннаго труда всякимъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ условіями обывательской жизни въ любомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества.

«Послѣ польскаго возстанія 1863—1864 гг.,—разсказываетъ г. Ольминскій,—въ С.-Петербургѣ основалось книгоиздательское товарищество «Общественная Польза» съ ген.-м. Гелеоновымъ во главѣ; оно имѣло цѣлью издавать дешевыя книги для удовлетворенія потребности, возникшей среди русскаго народа, преимущественно въ западномъ краѣ. Восточныя окраины, не менѣе нуждающіяся въ дешевой книгѣ, если не были упомянуты въ уставѣ, то и не исключались положительно изъ круга просвѣтительной дѣятельности товарищества. Дѣятельность товарищества дала себя почувствовать населенію Якутской области лишь однимъ фактомъ,—тѣмъ, что здѣшняя полиція получила предписаніе собирать пожертвованія въ пользу товарищества. О присылкѣ книгъ никто и не думалъ.

Этотъ фактъ типиченъ для всего пореформеннаго періода. Ставится ли памятникъ Пушкину или Минину и Пожарскому, учреждается ли гдѣ-то библіотека имени Карамзина, покупается ли домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ, предполагается ли стипендія имени Ломоносова, устраивается ли русскій госпиталь въ Константинополѣ,—каждый разъ летитъ соотвѣтственное предписаніе, собираются на общественныя сходки крестьяне и инородцы, никогда не слыхавшіе именъ ни Пушкина, ни Жуковскаго, ни Ломоносова, ни Карамзина; никто и не пытается выяснить значеніе этихъ историческихъ именъ, не раздается и даже не продается ни одна строчка сочиненій этихъ авторовъ, а требуется лишь одно: деньги!

Здѣсь крестьяне забывали русское имя, а съ нихъ выбивали пожертвованія на русско-православныя школы въ западномъ краѣ; здѣсь инородцы питались кониной и толченой древесной корой, а съ нихъ уже собирались деньги на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ; здѣсь девять изъ десяти никогда не слыхали слова Москва, а ихъ приглашали жертвовать на построеніе православ-

наго храма въ Ниццѣ; якутамъ, бродившимъ по безпросвѣтной тайгѣ, предлагали жертвовать на бульваръ въ Севастополѣ и т. д.

Каковъ былъ практическій результатъ этихъ обращеній? Случалось, что якуты и крестьяне рѣшительно отказывались давать деньги; напримѣръ, на церковь въ Ниццѣ, отговариваясь неимѣніемъ средствъ. Отговорка не всегда достигала цѣли. Въ 1861 г. отказъ крестьянъ давать деньги на памятникъ Пушкину въ Царскомъ Селѣ вызвалъ со стороны олекминскаго полицейскаго управленія вторичное предписаніе волостному правленію (мірской избѣ) «убѣдить крестьянъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ». Памятнику Пушкина почему-то не посчастливилось,—на второе предписаніе получился отвѣтъ: «за всѣми моими убѣжденіями никто изъ крестьянъ желанія жертвовать не объявилъ».

Вѣроятно, энергія полицейскихъ убѣжденій не всегда была одинакова: иногда волей-неволей приходилось платить. Привожу нѣсколько точныхъ данныхъ относительно одного только Олекминскаго округа.

1861 годъ. Собрано: на церкви въ Моздокѣ 15 р., въ пользу погорѣльцевъ Кутаиса 11 р. 70 к.; не далъ результатовъ сборъ на иркутскую публичную библіотеку.

1864 годъ. Вновь на церковь [въ Моздокѣ взыскано 1 р. 20 к. Не дали результатовъ сборы: на устройство православныхъ храмовъ и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ и въ пользу товарищества «Общественная Польза».

1865 г. На памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ съ якутовъ взыскано 50 р., по десяти рублей съ наслега (сельскаго общества) и съ горожанъ 2 руб. 10 коп., среди же русскихъ крестьянъ «жертвователей не оказалось»; зато на соборъ въ Тифлисѣ съ крестьянъ взяли шесть рублей. Горожане дали на стипендію имени Ломоносова 1 р. 16¼ к. и въ пользу башкиръ Оренбургской губ. 3 р. 33½ коп. На часовню у Лѣтняго сада якуты заплатили десять рублей. Не дали результатовъ сборы: на храмы въ Туркестанѣ и на карамзинскую библіотеку.

1867 г. Безуспѣшно повторяется сборъ на карамзинскую библіотеку.

1868 г. На карамзинскую библіотеку взыскали, наконецъ, съ крестьянъ 2 р. 57 к. Кромѣ того, собрано: на часовню въ Царскомъ Селѣ 37 р., въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 53 р. 75 к. и на училища въ западномъ краѣ 18 р. Далѣе, «всѣ цѣнители заслугъ и поэтическаго дарованія Жуковскаго» приглашались къ пожертвованію на покупку дома въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ жилъ Жуковскій. Инородческій голова отвѣчалъ, что среди якутовъ цѣнителей Жуковскаго не оказалось. Въ томъ же году крестьяне обѣщали дать 50 р. на учительскую семинарію въ Иркутскѣ и вслѣдъ затѣмъ получили предложеніе: вмѣсто иркутской семинаріи отдать эти деньги на лечебницу въ Якутскѣ; крестьяне отвѣчали отказомъ; тѣмъ не менѣе эти 50 р. были взысканы съ крестьянъ мѣрами полицейскаго понужденія.

1870 г. Крестьяне и инородцы приглашались къ пожертвованіямъ: въ пользу погорѣльцевъ Енисейска, на памятникъ Хмѣльницкому въ Кіевѣ, на памятникъ первому книгопечатнику Ивану Ѳедорову, на памятникъ Глинкѣ и на церковь въ Константинополѣ. Никто ничего не далъ.

1871 г. Былъ сборъ на памятникъ Ермаку.

1872 г. Собирали на премію имени Сперанскаго и въ пользу общества помощи при кораблекрушеніяхъ.

1874 г. на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ.

1876 г. На бульваръ въ Севастополѣ съ якутовъ взыскано десять рублей.

Чтобы не загромождать статью новыми фактами однороднаго характера, пропустимъ четверть вѣка и обратимся къ осени 1901 года. Новое время внесло новый пріемъ въ сборъ «добровольныхъ» пожертвованій. Приленскіе крестьяне живутъ, главнымъ образомъ, почтовой гоньбой: за перевозку почты на станокъ приходится въ среднемъ около 5.000 р. въ годъ. Выдача производится черезъ полицію два раза въ годъ. Передъ осенней выдачей 1901 г. получено предписаніе: пригласить станочниковъ къ пожертвованіямъ на одно учрежденіе, причемъ опредѣленъ самый размѣръ пожертвованія, именно — два процента съ суммы выдачи. Само собою разумѣется, что «приглашеніе» было очень энергично, и лишь крестьяне немногихъ станковъ посмѣли отказать.

Землетрясеніе въ Шемахѣ. 31-го января въ Шемахѣ произошло страшное землетрясеніе, въ нѣсколько минутъ превратившее городъ въ груду развалинъ. Вслѣдъ за этимъ то, что упѣлѣло отъ землетрясенія обращено было въ пепелъ грандіознымъ пожаромъ. Всѣхъ домовъ разрушено 4.500, подъ обломками которыхъ погребено свыше двухъ тысячъ человѣкъ, главнымъ образомъ мусульманъ.

«Катастрофѣ—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени»—предшествовали съ 8 часовъ утра слабыя колебанія почвы, къ которымъ здѣсь всѣ привыкли. Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни послѣдовалъ глухой подземный гулъ, раздавшійся со стороны сѣверо-западныхъ горъ, подобно перекатамъ отдаленнаго грома, а затѣмъ послѣдовало пять горизонтальныхъ очень сильныхъ ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, которые слились съ волненіями ощутительно вертикальными. Колебанія почвы были до того сильны, что невозможно было удержаться на ногахъ...

«Въ виду зимняго времени, въ каждой лавкѣ горѣли мангалы (жаровни), а потому вполнѣ понятно, что вслѣдъ за первымъ сильнымъ ударомъ показалось и зловѣщее пламя разгоравшагося со всѣхъ сторонъ грандіознаго костра... Что здѣсь, говорятъ, было! Волосъ дыбомъ становится! Привожу слова одного изъ очевидцевъ: «Наступило страшное зрѣлище. Поднялась такая пыль, что въ воздухѣ стало темно, и метавшіеся по всѣмъ направленіямъ люди, растерянные, потерявшіе голову, не узнавали другъ друга. Въ общемъ смятеніи каждый старался спасти себя и своихъ, но, обезумѣвшіе отъ страха и отчаянія, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали... Животныя выли, птица билась о стѣны и ограды. Общій вопль, рыданія, безцѣльные призывы на помощь, оклики родныхъ и близкихъ людей... Дѣти, чудомъ спасшіяся, рыдая спрашивали, гдѣ ихъ родители... Короче,—закончилъ очевидецъ,—для описанія этой картины страданій, отъ которыхъ разрывается сердце, нѣтъ словъ!»

А тѣмъ временемъ шло всесокрушающее шествіе огненной стихіи, обращавшей

уцѣлѣвшей отъ землетрясенія зданія въ груды пепла. Грохотъ падающихъ стѣнъ, потолковъ и балокъ, и дикій свистъ бушующаго огня, уничтожавшаго товары на нѣсколько милліоновъ рублей... Нынѣшнее стихійное бѣдствіе по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ превосходитъ всѣ предыдущія. Больше всего погибло женщинъ и дѣтей, находившихся въ моментъ двухъ первыхъ роковыхъ для злосчастной Шемахи подземныхъ ударовъ въ 11 шемахинскихъ баняхъ. Согласно установившемуся обычаю, наканунѣ столь чтимой мусульманами пятницы, они посѣщаютъ бани, женщины съ полдня до 3 часовъ, а затѣмъ съ 3 часовъ и до наступленія сумерекъ—мужчины. Землетрясеніе застало ихъ врасплохъ и только чудо могло спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, всѣ же остальныя съ дѣтьми погибли подъ рухнувшими сводами. Въ нижней части города нѣтъ дома, гдѣ не производились бы спѣшныя раскопки съ цѣлью отысканія одного, двухъ, трехъ и даже четырехъ труповъ. И здѣсь, въ большинствѣ случаевъ разыскиваютъ женщинъ, которыхъ катастрофа застала врасплохъ за мирными занятіями у семейнаго очага. Кромѣ бань, въ этотъ день у праха двухъ скончавшихся мусульманъ происходили оплакиванія умершихъ, на которыя собралось до 70 женщинъ съ дѣтьми. Всѣ онѣ погибли. Къ раскопкамъ 7 разрушенныхъ мечетей еще не приступлено, но и подъ ихъ развалинами есть много погибшихъ, такъ какъ землетрясеніе случилось въ часъ полуденнаго намаза, который мусульмане, и въ особенности торговцы, живущіе далеко отъ своихъ домовъ, предпочитаютъ совершать въ мечетяхъ. Кромѣ того, въ русско-татарской школѣ погибли учитель и 12 учениковъ. Число всѣхъ погибшихъ въ татарской части города, несомнѣнно, свыше 2 тысячъ. До чего было сильно землетрясеніе, видно изъ того, что въ числѣ 8 большихъ мечетей въ Шемахѣ обрушилась знаменитая Джума-мечеть, нозыблемо простоявшая 9 столѣтій и только за 250 послѣднихъ лѣтъ перенесшая 43 землетрясенія!

«Въ европейской части города количество разрушенныхъ домовъ считается сотнями, но число человѣческихъ жертвъ только десятками.

«Изъ солидныхъ сооруженій разрушены: уѣздное казначейство и въ православной церкви, отстроенной полвѣка назадъ, рухнулъ куполъ, повреждены зданія армянской церкви и городская тюрьма».

Любопытно, что послѣ каждаго сильнаго землетрясенія въ Шемахѣ (а изъ сильныхъ землетрясеній нынѣшнее по счету съ 1806 г.—девятое) неизбѣжно возбуждался вопросъ «объ устройствѣ жителей города Шемахи на новыхъ мѣстахъ и о пособіяхъ, которыя при этомъ должны быть имъ оказаны». Но... какъ только колебанія почвы прекращались, мысль о переселеніи шемахинцевъ забывалась. Въ 1859 г. знаменитый Абихъ вполнѣ точно установилъ, что опасность, которой со стороны землетрясеній Шемаха подвержена болѣе нежели всякое другое мѣсто на Кавказѣ, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ положенія ея на системѣ вывороченныхъ и почти вертикально поставленныхъ пластовъ, принадлежащихъ къ сплошному ряду подземныхъ рифовъ; 2) отъ близости ея къ центру области, подъ которой на весьма большой глубинѣ предполагается фокусъ разрушительныхъ силъ; 3) отъ частаго повторенія въ Шемахѣ землетрясеній, коихъ сила оканчивается по большей части исключи-

тельно на ней и на ея окрестностяхъ. 9-го марта 1860 г. на общемъ собраніи кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества Абихъ закончилъ свой докладъ слѣдующими пророческими словами: «Для Шемахи нѣтъ никакого ручательства, что она когда-нибудь не станетъ добычей катастрофы, которая въ нѣсколько минутъ разрушитъ городъ до тла».

Въ результатѣ упразднили Шемаху, какъ центръ губерніи, переименовавъ эту послѣднюю изъ Шемахинской въ Бакинскую, но городъ Шемаха, хотя въ скромномъ званіи уѣзднаго центра, продолжалъ существовать, пока, наконецъ, надъ ней не сбылось пророчество Абиха, и онъ не былъ разрушенъ до основанія. Надо думать, что теперь-то, по крайней мѣрѣ, мысль, возникшая въ 1806 г., о перенесеніи города въ болѣе безопасное мѣсто будетъ осуществлена, наконецъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

За мѣсяцъ. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ періодической печати о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по продовольственному дѣлу въ мѣстахъ, постигнутыхъ недородомъ.

Для разъясненія характера затрудненій, какія перевозка хлѣба встрѣчаетъ въ Сибири, можетъ послужить слѣдующая выдержка изъ корреспонденціи, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «По какой дешевой цѣнѣ ни купите въ Россіи хлѣбъ, а онъ станетъ дорогимъ, когда провезете до 3 тысячъ верстъ, хотя бы по самому удешевленному тарифу (1/000 к. съ пуда и версты). Прибавьте къ этому невозможность разсчетовъ по времени, благодаря снѣжнымъ заносамъ и другимъ совершенно резоннымъ задержкамъ, могущимъ много разъ случиться на такомъ безпредѣльномъ пространствѣ. Невозможно и привезти хлѣбъ въ большомъ количествѣ заблаговременно, такъ какъ на станціяхъ назначенія негдѣ его хранить. И все-таки наибольшее затрудненіе еще впереди, когда хлѣбъ, наконецъ, прибудетъ на станцію желѣзной дороги и оттуда его нужно доставить гужемъ верстъ за 850 и болѣе. А такихъ пунктовъ не мало. Взять, для примѣра, хоть Змѣиногородскій уѣздъ, Томской губерніи, куда хлѣбъ доставляется до ст. Обь. Сначала находилось множество подводъ, которыя брали по 55 коп. съ пуда. Для продовольственнаго хлѣба и это ужасный, накладной расходъ. Но какъ заработокъ — нѣчто жалкое. Почти мѣсяцъ человѣкъ долженъ провести въ пути, въ лишенной корма мѣстности, чтобы доставить 25 пудовъ зерна и заработать вмѣстѣ съ лошадью 13 руб. 75 коп. Не мудрено, что во многихъ случаяхъ оказалось полное банкротство. Возчики получили впередъ на дорогу для пріѣзда 25 коп.; при насыпкѣ хлѣба уже оказалось недостаточнымъ получить условленныя 10 коп. съ пуда (предполагалось, что 20 коп. будутъ получены по доставкѣ хлѣба домой); пришлось выдавать по 15 коп. съ пуда и болѣе. И все-таки бывали случаи, что нѣкоторые возчики не могли управиться и нужда заставила ихъ продавать часть доставляемаго зерна, чтобы прокормиться. Какая масса недоразумѣній, мелочныхъ разсчетовъ и, можетъ быть, еще болѣе мелочныхъ злоупотребленій, при тысячахъ подводъ! Само собою разумѣется, что число охотниковъ возить хлѣбъ при та-

ихъ условіяхъ стало уменьшаться, и цѣна на извозъ стала сильно возрастать».

Печальныя извѣстія, подкрѣпляемыя оффиціальными данными, получены «Самарской Газетой» изъ Уфимской губерніи. Послѣдствія недорода начинаютъ сказываться. Безхлѣбица съ постояннымъ своимъ спутникомъ—инфекціонными заболѣваніями не дремлетъ. Тифозная эпидемія съ каждымъ днемъ разростается, согласно даннымъ, отпечатаннымъ въ «Уф. Губ. Вѣд.», и нѣтъ никакихъ основаній думать, что она скоро прекратится. Въ декабрѣ было 376 случаевъ брюшного тифа, 11 — сыпного и 9 — безъ обозначенія формы; число пораженныхъ мѣстностей составило 81 селеніе. За январь мѣсяцъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но судя по неполнымъ даже цифрамъ земскаго санитарнаго бюро, обнимающимъ собою только три уѣзда (изъ шести) за періодъ времени отъ 1-го по 15-е января, приходится констатировать скорѣе ростъ, чѣмъ сокращеніе эпидемическихъ заболѣваній. Цынга появилась въ двухъ уѣздахъ—«благополучномъ» Уфимскомъ и «неблагополучномъ» Белебеевскомъ; наиболѣе сильна она въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Белебеевскаго уѣзда. Къ январю въ д. Алексѣевкѣ осталось больныхъ 53 человѣка, и съ этого уровня число цынготныхъ заболѣваній до сихъ поръ почти не сходитъ, изрѣдка колеблясь лишь то въ сторону повышенія, то въ сторону незначительнаго пониженія. Въ остальныхъ селеніяхъ, а ихъ уже четыре, захваченныхъ цынгою, показатель заболѣваній болѣе скромный. Что касается медицинской помощи населенію, то она слабо организована. Существеннымъ тормозомъ въ борьбѣ съ развивающейся эпидеміей является отсутствіе необходимыхъ питательныхъ средствъ. Молока, напримѣръ, пишетъ одна фельдшерица, не всегда достанешь даже для больной.

Въ Вятской губерніи крестьяне избѣгаютъ пользоваться правительственной ссудой. То-же явленіе наблюдается, какъ сообщаетъ «Саратовскій Дневникъ», и въ Саратовской губерніи. По имѣющимся по Новоузенскому уѣзду изъ волостныхъ правленій свѣдѣніямъ оказывается, что изъ всѣхъ 39 волостей самыми бѣдными и наиболѣе нуждающимися въ помощи являются восемь: Верхнекушумская, Дергачевская, Осиново-Гайская, Красненская, Новотроицкая, Черебаевская, Салтовская и Моршанская. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ общества сказанныхъ волостей заявили желаніе пользоваться правительственной ссудой. Въ Верхнекушумской волости обществъ, подавшихъ заявленія, 5, въ Дергачевской—2, въ Осиново-Гайской—4, въ Красненской—1, въ Новотроицкой—3, въ Черебаевской — 2, въ Салтовской — 1 и въ Моршанской — 2. На всѣ эти общества закуплено и отпущено правительствомъ 32.983 п. ржи.

Гораздо большее, въ процентномъ отношеніи, число нуждающихся въ правительственной ссудѣ является изъ тѣхъ жителей селъ и деревень Новоузенскаго уѣзда, которые не входятъ въ составъ сельскихъ обществъ. О нуждѣ ихъ прислали заявленія 33 волости, и правительствомъ отпущено для нихъ въ видѣ безвозвратнаго пособія 10.842 пуд. ржи.

Не безынтересными являются данныя относительно того, какъ неохотно крестьяне-общественники берутъ правительственную ссуду. Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, помимо перечисленныхъ волостей, есть много нуждающихся.

Они не прочь получить ссуду и заявляли объ этомъ; однако, тотчасъ же отказывались отъ нея, какъ только имъ объясняли, что ссуда выдается на условіяхъ, изложенныхъ въ новомъ законѣ о правительственныхъ ссудахъ. Такое явленіе вполнѣ понятно, и объяснять его тѣмъ, что крестьянинъ склоненъ брать и не отдавать, могутъ только злые языки. Крестьянинъ не потому отказывается отъ правительственной ссуды, что не хочетъ платить ее, а потому, что новыя условія уплаты для него слишкомъ обременительны. Ссуду крестьянинъ обязанъ былъ платить и при круговой порукѣ, но тогда онъ имѣлъ извѣстную льготу, которой окончательно лишенъ при уплатѣ ссуды, согласно съ новымъ закономъ. То, что является посильнымъ для крестьянина совмѣстно съ обществомъ, отнюдь не по силамъ самому себѣ.

— Во второй половинѣ января всю Россію облетѣла тревожная вѣсть о новомъ серьезномъ заболѣваніи гр. Л. Н. Толстого. Первыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ болѣзни великаго писателя дали «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» въ корреспонденціи, датированной 30-го января. Корреспондентъ сообщаетъ, что Левъ Николаевичъ, гостя въ имѣніи графини Паниной «Гаспра» въ 11—12 верстахъ отъ Ялты по дорогѣ въ Алупку у подножія Ай-Петри, въ теченіе осени 1901 года чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ удовлетворительно: былъ бодръ, много гулялъ, главнымъ образомъ пѣшкомъ, много работалъ, большею частью по ночамъ. Застарѣлые недуги его (малярія и грудная жаба) почти не безпокоили маститаго писателя.

«Въ ноябрѣ легкій ушибъ, происшедшій по неосторожности графа, заставилъ его слечь въ постель. Онъ уже сталъ оправляться, когда его постигъ рѣзкій и очень мучительный припадокъ маляріи съ невралгическими болями. Онъ окончательно слегъ. Въ это-то время разнеслись въ Москвѣ и Петербургѣ проникшіе и за границу слухи о его тяжкой болѣзни и о близости смерти. Слѣдомъ разнеслись слухи о томъ, что онъ уже умеръ. Отправившись изъ Ялты въ Гаспру, я засталъ графа поправляющимся, опасность, видимо, миновала, и больной, хотя и вопреки требованію врача, въ день моего визита вышелъ на солнечную террасу дачи и работалъ. Домашніе отдыхали послѣ пережитыхъ тревогъ и опасеній. Ничто на близкую опасность не указывало. Предостереженія врача, настаивавшаго на необходимости перестать употреблять тяжелую вегетаріанскую пищу, не исполнялись больнымъ, равно и не исполнялось требованіе врача о строгомъ режимѣ и полномъ покоѣ. Единственная серьезная уступка — было ограниченіе пріема одолѣвающихъ графа визитеровъ и интервьюеровъ. Да и то, когда я велъ переговоры съ графинею Софьею Андреевною, она мнѣ заявила: «Конечно, если кто настаиваетъ на личномъ свиданіи...»

«Декабрь прошелъ удовлетворительно. Приступы маляріи не возвращались. Праздники графъ провелъ въ тѣсномъ семейномъ кругу и много работалъ. Послѣ праздниковъ начались легкія недомоганія. Лечившій Льва Николаевича ялтинскій врачъ Альтшулеръ, просилъ о созывѣ консультаціи. Навѣщалъ больного въ это время извѣстный писатель врачъ С. Я. Елпатьевскій и еще А. П. Чеховъ, также врачъ, хотя и не практикующій. Въ январѣ прибылъ и посе-

лился въ Гаспрѣ семейный врачъ Толстыхъ, г. Щуровскій, лечившій Льва Николаевича еще въ Ясной Полянѣ. 23-го января въ Гаспрѣ состоялся консиліумъ изъ врачей Щуровскаго, Альтшулера и лейбъ-медика Бертенсона. Консиліумъ пришелъ къ убѣжденію, что состояніе больного сравнительно удовлетворительно. Близкой опасности отнюдь не предвидѣлось.

«Простудился ли графъ Левъ Николаевичъ послѣ консиліума, или недугъ таился уже въ организмѣ, но на другой день у него начался очень острый приступъ маляріи тяжкой грудной жабы, сопровождаемый мучительными болями, такъ что пришлось прибѣгнуть къ впрыскиванью морфія. Въ это время началось что-то странное съ сердцемъ: дѣятельность его стала необычайно слабой, пульсъ скачками поднялся до 120-140-160 и дальше до 180.

«Слѣдомъ за грудною жабою обнаружились колющія боли въ лѣвомъ боку и изслѣдованіе выяснило воспаленіе плевры и воспаленіе лѣваго легкаго въ очень широкихъ размѣрахъ, причемъ, однако, температура была не высока. Для поднятія дѣятельности сердца пущена въ дѣло камфора и дигиталисъ. Больной теряетъ силы. Обыкновенно очень терпѣливый и спокойный, теперь онъ непрестанно стоналъ, переставая стонать только въ минуты доставленнаго наркотиками сна или полузабытья, во время котораго наблюдались бредовыя явленія въ легкой формѣ. Два или три послѣдующихъ дня прошли безъ особыхъ перемѣнъ. Надеждъ на спасеніе, въ сущности, уже не было, такъ великъ былъ упадокъ силъ и такъ широко распространился плевритъ и воспаленіе легкаго. Отягчающимъ обстоятельствомъ являлось и то обстоятельство, что плохо работалъ желудокъ, а убѣдить больного принимать не вегетаріанскую пищу не удавалось.

«Я посѣтилъ Гаспру 29-го января днемъ. Въ это время выяснилось, что болѣе воспаленіе и плевритъ не распространяются, дѣятельность сердца удалось нѣсколько оживить, пульсъ упалъ до 100—102 ударовъ. Начинала, повидимому, теплиться хоть слабая надежда, что организмъ поборетъ недугъ и больной оправится».

Послѣдующій ходъ болѣзни превратилъ слабую надежду на выздоровленіе въ полную увѣренность: великій писатель постепенно оправляется, и всѣ зловѣщіе симптомы овладѣвшихъ имъ недуговъ исчезаютъ одинъ за другимъ.

Некрологъ. Въ Парижѣ скончался *Василій Александровичъ Пашковъ*, извѣстный основатель вѣроученія, называвшагося по его имени «пашковщиной». Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни этого во всякомъ случаѣ, выдающагося человѣка.

«Покойный былъ помѣщикомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него имѣется обширное имѣніе Ветошкино, прославившееся своей прекрасной больницей, которое, по слухамъ, переходитъ теперь къ супругѣ покойнаго, какъ и другія его имѣнія.

«На путь сектантства покойный, бывшій раньше полковникомъ гвардіи, вступилъ, благодаря вліянію лорда Редстока, пріѣзжавшаго въ 1874 г. въ Петербургъ и проповѣдывавшаго въ великосвѣтскомъ обществѣ. Проповѣдь лорда

Редстока произвела сильное впечатлѣніе на религіозно-настроеннаго В. А. Пашкова. Онъ усвоилъ тѣ начала, которыя проповѣдывалъ лордъ Редстокъ, развилъ ихъ дальше и, въ свою очередь, сталъ заниматься религіозною проповѣдью, сначала въ великосвѣтскомъ обществѣ, а затѣмъ и среди простого народа. Средствомъ для распространенія его сектантскаго ученія послужило оффиціально утвержденное «Общество распространенія духовно нравственнаго чтенія», задача котораго, по уставу, состояла «въ доставленіи народу возможности пріобрѣтать на самомъ мѣстѣ жительства его и за дешевую цѣну книги св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и сочиненія духовно-нравственнаго содержанія». И вотъ основанное В. А. Пашковымъ общество стало во множествѣ распространять дешевыя брошюры, частью оригинальныя, а частью переведенныя съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ. По отзыву объ этихъ брошюрахъ учебнаго комитета св. синода, въ большинствѣ случаевъ въ отдѣльности онѣ «не представляютъ своего сектантскаго направленія, но когда онѣ читаются въ совокупности и въ извѣстномъ порядкѣ, съ расположеніемъ ихъ по отдѣламъ — тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, какая проводится въ нихъ, обнаруживается со всею ясностью». Въ виду заключенія св. синода о сектантскомъ характерѣ проповѣди В. А. Пашкова, ему въ 1877 г. было воспрещено устраивать религіозно-назидательныя бесѣды, а общество закрыто. Послѣ этого В. А. Пашковъ удалился въ село Крешино, звенигородскаго уѣзда, Московской губ., гдѣ у него имѣется тоже громадное имѣніе, и продолжалъ проповѣдь среди простого народа, а въ другихъ мѣстностяхъ дѣйствовали его послѣдователи (напр., графъ и графиня Бобринскіе въ Тульской губерніи). Въ 1884 г. онъ сдѣлалъ попытку сближенія съ штундистами, баптистами и молоканами, устроивъ въ Петербургѣ съѣздъ сектантовъ. Съѣздъ этотъ былъ прекращенъ, а за дѣйствіями В. А. Пашкова и его послѣдователей св. синодъ предписалъ слѣдить епархіальнымъ властямъ. Послѣ этого самъ В. А. Пашковъ удалился за границу, но и послѣ его отъѣзда продолжали обнаруживаться слѣды его сектантскаго ученія въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Московской и Орловской. Такимъ образомъ, ученіе, начатое въ великосвѣтскихъ салонахъ, среди людей богатыхъ и вліятельныхъ, отразилось и на народной массѣ, а самъ В. А. Пашковъ займетъ довольно видное мѣсто въ исторіи нашего сектантства.

«Прибавимъ, что о В. А. Пашковѣ и его ученіи много писалось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, оно даже фигурировало и въ беллетристикѣ (напр., въ романахъ Боборыкина, кн. Мещерскаго, Б. Маркевича, повидимому, и гр. Л. Н. Толстой имѣлъ его въ виду въ «Аннѣ Карениной»). Печать обыкновенно относилась къ проповѣди покойнаго насмѣшливо, какъ къ аристократической затѣѣ».

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль» — январь. «Вѣстникъ Воспитанія» — декабрь. «Русское Богатство» — январь).

Пятидесятилѣтіе со времени смерти Гоголя, естественно, оживило вниманіе общества и печати къ памяти великаго писателя. Столь же естественно что, въ каждой новой книжкѣ журнала къ тому же предмету направляется прежде всего и вниманіе журнальнаго обозрѣвателя. Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» напечатаны двѣ, касающіяся Гоголя, статьи: первая изъ нихъ принадлежитъ г. Гиляровскому и называется «Въ Гоголевщинѣ», вторая, носящая названіе «Болѣзнь и смерть Гоголя», написана извѣстнымъ психіатромъ г. Баженовымъ. Живо и ярко описалъ свою поѣздку въ «Гоголевщину» г. Гиляровскій, но, какъ и слѣдовало ожидать, поѣздка эта прибавила немного новаго къ уже извѣстнымъ фактамъ жизни и литературнаго творчества Гоголя. Конечно, малѣйшіе штрихи изъ жизни великихъ людей имѣютъ свое значеніе,—свѣжее доказательство этому статья г. Баженова, устанавливающаго именно по такимъ, повидимому, мелкимъ чертамъ жизни знаменитаго писателя діагнозъ его душевной болѣзни,— но не въ этомъ смыслѣ говоримъ мы о цѣнности добытыхъ г. Гиляровскимъ новыхъ данныхъ для біографіи Гоголя. Впрочемъ, одинъ изъ записанныхъ г. Гиляровскимъ, со словъ современницы и дальней родственницы Гоголя Маріи Григорьевны Анисимо-Яновской, разсказовъ можетъ имѣть и значительную литературную цѣнность. Г-жа Яновская утверждаетъ, что на мысль написать «Мертвыя души» натолкнула Гоголя дѣйствительная продѣлка нѣкоего помѣщика Пивинскаго. Дѣло происходило, по словамъ разсказчицы, такъ: «У Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было. Вдругъ,—это еще до меня было,—начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ пятидесяти душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни! А Харлампій Петровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ: «Эге! Не додумались!» И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ пятидесяти душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ, да, кромѣ того, и вся Миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго».

Былъ ли такой фактъ въ дѣйствительности или нѣтъ, дѣло темное. Вѣдь, сама разсказчица говоритъ, что онъ происходилъ «до нея», но достаточно было, конечно, одного существованія во времена Гоголя такого, «всей Миргородчинѣ извѣстнаго», разсказа про продѣлку Пивинскаго, чтобы дать сюжетъ для поэмы геніальному автору «Мертвыхъ душъ». Какъ извѣстно, біографы

Гоголя говорятъ, что тему для «Мертвыхъ душъ» далъ Гоголю Пушкинъ, но не лишена вѣроятія и гипотеза г. Гиляровскаго, высказанная имъ въ такихъ словахъ: «не смѣя отрицать этой версіи, я смѣю полагать, что можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (почему только «подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ»? Развѣ не могло быть и иначе?) происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ».

Осматривалъ г. Гиляровскій и находящіеся въ Яновщинѣ «реликвіи Гоголя». Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе письмо къ Гоголю извѣстной Смирновой отъ 13-го сентября 1851 года. Изъ него г. Гиляровскій приводитъ только начало, гласящее слѣдующее: «Парижскій префектъ полиціи Карлье прислалъ къ государю императору экземпляръ брошюры, изданной Герценомъ. Въ немъ и о васъ, мой святой мужъ, отче Николае, рѣчь идетъ. Бредни этого сумасброда не заслуживаютъ вашего вниманія, устремленнаго въ горнее». «Далѣе,—говоритъ г. Гиляровскій,—предлагается выписка на французскомъ языкѣ всѣхъ мѣстъ изъ брошюры, касающихся Гоголя».

Г. Гиляровскій не комментируетъ этотъ документъ, а онъ, по нашему мнѣнію, очень того заслуживаетъ заслуживаетъ не по имени автора письма, той самой «калужской губернаторши», которой посвящено «святымъ мужемъ, отче Николаемъ» не мало страницъ въ пресловутой «Перепискѣ съ друзьями» и о которой въ романѣ «Отцы и дѣти» Базаровъ говорилъ: «Скверно во рту,—точно писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ начитался», а по другой причинѣ. Брошюра Герцена, о которой писала Гоголю Смирнова, есть, безъ сомнѣнія, «Du developpement des idées» etc., по поводу которой извѣстный графъ А. Ф. Орловъ сказалъ однажды, при встрѣчѣ съ Чаадаевымъ, такія слова: «Въ книгѣ Герцена изъ живыхъ по имени никто не названъ, кромѣ васъ и Гоголя, потому что, должно быть, *къ вамъ обоимъ ничего прибавить и отъ васъ обоихъ ничего убавить, видно, уже нельзя*». Извѣстно письмо Чаадаева къ Орлову по поводу этихъ словъ, письмо, составляющее темное пятно въ жизни Чаадаева, но у насъ теперь рѣчь не объ этомъ; насъ интересуетъ здѣсь другое обстоятельство: Орловъ считалъ Чаадаева неисправимымъ «либераломъ» и взятіе имъ за одну скобку съ Чаадаевымъ и Гоголя ясно показываетъ, что такого же мнѣнія держался графъ и относительно автора. «Переписки съ друзьями».

Чисто патологическую почву, на которой развилась у Гоголя болѣзнь, старается прослѣдить въ статьѣ «Болѣзнь и смерть Гоголя» г. Баженовъ. Путемъ приложенія своихъ спеціальныхъ познаній въ качествѣ психіатра къ детально изученной имъ біографіи Гоголя, г. Баженовъ характеризуетъ натуру Гоголя, какъ «обладающую геніальною художественною интуиціею, но съ дефектами интеллектуальной и моральной сторонъ и вообще очень выраженною дисгармоніею душевныхъ силъ, способностей и дѣйствій». «Гоголь,—говоритъ г. Баженовъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—приблизительно въ теченіе всей второй половины своей жизни страдалъ тою формою душевной болѣзни, которая въ нашей наукѣ носитъ названіе періодическаго психоза, въ формѣ такъ называемой періодической меланхоліи». Статья г. Баженова еще не окончена и по-

тому подвести всѣ итоги его заключеній о душевной болѣзни Гоголя мы не можемъ, но намъ представлялось бы очень желательнымъ, чтобы г. Баженовъ принялъ во вниманіе, при окончаніи своей работы (если, конечно, это уже не поздно) статью профессора Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года», напечатанную въ изданномъ въ честь Н. И. Стороженко сборникѣ «Подъ знаменемъ науки». На основаніи также тщательнаго изученія біографіи Гоголя, г. Кирпичниковъ пришелъ относительно автора «Переписки съ друзьями» въ эпоху ея появленія въ печати и непосредственно слѣдовавшее за этимъ время къ иному выводу.

Такимъ образомъ, мнѣнія гг. Кирпичникова и Баженова о Гоголѣ расходятся, но намъ кажется, что ближе къ истинѣ послѣдній. Будемъ ждать окончанія интересной статьи г. Баженова.

Въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» помѣщена заслуживающая самаго серьезнаго вниманія нашихъ земствъ и нашей интеллигенціи статья елецкаго предводителя дворянства А. А. Стаховича, подъ заглавіемъ «О борьбѣ земства съ лубочною литературою». Необходимость объединенной дѣятельности нашихъ земствъ для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и другими врагами нашей родины, можно сказать, вопіетъ на каждомъ шагу. Яркую иллюстрацію къ такой необходимости даетъ упомянутая статья г. Стаховича. По матеріаламъ всеобщей переписи 1897 года, грамотные составляютъ въ Россіи отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ всего ея населенія. Это въ одно и то же время и очень много, и поразительно мало. Мало потому, что совершенно неграмотныхъ людей, въ Россіи проживаетъ, слѣдовательно, отъ 80 до 90 милліоновъ; много потому, что и цифра грамотныхъ—отъ 30 до 40 милліоновъ человѣкъ, безотносительно говоря, цифра очень почтенная.

Но какою же духовною пищею питается, по крайней мѣрѣ, грамотное населеніе Россіи? Для этой цѣли въ Елецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, не отличающемся по своимъ бытовымъ условіямъ какими-либо рѣзкими отличіями отъ другихъ мѣстностей Великороссіи, производились спеціальныя изслѣдованія. «На вопросы, предложенные гг. учащимъ сельскихъ школъ Елецкаго уѣзда,— говоритъ г. Стаховичъ, — замѣчается ли среди мѣстныхъ жителей охота къ чтенію, въ 1896 — 1897 уч. г. было получено 78% утвердительныхъ отвѣтовъ, а въ 1899 — 1900 г. утвердительные отвѣты составляли 90%». «На вопросы, предложенные тѣмъ же лицамъ въ 1899—1900 г.,—имѣются ли у крестьянъ собственныя книги, послѣдовало 87% утвердительныхъ отвѣтовъ». Но книги, пріобрѣтаемыя крестьянами въ собственность, почти сплошь—лубочныя изданія. «Фактъ, что народъ ежегодно затрачиваетъ на книги и картины приблизительно отъ 800 тысячъ рублей до 1 милліона, покупая, за весьма рѣдкими исключеніями, только лубочныя изданія, ежегодно выпускаемыя въ количествѣ, достигающемъ 4-хъ милліоновъ экземпляровъ (по свѣдѣніямъ, собраннымъ бывшимъ московскимъ комитетомъ грамотности, въ 1892 году издано лубочной литературы 3.929.200 экземпляровъ, причемъ зарегистрированы были еще не всѣ книги), свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, что среди грамотнаго

русскаго люда существуетъ большая потребность въ книгахъ, а съ другой — заставляетъ обратить самое серьезное вниманіе на лубочную литературу». И литература эта, распространяясь все болѣе и болѣе,—обороты лубочниковъ постоянно возрастаютъ,—грозитъ залить собою всю деревенскую Русь.

Г. Стаховичъ излагаетъ содержаніе нѣсколькихъ образчиковъ этихъ въ полномъ смыслѣ слова растлѣвающихъ народный разумъ и народную совѣсть «литературныхъ произведеній». «Характеръ ихъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—таковъ, что заставляетъ смотрѣть на лубочную литературу и большинство картинъ, какъ на противниковъ истиннаго просвѣщенія и воспитательнаго вліянія народной школы, а, слѣдовательно, указываетъ и на необходимость борьбы съ ними».

Но какія же имѣются средства для этой борьбы? У насъ существуетъ нѣсколько интеллигентныхъ книгоиздательствъ, но, минуя многія неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ протекаетъ ихъ дѣятельность, г. Стаховичъ останавливается на относительно дорогой, несмотря на всѣ стремленія къ ея удешевленію, цѣнѣ такихъ изданій. Послѣдняя зависитъ, въ свою очередь, отъ цѣлаго ряда условій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ почти полная недоступность для частной предпріимчивости возможности создать такую широкую, всероссійскую организацію дѣла, которая, силою вещей, повлекла бы за собою удешевленіе книги. Но недоступное или почти недоступное для частныхъ лицъ становится болѣе возможнымъ, если бы за книгоиздательское дѣло взялись земства. «Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ, говоритъ г. Стаховичъ, — выдвигаю не я первый,— этотъ вопросъ уже имѣетъ свою исторію. Вятскимъ и черниговскимъ земствомъ дѣлались попытки изданій учебниковъ еще въ 60-хъ годахъ, и въ настоящее время вятское и саратовское земства издаютъ не только учебники, но и нѣкоторыя другія книги. (Вятскимъ—сочиненія Гоголя; Саратовскимъ— сборникъ произведеній Пушкина и Лермонтова). Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ въ настоящее время настолько назрѣлъ, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ непродолжительномъ времени на путь земскаго книгоиздательства вступятъ и другія губернскія земства».

Первымъ и самымъ и самымъ важнымъ залогомъ успѣшности такого дѣла г. Стаховичъ справедливо считаетъ «солидарность хотя бы нѣсколькихъ губернскихъ земствъ, выражающаяся не только въ томъ, чтобы земства, не издающія книгъ, соглашались покупать въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ размѣрахъ книги, изданныя другими земствами, но и въ томъ, чтобы земства объединились въ самой книгоиздательской дѣятельности, такъ какъ только *при объединеніи* нѣсколькихъ земствъ для книгоиздательской дѣятельности можно въ полной мѣрѣ воспользоваться объединенными многочисленными наблюденіями надъ запросами читателей ихъ народа». Такое объединеніе лучше всего создать, по мнѣнію г. Стаховича, вокругъ одного какого-либо естественнаго центра. Такимъ центромъ г. Стаховичъ считаетъ московское губернское земство, «съ одной стороны потому, что Москва есть естественный центръ книжной торговли вообще и въ такомъ городѣ, какъ Москва, съ меньшими затрудненіями могутъ быть примѣнены къ дѣлу изданія различныя техническія усовершенствованія, а съ

другой стороны потому, что московское земство—одно изъ передовыхъ земствъ. Оборотныя средства для книгоиздательства у земствъ, конечно, найдутся безъ особыхъ затрудненій».

Таковъ проектъ г. Стаховича, которому, конечно, нельзя не сочувствовать но для осуществленія котораго требуется наличность одного чрезвычайно важнаго условія. Это условіе—возможность объединенной дѣятельности нашихъ земствъ на благо страны.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ подвергнутъ обстоятельному обсужденію г. Мякотинымъ въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства». Авторъ останавливается на высказанныхъ многими земцами опасеніяхъ, какъ бы будущая мелкая земская единица не превратилась въ своеобразный исполнительный органъ при особѣ земскаго начальника, и возражаетъ противъ выраженной нѣкоторыми земцами склонности, чтобы въ самую уже идею организаціи мелкой земской единицы былъ внесенъ, поэтому извѣстный компромиссъ, благодаря которому стало бы возможно болѣе или менѣе самостоятельное сосуществованіе двухъ такихъ трудно совмѣстимыхъ началъ, какъ правомощная земская единица и облеченный судебно-административной властью земскій начальникъ. «Компромиссъ,—говоритъ г. Мякотинъ —имѣетъ извѣстное право на существованіе, когда онъ устанавливается по взаимному соглашенію вступающихъ въ него сторонъ и можетъ войти въ жизнь именно въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлило его это соглашеніе. Но онъ утрачиваетъ всякій смыслъ, когда онъ допускается лишь одною стороною и не влечетъ за собою соотвѣтственнаго вознагражденія отъ другой. Между тѣмъ, въ самыхъ земскихъ собраніяхъ прошлаго года неоднократно дѣлались указанія, что настоящее время представляется очень малоблагопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ расширенія земской организаціи. Авторы такихъ указаній, несомнѣнно вполнѣ справедливыхъ, шли еще дальше и выражали опасенія, что составленные земствомъ проекты послужатъ поводомъ къ сокращенію существующихъ земскихъ учрежденій въ пользу мелкой земской единицы, которой, къ тому же, будетъ приданъ нежелательный земству видъ. Подобныя опасенія нельзя не назвать чрезмѣрно преувеличенными. Прежде всего, молчаніе земствъ само по себѣ еще не можетъ служить помѣхой какимъ бы то ни было проектамъ, зарождающимся въ иныхъ общественныхъ сферахъ. Съ другой стороны, отсутствіе гарантіи успѣха земскихъ проектовъ не должно, конечно, составлять препятствія къ высказыванію земствомъ своихъ взглядовъ и желаній, такъ какъ знакомство съ ними при всякихъ обстоятельствахъ является равно цѣннымъ для общества и правительства. Но при такихъ условіяхъ, когда не имѣется основаній разсчитывать на немедленное практическое осуществленіе этихъ взглядовъ и желаній и есть даже возможность столкновенія ихъ съ противоположными, нѣтъ и нужды облекать ихъ въ форму компромисса, а желательно, напротивъ, выразить ихъ во всей ихъ опредѣленности и полнотѣ, чтобы тѣмъ самымъ избѣжать всякихъ недоразумѣній».

Соображенія г. Мякотина совершенно вѣрны, но намъ кажется, что ихъ можно было бы продолжить нѣсколько дальше и задать сторонникамъ указанныхъ г. Мя-

котинымъ компромиссовъ такіе, напр., вопросы: отчего зависитъ то обстоятельство, что «настоящее время представляется очень малоблагопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ земской организаціи»? Причинъ на это, разумѣется, много, но не находится ли въ ихъ итогѣ и слишкомъ ужъ ограниченное количественно и качественно число исходящихъ отъ земствъ проектовъ расширенія земскаго самоуправленія? Молчаніе—знакъ согласія, говоритъ пословица. Реформы въ желательномъ для прогрессивныхъ земцевъ смыслѣ никогда не могутъ реализоваться, если и тѣ немногіе «гласные» органы, которые на то и «гласные», чтобы подавать «гласы», будутъ налагать на уста свои печать молчанія или прибѣгать къ компромиссамъ. Голосъ земскихъ людей есть въ значительной степени голосъ страны, совершенно несчитаться съ нимъ невозможно, и путь компромиссовъ въ этомъ дѣлѣ является наименѣе цѣлесообразнымъ. Многіе и многіе земцы, являясь въ принципѣ сторонниками мелкой земской единицы, опасаются возможности сосуществованія ея на практикѣ съ строемъ деревенской жизни, созданной положеніемъ 12-го іюня 1889 года. Но тогда въ своихъ проектахъ организаціи мелкой земской единицы и ходатайствахъ о ея введеніи слѣдуетъ, именно, не только указать на это обстоятельство, но и подчеркнуть его, безъ компромиссовъ, безъ нашего русскаго «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой,—нельзя не признаться», а точно, ясно и отчетливо. При такихъ и только при такихъ условіяхъ голосъ земскихъ людей производитъ впечатлѣніе, а пропорціонально этому увеличиваются и шансы на осуществленіе въ жизни ихъ проектовъ. Вотъ что хотѣли бы добавить мы къ совершенно правильнымъ взглядамъ на данный вопросъ г. Мякотина.

Въ той же книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена интересная статья г. Кирьякова «Съѣздъ учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзднаго земства». Сверхъ весьма обстоятельнаго описанія картины происходившаго въ Москвѣ съ 17-го по 25-е августа прошлаго года съѣзда учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзда,—«перваго учительскаго съѣзда не только Московской губерніи, но и всей Россіи, послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва», — авторъ останавливается довольно подробно на любопытныхъ перипетіяхъ, которымъ подвергался у насъ вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ въ недавнемъ прошломъ. Минуя различныя, относящіяся сюда, интересныя детали, мы остановимся на сообщеніи г. Кирьякова о докладѣ учительницы В. А. Соколовой на тему «О правахъ и обязанностяхъ преподающихъ въ народныхъ училищахъ по существующимъ законоположеніямъ». О «правахъ» говорить много г-жѣ Соколовой не пришлось, ибо такія «права», какъ возможность получить за свыше чѣмъ десятилѣтнюю непрерывную службу, по представленію начальства, серебряную медаль «за усердіе» или присвоеніе званія личнаго почетнаго гражданина, едва ли могутъ возбуждать особенно сильныя эмоціи. Вотъ «обязанности»,—это другое дѣло. «Масса обязанностей,—говорилось въ докладѣ,—лежитъ на современномъ народномъ учителѣ. Отъ него требуется, кромѣ воспитанія дѣтей въ строго опредѣленномъ направленіи, обученіе ихъ, прежде всего, предметамъ школьнаго курса

и затѣмъ церковному пѣнію, гимнастикѣ, рукодѣлію, ручному труду, ремесламъ—переплетному, столярному, токарному и т. д., раціональному огородничеству, земледѣлію, садоводству, пчеловодству, шелководству, куроводству и т. д., и т. д. Это въ будни. Въ праздники — онъ обязанъ съ учениками посѣщать церковь, гдѣ или просто самъ поетъ на крилосѣ, или управляетъ хоромъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ долженъ служить «примѣромъ» для населенія, т.-е. онъ не долженъ, прежде всего, «пить, курить и любить», долженъ быть снисходителенъ къ дѣтямъ, ласковъ со всѣми и почтителенъ къ начальству. Начальства же у него, даже ближайшаго, тьма—директоръ, инспекторъ, предсѣдатель и члены училищнаго совѣта, лица, приглашенныя по 41 ст., члены городской или земской управы, земскіе начальники, мѣстные землевладѣльцы, законоучитель и попечитель школы, волостной старшина, сельскій староста, даже исправники, становые и урядники. Все это многочисленное начальство требуетъ отъ учителя или подчиненія, или почтенія и уваженія и слѣдитъ за нимъ въ сотни глазъ—и за его работой, и за его поведеніемъ, контролируетъ и направляетъ его педагогическія, религіозныя и политическія убѣжденія».

Чтобы доказать, что въ словахъ г-жи Соколовой нѣтъ ни преувеличенія, ни даже простого сгущенія красокъ, г. Кирьяковъ рекомендуетъ читателю припомнить «инструктивные» труды г. г. Яблочковчихъ, Тарновскихъ и другихъ оффиціальныхъ руководителей народныхъ учителей. Припомнить, это дѣйствительно, слѣдуетъ. Вѣдь, эти господа, справедливо говоритъ г. Кирьяковъ,—«составили цѣлый новый спеціально учительскій «Домострой», въ которомъ было предусмотрѣно положительно все, до мелочей, въ учительской жизни... Благодѣтели эти разсказываютъ въ своихъ книгахъ, какая жена нужна народному учителю, на что она ему нужна и какъ ему обходиться съ нею и съ своими дѣтьми, если «Богъ его благословитъ ими». Но и послѣ такихъ подробныхъ наставленій относительно женитьбы г. г. Яблочковы и Тарновскіе все же не довѣряютъ учителю (а ну, да какъ онъ, пожалуй, выберетъ себѣ такую, какая ему не «благоприличествуетъ») и обязываютъ его свой выборъ «повергать» на ихъ утвержденіе». И да всѣ свои благодѣянія гг. Яблочковы и Тарновскіе предписываютъ народному учителю только одно... почитать начальство... Почитать начальство при этомъ предписывается не какъ-нибудь, а сообразуясь съ рангомъ каждаго. Батюшкѣ, напр., слѣдуетъ «цѣловать руку, прислуживать и не надоѣдать; попечителя поздравлять съ праздникомъ и посѣщать, если онъ изъ «сѣрыхъ», а если онъ «бѣлой кости», т.-е. изъ дворянъ, то «оказывать ему всевозможное почтеніе и услуги, поздравлять съ праздникомъ, но въ передней...» Инспектору, когда онъ пріѣдетъ съ ревизіей, должно «изготовить чистую постель и обѣдъ изъ самой лучшей провизіи, какая имѣется въ домѣ».

И за все это вознагражденіе... но это предметъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы на немъ останавливаться.

За границей.

Германская общественная жизнь. Чрезвычайно симпатичное учрежденіе находится въ Берлинѣ въ Брюкенштрассе. На домѣ подъ № 8 виднѣется доска съ надписью: «Arbeiterinnenheim; geöffnet von 12 bis 2 Uhr und von 6 bis 10 Uhr.» (Пріютъ для работницъ; открытъ съ 12 до 2-хъ часовъ и съ 6 до 10). Годъ тому назадъ пріютъ этотъ помѣщался въ подвальномъ этажѣ и мало кому былъ извѣстенъ, такъ какъ волей-неволей долженъ былъ ограничивать свою дѣятельность весьма узкими рамками. Но теперь времена измѣнились, съ октября прошлаго года пріютъ занимаетъ хорошее просторное помѣщеніе и привлекаетъ много посѣтительницъ; посѣтители же не допускаются, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ. Посѣтительницы пріюта большею частью фабричныя работницы, бездомныя дѣвушки и женщины, которымъ пріютъ даетъ убѣжище, замѣняя имъ собственный уголъ, котораго онѣ лишены. Большинство этихъ дѣвушекъ и женщинъ ютилось раньше въ ночлежныхъ домахъ, не имѣя возможности платить за квартиру, и для такихъ несчастныхъ пріютъ является истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ тамъ за самую умѣренную плату онѣ имѣютъ чистое хорошее помѣщеніе и хотя и скромный, но необходимый домашній комфортъ и хорошую пищу, обѣдъ, завтракъ, бутерброды, кофе, чай, какао и т. п. Пріютъ не есть благотворительное учрежденіе и такъ какъ съ посѣтительницъ взимается плата, то онѣ не чувствуютъ себя въ положеніи лицъ, которымъ благотворятъ. Если работница можетъ заплатить за обѣдъ, то она обѣдаетъ, если нѣтъ она покупаетъ себѣ бутербродъ, кофе или какао—однимъ словомъ, каждая расходуетъ лишь столько, сколько можетъ и, кромѣ того, не чувствуетъ надъ собою никакой опеки, потому что посѣтительницы пріюта пользуются полною свободой, онѣ могутъ приходить, уходить, требовать для себя въ буфетѣ пріюта то, что имъ нужно или совсѣмъ не брать ничего оттуда, пользуясь только ночлегомъ — однимъ словомъ, никто и ни въ чемъ ихъ не стѣсняетъ, лишь бы онѣ не нарушали спокойствія и вели себя прилично. Къ услугамъ посѣтительницъ находится небольшая библіотека, гдѣ получаются газеты и журналы, и свѣтлая удобная пріемная, гдѣ онѣ могутъ заниматься взятою на домъ ручною работой. Въ личную жизнь работницъ никто не вмѣшивается, но руководительницы этимъ учрежденіемъ всегда стараются вступить въ болѣе тѣсное общеніе со своими посѣтительницами, снискать ихъ довѣріе и заинтересовать ихъ въ дѣлахъ пріюта, такъ что нѣкоторыя изъ посѣтительницъ становятся настоящими помощницами учредительницъ. Кромѣ того, вступивъ въ болѣе близкія отношенія съ посѣтительницами пріюта, распорядительницы получаютъ возможность оказать имъ поддержку и помощь въ нѣкоторыя критическія минуты. Къ сожалѣнію составъ посѣтительницъ мѣняется очень часто; непрочность заработка заставляетъ ихъ перекочевывать изъ одного конца города въ другой, и тогда посѣщеніе пріюта волей-неволей прекращается и прерывается связь, установившаяся между ними и руководительницами этого учрежденія.

Въ этомъ году пріютъ расширилъ свою дѣятельность, и такъ какъ помѣ-

щеніе достаточно просторно для этого, то въ пріютѣ устраивались зимой увеселительные вечера, спектакли и небольшіе концерты. Подъ руководствомъ учительницы пѣнія, организованъ былъ очень недурный хоръ. Нѣсколько разъ въ теченіе зимы устраивались въ залѣ пріюта публичныя лекціи по разнымъ научнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Плата, взимаемая съ посѣтительницъ, до сихъ поръ была достаточна для покрытія расходовъ пріюта и только лица, занимающіяся въ этомъ пріютѣ, большею частью работаютъ даромъ, ради прекрасной идеи этого учрежденія.

Въ германскомъ обществѣ и печати продолжается ожесточенная полемика противъ таможенныхъ проектовъ правительства. Курьезнѣе всего, что въ коммиссіи рейхстага, занимающейся обсужденіемъ этого законопроекта, представители правительства, вслѣдствіе чрезмѣрности аграрныхъ требованій, постоянно оказываются на сторонѣ оппозиціи. Судьба таможеннаго законопроекта все еще не выяснилась и попрежнему служитъ предметомъ публичныхъ обсужденій, лекцій, докладовъ и статей. На послѣднемъ засѣданіи соціальнополитическаго союза трое лицъ говорили рѣчи о торговополитическомъ положеніи Германіи: профессоръ Лотцъ, Шумахеръ, начальникъ высшей коммерческой школы въ Кельнѣ и Поле, профессоръ франкфуртской академіи соціальныхъ и торговыхъ наукъ. Лотцъ говорилъ противъ новой торговой политики правительства, а Шумахеръ и Поле за нее. Это вызвало новую полемику, именно потому, что Поле и Шумахеръ находятся въ коммерческихъ институтахъ, а между тѣмъ, защищаютъ «вредный для торговли таможенный законопроектъ». Эта борьба двухъ теченій кладетъ свой отпечатокъ на всю общественную и политическую жизнь Германіи въ данный моментъ. Только недавно шумъ, произведенный газетою «Vorwärts», опубликовавшей тайный документъ, касающійся проектируемаго увеличенія германскаго флота, отодвинулъ на время на задній планъ таможенный законопроектъ. «Vorwärts» и на этотъ разъ оправдалъ свою репутацію разгласителя правительственныхъ тайнъ. Если въ этой, всегда прекрасно освѣдомленной газетѣ, появляется какое-нибудь свѣдѣніе или печатается какой-нибудь тайный документъ, то никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ его подлинности. Въ Германіи даже въ шутку говорятъ, что существуютъ два оффиціозныхъ органа «Norddeutsche Allg. Zeit.» и «Vorwärts», такъ какъ сообщенія, появляющіяся въ той или другой, всегда почерпнуты изъ правительственныхъ источниковъ.

Скандалъ, который произвелъ «Vorwärts» своими новыми разоблаченіями былъ очень великъ, такъ какъ газета доказала, какъ дважды два четыре, что рейхстагъ, вотировавшій законопроектъ объ увеличеніи флота, былъ *намѣренно* введенъ въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ опубликованной «Vorwärts'омъ» скромной запискѣ морского министра заключались, между прочимъ, слѣдующія строки: «Пришлось временно оставить безъ вниманія при разсчетахъ соотвѣтствующее увеличивающемуся количеству судовъ наростаніе расходовъ на ихъ содержаніе, такъ какъ тогда получились бы такія высокія цифры постоянныхъ расходовъ, что осуществленіе законопроекта оказалось бы невозможнымъ безъ новыхъ на-

логовъ, *а это сдѣлало бы его проведеніе въ рейхстагѣ крайне затруднительнымъ*».

Кажется, смыслъ этихъ строкъ былъ вполнѣ ясенъ, но министръ Тирпицъ, отвѣчавшій на запросъ, сдѣланный по этому поводу въ рейхстагѣ, всячески пытался доказывать, что печать, поднявшая шумъ, не поняла этого мѣста, такъ какъ оно «можетъ быть понято только спеціалистами», людьми, посвященными въ тайны военнаго и морского вѣдомства и т. д., и т. д. Но объясненія Тирпица ничего не разъяснили и припертый къ стѣнѣ Бебелемъ, который въ страстной и блестящей рѣчи разбилъ его въ пухъ и прахъ, Тирпицъ искалъ спасенія въ обвиненіи «Vorwärts'a» въ пользованіи украденнымъ документомъ. Это былъ маневръ, посредствомъ котораго Тирпицъ хотѣлъ перенести пренія на другую почву и это ему удалось, такъ что совершенно неожиданно, не министру, а Бебелю и его партіи пришлось защищаться отъ нападокъ. Бебель вынужденъ былъ, наконецъ, выступить съ горячей отповѣдью въ защиту чести своей партіи: «Я заявляю,—сказалъ онъ,—что мы не заплатили ни гроша за опубликованные документы. Мы рѣшительно никого не подстрекали доставлять ихъ и не знаемъ откуда они получаются. Министръ требуетъ, чтобы я назвалъ имя приславшаго. На это я отвѣчу: я бы не назвалъ его имя, даже если бы зналъ его, такъ какъ это дѣло чести, но я не знаю его. Въ редакціи «Vorwärts» тоже его не знаютъ. У насъ нѣтъ въ распоряженіи никакихъ секретныхъ фондовъ, посредствомъ которыхъ мы могли бы подстрекать людей къ злоупотребленію довѣріемъ...»

Послѣ Бебеля такъ же страстно и убѣдительно говорилъ Евгеній Рихтеръ, доказывавшій, что Тирпицъ уже не въ первый разъ относится къ рейхстагу не вполнѣ добросовѣстно. Положеніе Тирпица во время этихъ рѣчей было не завидное. Вообще не очень находчивый, онъ тутъ окончательно растерялся и или просто молчалъ, оставляя обращенные къ нему вопросы безъ отвѣта, или ограничивался формальными возраженіями. Дѣло могло бы кончиться большимъ скандаломъ, если бы Тирпица великодушно не взяли подъ свою защиту другіе ораторы, доказывавшіе, что объ обманѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи и т. д. На первый взглядъ эти усилія обличить Тирпица кажутся странными, но если вспомнить, что всѣ эти партіи вотировали въ пользу увеличенія флота, то дѣло становится понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ не очень-то пріятно считать себя обманутымъ, и въ особенности непріятно сознаваться въ этомъ парламентскимъ партіямъ, претендующимъ на дальновидность своей политики. Во всякомъ случаѣ это спасло Тирпица и только благодаря этому, конечно, всѣ партіи, за исключеніемъ партіи Рихтера и Бебеля, подали голосъ за Тирпица при вотированіи министерскаго доклада.

Американская фабрика-клубъ. Нью-іоркская конференція мира. Театры и щедрость американцевъ. На послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ американскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе фотографическіе снимки нѣкоторыхъ американскихъ фабрикъ, указывающія тѣ реформы, которыя вводятся въ Америкѣ въ области фабричнаго труда, чтобы сдѣлать этотъ трудъ

болѣе веселымъ и пріятнымъ. Къ числу фабрикантовъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, находится нѣкто Феррисъ, владѣлецъ громадной корсетной фабрики въ Нью-Іоркѣ. Онъ потратилъ много усилій на то, чтобы придать красоту фабричному зданію. Фасадъ этого зданія обвитъ плющемъ, совершенно закрывающимъ кирпичную кладку, а листья обрамляютъ окна, какъ въ какомъ-нибудь коттеджѣ. Внутри фабрики все выкрашено бѣлою краскою. Зданіе имѣетъ крестообразную форму, и, поэтому, залы, занимающія ширину и длину каждаго крыла, получаютъ свѣтъ съ трехъ сторонъ. Бѣлыя занавѣски у оконъ придаютъ заламъ болѣе уютный видъ и смягчаютъ свѣтъ, такъ что мастерскія устроенныя въ этихъ залахъ, ничего не имѣютъ общаго съ грязными и темными помѣщеніями, въ которыхъ обыкновенно рабочимъ приходится проводить все свое время.

Вообще за послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ обнаруживается серьезное движеніе въ пользу улучшенія не только домашняго быта рабочихъ но и ихъ положенія на фабрикѣ. «Надо придать фабрикѣ болѣе привлекательную наружность. Съ тѣхъ поръ, какъ рабочій переталъ работать у себя на дому, фабрика превратилась въ его промышленный домъ (industrial home), надо, слѣдовательно, сдѣлать его болѣе пріятнымъ для рабочаго» говорятъ вожаки движенія». И дѣйствительно въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи украшенія фабрикъ, въ Америкѣ, какъ всегда, возникло настоящее состязаніе. Одна огромная типографія въ Нью-Іоркѣ выкрасила въ бѣлую краску всѣ свои типографскія машины, которыя рабочіе прозвали «бѣлымъ эскадрономъ». На извѣстной фабрикѣ консервовъ Гейнце стекла оконъ разрисованы и на нихъ красуются разные девизы и виды фабрики, такъ что мастерскія декорированы словно залы для какого-нибудь празднества.

Тамъ, гдѣ художественныя украшенія считаются не у мѣста, принимаются другія мѣры, чтобы сдѣлать пребываніе рабочаго на фабрикѣ болѣе сноснымъ. Конечно, первое мѣсто принадлежитъ въ данномъ случаѣ гигіеническимъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью сохраненіе здоровья рабочаго. Въ одной изъ большихъ кузнечныхъ мастерскихъ въ Бруклинѣ устроены особыя приспособленія для предотвращенія пыли и, кромѣ того, при мастерской находятся туалетныя комнаты для рабочихъ, гдѣ устроены души, для того, чтобы онѣ могли хорошенько вымыться послѣ своей грязной работы. Затѣмъ тутъ же помѣщается бассейнъ съ проточною водой, гдѣ рабочій полощетъ свою одежду, которую онъ затѣмъ, при помощи механическаго пресса, выжимаетъ въ одинъ мигъ и кладетъ въ паровую сушильню. На другой день онъ можетъ переодѣться въ сухую и чистую одежду, уходя съ фабрики и оставить ту, которая была на немъ, прополаскавъ ее и положивъ въ сушильню. Во многихъ фабрикахъ уже введены бани для рабочихъ, и каждый рабочій имѣетъ право пользоваться ими даромъ разъ въ недѣлю. Нѣкоторыя фабрики даже соперничаютъ между собой относительно лучшаго устройства ваннъ и т. п. Кромѣ того, большинство большихъ заводовъ устроило столовыя для рабочихъ, гдѣ въ полдень они получаютъ горячій завтракъ. «Хорошо накормленныя работницы гораздо лучше работаютъ,» сказалъ директоръ одного большого промышленнаго заведенія, въ ко-

торомъ работали женщины, французскому журналисту, осматривавшему мастерскія и столовую.—«Я трачу по четыре съ половиною су на завтракъ на каждую работницу, но онѣ съ избыткомъ вознаграждаютъ меня за это своею работой».

Въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія что, сколько существуетъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ, столько существуетъ и различныхъ плановъ, направленныхъ къ улучшенію фабричнаго быта рабочихъ. Американскіе фабриканты обнаруживаютъ большую заботливость о здоровьи своихъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи существуетъ между нимъ весьма похвальное соревнованіе. При многихъ заводахъ устроены клубы для рабочихъ. На упомянутой раньше фабрикѣ консервовъ Гейнце устроены на крышѣ висячіе сады, а надъ мастерскими помѣщается зала на 2.500 человѣкъ, въ которой устраиваются празднества для рабочихъ, концерты и конференціи. На фабрикѣ въ Бриджпортѣ для клуба рабочихъ устроено отдѣльное зданіе на берегу, между Нью-Іоркомъ и Ньюпортомъ, которое почему-то прозвали «дворцомъ американскихъ удовольствій». И дѣйствительно, это настоящій дворецъ, выстроенный фабрикантомъ. Огромная внушительная прихожая сообщается съ одной стороны съ концертною залой и пріемной, съ другой—съ библіотекой. Кромѣ того, въ этомъ же зданіи находится танцовальный и театральный залъ, ресторанъ, профессіональные классы и свободные курсы разныхъ наукъ.

Но не вездѣ, разумѣется, строются такіе дворцы для клуба рабочихъ. Компанія конно-желѣзныхъ дорогъ устроила клубы въ депо, гдѣ кондуктора организуютъ иногда театральныя представленія, для чего они соорудили небольшую сцену. Во многихъ фабрикахъ клубъ существуетъ пока еще только въ зародышѣ, въ формѣ рекреаціонной залы, гдѣ въ полдень собираются рабочіе и работницы, читаютъ, играютъ въ игры, а иногда занимаются пѣніемъ и музыкой.

Самымъ типичнымъ фабричнымъ клубомъ слѣдуетъ считать тотъ, который существуетъ при одномъ заводѣ въ Огіо (National Cosh Bhegister Company) и представляетъ федерацію тридцати различныхъ обществъ, гимнастическихъ, литературныхъ, педагогическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ, члены которыхъ всѣ находятся подъ одною крышей. Тамъ устроены классы для всѣхъ возрастовъ, ясли куда работницы помѣщаютъ своихъ дѣтей, когда отправляются на работу. Для лекцій, которыя читаются взрослымъ фабрика заготовила 5.000 картинъ для волшебнаго фонаря по всѣмъ отраслямъ науки и искусства.

Американцы установили теперь новый тезисъ: великодушіе патроновъ, говорятъ они, приноситъ выгоды имъ же самимъ, значитъ «филантропія вознаграждаетъ». Одинъ изъ изслѣдователей этого любопытнаго движенія въ Америкѣ говоритъ: «Въ современной промышленности существуетъ два періода: въ первомъ періодѣ всѣ усилія были направлены къ усовершенствованію машинъ, во второмъ—къ усовершенствованію живого орудія производства, т.-е. рабочаго... Поэтому, теперь американскіе заводчики съ такимъ же удовольствіемъ распространяются о соціальномъ прогрессѣ, достигнутомъ ими на своей фабрикѣ, какъ и о своихъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Они гордятся первымъ столько же, какъ и послѣдними.

Желая заинтересовать рабочихъ въ усовершенствованіи производства, многіе фабриканты учредили преміи для мужчинъ, женщинъ и дѣтей за полезную идею какой-нибудь реформы въ производствѣ или усовершенствованіе способа. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ фабрикахъ устраиваются ежемѣсячно совѣщанія съ рабочими, касающіеся различныхъ нововведеній и дѣлъ фабрики. Вообще въ Америкѣ стремятся къ тому, чтобы установить болѣе нормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, на это указываетъ, между прочимъ, и «конференція мира», состоявшаяся недавно въ Нью-Іоркѣ, въ которой участвовали всѣ выдающіеся американскіе магнаты «трёстовъ», вожди рабочихъ и люди нейтральнаго образа мыслей. Конференція эта имѣла цѣлью урегулировать отношенія между рабочими и работодателями и послѣ непродолжительныхъ преній единогласно вотировала учрежденіе постоянной комиссіи, которая состояла бы изъ равнаго количества капиталистовъ, рабочихъ и нейтральныхъ людей, пользующихся личнымъ авторитетомъ и поддержкою общественнаго мнѣнія и могла бы служить, такимъ образомъ, высшею инстанціей для рѣшенія различныхъ вопросовъ, грозящихъ нарушить спокойствіе промышленнаго міра. однимъ словомъ, эта коммиссія будетъ представлять родъ третейскаго суда для рѣшенія всякаго рода конфликтовъ, возникающихъ между капиталомъ и трудомъ и служить во всѣхъ случаяхъ посредникомъ между рабочими и работодателями. Число членовъ коммиссіи 36; по 12 каждой категоріи и въ числѣ ихъ находятся слѣдующіе люди: бывшій президентъ Кливилэндъ, милліонеръ Рокфеллеръ. архіепископъ Айрляндъ, епископъ Поттеръ и президентъ гарвардскаго университета Эліотъ. Предсѣдателемъ коммиссіи единогласно избранъ сенаторъ Ганна.

Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, что въ Америкѣ должна теперь наступить эра промышленнаго мира, но, во всякомъ случаѣ, учрежденіе этой коммиссіи составляетъ большой шагъ впередъ, и въ виду того, что въ Америкѣ, дѣйствительно, обнаруживается теперь серьезное движеніе, имѣющее цѣлью урегулированіе отношеній труда и капитала, можно надѣяться все-таки, что коммиссія эта приведетъ къ такимъ результатамъ, которые будутъ поучительны и для Европы.

Въ Нью-Іоркѣ ежегодно строится новый театръ. Такъ какъ ежегодный приростъ населенія составляетъ 200.000, то, разумѣется, соотвѣтственно возрастетъ и потребность въ увеличеніи количества увеселительныхъ заведеній, подобныхъ театрамъ. Нью-Іоркъ въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ число театровъ въ этомъ городѣ постоянно увеличивается. Всѣ театры представляютъ частныя учрежденія, и, конечно, директора театровъ изо всѣхъ силъ стараются угодить вкусамъ публики, которые нельзя назвать особенно утонченными. Недавно въ Нью-Іоркѣ происходилъ митингъ директоровъ театровъ, недовольныхъ новымъ распоряженіемъ нью-іоркскаго муниципалитета, запретившаго стоять въ театрѣ, такъ какъ обыкновенно часть публики не занимала никакихъ мѣстъ и стояла. Оказывается, что, именно, эта стоячая публика и приносила главный доходъ театрамъ, такъ какъ директора объявили, что послѣ новаго распоряженія муниципалитета ихъ всѣхъ ожидаетъ дефицитъ въ

нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Стоячая публика съ своей стороны протестовала противъ такого распоряженія, и этотъ вопросъ дебютировался уже на нѣсколькихъ митингахъ, такъ что весьма возможно, что нью-іоркскій муниципалитетъ вынужденъ будетъ уступить давленію директоровъ и общественнаго мнѣнія и отмѣнить свое распоряженіе.

Американскія газеты печатаютъ любопытную статистику американской щедрости за прошлый годъ. Оказывается что сумма пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ за 1901 годъ на разныя общественныя и благотворительныя цѣли достигаетъ 107.360.000 долларовъ. Во главѣ этого списка, разумѣется стоитъ Эндрью Карнеджи, пожертвовавшій 31 милліонъ долларовъ, причемъ половина этой суммы пошла на учрежденіе библіотекъ. Въ Америкѣ почти не найдется сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не было библіотеки имени Карнеджи.

За Карнеджи въ спискѣ стоитъ г-жа Леландъ Станфордъ вдова калифорнійскаго милліонера, пожертвовавшая въ одинъ годъ около тридцати милліоновъ университету, носящему имя ея мужа. Теперь Станфордскій университетъ считается самымъ богатымъ во всемъ мірѣ. Послѣ этихъ крупныхъ жертвователей идутъ мелкіе, жертвовавшіе отъ трехъ до четырехъ милліоновъ и т. д.

Характернымъ симптомомъ для пожертвованій прошлаго года является то, что на этотъ разъ церковь получила гораздо меньше, чѣмъ прежде. Лѣтъ 25 тому назадъ каждый милліонеръ прежде всего считалъ своимъ долгомъ жертвовать въ пользу какой-нибудь религіозной общины. Но съ каждымъ годомъ щедрость американскихъ богачей уменьшалась въ этомъ направленіи, но зато возрастала въ другомъ.

Конференціи, клубы и митинги въ Англіи. Въ прошломъ мѣсяцѣ происходило нѣсколько женскихъ митинговъ въ Лондонѣ. Особенное вниманіе печати возбудили два изъ нихъ: годичное собраніе національнаго союза работницъ Англіи и Ирландіи и митингъ центральнаго общества въ пользу избирательныхъ правъ женщины. На послѣднемъ присутствовали и мужчины, хотя ихъ было не такъ много. Предсѣдательница этого митинга, леди Френсисъ Бальфуръ, сказала, что хотя, къ сожалѣнію, южноафриканская война отодвинула на задній планъ въ Англіи всѣ домашнія дѣла, сосредоточивъ интересъ общества на вопросахъ войны, но, тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ продолжало развиваться. Надо надѣяться, — прибавила она, — что въ царствованіе короля Эдуарда вопросъ этотъ разрѣшится.

Ораторы мужчины, говорившіе на этомъ митингѣ, подтверждали то, что женщины, участвующія въ разныхъ выборныхъ собраніяхъ, вполнѣ доказали свою способность къ выполненію такихъ обязанностей, которыя въ прежнія времена входили исключительно только въ кругъ дѣятельности мужчины. Въ числѣ ораторовъ находился и пасторъ Уэнсфильдъ, очень краснорѣчиво говорившій въ пользу полнаго равноправія женщины въ политическомъ и граждан-

скомъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ была вотирована и резолюція на этомъ митингѣ.

На годичномъ собраніи союза работницъ мужчины не присутствовали Открывая собраніе, предсѣдательница сказала, что цѣль союза заключается въ повышеніи соціальнаго, гражданскаго, религіознаго и нравственнаго благосостоянія работницъ. Для этого союзъ старается собирать и распространять всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны женщинамъ и помогаетъ имъ образовывать организаціи, которыя должны служить имъ оплотомъ въ случаяхъ столкновеній и недоразумѣній. Національный союзъ представляетъ федерацію, въ составъ которой входятъ всѣ отдѣльныя организаціи. Союзъ имѣетъ свои отдѣленія въ различныхъ фабричныхъ центрахъ, и дѣятельность его весьма разнообразна. Въ Манчестерѣ прошлогодняя дѣятельность была, главнымъ образомъ направлена на улучшеніе помѣщенія работницъ и другихъ условій ихъ жизни Очень оживленныя пренія возбудилъ вопросъ объ участіи женщинъ въ школьныхъ и фабричныхъ совѣтахъ и ихъ дѣятельность въ обществахъ трезвости. Одна изъ ораторшъ въ особенности вызвала горячіе дебаты своимъ сообщеніемъ, что пьянство среди женщинъ сильно возрастаетъ. Она подкрѣпила это сообщеніе статистическими цифрами и докончила свою рѣчь обращеніемъ ко всѣмъ ассоціаціямъ работницъ, чтобы они приложили свои усилія къ пресѣченію этого страшнаго зла, угрожающаго подорвать силы и здоровье націи.

Собраніе разошлось, вотировавъ нѣсколько резолюцій, выражающихъ различныя желанія союза и касающіяся расширенія его дѣятельности.

Одновременно съ этимъ собраніемъ происходилъ въ Манчестерѣ годичный митингъ женщинъ трэдъ-юніонистокъ, на которомъ были констатированы успѣхи этого движенія среди работницъ. Женскіе трэдъ-юніоны распространились теперь по всей странѣ, и общее число женщинъ, принадлежащихъ къ этимъ союзамъ, доходитъ теперь до 160.000.

Въ Лондонѣ уже съ 1888 года существуетъ клубъ мальчиковъ, пользующійся большою популярностью среди населенія квартала. Члены клуба—мальчики, только что вступающіе на путь промышленной жизни. Старшіе члены, уже болѣе взрослые, служатъ руководителями младшихъ въ этомъ клубѣ, куда мальчики собираются въ свои свободные часы для совмѣстнаго времяпрепровожденія. Только администрація клуба состоитъ изъ совершенно взрослыхъ людей, которыя, впрочемъ, не вмѣшиваются во внутреннюю жизнь клуба, предоставляя въ этомъ отношеніи его членамъ полную свободу. Всевозможныя игры процвѣтаютъ въ клубѣ, въ особенности тѣ, которыя способствуютъ развитію физическихъ силъ, даже «боксъ» пользуется правомъ гражданства въ этомъ клубѣ и для занятія этимъ искусствомъ отведена отдѣльная комната, гдѣ мальчики могутъ упражняться подъ руководствомъ опытнаго боксера. Какъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ, при клубѣ есть ресторанъ для мальчиковъ, гдѣ они за ничтожную плату получаютъ чай, кофе и т. д. Конечно, есть и читальня, и очень недурная библіотека, которая всегда бываетъ полна посѣтителями. Учредители этого клуба, имѣя въ виду создать для мальчиковъ такой центръ, гдѣ бы они могли сходиться вмѣстѣ, хотѣли избавить ихъ отъ вреднаго вліянія

разныхъ заведеній и кабаковъ, куда они шли волей-неволей, иногда вслѣдъ за родителями. Въ этомъ отношеніи эта цѣль клуба достигнута.

Исторія одного американскаго репортера. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ журналистовъ-репортеровъ, Джекобъ Рюсъ, другъ нынѣшняго президента Рузевельта, опубликовавъ свою автобіографію, подъ курьезнымъ заглавіемъ: «Making an American», въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жизни. Этотъ типичный американецъ оказывается по происхожденію датчаниномъ, что дало поводъ къ шутливому замѣчанію, что «для того, чтобы сдѣлаться типичнымъ американцемъ, надо родиться въ Европѣ». Рюсъ покинулъ свою родину въ 1870 г., послѣ ссоры съ отцомъ, который непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ. Рюсъ не чувствовалъ къ этому дѣлу никакого призванія и, выучившись плотничьему ремеслу, отправился въ Копенгагенъ искать счастья. Но тамъ ему не повезло и онъ уѣхалъ въ Нью-Іоркъ.

Въ Америкѣ ему пришлось вести жизнь полную приключеній. Случайно онъ, въ поискахъ за работой, попалъ въ рудники. Рабочіе, узнавъ, что между ними есть «датчанинъ», сбѣжались смотрѣть на него, такъ какъ все это были по преимуществу валлійцы, а валлійскія народныя легенды рисуютъ датчанъ людьми гигантскаго роста. При видѣ Рюса, который нисколько не выдавался своимъ ростомъ, они сдѣлали презрительную физіономію и объявили, что Рюсъ обманщикъ, что онъ не можетъ быть датчаниномъ, а только выдаетъ себя за такового. Рюсъ, однако, даже не имѣлъ времени разубѣждать ихъ, такъ какъ не остался работать въ рудникахъ; ремесло рудокопа пришлось ему не по вкусу и онъ пошелъ бродить по міру. Онъ странствовалъ наудачу, ночуя въ сараяхъ и гдѣ попало. Однажды во время грозы онъ забрался въ сарай, стоявшій въ полѣ и вдругъ, когда блеснула молнія, увидалъ передъ собою какую-то бѣлую голову, точно голову призрака, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ все погрузилось въ мракъ и чей-то голосъ проговорилъ: «Кто тутъ?» Оказалось, что другой, такой же бездомный бродяга, какъ и Рюсъ, забрался въ сарай, спасаясь отъ грозы.

Годъ такой жизни, конечно, привелъ Рюса въ ужасное состояніе: худой и въ лохмотьяхъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ профессіональныхъ бродягъ. У него были рекомендательныя письма, но онъ изъ гордости не хотѣлъ ими воспользоваться и даже сжегъ ихъ, чтобъ не имѣть соблазна. Но за этотъ періодъ бродяжнической жизни въ немъ проснулось его призваніе. Онъ рѣшилъ вступить на поприще журналистики и сдѣлаться репортеромъ, такъ какъ его больше всего привлекала эта профессія, которую онъ находилъ одною изъ самыхъ благородныхъ «Я думалъ,—говорилъ Рюсъ,—что никто лучше репортера не можетъ содѣйствовать раскрытію соціальныхъ золъ и борьбы съ ними. Я былъ правъ. Я не измѣнилъ своего мнѣнія съ тѣхъ поръ и, конечно, не измѣню его никогда».

Но желать было легко, а исполнить трудно. Рюсъ попробовалъ поискать работы въ двухъ редакціяхъ и въ обѣихъ безуспѣшно. Когда онъ явился въ одну изъ нихъ въ блузѣ рабочаго, то его спросили, какое у него ремесло.—

«Я плотникъ», отвѣчалъ онъ. Всѣ находящіеся въ редакціи громко расхохотались и захлопнули дверь передъ его носомъ. Но онъ не испугался и, снова открывъ дверь, крикнулъ: «Вы смѣетесь! Ну такъ постойте же...» и съ этими словами удалился, поклявшись въ душѣ, что непремѣнно сдѣлается извѣстнымъ журналистомъ.

Однако, его долго преслѣдовала неудача и однажды ночью, когда онъ уже сталъ приходить въ отчаяніе, очутившись безъ мѣста и безъ куска хлѣба, на него случайно набрелъ директоръ телеграфныхъ курсовъ, у котораго онъ раньше учился. Директоръ узналъ его и заговорилъ съ нимъ. Рюсъ разсказалъ ему всѣ свои трехлѣтнія скитанія и упомянулъ о своемъ желаніи сдѣлаться репортеромъ. Директоръ предложилъ ему устроить его въ одномъ агентствѣ новостей, и это было началомъ карьеры Рюса. Изъ этого агентства онъ перешелъ въ редакцію одного еженедѣльнаго листка, спеціально открытаго на время выборовъ. Послѣ выборовъ, когда листокъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, Рюсъ купилъ его въ кредитъ и самъ, съ перваго слова до послѣдняго, составлялъ его. Онъ договорился съ однимъ похоронным бюро, которое согласилось развозить еженедѣльно его изданіе за дешевую плату на своихъ дрогахъ, что вызывало постоянныя насмѣшки сосѣдей, прозвавшихъ его газету «Еженедѣльными похоронами».

Но Рюсъ вѣрилъ въ свою миссію и прежде всего рѣшилъ преслѣдовать своимъ перомъ зло, вездѣ, гдѣ оно встрѣтится. Его энтузіазмъ въ этомъ отношеніи проявлялся иногда въ довольно наивной формѣ. Однажды лавочникъ пожаловался ему на трудныя времена, потому что кліенты его, забирающіе у него въ долгъ, не платятъ ему. Рюсъ пришелъ въ негодованіе и напечаталъ въ своей газетѣ угрозу, что онъ опубликуетъ имена неисправныхъ кліентовъ и сдѣлалъ это.

Наконецъ, ему удалось вступить на настоящій путь и онъ сдѣлался репортеромъ одной большой нью-іоркской газеты. Ни одинъ не могъ сравняться съ нимъ въ рвеніи. Но онъ всегда доказывалъ, что репортеръ долженъ высоко держать свое знамя; что онъ долженъ умѣть дѣйствовать на душу человѣка, раскрывать глаза публикѣ и указывать ей на то, что творится около нея. «Какъ много добра можетъ сдѣлать репортеръ, если онъ пойметъ обязанности!» говорилъ Рюсъ.

Въ настоящее время Рюсъ занимаетъ очень почетное положеніе въ журналистикѣ; онъ считается «рыцаремъ правды» и всегда въ первомъ ряду сражается за истину и справедливость. Въ недавнемъ пораженіи Таммани въ Нью-Іоркѣ и избраніи Согля Меу меромъ Нью-Іорка, Рюсъ игралъ далеко не послѣднюю роль, такъ какъ онъ съ величайшимъ рвеніемъ выводилъ наружу всѣ злоупотребленія Таммани. Со времени опубликованія своей первой книги, озаглавленной «Какъ живетъ другая половина?» о которой онъ разсказалъ то, что видѣлъ и испыталъ въ теченіе 20 лѣтъ своей жизни, Рюсъ сдѣлался помощникомъ всѣхъ реформаторскихъ обществъ и коммиссій. Изъ чувства гуманности онъ даже сталъ фотографомъ; онъ хотѣлъ показать публикѣ весь ужасъ ночлежныхъ пріютовъ и, поэтому, ночью, тайкомъ, являлся туда и снималъ

фотографію при свѣтѣ магнія. Онъ раскрылъ такимъ образомъ публикѣ всѣ ужасы квартала Мюльберри, этого нью-іоркскаго Уайтгопеля, и теперь на мѣстѣ этого квартала находится паркъ и народный домъ. Это была великая побѣда репортерскаго искусства, о которой онъ разсказалъ въ своей книгѣ «Десятилѣтняя война». Другою его побѣдой было закрытіе полицейскихъ депо, куда прежде запирали бродягъ, вмѣстѣ съ мошенниками. Рюсъ близко зналъ эти учрежденія, такъ какъ не разъ попадалъ туда и на себѣ испыталъ грубость обращенія полицейскихъ. Однажды полицейскій со зла разможжилъ голову его собакѣ—единственному другу Рюса и Рюсъ поклялся отмстить ему. Онъ возненавидѣлъ Нью-Іоркъ послѣ этого и чтобы переѣхать на другой берегъ, отдалъ за мѣсто на паромѣ свой шелковый платокъ—послѣднее воспоминаніе о прошломъ. Вернувшись въ городъ, спустя 24 года, когда онъ уже сдѣлался вліятельнымъ журналистомъ, Рюсъ рѣшилъ начать борьбу съ отвратительными учрежденіями и началъ противъ нихъ походъ. Онъ повелъ туда однажды ночью Рузевельта, который пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ увидѣлъ въ этихъ пріютахъ и поклялся, что они будутъ уничтожены. Такъ и было сдѣлано, и теперь полицейскіе уже не смѣютъ обращаться съ бездомными людьми такъ же, какъ они обращаются съ мошенниками и ворами.

Рюсъ нашелъ въ Рузевельтѣ дѣятельнаго помощника. Они вмѣстѣ дѣлали ночные обходы и на разсвѣтѣ, и за это Рузевельтъ былъ прозванъ «Гарунъ, аль-Рузевельтъ». Имена этихъ двухъ людей, одного по происхожденію голландца, другого—датчанина,—президента великой республики и простого репортера—часто ассоціируются вмѣстѣ, и они оба считаются выдающимися «американскими гражданами», высоко держащими знамя своей пріемной родины.

Изъ области женскаго движенія. Число женщинъ, занимающихъ оффиціальныя должности въ различныхъ европейскихъ университетахъ, все еще очень не велико. По свѣдѣніямъ берлинской газеты «Tageblatt», въ старинномъ университетѣ въ Упсалѣ состоитъ доцентомъ г-жа Этельзонъ, докторъ правъ. Въ Италіи съ прошлаго года есть двое женщинъ-доцентовъ; одна — дочь извѣстнаго политика-эконома Лабріола — состоитъ при римскомъ университетѣ и читаетъ лекціи по философіи права, другая, Рина Монти, находится при падуанскомъ университетѣ. Въ Германіи только одна женщина занимаетъ оффиціальную должность ассистента въ институтѣ зоологіи и сравнительной анатоміи, въ Брюннѣ; это—графиня фонъ-Линденъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Швейцаріи. Около тринадцати дамъ занимаютъ различныя оффиціальныя должности при университетахъ, и четверо изъ нихъ приватъ-доценты. Первая женщина, получившая каѳедру въ Швейцаріи была докторъ правъ Эмилія Кемпинъ, она читала римское право въ цюрихской высшей школѣ. Въ Бернѣ состоитъ съ 1898 г. приватъ-доцентомъ по исторіи философіи и особенно эстетикѣ наша соотечественница Анна Тумарьина. Очень много женщинъ состоятъ ассистентами при различныхъ клиникахъ и лабораторіяхъ, а также въ городскихъ публичныхъ библіотекахъ. Въ Австро-Венгріи также сдѣланъ первый

шагъ въ этомъ направленіи, и первая женщина, получившая дипломъ доктора медицины въ будапештскомъ университетѣ, Шарлотта Штейнбергъ, оффиціально назначена теперь практикантомъ въ гинекологическую клинику.

Много толковъ возбудило въ Берлинѣ приглашеніе, полученное докторомъ правъ Анитой Аугсбургъ, сказать въ собраніи свободомыслящей народной партіи въ Кенигсб[illegible] противъ новаго таможеннаго законопроекта. Это первый случай об[illegible]ценія къ женщинѣ съ предложеніемъ выступить въ качествѣ оффиціальнаго политическаго оратора партіи. Второй случай былъ въ Гамбургѣ, гдѣ, также по приглашенію одного политическаго ферейна, г-жа Гейманъ прочла докладъ о [illegible] женщинъ въ общественной жизни.

Женское движеніе дѣлаетъ большіе успѣхи въ Индіи. Нѣсколько выдающихся англичанъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, дѣятельно занимаются пропагандой идей занимающей среди индусскихъ женщинъ. Къ нимъ примкнули и нѣкоторыя изъ образованныхъ туземныхъ женщинъ. Съ цѣлью распространенія передовыхъ идей основаны ими три журнала «Anthopur», «The Ladies Magazine», «Bharat Bhagni»—послѣдній въ особенности пользуется популярностью въ индусскомъ обществѣ. Въ этихъ журналахъ участвуютъ туземныя писательницы въ довольно большомъ числѣ. Вообще индусскія женщины оказываются весьма способными къ воспріятію идей прогресса, и на это, между прочимъ, указываетъ ежегодное возрастаніе числа туземныхъ слушательницъ въ высшихъ школахъ и университетахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ. — Женскій трудъ во Франціи. — Неточность свидѣтельскихъ показаній и опытъ Липпа. — Британская академія.

Американскій судья изъ Нью-Джерсея Франклинъ Фортъ помѣщаетъ въ «Forum» статью о мѣрахъ борьбы съ преступностью и способахъ предупрежденія преступленій. Онъ говоритъ, что каждое организованное общество стоитъ лицомъ къ лицу съ этою проблемой и должно стремиться къ уменьшенію преступленій. Но преступленія въ значительной степени зависятъ отъ двухъ причинъ: наслѣдственности и вліянія окружающей обстановки. Люди рѣдко становятся преступниками сами по себѣ. Иногда преступленія вызываются необходимостью, но совершившіе ихъ не должны зачисляться въ разрядъ преступниковъ.

Въ послѣднее время часто говорятъ о томъ, что преступность возрастаетъ; однако, было бы справедливѣе, по мнѣнію автора, говоритъ, что тѣ условія, которыя порождаютъ преступность, развиваются больше подъ вліяніемъ современнаго законодательства. Каждый новый законодательный періодъ непремѣнно увеличиваетъ списокъ преступленій, такъ какъ вводятся новые законы, причисляющіе къ преступленіямъ такого рода акты, которые не считались таковыми раньше. Дѣйствительныя же преступленія не увеличиваются въ числѣ и въ сущности

число профессіональныхъ преступниковъ скорѣе уменьшается по мѣрѣ распространенія цивилизаціи и воспитанія. Авторъ придаетъ большое значеніе наказанію въ дѣлѣ распространенія преступности. Онъ говоритъ, что именно наказаніе очень часто превращаетъ въ преступниковъ людей, которые не были бы ими при другихъ условіяхъ. Принято думать, что строгость законовъ предупреждаетъ преступленія, но хотя страхъ, быть можетъ, и останавливаетъ нѣкоторыхъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что преступленія существовали и тогда, когда наказанія, даже за сравнительно небольшіе проступки, отличались безпримѣрной жестокостью. Такимъ образомъ, полагаться на страхъ, какъ на предупредительную мѣру противъ преступленій, не слѣдуетъ. Лучшимъ предупрежденіемъ была бы другая система, основанная на снисходительности и надзорѣ за преступникомъ. Во многихъ американскихъ штатахъ введена уже система условнаго прощенія преступника и освобожденія его на слово. Въ штатѣ Миннезота система эта привела уже къ замѣтнымъ результатамъ; во-первыхъ, она уменьшила число строгихъ наказаній, необходимыхъ для поддержанія тюремной дисциплины и, во-вторыхъ, она даетъ возможность выказаться хорошимъ сторонамъ преступника и дозволяетъ не смѣшивать совершенно порочныхъ людей съ тѣми, которые сохранили еще въ своей душѣ добрые элементы. Статистика штата за четыре года указываетъ, что изъ 117 отпущенныхъ на слово преступниковъ, только 17 нарушили слово и только трое бѣжали изъ штата. Изъ 74 отпущенныхъ на слово въ Калифорніи, нарушили слово только 8; остальные 64 вели себя хорошо. Изъ 128 въ Мичиганѣ—девять нарушили слово. Въ Массачусетсѣ и другихъ штатахъ процентъ вернувшихся на путь истины преступниковъ еще больше. Губернаторъ Нью-Джерси въ своемъ годовомъ отчетѣ законодательному собранію въ 1900 г. заявилъ, что изъ всѣхъ отпущенныхъ на слово заключенныхъ, лишь пять процентовъ вернулись снова на путь преступленія.

Преступникъ, попавшій въ тюрьму, знаетъ, что для того, чтобы быть отпущеннымъ на слово изъ тюрьмы, онъ долженъ хорошо вести себя въ тюрьмѣ. Затѣмъ, на свободѣ, онъ обязуется ежемѣсячно увѣдомлять тюремныя власти о томъ, гдѣ онъ находится и что онъ дѣлаетъ, причемъ или хозяинъ, у котораго онъ работаетъ, или какое-нибудь достовѣрное лицо должны подтвердить его слова. Если онъ нарушаетъ свое слово, то подлежитъ такому же наказанію, какъ если бы онъ бѣжалъ изъ тюрьмы. «Такая система,—говоритъ авторъ,—удерживаетъ человѣка отъ дурного поведенія при помощи страха и надежды. Отпущенный изъ тюрьмы на слово, онъ боится нарушить его, чтобы снова не вернуться въ тюрьму на худшихъ условіяхъ и, кромѣ того, его поддерживаетъ въ этомъ направленіи надежда на полное прощеніе и освобожденіе. Такимъ образомъ, государство избавляется отъ заботы о преступникѣ и вмѣсто преступника государству возвращается гражданинъ, котораго его собственная выгода въ данномъ случаѣ заставляетъ вести себя честно».

Авторъ въ особенности возмущается противъ того, что юные преступники, въ первый разъ вступившіе на этотъ путь, заключаются въ тюрьму вмѣстѣ со старыми, привычными преступниками. Поступая такъ съ молодыми преступ-

никами, власти, по его мнѣнію, тоже совершаютъ преступленіе. Почти всякое первое преступленіе въ юные годы является результатомъ обстановки и почти всегда можно отыскать смягчающія обстоятельства. Общество должно позаботиться о томъ, чтобы спасти юношей отъ опасности сдѣлаться преступниками, въ этомъ-то заключается одна изъ важнѣйшихъ современныхъ проблемъ. Тотъ моментъ, когда юный преступникъ впервые является въ судъ, служитъ обыкновенно поворотнымъ пунктомъ его жизни. Если онъ попадаетъ въ тюрьму, то большею частью уже потомъ окончательно вступаетъ на путь преступленія. Въ нѣкоторыхъ штатахъ введена, поэтому, система отдачи молодыхъ преступниковъ на испытаніе, подъ надзоръ спеціально назначеннаго для этого лица. Эта система, впервые введенная въ Массачусетсѣ, оказалась вполнѣ цѣлесообразной, такъ какъ по статистикѣ лишь очень небольшой процентъ изъ тѣхъ, кто находился на испытаніи, оказались рецидивистами. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ введена эта система, цифра преступности не возросла. Разумѣется, какъ эта система, такъ и система отпущенія преступниковъ на слово, требуетъ очень добросовѣстныхъ исполнителей, проникнутыхъ сознаніемъ важности своей задачи. Но это лишь одинъ изъ способовъ, который, при правильномъ и умѣломъ примѣненіи, долженъ повести къ уменьшенію преступленій. Другіе способы относятся къ предупрежденію преступленій и должны стремиться къ уничтоженію условій, порождающихъ преступленія. Въ этомъ именно и должна заключаться главная задача всѣхъ современныхъ законодательствъ, а не въ одной только карѣ преступниковъ.

Г-жа Кэте Ширмахеръ сообщаетъ въ «Revues des Revues» статистику женскаго труда во Франціи. Положеніе женщины во Франціи, какъ производительницы труда, довольно незавидное. Число трудящихся женщинъ г-жа Ширмахеръ опредѣляетъ въ 14.111.512. Нѣтъ такой области матеріальнаго или интеллектуальнаго труда, въ которой бы не участвовали женщины. Наибольшее число француженокъ занимается профессіей хозяйки, затѣмъ слѣдуютъ земледѣліе, промышленность, домашнія услуги и торговля, но въ этихъ профессіяхъ, за исключеніемъ домашнихъ услугъ, женщинъ меньше, нежели мужчинъ. Промышленнымъ трудомъ занимаются 1.888.947 женщинъ; въ торговлѣ насчитывается 571.079; домашняя прислуга — 737.941; различными либеральными профессіями занимается—138.460; въ рудникахъ и на каменоломняхъ работаютъ 4.759; въ различныхъ агентствахъ—12.645 и т. д. Но вездѣ, за исключеніемъ госпиталей и трехъ первыхъ классовъ элементарной школы, заработокъ женщины меньше заработка мужчины. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ женщина получаетъ даже на двѣ трети меньше мужчинъ. Между тѣмъ, женщинѣ, замужней или нѣтъ, большею частью одновременно приходится заниматься двумя дѣлами: хозяйствомъ и профессіональнымъ трудомъ. Разумѣется, въ концѣ концовъ, наступаетъ переутомленіе силъ. Но замужняя женщина, благодаря тому, что не одна она поддерживаетъ хозяйство своимъ трудомъ, можетъ все-таки жить, тогда какъ одиночная женщина, вынужденная исключительно только существовать своимъ трудомъ и сама для себя совершать всю

хозяйственную работу, не живетъ, а прозябаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не имѣя никакой поддержки. Переутомленіе, нищета или еще хуже— вотъ неизбѣжный удѣлъ большинства работницъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. «Женщины,—восклицаетъ г-жа Ширмахеръ въ заключеніе,— все-таки продолжающія жить, несмотря на такія тяжкія условія, поистинѣ заслуживаютъ, чтобы ихъ считали «сильнымъ поломъ» (le sexe fort).

Профессоръ уголовнаго права Листъ указываетъ въ «Deutschen Turisten Zeitung», въ статьѣ объ уголовномъ правѣ и психологіи, до какой степени часто, даже самые добросовѣстные люди, безсознательно искажаютъ факты, когда имъ приходится свидѣтельствовать на судѣ. Въ каждомъ крупномъ криминальномъ процессѣ непремѣнно повторяется одна и та же картина: дефилируютъ свидѣтели, показанія которыхъ часто бываютъ прямо противоположны. Большинство такихъ свидѣтелей готовы подъ присягой подтвердить свое показаніе, и весьма часто приговоръ произносится на основаніи самыхъ неопредѣленныхъ уликъ, доставляемыхъ такими свидѣтельскими показаніями. Многіе криминалисты экспериментальнымъ путемъ пришли къ убѣжденію, что ни одинъ заурядный человѣкъ большею частью не въ состояніи представить точную картину какого-нибудь сложнаго и быстро совершившагося на его глазахъ событія. Приватъ-доцентъ философіи въ бреславльскомъ университетѣ д-ръ Стернъ недавно произвелъ рядъ опытовъ надъ студентами, подтвердившихъ это заключеніе, такіе же контрольные опыты предпринялъ и профессоръ Листъ. Между прочимъ, онъ устроилъ слѣдующій опытъ въ семинаріи, гдѣ студенты не подозрѣвали, что они будутъ служить объектами для опыта. Въ этотъ вечеръ въ семинаріи назначено было чтеніе реферата о Тардѣ съ послѣдующими преніями; но не успѣлъ референтъ кончить свой докладъ, какъ профессоръ Листъ схватился за шляпу и объявилъ, что онъ долженъ удалиться по важному дѣлу и поэтому откладываетъ пренія до слѣдующаго раза. Тутъ одинъ изъ слушателей выразилъ желаніе узнать, какъ относится Тардъ къ христіанской религіи.

— Этого только не доставало! — замѣтилъ громко дерзкимъ тономъ какой-то господинъ.

— Это васъ не касается,—возразилъ ему спрашивающій.

— Нахалъ!

Внѣ себя отъ ярости оскорбленный бросается на оскорбителя, выхвативъ револьверъ... Въ аудиторіи поднимается суматоха; всѣ въ страшномъ волненіи вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, кричатъ... Вдругъ раздается громовый голосъ профессора Листа:

— Господа, вы всѣ были свидѣтелями только что случившагося происшествія и поэтому давайте теперь же опросимъ свидѣтелей и составимъ протоколъ.

Слушатели поняли, что вся эта сцена была тщательно обдумана и подстроена Листомъ и двумя его помощниками, но такъ какъ всѣ не были посвящены въ это, то разумѣется были сильно взволнованы происшедшимъ. Когда они нѣсколько успокоились, то начался допросъ свидѣтелей и записы-

ваніе въ протоколъ. Одни свидѣтели были допрошены тутъ же, другіе на другой день. И что же? Только двое дали вѣрныя показанія; показанія же другихъ были большею частью ошибочны и встрѣчались даже очень грубыя ошибки. Нѣкоторые, напримѣръ, видѣли, что нападающій замахнулся палкой и готовы были поклясться въ этомъ...

Эти и подобные опыты доказываютъ, что на вѣрность свидѣтельскихъ показаній не всегда можно положиться. Но дальнѣйшія изслѣдованія и опыты въ этомъ направленіи дадутъ, конечно, возможность судьямъ критически относиться къ показаніямъ свидѣтелей и лучше оцѣнивать ихъ по достоинству, чѣмъ они это въ состояніи дѣлать теперь, полагаясь всецѣло на эти показанія. «Во всякомъ случаѣ,— какъ говоритъ профессоръ Лиштъ,—уголовное судопроизводство должно всегда идти рука объ руку съ психологіей, которая одна только можетъ помочь судьямъ выбраться изъ лабиринта затрудненій, встрѣчающихся имъ на каждомъ шагу».

Идея устройства британской академіи наукъ встрѣчаетъ большое сочувствіе въ англійской печати. «Quarterly Review» говоритъ, что Англіи давно уже слѣдовало позаботиться объ этомъ, такъ какъ ее опередили всѣ другія страны и только одна Турція можетъ быть поставлена рядомъ съ нею въ этомъ отношеніи. Въ назиданіе англичанамъ журналъ приводитъ описаніе парижской и берлинской академій. Единственное ученое общество, объединяющее различныя отрасли знанія въ Англіи, это британская ассоціація, но она исключаетъ изъ своего вѣдѣнія исторію, философію и филологическія науки, тогда какъ королевскій институтъ въ Лондонѣ исключительно занимается только поощреніемъ естественныхъ наукъ. По мнѣнію «Quarterly Review», Англія больше всего нуждается въ настоящее время въ такихъ учрежденіяхъ, какъ «Académie des Inscriptions» и «Académie des Sciences morales et politiques» въ Парижѣ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Новыя данныя о третьей форменной составной части крови.

Микроскопическое изслѣдованіе крови, какъ извѣстно, показываетъ намъ, что въ ней плаваютъ билліоны особенныхъ форменныхъ элементовъ, которые уже давнымъ давно извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ кровяныхъ тѣлецъ, или, вѣрнѣе—кровяныхъ клѣтокъ. Къ нимъ принадлежатъ троякаго рода элементы: *красныя* и *бѣлыя* (безцвѣтныя) *кровяныя клѣтки* и такъ называемыя пластинки *Bizzozero*, или *кровяныя пластинки*.

Первыя получили свое названіе красныхъ отъ того, что въ нихъ заключается особенное красящее вещество—гемоглобинъ, присутствіе котораго придаетъ клѣткамъ красновато-темную окраску съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Кровяныя клѣтки второго рода кажутся безцвѣтными, почему, въ отличіе отъ красныхъ, ихъ называютъ бѣлыми, или *лейкоцитами*. Элементы третьей категоріи представляются намъ, даже при сильныхъ увеличеніяхъ, въ видѣ очень мелкихъ, неокрашенныхъ пластинокъ и впервые были тщательно изучены итальянскимъ ученымъ *Bizzozero*, вслѣдствіе чего стали извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ *пластинокъ Bizzozero*, или просто *кровяныхъ пластинокъ*.

Кровяныя клѣтки имѣютъ извѣстную форму и величину, способны питаться, обладаютъ раздражимостью, размножаются, даже могутъ производить активныя движенія (безцвѣтныя кровяныя клѣтки) и, наконецъ, какъ и все живое, умираютъ. Отъ жизни этихъ невидимыхъ простымъ глазомъ элементарныхъ частицъ крови, отъ измѣненій ихъ въ количественномъ отношеніи, отъ различнаго рода заболѣваній, которымъ они могутъ подвергаться, стоятъ въ тѣсной зависимости здоровье, болѣзни и даже смерть такого сложнаго организма, какимъ является организмъ человѣка.

Всѣ только что указанные форменные элементы крови, отличаясь другъ отъ друга по своей формѣ, величинѣ, строенію, химическому составу и пр., играютъ въ жизни организма различную роль. Красныя кровяныя клѣтки, открытыя въ крови еще въ половинѣ XVI столѣтія знаменитымъ голландскимъ естествоиспытателемъ *А. Левенгукомъ*, назначены, главнымъ образомъ, для того, чтобы доставлять всѣмъ элементамъ животнаго организма кислородъ,

необходимый для ихъ жизни и дѣятельности. Онѣ получаютъ его въ легкихъ изъ вдыхаемаго нами воздуха и, передвигаясь по тончайшимъ кровеноснымъ сосудамъ—капиллярамъ, отдаютъ связанный съ гемоглобиномъ кислородъ элементамъ, изъ которыхъ построены животныя ткани и органы. Безцвѣтныя кровяныя клѣтки (лейкоциты) занимаютъ особое мѣсто среди всѣхъ клѣтокъ животнаго организма и обладаютъ столь разнообразными и удивительными свойствами, функціи ихъ до такой степени разнообразны, что біологамъ придется еще много и долго работать, чтобы выяснить вполнѣ роль и значеніе этихъ образованій въ жизни организма. Классическія изслѣдованія *Мечникова и Buchner'a* впервые указали намъ, что эти особенные, способные къ активному движенію элементы играютъ важную роль во многихъ заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзняхъ. Они поѣдаютъ различнаго рода микроорганизмы, вызывающіе извѣстныя инфекціонныя болѣзни, ведутъ борьбу съ ними, а равно освобождаютъ организмъ отъ вредныхъ для него частицъ умершихъ тканей и такимъ образомъ какъ-бы исполняютъ обязанности санитаровъ. Далѣе, *Buchner* показалъ, что бѣлыя кровяныя клѣтки выдѣляютъ особыя вещества (алексины, токсины), способныя убивать различнаго рода бактерій, попавшихъ въ животный организмъ, и освобождаютъ послѣдній отъ этихъ чуждыхъ ему пришельцевъ. Имѣющіеся въ крови разнообразные ферменты, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ—*Bial*, *Arthus*, *Spitzer*, *Salkowski*, *Lépine* и др. также вырабатываются безцвѣтными кровяными клѣтками. Кромѣ того, послѣднимъ приписываютъ извѣстную роль въ питаніи организма, въ образованіи тканей и пр. и пр. Вообще, *Looss* и другіе изслѣдователи считаютъ бѣлыя кровяныя клѣтки за ту резервную силу организма, которая приходитъ ему на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ткани и составляющіе ихъ элементы оказываются безсильными въ борьбѣ съ различнаго рода вредными веществами или микроорганизмами, развившимися въ нашемъ организмѣ или попавшими въ него извнѣ, когда жизнедѣятельность организма или, какъ говорятъ, біологическій тонусъ его пониженъ.

Наконецъ, что касается пластинокъ *Bizzozero*, то ихъ происхожденіе, строеніе и значеніе въ жизни организма до послѣдняго времени оставались загадочными. Одни изслѣдователи—*Lilienfeld* —находили въ нихъ присутствіе нуклеина и предполагали, что пластинки эти происходятъ изъ ядеръ бѣлыхъ кровяныхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ другіе наблюдатели *Loewit*, *Arnold*, *Bremer* считали кровяныя пластинки лишь за мелкія частицы, отдѣлившіяся отъ красныхъ кровяныхъ клѣтокъ. *Arnold* высказывалъ даже предположеніе, что пластинки *Bizzozero* вообще представляютъ собою не что иное, какъ продуктъ распада красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣтокъ. Наконецъ, нѣкоторые ученые высказывали мнѣніе, что описываемыя пластинки являются совершенно самостоятельными элементами, существуютъ независимо отъ красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ клѣтокъ и играютъ извѣстную роль въ образованіи ферментовъ, вызываютъ свертываніе крови и пр.

Объ этихъ то, все еще загадочныхъ для насъ образованіяхъ, представляю-

щихъ собою третью форменную составную часть крови, я и хочу сообщить нѣкоторыя новыя и интересныя данныя.

Два изслѣдователя, *Hayem* и *I. Bizzozero*, изучая кровь человѣка, млекопитающихъ и низшихъ позвоночныхъ, открыли въ крови присутствіе особенныхъ маленькихъ образованій, которыя имѣли форму круглыхъ или эллипсовидныхъ пластинокъ. Послѣднія обыкновенно кажутся безцвѣтными, болѣе или менѣе блестящими и приблизительно въ три раза меньше красныхъ кровяныхъ клѣтокъ. Въ одномъ кубическомъ миллиметрѣ нормальной крови человѣка ихъ заключается отъ 200.000 до 635.000. *Hayem* сначала предполагалъ, что въ описываемыхъ элементахъ имѣются ядра, а слѣдовательно, они должны быть причислены къ клѣткамъ, но вскорѣ затѣмъ онъ отказался отъ своего мнѣнія. *Mondino* и *Sala* высказывали предположеніе, что открытыя *Hayem'ом* и *Bizzozero* пластинки имѣютъ ядра лишь въ молодомъ возрастѣ, подобно краснымъ кровянымъ клѣткамъ, а потомъ во время дальнѣйшаго ихъ роста и развитія ядра утрачиваются и онѣ являются уже въ видѣ безъядерныхъ образованій. *Schimmelbusch* указываетъ, что при разсматриваніи крови человѣка ему удалось замѣтить, какъ означенныя пластинки мѣняли свою форму и выпускали короткіе и тонкіе отростки, которые то удлинялись, то укорачивались. Подобное измѣненіе формы пластинокъ, по мнѣнію *Schimmelbusch'a* зависитъ отъ чисто механическихъ причинъ, напр., отъ движенія жидкости, образованія фибрина и пр., и не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемымъ амѣбовиднымъ движеніемъ. Оно обусловливается черезвычайною мягкостью и растяжимостью того однороднаго вещества, изъ котораго состоятъ пластинки. Далѣе, наблюденія сдѣланныя *Cuénot'ом*, *Giglio-Tos'ом*, *Cattaneo* и др. Надъ кровью позвоночныхъ и жидкостью, отвѣчающею крови, у безпозвоночныхъ, показали, что въ крови, только что выпущенной изъ сосудовъ, одновременно съ выдѣленіемъ фибрина и свертываніемъ крови, кровяныя пластинки собираются группами и, распадаясь на множество мелкихъ зернышекъ, образуютъ такъ назыв. тромбъ, т.-е. пробку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ распавшихся пластинокъ и нитей фибрина. Подобное характерное измѣненіе пластинокъ наступаетъ въ выпущенной крови уже по истеченіи нѣсколькихъ секундъ и немедленно влечетъ за собою образованіе тромба, вслѣдствіе чего *Giglio-Tos* предложилъ называть эти пластинки «*тромбоцитами*». Названіе это въ настоящее время почти пріобрѣло права гражданства въ наукѣ.

Несмотря на вышеуказанныя и многія другія наблюденія, вопросъ о строеніи и происхожденіи тромбоцитовъ оставался еще далеко не рѣшеннымъ, а ихъ роль въ жизни организма все-таки была не выяснена окончательно, и образованія эти попрежнему представлялись для насъ загадочными.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько работъ, которыя, повидимому открыли передъ нами тайну строенія и жизни тромбоцитовъ и выяснили ихъ важное значеніе для организма. Такъ, недавно *Deetjen* *), изучая кровяныя пластинки, впервые обратить вниманіе на то, что извѣстной крѣпости растворъ.

*) Virchow's Afchiv. Bd. 164, Heft. 2, 1901.

метафосфорнокислаго натра $(NaPO_3)_3$ обладаетъ способностью сохранять въ теченіе довольно долгаго времени жизненныя свойства пластинокъ, несмотря на чрезвычайную нѣжность и легкость, съ какою онѣ измѣняются и умираютъ, разъ только кровь выпущена изъ сосуда. Вотъ если взять капельку крови человѣка, помѣстить ее въ каплю раствора метафосфорнокислаго натра и разсматривать подъ микроскопомъ, при температурѣ 38—40° Ц. и съ помощью сильныхъ объективовъ, то не трудно замѣтить большое количество тромбоцитовъ, прилипшихъ къ нижней поверхности покровнаго стеклышка препарата. Съ самаго начала наблюденія тромбоциты уже кажутся въ видѣ свѣтлыхъ образованій, отъ которыхъ отходятъ, на подобіе шиповъ, короткіе и тонкіе отростки, вслѣдствіе чего описываемые элементы получаютъ звѣздчатую форму (фиг. 1). Кромѣ того, въ каждомъ тромбоцитѣ можно еще замѣтить присутствіе круглаго, блестящаго тѣльца, которое есть не что иное, какъ ядро тромбоцита (фиг. 1, а).

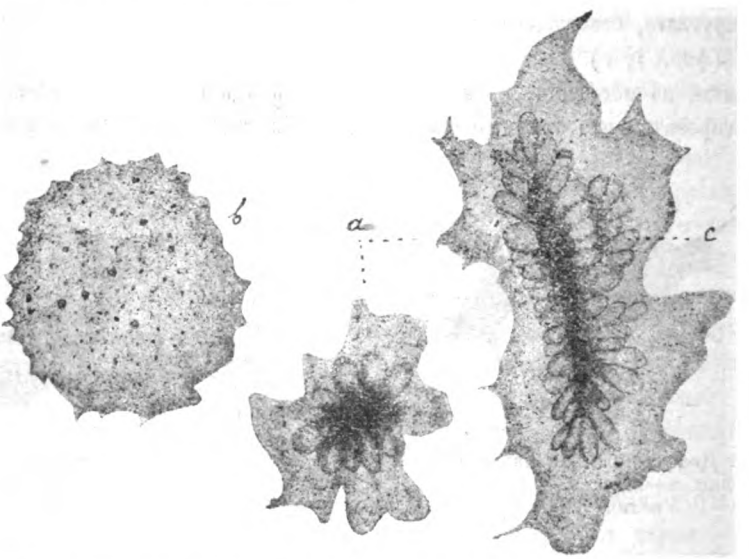
Далѣе, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ отъ начала наблюденія, легко констатировать, что эти маленькія образованія, имѣющія форму отростчатыхъ

Фиг. 1. Два тромбоцита изъ крови человѣка, а—ядро; в — отростки. Увелич. 3200 : 1.

фиг. 2. Тромбоциты изъ крови человѣка. Наступающія въ тромбоцитахъ измѣненія протоплазмы и ядра. Увелич. 3200 : 1.

пластинокъ, проявляютъ признаки жизни: нѣкоторые изъ отростковъ того или другого тромбоцита начинаютъ удлиняться и въ то же время становятся толще, а одновременно съ этимъ другіе отростки укорачиваются—втягиваются тромбоцитомъ, вслѣдствіе чего форма его постоянно мѣняется. Благодаря то вытягиванію, то втягиванію отростковъ, тромбоциты, подобно безцвѣтнымъ кровянымъ клѣткамъ, передвигаются, правда съ очень незначительною скоростью, въ томъ или иномъ направленіи, т.-е. совершаютъ амёбовидныя движенія, названныя такъ потому, что они впервые были замѣчены у одноклѣточныхъ организмовъ—амёбъ. На препаратахъ, приготовленныхъ по указаніямъ *Deetjen'a*, тромбоциты сохраняютъ жизнь въ теченіе многихъ часовъ, между тѣмъ какъ, при другихъ способахъ изслѣдованія крови, они, можно сказать, моментально умираютъ и подвергаются характернымъ измѣненіямъ. Присутствіе ядеръ въ тромбоцитахъ можно доказать не только на препаратахъ, приготовленныхъ изъ свѣжей крови, но и въ крови фиксированной извѣстнымъ образомъ и затѣмъ окрашенной различными красками, напр., гематоксилиномъ, анилиновыми красками и пр.

Когда въ изслѣдуемомъ препаратѣ, по истеченіи болѣе или менѣе короткаго времени, наступаетъ свертываніе крови, т.-е. образованіе фибрина, тогда тромбоциты подвергаются особеннымъ, характернымъ измѣненіямъ, сущность которыхъ заключается въ значительномъ увеличеніи объема протоплазмы (фиг. 2) и въ процессѣ распаденія ядра. Обыкновенно, прежде всего, одни отростки тромбоцитовъ разстилаются по поверхности покровнаго стеклышка и принимаютъ видъ широкихъ пластинокъ, другіе направляются внизъ, въ жидкость препарата, и становятся булавовидно вздутыми. Затѣмъ, въ отросткахъ и въ протоплазмѣ появляется множество вакуоль, т.-е. полостей, наполненныхъ жидкостью, вслѣдствіе чего измѣненные такимъ образомъ тромбоциты кажутся составленными какъ бы изъ множества ячеекъ (фиг. 3). Если въ какомъ-либо

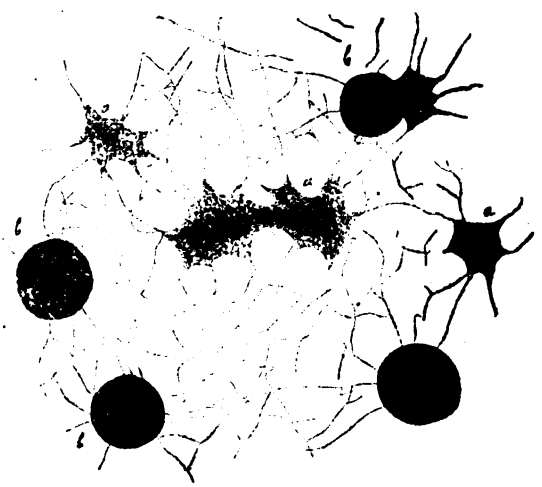


Фиг. 3. Тромбоциты изъ крови человѣка. а—тромбоциты съ лапчатыми отростками и вакуолями (с); в—тромбоцитъ съ ядромъ, распавшимся на множество зернышекъ. Увелич. 3200: 1.

мѣстѣ препарата располагаются другъ возлѣ друга много тромбоцитовъ и всѣ они подвергаются только что указаннымъ измѣненіямъ, то въ такомъ случаѣ въ данномъ мѣстѣ получается какъ бы пѣна, состоящая изъ массы различной величины круглыхъ пузырьковъ—ячеекъ.

Одновременно съ указанными измѣненіями, происходящими въ протоплазмѣ тромбоцитовъ, ядра ихъ постепенно теряютъ свою круглую форму,—становятся угловатыми, неровными—и затѣмъ распадаются на множество зернышекъ. Послѣднія лежатъ то группами, то разсѣяны по всей протоплазмѣ того или другого тромбоцита. Въ то время, когда тромбоциты претерпѣваютъ только что описанныя измѣненія, по краямъ каждаго изъ нихъ и около отростковъ начинаютъ появляться первыя нити фибрина, количество которыхъ увеличивается все больше и больше, пока, наконецъ, не получится цѣлая сѣть нитей фиб-

рина, причемъ нерѣдко въ центрѣ такой сѣти помѣщается тромбоцитъ (фиг. 4) Какъ въ моментъ образованія первыхъ нитей фибрина, такъ и долгое время послѣ этого въ красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣткахъ нельзя замѣтить никакихъ признаковъ распаденія: красныя кровяныя клѣтки кажутся круглыми, а лейкоциты попрежнему измѣняютъ свою форму и передвигаются. Это наблюденіе говоритъ намъ, что выпаденіе изъ кровяной жидкости—плазмы крови—бѣковаго тѣла—фибрина въ видѣ нитей стоитъ въ прямой и тѣсной зависимости лишь отъ умиранія и измѣненія тромбоцитовъ; красныя и безцвѣтныя кровяныя клѣтки, видимо, въ этомъ процессѣ не играютъ никакой активной роли. Импульсъ къ свертыванію крови и образованію фибрина даетъ распаденіе протоплазмы и ядра клѣтокъ особаго рода—тромбоцитовъ.



фиг. 4. Нити фибрина изъ препарата крови человѣка, а—измѣненныя тромбоциты съ идущими отъ нихъ, какъ отъ центровъ, нитями фабрина; в—неизмѣненныя красныя кровяныя клѣтки. Увелич. 3200: 1.

Интересныя и весьма важныя наблюденія *Deetjen'a* вскорѣ были подверждены *M. Dekhuyzen'омъ* [1]), *Kopsch'емъ* [2]), проф. *Аргутинскимъ* [3]) и др. и въ настоящее время, несмотря на критическую замѣтку *E. Schwalbe*, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что тромбоциты, или пластинки *Bizzozero*, принадлежатъ къ особаго рода клѣточнымъ элементамъ: они состоятъ изъ протоплазмы и ядра, могутъ измѣнять свою форму и передвигаться, а умираніе и распаденіе ихъ немедленно вызываетъ свертываніе крови.

Такимъ образомъ, троякаго рода форменные элементы крови играютъ различную роль въ жизни организма:

---

[1]) «Ueber die Thrombocyten (Blutplättchen)». Anat. Anzeiger, № 21, 1901.

[2]) «Die Thrombocyten (Blutplättchen) des Menschenblutes und ihre veränderungen bei der Blutgerinnung». «Anat. Anz». № 21, 1901.

[3]) «Zur Kenntnis der Blutplättchen». «Anat. Anz», № 21, 1901.

а) Красныя кровяныя клѣтки доставляютъ необходимый для жизни организма кислородъ, являются какъ бы рабочими, трудами которыхъ кормится огромнѣйшее государство — сложный организмъ, состоящее изъ милліардовъ гражданъ—клѣточныхъ элементовъ.

в) Безцвѣтныя кровяныя клѣтки (лейкоциты) удаляютъ изъ организма или уничтожаютъ различнаго рода вредные и ненужные ему элементы: продукты распада тканей, вредные микроорганизмы и пр. Онѣ, слѣдовательно, защищаютъ животный организмъ, помогаютъ ему въ борьбѣ съ различными вредными началами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда силы самаго организма оказываются недостаточными для этой борьбы. Въ этихъ своеобразныхъ клѣткахъ организмъ имѣетъ громадную армію солдатъ и санитаровъ, охраняющихъ его отъ враговъ и уносящихъ вредныя для него вещества.

с) Наконецъ, тромбоциты (пластинки *Bizzozero*) представляютъ собою элементы, приспособленные къ тому, чтобы останавливать небольшія кровотеченія изъ пораненныхъ сосудовъ—предохранять организмъ отъ потери необходимой для его питанія жидкости. Приходя въ соприкосновеніе съ разорванными стѣнками сосудовъ, тромбоциты распадаются, моментально вызываютъ свертываніе крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе пробокъ, закупоривающихъ кровоточащіе сосуды. Эти особенные элементы исполняютъ въ организмѣ какъ бы обязанности хирурговъ, самоотверженно жертвующихъ при всякомъ кровотеченіи собственною жизнью для спасенія жизни организма.

Проф. А. С. Догель.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА*).

Стереоскопъ въ астрономіи.—О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растеній.—Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ.

Стереоскопъ въ астрономіи. На небесномъ сводѣ разсыпаны міріады звѣздъ. Большія и яркія, маленькія и слабыя, красноватыя, желтыя и бѣлыя. Всѣ онѣ какъ бы прибиты къ одной сферѣ, которая равномѣрно вращается, увлекая ихъ за собой.

На этой сферѣ находится, какъ будто, и луна, и планеты—блуждающія звѣзды. Правда, эти свѣтила замѣтно для глаза перемѣщаются между звѣз-

*) Въ некрологѣ И. В. Мушкетова, помѣщенномъ въ прошломъ № нашего журнала, вслѣдствіе корректорскаго недосмотра, дата кончины помѣчена 10-мъ ноябремъ вмѣсто 10-го января. Въ «Научной хроникѣ» этогоже № вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 77, вторая строчка снизу, вмѣсто слова «окруженнаго» нужно читать: «*окруженный*»; на стр. 78-ой, строка 18-я снизу, послѣ словъ «фраунгоферовскихъ линій», надо вставить слова: «*воспроизведенныя Энстремомъ*», находящіяся на 16-й строкѣ снизу. На той же страницѣ, стр. 5-ая снизу, слово *міра* должно стоять передъ словомъ «основныхъ».

дами, но они, повидимому, движутся по небесной сферѣ, не отдѣляясь отъ нея. Ничто не обнаруживаетъ, что бы они были ближе той тверди небесной, на которой укрѣплены звѣзды, что они свободно идутъ въ свободномъ пространствѣ. При наблюденіи въ трубу, можно замѣтить, какъ иногда луна, приближаясь къ той или другой звѣздочкѣ, закрываетъ ее на время. Мы знаемъ, что и солнечное затменіе происходитъ отъ того, что луна заграждаетъ путь къ землѣ солнечнымъ лучамъ: это свидѣтельствуетъ, что луна тѣло сравнительно близкое, что она ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды, солнце и планеты, но мы все-таки и при этихъ наблюденіяхъ не ощущаемъ непосредственно, какъ расположены свѣтила по разстояніямъ отъ насъ, не ощущаемъ глубины пространства, не видимъ и формы свѣтила рельефно. Астрономы давно уже пытались дать примѣненія стереоскопу при изученіи неба и его чудесъ.

Знаменитая фирма Цейсса достигла недавно блестящихъ результатовъ. Г-нъ Пульфрихъ построилъ приборъ, такъ называемый *стереокомпараторъ*, въ которомъ можно разсматривать стереоскопически два снимка даже большихъ размѣровъ.

Для движущихся объектовъ, какъ, напримѣръ, Юпитеръ и Сатурнъ, достаточно, какъ нашелъ гейдельбергскій проф. *Вольфъ*, очень небольшого промежутка времени между двумя фотографированіями. Снимки, поставленные въ аппаратѣ такъ, чтобы ихъ изображенія для глаза налегали одно на другое, даютъ поразительный видъ. Вотъ онъ Сатурнъ, какъ яблоко, опоясанное кольцомъ, стоитъ въ пространствѣ на много ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды; кругомъ распредѣлены его восемь лунъ, восемь спутниковъ, однѣ ясно находятся передъ планетой, другія дальше ея, они заходятъ за ея корпусъ.

Прибору предстоитъ будущность, отъ него ждутъ значительныхъ услугъ въ научномъ отношеніи. Подобно тому, какъ получаютъ стереоскопическій видъ отъ движущихся Юпитера или Сатурна, надѣются, что и звѣзды, имѣющія собственныя движенія, если сопоставить снимки, сдѣланные одинъ послѣ другого черезъ нѣсколько лѣтъ, выступятъ въ приборѣ явственно. Стереокомпараторъ такимъ образомъ послужитъ къ открытію такихъ звѣздъ, онъ позволитъ и измѣрить ихъ собственныя движенія.

Точно также и звѣзды, сравнительно близкія къ намъ, для которыхъ должно быть небольшое смѣщеніе при наблюденіи съ двухъ діаметрально-противоположныхъ точекъ земной орбиты, должны выдѣлиться при сопоставленіи снимковъ, сдѣланныхъ черезъ полгода одинъ послѣ другого. Въ стереокомпараторѣ мы должны такимъ образомъ непосредственно при первомъ взглядѣ видѣть, какъ распредѣлены звѣзды въ пространствѣ, которыя ближе къ намъ, которыя дальше, а вѣдь звѣздныя разстоянія мы не можемъ мѣрить даже милліонами верстъ. Для этого вводятъ новую болѣе крупную мѣру — свѣтовой годъ: отъ самой близкой звѣзды свѣтъ, пробѣгая въ каждую секунду 280.000 верстъ, проходитъ $3^1/_2$ года; отъ слѣдующихъ изъ ближайшихъ — 6, 9, 30, 100 и 150 лѣтъ!

Особенное значеніе долженъ имѣть, по мнѣнію проф. Вольфа, стереокомпараторъ при изученіи малыхъ туманностей. При составленіи каталога астра-

номъ долженъ измѣрить положеніе ихъ на пластинкѣ. Объектовъ часто чрезвычайно много (напримѣръ, на одной пластинкѣ у проф. Вольфа въ созвѣздіи «Волосы Вереники» оказалось до 1.000 туманностей), всѣ они очень слабы и подъ микроскопомъ, когда изображеніе увеличено по размѣрамъ, ослаблено въ яркости и болѣе размыто, трудно признать и отожествить ихъ на различныхъ снимкахъ, немудрено и случайное пятнышко на пластинкѣ счесть за туманность. Въ стереокомпараторѣ два изображенія одного и того же предмета даютъ одно. Закрывая попеременно то одинъ, то другой глазъ, можно безъ труда оріентироваться въ снимкахъ, отожествить объекты и отмѣтить особыми мѣтками и номерами на обратной стеклянной сторонѣ пластинки. Новый инструментъ разъ въ десять ускоряетъ утомительную работу.

Съ стереокомпараторомъ, вѣроятно, будетъ легко отыскивать и новыя малыя планеты, оказывающіяся на двухъ снимкахъ нѣсколько смѣщенными, а также перемѣнныя звѣзды, являющіяся различной величины кружочками, такъ какъ при совмѣщеніи изображеній въ стереоскопѣ всякая разница въ частяхъ картины заставляетъ глазъ чувствовать нѣкоторую неловкость, легкую боль. Уже при первыхъ пробныхъ опытахъ, Вольфомъ сдѣлано нѣсколько такихъ открытій. Вольфъ рѣшается даже высказать мнѣніе, что съ примѣненіемъ стереокомпаратора въ изслѣдованіи перемѣнныхъ звѣздъ начинается новая эра.

Таковы надежды, возлагаемыя на новый интересный приборъ.

К. Покровскій.

О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ. Этотъ интересный вопросъ прекрасно разработанъ въ рѣчи, произнесенной ректоромъ гентскаго университета, профессоромъ физики *Van der Mensbrugghe*, при открытіи курса 1901—1902 г. Въ послѣдующемъ мы и будемъ пользоваться фактами и соображеніями, приводимыми Мензбругге на основаніи изслѣдованій, какъ своихъ собственныхъ, такъ и другихъ физиковъ.

Прежде всего нужно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ природѣ твердыя, жидкія и газообразныя частицы работаютъ всегда вмѣстѣ, и авторъ называетъ ихъ даже «тройственнымъ союзомъ». Къ поверхности каждаго твердаго тѣла пристаетъ масса частицъ воздуха и паровъ воды, съ другой стороны въ малѣйшей частицѣ воды содержится значительное число газовыхъ и твердыхъ частицъ, то въ растворѣ, то въ взвѣшенномъ состояніи.

Возьмемъ, напр., сухую песчинку. На основаніи многочисленныхъ и точныхъ изслѣдованій, ее можно сравнить съ комплексомъ маленькихъ частицъ, окруженныхъ эластической средой и какъ бы соединенныхъ другъ съ другомъ воображаемыми упругими пружинами, которыя стремятся сблизить эти частицы до предѣла, допускаемаго окружающей эластической средой. Отсюда ясно, что внутри песчинки каждая такая частица будетъ притягиваться большимъ числомъ пружинъ, чѣмъ частица, находящаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поверхностью нашей песчинки. Вслѣдствіе этого, сила упругости, развивающаяся при сближеніи молекулъ, больше внутри песчинки, чѣмъ въ ея поверхностномъ слоѣ, и частицы, находящіяся въ послѣднемъ, стремятся къ поверх-

ности. Такимъ образомъ наша песчинка окружена, какъ бы *оболочкой*, образованной частицами, разстояніе между которыми становится все больше и больше, по мѣрѣ приближенія къ поверхности песчинки. По выясненію *Плато* и *Квинке*, толщина такой оболочки меньше, чѣмъ 0.00005 миллиметра, новѣйшія изслѣдованія даютъ еще меньшую величину Упругостью этихъ оболочекъ, такъ называемымъ поверхностнымъ натяженіемъ, объясняется, напр., та легкость, съ какою вытекаетъ сухой песокъ черезъ маленькое отверстіе, или отскакиваніе рикошетомъ ядеръ, пущенныхъ наклонно въ сухой песокъ.

Въ интрамолекулярныя пространства этой оболочки проникаютъ со всѣхъ сторонъ частицы воздуха, состоящихъ изъ милліардовъ молекулъ азота, кислорода, углекислоты, паровъ, воды, аргона и т. п. Такимъ образомъ наша оболочка песчинки превращается въ комплексъ частицъ твердаго вещества, частицъ газовъ и паровъ. Такими оболочками покрыты всѣ твердыя тѣла, находящіяся на открытомъ воздухѣ. Благодаря имъ, мы можемъ брать эти предметы въ руки, не боясь, что они пристанутъ къ нашимъ пальцамъ, мы можемъ ходить, не прилипая къ землѣ или къ полу.

Даже самые гладкіе предметы покрыты такими оболочками, состоящими изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.

Но если поверхность тѣла болѣе или менѣе исчерчена и шероховата, то явленіе осложняется еще слѣдующимъ. Пары воды, находящіеся въ окружающемъ воздухѣ, сгущаются тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ уже данное углубленіе.

Это явленіе, теоретическое обоснованіе которому далъ *лордъ Кельвинъ*, прекрасно объясняетъ свойства такихъ гигроскопическихъ веществъ, какъ, напр., волокна пеньки, бумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, скрипичныя струны, шерсть животныхъ, волоса и пр. Во всѣхъ этихъ веществахъ находятся тончайшія трещины или отверстія, которыя поглощаютъ паръ воды скорѣе, при болѣе высокой температурѣ, чѣмъ тѣла съ гладкими поверхностями. Этимъ, напр., объясняется лопанье скрипичной струны, столь частое въ концертахъ. Струна, состоящая изъ скрученныхъ волоконъ, насыщаясь влагой, удлиняется и утолщается, отдѣльныя волокна уже не могутъ описывать прежняго числа спиралей безъ того, чтобы не былъ бы перейденъ предѣлъ растяженія—и струна разрывается.

Благодаря этому же портятся книги въ библіотекахъ и картины въ музеяхъ. Частицы пара проникаютъ въ тонкія воздушныя прослойки между листами книгъ и тамъ образуютъ среду, благопріятную для развитія различныхъ микроскопическихъ зародышей, всегда находящихся въ изобиліи на листахъ книгъ. Поэтому, для сохраненія книгъ полезно не только переплетать ихъ, но и золотить обрѣзъ, чтобы частицы пара не могли бы съ такою легкостью проникать между листами.

Картины отсырѣваютъ и портятся въ силу того же процесса. Сырость проникаетъ съ задней части картинъ, гдѣ холстъ не покрытъ краской и представляетъ тончайшіе пріемники для влаги. Можно было бы уберечься отъ этой порчи, если бы картины покрывать съ задней части какимъ-нибудь лакомъ или резиноподобнымъ веществомъ. Если боятся, что этимъ пріемомъ можно испор-

тить краски картинъ, то можно на заднюю часть картины плотно натягивать какую-нибудь неизмѣняющуюся ткань, которая будетъ защищать картину отъ проникновенія влаги.

Появленіе зимой на нашихъ оконныхъ стеклахъ красивыхъ, но неправильныхъ ледяныхъ узоровъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. На стеклахъ пыль распредѣлена, конечно, самымъ неравномѣрнымъ образомъ, въ иныхъ мѣстахъ ее много, въ другихъ мало, въ третьихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Пары воды сгущаются прежде всего тамъ, гдѣ частицы пыли расположены такъ, что образуютъ наиболѣе тонкія капиллярныя пространства; здѣсь начинается затвердѣваніе сгустившейся воды, и первые осѣвшіе кристаллы являются центромъ дальнѣйшаго сгущенія и кристаллизаціи.

Можно привести еще много примѣровъ, которые объясняются такимъ взаимодѣйствіемъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ въ капиллярныхъ пространствахъ, — напримѣръ, ржавленіе конца иголки, воткнутой въ подушку, набитую опилками, разрывъ веревки, прикрѣпленной къ желѣзному крюку и поддерживающей картину и т. п. Но обратимся къ явленіямъ болѣе грандіознымъ, совершающимся въ природѣ.

Каждый комъ земли въ обработанномъ полѣ сложенъ изъ безконечнаго числа твердыхъ зеренъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга «оболочками», менѣе плотными, чѣмъ эти зерна; въ оболочкѣ находятся самыя разнообразныя твердыя, жидкія и газообразныя частицы. Послѣ дождя, достаточнаго для того, чтобы напитать почву на нѣсколько сантиметровъ въ глубину, наступаютъ явленія, извѣстныя уже, можетъ быть, тысячелѣтія, но доселѣ, по словамъ автора, еще не объясненныя. Частицы, образующія оболочку, слишкомъ удалены другъ отъ друга для того, чтобы между ними могло существовать болѣе или менѣе значительное притяженіе. Когда же дождевая вода проникнетъ во всѣ промежутки и образуетъ вокругъ каждаго зерна почвы смачивающій слой, то совокупность такихъ слоевъ начинаетъ повиноваться уже сцѣпленію жидкости, и такъ какъ вода прилипаетъ къ почвѣ сильнѣе, чѣмъ воздухъ, то зерна почвы склеиваются другъ съ другомъ сильнѣе, чѣмъ въ сухой почвѣ. Въ результатѣ объемъ такой насыщенной водою почвы становится меньше, чѣмъ сухой. Если затѣмъ эта почва подвергается достаточно продолжительному высыханію, то мало-по-малу смачивающіе слои испаряются, и зерна почвы сближаются другъ съ другомъ; объемъ верхняго почвеннаго слоя постепенно еще болѣе уменьшается, наконецъ, онъ становится совершенно компактнымъ и въ немъ необходимо должны образоваться болѣе или менѣе широкія и глубокія трещины. Такъ появляются тѣ компактныя глыбы земли, которыя доставляютъ земледѣльцу столько хлопотъ.

Съ другой стороны, это неудобство компенсируется явленіемъ, весьма благопріятнымъ для произрастанія: послѣ продолжительнаго сухого періода почва сильнѣе сдавливаетъ корни растеній и они еще долго могутъ поглощать остатки влаги, сохранившейся еще въ землѣ.

На основаніи своихъ опытовъ и вычисленій, авторъ пришелъ къ заключенію, что вода такого слоя, смачивающаго какое-нибудь твердое тѣло, нахо-

дится въ болѣе сгущенномъ состояніи, чѣмъ вода внутри водяной массы, такъ какъ твердое смачиваемое тѣло посылаетъ въ смачивающій слой энергичные удары. Благодаря этому, въ смачивающемъ слоѣ находятся и твердыя, и жидкія частицы и плотность его больше, чѣмъ обыкновенной воды.

Этимъ объясняется выдѣленіе тепла, наблюдаемое при насыщеніи почвы водою и тѣмъ болѣе сильнѣе, чѣмъ болѣе раздроблена земля и чѣмъ, слѣдовательно, больше число такихъ смачивающихъ слоевъ. Уже со временъ опытовъ французскаго физика *Пулье* выяснилось, что изъ неорганическихъ веществъ при насыщеніи водою наиболѣе нагрѣвались наиболѣе пористыя—глина, кирпичъ,—но еще болѣе сильное нагрѣваніе происходило при насыщеніи водою тѣлъ органическихъ. Такъ, напр., сухая бумага, насыщенная водою, нагрѣвалась на $4^0,5$ Ц., корень ириса на $6^0,12$, крахмалъ на $9^0,7$, наконецъ, очень тонкія животныя перепонки почти на 10^0.

Эти опыты выясняютъ намъ одну изъ причинъ всѣмъ извѣстнаго явленія, что новина даетъ лучшіе урожаи, чѣмъ почва, бѣдная органическими веществами.

На основаніи своихъ опытовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что вообще всякое измѣненіе въ температурѣ поверхности, раздѣляющей твердое тѣло отъ жидкаго, влечетъ за собою термоэлектрическій токъ. Поэтому явленія смачиванія должны имѣть громадное значеніе въ метеорологіи. Дѣйствительно, если каждая капля воды, смачивающая песчинку, вызываетъ повышеніе температуры и, слѣдовательно, термоэлектрическій токъ, то какія же грандіозныя тепловыя и электрическія явленія должны происходить въ природѣ, когда громадныя массы паровъ подымаются въ воздушный океанъ и обволакиваютъ тамъ миріады пылинокъ, или когда тропическіе дожди періодически насыщаютъ почву. Такимъ образомъ устанавливаютъ причины и термоэлектрическихъ токовъ въ почвѣ и накопленія электричества въ атмосферѣ.

Новая теорія происхожденія конечностей. Происхожденіе и развитіе конечностей у позвоночныхъ принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ вопросамъ сравнительной анатоміи и эмбріологіи. Существуютъ двѣ теоріи, пытающіяся рѣшить этотъ вопросъ. Одна изъ нихъ, такъ называемая «теорія архиптеригія», принадлежитъ *Гегенбауеру*, другая — *Бальфуру*, *Миварту*, *Дорну*, *Эшару*. По Гегенбауеру конечности позвоночныхъ развились изъ жаберныхъ дугъ. За исходную схему строенія конечностей Гегенбауеръ принимаетъ плавникъ цератодуса — двоякодышащей рыбы, у которой онъ состоитъ изъ расчлененнаго главнаго луча съ двумя рядами боковыхъ лучей. Эту примитивную форму конечности Гегенбауеръ называетъ Archipterigium (архиптеригій). У цератодуса жаберная дуга, образующая конечность, передвигается кзади; главный лучъ съ боковыми лучами образуютъ собственно конечность, дуга же—поясокъ, прикрѣпляющій конечность къ тѣлу. Изъ конечности—плавника цератодуса, согласно этой теоріи, развились плавники селахій путемъ развитія лучей, прикрѣпленныхъ не къ жаберной дугѣ, а къ одной сторонѣ главнаго луча. Отъ конечности же селахій Гегенбауеръ производитъ конечности

амфибій и млекопитающихъ. При этомъ изъ 3 костей, составляющихъ основаніе плавника, остается одна, остальныя же кости принимаютъ иное расположеніе; пальцы (кромѣ указательнаго), нѣкоторыя кости пястья и запястья образуются изъ боковыхъ лучей. Такимъ образомъ и получается пятипалая конечность.

По теоріи, развитой Бальфуромъ, Мивартомъ и др., плавники образуются изъ боковыхъ кожныхъ складокъ. Извѣстно, что у селахій и амфибій во время ихъ эмбріональнаго развитія образуется двѣ парныя кожныя складки, идущія отъ жаберныхъ щелей вдоль всего тѣла и сливающіяся съ непарной спинной складкой. Въ эти боковыя складки вростаютъ мускулы тѣла, состоящіе изъ верхней и нижней части, между которыми находится хрящевой лучъ. Части, изъ которыхъ образуются передніе и задніе плавники, развиваются дальше, а между ними лежащія части исчезаютъ.

Конечности рыбъ рѣзко отличаются отъ конечностей остальныхъ позвоночныхъ; переходныя же формы неизвѣстны. Кромѣ того, многіе признаютъ, что первоначально вся боковая складка кожи служила для передвиженія, позже, съ развитіемъ конечностей и исчезновеніемъ боковыхъ складокъ, исчезли и мускулы.

Къ этой теоріи примыкаетъ также *Рабль*, недавно опубликовавшій большую работу, касающуюся даннаго вопроса.

Онъ обращаетъ вниманіе на плавники тѣхъ рыбъ, у которыхъ они состоятъ изъ хрящей. У этихъ рыбъ замѣчается большое сходство между переднимъ краемъ грудныхъ плавниковъ и заднимъ краемъ брюшныхъ, а также между заднимъ краемъ грудныхъ и переднимъ брюшныхъ плавниковъ. Сходство это нѣкоторые зоологи «объясняли» тѣмъ, что брюшные плавники повернулись на 180^0 по отношенію къ грудными.

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, *Рабль* спрашиваетъ, почему изъ боковыхъ складокъ образовалось не больше двухъ конечностей, вѣдь не потому же, что большее ихъ число явилось бы менѣе благопріятнымъ для животнаго.

По мнѣнію Рабля, боковыя складки, съ мускулами, въ нихъ находящимися, служили вовсе не органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ, но скорѣе парашютомъ, роль котораго начиналась, главнымъ образомъ, по прекращеніи движенія впередъ и при боковомъ положеніи животнаго, а также для поддержанія равновѣсія. Подобное значеніе и теперь сохраняютъ парные плавники въ томъ смыслѣ, что они только вмѣстѣ съ непарными плавниками задней части тѣла являются органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но не смотря на то, что боковыя кожныя складки имѣли значеніе парашюта, въ нихъ все же могла развиться мускулатура, которая дала возможность совершать нѣкоторыя движенія. Для этого, по мнѣнію Рабля, вовсе не нужно, чтобы мускулатура сразу развилась по всей длинѣ боковыхъ кожныхъ складокъ, необходимо только, чтобы сначала она появилась вблизи передняго и задняго концовъ этихъ складокъ. Отсюда мускулатура распространяется по всей складкѣ съ дифференцировкой на спинные и брюшные мускулы или разгибателей и сгибателей; между ними же, изъ соединительной ткани складки, образуются лучи плавниковъ. Затѣмъ, въ переднемъ и заднемъ концѣ складки появляются хрящевые лучи. Такимъ

образомъ опорой обоихъ концовъ складокъ стали служить хрящевые лучи; благодаря этому они не только смогли взять на себя роль боковыхъ складокъ, но и выполнить эту роль даже лучше послѣднихъ. Вслѣдствіе этого средина складокъ могла исчезнуть, концы же ихъ развиться въ брюшные и грудные плавники. Но такъ какъ скелетъ въ части складки, изъ которой образовался грудной плавникъ, развивался спереди назадъ, а въ брюшномъ плавникѣ наоборотъ, сзади наперед, то понятно, что передній конецъ грудного плавника долженъ болѣе или менѣе походить на задній брюшнаго, а передній этого послѣдняго на задній грудного. Что же касается непарной спинной складки, то изъ нея съ самаго начала развиваются непарные плавники въ менѣе ограниченномъ количествѣ, и развитіе ихъ скелета идетъ изъ одной, а не изъ двухъ точекъ, какъ это мы видѣли у парныхъ плавниковъ. Этимъ общимъ происхожденіемъ изъ кожныхъ складокъ и объясняется сходство строенія непарныхъ брюшныхъ и спинныхъ плавниковъ.

На основаніи изученія исторіи развитія позвоночныхъ, Рабль приходитъ къ заключенію, что формы плавниковъ, напримѣръ, акулы и осетра, а также и двоякодышащихъ имѣютъ различное происхожденіе; въ образованіи плавниковъ большую роль играетъ образъ жизни этихъ рыбъ, а также и та или иная глубина, на которой они обитаютъ. У нѣкоторыхъ двоякодышащихъ (Protopterus) конечности узкія, у другихъ (Ceratodus) широкія—настоящіе плавники. Многіе ученые принимаютъ, что эти широкія конечности являются первоначальными формами; Рабль же первоначальными формами плавниковъ двоякодышащихъ считаетъ наиболѣе простые, наименѣе расчлененные плавники, которые и теперь еще встрѣчаются у нѣкоторыхъ двоякодышащихъ рыбъ, живущихъ на незначительныхъ глубинахъ (Lepidosiren), сильно же расчлененные плавники Цератодуса произошли, по его мнѣнію, изъ первыхъ, болѣе простыхъ плавниковъ, путемъ образованія новыхъ лучей. Для многихъ двоякодышащихъ рыбъ, напр. Протоптеруса, тонкіе плавники являются только второстепеннымъ орудіемъ передвиженія; то же можно сказать и про хвостатыхъ амфибій, когда онѣ движутся въ водѣ. Тонкія оконечности тѣхъ и другихъ, согласно изслѣдованію Рабля, произошли изъ боковыхъ складокъ кожи.

Большая пропасть, по мнѣнію автора, лежитъ между плавниками рыбъ и пятипалыми конечностями остальныхъ позвоночныхъ. Рабль, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ эмбріональнаго развитія пятипалой конечности указываетъ, что пять лучей такой конечности появляются не всѣ сразу, но сначала одинъ, затѣмъ другой, третій и т. д. Это приводитъ автора къ мысли, что и въ филогенетическомъ развитіи пятипалая конечность появилась не сразу, а образовалась изъ гораздо менѣе расчлененной поверхности. Многое въ эмбріональномъ развитіи говоритъ въ пользу этого взгляда. Такъ, авторъ нашелъ, что развитіе пальцевъ верхней и нижней конечности идетъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ развитіе плавниковыхъ лучей. Замѣчательно, что нѣкоторыя кости плюсны ноги имѣютъ вначалѣ общее очертаніе и разъединяются только впослѣдствіи. Изученіе конечностей амфибій подкрѣпляетъ Рабля въ его взглядѣ о позднѣйшемъ происхожденіи пятипалыхъ конечностей. Одни пред-

ставители этого класса животныхъ имѣютъ пятипалыя конечности, другіе четырехпалые, наконецъ третьи—трехъ—и даже двухпалыя (Протей). У этихъ трехъ или двухпалыхъ амфибій плюсна состоитъ только изъ трехъ костей. При сравненіи такой плюсны съ плюсною пяти и четырехпалыхъ амфибій Рабль замѣтилъ, что, такъ сказать, лишнія кости плюсны послѣднихъ имѣютъ вторичный характеръ и могутъ быть выведены изъ трехъ остальныхъ костей плюсны. Авторъ разсматриваетъ скелетъ плюсны передней конечности зародыша амфибіи, состоящей изъ трехъ костей, и находитъ, что первичная базальная кость не подвергается впослѣдствіи расчлененію, первичная радіальная чаще дѣлится на двѣ части, но первичная локтевая средняя, претерпѣваетъ впослѣдствіи и дальнѣйшее расчлененіе. Расчлененіе первичной радіальной кости плюсны всегда только поперечное, а первичной локтевой и поперечное и продольное. Тоже самое наблюдается и по отношенію къ задней конечности. Три первичныя кости плюсны передней конечности авторъ нашелъ и при изученіи эмбріональнаго развитія саламандры, у которой только въ позднѣйшихъ періодахъ этого развитія появляется такое число пальцевъ, которое мы наблюдаемъ у взрослаго животнаго. На основаніи этого Рабль приходитъ къ заключенію, что первоначальная форма плюсны какъ передней, такъ и задней конечности всѣхъ пальчатыхъ позвоночныхъ животныхъ была плюсна, состоящая изъ трехъ костей.

На оконечности прежде всего, согласно изслѣдованію Рабля, появляются, благодаря расщепленію, два пальца, одинаковые, какъ по своему происхожденію, такъ и по своей формѣ; происхожденіе же остальныхъ пальцевъ совершенно иное. Третій и четвертый палецъ появляются не вслѣдствіе дальнѣйшаго расщепленія лучевого отвѣтвленія конечности, но благодаря образованію почковидныхъ выступовъ на лучевой сторонѣ послѣдней

Такимъ образомъ, по представленіи Рабля, появленіе пятипалой конечности идетъ слѣдующимъ образомъ. Сначала изъ складки кожи появляется культевидная или шиловидная конечность, позднѣе на ней отщепляются два пальца—образуется уже органъ, способный служить для передвиженія и который авторъ сравниваетъ съ конечностями членистоногихъ. Затѣмъ, въ силу функціональныхъ приспособленій, идетъ дальнѣйшее расчлененіе.

Значеніе извести и магнезіи для растеній. *Д. Май и О. Левъ* производили съ 1899 г. въ лабораторіи для физіологіи и патологіи растеній при департаментѣ земледѣлія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ цѣлый рядъ опытовъ относительно значенія извести и магнезіи для процвѣтанія растеній. Уже давно было извѣстно, что соли магнезіи составляютъ крайне вредную составную часть почвы и что обогащеніе почвы магнезіей, вслѣдствіе долговременнаго удобренія ея неочищенными калійными солями (Abraumsalze), дѣлаетъ ее, въ концѣ концовъ, совершенно неплодородной, такъ какъ эти соли содержатъ много магнезіи, иногда до 9 процентовъ.

При опытахъ съ культурами въ водѣ, въ пескѣ и въ садовой землѣ оказалось, что растворенныя соли магнезіи, даже въ очень небольшомъ количествѣ,

являются сильнымъ ядомъ для растеній, если только въ почвѣ нѣтъ извести. Но какъ только въ почву вводилась известь въ растворенномъ состояніи и въ одинаковомъ съ солями магнезіи количествѣ или въ избыткѣ, сейчасъ же прекращалось вредное вліяніе, оказываемое соединеніями магнезіи, и даже большія количества магнезіи теряли свое вредное вліяніе. Другія соли не оказываютъ такого благопріятнаго вліянія на почву, богатую магнезіей, какъ соли извести.

При опытахъ съ культурами въ пескѣ, въ который вводили магнезію и известь въ видѣ азотнокислыхъ солей, наилучшіе результаты получились при небольшомъ избыткѣ азотнокислой извести. При введеніи большого количества азотнокислой извести страдалъ ростъ растеній, точно также какъ и при незначительномъ избыткѣ азотнокислой магнезіи; при большомъ же избыткѣ послѣдней соли, растеніе немедленно погибало.

При опытахъ съ культурами въ почвѣ, въ которую вводилась углекислая магнезія, вредное вліяніе, оказываемое этою солью, не уничтожалось даже отъ прибавленія углекислой извести, такъ какъ послѣдняя соль менѣе растворима, чѣмъ первая. Но зато введеніе сѣрнокислой извести вызывало немедленно улучшеніе, потому что эта соль извести гораздо легче растворяется, чѣмъ углекислое ея соединеніе. На основаніи дальнѣйшихъ опытовъ, оказалось гораздо цѣлесообразнѣе, для устраненія вреднаго вліянія магнезіи, вводить въ почву гипсъ не сразу въ большомъ количествѣ, а ежегодно небольшими порціями, до тѣхъ поръ, пока содержаніе извести не сравняется съ содержаніемъ магнезіи.

Введеніе въ почву гипса въ большомъ количествѣ полезно только въ тѣхъ случаяхъ, когда магнезія попадаетъ въ почву вмѣстѣ съ неочищенными солями калія, въ видѣ удобренія. Иногда вмѣстѣ съ углекислою известью вносится въ почву углекислая магнезія, если первая примѣняется въ видѣ удобреній, содержащихъ магнезію; такія удобренія примѣняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желательно сдѣлать плодородной почву, богатую кислотами. Такъ, *Велеръ* въ своемъ сочиненіи объ исландскихъ почвахъ давно уже указывалъ, что углекислая известь является, во всякомъ случаѣ, лучшимъ и самымъ простымъ средствомъ для освобожденія отъ кислотности; той же цѣли, впрочемъ, можно достигнуть при помощи удобренія мергелемъ. Тѣ, которые прибѣгаютъ съ этой цѣлью къ извести, должны раньше убѣдиться, что она не содержитъ въ большомъ количествѣ углекислой магнезіи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они только ухудшатъ почву вмѣсто того, чтобы ее улучшить.

Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. Рефлекторными движеніями, какъ извѣстно, называютъ такія движенія, которыя вызываются большею частью прямо спиннымъ мозгомъ и отвѣчаютъ непосредственно на раздраженіе. Таковы, напр., защитныя движенія или такія координированныя движенія, какъ ходьба, танцы, игра на инструментахъ, ѣда и т. д. Для воспроизведенія ихъ, слѣдовательно, не нужно дѣятельности головного мозга и потому они совершаются даже обезглавленными животными. *Флурансъ* удалялъ у голубей головной мозгъ; несмотря на это, они въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ѣли пищу и проглатывали ее, какъ только ее вводили имъ въ клювъ, такъ какъ сами они не были въ состояніи ее оты-

скивать. *Робэнъ* произвелъ опытъ съ преступникомъ, который за часъ до того былъ обезглавленъ. Онъ дѣлалъ царапины скальпелемъ около грудного соска и вызвалъ благодаря этому сильныя защитныя движенія: мертвецъ сталъ двигать руками по спинѣ. Д-ръ *В. Штернбергъ* сообщаетъ въ одномъ спеціальномъ журналѣ о мимическихъ движеніяхъ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, которыя ему пришлось наблюдать у одного родившагося безъ полушарій головного мозга ребенка. Ребенокъ дожилъ—совершенно необычайный случай—до десяти дней. Опыты были поставлены на второй день послѣ рожденія и состояли въ томъ, что новорожденному, при помощи волосяной щеточки, смазывали языкъ различными растворами; для этой цѣли брались сладкіе, горькіе, соляные и кислые растворы. Новорожденный до того времени не принималъ никакой пищи; какъ только ему смазали языкъ сладкимъ растворомъ, онъ открылъ глаза, сталъ облизываться; онъ отвѣдалъ съ большимъ удовольствіемъ, очевидно, въ первый разъ этотъ растворъ и даже схватилъ щеточку. Послѣ этого языкъ смазали горькимъ растворомъ; лицо ребенка сейчасъ же искривилось, онъ закинулъ головку назадъ, приподнялъ ее нѣсколько разъ немного вверхъ и выбросилъ жидкость. Тогда ему снова смазали языкъ растворомъ сахара; при первой попыткѣ ребенокъ пытался оказать сопротивленіе (вслѣдствіе продолжавшагося еще ощущенія горькаго), но затѣмъ, очевидно, проглотилъ съ удовольствіемъ. Кислый уксусный растворъ вызвалъ жалкія гримасы на лицѣ и новое выраженіе неудовольствія съ попытками защитить себя; но «кислое выраженіе» лица быстро смѣнилось «сладкими», какъ только языкъ снова былъ смазанъ растворомъ сахара. Соленый растворъ вызвалъ также неудовольствіе, сжатіе рта и нежеланіе его проглотить. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, лишенный полушарій головного мозга ребенокъ черезъ 26 часовъ послѣ рожденія обнаружилъ, подъ вліяніемъ вкусовыхъ ощущеній, тѣ же мимическія движенія, что и нормальный ребенокъ, и взрослый человѣкъ.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ **1902 г.**

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія. — Философія. — Публицистика.— Справочныя изданія.—Новыя книги.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Мережковскій. «Разсказы».—*А. Яблоновскій.* «Очерки и разсказы».—*В. Брусянинъ.* «Разсказы».—*С. Я. Надсонъ.* «Недопѣтыя пѣсни».—*В. Рудичъ.* «Стихотворенія».

Д. Мережковскій. Итальянскія новеллы конца XV в. Микель Анжело. Святой Сатиръ. Москва. Изд. «Скорпіонъ». 1902 г. Ц. 1 р. 35 к. Итальянскія новеллы, хроники и легенды, составившія настоящій сборникъ г. Мережковскаго, представляютъ тотъ подготовительный матеріалъ, который былъ нуженъ автору для второй части его трилогіи—«Христосъ и Антихристъ»—«Воскресшіе боги». Матеріалъ этотъ, ни мало неинтересный самъ по себѣ, заслуживаетъ вниманія съ другой стороны. Въ настоящее время г. Мережковскій «изъ кожи лѣзетъ вонъ», дабы повѣдать urbi et orbi о той эволюціи, какую онъ совершаетъ въ сторону православной ортодоксіи. Въ новомъ «религіозномъ обществѣ», учрежденномъ въ Петербургѣ, онъ занялъ не только «правое» крыло, но далеко оставилъ за флагомъ даже оффиціальныхъ представителей воинственной ревностью, съ которой онъ развѣнчиваетъ всякаго врага и супостата. Въ «Мірѣ Искусства» онъ неистово раздѣлываетъ Толстого и всѣхъ иже съ нимъ. Въ публичныхъ лекціяхъ онъ ратоборствуетъ противъ «діавола», ущемляя его за хвостъ съ ловкостью, напоминающей монаха Ѳерапонта изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». И такъ всюду, куда бы ни завела его судьба, онъ силится подчеркнуть свою воинствующую ревность и жаръ, какими онъ охваченъ нынѣ. Мы, наивные свидѣтели этихъ подвиговъ новоявленнаго архистратига, невольно задавались вопросомъ, чѣмъ объяснить этотъ странный жаръ и всю необычность такой эволюціи въ человѣкѣ, который еще на дняхъ былъ то эллиномъ, то итальянцемъ эпохи возрожденія? Невзрачная книжечка его новеллъ открыла намъ секретъ, которымъ считаемъ не лишнимъ подѣлиться и съ другими.

Дѣло, какъ оно представляется намъ, очень просто. Когда г. Мережковскій сочинялъ своего «Юліана-Отступника», онъ рядился въ эллинскіе наряды, создавая себѣ искусственную обстановку для эллинскаго настроенія. То же, какъ свидѣтельствуетъ лежащая передъ нами книжечка новеллъ изъ старо-итальянской жизни, продѣлывалъ онъ, когда писалъ «Леонардо да-Винчи». А теперь ему надо приступать къ третьей части трилогіи, въ которой должна быть дана генеральная битва Антихристу, въ изображеніи борьбы раскола съ Петромъ Великимъ. И г. Мережковскій, какъ говорится, «монтируетъ» себя. Онъ силится войти въ то настроеніе, какое должны были переживать люди той эпохи, когда одни сотнями сжигали себя въ срубахъ, а другіе за двуперстное сложеніе

колебали русское государство. Французъ Гюисмансъ указалъ ему дорогу, какъ надо поступать въ такомъ случаѣ. Когда онъ задумалъ воспроизвести средневѣковую мистику, онъ перерядился въ монаха, поступилъ послушникомъ въ монастырь молчальниковъ и потомъ все это надлежаще описалъ. Г. Мережковскій подражаетъ ему,—конечно, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и мѣста, но цѣль одна и та же. Онъ хочетъ возбудить въ себѣ религіозный жаръ, нападая на Толстого и всѣхъ отступниковъ, искусственно раздражаетъ себя, возбуждаетъ и взвинчиваетъ, такимъ путемъ надѣясь проникнуть въ тѣ таинственныя области духа, откуда исходило упорство Аввакумовъ, Денисовыхъ и ихъ гонителей. Но тутъ съ нимъ и случилась бѣда. Прежде, для эллинства и эпохи возрожденія, онъ имѣлъ массу примѣровъ, пути здѣсь проложены и ритуалъ богато разработанъ. Не то въ его новомъ положеніи. Здѣсь ему приходится быть новаторомъ, и на первыхъ же шагахъ онъ обнаружилъ недостатокъ оригинальности и творчества, этотъ коренной дефектъ его натуры, какъ писателя. Ибо за всю свою двадцатилѣтнюю литературную дѣятельность онъ былъ всегда и во всемъ подражателемъ. Въ тѣ дни, когда ему еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», онъ подражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ Некрасову и Надсону; потомъ онъ только подражалъ декадентамъ запада, далѣе сталъ въ ряды г. Волынскаго и вслѣдъ за нимъ шествовалъ на завоеваніе новой красоты, которую вычиталъ у прерафаэлитовъ и у Рёскина. Теперь онъ очутился въ безпомощномъ положеніи. Отсюда его современныя метанія между Толстымъ и Достоевскимъ, псалтиромъ и участкомъ, діаволомъ и святой водой. Въ погонѣ за не дающимся ему настроеніемъ, онъ изображаетъ теперь не то петербургскую просвирню, съ ея наивною вѣрою въ «тьму эгипетскую», заключенную въ стклянкѣ у мимо идущаго странника, не то петербургскаго чиновника, который, сидя въ департаментскомъ креслѣ, думаетъ предписаніями и отношеніями утверждать вѣру отъ «хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Такъ, снѣдаемый горячкой подражанія, онъ остается все тѣмъ же лаодикійскимъ ангеломъ, который никогда не былъ ни холоденъ, ни горячъ. И безслѣдно звучатъ для него роковыя слова: «ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣтую тебѣ купить у меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть».

Въ книжечкѣ новеллъ все подражательно, въ особенности сильно вліяніе разсказовъ Анатоля Франса, съ добавленіемъ личной особенности г. Мережковскаго въ видѣ ничѣмъ не прикрытаго сладострастія. Образчикомъ могла бы служить послѣдняя легенда «Святой Сатиръ», гдѣ видѣнія монаха изображены съ тою напряженностью больного воображенія, которая носитъ въ психіатріи вполнѣ опредѣленное названіе. Теперь, когда въ сокрушеніи духа г. Мережковскій ищетъ новаго настроенія, ему остается окурить себя ладаномъ и окропить себя исопомъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ «святымъ ступенямъ», по которымъ онъ собирается шествовать нынѣ съ святымъ лицемѣріемъ въ третью часть своей трилогіи. Только войдетъ ли онъ въ нее? Сильно сомнѣваемся, чтобы всѣ эти ужимки и прыжки помогли ему. Въ «Юліанѣ-Отступникѣ» и «Леонардо да-Винчи» онъ имѣлъ богатую литературу, гдѣ черпалъ безданно-безпошлинно. А въ новомъ предпріятіи онъ съ самаго начала пошелъ безъ обычнаго руководства. И потому, отнюдь не претендуя на всевѣдѣніе пророка, предвидимъ плачевное фіаско, какое ожидаетъ новаго архистатига въ его окончательной стычкѣ съ Антихристомъ.

Любопытнѣе всего для насъ та новая эволюція, которая завершитъ трилогію личныхъ перевоплощеній г. Мережковскаго—изъ либръ-пансера черезъ

мистика въ просвирню—и изъ сей послѣдней? Поживемъ—увидимъ, а пока, разгадавъ секретъ его современныхъ вольтовъ и пассовъ, можемъ не безъ удовольствія взирать на подвиги, совершаемые г. Мережковскимъ въ литературѣ и на общественной аренѣ. Всѣмъ, поэтому, кто не безъ удивленія взираетъ на его непонятную игру, совѣтуемъ заглянуть въ разбираемую книжечку, гдѣ примитивная фигурка автора встаетъ передъ читателемъ во всей «срамотѣ наготы своей». *А. Б.*

А. Яблоновскій. Очерки и разсказы. 1902 г. Ц. 1 р. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. Имя нашего талантливаго сотрудника, А. А. Яблоновскаго, хорошо знакомо читателямъ нашего журнала. Не только его блестящіе очерки «Изъ гимназической жизни»,—лучшее, что появилось за послѣднее время въ литературѣ относительно внутренней жизни нашихъ гимназій,—но и рядъ его художественныхъ картинокъ изъ жизни деревни, появившихся ранѣе, обращали вниманіе читателей и критики на этотъ свѣжій талантъ. Напомнимъ его «Деревенскія картинки», «На изысканіяхъ», «Конокрадъ», «Нухимъ», напечатанные отчасти у насъ, отчасти въ другихъ изданіяхъ. Отличительная черта, рѣзко выдѣляющая г. Яблоновскаго изъ числа другихъ молодыхъ художниковъ, это его здоровый мягкій юморъ, которымъ проникнуты его художественныя картинки и такія большія произведенія, какъ «Изъ гимназической жизни». Благодаря этому юмору, самыя мрачныя изображенія получаютъ подъ его перомъ оттѣнокъ особой жизненности. Что можетъ быть безотраднѣе его очерковъ гимназіи, а между тѣмъ впечатлѣніе получается отнюдь не безисходнаго мрака и мертвенности, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Его гимназисты вовсе не забитые и хмурые, жалкіе и больные, какими мы были бы готовы воображать ихъ себѣ на основаніи разныхъ теоретическихъ соображеній. Въ нихъ преобладаетъ черта здоровой, не поддающейся никакому гнету *молодой жизнерадостности*, которая одна только и спасала и спасаетъ нашу молодежь отъ полной умственной и нравственной гибели. Юмористическая жилка, свойственная автору, помогла ему не только высмѣять основной тонъ гимназическаго строя, но и выдѣлить эту радость жизни, которую не уложишь ни въ какія программы и не подавишь никакими усиліями. Нѣкоторые критики того типа, что всегда брюзжатъ на автора, зачѣмъ онъ «не знакомъ съ нашимъ пѣтухомъ», упрекали г. Яблоновскаго въ односторонности изображенія. Слишкомъ, по ихъ мнѣнію, его юноши веселы и бойки, какъ будто надъ ними не виситъ вѣчный гнетъ. Но въ томъ и дѣло, что мрачное и угрюмое настроеніе, свойственное самимъ критикамъ, они переносятъ и на жизнь молодежи, и въ этомъ ихъ главная ошибка. Стоя въ отдаленіи отъ современной молодежи, которая давно уже перестала интересоваться писаніями критиковъ этого лагеря, они незнаютъ ея и не понимаютъ. Вотъ почему имъ кажется невѣроятнымъ тотъ бодрый и здоровый духъ, которымъ вѣетъ отъ очерковъ г. Яблоновскаго.

Доставалось послѣднему и за его изображенія деревни, и одинъ, особенно злобствующій «ревнитель закона» даже сопричислилъ автора къ сотрудникамъ «Московскихъ Вѣдомостей» за его «Деревенскія картинки», въ которыхъ изображена крестьянская дѣтвора («Ребятишки»), мучающая животныхъ и выманивающая этимъ способомъ деньги у старой сердобольной барыни. Критикъ (въ покойной «Недѣлѣ») напоминалъ недостойному г. Яблоновскому «Крестьянскихъ дѣтей» Некрасова и призывалъ нашъ журналъ «къ порядку» за помѣщеніе на своихъ страницахъ подобныхъ произведеній, невѣрно рисующихъ деревню. Г. Яблоновскій имѣетъ, однако, дерзость помѣстить и въ отдѣльномъ изданіи своихъ «Ребятишекъ», эту, по нашему мнѣнію, прелестную въ художественномъ отношеніи картинку деревенской жизни. Правда, картинка жестокая, но еще старикъ Крыловъ сказалъ: «Сей возрастъ жалости не знаетъ».

Но и въ этой жестокости вы чувствуете столько юмора, безсознательно внесеннаго авторомъ въ изображеніе дѣтворы и ея отношенія къ барынѣ, что нужно быть въ особо злобномъ настроеніи, чтобы въ этой безобидной, хотя и своеобразной идилліи усмотрѣть нарочитый поклепъ на крестьянскихъ дѣтей.

Также прелестны его «На изысканіяхъ», «Удружилъ», «Нухимъ», которые нельзя читать безъ самаго веселаго, безобиднаго смѣха, хотя тема, напр., въ «Нухимѣ» вовсе не изъ особенно веселыхъ. Но авторъ, какъ истинный художникъ-реалистъ, и въ самомъ трагическомъ улавливаетъ всегда присущія ему черты комическаго, отчего съ особой выпуклостью выдѣляется въ его изображеніи голая, житейская правда.

Болѣе мраченъ изъ всѣхъ разсказовъ г. Яблоновскаго «Конокрадъ», написанный превосходно съ точки зрѣнія художественной мѣры, сжато и сильно. Юморъ и здѣсь смягчаетъ жестокость сцены избіенія конокрада, когда налетаетъ бравый становой и взмахомъ нагайки усмиряетъ разъяренную толпу.

Таковъ первый сборникъ произведеній г. Яблоновскаго, читаемыхъ съ неослабнымъ интересомъ. *А. Б.*

Вас. Брусянинъ. Разсказы. Ц. 1 руб. Изд. «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Есть одна общая черта у всѣхъ молодыхъ современныхъ беллетристовъ,—очень ужъ они торопятся «издавать» себя. Не успѣетъ такой авторъ написать съ полъ-дюжины «эскизовъ», «очерковъ», «разсказовъ», глядишь и новый сборникъ «произведеній такого-то». Въ результатѣ получается масса сборниковъ, которыми молодые начинающіе беллетристы забрасываютъ читателя, и если бы послѣдній занялся добросовѣстнымъ ихъ чтеніемъ, онъ скоро увялъ бы подъ непосильнымъ бременемъ, тѣмъ болѣе тягостнымъ, что огромное большинство гг. авторовъ на одно лицо. А лицо это такое неинтересное, однотонное, сѣрое, что смѣшать ихъ ничего не стоитъ. И лучшій совѣтъ, какой можно дать начинающему автору, это—не спѣшить съ отдѣльнымъ изданіемъ своихъ произведеній. Мы увѣрены, что тѣмъ изъ нихъ, у кого дѣйствительно есть талантъ, хотя еще и не развернувшійся, придется пожалѣть впослѣдствіи о своей поспѣшности.

«Разсказы» г. Брусянина отмѣчены всѣми тѣми чертами сѣрости и шаблонности, о которыхъ мы только что говорили. Благодаря такому неприглядному общему впечатлѣнію, теряются отдѣльныя живыя сцены и интересныя положенія. Быть можетъ, выдѣленныя изъ общей массы шаблоннаго матеріала, они и получили бы иное освѣщеніе въ глазахъ читателя. Теперь же они тонутъ въ ней, развѣ только подчеркивая общій характеръ скуки и мертвенности, лежащей на всей книжечкѣ г. Брусянина. Единственный очеркъ, рѣзко выдѣляющійся живостью, это послѣдній—«Капустныя головы». Такъ прозвали въ томъ городишкѣ, гдѣ авторъ провелъ дѣтство, солдатъ инвалидной команды и арестантовъ. Воспоминанія ли дѣтства, всегда живыя для каждаго, тема ли, хотя и захватанная какъ мѣдный пятакъ, но всегда живая—жизнь обездоленнаго и несправедливо приниженнаго солдата,—только очеркъ читается съ интересомъ и въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ написанъ съ «искрой» и теплотой.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Съ новымъ портретомъ поэта. Тв. Изд. лит. фонда. 1902 г. Ц 1 р. Небольшой изящно изданный сборникъ отрывковъ покойнаго поэта, любящей рукой собранныхъ и расположенныхъ по датамъ, представляетъ въ высокой степени пріятный подарокъ всѣмъ, кто любитъ, цѣнитъ и понимаетъ музу Надсона. А кто ея не любитъ? До сихъ поръ Надсонъ является любимцемъ нашей молодежи, до сихъ поръ все болѣе чуткое и живое ищетъ и находитъ у него откликъ на свои зарождающіяся стремленія къ міру идей, въ широкую жизнь чувства и идеальныхъ настроеній. Въ «Недопѣтыхъ пѣсняхъ» образъ поэта остается такимъ же чистымъ и яснымъ, какимъ мы знаемъ его въ болѣе позд-

нихъ, выдержанныхъ и законченныхъ произведеніяхъ. «Сила его таланта и искренности,— говоритъ редакція,— ярко бросается въ глаза даже въ самыхъ незначительныхъ наброскахъ (въ 2—3 стиха), кинутыхъ бѣглой рукой на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, порой даже безъ соотвѣтствующей риѳмы. Въ строгомъ смыслѣ это, конечно, не художественныя творенія, но зато вы слышите здѣсь теплоту искреннихъ слезъ, боль живого страданія».

Кромѣ этихъ отрывковъ и бѣглыхъ набросковъ, въ приложеніи помѣщено начало драмы «Царевна Софія», написанной пятистопными ямбами. Самъ по себѣ этотъ отрывокъ ничего еще не представляетъ, но онъ интересенъ, какъ лишняя черта для характеристики Надсона, которому не чуждъ былъ и міръ жестокихъ страстей, судя по избранному сюжету. Мы не думаемъ, что бы Надсонъ, съ его мягкой душой и нѣжнымъ сердцемъ, могъ справиться съ такими характерами, какъ царевна Софія, но любопытно это влеченіе юноши Надсона въ сторону такихъ сильныхъ типовъ. Видно, они влекли его къ себѣ именно тѣми своими чертами, на отсутствіе которыхъ въ себѣ онъ жаловался такъ часто. Въ приложеніи помѣщенъ еще отрывокъ изъ юношескаго дневника, который очень важенъ въ біографическомъ отношеніи. Здѣсь Надсонъ выступаетъ еще почти мальчикомъ, такъ какъ дневникъ писанъ за $6^1/_2$ лѣтъ до смерти. Въ дневникѣ все время звучитъ нотка недовольства собой и тѣми условіями жизни, въ которыя былъ поставленъ Надсонъ, всячески отбивавшійся отъ военной карьеры. Онъ ее и бросилъ при первой возможности, но на это ушло не мало силъ и не мало пришлось ему помучиться, пока удалось выбиться на свободный путь.

Общее впечатлѣніе сборника новыхъ произведеній Надсона очень пріятное. Оно ни въ чемъ не измѣняетъ того чарующаго образа, какой сложился у каждаго изъ насъ на основаніи его раньше извѣстныхъ произведеній. Въ этомъ году исполнилось пятнадцатилѣтіе со дня смерти поэта, и издатели прекрасно поступили, отмѣтивъ печальную годовщину выпускомъ настоящаго сборника «Недопѣтыхъ пѣсенъ». *А. Б.*

Стихотворенія Вѣры Рудичъ. Спб. изд. А. С. Суворина. Ц. 50 к. (63 стр.). Пріятное впечатлѣніе производитъ этотъ скромный сборничекъ изъ 52 небольшихъ, оригинальныхъ, чисто лирическихъ, стихотвореній. Ничего надуманнаго, вымученнаго, вычурнаго; никакой претензіи на якобы глубокія мысли, облеченныя въ туманную символику; но каждая пьеска не лишена здравой мысли или опредѣленнаго настроенія, всегда меланхолическаго, но безъ болѣзненнаго нытья или слащавой сентиментальности. Въ хорошихъ стихахъ выражено здѣсь то, что въ самомъ дѣлѣ пережилъ и перечувствовалъ авторъ, съумѣвшій передать чувство въ сжатой, образной, красивой и часто очень музыкальной формѣ. Гражданскихъ, откликающихся на злобу дня, мотивовъ въ книжкѣ нѣтъ; но свои личныя чувства авторъ выражаетъ задушевно и общечеловѣчно, и они понятны и близки сердцу каждаго. Для ознакомленія читателей съ талантливой поэтессой приводимъ двѣ пѣсни, не блещущія, какъ и вообще стихи г-жи Рудичъ, особенною оригинальностью, но понравившіяся намъ простотой и задушевностью.

Въ дѣвственной кельѣ твоей
Запахъ весны ароматной,
Перваго снѣга бѣлѣй
Пологъ постели опрятной,
Свѣжы на окнахъ цвѣты,
Ясно лампады сіянье...
Въ воздухѣ здѣсь разлиты
Миръ и покой, и молчанье,
Вѣянье бурь и тревогъ

Кажется сказкой далекой...
О, береги же порогъ
Кельи твоей одинокой!

Старушка.

Старыя руки заботливо вяжутъ
Кружевъ красивый узоръ.
Блѣдныя губы словечка не скажутъ,
Ясенъ опущенный взоръ.
Кажется, стала она изваяньемъ
Мирной, нѣмой старины.
Кажется, будто мудренымъ вязаньемъ
Мысли старушки полны.
Только сама про себя она знаетъ,
Петли считая его,
Сколько горячихъ молитвъ прочитаетъ,
Сколько припомнитъ всего.

Какъ на лучшія, укажемъ, напримѣръ, еще на слѣдующія стихотворенія: «Женщина», «Въ старомъ домѣ», «Обвивала вѣтка хмѣлевая», «Въ шуму немолкнущемъ», «О, какъ холодно сердцу усталому» и «Замираетъ волна погребальнаго звона» (оба эти стихотворенія напечатаны въ № VI «Міра Божьяго» 1894 г.), «Больная», «Слова, слова, всегда одни слова».

И такихъ хорошихъ вещицъ у г-жи Рудичъ не мало. Слабѣе другихъ показались намъ по искусственности: «Актеръ», «Не стучись ты въ мою неоткрытую дверь», «Плѣнная царица», «Стоитъ ли?» (совсѣмъ не свойственный автору пессимизмъ).

В. О—скій.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Стороженко. «Опыты изученія Шекспира».—*Его же.* «Изъ области литературы».—«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь *Н. И. Стороженка.*

Н. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Его же. Изъ области литературы. Статьи, лекціи, рѣчи, рецензіи. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Въ концѣ минувшаго года исполнилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности проф. Н. И. Стороженка, хорошо извѣстнаго читателямъ нашего журнала. Многочисленная группа ученыхъ и литераторовъ, чувствующихъ себя въ большей или меньшей степени обязанными почтенному юбиляру своимъ научнымъ развитіемъ, отмѣтили этотъ день изданіемъ сборника своихъ статей («Подъ знаменемъ науки»), а также вышеназванныхъ двухъ томовъ произведеній самого проф. Стороженка. Кромѣ двухъ главныхъ его трудовъ—«Предшественники Шекспира» и «Робертъ Гринъ», утвердившихъ репутацію автора, какъ шекспиролога, не только у насъ, но и въ Англіи, здѣсь собраны многочисленные историко-литературные этюды и изслѣдованія, появлявшіеся въ разнообразныхъ изданіяхъ, начиная съ 1859 г. Сюда не вошли, однако, еще весьма многія статьи, по мнѣнію автора, или слишкомъ спеціальныя для обыкновенныхъ читателей, или имѣвшія временный интересъ въ моментъ появленія. Необыкновенная простота и доступность изложенія служатъ отличительными качествами литературной манеры Н. И. Стороженка и дѣлаетъ его работы популярными въ истинномъ значеніи этого слова. У насъ далеко еще не утвердилось воззрѣніе, «что для составленія хорошей

популярной статьи нужно знать больше того, сколько заключается въ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ» («Опыты изученія Шекспира», стр. 392): Писатель, имѣющій въ виду широкій кругъ читателей, какой бы онъ ни избралъ узкій предметъ изложенія, поневолѣ принужденъ предпослать ему общую характеристику по возможности обширной области фактовъ данной категоріи. Но это обыкновенно и составляетъ камень преткновенія такъ называемыхъ «популярныхъ» авторовъ. «Общая характеристика тогда только имѣетъ значеніе, когда она опирается на массу изученныхъ фактовъ и на способности критика схватить ихъ дѣйствительно характерныя черты». Безъ этого она обращается въ «нѣчто смутное, фразистое и фантастическое» (тамъ же, стр. 239). Ни малѣйшаго признака этихъ недостатковъ нельзя найти у Н. И. Стороженка. Каждое утвержденіе его, какого бы общаго характера оно ни было, ясно, содержательно и достовѣрно, ибо всегда основано на точномъ и систематическомъ знаніи всѣхъ относящихся къ данному предмету фактовъ. На пространствѣ девятисотъ страницъ лежащихъ, передъ нами двухъ томовъ, едва ли можно найти хоть одинъ афоризмъ, хоть одно опредѣленіе, которые не были бы результатомъ глубокаго изученія или по крайней мѣрѣ не были бы провѣрены по первоисточникамъ. Какъ ученый, проф. Стороженко является однимъ изъ крупныхъ представителей сравнительно-историческаго метода въ изслѣдованіи литературныхъ явленій. «Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали художественное произведеніе,—говоритъ онъ,—всегда первой задачей литературной критики должно быть опредѣленіе его оригинальности, какъ относительно замысла, такъ и относительно встрѣчающихся въ немъ типовъ. Только тогда, когда составные элементы художественнаго произведенія выяснятся окончательно, можно будетъ приступить къ изученію художественныхъ пріемовъ автора въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и претворенія ихъ въ художественное цѣлое. По нашему глубокому убѣжденію, критика не выйдетъ изъ сферы общихъ мѣстъ и субъективныхъ впечатлѣній, пока не станетъ твердой ногой на почву сравнительно историческаго изученія, которое одно въ состояніи дать ей надежную точку отправленія для всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній» (тамъ же стр. 220—221). Новѣйшія требованія, чтобы критикъ изучилъ также соціальную среду, въ которой возникло изслѣдуемое художественное произведеніе, нисколько не подорвали важности тщательнаго опредѣленія литературной преемственности; напротивъ, воспріимчивость писателя къ извѣстнымъ литературнымъ вліяніямъ часто еще рельефнѣе обнаруживаетъ его органическую связь съ извѣстной соціальной группой; еще чаще характернымъ въ данномъ смыслѣ является отношеніе литературнаго прототипа къ его новой переработкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдѣленіе литературныхъ наслоеній остается первымъ и необходимымъ шагомъ къ выясненію творческой индивидуальности изучаемаго автора, что, собственно, и является конечной задачей критики.

Въ теченіе всей многолѣтней ученой дѣятельности Н. И. Стороженка центромъ его интересовъ оставался Шекспиръ, къ которому онъ постоянно возвращается по тому или другому поводу. Въ смыслѣ распространенія въ русской публикѣ шекспировѣдѣнія, въ смыслѣ внушенія правильныхъ воззрѣній и любви къ величайшему драматическому генію, никто, кромѣ развѣ Бѣлинскаго, не сдѣлалъ больше, чѣмъ Н. И. Стороженко. Онъ не только дѣлился съ читателями результатами собственнаго изученія шекспировскихъ произведеній («Макбетъ», «Прототипы Фальстафа», «Психологія любви и ревности у Шекспира», «Сонеты Шекспира» и пр.), но также редактировалъ нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ монографій о Шекспирѣ (Р. Женэ, М. Коха, Брандеса). Не мало труда положилъ онъ на то, что бы оградить своего любимца отъ посягательствъ невѣжественныхъ компиляторовъ и отъ искаженій переводчиковъ (разборы кри-

тико-біографическихъ компиляцій В Чуйко, г. Полевого, переводовъ Н. А. Полевого, Кетчера, опроверженіе бэконовской теоріи и т. д.). Шекспиръ со всею примыкающею къ нему областью литературы представляетъ такое необъятное поле для изслѣдованія, что не одинъ ученый всю свою жизнь посвящалъ исключительно этому предмету. Н. И. Стороженко не ограничился шекспирологіей. Вся европейская литература, въ томъ числѣ и русская, изучена имъ настолько основательно, что въ любой области онъ стоитъ на высотѣ современной науки и въ состояніи самостоятельно разрабатывать каждый возникающій передъ нимъ вопросъ. Статьи, наполняющія второй изъ появившихся въ настоящее время томовъ, касаются такихъ разнообразныхъ предметовъ, что нельзя не удивляться обширности научныхъ интересовъ и объему эрудиціи автора. Такія статьи, какъ, напр., «Возникновеніе реальнаго романа» (испанская плутовская новела) или «Поэзія міровой скорби», при всей скромности своихъ размѣровъ, представляютъ весьма цѣнныя изслѣдованія обширнѣйшихъ отдѣловъ міровой литературы. Замѣчательно при этомъ, что авторъ не пользуется своей эрудиціей, какъ щитомъ противъ общественныхъ интересовъ. Повсюду онъ подчеркиваетъ значеніе литературы, какъ фактора прогресса въ смыслѣ гуманизаціи человѣческихъ отношеній. Особенно его привлекаютъ самоотверженные борцы за свободу мысли и совѣсти, за соціальную справедливость. Съ заразительнымъ воодушевленіемъ рисуетъ авторъ непоколебимый идеализмъ и трагическую судьбу такихъ людей, какъ Джордано Бруно, Этьенъ Доле—французскій вольнодумецъ XVI вѣка, американскій проповѣдникъ Теодоръ Паркеръ—апостолъ освобожденія рабовъ. Поэзія Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго интересуетъ его также не только своей эстетической стороной: онъ ищетъ въ ней общественную философію или, по крайней, мѣрѣ гуманное настроеніе ихъ авторовъ. Легко понять, поэтому, ту глубокую симпатію, съ которою Н. И. Стороженко занимается біографіей своего геніальнаго земляка Шевченка, поэта народной недоли. Извѣстно, что, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, ему удалось добыть много весьма цѣннаго матеріала, касающагося обстоятельствъ ссылки малорусскаго поэта и условій его жизни въ солдатахъ. Поклонники великаго писателя все еще надѣются, что проф. Стороженко когда-нибудь сведетъ воедино свои разысканія о Шевченкѣ. Быть можетъ, мы дождемся отъ него также и сравнительно-историческаго изслѣдованія произведеній украинскаго кобзаря. Это до сихъ поръ почти непочатая работа, да она врядъ ли кому подъ силу, кромѣ Н. И. Стороженка, вооруженнаго для этого испытаннымъ, точнымъ методомъ, широкою спеціальною и общею эрудиціей и блестящимъ чутьемъ поэзіи. *Е Дегенъ.*

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Ц. 3 р. Многія статьи этого сборника представляютъ большой общественный интересъ и прочтутся, несомнѣнно, съ удовольствіемъ и пользою. Мы укажемъ, прежде всего, на двѣ статьи, посвященныя Николаю Платоновичу Огареву, человѣку, публицисту и поэту, игравшему очень значительную роль въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія, но біографіи котораго въ нашей литературѣ и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не существуетъ. Кажется, нѣтъ другого народа въ Европѣ, который бы такъ мало зналъ свое прошлое, такъ мало имъ дорожилъ и такъ мало заботился о сохраненіи для потомства возможно болѣе вѣрныхъ и полныхъ данныхъ, касающихся лучшихъ сыновъ Россіи, нежели мы, русскіе. Съ этимъ согласится каждый, кому приходилось заниматься исторіей событій,—не говоримъ уже, — едва виднѣющихся «сквозь дымъ вѣковъ», но случившихся всего полустолѣтіе или уже много если столѣтіе тому назадъ! Такое явленіе зависитъ, разумѣется, въ значительной степени отъ нѣкоторыхъ специфическихъ условій русской жизни, но *полностью* оно однимъ этимъ

условіями объяснено быть не можетъ и сюда надо еще прибавить нашу національную инертность, вялость, неподвижность. Вотъ почему мы отмѣчаемъ съ полнымъ сочувствіемъ попытку г-жи Некрасовой обрисовать ранніе годы Огарева и ея по этому поводу такія слова: «До сихъ поръ мы имѣемъ только кое-какіе отрывочные факты изъ его (Огарева) жизни, разбросанные въ различныхъ воспоминаніяхъ; но и эти немногія свѣдѣнія часто противорѣчатъ другъ другу и оказываются крайне сбивчивыми какъ со стороны содержанія, такъ и хронологіи. Между тѣмъ, года уплываютъ, память засоряется, современники — живые свидѣтели и знатоки этой прошлой жизни, — одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Уйдутъ послѣдніе, и съ ними вмѣстѣ исчезнетъ возможность поправокъ, исправленіе ошибокъ и неточностей, а также и возможность воссозданія полнаго образа этой замѣчательной личности». Г-жа Некрасова совершенно права. Развѣ мало обстоятельствъ жизни Огарева, занесенныхъ, напр., Анненковымъ въ его «Записку объ Н. П. Огаревѣ» (см. «П. В. Анненковъ и его друзья») остается до сихъ поръ далеко не разъясненными? Мы не будемъ излагать самаго содержанія статьи г-жи Некрасовой, отсылая читателей къ подлиннику, и отмѣтимъ лишь, что матеріалы для своей небольшой, но содержательной работы автору приходилось добывать, видимо, микроскопическими дозами, что придаетъ статьѣ еще большую цѣнность. Статья напомнила намъ интересную работу той же г-жи Некрасовой «Герценъ въ Вяткѣ», помѣщенную авторомъ въ сборникѣ общества любителей россійской словесности «Починъ».

Огареву же посвящена и другая статья юбилейнаго сборника Н. И. Стороженка. Принадлежитъ она г. Николаю Мендельсону и называется «Н. П. Огаревъ въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина». Авторъ познакомился въ 1898 году съ В. К. Влазневымъ, бывшимъ нѣкогда крѣпостнымъ крестьяниномъ Огаревыхъ, получившимъ отъ Николая Платоновича вмѣстѣ съ другими земляками еще въ 1846 году «вольную», попавшему въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москву для изученія техническаго рисованія и рѣзьбы по дереву, сошедшагося тамъ съ молодыми людьми, преподававшими въ одной изъ воскресныхъ школъ, и сдѣлавшемуся, благодаря всему этому, вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Не оставляя верстака, В. К. Влазневъ принялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за перо и сдѣлался писателемъ. Его работа стала появляться сначала въ «Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи», а потомъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». Занимался г. Влазневъ также и публицистикой, и беллетристикой, и поэзіей. Такого рода его произведенія печатались въ «Русскомъ Курьерѣ» и въ «Чтеніи для народа». Вотъ къ этому-то самородку и обратился г. Мендельсонъ съ просьбой «собрать воедино все, что помнятъ его односельчане объ Н. П. Огаревѣ». Просьбу г. Мендельсона г. Влазневъ охотно исполнилъ. Таково происхожденіе разсматриваемыхъ «Воспоминаній» объ Огаревѣ. Изъ нихъ мы приведемъ слѣдующія любопытныя строки: извѣстно, что Николаю Платоновичу досталось по наслѣдству громадное имѣніе—село Бѣлоомутъ въ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда. «Въ 1839 году,—разсказываетъ г. Влазневъ,—Н. П. Огаревъ, пріѣхавъ въ Бѣлоомутъ, приказалъ бывшему бурмистру П. И. Ракитину собрать крестьянъ на сходку. Сходка была поголовная, на открытомъ мѣстѣ, при селѣ собралась масса женщинъ.

«Явившись на сходку, Н. П., послѣ обычнаго здравствованія съ крестьянами и поклона, сказалъ приблизительно слѣдующее: «Добрые люди! Я собралъ васъ сюда для очень важнаго дѣла, касающагося и меня, и васъ. До васъ, православные, оно касается тѣмъ, что предоставляетъ вамъ болѣе блага въ трудовой вашей жизни, а для меня—тѣмъ, что я обязанъ исполнить христіанскій долгъ. Я положилъ за непремѣнную обязанность отпустить васъ

на волю, въ свободные хлѣбопашцы. За это потребую я отъ васъ суммы необременительной, а вамъ отдамъ всю землю съ лѣсомъ и всѣми лугами».

«Только что Н. П. сказалъ это, какъ всѣ крестьяне, около 700 человѣкъ, упали на колѣна: многіе изъ нихъ заплакали и начали креститься, а оправившись отъ волненія, крестьяне закричали: «Не желаемъ, батюшка-баринъ, никакой мы воли, освобожденія! Намъ всего лучше жить за тобою. Ни кидай насъ! Безъ тебя мы пропадемъ, всякій насъ обидитъ. У насъ при тебѣ, баринъ, и при твоемъ покойномъ батюшкѣ никакой неволи не было и мы ея не знаемъ: не знали неволи и отцы, и дѣти наши при прежнихъ господахъ».

«Крестьяне продолжали стоять на колѣняхъ и все повторяли, что никакой воли имъ не надо; они ее имѣютъ, потому что не знаютъ барщины, а всякъ работаетъ на себя съ семьею да неотяготительный оброкъ платитъ барину.

«Послѣ неоднократнаго повторенія со стороны Н. П., чтобы крестьяне встали, послѣдніе, наконецъ, поднялись.

«Н. П. велѣлъ выслушать его рѣчь и хорошенько обдумать и понять крестьянамъ свое настоящее и будущее положеніе.

«— Вы православные,—началъ съ привѣтной улыбкой говорить Н. П.,— не вполнѣ разумѣете свое положеніе, а потому и отказываетесь отъ своего освобожденія. Положимъ, теперь вы живете безъ особаго стѣсненія съ моей стороны, но я умру, тогда попадете вы къ другому владѣльцу, который можетъ завести у васъ другіе, нежелательные порядки. Это вамъ покажется обиднымъ и вы будете клясть меня и моихъ наслѣдниковъ.

«При словахъ «я умру» крестьяне заплакали и прервали рѣчь Н. П. возгласомъ:

«— Подай Господи вамъ, баринъ, многихъ лѣтъ! Живи, родимый, для насъ!..

«За эти пожеланія Н. П., кланяясь, благодарилъ крестьянъ и на прощаніе имъ сказалъ.

«— Обдумайте мое предложеніе и завтра выбирайте для себя повѣреннаго да пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву. Тамъ оформимъ мы въ добрый часъ наше святое дѣло: напишемъ договоръ для нашего общаго блага».

На многія размышленія относительно крестьянской психологіи наводитъ эта сцена, особенно, если вспомнить, что отецъ Огарева вовсе не принадлежалъ къ разряду особенно гуманныхъ людей, но зато личность Н. П. Огарева вырисовывается чрезвычайно ярко. Когда впослѣдствіи Огаревъ работалъ рука объ руку съ Герценомъ на берегахъ Темзы, изъ извѣстнаго лагеря сыпались обвиненія, что, молъ, господа эти проповѣдуютъ то-то и то-то, а сами уѣхали за границу, *продавши* своихъ крестьянъ... Теперь изъ воспоминаній г. Влазнева можно видѣть лишній разъ всю цѣну такихъ обвиненій. Огаревъ не только не «продавалъ» своихъ крестьянъ, не только далъ имъ вольную безъ всякаго за это выкупа, но и уступилъ имъ Бѣлоомутъ, въ которомъ, по собраннымъ г-жею Некрасовой, да и извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣніямъ, были «кромѣ обширныхъ луговъ, обширныя рыбныя ловли и 10.000 десятинъ строеваго лѣса», всего за 142.857 рублей. Нельзя, поэтому, несогласиться съ небольшимъ послѣсловіемъ, которое присоединилъ къ разсказу г. Влазнева г. Мендельсонъ.

«Простые слова этого разсказа,—говоритъ онъ,—рисуя ясными, опредѣленными чертами благородную личность Н. П. Огарева, служатъ лучшимъ комментаріемъ къ тому гимну свободѣ, который написалъ Н. П. Огаревъ въ 1858 г. въ своемъ стихотвореніи «Искандеру»:

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со страстью смежномъ,
Всю жизнь мнѣ все снова и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

«Эти слова не были въ устахъ Огарева только поэтическимъ прекраснодушіемъ: онъ доказалъ на дѣлѣ свою преданность идеѣ свободы».

Отъ Огарева естественнымъ переходъ къ одному изъ его духовныхъ предковъ. Мы говоримъ о Радищевѣ, которому посвящена въ томъ же сборникѣ весьма интересная статья г. В. Якушкина, озаглавленная «Учебные годы А. Н. Радищева». Говоря о сборникѣ «На славномъ посту», мы остановились на статьѣ г. Мякотина «На зарѣ русской общественности» и тогда же указывали на отсутствіе въ нашей литературѣ біографіи Радищева. («Міръ Божій» 1901 г., іюль). Въ томъ же положеніи находится это дѣло и теперь, но прибавленіе, сдѣланное г. Якушкинымъ къ его статьѣ «Учебные годы А. Н. Радищева»,— «*Отрывокъ изъ его біографіи*» и имя автора статьи какъ бы говорятъ за то, что, быть можетъ, не далеко время, когда отмѣченный пробѣлъ будетъ восполненъ. Въ настоящей же статьѣ г. Якушкинъ останавливается, главнымъ образомъ, на времени пребыванія Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ инструкціи, данной императрицей Екатериной касательно того, чему именно должны обучаться посылаемые за границу «молодые дворяне», находятся, между прочимъ такія слова: «Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, *а наипаче праву естественному и всенародному* и нѣсколько римской имперіи праву». Но если инструкція на бумагѣ была составлена недурно, то нельзя сказать того же относительно другихъ условій, которыми была обставлена жизнь Радищева и его товарищей въ Лейпцигѣ. Надзоръ и попеченіе за учащимися было ввѣрено гофмейстеру Бокуму, у котораго была лишь одна забота—«рачить о своемъ карманѣ», и плохо приходилось молодымъ людямъ отъ ихъ воспитателя. Вспоминая это время, не даромъ высказывалъ Радищевъ въ составленномъ имъ «Житіи Ушакова» (одного изъ товарищей по лейпцигскому университету) такую мысль: «Спасеніе угнетаемыхъ заключается въ томъ, что угнетатели не знаютъ мѣры, доходятъ до крайности, которая заставляетъ угнетаемыхъ воспротивиться мучительской власти». И далѣе: «имѣя власть въ рукѣ и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возомнилъ, что онъ не для насъ съ нами, что власть ему данная надъ нами и опредѣленныя деньги не на нашу пользу, но на его». Съ Бокумомъ произошло, наконецъ, столкновеніе нашихъ юношей. «Они знали, что Бокумъ будетъ клеветать на нихъ, представитъ все дѣло въ видѣ возмущенія, въ видѣ покушенія на его жизнь. Въ случаѣ дурного окончанія для нихъ этого дѣла, они рѣшили бѣжать въ Остъ-Индію или въ Америку, гдѣ тогда начиналась борьба съ метрополіей...» Инцидентъ кое-какъ уладился. Въ апрѣлѣ 1768 года кн. Бѣлосельскій сообщалъ слѣдующіе отзывы объ успѣхахъ нашихъ студентовъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаютъ, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые недавно тамъ обучаются. Особенно же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ—старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превысили чаянія своихъ учителей». Но не «ко двору» пришлись плоды ученія Радищева по возвращеніи его на горячо любимую имъ родину. Извѣстна его дальнѣйшая участь. Бесѣдовать о дальнѣйшей судьбѣ Радищева и не входило, впрочемъ, въ планъ данной работы г. Якушкина, ограничившагося пока учебными годами Александра Николаевича, и потому мы приведемъ лишь заключительныя слова статьи: «По окончаніи курса Радищевъ и его товарищи возвращались въ Россію, горя нетерпѣніемъ «видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія». Когда они увидали межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую, они пришли въ восторгъ. Пріобрѣтенное нашими студентами широкое и основательное научное образованіе, усвоенная ими философія просвѣщенія не отвратили ихъ отъ родины, отъ ея запросовъ и бѣдствій. Они возвращались домой съ желаніемъ отдать всѣ силы и знанія на служеніе родинѣ, на

распространеніе въ ней просвѣщенія и справедливости, на борьбу съ удручавшими ее бѣдствіями, прежде всего съ ужасами крѣпостного права и всѣмъ, къ чему впослѣдствіи Радищевъ примѣнилъ стихъ изъ Телемахиды: «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй». Всѣхъ полнѣе эти стремленія выразилъ Александръ Радищевъ; не только какъ общественный дѣятель и какъ писатель, но и въ частной жизни, въ частныхъ отношеніяхъ къ людямъ онъ остался навсегда вѣренъ разъ усвоенному направленію, выработаннымъ высокимъ гуманнымъ идеаламъ».

Мы не имѣемъ никакой возможности говорить обо всѣхъ статьяхъ разсматриваемаго «Сборника», который заключаетъ въ себѣ 740 страницъ, и потому отмѣтимъ среди нихъ лишь еще нѣсколько статей, наиболѣе выдающихся по своему интересу. Къ такимъ принадлежитъ, безспорно, замѣчательная статья г. Н. Котляревскаго «Историческое значеніе поэзіи гр. А. К. Толстого», этого, еще очень мало оцѣненнаго въ нашей литературѣ человѣка и писателя. По характеристикѣ его г. Котляревскимъ, то былъ, прежде всего, «романтикъ», но романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, для котораго эстетика была своего рода культомъ, но который, тѣмъ не менѣе, въ своихъ порывахъ къ таинственнымъ и неясно сознаваемымъ имъ самимъ, такъ сказать, надземнымъ идеаламъ не утрачивалъ ни живыхъ чувствъ гражданина, ни мысли о насущныхъ интересахъ родной страны. Не говоря уже объ отношеніи Толстого къ крѣпостному праву, вотъ что писалъ онъ, напр., по вопросу, который до сихъ поръ является однимъ изъ пугалъ для нашихъ лже-патріотовъ своего отечества. «Вы говорите,—писалъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ,—что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ, что такое національность? Вы смѣшиваете государства съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности... Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была желательна. Вы говорите: уравняемъ все, понижая уровень чужихъ національностей. Я же говорю: уравнямъ все, возвышая русскій уровень...» Славянофилы сочли было Толстого «своимъ», но не надолго. Да и какъ же было иначе послѣ ознакомленія съ такими, напр., словами Толстого: «Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что я говорю». А это значило, что, называя древнюю Москву «отвратительной и болѣе позорной, чѣмъ монголы», Толстой говорилъ отъ чистаго сердца. Ужъ какое тутъ славянофильство!..

Къ очень интереснымъ произведеніямъ сборника принадлежатъ также статьи г. Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ 1847 году» и г. Линниченка «Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ и западниковъ». Въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ о «Перепискѣ съ друзьями», этой пресловутой «великой книгѣ», а во второй—передъ читателемъ проходитъ въ яркихъ краскахъ давно всѣмъ знакомая, но вѣчно юная личность нашего незабвеннаго «Неистоваго Виссаріона». Не безъ интереса прочтется также «Глава изъ неизданныхъ записокъ» г-жи Хинъ (кое-какія личныя воспоминанія о Тургеневѣ), «Страничка прошлаго» г. Шумятикова (о Добролюбовѣ) и другія.

Въ заключеніе любопытное сообщеніе А. Ѳ. Кони, озаглавленное «М. П. Загоскинъ и цензура». Этимъ сообщеніемъ пополняется еще и еще своеобразный «формуляръ» дѣятельности знаменитаго «бутурлиновскаго комитета». Кому неизвѣстна, въ самомъ дѣлѣ, отмѣнная «благонамѣренность» автора «Юрія Милославскаго», его принадлежность, по остроумному опредѣленію Тургенева, къ «ложно-величавой школѣ» и къ числу «патріотовъ, не знающихъ своего отечества»,— ужъ ему ли было не стоять выше цензурныхъ преслѣдованій? Вышло

иначе. Въ 1852 г. редакторъ «Пантеона» Ѳ. Кони приглашалъ Загоскина сотрудничать въ этомъ журналѣ, но получилъ отказъ письмомъ, которое послѣ и сообщено А. Ѳ. Кони издателямъ сборника. Въ письмѣ этомъ Загоскинъ мотивируетъ свой отказъ болѣзнью и данной имъ «клятвой» «ничего не печатать въ Петербургѣ», ибо петербургская цензура, пишетъ онъ, «сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ! Вмѣсто: прямой *армейщина* — прямой *кикимора*; *корнетъ* названъ *верхолетомъ*; вмѣсто *зѣвающихъ мужей* напечатано *счастливѣйшихъ мужей*. Подлинно, благочестивая цензура; не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вымарано стиховъ по десяти сряду—а за что?—хоть убейте, не понимаю. Разумѣется отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ — безъ мѣры, безъ рифмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла,—и за все это долженъ отвѣчать я, потому что не имѣю права объявить публично, что мою комедію изуродовала цензура. Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ»—таковъ новый любопытный фактъ изъ лѣтописей нашей печати. *В. Б—скій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Оларъ. «Политическая исторія французской революціи». — *Лависсъ* и *Рамбо.* «Исторія французской революціи».

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики (1789—1804). Переводъ съ французскаго Н. Кончевской. Цѣна 3 руб. Имя Олара, не знакомое русской читающей публикѣ, пользуется широкой извѣстностью среди спеціалистовъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ занялъ въ Сорбоннѣ только что учрежденную парижскимъ муниципалитетомъ каѳедру исторіи французской революціи и съ тѣхъ поръ продолжалъ работать въ архивахъ надъ своей книгой. Передъ этимъ онъ уже лѣтъ пять занимался эпохой. Кромѣ того, онъ стоитъ во главѣ спеціально посвященнаго исторіи революціи журнала «La République française» и является душою ученаго общества «Société de l'histoire de la Révolution». Прежде чѣмъ выпустить настоящій трудъ, Оларъ опубликовалъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ этюдовъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ, относящимся къ этой наиболѣе рѣшительной эпохѣ французской исторіи. Кромѣ трехъ книжекъ статей и лекцій (1893, 1898, 1901), онъ напечаталъ изслѣдованія о культѣ разума и высшаго существа, объ ораторахъ національнаго собранія (3 тома), о Дантонѣ, издалъ съ превосходными комментаріями документы якобинскаго клуба (6 томовъ) и акты и протоколы комитета общественнаго блага (12 томовъ). Этотъ внушительный списокъ показываетъ, что Оларъ является лучшимъ знатокомъ политической исторіи революціи и даетъ право ожидать, что настоящій трудъ будетъ удовлетворять всѣмъ научнымъ требованіямъ.

Появленіе книги Олара (она стала выходить выпусками въ началѣ 1900 г.) было какъ нельзя болѣе своевременно, ибо въ существующей литературѣ по исторіи революціи оставались невыясненными многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Въ трудахъ предшественниковъ Олара, среди которыхъ есть книги и геніальныхъ историковъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей, такъ много было всякихъ ложныхъ и невольныхъ ошибокъ, такъ много промаховъ и искаженій, такіе оставались огромные пробѣлы, что приходится удивляться, какимъ образомъ до сихъ поръ наука могла мириться со всѣми этими научными недоразумѣніями. Исторіографія революціи—своего рода соціально-психологическій про-

цессъ, отдѣльные моменты котораго опредѣлялись господствующими вкусами и общественно-политическими настроеніями. Исторія создавалась страстями, апологія смѣнялась обличеніемъ, какъ въ какомъ-нибудь догматическомъ вопросѣ, критеріи для оцѣнки лицъ и событій не имѣли никакой устойчивости. У исторіи революціи были свои легенды и саги, которыя съ трудомъ, да и то въ очень небольшой степени, уступали анализу.

Причинъ такого страннаго на первый взглядъ явленія — двѣ, одна общая, другая спеціальная. Первая заключалась въ томъ, что революціонныя традиціи продолжали держаться и оказывать вліяніе въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ жили, мыслили и писали Кине и Луи-Бланъ, Мишле и Тьеръ, Минье и Тэнъ; даже иностранные писатели, какъ Карлейль, оказывались захваченными величіемъ эпохи и составляли памфлеты вмѣсто исторіи. Одиноко стоитъ въ этой блестящей плеядѣ, быть можетъ, самый блестящій—Токвиль, но у него особая точка зрѣнія, и онъ больше занимается старымъ порядкомъ, чѣмъ самой революціей. Да и у Токвиля цѣль практическая, хотя его работа сдѣлана вполнѣ научно. Другая причина заключается въ томъ, что историки работали по ненадежнымъ источникамъ. Лучше всего до сихъ поръ обстояло дѣло съ внѣшней исторіей революціи. Съ этой точки зрѣнія и цѣнны, главнымъ образомъ, многотомные труды Зибеля и Альбера Сореля. Но ни нѣмецкій изслѣдователь, ни его французскій собратъ не заполнили пробѣла внутренней исторіи революціи. У нихъ сдѣлано кое-что въ этомъ направленіи, особенно у Сореля, который уже имѣлъ возможность пользоваться различными работами Олара. Но все это было недостаточно, и до появленія настоящей книги у насъ не было хорошей политической исторіи революціи.

Оларъ прямо озаглавливаетъ свою книгу «Политической исторіей революціи». Онъ не задается цѣлью дать полную исторію. Для этого, по его мнѣнію, нужно было бы не 20 лѣтъ, и не одна человѣческая жизнь. Но и политическая часть революціи обработана не вполнѣ: оставлены въ сторонѣ военная, дипломатическая и финансовая исторія революціи; факты этихъ трехъ категорій привлекаются Оларомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему необходимо объяснить другіе, интересующіе его болѣе непосредственно. Главная задача Олара, какъ видно изъ подзаголовка его книги, заключается въ томъ, чтобы выяснить происхожденіе и развитіе демократіи и республики. Первая является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, вторая—логическимъ послѣдствіемъ принципа народнаго суверенитета. Какимъ образомъ появились, какъ осуществлялись на практикѣ и какъ пали обѣ эти формы — вотъ чѣмъ интересуется, главнымъ образомъ, Оларъ. Въ этихъ рамкахъ онъ разсматриваетъ вопросъ о ростѣ трехъ общественныхъ категорій: политическихъ формъ и учрежденій, выработаныхъ революціей, партійныхъ группировокъ и общественнаго мнѣнія. Порядокъ изложенія у Олара хронологическій; историкъ допускаетъ отклоненія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно въ послѣдовательномъ разсказѣ охватить всѣ проявленія общественной жизни; тогда естественно появляются рубрики и не хронологическія. Въ исторіи революціи Оларъ различаетъ четыре періода. Первый продолжается отъ 1789 до 1792 года; это періодъ генезиса демократіи и республики; ни та, ни другая еще не провозглашены: господствуютъ конституціонная монархія и буржуазный избирательный цензъ. Второй періодъ тянется до 1795 года. Это—пора господства обоихъ принциповъ; монархія упразднена и введено всеобщее избирательное право; въ третьемъ періодѣ (до 1799 года) республика держится, но демократическій принципъ уже снова ограниченъ цензомъ; это уже не демократическая, а буржуазная республика. Наконецъ, четвертый періодъ (до 1804 года), когда ограничиваются оба принципа; это уже возвращеніе къ монархіи подъ видомъ плебисцитарной республики. Больше всего Оларъ занимается исторіей втораго пе-

ріода, исторіей конвента; ему посвящена чуть не половина всей книги. Тутъ изслѣдованія Олара прямо дѣлаютъ эпоху. До сихъ поръ съ дѣятельностью конвента и особенно съ организаціей республиканскаго правительства при Конвентѣ мы были знакомы далеко не такъ хорошо, какъ того требовала логика исторіи. Прежніе историки—исключеніемъ является, быть можетъ, одинъ Сорель—обращали, главнымъ образомъ, вниманіе на героическую пору революціи, на періодъ Конституанты и Легислативы; исторія конвента исчерпывалась его внѣшними дѣлами да терроромъ; съ организаціей правительства были знакомы смутно. Оларъ даетъ превосходный очеркъ именно функціонированія правительства и его органовъ. То же самое онъ дѣлаетъ и для слѣдующаго періода директоріи. Эти два отдѣла—наиболѣе цѣнные въ его книгѣ. Но и оба другихъ далеко не являются повтореніемъ стараго. Въ журнальной замѣткѣ трудно даже перечислить всѣ тѣ новыя точки зрѣнія, которыя даетъ книга Олара. Они встрѣчаются тутъ на каждой страницѣ. У него впервые получили надлежащее освѣщеніе дѣятельность провинціальныхъ органовъ, республиканское движеніе въ провинціи, указано различіе между настроеніемъ департаментскихъ и муниципальныхъ властей, изъ которыхъ послѣднія обнаруживали болѣе крайній образъ мыслей. Источникъ и характеръ вандейскаго режима выяснены также впервые, причемъ оказалось, что главнымъ пропагандистомъ реставраціонной идеи была не аристократія, а духовенство. Очень обстоятельно изложилъ Оларъ и религіозную политику революціонныхъ правительствъ въ связи съ характеристикой республиканскихъ культовъ. Гражданское устройство духовенства, культы Разума, Верховнаго Существа, Декадъ, теофилантропія — все это либо изложено совершенно заново, либо дополнено въ существенныхъ чертахъ новыми фактами.

Въ чемъ же причина того, что книга Олара проливаетъ столько свѣта на темныя стороны исторіи революціи и сообщаетъ столько новыхъ точекъ зрѣнія? Этимъ авторъ, главнымъ образомъ, обязанъ тому, что онъ умѣлъ использовать надлежащимъ образомъ источники. Онъ беретъ все изъ первыхъ рукъ и умѣетъ дѣлать выборъ, чего нельзя сказать про большинство его предшественниковъ. Онъ понялъ, что главный источникъ такихъ историковъ, какъ Тэнъ,—мемуары—самый ненадежный и избѣгаетъ ихъ. Онъ прочелъ всѣ законы, изданные въ эпоху революціи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, какая сохранилась, политическія рѣчи и пренія въ наиболѣе точномъ изложеніи, протоколы выборовъ въ Парижѣ и провинціи, біографіи дѣятелей. Онъ не довѣрялъ сколько-нибудь подозрительному тексту, даже изъ оффиціальныхъ органовъ прибѣгалъ не ко всякому. Словомъ въ теченіе времени отъ 1879 года до 1900 Оларъ ничѣмъ другимъ, кромѣ изученія и критики источниковъ не занимался. Поэтому, факту, сообщенному въ его книгѣ, можно вѣрить вполнѣ. Синтетическая сторона книги нѣсколько уступаетъ аналитической. Оларъ самъ признается, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ многочисленнымъ абстракціямъ, въ виду невозможности строго выдерживать хронологическую точку зрѣнія. Есть и иные недостатки—рискованныя сопоставленія, плохо обоснованныя оцѣнки, нѣкоторая туманность общихъ точекъ зрѣнія. Наконецъ, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе по поводу плана. Оларъ предупреждаетъ, что онъ будетъ излагать только политическую сторону революціи, да и то не всю. Остальныя ея стороны онъ опускаетъ или касается ихъ только вскользь. Читателю, конечно, всего досаднѣе отсутствіе соціально-экономической исторіи революціи тѣмъ болѣе, что оно не осталось безъ вліянія и на выясненіе политическаго процесса. Судъ, финансы, внѣшнія сношенія также почти не нашли мѣста въ книгѣ. Все это дѣлаетъ трудъ французскаго ученаго нѣсколько одностороннимъ, но приходится быть благодарнымъ ему и за то, что онъ даетъ. Для соціально-экономическихъ отношеній революціи у насъ имѣются труды Ковалевскаго, Лучицкаго, Саньяна, для судебной исторіи, эпохи—старыя

работы Рихтера и Лаферьера, для финансовой Стурма и Гомеля, для внѣшней—трудъ Сореля. Рабыта Олара заполняетъ наиболѣе чувствительный пробѣлъ. Теперь сдѣлалось возможно написаніе популярной полной исторіи революціи, которая можетъ дать то, чего не даютъ книги Гейссера, Карно, Рамбо и другихъ. Тотъ, кто одолѣетъ огромный томъ Олара въ почти 1.000 страницъ, не пожалѣетъ потраченнаго времени. Въ легкомъ и доступномъ изложеніи и въ хорошемъ переводѣ передъ нимъ развернется сложный, но необыкновенно характерный процессъ эволюціи политическихъ формъ въ одну изъ наиболѣе интересныхъ эпохъ исторіи человѣчества. *А. Дживелеговъ.*

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Исторія французской революціи. 1789—1799 гг. Переводъ съ французскаго М. Іолшина. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб. 50 коп. 704 стр. Спб. 1901. Почти одновременно на русскомъ языкѣ появились двѣ книги, посвященныя первой революціи—переводъ монографіи Олара и переводъ популярнаго очерка Лависса и Рамбо. По научной, историографической цѣнности книгу Лависса и Рамбо нельзя даже сравнивать съ работою Олара, въ которой ни одинъ изъ самыхъ общепринятыхъ тезисовъ историографической традиціи не остался безъ вполнѣ самостоятельной повѣрки, и многіе изъ нихъ подверглись поправкамъ, модификаціямъ и измѣненіямъ. Книга Лависса и Рамбо (какъ и вся ихъ коллекція «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени», въ которой эта книга составляетъ особый выпускъ), имѣетъ въ виду популяризацію историческихъ знаній, но не ихъ количественное или качественное расширеніе. Тѣмъ не менѣе, Лависсъ и Рамбо пригласили участвовать въ составленіи отдѣльныхъ главъ своей книги такихъ выдающихся спеціалистовъ, какъ тотъ же Оларъ, Вастъ, Арнонъ и др.,—и это сказалось въ отчетливости и увѣренности изложенія, т.-е. именно въ тѣхъ качествахъ, которыя такъ часто отсутствуютъ въ популяризаціяхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что первая глава (написанная Шампіономъ) и посвященная характеристикѣ стараго режима, способна разочаровать многихъ: она состоитъ изъ какихъ-то отрывковъ, клочковъ, бѣлыхъ этюдовъ, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ стараго порядка. Общей картины павшаго режима совсѣмъ не получается. Портитъ эту главу еще и то ни съ чѣмъ несообразное (въ смыслѣ архитектуры работы) обстоятельство, что начинается глава (а съ нею и вся книга) параграфомъ о «политической разрозненности королевства». Во-первыхъ, если на лицо были нѣкоторыя своеобразныя старыя отличія однѣхъ провинцій отъ другихъ, то это еще не значитъ, что существовала «политическая разрозненность»; національное самосознаніе, во всякомъ случаѣ, было настолько сильно, что объ этомъ явленіи говорить не приходится: самъ же авторъ,—правда, уже въ слѣдующемъ параграфѣ, вполнѣ согласно съ истиною, констатируетъ, что «...различныя провинціи не были и не хотѣли быть чужими другъ для друга... Вопреки сознанію нѣкоторыхъ чистомѣстныхъ интересовъ, обособлявшихъ отдѣльныя части Франціи, онѣ чувствовали взаимное тяготѣніе и считали себя членами одной и той же семьи». Во-вторыхъ, помѣщать это сильно преувеличенное явленіе въ первую голову при перечисленіи золъ стараго режима ужъ подавно нѣтъ ни малѣйшихъ основаній: о сепаратизмѣ «наказы» сословій и литература первыхъ временъ революціи говорятъ внѣ всякаго сравненія меньше, нежели о реальныхъ бѣдахъ и темныхъ сторонахъ погибавшихъ порядковъ. Нужно пожелать, чтобы читатель, для котораго эта книга переведена на русскій языкъ, избавилъ себя отъ труда читать 1-ю главу, но вмѣсто нея ознакомился бы съ маленькою по объему и глубоко значительною по содержанію классическою работою Токвиля («Старый порядокъ и революція»), а уже потомъ приступилъ къ чтенію дальнѣйшихъ главъ Лависса и Рамбо; эти главы тогда явятся въ вполнѣ ясномъ свѣтѣ, и многое изъ разсказаннаго въ

нихъ покажется вполнѣ мотивированныхъ. А дальнѣйшія главы, особенно 2, 3, 4 и 7, написанныя Оларомъ, въ общемъ, изложены, дѣйствительно, превосходно. Первые, столь важные для послѣдующей исторіи Франціи, мѣсяцы революціоннаго движенія, разсказаны сжато, но до послѣдней степени точно, и безъ пропусковъ какой бы то ни было характерной черты. По обычаю большинства французскихъ историковъ революціи, сотрудники книги Лависса и Рамбо посвящаютъ, въ главахъ, касающихся конвента и директоріи,—слишкомъ много мѣста деталямъ военныхъ дѣйствій французскихъ армій и внѣшнихъ враговъ республики.

Замѣчательно, что всѣ историіографическія традиціи Тьера въ настоящее время отвергнуты,—а отъ этой никакъ (во Франціи) не могутъ отдѣлаться! Да еще и то надо принять во вниманіе, что Тьеръ *лично* побывалъ чуть ли не на поляхъ всѣхъ европейскихъ большихъ битвъ,—которыя онъ описывалъ, занимался на этихъ поляхъ топографическими съемками, разспрашивалъ окрестныхъ старожиловъ и т. д., и, благодаря этому, въ извѣстной живости его разсказу о военныхъ событіяхъ революціи и имперіи отказать нельзя,—и эти мѣста его трудовъ если не поучительны, то хоть занимательны. У эпигоновъ же его ненужность содержанія въ этихъ стратегическихъ и тактическихъ экскурсахъ вполнѣ гармонируетъ съ блѣдностью изложенія. Съ изумленіемъ встрѣтили мы въ этой книгѣ, озаглавленной въ русскомъ переводѣ «Исторіей французской революціи»,—цѣлую главу (гл. VI), посвященную «восточной Европѣ» съ подзаголовкомъ: «Австрія и Пруссія. Россія, Швеція, Турція, Польша до 1796 года». Эта глава занимаетъ не болѣе и не менѣе, какъ 60 страницъ, — и зачѣмъ переводчикъ ее перенесъ сюда со страницъ коллекціи Лависса и Рамбо, — остается тайною. Въ коллекціи, посвященной *всеобщей* исторіи, эта глава вполнѣ законна, но, вѣдь, выбирая для перевода только тѣ части, которыя можно озаглавить «Исторіей французской революціи»,—нельзя же включать въ ихъ число главу о восточной Европѣ, только потому, что въ оригиналѣ эта глава вставлена именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ...

Главнымъ недостаткомъ разбираемой книги нужно признать отсутствіе выводовъ: ни общаго введенія, ни заключенія къ этой работѣ нѣтъ, тогда какъ популярныя изданія особенно нуждаются въ общемъ взглядѣ, въ той или иной коренной мысли, положенной въ основаніе книги. Если отъ исторической популяризаціи не требуютъ расширенія фактическихъ знаній науки, новизны и глубины обобщеній и теорій, то все же нельзя ее признать вполнѣ достигающею цѣли, если для читателя по прочтеніи остается *совершенно темнымъ* всемірно-историческое мѣсто разсказанныхъ событій, если популяризаторъ съ первой страницы до послѣдней остается разсказчикомъ фактовъ, хотя бы всегда правдивымъ и часто занимательнымъ,—но только разсказчикомъ и ничѣмъ болѣе. А такова именно, къ сожалѣнію, черта всей коллекціи Лависса и Рамбо и въ частности тѣхъ главъ ея, которыя теперь изданы подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ на русскомъ языкѣ. Очень жаль, что взамѣнъ ненужныхъ шестидесяти страницъ о восточной Европѣ, случайно здѣсь заблудившихся, читатель не встрѣтитъ никакихъ дополненій или хотя бы перепечатокъ изъ другихъ революціонныхъ исторій, глубже взглянувшихъ на свою задачу.

Хорошо, если книгѣ Лависса и Рамбо удастся серьезно заинтересовать читателей своимъ сюжетомъ, а это она можетъ сдѣлать благодаря безспорнымъ достоинствамъ изложенія и содержанія нѣкоторыхъ главъ; и еще лучше, если, заинтересовавшись, читатель примется за болѣе обстоятельное знакомство съ исторіей этого кризиса европейской исторической жизни. Нужно отмѣтить одну положительную черту книги: безпристрастіе ея въ оцѣнкѣ дѣятельности разнохарактерныхъ партій. Ни увлеченій въ духѣ крайнихъ радикаловъ, ни обличительной горячности въ духѣ Тэна—здѣсь нѣтъ и слѣда. Всюду характеристики выво-

дятся изъ представляемыхъ фактовъ—и только. Вотъ какъ, напримѣръ, кончается одна изъ лучшихъ главъ книги (объ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ при революціи): «Если французскій народъ въ теченіе революціоннаго періода подалъ примѣръ удивительнаго самоотверженія и патріотизма, то, съ другой стороны, и конвентъ покрылъ себя неувядаемой славой, возбуждая самоотверженіе и извлекая пользу изъ патріотизма. Если подумать, среди какихъ опасностей приходилось ему созидать громадную систему учебныхъ и ученыхъ учрежденій, нельзя не преклониться предъ подвигомъ народныхъ представителей. Между тѣмъ, это дѣло—сравнительно ничтожная область ихъ колоссальнаго творчества» (стр. 616). Характеризуя терроръ, Оларъ настаиваетъ на томъ, что терроръ былъ *не системой*, но *положеніемъ вещей*,—и соглашается со словами члена конвента Тибодо: «Только тѣ, кто слишкомъ худого мнѣнія о природѣ человѣка, могли приписать нѣсколькимъ личностямъ поистинѣ сатанинскую мысль возвести терроръ въ систему. Въ дѣйствительности терроръ былъ болѣе далекъ отъ сознательно проводимой системы, чѣмъ что-либо другое»... Остается пожалѣть, почему составители, разсыпавши по отдѣльнымъ главамъ много мѣткихъ *частичныхъ* характеристикъ, уклонились отъ труда дать общую характеристику значенія всего разсказаннаго ими періода. Переводъ читается легко; изданіе изящное. *Евг. Тарле.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. Соболевъ. «Коммерческая географія Россіи». — *Л. Наркевичъ.* «Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла въ Нижегородской губ.».

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики о географіи Россіи сравнительно съ иностранными государствами. Томскъ. 1902 г., 244 стр. Ц. 1 р. 25 коп. Книга проф. Соболева, вышедшая уже вторымъ изданіемъ, преслѣдуетъ не ученыя, а учебныя цѣли; задача ея не двигать впередъ науку, а сгруппировать твердо установленные факты изъ области хозяйственной жизни Россіи, вслѣдствіе чего она, по выраженію самого автора, «можетъ служить не болѣе, какъ полотномъ, на которомъ должна быть набросана живая картина изучаемыхъ явленій; поэтому, она рисуетъ только важнѣйшіе моменты хозяйственной жизни нашего отечества съ нѣкоторыми сопоставленіями для иностранныхъ государствъ».

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ непосредственной задачѣ своего руководства, проф. Соболевъ старается ввести своего читателя-ученика въ сущность того статистическаго метода, съ помощью котораго собираются цифровыя данныя. Въ началѣ каждаго отдѣла авторъ вездѣ останавливается на вопросѣ о пріемахъ собиранія свѣдѣній и существующихъ изданіяхъ по данному вопросу. «Разсматривая указываемые матеріалы,—справедливо замѣчаетъ проф. Соболевъ,—учащіеся пріучаются находить въ нихъ нужныя имъ свѣдѣнія, пріобрѣтаютъ сознательное отношеніе къ изучаемымъ цифрамъ и фактамъ и нерѣдко заинтересовываются настолько, что выполняютъ небольшія самостоятельныя работы по этимъ источникамъ».

Въ весьма небогатой учебной литературѣ по коммерческой географіи Россіи книгѣ проф. Соболева принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Написана она легкимъ языкомъ, выгодно отличающимся отъ казеннаго языка обычныхъ учебниковъ, сгруппированы въ ней свѣжія и вполнѣ достовѣрныя данныя. Одинъ только упрекъ мы позволили бы себѣ сдѣлать автору—намъ кажется, что въ своемъ учебникѣ коммерческой географіи Россіи онъ слишкомъ мало обратилъ вниманіе на выясненіе причинной связи между характеромъ окружающей географической среды и характеромъ экономической дѣятельности населенія

даннаго района, данной губерніи. Намъ думается, что установленіе этой связи значительно бы способствовало оживленію изложенія и дало бы учащемуся болѣе легкую возможность запомнить географическое распредѣленіе по Россіи различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Надо было бы выяснить, не только *гдѣ* и *какъ* расположены различныя отрасли хозяйственной жизни Россіи, не еще и *почему* они развились, именно, въ данномъ географическомъ районѣ. *П. Б.*

Врачъ Л. О. Наркевичъ. Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ. 1901 г. Среди довольно многочисленныхъ за послѣднее время изслѣдованій санитарнаго состоянія отдѣльныхъ отраслей промышленности, проходящихъ, къ сожалѣнію, совершенно незамѣченными для читающей публики, небольшая работа д-ра Наркевича, безспорно, болѣе другихъ можетъ претендовать на вниманіе общаго читателя. Развертываемая авторомъ объективная картина внутреннихъ экономическихъ отношеній и ужасающихъ санитарныхъ условій въ валяльномъ промыслѣ Нижегородской губерніи едва ли не типична для кустарныхъ промысловъ вообще и проливаетъ яркій свѣтъ на вопросы объ экономической роли и нѣкоторыхъ причинахъ развитія нашей кустарной промышленности, а вѣдь эти вопросы, наряду съ вопросомъ о возможной дальнѣйшей эволюціи кустарныхъ промысловъ, въ послѣдніе годы привлекали и продолжаютъ еще привлекать усиленное вниманіе къ себѣ читающей публики. Въ не искаженномъ никакими предвзятыми взглядами изложеніи автора изслѣдованный имъ «кустарный» промыселъ по своей хозяйственной организаціи является очень характернымъ образчикомъ такъ называемой въ экономической литературѣ Haus или Verlagsindustrie, или domestic System—«раздаточной» или домашней системы крупнаго производства, относящейся всецѣло къ предпринимательской формѣ производства. Центромъ развитія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи издавна служитъ Семеновскій уѣздъ, снабжающій не только своими издѣліями, но и рабочими, спеціально пріучившимися переносить прямо нечеловѣческія условія шерстобитнаго производства, даже такіе отдаленные районы, какъ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, на хорошо знакомыхъ намъ небольшихъ войлочныхъ фабрикахъ одного изъ пригородовъ Петербурга всѣ рабочіе нанимаются предпринимателями въ Семеновскомъ уѣздѣ.

Какъ видно изъ приводимой д-ромъ Наркевичемъ таблицы, въ одномъ этомъ уѣздѣ насчитывается 1.776 «отдѣльныхъ заведеній» по обработкѣ шерсти, съ общимъ числомъ занятыхъ въ нихъ лицъ 3.416, изъ которыхъ къ семьямъ самихъ «хозяевъ» заведеній принадлежитъ 2.914 и 502 чел. наемныхъ рабочихъ. Всего же въ Нижегородской губерніи 2.608 заведеній валяльнаго промысла, въ которыхъ работаетъ 1.276 наемныхъ рабочихъ и 4.376 «самостоятельныхъ хозяевъ» и членовъ ихъ семей. Мы, впрочемъ, сейчасъ увидимъ, съ какого рода хозяйственною самостоятельностью намъ приходится имѣть здѣсь дѣло. Въ каждомъ районѣ шерстовалянаго производства, по словамъ автора, имѣется свой предприниматель, закупающій на Нижегородской ярмаркѣ, а отчасти и на мѣстныхъ кожевенныхъ заводахъ шерсть и раздающій ее затѣмъ изъ своихъ складовъ для обработки мѣстнымъ крестьянамъ. На этого-то дѣйствительнаго хозяина и работаетъ все окрестное населеніе. «Крестьяне берутъ шерсть у «хозяина» въ долгъ по цѣнѣ значительно выше рыночной. Когда кустари привозятъ обратно товаръ, приготовленный изъ купленной шерсти, то вторично вступаютъ съ хозяиномъ въ торговую сдѣлку. Продавецъ кустарь, не имѣя запасныхъ средствъ, принужденъ немедленно сбывать выдѣланный товаръ. Кромѣ того, отыскивая болѣе выгодный сбытъ для своего товара, онъ рискуетъ попасть въ немилость «хозяина» и лишиться такимъ образомъ кредита на товаръ». За работу кустарь получаетъ только часть слѣдуемой платы деньгами, а на остальную сумму различные продукты, «низкаго качества и

по очень высокимъ цѣнамъ». «Типъ самостоятельнаго кустаря сохранился только въ видѣ исключенія». По признанію автора, «громадное большинство крестьянъ, занимающихся валяльнымъ промысломъ, трудно назвать кустарями: это въ полномъ смыслѣ слова работники на хозяина-заказчика, на долю котораго и достается вся прибыль производства; а на долю производителя товара достается полуголодное существованіе, непосильный трудъ при самыхъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ и, какъ слѣдствіе этого, преждевременная инвалидность и неспособность къ труду» (стр. 3). Благодаря тому, что все руководительство производствомъ находится въ рукахъ предпринимателей, имъ удается устанавливать строго проводимое раздѣленіе труда между кустарями, а послѣднее еще болѣе закрѣпляетъ полную зависимость кустаря отъ «хозяина». Шерсть сначала поступаетъ на шерсточесальные заводы самихъ предпринимателей, затѣмъ въ одной деревнѣ ее только «катаютъ», въ другой только «стираютъ» скатанный товаръ. Болѣе состоятельные кустари держатъ сами рабочихъ, число которыхъ обыкновенно достигаетъ предѣльной цифры 15 чел. Такъ какъ заведенія, имѣющія болѣе 16 чел. рабочихъ, подлежатъ вѣдѣнію фабричной инспекціи, то, чтобы избѣжать контроля инспекціи, такіе «хозяйчики» (нѣмецкіе Zwischenmeister) строго придерживаются указаннаго предѣльнаго числа. Стирать скатанный товаръ и они отдаютъ на сторону, катаютъ же дома, такъ какъ это даетъ имъ возможность легче слѣдить за тѣмъ, какой сортъ шерсти употребляется въ дѣло. Отдавать хоть часть работы на домъ для хозяйчиковъ очень выгодно: стираньемъ скатаннаго товара (валеныхъ сапогъ) занимается бѣднѣйшая часть населенія, не имѣющая иныхъ заработковъ. «Работнику-отцу помогаютъ дѣти и жена, трудъ которыхъ не принимается въ разсчетъ. Въ общемъ заработокъ кустарей, работающихъ дома *значительно ниже, чѣмъ заработокъ рабочихъ въ хозяйскихъ мастерскихъ*; послѣдніе, не прикрѣпленные хозяйствомъ къ своему дому, легче могутъ найти работу на сторонѣ». Такимъ образомъ, домашняя форма крупной промышленности выгодна только для предпринимателя-скупщика или раздатчика. «Во многихъ случаяхъ крестьянинъ работаетъ только на хлѣбъ». Нужно замѣтить, что по даннымъ автора шерстовальное производство не только не сокращается, но, напротивъ, замѣтно развивается. Трудно установить болѣе или менѣе точно размѣры прибыли предпринимателей; такъ какъ на этотъ вопросъ ими даются весьма уклончивые отвѣты, а отчетности они обыкновенно не ведутъ. Но, судя по прекраснымъ двухъэтажнымъ домамъ «хозяевъ», имѣющихъ даже менѣе 10 наемныхъ рабочихъ, дѣла ихъ идутъ какъ нельзя лучше. Впрочемъ, по цифрамъ о числѣ наемныхъ рабочихъ и возрастаніи числа отдѣльныхъ «самостоятельныхъ хозяйствъ» совершенно непозволительно дѣлать заключеніе о дѣйствительныхъ размѣрахъ предпріятій и движеніи концентраціи производства. Такъ, по даннымъ автора, владѣлецъ шерстовальни, на которой «катаетъ» 6 человѣкъ, долженъ имѣть на сторонѣ не менѣе 10—12 стирщиковъ, которые, составляя самую низшую категорію эксплуатируемыхъ хозяиномъ рабочихъ, при учетѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, регистрируются, какъ самостоятельные хозяева. Что касается спеціально санитарныхъ условій производства и жизни рабочихъ, то они тѣмъ хуже, чѣмъ мельче предпріятія. Но и на самыхъ крупныхъ шерстовальняхъ, имѣющихъ до 50 — 80 рабочихъ, эти условія прямотаки убійственны. Такъ, напр., въ виду того, что шерсть лучше всего скатывается при высокой температурѣ, послѣдняя поддерживается въ катальняхъ не ниже 25° R и работаютъ въ нихъ рабочіе совершенно нагими, имѣя только небольшіе передники вокругъ пояса. Отопленіе составляетъ около половины накладныхъ расходовъ въ мелкихъ мастерскихъ, поэтому всякая вентиляція тщательно устраняется, и воздухъ въ катальняхъ до того испорченъ, что непривычному трудно пробыть даже нѣсколько минутъ. Авторъ разсказываетъ, что, оставшись при осмотрѣ первой катальни въ ней нѣсколько дольше, онъ

почувствовалъ головокруженіе и общую слабость въ такой сильной степени, что не въ силахъ былъ производить въ этотъ день дальнѣйшія изслѣдованія.

У пишущаго настоящія строки до сихъ поръ еще живо въ памяти впечатлѣніе безнадежнаго ужаса и тоски, охватывавшее его всякій разъ при санитарныхъ осмотрахъ немногочисленныхъ шерстовальныхъ и войлочныхъ мастерскихъ въ одномъ изъ петербургскихъ пригородовъ. Самый видъ совершенно голыхъ рабочихъ, мокрыхъ отъ пота и грязныхъ отъ пыли, блѣдныхъ и едва вырисовывающихся въ полумракѣ наполненной паромъ и пылью мастерской, съ ея удушливой, жаркой атмосферой, производитъ удручающее, гнетущее впечатлѣніе. А между тѣмъ, какъ оказывается, во многихъ мелкихъ мастерскихъ Нижегородскій губерніи рабочіе не только проводятъ весь день въ этомъ удушливомъ воздухѣ, но и спятъ тутъ же. Д-ру Наркевичу приходилось видѣть, что мастера заставляютъ помогать себѣ при работѣ въ катальняхъ даже подростковъ моложе 10 лѣтъ, мотивируя это необходимостью воспитанія въ нихъ съ малыхъ лѣтъ способности переносить нечеловѣческія условія труда въ катальняхъ, такъ какъ взрослые рабочіе уже не могутъ привыкнуть къ этому. Не лучше каталенъ и мелкія стирни: паръ совсѣмъ не отводится изъ нихъ, такъ что воздухъ въ нихъ всегда сырой; стѣны влажны, весьма быстро гніютъ и покрыты плѣсенью; половъ и потолковъ въ мастерскихъ нѣтъ; окна безъ двойныхъ рамъ; двери открываются прямо наружу, почему температура въ стирняхъ подвержена очень сильнымъ колебаніямъ. Въ такихъ-то условіяхъ приходится «кустарямъ» и наемнымъ рабочимъ проводить свой трудовой день, который, начинаясь съ 2—3 часовъ ночи, даже за вычетомъ времени на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, равняется не менѣе 13—16 часамъ чистой работы. И этимъ каторжнымъ трудомъ кустари вырабатываютъ въ недѣлю, за вычетомъ накладныхъ расходовъ и расхода на скудное питаніе по $7^1/_2$ *копѣекъ въ недѣлю*, т.-е. нѣсколько болѣе 1 коп. въ день! При осмотрѣ хлѣба, которымъ питаются артели этихъ «кустарей», авторъ обратилъ вниманіе на то, что онъ всегда недопеченъ и очень невкусенъ; близко знакомые съ бытомъ рабочихъ-кустарей лица объяснили ему, что это не случайное явленіе, а что, «питаясь недопеченнымъ хлѣбомъ, артель разсчитываетъ на меньшій расходъ его и такимъ образомъ надѣется сдѣлать бо́льшія сбереженія въ концѣ рабочаго сезона» (стр. 13). Неудивительно, что при осмотрѣ рабочихъ прежде всего бросается въ глаза ихъ жалкій, блѣдный, изможденный видъ, а въ с. Богородскомъ для рабочихъ валяльнаго промысла существуетъ даже особое названіе—«терпѣлка». Болѣе мѣткаго названія, по мнѣнію автора, невозможно придумать для этой категоріи промышленныхъ рабочихъ: только терпѣніе и выносливость, пріобрѣтенныя съ дѣтства помогаютъ рабочему мириться съ описанными выше тяжелыми условіями труда. Средняя продолжительность пребыванія рабочаго на валяльныхъ «заводахъ» не превышаетъ 11 лѣтъ — послѣ этого срока они становятся совершенно инвалидными и неспособными къ труду.

Ближайшая цѣль предположеннаго нижегородскимъ губернскимъ земствомъ санитарнаго обслѣдованія промышленныхъ заведеній, первый опытъ котораго мы имѣемъ въ работѣ д-ра Наркевича, состоитъ въ томъ, чтобы изъ изученія дѣйствительнаго положенія промышленныхъ заведеній почерпнуть метеріалъ для сознательнаго регламентированія ихъ санитарной обстановки путемъ изданія соотвѣтствующихъ обязательныхъ постановленій. Поэтому, авторъ въ заключеніе представляетъ проектъ минимальныхъ санитарныхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ «заводамъ», имѣющимъ болѣе 5 наемныхъ рабочихъ. Но по его совершенно основательному убѣжденію никакія обязательныя постановленія не примѣнимы по отношенію къ бѣднымъ кустарямъ и несостоятельнымъ рабочимъ, работающимъ на своихъ «хозяевъ» въ своихъ собственныхъ «мастерскихъ». Земство хотъ отчасти могло бы улучшить ихъ положеніе облегченіемъ для нихъ сбыта выдѣланнаго товара и устройствомъ складовъ шерсти,

а также устройствомъ образцовыхъ мастерскихъ съ правильною вентиляціей и отведеніемъ пара, тѣмъ болѣе, что сами «кустари» въ цѣляхъ сбереженія топлива и расхода на освѣщеніе дѣлаютъ попытки устранивать стирни совмѣстно.

Зах. Френкель.

ФИЛОСОФІЯ.

Куно Фишеръ. «Исторія новой философіи».—«Мозгъ какъ органъ мышленія».—*Кюльпе.* «Вундтъ. Его философія и психологія».

Куно Фишеръ Исторія новой философіи, т. IV. Эммануилъ Кантъ и его ученіе. Возникновеніе и основаніе критической философіи, Ч. I. Спб. 1901 г. Исторія новой философіи Куно Фишера впервые вышедшая на русскомъ языкѣ въ 60-хъ годахъ въ переводѣ Н. Н. Страхова нашла себѣ много читателей и давно уже успѣла сдѣлаться библіографическою рѣдкостью. Ясность изложенія, удивительная обработанность стиля сочиненій Куно Фишера всѣмъ хорошо извѣстны. Обширная «Исторія новой философіи», выходящая въ VIII томахъ, охватываетъ собою всю европейскую философію начиная Декартомъ и кончая Шопенгауеромъ. Т. IV трактующій о теоретической философіи Канта, заслуживаетъ вниманія не только потому, что въ настоящій моментъ философія Канта вызываетъ наибольшій интересъ, но, какъ намъ кажется и потому, что въ исторіи философской мысли послѣдней половины XIX вѣка она имѣла историческое значеніе. Дѣло въ томъ, что до 60-хъ годовъ въ Германіи Кантомъ совсѣмъ мало интересовались и только въ началѣ 60-хъ годовъ возникаетъ интересъ къ философіи Канта и стремленіи «вернуться назадъ къ Канту». Было много причинъ, способствовавшихъ появленію этого движенія, но между прочимъ очень важное значеніе принадлежитъ Куно-Фишеру, который, изложивъ Кантовское ученіе по историческому методу, уяснилъ существенныя стороны его лучше, чѣмъ это было до него. Съ тѣхъ поръ по отношенію къ Канту въ исторіи философіи водворилось мнѣніе Куно-Фишера, по которому, «чтобы понять Канта, его слѣдуетъ объяснять исторически». Эта мысль несомнѣнно вѣрная. Нельзя понять сущности философіи Канта, если изучать просто одно изъ его произведеній, напр. «Критику чистаго разума». Для пониманія Канта необходимо прослѣдить исторически генезисъ его идей. Этотъ методъ примѣненъ именно въ разбираемомъ сочиненіи о Кантѣ. Въ немъ подробно излагается генезисъ его идей и, наконецъ его теоретическая философія.

Что касается перевода, то онъ исполненъ добросовѣстно, хотя и не лишенъ промаховъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Стр. 17. Empfänglicher Sinn «чувство впечатлительности» вмѣсто «воспринимающее чувство». Стр. 409. Вмѣсто «отношеніе» сказано «относительность». Терминъ apprehension переводится посредствомъ «усвоенія». Намъ кажется было бы гораздо цѣлесообразнѣе «схватываніе въ цѣломъ», потому что терминъ «усвоеніе» совсѣмъ не содержитъ въ себѣ идеи соединенія въ одно цѣлое, что именно предполагается терминомъ apprehensio. Стр. 436. «Существующее во времени есть необходимая величина», вмѣсто «необходимо есть величина», что совершенно измѣняетъ смыслъ. Стр. 436. «Обычная послѣдовательность» вмѣсто «привычная послѣдовательность», что въ теоріи Юма имѣетъ особенный смыслъ. Замѣчается злоупотребленіе иностранными терминами, напр. «негація» вмѣсто «отрицаніе», «консеквенція» вмѣсто «послѣдовательность», Blosser Verstand повсюду переводится посредствомъ термина «голый» разсудокъ. Этотъ терминъ намъ кажется совершенно неудачнымъ: слѣдовало бы сказать, разсудокъ просто или «чистый разсудокъ».

Не взирая на эти недостатки въ переводѣ, которыхъ къ тому же очень немного, данная книга въ настоящій моментъ является самой лучшей и самой полной монографіей о теоретической философіи Канта на русскомъ языкѣ. *Г. Ч.*

Мозгъ, какъ органъ мышленія. Народный университетъ. Сборникъ обще-

доступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1901 г. Въ этой серіи книгъ, между прочимъ, въ числѣ другихъ научныхъ вопросовъ трактуется также и вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу. Для этой цѣли составитель рѣшилъ предложить переводъ соч. проф. Флексига «Мозгъ и душа», которое уже давно существуетъ на русскомъ языкѣ, но книга Флексига мало доступна для обыкновеннаго читателя, такъ какъ предполагаетъ основательныя свѣдѣнія по анатоміи и физіологіи. Поэтому составитель рѣшилъ сдѣлать дополненія и примѣчанія, которыя бы дѣлали эту книгу доступной для обыкновеннаго читателя «Народнаго Университета».

Издавая это сочиненіе, составитель, по его собственнымъ словамъ, «имѣлъ въ виду сразу (!?) познакомить читателей съ самыми послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизіологіи». Мы не станемъ говорить о достоинствѣ самого сочиненія Флексига; въ немъ очень спорной является психологія, которая выводится изъ анатоміи мозга, но мы обратимъ вниманіе на тѣ прибавленія, которыя сдѣланы самимъ составителемъ. Они часто совершенно неправильны. На стр. 22 Флексигъ говоритъ о «субстратѣ» душевной дѣятельности. Читатели «Народнаго университета» узнаютъ отъ г. Битнера, что «подъ субстратомъ въ данной области понимаютъ основу, сущность вещи по отношенію къ измѣнчивымъ, случайнымъ ея частямъ и свойствамъ». Очевидно, г. Битнеръ смѣшалъ «субстратъ» съ «субстанціей», ибо его опредѣленіе относится не къ субстрату, а къ субстанціи.

Въ главѣ о «френологической теоріи Галля» г. Битнеръ хочетъ доказать, что френологія въ настоящее время имѣетъ важное научное значеніе. Читатель въ недоумѣніи, о какой френологіи идетъ рѣчь. Если подъ френологіей понимать то ученіе, по которому для различныхъ видовъ душевныхъ дѣятельностей существуютъ опредѣленныя физіологическія основы, то его едва ли нужно доказывать, потому что никто его въ настоящее время не оспариваетъ. Если же г. Битнеръ думаетъ, что подъ френологіей нужно понимать Галлевскую френологію, по которой отдѣльныя душевныя «способности» локализуются въ той или въ другой части мозга, то доказательство его не только сомнительно, но безспорно ложно. Такая френологія безповоротно осуждена наукой. Но его доказательства весьма странны, потому что онъ просто ссылается на Уоллеса, который въ своей книгѣ «Чудесный вѣкъ» доказываетъ научное значеніе френологіи. Но Уоллесу, живущему воспоминаніями 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда еще были живы корифеи френологіи Комбъ и Шпурцгеймъ, это простительно, а для г. Битнера, который берется познакомить читателя съ «послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизіологіи», это совсѣмъ не простительно. Мы не станемъ разбирать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые Уоллесъ приводитъ для доказательства научнаго характера френологіи, а укажемъ только на слѣдующій. Уоллесъ утверждаетъ, что современныя экспериментально-физіологическія изслѣдованія съ раздраженіями поверхности головного мозга приводятъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которые были уже извѣстны старымъ френологамъ. Эти изслѣдованія показываютъ существованіе органа «чадолюбія».

«Еще болѣе интересенъ результатъ возбужденія нижней части внутренней затылочной извилины коровъ и овецъ, которое вызываетъ у нихъ тревожныя движенія заднихъ ногъ и хвоста. Между тѣмъ какъ животное смотритъ на противоположную заднюю ногу и иногда издаетъ жалобный крикъ, какъ будто отъ боля или досады. Возбуждаемое мѣсто есть френологическій органъ «чадолюбія» и всякій, наблюдавшій корову въ то время, когда уводили прочь ея теленка, долженъ признать вѣрность описанія движеній, которыми она выражаетъ свои чувства».

Что это, наука или фантазія? Кажется несомнѣннымъ, что это послѣднее. Но какъ къ нимъ относится г. Битнеръ? Онъ говоритъ: «Можно, конечно, не

раздѣлять надежды знаменитаго англійскаго ученаго, можно считать ихъ увлеченіемъ, но нельзя отказать его замѣчаніямъ въ основательности, которыя не меньшей мѣрѣ должны наводить на размышленія. Во всякомъ случаѣ усвоенный нѣкоторыми высокомѣрный тонъ и пренебрежительное отношеніе къ френологіи покоится не на научныхъ данныхъ, а скорѣе на незнаніи исторіи вопроса. Истинные ученые вродѣ Уоллеса, Флексига и т. п. умѣютъ относиться съ уваженіемъ даже къ заблужденіямъ своихъ предшественниковъ». Какъ это понять? Съ одной стороны утверждается, что френологія есть *заблужденіе*, а съ другой стороны, что нужны научныя данныя, чтобы понять, что это есть нѣчто очень серьезное.

На стр. 29 г. Битнеръ поясняетъ, что нужно понимать подъ ассоціаціей. «Подъ ассоціаціей въ психологіи понимаютъ представленія, понятія, тѣсно связанныя между собою и одно другое вызывающія. Различаютъ *положительныя* и *отрицательныя* ассоціаціи». Смѣемъ увѣрить, что ни въ какой психологіи этого не признается. На стр. 32 говорится, что «слухъ связанъ съ *поверхностью* височныхъ долей». Это невѣрно. Нужно было сказать, что «слухъ связанъ съ дѣятельностью *верхней височной извилины*». Между тѣмъ, утвержденіемъ и этимъ есть огромная разница.

Отношеніе г. Битнера къ физіологическимъ изслѣдованіямъ колеблющееся. На стр. 33 онъ говоритъ: «Бывали случаи, когда фантазіи нѣкоторыхъ физіологовъ, при описаніи нарушенныхъ отправленій души животнаго, удалялась отъ твердой почвы истинно познаваемаго, но отъ этого твердость ихъ обоснованныхъ положеній и выводовъ все-таки не могла въ значительной степени уменьшиться». Удивительно чудесная наука по описанію г. Битнера можно фантазировать, и все таки цѣнность выводовъ отъ этого не измѣнится.

Г. Битнеръ находитъ (стр. 46), что «анатомическимъ мѣстомъ объединяющей или синтетической способности будутъ всѣ соединительныя спайки обоихъ полушарій, главнымъ образомъ тотъ органъ, который называется «мозолистомъ тѣломъ». Въ немъ объединяются впечатлѣнія обоихъ половинъ тѣла». Г. Битнеръ долженъ былъ бы объявить, что этотъ взглядъ принадлежитъ лично ему, потому что, не дѣлая никакой оговорки, онъ можетъ заставить читателя думать, что въ самомъ дѣлѣ въ наукѣ кто-нибудь кромѣ него, высказывалъ это нелѣпое мнѣніе. Что центромъ *пониманія* является именно мозолистое тѣло, эта гипотеза принадлежитъ исключительно г. Битнеру.

Намъ кажется, что такъ популяризировать науку не слѣдовало бы. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе просто перевести хорошую книгу, и только, а при такихъ дополнительныхъ примѣчаніяхъ «Народный Университетъ» сдѣлается мѣстомъ, откуда читатели будутъ черпать не познанія, а заблужденія. *Г. Ч.*

Кенигъ. Вундтъ. Его философія и психологія. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 1902. Вундтъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ мыслителей. Его самая главная заслуга заключается въ томъ, что онъ поднялъ значеніе философіи, которое въ послѣднее время, повидимому, совершенно было утрачено въ глазахъ интеллигенціи. Многимъ какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ казалось, что философія — псевдонаука и что ей въ настоящее время нѣтъ мѣста среди другихъ наукъ. Вундтъ былъ въ числѣ философовъ, которые способствовали тому, что довѣріе къ философіи было вновь возвращено. Это произошло потому, что Вундъ, прежде всего, является представителемъ естествознанія. Онъ первоначально былъ профессоромъ физіологіи, а потомъ перешелъ къ психологіи и къ философіи. Онъ первый въ послѣднее время сталъ проповѣдовать, что психологія должна дѣлаться экспериментальной наукой и первый основалъ лабораторію, для экспериментальнаго изученія психологіи. Онъ также ввелъ терминъ «физіологическая психологія». Вполнѣ естественно, что никто не могъ заподозрить его въ томъ, что онъ способенъ созидать какія-нибудь фантастическія теоріи. Его склонны были считать пози-

тивистомъ или, во всякомъ случаѣ, матеріалистомъ. Но когда онъ въ 1886 году выпустилъ свою «Систему Этики», то всѣ увидѣли, что это неправильно, что его философія съ матеріализмомъ ничего общаго не имѣетъ, а въ предисловіи къ этому сочиненію онъ прямо себя объявляетъ сторонникомъ идеалистической метафизики. Когда въ 1889 году онъ издалъ свою «Систему Философіи», то для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что центральнымъ пунктомъ его системы является метафизика. Многіе заподозрили его въ неискренности, потому что не могли понять, какимъ образомъ ученый, занимающійся физіологіей, могъ сдѣлаться метафизикомъ и подозрѣвали даже, что онъ преслѣдуетъ постороннія наукѣ цѣли, но на самомъ дѣлѣ Вундтъ былъ послѣдовательнымъ метафизикомъ. Онъ еще въ 1869 году задумалъ свою систему философіи, а въ окончательной формѣ она появилась въ 1889 году. Во всѣхъ его предшествующихъ сочиненіяхъ проскальзываютъ взгляды, которые показываютъ, что онъ долженъ былъ придти къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ онъ, дѣйствительно, и пришелъ.

У насъ въ Россіи особенно распространенъ предразсудокъ, что если кто занимается физіологіей, то долженъ, быть очень далекъ отъ философіи или метафизики. Вундтъ является опроверженіемъ такого взгляда.

Въ философіи Вундтъ является «метафизикомъ», въ психологіи онъ «монистъ», въ этикѣ онъ сторонникъ «универсальнаго эволюціонизма».

Его взгляды въ доступной формѣ изложены въ книгѣ Кенига, которую мы и предлагаемъ вниманію всѣхъ интересующихся философіей, въ особенности ея новѣйшими теченіями. Переводъ удовлетворителенъ, хотя и не свободенъ отъ недостатковъ. На стр. 14 «докторъ психологіи» вмѣсто «докторъ философіи». Стр. 16. Извѣстный физіологъ Пуркинье названъ Пуркиндке. Стр. 88. Anschaulich вмѣсто «наглядный» переводится посредствомъ «способъ созерцанія». Стр. 121 «Апперцептивныя сцѣпленія» вмѣсто общепринятаго «апперцептивныя соединенія». *Г. Ч.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Общественныя теченія запада конца XIX в.».—*С. Смирновъ.* «Ученическіе журналы».—«Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей».

Общественныя теченія запада конца XIX вѣка. Осужденные въ Чикаго. Джона Макая. Съ французскаго. Въ изложеніи О. Обломіевской и С. Штейнберга. Ц. 50 к. Въ подлинникѣ эту книгу намъ видѣть не приходилось и хотя, вообще говоря, мы относимся вполнѣ отрицательно ко всякаго рода «изложеніямъ» и тѣмъ болѣе «передѣлкамъ», но въ данномъ случаѣ даже въ страдающемъ дефектами изложеніи г.г. Обломіевской и Штейнберга книжка Макая заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читателей. Книжка представляетъ собою полубеллетристическую вещь (беллетристической ее назвать нельзя, вслѣдствіе слишкомъ ужъ большого отсутствія въ ней художественнаго элемента), въ которой выведенные авторомъ на сцену герои, ведутъ между собою высокоинтересныя бесѣды. Въ этомъ отношеніи произведеніе Макая напоминаетъ намъ извѣстный романъ Швейцера «Эмма». Герои подвергаютъ всестороннему разсмотрѣнію общественныя теоріи, наиболѣе занимавшія европейское общество въ концѣ XIX в. и занимающія его, разумѣется, и теперь, въ началѣ XX вѣка. Главный вопросъ, обсуждаемый героями разсказа, это—значеніе индивидуализма и коллективизма и борьба двухъ этихъ міровоззрѣній.

«Я всегда стремился къ абсолютной индивидуальной свободѣ. Я прослѣдилъ до послѣднихъ логическихъ выводовъ не одну теорію, я принадлежалъ къ горячимъ приверженцамъ и соціализма, но все это не удовлетворяло меня, и я долженъ былъ, въ концѣ концовъ, предаться самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, которыя привели меня къ исходному пункту всякихъ изысканій,—къ личности, къ отдѣльному индивиду», говоритъ Обанъ, главное лицо разсказа

Другіе собесѣдники представляютъ на мысли Обана множество возраженій; въ спорахъ этихъ и заключается захватывающій интересъ этой книги. Самъ авторъ не даетъ никакихъ положительныхъ рѣшеній вопросовъ, онъ ставитъ ихъ но ставитъ умѣло, въ родѣ того, какъ это дѣлалъ Прудонъ, и читателю, поэтому, есть надъ чѣмъ подумать и самому.

Къ дефектамъ русскаго изданія книги принадлежитъ языкъ «изложенія», что значительно портитъ впечатлѣніе въ общемъ весьма полезной книги. *В. Б.*

С. Г. Смирновъ. Ученическіе журналы и сборники. М. 1902. in 8 vo Стр. 134. Ц. 60 к. Книжка г. Смирнова—любопытный отголосокъ оживленія, обнаруженнаго за послѣднее время по вопросу о реформѣ средней школы. Г. Смирновъ утверждаетъ, что «духъ жизни повѣялъ, наконецъ, надъ нашей многострадальной школой», и «въ настоящее время вопросы индивидуальности ученика получаютъ первостепенное значеніе». Отсюда проистекаетъ его особенный интересъ къ ученическимъ журналамъ и сборникамъ, какъ къ «естественно выражающей формѣ яркаго обнаруженія индивидуальныхъ наклонностей и самодѣятельности» учащихся. Авторъ начинаетъ свое изложеніе издалека—съ временъ шляхетнаго кадетскаго корпуса XVIII вѣка, воспитанники котораго печатали свои труды съ вѣдома великаго князя Петра Ѳедоровича, впослѣдствіи императора Петра III. «Несомнѣнно,—пишетъ г. Смирновъ,—что первый въ Россіи журналъ, составленный, главнымъ образомъ, изъ ученическихъ трудовъ, появился по иниціативѣ начальства и подъ покровительствомъ особъ царской фамиліи» (стр. 7 и 40).

Въ 90-хъ годахъ истекшаго XIX вѣка школьное начальство одной гимназіи разрѣшило журналъ «Разсвѣтъ»: его задачей поставлено было самообразованіе, которое-де можетъ идти правильнымъ путемъ только тогда, когда цѣлью его будетъ предустановлено созданіе «внутренняго русскаго міросозерцанія». Въ чемъ же заключается таковое? По мнѣнію начальства, продиктовавшаго программу журнала, основами этого *внутренняго* міросозерцанія являются «православіе, единодержавіе и народность». Сообщивъ эту программу школьнаго журнала, начавшаго выходить въ свѣтъ подъ покровительствомъ начальства гимназіи, авторъ заявляетъ, что таковая опредѣленная публицистическая программа, кромѣ статей самого редактора, «не нашла себѣ никакого выраженія и примѣненія въ журналѣ». Почему же? Вопросъ этотъ г. Смирновъ оставляетъ безъ изслѣдованія, но самымъ фактомъ пользуется для того, чтобы придти къ успокоительному выводу, что «ученики средней школы въ общемъ чужды политикѣ» и что ихъ интересы сосредоточиваются на вопросахъ нравственнаго совершенствованія, эстетики и философіи.

Итакъ, въ далекомъ прошломъ начальство поощряло ученическіе журналы, не такъ давно пыталось поощрять; на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ ученическихъ журналахъ («Утренняя Заря») блистала нота «ярко выраженнаго патріотическаго характера», а въ концѣ XIX вѣка ученическіе журналы блестяще доказали отсутствіе среди учащихся политическихъ вкусовъ и аппетитовъ. Стало быть, нѣтъ нужды запрещать ученикамъ издавать школьные журналы. Конечно, нѣтъ нужды запрещать, но не правильнѣе ли было бы подчеркнуть и другой возможный выводъ: въ началѣ XIX вѣка возможно было въ ученическомъ журналѣ процвѣтаніе такъ называемаго патріотическаго направленія, а въ концѣ XIX вѣка нѣтъ: программа подобнаго рода, проектированная редакціей «Разсвѣта», провалилась. Нынѣшніе педагоги, по словамъ г. Смирнова (стр. 24—25), склонны «произносить грозныя филиппики противъ прежде-временнаго литераторства», готовы «видѣть въ немъ глубокій и неискоренимый нравственный вредъ»... «Мы,—продолжаетъ авторъ,—не можемъ представить себѣ ученическаго журнала безъ сатирическихъ выходокъ на учителей и начальство». И вотъ на протяженіи цѣлаго ряда страницъ авторъ съ достойною

лучнаго примѣненія скрупулезностью собираетъ отмѣтки о томъ, что учащіеся въ своихъ журналахъ почти не трогаютъ учителей и начальство, а если нѣкоторые журналы и касаются такихъ темъ, то не имѣютъ успѣха и быстро приканчиваютъ свое существованіе (см. стр. 41, 44, 51, 57, 61, 62 и др.). Въ концѣ концовъ выходитъ, что наши учащіеся въ своихъ журналахъ столь же мало занимаются сатирой на учителей и начальство, какъ и политикой. Авторъ съ торжествомъ заявляетъ еще разъ, что ученическихъ журналовъ запрещать не надо, ибо они не страшны для учителей своими сатирическими выходками, что «эти педагогическіе страхи въ значительной степени преувеличены».

Не надо, стало быть, ихъ запрещать, пусть они издаются, пусть начальство изъ обзора ихъ исторіи, начертанной г. Смирновымъ, убѣдится въ благонадежности школьной журналистики. Противъ вывода никто не споритъ, но аргументація автора должна была быть построенною иначе и достигать болѣе широкой цѣли, нежели опыта убѣдить начальство въ томъ, въ чемъ оно, можетъ быть, и не желаетъ убѣждаться. Своего мнѣнія насильно никому не навяжешь, и намъ думается, что автору слѣдовало бы все время оставаться въ предѣлахъ научно-педагогическихъ основаній, а не колебаться изъ стороны въ сторону на зыбкой почвѣ административно-педагогической политики. Что касается политики, то она тутъ не при чемъ: если въ средѣ учащихся есть запросъ на вопросы политическаго и общественнаго характера, то школа не мѣрѣ силъ должна ему удовлетворять на строго научныхъ основаніяхъ; запретить интересоваться свыше силъ человѣческихъ, — не позволите интересоваться открыто, явно, начнутъ заниматься тайно. Выигрышъ будетъ не на сторонѣ педагогической администраціи.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе интересной книжки г. Смирнова, она чрезвычайно поучительна, появилась въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати; мы рекомендуемъ ознакомленіе съ ней всѣмъ нашимъ педагогамъ, но мы искренно убѣждены, что въ принципіальныхъ вопросахъ нужна прежде всего сила логики, горячаго убѣжденія, правоты мысли и что только изъ этого послѣдняго элемента и можно черпать свою аргументацію, а не изъ какого-либо другого. *В. Сторожевъ.*

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей. Изданіе московскаго городскаго общественнаго управленія. Вып. I, стр. 122 (крупнаго формата) Ц. 25 к. М 1901 г. Вып. II, стр. 131 (круп. форм.). Ц. 25 к. М. 1901 г. На страницахъ «Міра Божія» мы имѣли уже случай обратить вниманіе читателей на въ высокой степени интересное изданіе московскаго городскаго общественнаго управленія «Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ» *). Всего было выпущено подъ этимъ общимъ заглавіемъ до конца 1900 г. двѣнадцать выпусковъ, которые заключаютъ въ себѣ, дѣйствительно, богатый и разносторонній матеріалъ, отражающій въ себѣ и освѣщающій всѣ новѣйшія теченія въ жизни западно европейскихъ муниципалитетовъ и въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ. Съ прошлаго года статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы начата новая серія выпусковъ того же «Сборника статей» съ нѣсколько упрощеннымъ заглавіемъ. Въ теченіе истекшаго года вышло въ свѣтъ уже два выпуска. Какъ по характеру своего содержанія, такъ и по своему внѣшнему виду новая серія Сборника ничѣмъ не отличается отъ прежняго сборника, развѣ лишь большею сжатостью статей, болѣе выраженнымъ стремленіемъ къ систематическому обзору дѣятельности нашихъ и заграничныхъ городовъ по всѣмъ отраслямъ городской жизни и большею дешевизною отдѣльныхъ выпусковъ **).

---

*) См. Библіографич. отд. «М. Б.», ноябрь 1900 г.

Выпуски прежняго сборника стоили по 50 к., новые же по четвертаку.

Въ лежащихъ передъ нами первыхъ двухъ выпускахъ новой серіи сборника заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи: «Городское хозяйство въ Германіи» (вып. I, стр. 73—88, сост. В. Г. Михайловскимъ), «Вопросы народнаго образованія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Одессѣ въ 1900 г.», (вып. I, стр. 1—48, состав. статистическимъ отдѣломъ московской городской управы) и «Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ за 1899 г. (вып. II. стр. 1—57). Въ первой изъ названныхъ статей дается въ самомъ сжатомъ видѣ общая картина современнаго состоянія городского хозяйства въ Германіи по преимуществу въ крупныхъ городахъ и сдѣлана попытка сгруппировать рядъ фактовъ, характеризующихъ положеніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ городской жизни, такъ или иначе связанныхъ съ дѣятельностью городского самоуправленія. Вторая статья представляетъ очень полный систематическій и живо написанный обзоръ всего, что было сдѣлано въ 1900 г. въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія городскими самоуправленіями названныхъ въ заголовкѣ статьи городовъ. Мы безусловно, рекомендуемъ знакомство съ этой статьей тѣмъ изъ читателей, которые хотятъ быть въ курсѣ дѣла въ такой животрепещущей области городской жизни и городского хозяйства, какъ народное образованіе. Изъ другихъ статей укажемъ еще на «Изслѣдованіе жилищъ и жилищный вопросъ въ швейцарскихъ городахъ, (вып. I, стр. 49—72), представляющее собою, главнымъ образомъ, переводъ статьи Emil'я Hofman'a въ Брауновскомъ «Archiv für Soz. Gesetzg. и Statist» за 1900 г.; на статью д-ра Лебедева «Изъ дѣятельности московскаго городского общественнаго управленія въ области врачебно-санитарной организаціи» (вып. II, стр. 120—131), въ которой сообщается планъ устройства московскаго городского санитарія для чахоточныхъ больныхъ въ имѣніи Тихвинскимъ и двухъ больницъ для хроническихъ и неизлѣчимыхъ больныхъ; на рядъ статей о борьбѣ съ алкоголизмомъ и нищенствомъ и, наконецъ, на чрезвычайно интересный послѣдній отдѣлъ I-го выпуска, въ которомъ, подъ общимъ заглавіемъ «Свѣдѣнія объ иностранныхъ городахъ», (вып. I, стр. 89—122) помѣщено тринадцать отдѣльныхъ небольшихъ очерковъ (въ 1—5 страничекъ каждый) о «Домахъ для рабочихъ въ Лондонѣ», о «Центральномъ справочномъ бюро въ Бреславлѣ», объ «Опытахъ муниципализаціи нѣкоторыхъ предметовъ общественнаго благоустройства въ Бельгіи», о «Наружномъ благоустройствѣ городовъ Соединенныхъ Штатовъ», о «Населеніи Австрійскихъ городовъ по переписи 31 декабря 1900 г. и др. Въ виду возрастающаго значенія муниципальной дѣятельности въ области удовлетворенія разнообразныхъ и многочисленныхъ общественныхъ потребностей крупныхъ городовъ и огромной важности вполнѣ сознательнаго отношенія среди возможно больше широкихъ круговъ населенія къ лежащимъ на городскихъ самоуправленіяхъ обязанностямъ и задачамъ, мы не можемъ не пожелать изданію московскаго городскаго общественнаго управленія самого полнаго успѣха и возможно болѣе широкаго круга читателей, тѣмъ болѣе, чтои по изложенію и по цѣнѣ оно отличается достаточною доступностью. *Зах. Френкель.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Аріянъ. «Первый женскій календарь». — *А. Безчинскій.* «Путеводитель по Крыму».

П. Н. Аріянъ. Первый женскій календарь. Годъ четвертый. 1902 г. Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Мы уже отмѣчали первые годы изданія «Перваго женскаго календаря» г-жи Аріянъ, какъ полезную справочную книгу, могущую удовлетворить женщинъ - читательницъ какъ по многимъ вопросамъ житейскаго обихода, такъ и по теоретическимъ запросамъ. Четвертый годъ составленъ не менѣе тщательно, полно и добросовѣстно. Кромѣ общихъ, обычныхъ для всякаго календаря отдѣловъ, главное, конечно, вниманіе обращено на вопросы—женскаго образованія, юридическаго положенія женщины, на жен-

скій трудъ, женское движеніе, здоровье и гигіену женщины и ребенка. Всѣ эти отдѣлы составлены достаточно полно, съ надлежащими указаніями, разъясненіями и справками. Медицинскій отдѣлъ редактированъ профессоромъ Н. И. Быстровымъ и составленъ нѣсколькими женщинами-врачами. Совѣты даются въ ясной, сжатой формѣ, доступной для пониманія всякой жены и матери. Въ отдѣлѣ «Біографіи» дано нѣсколько біографій видныхъ русскихъ дѣятельницъ на различныхъ поприщахъ, нѣсколько некрологовъ и юбилеевъ прошлаго года. По поводу этихъ біографій мы замѣтили бы только, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ ихъ излишне повышенный тонъ. Безспорно, женщинамъ труднѣе пробивать себѣ дорогу къ дѣятельности, но все же «ломать стульевъ» по этому поводу не слѣдуетъ. Біографіи снабжены недурно выполненными портретами.

Въ общемъ четвертый годъ «Перваго женскаго календаря», ни въ чемъ не уступая предыдущимъ выпускамъ, значительно полнѣе и объемистѣе, что указываетъ на усовершенствованіе этого полезнаго для всякой женщины изданія.

А. Б.

Путеводитель по Крыму А. Безчинскаго, при участіи д-ра В. Н. Дмитріева, С. Я. Елпатьевскаго, И. М. Педекаса и Е. М. Швединова. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 47 рис., 5 портр., 7 картъ и 4 плана. Прекрасно составленный и изящно изданный «Путеводитель по Крыму» г. Безчинскаго заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ ѣдущихъ въ Крымъ съ цѣлями лѣченія или просто отдыха. Крымъ, какъ извѣстно, становится все болѣе и болѣе излюбленнымъ мѣстомъ, куда направляются больные и сами, и по совѣту врачей, а также всѣ, кому необходимъ отдыхъ послѣ усиленной зимней работы. И тѣхъ, и другихъ съ каждымъ годомъ все больше и больше устремляется въ этотъ поистинѣ благословенный уголокъ Россіи. Благодаря удешевленному тарифу и удобствамъ прямого безпересадочнаго сообщенія съ Севастополемъ, дорога туда облегчена до крайности: изъ Петербурга въ 2 сутокъ вы переноситесь въ Крымъ, сразу попадая изъ весенней или осенней петербургской слякоти въ чудную южную обстановку, которая мгновенно заставляетъ васъ забыть тяготу двухдневнаго путешествія. Понятно, поэтому, какъ важно имѣть подъ рукою всякія указанія и справки, которыя облегчили бы первые шаги неопытнаго путника въ Крыму. Если это важно для здоровыхъ, то для больныхъ необходимо имѣть такое руководство, на которое можно положиться въ увѣренности, что оно продиктовано не безстыдной рекламой, а умнымъ и честнымъ доброжелательствомъ. Этому драгоцѣнному условію вполнѣ отвѣчаетъ изданный почтенной редакціей «Русской Мысли» трудъ г. Безчинскаго. Составленный тщательно, на основаніи лучшихъ источниковъ по изученію Крыма, при участіи такихъ мѣстныхъ знатоковъ, какъ д-ръ Дмитріевъ, и такихъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ писатель и врачъ С. Я. Елпатьевскій, «Путеводитель» г. Безчинскаго удовлетворяетъ самымъ придирчивымъ требованіямъ. Въ немъ каждый новичокъ въ Крыму найдетъ всѣ указанія, куда лучше ему направиться, гдѣ дешевле и съ большими удобствами устроиться, какъ самымъ полнымъ образомъ употребить время для болѣе пріятнаго и полезнаго знакомства съ Крымомъ. Пользованіе «Путеводителемъ» очень просто и облегчено подробнымъ указателемъ, картами, рисунками и планами. Написанъ онъ хорошимъ языкомъ, и во введеніи дано очень интересное общее, географическое, историческое и климатическое описаніе. Затѣмъ идетъ подробный маршрутъ по всѣмъ курортнымъ мѣстамъ и всѣмъ выдающимся мѣстностямъ и уголкамъ. Даны указанія и для пѣшеходныхъ экскурсій, такъ что, вооружившись «Путеводителемъ» можно исходить и изъѣздить весь полуостровъ наиболѣе экономно и пріятно. Цѣна книги, въ 500 стр. убористой печати, съ картами, рисунками, планами и въ переплетѣ—очень умѣренная—2 р. *А. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 18-ое февраля 1902 г.).

Салтыковъ. Полное собр. сочин. Изд. Маркса. Ц. 24 руб.

А. Яблоновскій. Очерки и разсказы. Харьковъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Безчинскій. Путеводитель по Крыму.

Г. Галина. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Проф. К. Вёрмана. Исторія искусства. Перев. съ нѣм. А. Сомова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе», тм. I-й, вып. I. Ц. 50 к.

Проф. Мушкетовъ и проф. Бауманъ. Горное дѣло и металлургія Вып. 2 — 5. Ц. кажд. вып. 50 к. Изд. то же.

Промышлен. и техника. Силы природы и ихъ примѣненіе въ промыш. Техника. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. каж. вып. 50 к.

Составл. подъ ред. Гельмольта. Исторія человѣчества. Всемірная исторія при участіи проф. Спеціалистами въ 80 вып. Ц. кажд. вып. 50 к.

Проф. А. Виллке. Промышл. и техника. Электричество. Перев. подъ ред. проф. Скобельцына. Изд. то же. Ц. кажд. вып. 50 к.

Проф. Митинскаго. Перев. съ 9-го нѣм. изд. Промышл. и техника. Технологія метал. Изд. то же. Ц. отд. вып. 50 к.

Проф. Эвальда. Промышл. и техника. Исторія и современ. технич. - строительн. искусства. Изд. то же. Ц. отд. вып. 30 коп.

Проф. Ф. Ратцеля. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. Коропчевскаго. Изд. то же. Ц. 36 вып. 15 руб.

Брэмъ. Жизнь животныхъ. Перев. подъ ред. проф. Догеля. Изд. то же. Ц. 60 вып. 24 руб.

Подъ ред. С. Южакова. Большая энциклопедія. Изд. то же. Ц. 200 вып. 120 руб.

Э. Ю. Петри. Географическій атласъ. Изд. Маркса. Ц. 2 р. 60 к

П. А. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Изд. губ. земства. Вятка. Ц. 50 к.

А. Вагнеръ. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Перев. И. Пузыревскаго. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Горбуновъ-Посадовъ. Кругомъ свѣта. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.

Б. Степанецъ. Забытыя семинаріи. Мск. 1902 г.

Его же. О письменныхъ работахъ.

Его же. Семинаристы изъ народа. Мск. 1902 г.

Проф. С. Шиляревскій. Чтеніе положенія 19-го февраля 1861 г. Историч. картина Мясоѣдова. Кіевъ. 1902 г.

Е. И. Тарасовъ. Донской атаманъ Платовъ. Изд. «Вѣстника кав. войска». Спб. 1902 г.

Раффи. Хентъ. Истор. романъ. Перев. съ нѣм. П. Некрасова. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

А. Л. Соколовскій. Энциклопедія для юношества. Вып. I и II. Спб. 1901 г. Ц. за 8 том. 10 руб.

И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 1 руб.

Т. Н. Львовъ. Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Драма. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

К. Боринскій. Театръ. Лекціи. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

И. Анненскій. Меланиппа-философъ. Трагедія. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ год. Мск. 1902 г. Ц. 60 коп.

Л. Яффе. Грядущее. Стихотвореніе, Гродна. 1901 г.

Отчётъ о дѣятельности врачей санитарн. надзора. Казанск. окр. путей сообщ. за 1900 и 1901 г. Спб. 1902 г.

Н. Веригинъ. Въ помощь учащимъ въ начальн. народн. училищахъ. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

С. Л. Цинбергъ. Происхожденіе Шейлока. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

А. Ф. Никитинъ. Пассажирскіе пароходы по Волгѣ въ санитарн. отношеніи. Спб. 1902 г.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы объ огнѣ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 15 коп.

Л. П. Никифоровъ. Избранныя мысли Д. Рёскина. Мск. 1902 г. Изд. то же. Ц. 20 к.

Н. И. Перелыгинъ. Неожиданный гость. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

П. Буланже. Перев. Нарвана. Буддійская сказка. Изд. то же. Мск. 1901 г. Ц. 30 к.

Шаппель. Современная бѣдность и современ. перенаселеніе. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Н. Меньшиковъ. Какъ устранивать прежнихъ древонасажденія въ школахъ. Вятка. 1901 г.

И. Л. Братчиковъ. Холощеніе жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Изд. губ. земства. Вятка. 1901 г.

Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянск. строеній. Вятка. Изд. то же.

М. Ю. Лермонтовъ. Избран. сочиненія. Изд. вятск. губ. земства.

Кн. Куракинъ. Архивъ князя Куракина. Кн. 9-я. Спб. 1902 г. Ц. 4 руб.

Проф. Горбъ-Ромашкевичъ. Поземельн. налогъ въ практикѣ Зав. европ. государства. Варшава. 1901 г. Ц. 50 к.

Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общ. управленіе. Тм. I. Спб. 1902 г. Ц. 3 руб.

А. Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1902 г. Тм. I. Ц. по подп. 50 к.

М. А. Миропіевъ. О положеніи рус. инородцевъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.

Сборникъ статист. свѣд. по Уфим. губ. Т. IX. Ц. 1 руб.

Стенографич. отчетъ засѣд. очередн. Тверск. губ. зем. собранія сессіи. 1900 г.

А. Вербицкая. Первыя ласточки. 2-е изд. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

Е. Белау. Перев. подъ ред. Вербицкой. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

И. Благовѣщенскій. Памятная книжка. Олонецк. губ. Петрозаводскъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Н. Карѣевъ. Философія культ. и соціальн. исторіи нов. времени. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

А. Быстровъ. Правила объ удареніяхъ въ рус. яз. Изд. т-ва «Книговѣдъ». Аренсбургъ. 1900 г.

К. Н. Воиновъ. Прелюдіи. Разсказы. Одесса. 1902 г.

В. М. Блюменталь. Общ. борьба съ туберкулевомъ, какъ съ народн. болѣзнью въ Зап. Европѣ и Америкѣ. Часть 1-я. Мск. 1901 г.

Н. И. Успенскій. Собраніе поэтическихъ произведеній. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

В. Г. Вальтеръ. Музыкальное образованіе любителя. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Его же. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Н. Столяровъ. Собраніе упражн. въ высшей математикѣ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Шарл. Стетсонъ. Женщины и эконом. отношеніе. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Инж. С. Житковъ. Хлѣбъ и пути сообщенія. Изд. собр. инж. пут. сообщенія. Спб. 1902 г.

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Часть II, вып. 1. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Перев. подъ ред. Энгеля. Вып. III. Изд. Юргенсона.

В. В. Каллашъ. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Всеволодская. Разсказы. Изд. въ пользу нижегородск. народн. театра. Н.-Новгородъ. 1901 г. Ц. 1 р.

П. В. Ровенскій. По Манчжуріи. Благовѣщенскъ. 1900 г.

М. Ѳ. Кузнецовъ. О школьномъ препод. исторіи. Вильна. 1902 г.

И. А. Гротъ. Къ біографіи И. И. Дмитріева. Спб. 1902 г.

А. Миловидовъ. Государствен. значеніе всерос. патріарховъ. Харьковъ. 1901 г.

М. Стасюлевичъ. Исторія среднихъ вѣковъ. 1-й періодъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

Проф. Левинсонъ-Лессингъ. Основн. проблемы физической геологіи. Спб. 1902 г.

П. Голубевъ. Къ вопросу о постройкѣ народн. дворца въ Перми. Мск. 1902 г.

Евг. Трифильевъ. Къ біографіи В. Н. Карамзина. Харьковъ. 1901 г.

Проф. Казанскій. Отвѣтъ проф. Петрожицкому о препод. на юридич. факультетахъ. Спб. 1901 г.

Н. К. Кудринъ. Очерки современ. Франціи. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельн. комит. министровъ. Изд. канцеляріи комит. министровъ.

А. Мордвилко. Къ біологіи и морфіологіи тлей. Спб. 1901 г. Ц. 6 руб.

В. А. Вихляевъ. Очерки изъ рус. сельскохоз. дѣятельн. Спб. Изд. «Хозяинъ». Ц. 1 р. 20 к.

К. Половодскій. Стихотворенія. Одесса. 1902 г.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. Э. Радлова. Т. III. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Джорджъ Эліотъ. Золотыя кудри. Мск. 1901 г. Ц. 70 к.

Евг. Гославскій. Путемъ-дорогою. Разсказы. Изд. т-ва Сытина. 1902 г. Ц. 1 руб.

Перев. П. Л. Буланже. Садикъ маленькаго Гарри. Спб. 1902 г. Ц. 20 к.

Кэтъ-Дугласъ-Виггинъ. Веселая рѣчка. Разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Л. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. Изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія». Мск. 1901 г. Ц. 20 к.

В. Н. Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. Изд. то же. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

В. Гиляровскій. Портной Ерошка и тараканы. Изд. то же. Ц. 5 к.

Д. И. Тихомировъ. О жизни Н. В. Гоголя. Изд. то же. Ц. 10 к.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Изд. то же. Ц. 5 к.

Е. Свѣтникова. Сокр. Князь Серебряный. Изд. то же. Цѣна 15 коп.

Ея же. Сокращенный Ледяной домъ. Мск. Изд. то же. Ц. 50 к.

Любичъ-Кошуровъ. Ничипоръ Бородай. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.

М. Энгельгардтъ. Лѣса и климатъ. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

К. Е. Баранцевичъ. Къ свѣту. Ц. 25 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Подъ небомъ Африки. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ. Въ досужій часъ. Мск. 1902 г.

Разсказы для еврейскихъ дѣтей. Изд. Беляскаго. Кіевъ. 1901 г. Ц. 6 к.

---

*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The World and the Individual*» *by prof. Royu of Harvard* (*Macmillan and C°*) (*Міръ и индивидъ*). Въ книгѣ заключается рядъ лекцій, читанныхъ авторомъ о разныхъ пробѣлахъ философіи, напр., «Реализмъ и мистицизмъ въ исторіи мысли», «Толкованіе природы», «Нравственный порядокъ» и др. Книга эта принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ работъ по философіи, какія только появились въ послѣднее время.

(Times).

«*The Ainoce and their Folklore*» *by Rev. Iohn Batchelos* (*Religions Tract Society*) (*Айносы и ихъ фольклоръ*). Авторъ пробылъ много лѣтъ миссіонеромъ среди этого любопытнаго древняго народа, и поэтому очень быстро познакомился съ его особенностями, характеромъ, обычаями, воззрѣніями и легендами. Въ настоящее время айносы очень смирный, спокойный народъ, хотя прежде они были, повидимому, крайне воинственнымъ племенемъ и у нихъ есть преданія, указывающія, что ихъ предки были даже каннибалами. Авторъ полагаетъ, что айносы — арійскаго происхожденія.

(Times).

«*What great men have said about Great men*». *A dectionary of Gustations. By William Wale* (*Iwan Sonnenchein and C°*). (*Что великіе люди говорили о другихъ великихъ людяхъ*). Оригинальную идею имѣлъ авторъ—собрать изреченія разныхъ великихъ людей, сказанныя ими о другихъ великихъ людяхъ. Этотъ сборникъ цитатъ представляетъ интересъ въ особенности какъ характеристика нѣкоторыхъ великихъ людей прежней и современной эпохи.

(Times).

«*Ruskin and English Lakes*» *by Canon Rawnsley* (*Maclehose and Sons*) *Glasgow*. (*Рёскинъ и англійскія озера*). Въ этой книгѣ заключается нѣсколько интересныхъ воспоминаній о Рёскинѣ въ послѣдніе годы его жизни, но особенно любопытны приводимые авторомъ отрывки рѣчей окрестнаго крестьянства, въ которыхъ крестьяне высказывали автору свое мнѣніе о «профессорѣ»—такъ они звали Рёскина. Какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Гернхиллѣ и Конистанѣ Рёскинъ возбуждалъ всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его. Его скромные сосѣди крестьяне съ восхищеніемъ отзываются о немъ, о его добротѣ ко всѣмъ, и въ особенности о его любви къ дѣтямъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ и нѣсколько хорошихъ иллюстрацій.

(Manchester Guardian).

«*Travel in the First Century after Christ*» *by Miss Caroline A. J. Skeel* (*University Press. Cambridge*) (*Путешествіе въ первый вѣкъ по Р. Х.*). Авторъ избралъ интересную тему для своего научнаго изслѣдованія. Каждый историкъ Рима императоровъ непремѣнно выставлялъ на видъ политическое и военное значеніе великихъ дорогъ, проложенныхъ римлянами, но авторъ, въ своемъ разсказѣ, придалъ имъ особенно живой интересъ. Передъ глазами читателя проходятъ разные типы путешественниковъ: купцы, чиновники, искатели приключеній, пилигриммы, инвалиды, нищіе, атлеты, искатели мѣстъ, странствующіе музыканты и т. д., толпившіеся на англійской дорогѣ, имѣвшей такое громадное значеніе во времена Августа и Нерона. Не менѣе интереса представляютъ главы, посвященныя морскимъ путешествіямъ и развитію римскаго морского могущества и торговли въ Средиземномъ морѣ. Въ отдѣльной главѣ говорится о Малой Азіи, но въ сравненіи съ предшествовавшими главами, она отличается чрезмѣрною сжатостью, которая вредитъ содержанію.

(Manchester Guardian).

«*Psychologie und Pädagogik des Kinderspieles*» *G. A. Colozza. Uebersetzung aus dem italianischen von Chr. Ufer.* (*Altenburg, Oscar Bonde*) (*Психологія и педагогика дѣтскихъ игръ*). Въ очень богатой педагогической литературѣ находится все-таки мало книгъ, въ которыхъ бы разсматривалось важное значеніе игръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ названной книгѣ главное вниманіе автора обращено именно на педагогическое вліяніе и психологическое значеніе игръ. Книга распадается на три части, изъ которыхъ самая важная послѣдняя, подробно разбирающая разныя стороны психическаго вліянія игръ. Въ играхъ дѣтей авторъ видитъ, главнымъ образомъ, проявленіе избытка силъ, ищущихъ для себя исхода, и стремленія къ свободѣ. Очень интересно составленъ так-

же обзоръ всѣхъ писателей, древнихъ и современныхъ философовъ и ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о значеніи дѣтскихъ игръ.

(Berliner Tageblatt).

«*National Education*; *essays towards a Constructive Policy*». *Edited by Lauric Magnus* (*John Murray*) (*Національное воспитаніе*; *опытъ созидательной политики*). Въ этой книгѣ заключается рядъ статей о современномъ положеніи воспитанія въ Англіи, которая знакомитъ читателей съ господствующею системою англійскихъ школъ и взглядами преподавателей. Къ книгѣ приложенъ очень полезный библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій.

(Daily News).

«*The Principles of Western Civilisations*» *by Benjamin Kidd. London* (*Macmillan and C°*). (*Принципы западной цивилизаціи*). Книга эта явилась результатомъ очень добросовѣстнаго и основательнаго изслѣдованія и доказываетъ огромную эрудицію автора, взгляды котораго, во всякомъ случаѣ, отличаются оригинальностью. Авторъ все подчиняетъ идеѣ эволюціи, которая, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ теперь преобладающее значеніе во всѣхъ направленіяхъ соціальной жизни.

(Morning Post).

«*The Last of the Masai*» *by Sidney Langford Hinde. With Illustrations from photographs and Drawings. London.* (*William Heinemann*) (*Послѣдній изъ масаевъ*). Интересная книга, въ которой описывается мало извѣстная, исчезающая теперь, раса масаевъ въ восточной Африкѣ. Авторъ хорошо изучилъ это племя во время своей службы въ британскомъ восточно-африканскомъ протекторатѣ и сообщаетъ о масаяхъ много интересныхъ свѣдѣній. Авторъ разсказываетъ, кромѣ того, о своихъ приключеніяхъ во время странствованій въ восточной Африкѣ и своихъ столкновеніяхъ съ различными племенами, объ охотахъ за хищными звѣрями и т. п. Онъ дополняетъ свой разсказъ множествомъ фотографическихъ снимковъ, что, разумѣется, увеличиваетъ интересъ книги, знакомящей читателей съ малоизвѣстной страной и ея обитателями.

(Daily News).

«*China in convulsion*» *by Arthur H. Smith. London.* (*Oliphant, Anderson and Ferries*) (*Китай въ конвульсіяхъ*). Авторъ уже пріобрѣлъ извѣстность своими прежними сочиненіями о Китаѣ. Въ этой книгѣ, въ первыхъ главахъ, авторъ изслѣдуетъ причины антипатій, господствующей между китайцами и европейцами. Далѣе онъ даетъ очеркъ реформъ, проектированныхъ императоромъ въ 1898 г. и вызвавшихъ реакцію, ознаменовавшуюся воцареніемъ вдовствующей императрицы. Особенно интересны главы, въ которыхъ авторъ дѣлаетъ характеристику правительницы Китая. Далѣе онъ говоритъ о происхожденіи и развитіи боксёрскаго движенія и всѣхъ вызванныхъ имъ событій. Какъ американскій миссіонеръ пробывшій тридцать лѣтъ въ Китаѣ, авторъ, конечно, посвящаетъ особенное вниманіе миссіонерскому вопросу.

(Daily News).

«*Scenes and Characters of the Middle Ages*» *by the Rev. E. Z. Catts* (*Virtue and C°*) (*Сцены и характерныя черты средневѣковой жизни*). Религія играла такую выдающуюся роль въ средніе вѣка, что, само собою разумѣется въ этомъ собраніи очерковъ средневѣковой жизни монахи, монахини, отшельники, рыцари и т. д. должны встрѣчаться на каждомъ шагу. Авторъ волей-неволей посвящаетъ имъ главное вниманіе, но интересъ книги отъ этого нисколько не уменьшается, такъ какъ она раскрываетъ передъ читателемъ очень любопытныя стороны средневѣковой жизни.

(Daily News).

«*Constantinople and its Problems*» *its peoples, customs, Religions and Progress, by Henry Otis Dwight* (*Oliphant*) (*Константинополь и связанныя съ нимъ проблемы*). Книгу эту нельзя причислить ни къ разряду путеводителей, ни къ разряду путевыхъ воспоминаній. Авторъ не только описываетъ этотъ удивительный городъ и всѣ его достопримѣчательности, но онъ посвящаетъ свое главное вниманіе его политической, соціальной и религіозной жизни и тѣмъ проблемамъ, которыя связаны съ ними.

(Athaeneum).

«*The mystic Rose*; *a study of primitive marriage*» *by Ernest Crawley* (*Macmillan and C°*) (*Мистическая роза*; *изслѣдованіе первобытнаго брака*). Авторъ очень подробно и съ научной точки зрѣнія изслѣдуетъ вопросъ о первобытномъ бракѣ, и книга его представляетъ цѣнный вкладъ въ этнологію.

(Daily News).

«*State Trials*; *political and Social*» *Selected and edited by H. L. Stephen.* (*Duckworth*) (*Государственные процессы, политическіе и соціальные*). Вышло уже четыре тома этого интереснаго собранія выдающихся государственныхъ процессовъ. Издатель очень искусно владѣетъ своимъ матеріаломъ и умѣетъ выбирать изъ него то, что можетъ представлять наибольшій интересъ для читателей.

(Daily News).

«*The Finits of Evolution, and other Essays*» *by G. H. Howison, prof.* (*Macmillan and C°*) (*Границы эволюціи и другіе очерки*). Книга эта представляетъ популярное изложеніе различныхъ философ-

скихъ взглядовъ и теорій, и критику автора на нихъ. Слогъ автора вездѣ ясенъ и популяренъ и не можетъ дать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ со стороны читателей.

(Athaeneum).

«*Intuitive Suggestion; a New Theory of the Evolution of Mind*» *by J. W. Thomas* (*Longman and C°*). (*Интуитивное внушеніе; новая теорія эволюціи души*). Авторъ дѣлаетъ интересную и смѣлую попытку связать вмѣстѣ умственные процессы организмовъ, до такой степени отличающихся другъ отъ друга, какъ человѣкъ и амёба. Многія положенія, высказываемыя авторомъ, представляются недостаточно обоснованными, но, тѣмъ не менѣе, его попытка заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ затрагиваетъ въ высшей степени важные вопросы, интересующіе каждаго мыслящаго человѣка.

(Athaeneum).

«*Christian Dewet*» *von Flinck-Lutetsburg. Berlin* (*Meidinger*) (*Христіанъ Деветъ*). Трансваальская война воскресила героическія времена и въ числѣ героевъ этой войны первое мѣсто занимаетъ Деветъ, подвиги котораго становятся легендарными. Біографія этого героя, конечно, представляетъ современный интересъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Gesundheit und Krankheit*» *von Troelslund. Leipzig.* (*Verlag von B. G. Teredner*) (*Здоровье и болѣзнь*). Авторъ задался цѣлью прослѣдить исторію развитія человѣческаго мышленія въ связи съ воззрѣніями на болѣзнь въ различныя эпохи человѣческой культуры. Онъ указываетъ на тщетныя попытки страдающаго человѣчества объяснить происхожденіе болѣзней. Познаніе природы и міровоззрѣніе извѣстной эпохи представляютъ главные моменты, опредѣляющіе отношеніе человѣка къ болѣзнямъ; отъ этихъ моментовъ зависятъ его взгляды на здоровое и больное состояніе организма и заботы о здоровьи. Авторъ знакомитъ читателей съ воззрѣніями древнихъ народовъ на здоровье и болѣзнь и говоритъ, что съ именемъ Гиппократа связываются уже совершенно новые взгляды, и его ученіе положило начало методическому, спиритуалистическому и чисто эмпирическому направленію медицины. Далѣе авторъ излагаетъ воззрѣнія позднѣйшихъ философовъ и ученыхъ, ученіе Гелена и др. и говоритъ о различныхъ взглядахъ на происхожденіе болѣзней, господствовавшихъ въ XVI-мъ вѣкѣ до Парацельса и его ученія о мокромъ микрокосмѣ. Такимъ образомъ, авторъ разсматриваетъ исторію культуры съ совершенно новой и оригинальной точки зрѣнія—съ точки зрѣнія взглядовъ, господствовавшихъ въ различныя времена на происхожденіе болѣзней.

(Neue Freie Presse).

«*Die gegenwärtige Krisis, ihre Ursachen und die Aufgaben der Gesetzgebung*» *von D-r R. Eberstadt.* (*K. Hoffmann*) (*Современный кризисъ, его причины и задачи законодательства*). Въ этой маленькой брошюркѣ излагаются причины кризиса, отъ котораго особенно страдаютъ нѣкоторыя отрасли промышленности Германіи. Авторъ отрицаетъ перепроизводство и отыскиваетъ другія причины кризиса. Онъ говоритъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ законодательства, но думаетъ, все таки, что въ борьбѣ съ кризисомъ эти реформы не могутъ имѣть большого значенія.

(Berliner Tageblatt).

«*Handbuch der Frauenbewegung*» *herausgegeben von Helene Lange und Gertrud Baümes* (*S. Hirzel*) *Leipzig* (*Исторія женскаго движенія*). Вышли только еще два первыхъ тома этого труда, задуманнаго по широкой программѣ. Въ первомъ томѣ изслѣдуется женское движеніе въ различныхъ культурныхъ странахъ, во второмъ заключается очеркъ соціальной дѣятельности женщинъ; третій будетъ посвященъ воспитанію дѣвушекъ, а четвертый—дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ. Въ вышедшихъ томахъ заключаются въ высшей степени важныя интересныя свѣдѣнія, касающіяся женскаго движенія и дѣятельности женщинъ въ различныхъ областяхъ соціальной жизни.

(Neue Freie Presse).

«*Unstoried in History*» *portraits of some famous women of the sixsteenth, seventeenth and eighteenth centuries by Gabrielle Festing* (*Nisbet and Co*) (*Неисторическое въ исторіи*). Авторъ указываетъ, какая масса крайне любопытнаго анекдотическаго матеріала заключается въ отчетахъ коммиссіи по разсмотрѣнію историческихъ манускриптовъ въ Англіи. Изъ этого источника авторъ черпаетъ свои интересные разсказы о разныхъ женщинахъ, которыя хотя и не пользовались громкою извѣстностью, но, тѣмъ не менѣе, могутъ считаться типичными представительницами своей эпохи. Очень забавны описанія придворной жизни при Карлѣ II, которыя авторъ извлекаетъ изъ одной корреспонденціи. Вообще авторъ очень искусно справился со своимъ матеріаломъ и сдѣлалъ хорошій выборъ, такъ что въ результатѣ получилась очень занимательная книга.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

— Я надѣюсь принести пользу. Можетъ быть, я потерплю неудачу, но настоящее положеніе вещей плохо, и я постараюсь его улучшить.

Питеръ говорилъ очень серьезно, и голосъ его раздавался очень звонко.

— Я очень радъ, что могу высказать это прежде, чѣмъ начнутся засѣданія собранія. Вы всѣ опытные люди, и я очень цѣню ваше мнѣніе.

— Только не пробуйте руководствоваться имъ,—добродушно отозвался хозяинъ.

— О нѣтъ. Я не хотѣлъ этого сказать. Мнѣ еще нужно обдумать все, что вы мнѣ сообщили.

— Обдумавъ это, м-ръ Стерлингъ, вы найдете, что мы правы. Мы не даромъ проработали, кто двадцать, кто тридцать лѣтъ.

— Я увѣренъ, что вы знаете, какъ управлять партіей, но въ моемъ участкѣ торговали отравленнымъ молокомъ, и я обратился къ закону, чтобы наказать людей, продававшихъ его. А теперь я занялся политикой, чтобы добиться законовъ и администраціи, карающихъ подобное зло. Я сказалъ своимъ избирателямъ, чего я хочу, и я думаю, что они меня поддержатъ. Я знаю, что вы можете мнѣ помочь и, надѣюсь, вы захотите. Мы можемъ не соглашаться въ способахъ, но мы всѣ имѣемъ въ виду пользу Нью-Іорка, и поэтому мы не можемъ расходиться въ цѣляхъ.

Питеръ остановился, крайне удивленный самъ продолжительностью своей рѣчи.

— Какъ вы хотите, чтобы мы поступали?

— Вы говорите, что желаете сохранить контроль и можете сохранить его, только обладая большинствомъ. Я желаю, чтобы вы дали городу такое управленіе, которое привлекло бы на вашу сторону голосъ каждаго честнаго избирателя,—горячо возразилъ Питеръ.

— Это только обобщеніе очень юнаго человѣка,—сказалъ предсѣдатель.

Питеру онъ понравился еще больше послѣ этого щелчка.

— Я обобщилъ, чтобы полнѣе выяснить цѣль моего особаго стремленія. Я хочу, чтобы санитарное управленіе помогло мнѣ выработать постановленіе о надзорѣ за пищевыми продуктами и чтобы законодательное собраніе пропустило его, не разорвавъ въ клочки въ угоду частнымъ интересамъ. Я ничего не имѣю противъ поправокъ, но онѣ должны быть справедливы.

— А когда санитарное управленіе поможетъ, и постановленіе получитъ силу закона?

Питеръ прямо взглянулъ въ лицо м-ру Костеллю и спокойно отвѣтилъ:

— Я скажу моимъ избирателямъ, что вы оказали имъ большую услугу.

Двое собесѣдниковъ безпокойно задвигались на своихъ стульяхъ, а третій нахмурился.

— А если мы дадимъ вамъ новые законы о жилищахъ?

— Я снова скажу моимъ избирателямъ, что вы оказали большую услугу.

Питеръ говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ и спокойно смотрѣлъ въ лицо м-ру Костеллю.

— А если мы не сдѣлаемъ ни того, ни другого?

— Что я тогда сдѣлаю, будетъ зависѣть отъ того, откажете ли вы по уважительной причинѣ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, я изложу имъ факты.

— Чортъ возьми,—началъ одинъ изъ приглашенныхъ, но поднятая рука м-ра Костелля прервала его рѣчь въ самомъ началѣ.

— М-ръ Стерлингъ, — сказалъ Костелль, поднимаясь съ мѣста,—я надѣюсь, вы вмѣстѣ съ нами подадите голосъ за Кэтлина, когда обдумаете все сказанное. Но сдѣлаете ли вы это или нѣтъ, мы хотимъ, чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами. Мы можемъ помочь вамъ, а вы поможете намъ. Когда вы приготовитесь подавать свой билль, зайдите ко мнѣ.

— Благодаря васъ, — сказалъ Питеръ.—Я именно этого желалъ.

Онъ простился со своими собесѣдниками и ушелъ.

— Этотъ мальчикъ доставитъ намъ не мало хлопотъ,—сказалъ Гринъ.

— Не стоитъ и пробовать добиться чего-нибудь отъ него, лучше сразу бросить,—сказалъ тотъ, которому помѣшали говорить.

— Врядъ ли у него есть сильная поддержка,—замѣтилъ третій.—Это судебное дѣло просто доставило ему временную популярность.

— Подождемъ и посмотримъ, вернется ли онъ къ Кэтлину, и если да—поддержимъ его,—предложилъ Гринъ.

Послѣдовало молчаніе, и всѣ смотрѣли на Костелля, улыбавшагося загадочной улыбкой, присущей ему и которую никто не умѣлъ разгадать.

— Нѣтъ, — сказалъ медленно Костелль,—вы можете побить его, но онъ не такого рода, чтобы спокойно снести пораженіе. Я готовъ побороть на политической аренѣ, всякаго, кромѣ человѣка, умѣющаго говорить правду толпѣ и бороться съ нею. До сихъ поръ я еще не видѣлъ, чтобы кто-нибудь одолѣлъ того, кто обладаетъ этими двумя качествами; развѣ онъ самъ захочетъ признать себя побѣжденнымъ. Господа, этотъ Стерлингъ—боецъ, говорящій правду, и вамъ не удастся побить его въ его участкѣ. Добра не будетъ, если онъ будетъ противъ насъ, поэтому наша обязанность — привлечь его на нашу сторону. Теперь это невозможно—надо подождать благопріятнаго момента. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ одолѣлъ Нельсона и побилъ Галлагера, двухъ старыхъ лисицъ. Помяните мое слово, черезъ пять лѣтъ онъ заберетъ въ свои руки весь шестой участокъ. Не думайте о возможности борьбы съ нимъ; онъ политики не броситъ, и мы должны во что бы то ни стало сдѣлать его нашимъ!

Глава XXII.

Политика.

Питеръ въ этотъ вечеръ бодрствовалъ дольше, чѣмъ было благоразумно, изучая стѣну передъ собою. Когда онъ наконецъ всталъ и началъ раздѣваться, то съ недоумѣніемъ покачалъ головой. На другое утро, прочитавъ газеты и выпивъ кофе, онъ снова углубился въ созерцаніе стѣны.

Онъ работалъ надъ двумя вопросами, которые не такъ легко было рѣшить, и которые въ его умѣ формулировались слѣдующимъ образомъ. Всегда-ли лучшій человѣкъ бываетъ лучшимъ администраторомъ?

Лучше-ли честное сужденіе одного двадцатичетырехлѣтняго молодого человѣка, чѣмъ основанное на опытѣ мнѣніе нѣсколькихъ пожилыхъ людей?

Питеръ начиналъ думать, что не такъ легко найти истинный и ложный путь жизни, какъ онъ думалъ раньше. Давно уже онъ сказалъ себѣ, что легко идти вѣрнымъ путемъ, но тогда онъ не зналъ еще, что очень трудно опредѣлить который путь вѣрный. Онъ выступилъ, чтобы наказать Больмана, и пошелъ на компромиссъ. Онъ не одобрялъ нарушенія закона Деннисомъ—и защищалъ его.

Онъ далъ себѣ слово никогда не посѣщать, «салоновъ», а кончилъ тѣмъ что посѣщалъ ихъ каждый вечеръ. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что принесетъ больше пользы его избирателямъ—назначеніе-ли безкорыстнаго человѣка, лично ему симпатичнаго, или безцвѣтной личности, которой будутъ управлять представители городскихъ партій. Въ первомъ случаѣ Питеръ опасался, что его собственная партія не поддержитъ его мѣропріятій, во второмъ онъ видѣлъ поддержку и почти гарантированный успѣхъ. Наконецъ, онъ встряхнулся.

—Я думаю, Деннисъ правъ—громко сказалъ онъ, — въ нью-іоркской политикѣ больше «настоящихъ вещей» чѣмъ «убѣжденій», и гораздо труднѣе подать голосъ за «настоящее», чѣмъ за «убѣжденіе».

Питеръ пошелъ въ спальню, уложилъ свой чемоданъ и отправился на станцію. Тамъ онъ нашелъ цѣлую толпу делегатовъ, наполняющую и окружающую экстренный поѣздъ, который долженъ былъ везти нью-іоркскихъ членовъ избирательнаго собранія въ Саратогу.

Питеръ чувствовалъ себя чужимъ въ этой толпѣ, но окунувшись въ нее онъ увидѣлъ, что онъ не безызвѣстная личность. Одинъ изъ вчерашнихъ собесѣдниковъ подхватилъ его, и онъ очутился членомъ кружка, составъ котораго ежеминутно мѣнялся, и гдѣ обсуждались

дѣла предстоящаго собранія. Отправленіе поѣзда, сопровождаемое криками, звуками музыки, развѣвающимися флагами и прочими выраженіями энтузіазма, только на мгновеніе прервало разговоръ, но онъ тотчасъ же возобновился и шестичасовой переѣздъ изъ Нью-Іорка до Саратоги превратился въ сплошные политическіе дебаты. Питеръ слушалъ внимательно и вынесъ многое: разговоръ былъ очень откровенный. Ему удалось поговорить съ Гриномъ и Костелемъ. Другіе два делегата отъ «шестого» розыскали его и вмѣстѣ обсудили свои намѣренія.

Питеру понравился Шлергеръ, простой, безхитростный нѣмецъ, желавшій и въ собраніи дѣлать только то, чего хотѣли его избиратели. Но въ Кеннеди Питеръ не былъ увѣренъ, Кеннеди ухмылялся, когда Питеръ говорилъ о «достойнѣйшемъ человѣкѣ», и о «помощи народу», и нашелъ, что слова его имѣютъ цѣну, только послѣ того, какъ Питера посѣтили многіе содержатели «салоновъ», послѣ факельнаго шествія и привѣтственныхъ криковъ въ честь Питера.

Пріѣхавъ въ гостинницу въ Саратогѣ, Питеръ удалился въ свою комнату надѣясь заснуть и вознаградить себя за предыдущую безсонную ночь, проведенную въ размышленіяхъ. Но едва лакей негръ удалился съ многочисленными поклонами, какъ раздался стукъ въ дверь. Питеръ открылъ; вошелъ незнакомый ему джентельменъ.

— Это комната м-ра Стерлинга?— спросилъ незнакомецъ.

— Да.

— Могу-ли я его видѣть?

— Войдите.—Питеръ снялъ съ одного стула свой пиджакъ, съ другого пальто и шляпу.

— М-ръ Стерлингъ,—началъ незнакомецъ, усаживаясь на стулъ. —Я сенаторъ Магиръ, одинъ изъ приверженцевъ Портера, какъ вы, можетъ быть слыхали.

— Да.

— Мы слышали, что вы расположены къ намъ. Мнѣ, конечно, не нужно говорить, что остальные делегаты Нью-Іорка всѣ противъ васъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ, мои товарищи делегаты шестого участка Шлергеръ и Кеннеди одного мнѣнія со мной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да.

— Значитъ, произошла внезапная перемѣна. Ихъ выбрали, какъ сторонниковъ Кэтлина, какъ мы слышали.

— Да. Но теперь въ участкѣ другое настроеніе, и они примкнули къ нему.

— Это хорошая вѣсть.

— Мы всѣ трое пріѣхали сюда, приготовились сдѣлать то, что найдемъ лучшимъ.

Выраженіе удовольствія, вызванное доброй вѣстью Питера изчезло съ лица сенатора. Онъ бросилъ на Питера быстрый взглядъ, какъ бы желая прочесть, что скрывается за его словами. Онъ колебался, точно выбирая, что сказать. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Мнѣ, конечно, не нужно говорить вамъ, что противодѣйствіе всѣхъ делегатовъ Нью-Іорка можетъ серьезно помѣшать успѣху Портера. Мы объ этомъ много говорили и пришли къ заключенію, что для него было бы большимъ шансомъ на успѣхъ, если бы его предложилъ кто-нибудь изъ городскихъ делегатовъ. Не сдѣлаете ли этого вы?

— Я не достаточно знаю его. Вѣдь предложившій его делегатъ долженъ сказать хвалебную рѣчь въ его честь?

— Да, но я могу прислать вамъ весь матеріалъ сегодня вечеромъ. Или, если вы предпочитаете, мы доставимъ вамъ уже готовую рѣчь.

— Я никогда не говорю чужихъ рѣчей, м-ръ Магиръ.

— Вамъ лучше знать. Какъ вамъ будетъ угодно.

— Дѣло въ томъ, что я еще до сихъ поръ самъ не рѣшилъ, за кого я подамъ голосъ, а вѣдь обѣщанія связываютъ.

Настроеніе м-ра Магира снова измѣнилось.

— Мнѣ очень жаль слышать это. Я надѣялся, вы за Портера. Онъ достойнѣйшій человѣкъ.

— Я самъ такъ думаю.

Сенаторъ откинулся на стулѣ и заложилъ большіе пальцы за жилетъ. Онъ думалъ, что разгадалъ намѣреніе Питера

и что теперь все пойдетъ гладко. Отъ этого парня даромъ ничего не получишь: лучше сразу предложить ему взятку, было его мысленное заключеніе. Вслухъ онъ спросилъ.

— Чего же вы хотите?

На подобный вопросъ могло быть нѣсколько отвѣтовъ, но м-ръ Магиръ предложилъ его такимъ тономъ, который придавалъ ему опредѣленный и не совсѣмъ честный смыслъ.

Питеръ колебался. Онъ чувствовалъ сильное искушеніе дать сенатору высказаться до конца, но это имѣло бы видъ западни, а Питеръ ненавидилъ всякія уловки.

Съ другой стороны, ему хотѣлось знать, какъ далеко зайдутъ агенты Портера въ своемъ желаніи купить его поддержку. Видя, что Питеръ колебался, взвѣшивая въ умѣ всѣ «за» «и противъ», Магиръ прямо спросилъ:

— Что вамъ предложила противная сторона?

Питеръ быстро отвѣтилъ:

— Они ничего не предлагали мнѣ, кромѣ совѣтовъ, т.-е. Костель сказалъ, что поможетъ мнѣ выработать нѣкоторыя постановленія.

— Частныя?—перебилъ Магиръ.

— Нѣтъ, общія. Я объ этомъ уже говорилъ съ Портеромъ.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Я, дѣйствительно, горячо желаю провести ихъ. Больше мнѣ ничего не надо.

«Фью!» свистнулъ про себя сенаторъ. «Чуть было не попался! Не говори онъ такъ быстро, я бы открылъ свои карты. Хотѣлъ бы я знать, не намекнулъ ли ему кто-нибудь?..»

Ему и во снѣ не снилось, что Питеръ отвѣтилъ такъ быстро, именно, чтобы избѣжать этихъ разоблаченій.

— Мнѣ нечего говорить вамъ, м-ръ Стерлингъ, что если вы найдете возможнымъ предложить Портера, мы этого никогда не забудемъ, да и онъ тоже. Онъ не такой человѣкъ, чтобы забывать своихъ друзей. Многіе изъ членовъ завтрашняго собранія дорого бы дали за честь, которую мы предлагаемъ вамъ.

— Благодарю,—сказалъ Питеръ,—я цѣню ваше предложеніе, но не вижу возможности исполнить его. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если Портера предложитъ кто-нибудь, дѣйствительно близкій къ нему стоящій, чѣмъ добиться его расположенія подобнымъ способамъ.

— Подумайте еще разъ, м-ръ Стерлингъ.

— Если вы хотите, я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ завтра утромъ.

— Я бы попросилъ васъ. Надѣюсь, онъ будетъ благопріятенъ. Вамъ представляется чудесный случай принести пользу и себѣ, и своей партіи. Добрый вечеръ.

Питеръ закрылъ за нимъ дверь и поискалъ глазами свободной стѣны; потомъ онъ усѣлся на подоконникъ и, набивъ трубку, сталъ выводить свои заключенія, пуская клубы дыма.

«Любопытно было бы знать,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—гдѣ кончается Магиръ, и гдѣ начинается Портеръ? Не слѣдовало ли мнѣ, для блага моихъ избирателей, дать ему высказаться до конца? Имѣетъ ли уполномоченный право отказываться отъ того, что можетъ принести пользу его довѣрителямъ, даже если онъ чувствуетъ западню?»

Тукъ, тутъ, тукъ...

— Войдите!—закричалъ Питеръ, совершенно забывъ, что онъ потушилъ свѣтъ. Дверь открылась, и вошелъ м-ръ Костель.

— Курите?—спросилъ онъ.

— Да. Не могу вамъ предложить сигары. Можетъ быть, хотите трубку?

— Я не за тѣмъ пришелъ къ вамъ. Попробуйте-ка мою сигару. — Костель усѣлся на подоконникъ рядомъ съ Питеромъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.— Я люблю сигары, но только хорошія, а подобной роскоши не могу себѣ позволить.

Онъ закурилъ сигару и, смакуя ее, облокотился поудобнѣе.

— Эта вамъ навѣрное понравится. Славный видъ, не правда ли?—Костель указалъ на широкую веранду тремя этажами ниже ихъ, пестрѣвшую нарядными, яркими туалетами.

— Да. Я здѣсь въ первый разъ, и все это для меня ново.

— Не въ послѣдній, конечно. Вы еще на многихъ собраніяхъ посидите.

— Надѣюсь.

— Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ сказалъ мнѣ, что Магиръ былъ у васъ?

— Да.—Питеръ колебался одно мгновеніе.—Онъ хотѣлъ, чтобы я предложилъ Портера,—докончилъ онъ, считая, что лучше дѣйствовать открыто.

— Мы будемъ очень жалѣть, если вы это сдѣлаете.

— Не думаю, чтобы я это сдѣлалъ. Я имъ нуженъ только затѣмъ, чтобы произвести впечатлѣніе, будто Портера поддерживаетъ городъ, и разочаровать кое-кого.

— Не удастся ли имъ завербовать Шлергера или Кеннеди?

— За Шлергера ручаюсь, за Кеннеди не могу поручиться.

— Не возьметесь ли вы разузнать объ этомъ?

— Могу. Когда вы хотите знать?

— Не можете ли вы повидать его теперь. Я подожду здѣсь.

Питеръ всталъ, съ сожалѣніемъ глядя на свою сигару. Однако онъ тотчасъ же потушилъ ее и вышелъ изъ комнаты. Онъ узналъ въ конторѣ номеръ комнаты Кеннеди и поднялся къ нему. На его стукъ дверь осторожно пріоткрылась, образовалась узкая щель.

— О, это вы!—сказалъ Кеннеди,—войдите!

Питеръ вошелъ и увидѣлъ Магира, въ небрежной позѣ раскинувшагося на кушеткѣ.

— М-ръ Кеннеди,—сказалъ Питеръ, не садясь,—были сдѣланы попытки склонить одного изъ городскихъ делегатовъ, чтобы онъ предложилъ Портера. Мнѣ кажется, что это дѣло его личныхъ друзей.

Магиръ заговорилъ такъ поспѣшно, что Кеннеди не успѣлъ раскрыть рта.

— Кеннеди обѣщалъ предложить его, если вы не желаете.

— Думаете ли вы, что имѣете право сдѣлать это?—спросилъ Питеръ.

Кеннеди завертѣлся на стулѣ: «Да, конечно, разъ я обѣщалъ?»

— Не разрѣшите ли вы м-ру Кеннеди взять свое обѣщаніе обратно, если онъ будетъ просить васъ объ этомъ?—обратился Питеръ къ Магиру.

— Т.-е. какъ это, м-ръ Стерлингъ? Я думаю, ни вы, ни онъ не должны этого дѣлать.

— Я васъ не о томъ спрашиваю.

Сенаторъ въ свою очередь безпокойно завертѣлся. Ему не хотѣлось сказать «нѣтъ», чтобы не разсердить Питера, и не хотѣлось поступиться только что достигнутымъ преимуществомъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Конечно, я разрѣшу, но м-ръ Кеннеди не такой человѣкъ, чтобы брать назадъ свои обѣщанія. Такъ дѣлаютъ только женщины.

— Нѣтъ,—сказалъ Кеннеди, внезапно выпрямляясь при видѣ лазейки, которую ему открылъ Магиръ между боязнью Питера и нежеланіемъ нарушить обѣщаніе. — Я не ребенокъ и держу свое слово.

Питеръ стоялъ и думалъ дольше, чѣмъ было пріятно двумъ друзьямъ. Магиръ свистѣлъ, чтобы показать, что онъ вовсе не стѣсняется, но онъ не сталъ бы свистѣть, если бы ему было все равно.

— Я думаю, м-ръ Кеннеди, что выведу васъ изъ затрудненія и самъ предложу м-ра Портера,—сказалъ наконецъ Питеръ.

— Прекрасно!—воскликнулъ Магиръ, а Кеннеди, запустивъ руки въ карманы, произнесъ какой-то текстъ изъ священнаго писанія, неизвѣстный ни одному библіографу.

Очевидно, атмосфера очистилась.

— А ваша рѣчь, м-ръ Стерлингъ?—освѣдомился Магиръ.

— Я скажу то, что найду нужнымъ.

Было что-то въ голосѣ Питера, что заставило сенатора насторожиться.

— Она будетъ въ обычномъ духѣ, конечно?

— Не знаю,—отвѣтилъ Питеръ,—я изложу факты.

— Но какіе факты?

— Я разскажу, почему уполномоченный шестого участка предлагаетъ Портера.

— Почему же?

— Не знаю, зачѣмъ я буду это вамъ

говоритъ. Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я.

— Я знаю много причинъ, почему вы такъ поступаете!

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—причина одна, и она возникла въ послѣднія десять минутъ. М-ръ Магиръ если вы настаиваете на томъ, почему шестой участокъ подаетъ голосъ за Портера, шестой участокъ объяснитъ вамъ. Мнѣ очень жаль, потому что лично мнѣ Портеръ симпатиченъ, но шестой участокъ не будетъ помогать въ обманѣ, если я могу помѣшать.

Кеннеди занимался приготовленіемъ грога у своего ночного столика, но грогъ вдругъ потерялъ свой интересъ.

Магиръ вынулъ пальцы изъ-за жилета и имѣлъ крайне недовольный видъ.

— Послушайте, м-ръ Стерлингъ,— сказалъ онъ,—гораздо проще поручить это Кеннеди. Вы думаете, что поступаете справедливо, а на самомъ дѣлѣ повредите и намъ, и себѣ. Если вы предложите Портера, городская шайка вамъ этого не проститъ, а если вы скажете не то, что мы хотимъ, мы васъ раздавимъ. Всѣ будутъ противъ васъ.

— Я знаю, что это неизбѣжно. Поэтому, то я и хочу, чтобы кто-нибудь изъ истинныхъ друзей Портера предложилъ его.

Магиръ засмѣялся довольно принужденнымъ смѣхомъ.

— Я думаю, мы можемъ удовлетворить васъ. Кто-нибудь изъ насъ предложитъ Портера.

— По моему, это лучше. Добрый вечеръ.—Питеръ направился къ двери.

— М-ръ Стерлингъ! — позвалъ его Кеннеди, — не останетесь ли съ нами выпить стаканчикъ грогу?

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—М-ръ Костелль ждетъ меня въ моей комнатѣ, и ему вѣрно уже надоѣло ждать меня.—Питеръ закрылъ дверь и ушелъ.

Оставшіеся молча смотрѣли другъ на друга.

— Проклятый щенокъ ведетъ двойную игру,—проворчалъ Магиръ.

— Не понимаю, что это значитъ?— сказалъ Кеннеди.

— Что значитъ? — закричалъ Магиръ.—Это значитъ только одно: онъ дѣйствуетъ по приказанію Костелля.

— Почему же онъ сказалъ это намъ?

— Чортъ его знаетъ! Слушайте, Кеннеди, вы все-таки должны это сдѣлать!

— Не желаю.

— Потише, пріятель, вы должны!

— А мои избиратели?

— Вздоръ, мы все обработаемъ келейно, какъ вы хотѣли. Вѣдь впродолженіи шести лѣтъ вы можете плевать на своихъ избирателей.

— Я готовъ пожалуй.

— Вотъ и чудесно!

Они почти цѣлый часъ просидѣли вмѣстѣ, обсуждая планъ кампаніи и потягивая виски. Потомъ Магиръ распростился: «Завтра рано утромъ получите рѣчь», проговорилъ онъ на прощанье. Идя по длинному коридору, онъ бормоталъ сквозь зубы: «А теперь, Стерлингъ посмотримъ, чья возметъ!»

Питеръ нашелъ Костелля въ своей комнатѣ.

— Мнѣ понадобилось больше времени, чѣмъ я думалъ, потому что тамъ былъ Магиръ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Костелль, подвигаясь, чтобы дать Питеру мѣсто на подоконникѣ.

Питеръ снова закурилъ сигару.

— Магиръ обѣщалъ мнѣ, что Портера предложитъ кто-нибудь изъ его друзей.

— Онъ хотѣлъ подкупить Кеннеди?

— Я не спрашивалъ!

Костелль улыбнулся.

— Я не долженъ былъ спрашивать этого?

— Да,— откровенно отвѣтилъ Питеръ.

Оба нѣсколько времени курили молча.

Потомъ Костелль заговорилъ о Саратогѣ. Онъ разсказалъ Питеру, гдѣ находится источникъ «Конгресса» и что вообще стоитъ посмотрѣть. Наконецъ, онъ всталъ и, протягивая руку, сказалъ:

— Мистеръ Стерлингъ, вы были по отношенію къ намъ честны, какъ сталь, также какъ и съ другими людьми. Я не хочу, чтобы вы думали, что мы не цѣнимъ этого. Я думаю, вы сослужили намъ вѣрную службу сегодня, хотя вамъ

лично было бы выгоднѣе поступить иначе. Я увѣренъ, что вы въ концѣ концовъ не будете въ убыткѣ, но теперь я благодарю васъ лично за себя. Спокойной ночи!

Питеръ спалъ спокойно. Онъ очень усталъ, и кромѣ того, не думая о томъ, что будетъ дальше, онъ чувствовалъ, что теперь поступилъ, какъ должно, и потому не терялъ времени на созерцаніе стѣны.

Глава XXIII.

Избирательное собраніе.

Хотя Питеръ легъ позже, чѣмъ предполагалъ, онъ всталъ и успѣлъ обойти всю Саратогу, прежде чѣмъ ея обитатели стали подавать признаки жизни. Онъ закончилъ свою прогулку у источника Конгресса и попробовалъ знаменитую воду, вкусъ которой показался ему отвратительнымъ.

Когда Питеръ поставилъ свой почти полный стаканъ и повернулся, чтобы идти, онъ очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Де-Во, собиравшейся пить утреннюю порцію воды.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!—сказала она, протягивая руку.—Когда вы пріѣхали?

— Только вчера вечеромъ.

— И долго останетесь здѣсь?

— Не могу вамъ сказать. Я присутствую на избирательномъ собраніи, и мое пребываніе будетъ зависѣть отъ его продолжительности.

— Неужели вы демократъ?—сказала миссъ Де-Во, и выраженіе отвращенія мелькнуло на ея лицѣ, не смотря на свѣтскую выдержку. Въ тѣ дни принадлежность къ этой партіи не считалась, выражаясь мягче, гарантіей порядочности, и миссъ Де-Во не была чужда предразсудковъ своего общества, тѣмъ болѣе, что вовсе не была знакома съ политическою жизнью.

Питеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Развѣ это возможно? Если человѣкъ можетъ принадлежать къ лучшимъ, зачѣмъ ему связываться съ худшими?

— Мнѣ кажется,—спокойно отвѣтилъ Питеръ,—что нѣкій Фарисей высказалъ ту же мысль, только другими словами, много сотъ лѣтъ назадъ.

Миссъ Де-Во покраснѣла. Она вдругъ вспомнила о двухъ молодыхъ дѣвушкахъ, пришедшихъ съ нею къ источнику.

Она забыла о нихъ, внезапно увидя Питера, и теперь спрашивала себя, слышали ли онѣ его отвѣтъ и знаютъ ли настолько священное писаніе, чтобы понять его упрекъ.

— Я увѣрена, вы не думаете того, что говорите,—сказала она черезъ минуту.

— Мнѣ очень жаль, — отвѣтилъ Питеръ, — если я рѣзко выразился. Я только хотѣлъ сказать, что никто не имѣетъ права выбирать для себя лучшее. Я знаю изъ вашего письма ко мнѣ, что вы считаете, что каждый человѣкъ долженъ помогать тѣмъ, кому хуже живется, чѣмъ ему.

— О, это другое дѣло. Конечно, мы должны помогать тѣмъ, кто требуетъ нашей помощи, но намъ нечего мѣшаться въ ихъ низменную политику.

— Если хорошіе законы и хорошая администрація могутъ дать бѣднымъ хорошую пищу и хорошія жилища, не думаете ли вы, что лучшая благотворительность «вмѣшаться» въ политику и постараться добиться этихъ желанныхъ результатовъ?

— Я хочу познакомить васъ съ моими кузинами,—перебила его миссъ Де-Во.—Дороти, позволь представить тебѣ м-ра Стерлинга. Мои кузины: миссъ Огденъ и миссъ Минна Огденъ.

Питеръ увидѣлъ двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ и поклонился имъ.

— Куда вы направляетесь отсюда?—спросила миссъ Де-Во.

— Я просто гулялъ,—отвѣтилъ Питеръ, — и остановился здѣсь попробовать воду по дорогѣ въ «Соединенные Штаты».

— Хотя тутъ очень близко, но не сядете ли вы съ нами въ экипажъ, и мы завеземъ васъ домой. Или, если у васъ есть время, мы доѣдемъ до нашей дачи, а экипажъ потомъ отвезетъ васъ въ отель.

— Благодарю васъ, сказалъ Питеръ.—Я боюсь стѣснить васъ.

— Нисколько. Мѣста у насъ довольно.

— Интересно видѣть собраніе, м-ръ Стерлингъ?—спросила одна изъ дѣвушекъ, какъ только они сѣли въ экипажъ.

— Не знаю,—это мой первый дебютъ. Дѣлъ много, и делегатовъ они интересуютъ, но я не увѣренъ, что можетъ быть интересъ для постороннихъ.

— Будутъ рѣчи, и крики, и прочее?

— Да, несомнѣнно.

— Кузина Аннеке, возьмите насъ съ собой! Такъ весело будетъ!

— Зрители допускаются, — м-ръ Стерлингъ?

— Я думаю. Я что-то слышалъ про билеты вчера вечеромъ. Если вамъ хочется, я могу достать ихъ для васъ.

— Да, пожалуйста, — просили обѣ барышни.

— Если вы можете достать билеты, м-ръ Стерлингъ, мы хотѣли бы посмотрѣть на это невиданное зрѣлище,— сказала миссъ Де-Во.

— Попробую.

— Пришлите отвѣтъ съ Оливеромъ.— Экипажъ подъѣхалъ къ дачѣ, и они простились.

Какъ только Питеръ вернулся въ отель, онъ пошелъ въ канцелярію городскихъ делегатовъ Нью Іорка и повидалъ Костелля. Онъ легко досталъ входные билеты и написавъ на карточкѣ: «я слышалъ, что выборы начнутся въ послѣобѣденную сессію, около двухъ часовъ», послалъ ихъ съ кучеромъ. Затѣмъ онъ позавтракалъ съ такимъ аппетитомъ, какого давно не могъ запомнить.

Утреннее засѣданіе было занято такими формальностями, какъ выборъ предсѣдателя, перекличка и назначеніе комитетовъ. Настоящій интересъ заключался въ частныхъ политическихъ разговорахъ, завязавшихся во всѣхъ концахъ.

Когда комитеты были составлены, къ Питеру подошелъ незнакомый ему господинъ и назвалъ свою фамилію, которая, какъ зналъ Питеръ, принадлежала одному изъ членовъ руководящей партіи.

— М-ръ Костелль думаетъ, что вы не откажетесь просмотрѣть это и сдѣлать, можетъ быть, поправки,—объяснялъ м-ръ Талькотъ, кладя на конторку Питера рукопись и указывая пальцемъ на нѣкоторые параграфы. Питеръ прочелъ рукопись дважды, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Я думаю, что могу ее исправить, если вы дадите мнѣ на это время. Я очень медлителенъ въ подобныхъ дѣлахъ.

— Прекрасно. Исправьте, какъ можете скорѣе, и пришлите въ залу комитета.

Оставшись одинъ, Питеръ поискалъ глазами, нѣтъ ли пустой стѣны. Не найдя ея, онъ закрылъ лицо руками и старался уединиться отъ волнующейся массы людей вокругъ него. Черезъ нѣкоторое время онъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать первый параграфъ политической программы партіи. Въ немъ требовалось отъ правительства изученіе вопроса о съѣстныхъ припасахъ и училищахъ и допущеніе изданія такихъ законовъ, которые могли улучшить его какъ можно скорѣе; «сознавая всю опасность правительственнаго вмѣшательства, мы ставимъ человѣческую жизнь выше денежныхъ интересовъ, и здоровье людей выше ежегодныхъ доходовъ, и будемъ до конца примѣнять всю силу закона для защиты ихъ».

Когда программа появилась, въ этомъ параграфѣ оказалось дополненіе, приписывавшее неимѣніе «законодательства, долженствующаго сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ недавніе жестокіе уроки городскому управленію», пристрастію правительства къ «денежнымъ классамъ и кабатчикамъ». Этого дополненія не было въ черновикѣ Питера, и оно огорчило его. Тонъ программы былъ честный и сильный, и это всѣ чувствовали. «Однако, этотъ Стерлингъ бойко владѣетъ перомъ», сказалъ одинъ изъ членовъ комитета, когда программу читали вслухъ. «Онъ знаетъ, чего хочетъ». Тотчасъ же послѣ утренняго перерыва Гринъ подошелъ къ Питеру.

— Мы подсчитали голоса, намъ не удастся провести Кэтлина. Поэтому мы и выставлять его не будемъ. Что вы думаете о Мильтонѣ?

— Я его лично не знаю, но у него, кажется, хорошая репутація.

— Онъ не то, что намъ нужно, но не въ этомъ дѣло. Мы должны брать то, что можемъ найти.

— Вы считаете, что Портеръ имѣетъ шансъ на успѣхъ?

— Не будетъ имѣть, если мы выставимъ Мильтона.

— Я не даю предпочтенія ни тому, ни другому.

Черезъ часъ собраніе было призвано предсѣдателемъ къ порядку.

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы покончить прерванныя дѣла, но вотъ молотокъ предсѣдателя опустился на столъ, и всѣ сразу почувствовали, что рѣшительный моментъ насталъ.

Къ величайшему удивленію Питера, Кеннеди тотчасъ поднялся и попросилъ слова у предсѣдателя. Но онъ еще больше изумился, когда Кеннеди разразился краснорѣчивыми выхваленіями Портера. Питеръ сидѣлъ рядомъ съ Кеннеди, и хотя даже не пошевелился, но его всегда безстрастное лицо омрачилось. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Онъ сознавалъ, что послужилъ орудіемъ для обмана другихъ. Его глубоко огорчало, что делегатъ его участка, отчасти по его винѣ, дѣйствовалъ нечестно. Питеръ хотѣлъ, чтобы всѣ поступали справедливо, и чувствовалъ, что Кеннеди дѣйствуетъ не такъ.

Не успѣлъ Кеннеди кончить, какъ Питеръ поднялся, а за нимъ Магиръ. Собраніе громко привѣтствовало Портера и понадобилось довольно продолжительное время, пока оно настолько успокоилось, чтобы можно было заставить выслушать Въ ожиданіи этого, предсѣдатель наклонился впередъ и заговорилъ съ Гриномъ, который сидѣлъ ниже его. Гринъ въ свою очередь переговорилъ съ Костеллемъ, и маленькая записочка была передана предсѣдателю, который съ этой минуты, казалось, пересталъ видѣть, что Магиръ давно стоитъ передъ нимъ. Когда тишина была наконецъ возстановлена, предсѣдатель, не смотря на то, что Магиръ неоднократно взывалъ къ нему, произнесъ: «М-ръ Стерлингъ!». Питеръ началъ тихимъ голосомъ:

— Г-нъ предсѣдатель! — поднявшись, чтобы поддержать назначеніе м-ра Портера, я считаю лишнимъ восхвалять того, кого мы всѣ хорошо знаемъ, даже если бы мы и не слышали замѣчательной рѣчи моего уважаемаго коллеги...

Крики: «громче! громче!» прервали Питера, а въ это время Гринъ шепнулъ Костеллю: «насъ обошли!»

— Не думаю,—возразилъ Костелль. Магиръ продолжаетъ стоять и видъ у него сконфуженный. — Разыгрывается что-то такое, къ чему онъ, очевидно, не приготовился.

Когда Питеръ снова заговорилъ, крики: «громче!» замолкли. Его очень затрудняло и волновало вступленіе, потому что Портеръ былъ ему очень симпатиченъ, и онъ боялся, что не сумѣетъ показать этого, но теперь ему приходилось излагать факты, что было для него легко. Голосъ его звучалъ ясно и твердо, когда онъ говорилъ о странномъ способѣ выбора делегатовъ, о настроеніи избирателей, о попыткахъ добиться, чтобы городскіе делегаты предложили Портера, объ обѣщаніяхъ Магира. «Однако, онъ рубитъ съ плеча!» сказалъ Гринъ. — Какъ только суть его рѣчи стала ясна, приверженцы Портера начали свистѣть и шикать.

Питеръ сразу остановился, но какъ только они замолкли, онъ снова продолжалъ свою рѣчь, и они, послѣ нѣсколькихъ попытокъ помѣшать ему, видя, что не могутъ ни смутить, ни разсердить его, дали ему договорить. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Я уже высказалъ, насколько я уважаю Портера, и какъ только я рѣшился подать за него голосъ, я не дѣлалъ изъ этого тайны. Но онъ не долженъ былъ быть предложенъ городскимъ делегатомъ, потому что онъ не кандидатъ города Нью-Іорка, и всѣ попытки показать его таковымъ или внушить, что у него тамъ есть поддержка—попытки къ обману. Поэтому, поддерживая его назначеніе, я настоятельно прошу васъ понять, что какъ назначеніе его, такъ и моя поддержка — дѣйствіе личной симпатіи и не имѣютъ ничего общаго съ полномочіями делегатовъ города Нью-Іорка.

Когда Питеръ сѣлъ, раздались крики одобренія и свистки, но ни тѣ, ни другіе не были особенно дружны.

По правдѣ сказать, большинство делегатовъ было въ недоумѣніи относительно того, что хотѣлъ сказать Питеръ? Благопріятна его рѣчь для Портера или нѣтъ? удивлялись они.

— Мистеръ Магиръ,—позвалъ предсѣдатель.

— Г-нъ предсѣдатель! Рѣчь уважаемаго джентльмена, только что занявшаго свое мѣсто, выше всякихъ похвалъ. Никогда въ своей жизни я не слышалъ столь обманчиваго и лживаго изложенія. Мы всѣ слыхали о Брутѣ, который закололъ своего лучшаго друга; но что мы скажемъ объ этомъ воображаемомъ Брутѣ, который ласкаетъ одною рукой, а другою измѣнически наноситъ ударъ?

Теперь приверженцы Портера уразумѣли смыслъ рѣчи Питера и дружно зашикали.

— И онъ поднимаетъ кинжалъ не только на одного Цезаря,—продолжалъ Магиръ.—Не довольствуясь однимъ подлымъ убійствомъ, онъ обращаетъ его на друзей Цезаря. Съ дьявольскою хитростью онъ обвиняетъ м-ра Кеннеди и меня самого въ попыткѣ ввести въ обманъ нашихъ согражданъ. Я требую, чтобы онъ представилъ доказательства или взялъ свои слова обратно!

Въ собраніи послышался смѣхъ. Питеръ поднялся и сказалъ:

— Г-нъ предсѣдатель, я представилъ правдивый отчетъ о томъ, что произошло вчера вечеромъ въ отелѣ «Соединенные Штаты». Я никого не обвинялъ.

— Но онъ оставилъ впечатлѣніе, что м-ръ Кеннеди и я вошли въ сдѣлку!—завопилъ сенаторъ.

— Если вамъ угодно выводить заключеніе изъ случившагося—я не виноватъ!

Опять послышался смѣхъ.

— Вы настаиваете на этомъ?—злобно кричалъ Магиръ.

— Вы протестуете?—спокойно спросилъ Питеръ.

— Такъ вы значитъ настаиваете?

Опять раздался смѣхъ. Гринъ кричалъ: «Протестуйте!» и этотъ крикъ былъ подхваченъ многими делегатами.

— Да,—визжалъ Магиръ, — я протестую!

Питеръ повернулся къ Кеннеди:

— А вы тоже протестуете?

— Да,—громко закричалъ Кеннеди.

— Если бы я обвинялъ васъ напрасно,—сказалъ Питеръ,—я бы теперь, конечно, извинился.

Все собраніе неудержимо хохотало. Магиръ что-то кричалъ, но его не было слышно, хотя можно было угадать смыслъ его словъ по его красному лицу и сжатымъ кулакомъ.

Костелль снова улыбнулся своей загадочной улыбкой:

— Я очень радъ,—сказалъ онъ своему сосѣду, что намъ не удалось подцѣпить Стерлинга.

Затѣмъ были предложены и поддержаны Мильтонъ, Кэтлинъ и еще четыре свѣтила меньшей величины. Потомъ приступили къ голосованію, которое дало слѣдующіе результаты:

Портеръ	206
Мильтонъ	197
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ	29

Вторая баллотировка дала:

Портеръ	206
Мильтонъ	202
Кэтлинъ	54
Скаттерингъ	22

Третья баллотировка:

Портеръ	206
Мильтонъ	210
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ	16

«Портеръ пересилитъ», шептали въ залѣ, хотя никто не былъ увѣренъ въ исходѣ баллотировки. Очевидно, друзья Портера понимали это, и одинъ изъ нихъ предложилъ отложить собраніе. Но это предложеніе было забаллотировано, и подача голосовъ продолжалась.

— Я подаю голосъ за Мильтона,—сказалъ Питеръ Шлергеру, и подсчетъ голосовъ показалъ, что многіе делегаты перемѣнили мнѣніе. Однако четвертая баллотировка показала:

Портеръ	125
Мильтонъ	128
Кэтлинъ	208
Скаттерингъ	19

Среди приверженцевъ Портера поднялось страшное возбужденіе.

— Они побьютъ насъ!—оралъ Кеннеди,—они подставили Мильтона, чтобы разрознить насъ, а за нимъ скрывался Кэтлинъ!

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мильтона выставили, чтобы разстроить ряды приверженцевъ Портера, а какъ только они обратились къ Мильтону, большинство городскихъ делегатовъ перешло на сторону Кэтлина, чтобы помѣшать избранію Мильтона.

Среди протестовъ и брани съ обѣихъ сторонъ кончилась новая баллотировка.

Кэтлинъ.....256
Портеръ.....118
Мильтонъ.....110

Прежде чѣмъ результатъ ея былъ объявленъ, Гринъ нагнулся къ Питеру:

— Не попробуете ли вы предложить выбрать единогласно?—спросилъ онъ.

— Хорошо,

И Питеръ сдѣлалъ формальное предложеніе, которое было принято восторженными криками.

Получаса было достаточно, чтобы выбрать помощника губернатора и другихъ должностныхъ лицъ, которыя были намѣчены заранѣе.

Политическая программа была принята и собраніе закрыто.

— Прекрасно!—сердито сказалъ Питеру Кеннеди.—Заварили кашу! Невозможно, конечно, угодить обѣимъ сторонамъ, но что хорошаго, когда обѣ стороны ругаютъ васъ!

Питеръ вышелъ и направился въ свой отель. «Порядочную путаницу я устроилъ,—думалъ онъ,—но я не знаю, что же мнѣ оставалось дѣлать?»

Глава XXIV.

Недоразумѣнія и объясненія.

— Поняли вы, что все это значитъ, кузина Аннеке?—спросила Дороти, когда онѣ спускались съ лѣстницы.

— Нѣтъ, не поняла. Тотъ, который такъ разсердился, кажется думалъ, что м-ръ Стерлингъ...—Она вдругъ замолчала.

Группа мужчинъ стояла на ихъ, пути и когда она поравнялась съ ними, то услышала, какъ одинъ сказалъ:

— Видѣть, какъ этотъ юноша отдѣлалъ Магира—да это просто откровеніе!

Другой разсмѣялся спокойнымъ, глубокимъ смѣхомъ.

— Магиръ можетъ все понять, кромѣ благородства,—сказалъ онъ,—и имъ-то вы всегда можете побить его.

Миссъ Де-Во очень захотѣлось остановиться и послушать, но кругомъ было слишкомъ много мужчинъ. Поэтому дамы сѣли въ экипажъ.

— Все-таки мы поняли, что онъ сказалъ, что хочетъ говорить правду,—продолжала миссъ Де-Во,—а теперь вы слышали, что говорилъ тотъ господинъ? Но я не знаю, почему всѣ смѣялись.

— Онъ, кажется, вовсе не обидѣлся на это.

— Нисколько. Какой у него странный, не то застѣнчивый, не то угрюмый, видъ.

— Онъ не казался застѣнчивымъ, когда заговорилъ, онъ даже былъ очень интересенъ.

— Да,—сказала Дороти,—а вы говорили, что у него простое, не интересное лицо.

— Мнѣ такъ показалось, когда я видѣла его въ первый разъ, Дороти. У него одно изъ тѣхъ лицъ, которыя постоянно мѣняются. Оливеръ, поѣзжайте въ отель «Соединенныхъ Штатовъ». Мы увеземъ его съ собой обѣдать.

— Отлично!—обрадовалась младшая изъ дѣвушекъ.—Пусть онъ самъ намъ разскажетъ, почему всѣ смѣялись.

Когда онѣ подъѣхали къ отелю, Питеръ только что дошелъ до крыльца, и видя, что дамы хотятъ заговорить съ нимъ, онъ подошелъ къ экипажу.

— Мы хотимъ похитить васъ и угостить простымъ деревенскимъ обѣдомъ,—сказала ему миссъ Де-Во.

— Я уѣзжаю въ Нью-Іоркъ съ экспрессомъ, а онъ уходитъ черезъ полчаса.

— Поѣзжайте съ другимъ поѣздомъ.

— Мой билетъ не будетъ дѣйствителенъ.

Будь на мѣстѣ Питера кто-нибудь другой, миссъ Де-Во отвѣтила бы ему рѣзко, но Питеру она просто сказала:

— Возьмите другой билетъ.

— Не хочется мнѣ этого дѣлать.

— О, пожалуйста, м-ръ Стерлингъ,— вмѣшалась Мина.—Мнѣ хочется распросить васъ хорошенько о собраніи.

— Тише, Мина,—перебила ее миссъ Де-Во. Она была оскорблена отказомъ Питера и тѣмъ, что ея племянница унизилась до просьбы «плебейскаго адвоката и политикана», какъ она мысленно называла его,—но рѣшилась не высказывать этого.

— Намъ очень жаль. До свиданія. Домой, Оливеръ.

Такъ онѣ и не узнали отъ Питера, почему смѣялись въ собраніи.

Разговоръ зашелъ объ этомъ за столомъ, и Дороти спросила мнѣніе нѣкоторыхъ родственниковъ.

— Вѣроятно, онъ съострилъ на чей-нибудь счетъ,—сказалъ одинъ.

— А еще вѣроятнѣе выдалъ махинацію противной стороны,— предположилъ другой.

— Завтра будетъ въ газетахъ,—добавилъ третій.

Всѣ три дамы на слѣдующій день усердно читали газеты, но репортеры, казалось, были въ такомъ же недоумѣніи, какъ и большинство членовъ собранія.

Трое изъ нихъ смотрѣли на поступокъ Питера глазами Магира и называли его «постыдной измѣной» и т. д. Двое назвали «безпринципнымъ и противорѣчивымъ поведеніемъ».

Только одинъ сказалъ, что «М-ръ Стерлингъ, очевидно, поступилъ добросовѣстно, хотя ошибочно».

Ни одна изъ газетъ не была согласна съ другими относительно того, какой результатъ будетъ имѣть инцидентъ. Въ одной утверждали, что онъ убилъ шансы Портера; въ другой, что это было «личное дѣло, не имѣющее вліянія на ходъ выборовъ».

Нѣкоторыя газеты колебались между этими двумя выводами, другія называли инцидентъ «достойнымъ только смѣха». Пресса оппозиціи видѣла въ немъ, конечно, полную несостоятельность демократической партіи и абсолютное доказательство того, что избранный кандидатъ никуда не годится.

Чувствуя, что онѣ не могутъ сами добиться истины, дамы—опять обратились къ помощи мужскихъ членовъ семьи.

— О, сказалъ одинъ изъ нихъ,— Стерлингъ хотѣлъ смошенничать, а его накрыли.

— Я этому не вѣрю, — сказала миссъ Де-Во.

— И я тоже,—подхватила Дороти.

— Ну что-же, если вы считаете своего политикана ангеломъ — ваше дѣло, — засмѣялся допрашиваемый.

— Я не думаю, чтобы тотъ, кто такъ говорилъ о дѣтяхъ, могъ быть негодяемъ,—сказала Дороти.

— И я не думаю,—сказала Мина.

— Вотъ такъ вы, женщины, всегда разсуждаете,—отвѣтилъ одинъ изъ представителей сильнаго пола.—Разъ человѣкъ ухаживаетъ за больными котятами—онъ святой — даже въ политикѣ! Если ужъ вамъ такъ хочется защищать разныхъ политикановъ, защищайте республиканцевъ. Въ ихъ пользу хоть то говоритъ, что они джентельмэны.

— Не будьте фарисеемъ, Лисенардъ,—сказала миссъ Де-Во повторяя упрекъ Питера.

— Ну такъ вы и не обращайтесь ко мнѣ за политическими разъясненіями. Въ этой странѣ политика настолько вульгарна, что истинный джентельмэнъ не долженъ пачкаться ею.

Миссъ Де-Во и обѣ дѣвушки замолчали, но миссъ Де-Во позже опять замѣтила:

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, надъ чѣмъ они смѣялась?

— Спросите его, если онъ сдѣлаетъ вамъ визитъ зимою, кузина Аннеке.

— Нѣтъ, я его позвала разъ, и онъ не пришелъ.—Миссъ Де-Во съ минуту помолчала. — Я больше не буду его звать,—прибавила она.

— Я не думаю, чтобы онъ желалъ быть невѣжливымъ,—сказала Дороти.

— Нѣтъ,—отвѣтила миссъ Де-Во.— Онъ кажется самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ совершенно не нашего общества, и для насъ обоихъ лучше, чтобы онъ не приходилъ.—Какъ всѣ женщины, миссъ Де-Во забыла уже, что сама называла Питера джентельмэномъ.

Если Питеръ замѣтилъ, что на него обращали вниманіе, когда онъ ѣхалъ въ Саратогу, онъ не могъ не видѣть теперь, что это вниманіе удвоилось. Хотя Питеръ сидѣлъ почти все время одинъ, обдумывая все прошедшее, онъ видѣлъ, какъ на него указывали другъ другу. Но онъ чувствовалъ теперь, что его намѣренія остались непонятыми, что на него смотрѣли съ любопытствомъ, но безъ одобренія. Онъ не могъ обольщать себя мыслью, что поступилъ къ лучшему: онъ оскорбилъ Портера и пріобрѣлъ двухъ заклятыхъ враговъ въ лицѣ Магира и Кеннеди. Единственное удовлетвореніе доставляло ему сознаніе, что онъ поступилъ честно.

Конечно, и газетные отзывы не особенно порадовали Питера, хотя онъ обращалъ на нихъ меньше вниманія, чѣмъ даже слѣдовало бы. Онъ послалъ ихъ всѣ,—хорошіе, дурные и равнодушные,—матери и написалъ ей длинное письмо, гдѣ подробно объяснялъ ей, какъ и для чего онъ дѣйствовалъ. Питеръ написалъ такое же длинное письмо и Портеру съ объясненіемъ своего поведенія. Портеру уже успѣли донести, что вся отвѣтственность за его пораженіе падаетъ на Питера, но, прочитавъ его письмо, онъ прислалъ Питеру крайне любезный отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ за поддержку. «Не всегда бываетъ легко въ политикѣ дѣлать то, что хочешь»,—писалъ онъ, — «но если стараешься, имѣя въ виду высшія мотивы, высшіе интересы,—даже пораженіе теряетъ свою горечь. Мнѣ не удастся помочь вамъ въ желаемыхъ вами реформахъ настолько, насколько я надѣялся, но я и теперь имѣю нѣкоторую политическую силу, и если только вамъ понадобится моя помощь—не медлите обратиться ко мнѣ. Я всегда буду радъ видѣть васъ въ своемъ домѣ къ обѣду или вечеромъ, придете ли вы по серьезному дѣлу или просто поболтать».

Питеръ нашелъ, что въ средѣ его избирателей произошелъ расколъ, вызванный его поведеніемъ и поведеніемъ Кеннеди въ собраніи. Онъ не отвѣчалъ сразу на всѣ порицанія и критики, искусно возбужденныя Кеннеди, но въ слѣдующіе дни зашелъ въ полъ-дюжину «салоновъ» и разсказалъ «ребятамъ» правдивую исторію закулисной стороны случившагося.

— Боюсь, что я надѣлалъ промаховъ,—откровенно сознавался онъ,—но я и теперь не вижу, какъ мнѣ было поступить иначе. Я, конечно, былъ увѣренъ, что поступаю по чести.

— Да вы такъ и поступили,—кричалъ Деннисъ.—А если это грязное животное, Кеннеди, осмѣлится сунуть въ мою дверь свою скверную рожу, я ему ее славно отдѣлаю, будетъ доволенъ! Пусть только попробуетъ обдѣлывать у насъ свои грязныя дѣлишки!

— Не слыхалъ я, чтобы онъ занимался подобными дѣлами,—попробовалъ вступиться Питеръ.

— Да мы то слыхали,—заоралъ одинъ изъ присутствующихъ. Онъ всегда ловитъ рыбу въ мутной водѣ.

— Да,—подтвердилъ Деннисъ. Кеннеди только о своей выгодѣ думаетъ; вотъ пусть теперь попробуетъ одинъ справляться, какъ мы отъ него отступимся.

Откуда взялось подобное мнѣніе—трудно было бы прослѣдить, но только недѣлю спустя весь участокъ былъ глубоко увѣренъ, что «Кеннеди подавалъ голосъ за себя, а Стерлингъ за насъ».

«Кварталъ» былъ крайне гордъ только что пріобрѣтенной извѣстностью. Газеты не только отмѣтили Питера и его исключительное поведеніе на собраніи, но они интересовались также тѣмъ, какъ будутъ теперь держать себя его избиратели. «Поддержатъ ли они Кэтлина?» «Правда ли, что въ участкѣ расколъ, и тамъ собираются выставлять новыхъ кандидатовъ?» «Неужели часть избирателей вошла въ соглашеніе съ республиканцами?»

— Ей-Богу,—философствовалъ Деннисъ,—кажется, наши вожаки и газеты, наконецъ, вспомнили, что есть шестой участокъ, и все это благодаря м-ру Стерлингу.

Главные предводители партіи еще оставались въ Саратогѣ, но недѣли не прошло, какъ Костелль пріѣхалъ къ Питеру.

— Газетчики васъ сильно продер-

нули,—добродушно сказалъ онъ, — но они ничего не понимаютъ. Мы нашли, что вы вели себя молодцомъ.

— Мнѣ говорили, что я повредилъ Портеру.

— Вздоръ. Ему повредилъ Магиръ, а вы объ этомъ сказали, поэтому обвиняютъ васъ.

— Мои довѣрители на моей сторонѣ.

— А какого они мнѣнія о Кэтлинѣ?

— Я думаю, они вполнѣ довольны. Боюсь, что имъ было все равно, кого бы ни выбрали.

— Я слышалъ, что Кеннеди ворчитъ и замышляетъ что-то?

— Онъ золъ на Кэтлина и на меня.

— Что же, если вы найдете полезнымъ, мы можемъ обуздать его. Только Галлагеръ думаетъ, что онъ едва ли опасенъ.

— Врядъ ли у него много приверженцевъ. Даже Маріерти, который считался главнымъ его козыремъ, отступился отъ него.

— Не скажете ли вы вашимъ избирателямъ двѣ или три рѣчи въ нашу пользу?

— Если вы сообщите мнѣ, чего вы именно хотите.

— Можете ли вы поддержать насъ?

— Полагаю, что могу.

— Мы предоставимъ вамъ свободу дѣйствій. Избѣгайте только слишкомъ длинныхъ отчетовъ. Время и мѣсто будутъ вамъ сообщены комитетомъ, какъ только будутъ назначены. Мы платимъ 25 долларовъ за вечеръ. Если вамъ удастся найти вѣрный тонъ, вы намъ можете пригодиться и въ другихъ участкахъ.

— Мнѣ будетъ пріятно говорить. Я уже пробовалъ свои силы въ «салонахъ», только передъ небольшимъ кружкомъ слушателей.

— Мнѣ говорили объ этомъ. Вамъ врядъ ли удастся найти болѣе благопріятную аудиторію. Посѣтители «салоновъ» слушаютъ куда внимательнѣе, чѣмъ члены большихъ митинговъ.

Костелль поднялся съ мѣста:

— Если вы не заняты въ будущее воскресенье, пріѣзжайте ко мнѣ въ Вестчестеръ въ два часа, мы вмѣстѣ пообѣдаемъ. Мы не будемъ говорить о политикѣ; я васъ познакомлю съ моей женой, покажу вамъ мою конюшню, а потомъ отвезу васъ самъ въ городъ на своей сѣрой лошади, которая можетъ обогнать все, что ей попадется по дорогѣ.

Такимъ образомъ Питеръ провелъ полъ-дня за городомъ и очень веселился. Онъ осматривалъ цвѣтники миссисъ Костелль, которымъ она посвящала почти все свое время и болталъ съ нею о цвѣтахъ.

Онъ видѣлъ чудесныя конюшни и ихъ не менѣе чудесныхъ обитателей. Супруги Костелль очень нравились Питеру. Оба были простые, довольно молчаливые люди, не особенно образованные, но ему казалось, что ихъ окружаетъ особая атмосфера довольства и уютности. Когда, уѣзжая, Питеръ садился въ легкій шарабанъ, онъ сказалъ миссисъ Костелль:

— Я постараюсь выписать отъ моей матери сѣмянъ пестрыхъ левкоевъ какъ можно скорѣе. Можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ лично привезти ихъ?

— Пожалуйста, — отвѣтила она.— Пріѣзжайте къ намъ опять, съ сѣменами или безъ нихъ.

Когда они немного отъѣхали, Костелль сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно, что вы спросили это. Жена не долюбливаетъ моихъ политическихъ друзей, а вы ей сразу понравились, я замѣтилъ.

На слѣдующей недѣлѣ Питеръ дважды говорилъ въ небольшомъ залѣ въ своемъ участкѣ. Аудиторія была къ нему расположена, и онъ говорилъ хорошо, хотя просто.

— Въ его рѣчи нѣтъ фейерверка,— говорилъ мѣстный сатирикъ.—Онъ не потрясаетъ американскимъ флагомъ, не упоминаетъ о свободѣ и равенствѣ, онъ даже не называетъ насъ «благородными согражданами». Онъ говоритъ, точно думаетъ, что онъ въ «салонѣ». Парень, сочинившій рѣчь о младенцахъ, долженъ былъ бы обращаться съ нами потрогательнѣе.

Такъ думали и многіе изъ избирателей, но они все-таки приходили, и имъ было любопытно видѣть, не разразится

ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Они чувствовали, что Питеръ обладаетъ неограниченной силой краснорѣчія (они считали краснорѣчіемъ способность растрогать слушателей), и бережетъ свои силы. Не будучи хорошо знакомы съ предметомъ они находили, что то, что онъ говоритъ, интересно.

Онъ облекалъ всѣ вопросы въ самыя элементарныя формы, умѣлъ показать, какой пользы можно ожидать отъ каждаго параграфа политической программы не для государства, а собственно для ихъ участка.

— Онъ очень полезенъ, — говорили вождямъ партіи.—Если бы онъ немножко больше бранилъ противную сторону, да съумѣлъ бы пустить маленькій фейерверкъ, онъ былъ бы просто великъ.

Питера стали приглашать говорить въ разныхъ частяхъ города.

Онъ работалъ при составленіе списковъ избирателей и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ему удалось разстроить нѣкоторыя изъ махинацій Кеннеди. Его участокъ составился въ подавляющемъ числѣ изъ демократовъ, и честь этого приписывали Питеру и Деннису. Кэтлинъ былъ утвержденъ и сраженіе выиграно. Теперь Питеръ почувствовалъ, что его трехмѣсячные труды не пропали даромъ. Его рѣчи принесли ему 250 долларовъ, которые онъ положилъ въ сберегательную кассу на свое имя, и сто долларовъ, кромѣ того, присоединилъ къ запасному капиталу.

Питеръ поѣхалъ на рождественскіе праздники къ матери и нашелъ, что его посѣщенія «салоновъ» очень ее безпокоятъ.

— Ты уже сдѣлалъ первый шагъ къ несчастью, Питеръ,—выговаривала ему мать.

— Но, мама, я вѣдь захожу туда только, чтобы поговорить; я ничего не пью.

— Когда-нибудь ты дойдешь и до этого. Пути дьявола всегда начинаются прямо, мой мальчикъ, и все-таки ведутъ къ погибели. Обѣщай мнѣ, что ты больше не пойдешь въ «салонъ».

— Не могу, мама. Я стараюсь помочь людямъ, и ты не должна просить меня перестать дѣлать то, что можетъ принести пользу ближнимъ.

— О мой мальчикъ, мой мальчикъ!— всхлипывала мать.

— Если бы ты могла понять мои поступки, какъ я самъ понимаю, ты не видѣла бы въ нихъ ничего дурного. У васъ «салонъ»—это убѣжище лѣнтяевъ и негодяевъ, въ Нью-Іоркѣ совсѣмъ другое. Тамъ—это клубъ для бѣдныхъ людей. Если бы ты могла сравнить темные, холодные и сырые углы, въ которыхъ они ютятся, и свѣтлые, теплые, веселые «салоны», куда каждый имѣетъ доступъ, ты поняла бы, что не водка притягиваетъ ихъ туда. Я желалъ бы, чтобы открыли «салоны» и для женщинъ. Большинство посѣтителей крайне умѣренны и довольствуются однимъ—двумя стаканами пива или виски, только чтобы заплатить за гостепріимство. Притягиваетъ посѣтителей главнымъ образомъ общество, возможность поговорить, прочесть газеты. Конечно случается иногда, что кто-нибудь и напьется, но это бываетъ обыкновенно не постоянный посѣтитель, да такіе случаи были бы значительно рѣже, если бы слишкомъ высокій налогъ на спиртъ не побуждалъ недобросовѣстныхъ кабатчиковъ фальсифицировать виски всякими снадобьями, одурманивающими потребителей. Большинство посѣтителей или слишкомъ порядочные люди, или слишкомъ бѣдны, чтобы позволить себя напиваться до пьяна.

— Питеръ, Питеръ! Когда я подумаю, что три года въ Нью-Іоркѣ довели тебя, до такихъ мыслей! Я знала, что Нью-Іоркъ — гнѣздо беззаконія, но думала, что ты слишкомъ хорошій мальчикъ и не поддашься искушенію.

— Право, мама, Нью-Іоркъ даже лучше многихъ другихъ городовъ. У васъ здѣсь, когда работы на фабрикахъ кончаются, у рабочихъ нѣтъ другого развлеченія, кромѣ порока. Но въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ, существуютъ тысячи развлеченій, приноровленныхъ къ вечернимъ часамъ. Выставки, концерты, театры, читальни, лекціи—все способствуетъ тому чтобы отвлечь рабочаго отъ разгула и пріохотить къ прекрасному. Поэтому порокъ тамъ прячется, не то, что здѣсь.

Въ Нью-Іоркѣ ты должна искать его, а въ такихъ маленькихъ городишкахъ онъ гонится за тобою и соблазняетъ тебя.

— Что ты, Питеръ! Здѣсь, гдѣ для всѣхъ найдется мѣсто въ церкви по воскресеньямъ, тогда какъ я слышала, что въ Нью-Іоркѣ въ церквахъ не хватаетъ мѣстъ даже для четверти населенія! Еще на прошлой недѣлѣ одинъ миссіонеръ говорилъ, что мы должны помочь собирать деньги на постройку церквей въ Нью-Іоркѣ. Подумай только, вѣдь тамъ на одну церковь приходится десять кабаковъ! И сынъ мой проводитъ въ нихъ свои вечера и защищаетъ ихъ!

— Мнѣ жаль, что это тебя такъ волнуетъ. Если бы я чувствовалъ, что имѣю право перестать посѣщать «салоны», я сдѣлалъ бы это для тебя.

— Ты никогда не пилъ, Питеръ?

— Нѣтъ, мама, никогда!

— Обѣщай мнѣ, что напишешь мнѣ, если станешь пить.

— Я обѣщаю тебѣ, мама, что никогда не стану пить.

— Благодарю тебя, мой мальчикъ.— Но мать все-таки не могла успокоиться и попросила своего пастора поговорить съ Питеромъ.

Пастора было легче убѣдить, и, послѣ разговора съ Питеромъ, онъ сказалъ миссисъ Стерлингъ:

— Мнѣ кажется, вашъ сынъ не дѣлаетъ ничего дурного и даже можетъ сдѣлать много добра. Дайте ему поступать, какъ онъ находитъ лучшимъ.

Глава XXV.

Вечерній визитъ.

Однажды днемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Питеръ зашелъ къ одному извѣстному торговцу картинами, посмотрѣть художественную выставку, о которой было объявлено въ газетахъ. Онъ почти уже кончилъ добросовѣстный осмотръ картинъ, доставлявшій ему всегда столько же умственнаго труда, сколько художественнаго наслажденія, какъ вдругъ услышалъ любезное:

— Какъ поживаете, м-ръ Стерлингъ?

Повернувшись, Питеръ увидѣлъ передъ собой миссъ Де-Во въ сопровожденіи элегантно одѣтаго господина. Лицо Питера сразу такъ оживилось, что миссъ Де Во подумала: «отчего же онъ не хотѣлъ взять другого билета?» Впрочемъ, она это только подумала, а вслухъ сказала:

— Позвольте познакомить васъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ. М-ръ Огденъ, м-ръ Стерлингъ.

— Очень пріятно,—любезно сказалъ м-ръ Огденъ. Питеръ молча поклонился.

— Я не знала, что вы любите картины,—сказала миссъ Де-Во.

— Я бываю на всѣхъ выставкахъ,—сказалъ Питеръ,—и стараюсь полюбить ихъ.

Миссъ Де-Во удивилась.

— Не стоитъ,—замѣтилъ Огденъ,—я пробовалъ прежде, когда начиналъ. Гораздо легче слушать, что говорятъ о нихъ женщины, и въ данный моментъ отвѣчать «да» или «нѣтъ».

Теперь настала очередь Питера удивляться.

— Что за вздоръ, Лиспенардъ,—отозвалась миссъ Де-Во.—Вѣдь онъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ искусства, м-ръ Стерлингъ.

— Ну вотъ,—сказалъ Огденъ.—Вы видите сами. Нужно только соглашаться съ мнѣніями женщины, и она будетъ убѣждена, что вы все знаете.

— Я думаю, вы уже осмотрѣли всѣ картины и не захотите еще разъ обойти ихъ съ нами?—спросила миссъ Де-Во.

— Я видѣлъ ихъ, но съ удовольствіемъ посмотрю ихъ еще разъ съ вами,—сказалъ Питеръ и прибавилъ:— если я вамъ не помѣшаю.

— Нисколько, — добродушно замѣтилъ Огденъ.—Кузинѣ необходимъ слушатель. Вы сдѣлаете доброе дѣло ея язычку и моимъ ушамъ.

Миссъ Де-Во весело улыбнулась, а про себя подумала:

«Почему же онъ не хотѣлъ взять другого билета?»

Питера очень удивило, какъ они смотрѣли картины: они проходили мимо цѣлаго десятка, оглядывая ихъ мелькомъ, потомъ останавливались около какой-нибудь одной, и четверть часа

разсуждали объ ней. Питеръ нашелъ, что миссъ Де-Во не преувеличивала знанія искусства своего двоюроднаго брата.

Онъ говорилъ толково и блестяще, хотя и подсмѣивался постоянно надъ своими собственными сужденіями и осыпалъ насмѣшками недостатки картинъ.

Миссъ Де-Во тоже умѣла говорить, и Питеръ слушалъ обоихъ съ интересомъ. Ему доставило большое удовольствіе, когда они оба похвалили одну изъ картинъ.

— Эта картина мнѣ тоже очень понравилась,—сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, она лучше всѣхъ другихъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Огденъ.—Въ ней много поэзіи и настроенія.

Миссъ Де-Во замѣтила:

— Я не думала, что она могла вамъ понравиться.

— Вотъ это чисто по-женски!—сказалъ Огденъ. — Женщины всегда рѣшаютъ, что должно нравиться мужчинамъ.

— Вовсе нѣтъ,— оправдывалась миссъ Де-Во.—Я думала, что вы любите дѣтей и предпочтете одинъ изъ жанровъ Броуна этой пустынной мрачной дюнѣ.

— Не съумѣю вамъ сказать, почему она мнѣ нравится, но чувствую, что она отвѣчаетъ моему настроенію.

— Вы очень одиноки? — спросила миссъ Де-Во такъ тихо, что Огденъ не могъ слышать ея словъ.

— Иногда,—просто отвѣтилъ Питеръ.

— Я хотѣла бы, — продолжала попрежнему въ полголоса миссъ Де-Во,— чтобы вы пришли ко мнѣ, когда вамъ будетъ слишкомъ тоскливо.

— Хорошо, я приду,—отвѣтилъ Питеръ.

Когда они прощались у выхода, Питеръ поблагодарилъ Огдена.

— Я многому научился, благодаря миссъ Де-Во и вамъ, я смотрѣлъ на картины глазами, которые гораздо опытнѣе, чѣмъ мои,—сказалъ онъ.

— Очень радъ. Мы можемъ еще въ другой разъ походить по выставкамъ. Вы знаете, мы всегда въ погонѣ за слушателями.

— Если вы зайдете ко мнѣ, м-ръ Стерлингъ,—прибавила миссъ Де-Во,— вы увидите мои картины. До свиданія.

— Такъ вотъ каковъ вашъ демократическій боецъ!—сказалъ м-ръ Огденъ, глядя въ окно кареты во слѣдъ удалявшемуся Питеру.

— Не смѣйте его такъ называть, Лиспенардъ, — сказала нахмурившись миссъ Де-Во.

Огденъ засмѣялся и откинулся поудобнѣе въ экипажѣ.

— Ну такъ это, значитъ, вашъ покровитель больныхъ котятъ?

Но миссъ Де-Во ничего не отвѣчала. Она думала о песчаной дюнѣ при скучномъ, зимнемъ свѣтѣ.

Прошла недѣля. Погода стояла ужасная. Холодный вѣтеръ гналъ по улицамъ тучи мокраго снѣга пополамъ съ дождемъ, люди и лошади съ трудомъ пробирались по мостовой.

Питеръ цѣлый день просидѣлъ дома, опять занимаясь изученіемъ стѣны передъ глазами. Онъ даже не пошелъ обѣдать, чтобы только не выходить на улицу, и унылыя завыванія вѣтра, и голодный желудокъ нагнали на него глубокую тоску. Обыкновенно онъ храбро боролся съ приступами подобной тоски, но сегодня онъ чувствовалъ себя черезчуръ усталымъ для этого, и рѣшилъ лучше сразиться съ восточнымъ вѣтромъ и мятелью, чѣмъ со своимъ настроеніемъ. Онъ переодѣлся и пошелъ по опустѣлымъ улицамъ на вторую Авеню.

Миссъ Де Во была дома, но «еще кушала».

Питеръ смутился, не зная, какъ ему теперь слѣдуетъ поступить. Лакей, вспомнившій его лицо, предложилъ ему подождать, и Питеръ съ радостью ухватился за это предложеніе.

Но ему не пришлось ждать: лакей сейчасъ же вернулся и доложилъ, что миссъ Де-Во проситъ въ столовую.

— Я попросила васъ прямо сюда, думая, что, придя въ такую ужасную погоду, вы, вѣрно, не откажетесь отъ чашки кофе,—сказала ему хозяйка.— Къ столу вамъ не стоитъ усаживаться. Морденъ, подвиньте кресло къ камину.

Такимъ образомъ Питеръ очутился у пылающаго камина передъ чашкой кофе,

который былъ несравненно вкуснѣе, чѣмъ тотъ, что онъ самъ варилъ себѣ дома.

Миссъ Де-Во тоже подсѣла къ каминѣ; лакей подвинулъ имъ маленькій столикъ и принесъ вазу съ фруктами.

— Больше ничего не нужно, Морденъ, — сказала хозяйка. — Какъ это мило съ вашей стороны, что вы пришли, именно, сегодня вечеромъ. Мнѣ было очень скучно, и я просто не знала, какъ убить время. Но что за ужасная погода!

— Да, сильно мететъ. Два или три раза я просто отчаявался добраться до васъ.

— Неужели вы пришли пѣшкомъ?

— Да, пѣшкомъ. Я могъ взять единственнаго извозчика, который проѣхалъ мимо меня, но его лошади просто выбивались изъ силъ, и я подумалъ, что дойду скорѣе.

Миссъ Де-Во позвонила.

— Еще чашку кофе, Морденъ, и подайте коньякъ,—сказала она.—Сегодня вы ослушаетесь своей матери и сдѣлаете то, чего я хочу,—обратилась она къ Питеру, наливая коньякъ въ его вторую чашку кофе, и Питеръ послушно выпилъ ее.

«Не странно ли, что иногда онъ такъ упрямъ, а иногда такъ послушенъ», подумала миссъ Де-Во, а вслухъ сказала:

— Я обыкновенно не позволяю мужчинамъ курить здѣсь, но сегодня дѣлаю для васъ исключеніе.

Искушеніе было велико, но Питеръ поспѣшилъ отвѣтить:

— Благодарю васъ, я сегодня совсѣмъ не буду курить.

— Вы уже курили послѣ обѣда?

— Нѣтъ, я пробовалъ закурить трубку на улицѣ, но вѣтеръ и мятель были слишкомъ сильны.

— Такъ курите теперь.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Миссъ Де-Во мысленно повторила свое прежнее замѣчаніе.

— Гдѣ вы обыкновенно обѣдаете?— спросила она затѣмъ.

— У меня нѣтъ опредѣленнаго мѣста. Гдѣ придется.

— А сегодня вы гдѣ обѣдали?

Питера не легко было выпытать. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Какую странную вещь я видѣлъ сегодня, когда шелъ къ вамъ. Хотите я вамъ разскажу?

Миссъ Де-Во посмотрѣла на него съ любопытствомъ, но ее очень мало интересовало то, что онъ разсказалъ въ отвѣтъ на ея «да».

Дѣло шло объ уличномъ арестѣ пьяницы.

— Мнѣ кажется, бѣднякъ былъ не столько пьянъ, сколько окоченѣлъ отъ холода,—заключилъ Питеръ,—и я посовѣтовалъ полисмену, вмѣсто участка, свезти его въ больницу. Онъ не согласился со мной, и мнѣ пришлось идти съ нимъ въ полицію и объясняться съ начальствомъ.

— Это было до вашего обѣда?—спокойно спросила миссъ Де-Во.

Отвѣтить на этотъ вопросъ, казалось, было очень легко, но Питеръ опять замолчалъ.

— Это случилось, когда я шелъ къ вамъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

«Что онъ старается скрыть?» недоумѣвала миссъ Де-Во. «Или онъ бываетъ въ такихъ трактирахъ... но нѣтъ...»

И она громко спросила:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ обѣдаютъ мужчины, когда они одни? Довольствуются ли они такими пустяками, какъ мы. Разскажите, что вы себѣ заказывали сегодня? Вы аскетъ или сибаритъ?

— Я обыкновенно ѣмъ очень простую пищу,—отвѣтилъ Питеръ.

— А сегодня?

— Зачѣмъ вамъ это знать.

— Мнѣ хочется знать, гдѣ и какъ вы обѣдали, чтобы вывести свои заключенія изъ вашего меню.—И миссъ Де-Во засмѣялась, чтобы обратить все въ шутку, но она сознавала, что поступила безтактно.

— Я не отвѣтилъ на вашъ вопросъ, потому что предпочиталъ молчать. Но если вамъ дѣйствительно хочется знать, я вамъ скажу.

— Да, мнѣ хочется знать. — Миссъ Де Во продолжала улыбаться.

— Я совсѣмъ не обѣдалъ.

— М-ръ Стерлингъ! Вы шутите?— Миссъ Де-Во больше не улыбалась и выпрямилась въ креслѣ.

— Женщины могутъ неопредѣленное время обходиться безъ пищи и не обращать на это вниманія, но мысль о голодномъ мужчинѣ наполняетъ ихъ ужасомъ.

— Нѣтъ, не шучу,—сказалъ Питеръ.

Миссъ Де-Во позвонила, но лакей еще не успѣлъ войти, какъ Питеръ сказалъ:

— Не безпокойтесь обо мнѣ, миссъ Де-Во, мнѣ ничего не нужно.

— Но вы должны...

Питеръ былъ настолько невѣжливъ, что прервалъ ее:

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Но у меня не будетъ ни минуты покоя, когда я знаю, что вы сидите передо мной голодный.

Питеръ снова прервалъ ее:

— Если такъ,—сказалъ онъ,—мнѣ лучше уйти.

— Ахъ нѣтъ! — вскрикнула миссъ Де-Во.—Вѣдь безпокойства никакого не будетъ. Я велю подать...

— Ничего не надо, благодарю васъ.

— Только котлетку или...

Питеръ протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сидите. Конечно, если вы не хотите... Но я была бы такъ рада, если бы...—И миссъ Де-Во просительно смотрѣла на Питера.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Идите, Морденъ.

Они опять сѣли.

— Но почему же вы не обѣдали?— спросила хозяйка.

— Не хотѣлось выходить въ мятель.

— И все-таки вышли?

— Да. Я захандрилъ и нашелъ, что мнѣ вредно сидѣть съ самимъ собою.

— Я очень рада, что вы пришли ко мнѣ. Мнѣ очень лестно, что вы предпочитаете обѣду болтовню со мной. Знаете, мнѣ казалось, что вы меня не одобряете.

— Мнѣ очень жаль; это совершенно напрасно.

— Такъ почему же вы не пришли ко мнѣ, хотя я два раза приглашала васъ?

— Я не хотѣлъ идти къ вамъ, пока не убѣдился, что вы, дѣйствительно, хотите меня видѣть.

— А почему вы не согласились обѣдать у насъ въ Саратогѣ?

— Потому что я потерялъ бы свой билетъ.

— Но новый билетъ стоилъ бы вамъ только семь долларовъ.

— Тамъ, гдѣ я живу, мы никогда не говоримъ «только» семь долларовъ.

— Что такое для васъ семь долларовъ.

— И для меня тоже это деньги. Я никогда въ жизни не тратилъ на обѣдъ семи долларовъ.

— Но вы могли бы, заработавъ 750 долларовъ въ одинъ мѣсяцъ. Я знаю людей, которые отдали бы ихъ цѣликомъ за честь пообѣдать со мной.

Это было безумное хвастовство, но миссъ де-Во чувствовала, что ея обычныя средства для внушенія почтенія къ себѣ были не дѣйствительны, и теперь пробовала новыя также безуспѣшно.

— Весьма возможно. Но я не могу позволять себѣ подобной роскоши. Я истратилъ больше, чѣмъ слѣдовало, и долженъ былъ быть остороженъ.

— Такъ это была экономія?

— Да, конечно.

— Не думала я, чтобы мое приглашеніе къ обѣду имѣло такъ мало цѣны, что кто-нибудь можетъ отклонить его, желая съэкономить семь долларовъ.

Миссъ Де-Во, видимо, была обижена.

— Я дала ему пятьсотъ долларовъ, думала она, «а онъ не могъ бросить такихъ пустяковъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе».

Потомъ она сказала.

— Многіе люди экономничаютъ очень нелѣпо.

— Очень вѣроятно,—сказалъ Питеръ.—Мнѣ жаль, что я разочаровалъ васъ, но мнѣ казалось, что я не имѣю права на такой расходъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ,— сказала миссъ Де-Во.—Вы довольны избраніемъ и назначеніемъ Кэтлина?

— Я былъ доволенъ, что его выбрали, но лично я предпочелъ бы Портера.

— А мнѣ казалось, что вы препятствовали его избранію?

— Это писали и въ газетахъ, но онѣ не поняли.

— Я не думаю о газетахъ. Вы знаете, я вѣдь слышала вашу рѣчь въ собраніи

— Повидимому, очень многіе меня не поняли. Я старался разъяснить дѣло.

— Вы хотѣли разсмѣшить собраніе.

— Нѣтъ, я былъ крайне удивленъ и огорченъ этимъ смѣхомъ.

Миссъ Де-Во поняла изъ этихъ послѣднихъ словъ, а также изъ того, что писалось въ газетахъ, что этотъ вопросъ былъ непріятенъ для Питера, но не могла удержаться, чтобы не спросить «почему?»

— Боюсь, не съумѣю объяснить вамъ. У меня было чувство, что нѣкто собирался поступить нечестно, но я надѣялся, что ошибаюсь. Мнѣ казалось, что сами обстоятельства заставляютъ меня предупредить собраніе, но я старался ни на кого не намекать. Но въ ту минуту, какъ я сказалъ имъ о моихъ подозрѣніяхъ, они разсмѣялись.

— Но почему?

— Потому что убѣдились, что этотъ человѣкъ поступилъ нечестно.

— О!—Миссъ Де-Во вложила въ это маленькое словечко много выраженія.— Значитъ они смѣялись надъ Магиромъ?

— Въ данную минуту, да. На самомъ дѣлѣ они смѣялись надъ человѣческою слабостью. Многіе находятъ ее забавной.

— Это васъ и огорчило.

— Да.

— Но почему же газеты такъ бранили васъ?

— М-ръ Костелль говорилъ мнѣ, что я сказалъ больше правды, чѣмъ люди могутъ вмѣстить. Мнѣ ничего не слѣдовало говорить или прямо высказать обвиненіе— тогда они поняли бы. Одинъ изъ моихъ пріятелей говорилъ, что никто не умѣетъ такъ путать, какъ я, и я боюсь, что онъ правъ.

— Вы знакомы съ м-ромъ Костеллемъ? Мнѣ кажется, что онъ нечестный политическій дѣятель.

— Я хорошо знаю м-ра Костелля и не видѣлъ въ немъ нечестнаго политическаго дѣятеля.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что онъ вовсе не таковъ, какимъ его рисуютъ газеты.

— А если онъ окажется таковымъ?

— Мнѣ будетъ очень больно; я очень уважаю его и его жену.

И Питеръ разсказалъ про свое знакомство съ маленькой, худенькой женщиной, ненавидѣвшей политику и обожавшей цвѣты, и съ ея мужемъ, хладнокровнымъ, искуснымъ вождемъ людей, который съ любовью трепалъ по щекѣ любимыхъ скакуновъ и со слезами говорилъ о смерти одного изъ нихъ.

— Однажды, — сказалъ Питеръ, — лошадь лягнула его въ лицо и чуть не убила, а онъ говоритъ объ этомъ, какъ о нечаянномъ проступкѣ ребенка.

— У него остался глубокій шрамъ на щекѣ?

— Да, а вы его видѣли?

— Разъ только, когда выходили изъ собранія. Онъ сказалъ группѣ стоявшихъ съ нимъ людей нѣсколько словъ о васъ и это привлекло мое вниманіе

Миссъ Де-Во думала, что Питеръ поинтересуется узнать, что объ немъ говорили.

— Развѣ вамъ не хочется знать, что онъ сказалъ? — спросила она, когда ея ожиданія не оправдались.

— Я думаю, Костелль самъ сказалъ бы мнѣ, еслибъ считалъ это нужнымъ.

Миссъ Де-Во вернулась къ своему прежнему мнѣнію о Питерѣ:

«Онъ положительно не нашего общества», подумала она.

Кресло перестало казаться ей удобнымъ, и она встала со словами:

— Пойдемте въ библіотеку. Я не буду показывать вамъ сегодня картинъ, ихъ слишкомъ много, и теперь темно. Вы должны придти ихъ посмотрѣть въ другой разъ. А теперь разскажите мнѣ про тѣхъ людей, съ которыми вамъ приходится сталкиваться на политической аренѣ. Мнѣ кажется, что тѣ люди, которыхъ я знаю, всѣ похожи другъ на друга, и мнѣ было бы очень интересно послушать о другихъ людяхъ.

Они усѣлись у другого камина, въ библіотекѣ, и Питеръ началъ говорить о Деннисѣ и Бленкерсѣ, о «ребятахъ» въ «салонахъ»; онъ описалъ ей Грина и

своихъ товарищей-делегатовъ, достопочтеннаго Галлагера съ супругою и дочкой, ихъ обѣдъ и общество. Питеръ не старался остроумничать, онъ передавалъ событія и разговоры просто, серьезно и очень сдержанно, но миссъ Де-Во отъ души наслаждалась и думала про себя:

«У него много природнаго юмора, но онъ слишкомъ серьезенъ, чтобы пользоваться имъ».

Она была такъ довольна его разсказами, что не хотѣла отпустить его рано, а Питеръ слишкомъ мало былъ знакомъ съ свѣтскими обычаями, чтобы уйти противъ желанія женщины. Наконецъ, онъ рѣшительно поднялся, видя, что часовая стрѣлка приближается къ одиннадцати.

— М-ръ Стерлингъ,—сказала миссъ Де-Во робкимъ, просительнымъ тономъ, какого ни одинъ мужчина никогда не слышалъ отъ нея. — Разрѣшите, чтобы мои лошади отвезли васъ домой. Заложатъ экипажъ въ одну минуту.

— Въ такую погоду жестоко гонять лошадей,—сказалъ Питеръ очень рѣшительно.

«Какъ онъ упрямъ», подумалъ миссъ Де-Во, «и какъ упорно высказываетъ онъ свое упрямство».

— Вы придете опять?—спросила она.

— Если позволите.

— Непремѣнно. Я тоже очень одинока, какъ вы, можетъ быть, слышали.— Миссъ Де Во умолчала, что стоило ей только пожелать, и ея домъ наполнится народомъ, и что она сама вездѣ желанная гостья.

— Я знаю объ васъ только то, что вы мнѣ сказали о себѣ, и что я видѣлъ.

Миссъ Де-Во весело разсмѣялась надъ откровенностью Питера.

— А мнѣ кажется, что объ васъ я все знаю.

— Но вы меня выспрашивали,—возразилъ Питеръ.

Миссъ Де-Во была изумлена. Какъ она ни старалась, она не могла привыкнуть къ Питеру. Вся ея свѣтская опытность разбивалась объ его откровенность.

«Что онъ этимъ хотѣлъ сказать?» мысленно задала она себѣ вопросъ.

Молчаніе длилось слишкомъ долго и потому она сказала:

— Я живу одна со смерти отца, и хотя у меня много родныхъ, я предпочитаю жить въ этомъ домѣ, такъ какъ чувствую себя здѣсь вполнѣ независимой. Но, вѣроятно, мнѣ придется современемъ переѣхать отсюда, эта часть города сильно измѣнилась.

Миссъ Де-Во говорила это, только чтобы сказать что-нибудь, и была рада, когда Питеръ простился и оставилъ ее одну.

— Онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ мужчинъ,—разсуждала она, глядя на догоравшій огонь.—Онъ такъ прямолинеенъ и откровененъ! Какъ онъ можетъ имѣть успѣхъ въ политикѣ? А впрочемъ, послѣ нашихъ свѣтскихъ кавалеровъ разговоръ съ нимъ дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ немножко помочь ему и доставить доступъ въ общество.

Глава XXVII.

Званый обѣдъ.

Послѣднее замѣчаніе, сдѣланное миссъ Де-Во ея камину, привело къ тому, что черезъ нѣсколько дней Питеръ получилъ формальное приглашеніе на обѣдъ и отвѣтилъ на него съ быстротою записного свѣтскаго кавалера.

Когда Питеръ очутился въ гостинной и увидѣлъ оживленную толпу молодежи, былая застѣнчивость на минуту вернулась къ нему. Но миссъ Де-Во заговорила съ нимъ, и робость исчезла.

Питера представили какой-то «миссъ Ленокъ», которая заболтала такъ оживленно, что ему оставалось только изрѣдка вставлять нѣсколько словъ.

Питеръ повелъ къ столу самое хозяйку; рядомъ съ нимъ съ другой стороны очутилась Дороти. Едва онъ успѣлъ поздороваться съ ней и обмѣняться нѣсколькими словами, какъ кто-то назвалъ его фамилію. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ противъ себя миссъ Леруа.

— Надѣюсь, вы не совсѣмъ забыли меня,—сказала она видя, что обратила его вниманіе.

— Ничуть не забылъ, — отвѣтилъ Питеръ.

— Даже помните мое платье?—разсмѣялась миссъ Леруа.

— Помню и фасонъ, и матерію, и шлейфъ.

— Въ особенности шлейфъ, не правда ли?

— Объясните, пожалуйста, эти таинственные намеки,— вмѣшалась Дороти.

— Мы съ мистеромъ Стерлингомъ вмѣстѣ священнодѣйствовали на одной свадьбѣ, и я была въ такомъ смертельномъ страхѣ, что кто-нибудь изъ шаферовъ наступитъ мнѣ на платье, что они нарочно старались это дѣлать.

— На чьей свадьбѣ,—спросила миссъ Де-Во.

— Уаттса д'Аллуа и миссъ Пирсъ,— отвѣтила барышня.

— Вы знаете Уаттса Д'Аллуа?—спросила миссъ Де-Во, обратившись къ Питеру.

— Да.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ вы съ нимъ встрѣчались?

— Въ колледжѣ.

— Вы были въ Гарвардѣ?

— Да.

— Вѣдь вы товарищъ Уаттса Д'Аллуа?—спросила миссъ Леруа.

— Да.

— Уаттса Д'Аллуа? — воскликнула миссъ Де-Во.

— Да.

— Да вѣдь онъ совсѣмъ мальчикъ!

— Онъ на два года старше меня.

— Не можетъ быть!

— Навѣрное.

— Я думала, вамъ за тридцать.

— Многіе это думаютъ.

Миссъ Де-Во сказала себѣ: «Я не знаю его такъ хорошо, какъ думала. Онъ очень откровененъ, но говоритъ не все, что знаетъ. Теперь я знаю, откуда у него хорошія манеры. И какъ я не узнала гарвардскую выправку!»

— Давно ли вы имѣли извѣстія отъ Д'Аллуа?— спросила миссъ Леруа.

— Я не имѣлъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали, — отвѣтилъ Питеръ, сдерживая волненіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вы, конечно, слышали о бэби?

— Нѣтъ.

— На лбу Питера появились морщины, которыхъ не замѣчала раньше миссъ Де-Во.

— Это очень странно. Вѣрно письма потерялись. Но вы писали ему?

— Я не знаю его адреса.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не слыхали о бэби? У нихъ родилась дочка два, нѣтъ, три года тому назадъ, и Эллена была очень долго больна. Вы знаете, они наняли виллу на Ривьерѣ, и этой весной собираются вернуться домой.

— Я ничего не знаю.

— Да, они вернутся въ іюнѣ, если Эллена будетъ здорова. Я буду крестной матерью.

— Если вы были пріятелемъ Уаттса Д'Аллуа, вы должны знать Рея Ривингтона,—сказала Дороти.

— Да, но я не видѣлъ его съ тѣхъ поръ, какъ мы кончили. Онъ уѣхалъ на западъ.

— Онъ только что вернулся. Сельское хозяйство не пришлось ему по вкусу.

— Не передадите ли ему, если увидите его, что я въ Нью-Іоркѣ, и хотѣлъ бы его повидать?

— Съ удовольствіемъ. Онъ и Лауренсъ, мой второй братъ, — старые друзья, и онъ часто заходитъ къ намъ. Я хочу познакомить васъ съ моими братьями. Они оба здѣсь.

— Мнѣ кажется, я встрѣчался со старшимъ.

— Нѣтъ, тотъ двоюродный, Лиспенардъ Огденъ. Онъ говорилъ, что познакомился съ вами. Вы бы посмѣялись, если бы слышали, какъ онъ разсказывалъ про васъ.

— Мистеръ Стерлингъ не любитъ, чтобы ему передавали чужія слова, Дороти,—замѣтила миссъ Де-Во.

— Что вы хотите сказать? — недоумѣвала Дороти, глядя то на одну, то на другого.

— Онъ оборвалъ меня недавно, когда я хотѣла сказать ему, что мы слышали, выходя изъ собранія прошлой осенью,—

объясняла миссъ Де-Во, улыбаясь про себя, что бьетъ Питера его же оружіемъ.

Питеръ взглянулъ на миссъ Де-Во.

— Я надѣюсь, вы говорите не серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Насколько я помню, вы спросили, хочу ли я, а я отказался.

— О нѣтъ, вы мнѣ сдѣлали выговоръ.

— Мнѣ очень жаль. Я всегда дѣлаю промахи.

— Скажи намъ, что говорилъ Лиспенардъ, Дороти, мнѣ самой любопытно слышать.

— Можно, м-ръ Стерлингъ?

— Лучше не надо, — отвѣтилъ Питеръ.

И Дороти при немъ ничего не сказала, но въ гостиной она сообщила миссъ Де-Во.

— Лиспенардъ говорилъ, что, исключая его стараго профессора археологіи въ Гейдельбергѣ, м-ръ Стерлингъ самый милый олухъ, какого ему случалось встрѣчать, и что, должно быть, превесело курить съ нимъ трубку.

— Неужели онъ сказалъ это?—съ негодованіемъ воскликнула миссъ Де-Во.

— Право.

— Какъ глупо,—сказала миссъ Де-Во. — Лиспенардъ всегда старается острить, и это ему часто не удается.— Она обратилась къ миссъ Леруа. — Я рада, что вы знаете м-ра Стерлинга.

— Я видѣла его только разъ, но онъ такой человѣкъ, что его трудно забыть. Какъ странно, что до сихъ поръ я ничего не слыхала о немъ.

— Вы знаете, вѣдь это онъ сказалъ такую чудную рѣчь, когда бѣдныя дѣти были отравлены молокомъ, два года тому назадъ.

— Не можетъ быть!

— Правда. Поэтому, я съ нимъ и познакомилась.

Миссъ Леруа засмѣялась.

— А Элленъ увѣряла, что ему всегда нужно помогать говорить!

— Что, миссисъ Д'Аллуа было дружна съ нимъ?

— О, нѣтъ. Она мнѣ говорила, что Уаттсъ только разъ привозилъ его къ нимъ. М-ру Пирсу онъ не понравился.

— Кажется, онъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Уаттсъ ему не писалъ.

— Да, повидимому. Мнѣ было очень жаль, что я затѣяла этотъ разговоръ, когда я увидѣла, какъ онъ къ нему отнесся.

— Уаттсъ милый мальчикъ, но всегда былъ легкомысленъ.

Проходя въ гостиную, Дороти сказала нѣсколько словъ высокому молодому человѣку, и онъ тотчасъ подошелъ къ Питеру.

— Вы знаете миссъ Огденъ, мою сестру, лучшую представительницу нашей семьи,—сказалъ онъ.—А теперь вы узнаете и худшаго представителя. Не знаю, описывала ли она вамъ своего братца?

— Да, она говорила сегодня про васъ и про вашего брата.

— Должно быть, хорошо росписала насъ! Въ ней больше мужества, чѣмъ было во всей Потомакской арміи. Кузенъ Лиспенардъ говоритъ, что нервы его окончательно разстроены, и что врядъ ли онъ переживетъ ту репутацію, которую она создала ему.

— У меня никогда не было сестеръ, но мнѣ кажется пріятно имѣть сестру.

— Конечно, особенно же пріятно ладить съ чужими сестрами.

— А вы промѣняли бы свою на чужую?

— Нѣтъ, вы хотите слишкомъ многаго. А кстати, вѣдь мы съ вами коллеги? Я работаю въ конторѣ Джервиса, Редберна и Сальтуса.

— Я веду дѣло на свой страхъ.

— Вы —счастливецъ.

— Да, мнѣ все удалось лучше, чѣмъ я ожидалъ. Но сначала у меня было очень мало кліентовъ.

— Да многихъ и не нужно. Два-три серьезныхъ богатыхъ кліента, и репутація повѣреннаго готова. Я знаю одного франта, у котораго только одинъ кліентъ, но онъ ведетъ всѣ его дѣла и живетъ не дурно.

— Ну, мои кліенты не таковы,—и Питеръ улыбнулся при мысли жить не дурно на доходы отъ веденія дѣлъ Блакетовъ, Дулей или Миллигановъ. Тутъ къ нимъ присоединился и Лауренсъ Огденъ, и разговоръ на ихъ концѣ стола

сдѣлался общимъ. Питеръ слушалъ, смакуя гаванскую сигару. Когда они присоединились къ дамамъ, то нашли въ гостиной Лиспенарда Огдена, который сейчасъ же завладѣлъ Питеромъ.

— Послушайте,—сказалъ Огденъ Питеру,—одинъ изъ моихъ пріятелей только что вернулся изъ Европы и привезъ цѣлую кучу гравюръ. Онъ воображаетъ, что знаетъ въ нихъ толкъ, и звалъ меня завтра вечеромъ посмотрѣть ихъ. Онъ, конечно, надѣется услышать похвалы своему знанію и вкусу, а я не способенъ на это, когда имѣю дѣло съ мужчинами. Пойдемте вмѣстѣ, вы поможете мнѣ врать.

— Я бы пошелъ съ удовольствіемъ.

— Только сначала мы вмѣстѣ въ 6 часовъ пообѣдаемъ въ клубѣ.

— Не воображайте, что я позволю вамъ здѣсь бесѣдовать,—сказала миссъ Де-Во, подходя къ нимъ.—Лиспенардъ, пойдите къ миссъ Макъ-Дуголь и займите ее.

— Видите, какъ быстро всякая ложь бываетъ наказана,—засмѣялся Лиспенардъ.

— Какой смыслъ въ его словахъ?—спросила миссъ Де-Во.

— Обратный тому, что онъ сказалъ, я думаю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Это очень вѣрная характеристика Лиспенарда. Она такъ хороша, точно онъ самъ ее придумалъ. Если вы ничего не имѣете противъ, я скажу ему объ ней.

— Пожалуйста.

— Скажите мнѣ, м-ръ Стерлингъ, какъ вамъ пришла мысль поселиться вмѣстѣ съ Уаттсомъ Д'Аллуа?

— Онъ самъ предложилъ мнѣ.

— Да, но по какой причинѣ?

— Я часто самъ удивлялся этому.

— Я понимаю, что онъ могъ это предложить вамъ, но что свело васъ!

— Школьная шалость.

— Вы участвовали въ школьной проказѣ?

— Какъ же. Меня дважды призывали передъ факультетскій совѣтъ.

— Разскажите, за что же?

— Меня обвинили въ томъ, что я хотѣлъ украсть библію изъ часовни и разрисовалъ входную дверь одного изъ профессоровъ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали это?

— Нѣтъ.

Здѣсь гости начали прощаться съ миссъ Де-Во, и разговоръ былъ прерванъ. Когда Питеръ прощался съ нею, она сказала ему:

— Надѣюсь, вы больше не будете отказываться обѣдать у меня?

— Я очень пріятно провелъ у васъ время сегодня,—отвѣтилъ Питеръ,—но тотъ, прошлый, вечеръ былъ для меня еще пріятнѣе.

— До свиданія,—машинально говорила своимъ гостямъ миссъ Де Во, а сама въ это время думала:

«Я увѣрена, онъ не хотѣлъ тогда оскорбить меня своимъ замѣчаніемъ о вопросахъ».

На слѣдующій день Питеръ обѣдалъ съ Лиспенардомъ, который впродолженіи обѣда искусно направилъ разговоръ на миссъ Де-Во. Ему было очень любопытно услышать, знаетъ ли Питеръ, кто она?

— Вѣдь она очень важная дама,—замѣтилъ Лиспенардъ, какъ бы невзначай.

— Вѣроятно. Я ее совсѣмъ не знаю, но въ ту минуту, какъ я увидѣлъ ее, я понялъ, что она совершенно не похожа ни на одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать.

— Но вы потомъ справлялись о ней?

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось спросить доктора Пертля, но я не особенно люблю разспрашивать о своихъ друзьяхъ.

Лиспенардъ засмѣялся

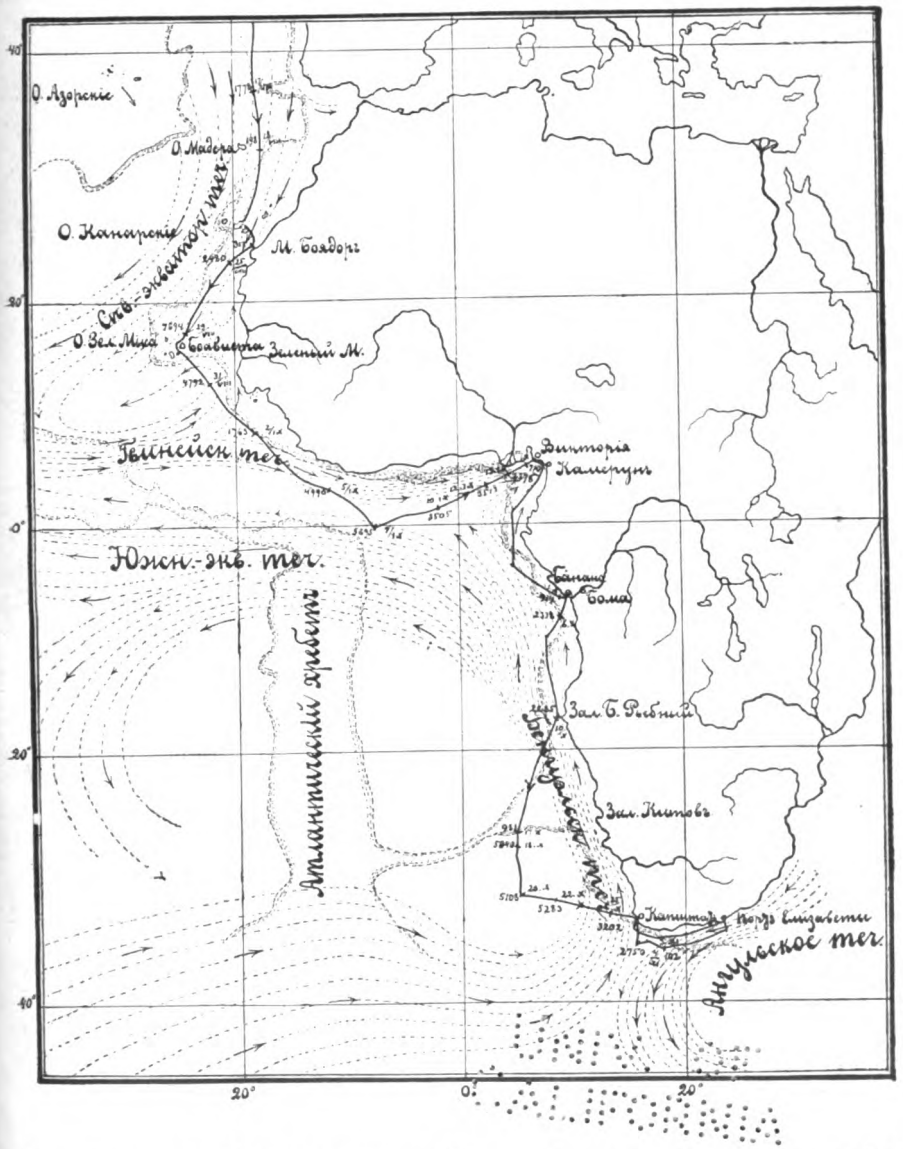
— Вотъ вы какой! Ну такъ я вамъ скажу. Моя кузина одна изъ самыхъ богатыхъ и родовитыхъ женщинъ въ Нью-Іоркѣ. Старайтесь употребить съ пользой знакомство съ нею, вы поступите какъ нельзя лучше.

— А вы также такъ поступаете?

— Я—другое дѣло. Она меня вовсе не одобряетъ. Видите ли, наши женщины требуютъ отъ мужчины, чтобы онъ былъ серьезенъ и работалъ. Я не способенъ ни къ тому, ни къ другому. Должно быть, мое иностранное воспитаніе виновато Ей пріятно мое общество, и она позволяетъ мнѣ сопровождать ее, но считая меня подходящимъ кавалеромъ, она

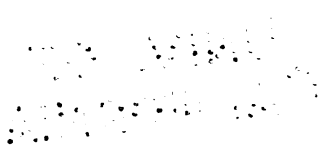
Карта теченій восточной части Атлантическаго океана.

(Къ стр. 25 и слѣд.).



Толстой чертой обозначенъ путь «Вальдивіи», стоящія рядомъ цифры обозначаютъ важнѣйшія глубины.

NB. Вмѣсто «Ангульское теч.» — слѣдуетъ «Агуласское теч.».



ГЛАВА VI.

Большой Рыбный заливъ.—Ловля рыбъ.—Пернатое царство.—Населеніе.

Изъ тропическихъ областей Камеруна и нижняго теченія Конго, гдѣ природа разсѣяла, какъ изъ рога изобилія, съ удивительною расточительностью всѣ прелести растительнаго и животнаго міра, мнѣ придется перенести читателя въ мѣстность, расположенную также еще въ поясѣ тропиковъ, но по пустынности и однообразію мало имѣющую себѣ равныхъ. 10-го октября мы замѣтили въ пасмурную и дождливую погоду берегъ, образуемый круто падающими дюнами, и къ вечеру стали на якорѣ въ Большомъ Рыбномъ заливѣ, называемомъ также Тигровымъ. Онъ располагается лишь въ 25 морскихъ миляхъ сѣвернѣе устья рѣки Кунене, являющейся границею германскихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ, и простирается отъ 16°33′ юж. шир. не менѣе, какъ на 20 морскихъ миль на югъ, при средней ширинѣ въ 4—5 морскихъ миль. Раньше считалось, что этотъ заливъ весь занесенъ пескомъ и мелокъ, лишь промѣры, произведенные въ 1894 г. судномъ «Ватервичъ» и нанесенные на превосходную карту англійскаго адмиралтейства, показали, что даже самые крупные военные суда могутъ стоять на якорѣ на всемъ протяженіи залива. Входъ въ заливъ не преграждается никакимъ баромъ и на разстояніи морской мили отъ берега въ среднемъ вездѣ около 18 метровъ глубины. По берегамъ залива находятся песчаные холмы въ 90—150 метровъ вышиною, форма которыхъ постоянно мѣняется подъ вліяніемъ вѣтра; отъ моря они отдѣлены вытянутой въ длину дюной, которая вышиною лишь въ нѣсколько метровъ—это такъ называемый Тигровый полуостровъ. Ландшафтъ пустыненъ и печаленъ. Кому приходилось видѣть дюны Куришгафа, можетъ составить себѣ представленіе объ этихъ колоссальныхъ горахъ песку съ песчаной волнообразной зыбью на поверхности. При восходѣ и заходѣ солнца мѣстность получаетъ нѣсколько болѣе оживленный видъ, — полныя контрастовъ краски краснато-желтаго песка, небо сѣро-фіолетоваго цвѣта и темно-голубая бухта чаруютъ глазъ, а глубокія тѣни и рѣзко обрисовывающіяся волнообразныя линіи на перемѣщающихся дюнахъ дополняютъ впечатлѣніе. Напрасно ищетъ, однако, глазъ кустарника или хотя бы степной травы: песокъ и лишь одинъ песокъ представляется взору, докуда онъ хватаетъ въ этомъ своеобразномъ ландшафтѣ.

Природа хотѣла, однако, повидимому, искупить чѣмъ-либо однообразіе береговъ, и воды залива населила, положительно, неисчерпаемымъ богатствомъ какъ низшихъ организмовъ, такъ и наиболѣе полезныхъ

для человѣка промысловыхъ рыбъ. Въ смыслѣ богатства рыбами, нѣтъ, повидимому, другого пункта на юго-западномъ побережьи Африки, который могъ бы сравняться съ этимъ заливомъ; есть основаніе предполагать, что, подобно бухтамъ Нѣмецкаго моря, этотъ заливъ является излюбленнымъ мѣстомъ для икрометанія, куда важнѣйшія промысловыя рыбы отправляются,—по нашимъ наблюденіямъ, во второй половинѣ октября—для выполненія этой важной въ ихъ жизни функціи. Вечеромъ мы увидѣли положительно феерическую картину: поверхность воды свѣтилась, и то тамъ, то здѣсь появлялись, какъ мелькающія ракеты, сотни внезапно яркозагорающихся полосъ, которыя столь же быстро угасали. Это были крупныя рыбы, прорѣзавшія во множествѣ воду и вызывавшія свѣченіе скопившихся въ верхнихъ слояхъ микроскопическихъ діатомовыхъ водорослей и инфузорій. Мы опустили къ морской поверхности наши большія электрическія лампы и видѣли, какъ, привлекаемыя ихъ свѣтомъ, собирались къ нимъ не только рыбы, но и сотни кольчатыхъ червей (*Heteroneries*) и міріады другихъ низшихъ организмовъ. Наши рыбаки добыли свои длинныя удочки и въ короткій срокъ натаскали изрядное количество крупныхъ рыбъ, называемыхъ капландской треской (*Sciaena aquila*). Вскорѣ вся наша команда занялась этимъ дѣломъ, удочки выбрасывались одна за другою и нерѣдко съ большимъ трудомъ приходилось вытаскивать огромныхъ рыбъ вѣсомъ въ среднемъ въ 15 килограммовъ,—онѣ съ силою хлестали хвостомъ по бортамъ и нерѣдко обрывали лесу. И на слѣдующую ночь рыболовный пылъ и надежда получить вкусную пищу не оставляли въ покоѣ нашихъ матросовъ. Къ утру добыча оказалась очень богатой,—мы получили около 150 превосходныхъ экземпляровъ этой рыбы, причемъ одинъ экземпляръ вѣсилъ 30 килограммовъ.

Изслѣдованіе желудковъ рыбы показало, что она питается южной сельдью, которая служитъ пищею также и другой очень вкусной рыбѣ—красивому розовому *Dentex rupestris*,—этотъ послѣдній видъ держится ближе къ морскому дну.

Оригинальное зрѣлище представилось намъ утромъ 12-го октября: вблизи нашего судна мы увидѣли огромныя стаи морскихъ птицъ, которыя съ одушевленіемъ преслѣдовали широкую полосу, двигавшуюся въ водѣ,—это послужило намъ указаніемъ, что вдоль берега, должно быть, движется стая какой-то рыбы. Тотчасъ же оба наши рыбака вооружились петерсоновскимъ траломъ и съѣхали на берегъ, чтобы тянуть его оттуда. Уловъ состоялъ почти исключительно изъ сельди, и наловили ее столько, что наша большая лодка не могла вмѣстить всего пойманнаго количества. Этотъ видъ сельди (*Clupea ocellata*) походитъ по величинѣ и окраскѣ очень близко на своего сѣвернаго родича и по вкусу врядъ ли хуже его. Наша команда тотчасъ же занялась засоломъ добычи, укупоркой ея и всякими другими приготовленіями, имѣвшими въ виду внести нѣкоторое разнообразіе въ наше обѣденное меню.

Уже эти примѣры достаточно показываютъ, какимъ удивительнымъ рыбнымъ богатствомъ обладаетъ заливъ; должно еще упомянуть, что, кромѣ названныхъ рыбъ, мы добыли не мало камбалъ, макрелей и триглъ. Очень обыкновенна въ заливѣ, повидимому, также небольшая колючая акула (*Acanthias*)—мы выловили ихъ множество при помощи нашихъ вентерей и удочекъ. За сельдями идутъ, повидимому, киты, принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ роду *Balaenoptera*,—мы видѣли трехъ китовъ внутри бухты. Вполнѣ понятно, что такія огромныя стаи рыбъ тре-

буютъ для своего существованія соотвѣтственнаго количества питательныхъ веществъ, и, дѣйствительно, количественное опредѣленіе планктона, произведенное въ срединѣ залива частыми планктонными сѣтями, доказало, что здѣсь находится такая масса растительныхъ организмовъ, какая до сихъ поръ наблюдалась лишь въ бухтахъ Балтійскаго моря, во время такъ называемаго цвѣтенія ихъ. Въ составъ планктона здѣсь входятъ нитчатыя водоросли, діатомовыя и бацилларіи. Эта основная растительная пища даетъ возможность существовать милліардамъ мелкихъ плавающихъ рачковъ, червей и моллюсковъ. Въ свою очередь, животныя эти становятся жертвою болѣе крупныхъ существъ и перерабатываются отчасти во вкусное мясо рыбъ. На днѣ Большого Рыбнаго залива также во многихъ мѣстахъ удивительно развивается жизнь,—разрастаются красивые полипы (*Veretillum*), образующіе нѣчто вродѣ цвѣточныхъ клумбъ на большомъ протяженіи, къ нимъ присоединяются безчисленныя морскія звѣзды, моллюски, раки, трубчатые черви въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что нерѣдко наши сѣти набивались ими биткомъ. Тѣмъ не менѣе, понидимому, не всѣ органическія вещества, осаждающіяся здѣсь, окончательно поглощались животными,—въ глубинѣ бухты, гдѣ придонная фауна была развита очень слабо, илъ обладалъ скернымъ запахомъ разлагающихся органическихъ веществъ; нашъ пароходный винтъ поднималъ илъ со дна и, къ нашему большому неудовольствію, воздухъ заражался отвратительнымъ запахомъ.

Богатство рыбою, моллюсками и ракообразными ведетъ здѣсь къ роскошному развитію жизни пернатыхъ. Стаи разнообразныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ оживляютъ окружающій пустынный ландшафтъ и представляютъ взорамъ наблюдателя зрѣлище, которое никогда не изглаживается изъ памяти. Въ воздухѣ кружатся сотни и тысячи глупышей (*Sula capensis*), которые бросаются стрѣлою съ высоты 15—20 метровъ въ морскія волны и черезъ нѣсколько секундъ появляются снова на поверхности съ добычей въ своемъ клювѣ. Къ нимъ присоединяются буревѣстники (*Puffinus*), черныя *Majaqueus aequinoctialis* и граціозныя крачки (*Sterna*), тогда какъ различныя чайки избираютъ райономъ своей охоты полосу прибоя съ наружной стороны Тигроваго полуострова. На выдающихся мысахъ сидятъ длинными черными вереницами бакланы, на дюнахъ разгуливаютъ, мало обращая на насъ вниманія, стайки бѣгунковъ и морскихъ куликовъ. Совершенно своеобразный отпечатокъ придаютъ фаунѣ фламинго со своимъ трехцвѣтнымъ чернымъ, бѣлымъ и краснымъ опереніемъ,—они то занимаются ловлей, стоя въ водѣ длинными рядами, то взлетаютъ стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. Интересно наблюдать съ палубы въ подзорную трубу за движеніями этихъ величественно шагающихъ по берегу птицъ: можно подумать, что присутствуешь при военныхъ упражненіяхъ,—все стадо движется одновременно и то, какъ бы по командѣ, дѣлаетъ полуоборотъ направо и идетъ нѣсколько минутъ по прямой линіи въ этомъ направленіи, то, опять выдерживая равненіе, дѣлаетъ поворотъ налѣво, или же разбивается на отдѣльные ряды и направляется къ морю.

Для орнитолога, быть можетъ, наиболѣе интереснымъ фактомъ будетъ то обстоятельство, что въ Большомъ Рыбномъ заливѣ были встрѣчены нами пингвины, — намъ первымъ пришлось констатировать захожденіе ихъ въ тропическій поясъ западно-африканской области. Къ сожалѣнію, намъ удалось наблюдать лишь молодыхъ птицъ одно-

образнаго сѣраго цвѣта, съ темной головой и живыми блестящими черными глазами,— онѣ появлялись, выныривая изъ воды довольно близко отъ нашего судна, но подстрѣлить ихъ все же было очень трудно, и большое счастье еще, что намъ удалось достать, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ экземпляръ, который проф. Рейхеновъ призналъ за птенца пингвина, гнѣздящагося на мысѣ Доброй Надежды.

Въ окрестностяхъ Рыбнаго залива совершенно нѣтъ прѣсной воды. Ни одинъ ручеекъ не впадаетъ въ заливъ, и этимъ объясняется, что содержаніе соли въ заливѣ до самаго конца его остается не ниже содержанія соли въ океанѣ. Температура воды на поверхности была 15,5—16,5°, на глубинѣ 20 метровъ (средней глубинѣ залива)—14,1°. Ненормально низкія температуры для этой тропической области объясняются тѣмъ, что температура поверхности морской воды обыкновенно равняется температурѣ воздуха, мы же ощущали даже и безъ термометра, что довольно прохладно, и это ясно указывало на то, что мы вступили въ область холоднаго Бенгуэльскаго теченія, которое тянется вдоль юго-западнаго берега Африки, причемъ вліяніе его сказывается даже вблизи экватора. Благодаря богатству планктона, вода была относительно непрозрачна, черновато-зеленаго цвѣта, — даже еще въ 100 миляхъ отъ берега сказывалась та же окраска и лишь далѣе она переходила въ обыкновенный голубой цвѣтъ океана.

Уже подходя къ Тигровому полуострову, замѣчается нѣсколько небольшихъ, но прочно построенныхъ домиковъ съ изгородями и бѣдными негритянскими хижинками около нихъ. Холмы дюнъ защищаютъ ихъ отъ господствующаго юго-восточнаго пассата. Жизнь, которую ведетъ здѣсь немногочисленное населеніе съ нѣсколькими португальскими чиновниками, поистинѣ, жалкая и мало завидная. Всѣ живутъ исключительно доходами съ рыболовства—рыбныя богатства кажутся неисчерпаемыми. Рыба для вывоза приготовляется самымъ примитивнымъ образомъ: негритянки племени ангола въ кофтахъ изъ овчины, защищающихъ ихъ отъ свѣжаго вѣтра, отрубаютъ топоромъ голову рыбѣ, сбрасываютъ внутренности въ кучу, распространяющую отвратительный запахъ и облѣпленную міріадами мухъ, и раскладываютъ разрѣзанные куски рыбьяго мяса на длинныхъ подставкахъ для сушки. Сушатся исключительно *Sciaena* и *Dentex*, для использованія сельдей и макрелей мы не видѣли никакихъ приспособленій. Сушеная рыба отправляется въ Моссамедесъ и оттуда, главнымъ образомъ, на португальскіе острова—Принцевы и о. св. Ѳомы. 300 жителей, состоящихъ на одну треть изъ португальскихъ рыбаковъ и на двѣ трети изъ негровъ-ангола, получаютъ изъ Моссамедесъ прѣсную воду и жизненные припасы. Вода для питья здѣсь совершенно отсутствуетъ, и правительство, озабоченное этимъ обстоятельствомъ, поставило въ рыбацкой деревнѣ на Тигровомъ полуостровѣ перегонный аппаратъ для опрѣсненія морской воды. На свойства воды, присылаемой изъ Моссамедеса жители сильно жалуются, говоря, что нерѣдко отъ нея заболѣваютъ дизентеріей. Каковы здѣсь условія существованія при португальскомъ способѣ хозяйничанья, показываетъ присланное намъ отъ одного изъ находящихся на полуостровѣ духовныхъ лицъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ о большомъ одолженіи,—уступите или продайте мнѣ бочку прѣсной воды, въ виду того обстоятельства, что перегонный аппаратъ, устроенный правительствомъ, не дѣйствуетъ и не доставляетъ населенію воды».

Можно представить себѣ, какія муки жажды приходится здѣсь претерпѣвать иногда населенію, состоящему изъ 300 душъ! Само собою разумѣется, что мы охотно исполнили просьбу и снабдили ихъ перегнанной водой и еще другими различными лакомствами. При постоянномъ питаніи одною рыбою развивается, повидимому, неудержимое стремленіе къ пищѣ другого рода. Носильщики наши набрасывались съ жадностью на полусгнившее мясо, которое мы собирались положить въ видѣ приманки въ ловушки для рыбъ и съ еще большей жадностью поѣдали предложенный имъ хлѣбъ. Отъ Тигроваго залива до Кунене всего лишь одинъ день пути по легко проходимому скалистому плато, и трудно понять, почему до сихъ поръ не сдѣлали опыта снабдить этимъ путемъ населеніе залива всѣмъ, что для него наиболѣе необходимо.

Со времени нашего посѣщенія Большого Рыбнаго залива, положеніе вещей на Тигровомъ полуостровѣ круто измѣнилось съ той поразительной быстротой, съ какою нерѣдко въ южной Африкѣ происходятъ замѣчательныя превращенія. Тамъ, гдѣ фламинго, бакланы и стаи другихъ плавающихъ птицъ занимались никѣмъ не потревоженныя ловлею рыбы въ морскихъ волнахъ, замѣчается въ настоящее время шумное оживленіе: прокладываются рельсы желѣзной дороги, и близко уже то время, когда первый рельсовый путь пересѣчетъ африканскій материкъ и соединитъ берегъ Атлантическаго океана съ берегомъ Индійскаго, пройдя черезъ южную Анголу и связавъ сѣверъ нашихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ съ землей Бечуана и Трансваалемъ. Этотъ рельсовый путь примкнетъ къ тому грандіозному желѣзнодорожному предпріятію, которое, какъ предполагается, свяжетъ непрерывною полосою рельсъ Капштатъ съ Египтомъ.

Вполнѣ естественно, что эта юго-западная африканская желѣзная дорога, для осуществленія которой германскіе капиталы соединились съ англійскими, избрала своимъ исходнымъ пунктомъ на западѣ Большой Рыбный заливъ, находящійся уже прежде всего вблизи залежей мѣдной руды въ Огавіи.

Большой Рыбный заливъ—наиболѣе грандіозная естественная гавань всего западнаго побережья, — въ ней могли бы одновременно стоять на якорѣ суда всѣхъ флотовъ земного шара, нисколько не страдая отъ сильнаго волненія въ открытомъ морѣ, такъ какъ волны разбиваются о продолговатый Тигровый полуостровъ, который представляетъ изъ себя какъ бы естественный защитительный молъ. Въ теченіе двухъ дней и трехъ ночей, проведенныхъ нами въ Рыбномъ заливѣ, судно наше стояло такъ спокойно, какъ въ гавани Гамбурга, тогда какъ въ открытомъ морѣ бушевала буря и волны съ грохотомъ разбивались о Тигровый полуостровъ. Входу судовъ въ заливъ не препятствуютъ ни бары, ни мели, и если во время нашего посѣщенія войти было все же нѣсколько трудно, такъ какъ трудно ориентироваться по берегу, который слишкомъ низокъ, то этому горю легко можетъ помочь устройство на оконечности Тигроваго полуострова, вмѣсто бакана, хорошаго маяка.

Какъ было уже упомянуто, лишь благодаря англійскимъ промѣрамъ въ 1893 году, выяснилось, что Рыбный заливъ не обмелѣлъ и пред-

ставляетъ изъ себя прекрасное якорное мѣсто на всемъ протяженіи,— если бы это было извѣстно ранѣе, быть можетъ, онъ давно уже перешелъ бы въ составъ германскихъ владѣній. Португальское правительство въ Моссамедесъ натолкнулось въ южной Анголѣ на такое сопротивленіе туземцевъ и странствующихъ буровъ, что ему владѣніе этой мѣстностью было въ тягость. Португалія была готова за умѣренное вознагражденіе уступить ее Германіи съ Большимъ Рыбнымъ заливомъ включительно. Послѣ того же, какъ затѣмъ познакомились съ минеральными богатствами области и благопріятными условіями природы залива, было вполнѣ естественно, помимо всякихъ соображеній о позднѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, избрать эти естественныя ворота юго-западной Африки исходнымъ пунктомъ для упомянутаго грандіознаго желѣзнодорожнаго предпріятія.

Для того, кто въ настоящее время имѣетъ передъ глазами царящее на Тигровомъ полуостровѣ дѣловое оживленіе, связанное съ притокомъ людей и денегъ, нашъ разсказъ объ условіяхъ существованія въ этомъ заброшенномъ уголкѣ земного шара, во время нашего еще столь недавняго пребыванія, можетъ показаться уже идиллической сказкой стародавнихъ временъ.

ГЛАВА VII.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ. — Работы по физической географіи моря. — Подводный Китовый хребетъ.—Глубоководный тралъ. — Капштатъ.—Портъ Елизаветы.—Агуласская банка.

Мы покинули Большой Рыбный заливъ около полудня 12-го октября. Дулъ сильный юго-восточный пассатъ и на морѣ было порядочное волненіе; пришлось все закрѣпить и закупорить, волны перекатывались въ изобиліи черезъ палубу и тѣмъ изъ сочленовъ экспедиціи, которые болѣли еще приступами маляріи, приходилось очень трудно—они едва могли лежать на своихъ койкахъ. Изъ-за дурной погоды мы должны были отказаться отъ тѣхъ изслѣдованій рыбныхъ богатствъ у береговъ нашихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ, которыя были предположены и начаты уже въ Большомъ Рыбномъ заливѣ. Намъ пришлось держаться далеко отъ берега, и лишь 15-го октября, съ большимъ трудомъ, мы могли произвести нѣкоторыя работы. Нѣкоторое утѣшеніе доставляли намъ за это время нырявшіе вокругъ судна капскіе голуби (*Daption capense*), къ которымъ вскорѣ присоединились и первые появившіеся здѣсь альбатросы. Капскіе голуби—чрезвычайно граціозныя бѣлоснѣжныя птицы съ черными крапинами — слѣдовали за нами почти до самаго крайняго юга. Нерѣдко они собирались большими стаями вокругъ корабля, когда онъ останавливался для производства различныхъ работъ, и съ жадностью набрасывались на всѣ наши кухонные отбросы. Они схватывали плавающіе на поверхности куски, но не ныряли за кусками мяса, опускавшимися глубже. Во время движенія судна они слѣдовали за нимъ, подобно буревѣстникамъ, описывая граціозную линію въ воздухѣ и блестя на солнцѣ своимъ опереніемъ.

Еще привлекательнѣе наблюдать за полетомъ альбатроса (*Diomedea exulans*), который то появляется на темно-синемъ фонѣ неба, то въ нѣсколько мгновеній исчезаетъ совершенно изъ поля зрѣнія, то часами описываетъ широкіе круги вокругъ судна. Позу, которую онъ принимаетъ при полетѣ, нельзя назвать особенно граціозною, шея сильно втягивается и голова кажется какъ-то неуклюже сидящей на туловищѣ, но въ общемъ его полетъ все же производитъ величественное впечатлѣніе. Альбатросы также съ жадностью набрасывались на кухонные отбросы и нерѣдко цѣлыми компаніями собирались вокругъ судна, причемъ мы ихъ съ большою легкостью ловили на спеціально приспособленныя удочки, при помощи которыхъ безъ труда вытаскивали этихъ птицъ на палубу. Здѣсь альбатросъ оказывался совершенно безпомощнымъ: онъ не могъ взлетѣть, рѣдко поднимался на ноги и, сдѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, снова покорно садился, огля-

дывая съ любопытствомъ окружающее и отпугивая сильными ударами своего клюва подходящихъ къ нему слишкомъ близко.

Если днемъ насъ развлекали морскія птицы, то ночью мы имѣли передъ собою чарующее зрѣлище свѣченія моря, — никогда это явленіе не проявлялось передъ нами въ такомъ великолѣпіи, какъ въ это бурное время. Подобно ракетамъ вылетали изъ-подъ киля гонимыя пароходнымъ винтомъ, какъ бы раскаленныя, вальковатыя тѣла, свѣтящіяся голубоватымъ пламенемъ; намъ удалось добыть нѣсколько изъ нихъ и оказалось, что это пирозомы (*Pyrosoma*). Фосфоресценція, производившаяся свѣтящимися рачками и другими низшими организмами, отступала здѣсь на задній планъ. Удивительно, какъ слабо развито свѣченіе моря, наблюдавшееся нами впослѣдствіи; особенно во время спокойныхъ ночей въ экваторіальной области Индійскаго океана совершенно не замѣтно той интензивности свѣченія, какую приходилось наблюдать въ Атлантическомъ.

Когда мы 17-го октября снова принялись за прерванныя изслѣдованія, у насъ былъ уже выработанъ извѣстный нормальный ходъ океанографическихъ и біологическихъ работъ. Я позволю себѣ вкратцѣ познакомить съ ними читателей, хотя, быть можетъ, рискую нѣсколько утомить ихъ вниманіе этими деталями.

Выяснилось, что лучше всего начинать дневную работу измѣреніемъ глубины, которое производилось нами даже и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже дѣлались промѣры прежними научными экспедиціями. Такъ какъ промѣръ давалъ намъ свѣдѣнія не только о глубинѣ, но также и о свойствѣ грунта дна, проба котораго приносилась лотомъ, то въ зависимости отъ результатовъ промѣра стояли и тѣ біологическія изслѣдованія, которыя мы затѣмъ предпринимали.

Что касается до промѣровъ, то они начинались съ довольно большою правильностью раннимъ утромъ, обыкновенно около $5^1/_2$ часовъ утра. Судно ставилось такъ, чтобы проволка, сходящая съ барабана лотовой машины, находилась съ подвѣтренной стороны, если же было сильное теченіе или волненіе въ морѣ, то судно направлялось носомъ противъ вѣтра и теченія и держалось на мѣстѣ, работая винтомъ. На концѣ стальной проволоки прикрѣпляется лотъ, устроенный такимъ образомъ, что тяжелая гиря прочно держится во время спуска, прикоснувшись же ко дну, соскакиваетъ съ крючковъ, зацѣпляющихъ поддерживающую ее веревочку, и остается на днѣ, облегчая такимъ образомъ обратный подъемъ лота. При большихъ глубинахъ мы употребляли гири въ 28 килограммовъ, при меньшихъ—было достаточно гири въ 15 килограммовъ. Спускается лотовая гиря приблизительно со скоростью 2,5 метра въ секунду, тогда какъ подъемъ ея совершается гораздо медленнѣе — 1,5—2 метра въ секунду. Для накручиванія тонкой стальной проволоки, которою мы пользовались при опредѣленіи глубинъ, намъ служилъ небольшой электро-моторъ, пристроенный къ лотовой машинѣ. Промѣръ глубины около 5.000 метровъ требуетъ приблизительно 1 ч. 30 мин., считая въ томъ числѣ тѣ 5—7 минутъ, которыя приходится обождать передъ началомъ подъема, чтобы дать термометру, постоянно прикрѣплявшемуся нами къ лоту, установиться на той температурѣ, которая имѣется на днѣ.

Быть можетъ, будетъ не безынтересно при этомъ случаѣ упомянуть, какъ вообще выразились наши промѣрныя работы въ цифрахъ. Мы произвели приблизительно 180 промѣровъ, при которыхъ въ общей сложности было выпущено и поднято 868.000 метровъ проволоки. При

этомъ мы потеряли всего лишь 6.622 метра проволоки, т.-е. около 0,7%, и истратили 119 гирь по 28 килограммовъ и 54 гири по 15 килограммовъ.

Какъ было уже сказано, надъ лотомъ прикрѣплялся обыкновенно глубоководный термометръ, который указывалъ намъ температуру воды на днѣ. Такъ какъ въ тропическихъ и умѣренныхъ областяхъ температура съ глубиною падаетъ, нами употреблялся для этой цѣли максимальный и минимальный термометръ, который былъ защищенъ противъ сильнаго давленія, наблюдаемаго на глубинахъ, особой стеклянной оболочкой. По нему мы отсчитывали минимальную температуру, принимая, что она соотвѣтствуетъ наибольшей глубинѣ, до которой былъ опущенъ термометръ. Въ антарктическомъ морѣ съ его запутаными температурными отношеніями, при которыхъ нерѣдко на поверхности вода холоднѣе, чѣмъ на глубинѣ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ переворачивающимся термометрамъ Негретти и Замбра. Термометры эти построены такимъ образомъ, что при подъемѣ переворачиваются,

Рис. 26. Крабъ *Geryon* съ глубинъ 981 метра.

столбикъ ртути въ капиллярной трубкѣ при этомъ обрывается и своею длиною отмѣчаетъ температуру того слоя воды, въ которомъ термометръ находился передъ началомъ поднятія.

Кромѣ опредѣленія температуры является важнымъ получить также пробу воды съ глубины, чтобы была возможность опредѣлить ея плотность и химическій составъ. Для этой цѣли мы употребляли батометръ Сигсби, болѣе простой конструкціи, и батометръ Петерсона—конструкціи болѣе сложной. Послѣдній въ томъ отношеніи лучше, что въ немъ проба воды не измѣняется по содержанію въ ней газовъ при прохожденіи инструмента черезъ верхніе, нагрѣтые слои воды.

Насколько необходимо было производить промѣры и другія изслѣдованія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя, повидимому, были уже достаточно изслѣдованы другими экспедиціями, можетъ показать случай, бывшій съ нами 17-го октября.

Въ этотъ день погода утихла и мы принялись за обычныя работы, находясь на 25°26′ юж. шир. и 6°19′ вост. долготы. Морскія карты указываютъ вблизи этого пункта чрезвычайно большія глубины. Осно-

вываясь на этомъ указаніи, мы опустили вертикальную сѣть на 2.000 метровъ глубины. Когда сѣть была поднята, то, къ нашему изумленію, оказалось, что она побывала на днѣ и отчасти была наполнена тонкимъ желтоватымъ фораминиферовымъ иломъ. Какъ это ни странно, шелковый мѣшокъ сѣти оказался цѣлымъ и содержалъ въ илѣ чрезвычайно крупнаго ярко-краснаго краба изъ рода *Geryon* (рис. 26). Сейчасъ же былъ произведенъ промѣръ, который показалъ, что мы попали на неизвѣстную до сихъ поръ банку, на которой мы опредѣлили двумя промѣрами глубину въ 981 и 936 метровъ. Уже давно извѣстно, что по-

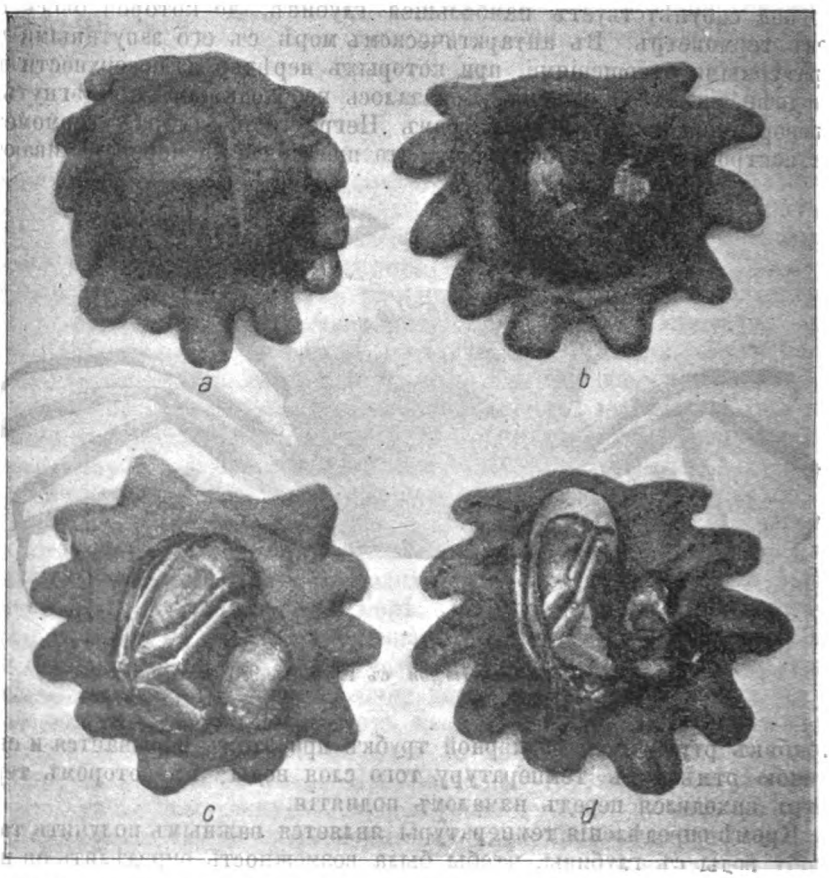


Рис. 27. Раки отшельники и актиніи *Zoanthus*.—*a*. Колонія сверху.—*b*. Раковина моллюски снизу.—*c*. Раковина съ отшельникомъ.—*d*. Колонія полиповъ въ разрѣзѣ.

добныя расположенныя въ океанѣ поднятія постоянно обнаруживаютъ необыкновенное богатство животною жизнью,—на основаніи этого было рѣшено сдѣлать здѣсь сборъ траломъ, который и далъ, дѣйствительно, чрезвычайно богатые результаты, какихъ мы не получали съ того времени, какъ покинули Фарерскіе острова. Мы добыли этимъ траломъ болѣе сотни крупныхъ красныхъ крабовъ (*Geryon*), дюжину своеобразныхъ глубоководныхъ рыбъ съ неуклюжею головой и чудовищно расширенными глазами, нѣкоторое количество коралловъ, голотурій и усоногихъ. Особенно оригинальною составною частью нашего улова были

безчисленные раки-отшельники, тѣло которыхъ было спрятано въ раковину, занятую съ другой стороны фіолетовой актиніей изъ рода *Zoanthus*, отдѣльныя особи актиній очень крупны и расположены розеткой вокругъ раковины по 10—12 штукъ. Ихъ полости тѣла сообщаются у основанія между собою, такъ что всѣ онѣ представляютъ изъ себя одну колонію полиповъ, погруженныхъ въ студенистое основное вещество, изъ котораго выдается лишь верхній конецъ тѣла каждой особи. Складки пищеварительной полости шоколадно-коричневаго цвѣта и содержатъ темно-красныя массы яичекъ, красиво выдѣляющіяся у нихъ на фіолетовомъ фонѣ студенистой ткани. Полипы эти совершенно растворили всю известь раковины и оставили цѣлымъ лишь роговой покровъ ея, но такъ какъ студенистое вещество ихъ имѣло почти консистенцію хряща, то колонія представляла достаточную защиту раку-отшельнику съ его нѣжнымъ брюшкомъ. Подобное явленіе сожительства или симбіоза между отшельниками и актиніями широко распространено и среди формъ, держащихся на меньшихъ глубинахъ. Оба организма имѣютъ выгоду другъ отъ друга: актиніи живутъ на счетъ остатковъ пищи рака, тогда какъ послѣдній защищается отъ враговъ полипами колоніи, у которыхъ щупальцы снабжены жгучими стрекательными органами.

Съ точки зрѣнія океанографіи открытіе нами посреди южнаго Атлантическаго океана неглубокаго мѣста имѣетъ нѣкоторый интересъ. Если принять во вниманіе, что уже на слѣдующій день, будучи лишь на $1^1/_3{}^0$ широты южнѣе, мы нашли глубину въ 5.040 метровъ, то окажется, что разница между обоими пунктами составляетъ болѣе 4.000 метровъ. Будущимъ изслѣдователямъ этой части моря остается рѣшить интересную океанографическую проблему, на которую указалъ проф. Зупанъ, познакомившись съ результатами нашихъ промѣровъ. Дѣло въ томъ, что если сравнить глубоководныя температуры на сѣверъ и на югъ отъ найденнаго нами повышенія дна, то окажется, что въ среднемъ температуры на глубинѣ 4.000 метровъ различаются между собою приблизительно на 2^0. На сѣверъ отъ повышенія, въ южно-африканской впадинѣ, изъ 13 произведенныхъ опредѣленій получается средняя температура $+2,4^0$, на югъ—въ капской впадинѣ, изъ 9 измѣреній средняя температура $+0,8^0$. Основываясь на этой разницѣ температуръ, Зупанъ вывелъ остроумное заключеніе, что, по всей вѣроятности, отъ Китоваго залива отходитъ подводный хребетъ, который можно назвать «Китовымъ хребтомъ», и отдѣляетъ антарктическія воды отъ атлантическихъ. Какъ ясно изъ нашей карты теченій, Китовый хребетъ, по всей вѣроятности, соединяется съ атлантическимъ. Если дѣйствительно окажется, что мы натолкнулись не на чисто мѣстную банку ограниченнаго протяженія, а на часть длиннаго подводнаго хребта, то условія въ данной части океана можно приравнять къ тѣмъ, которыя существуютъ у хребта Уэвилля Томсона (стр. 14). Подобно тому, какъ этотъ послѣдній хребетъ отдѣляетъ глубокія арктическія воды отъ Сѣверо-Атлантическаго океана, такъ Китовый хребетъ образуетъ преграду, препятствующую холоднымъ антарктическимъ водамъ глубинъ попадать въ Южно-Атлантическій океанъ.

Юго-восточный пассатъ сопутствовалъ намъ до 28^0 южной широты и затѣмъ уступилъ мѣсто перемѣннымъ вѣтрамъ, которые повлекли за собой спокойную погоду. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для поясного лова большими вертикальными сѣтями; остановившись на одномъ мѣстѣ, мы поднимали сѣть съ различныхъ глубинъ.

Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы выяснить верхнюю границу распространенія тѣхъ своеобразныхъ организмовъ, которые часто попадались намъ въ наши глубоководные тралы. Крупные свободно плавающіе раки и рыбы не попадаются въ обыкновенныя, небольшія замыкающіяся сѣти, почему мы и прибѣгли къ услугамъ нашихъ большихъ вертикальныхъ сѣтей. Результаты работы ими показали, что кроваво-красныя и блѣдныя, отчасти слѣпыя ракообразныя, равно какъ и черныя глубоководныя рыбы и необыкновенно нѣжныя прозрачныя головоногія начинаютъ встрѣчаться лишь ниже 700 метровъ. Намъ удалось обогатить количество свободно живущихъ въ глубокихъ водахъ организмовъ также аппендикуляріями величиною до 9 сант.; всѣ родственныя формы ихъ, встрѣчающіяся на поверхности, являются карликами по сравненію съ этими прозрачными великанами, изображеніе которыхъ мы дадимъ въ концѣ книги.

Одновременно производился съ лодки также дѣятельный ловъ на поверхности и при этомъ случаѣ можно упомянуть, что въ теченіе двухъ дней намъ попадалась въ удивительномъ количествѣ одна до сихъ поръ очень рѣдко наблюдавшаяся сальпа (*Salpa flagellifera*). Она образовывала временами скопленія поверхностью съ наше судно, въ которыхъ прозрачныя особи такъ тѣсно соприкасались одна съ другою, что, черпая сосудомъ, мы получали въ немъ настоящую живую кашу.

20-го октября мы рѣшили произвести спускъ трала на наибольшую глубину, какой намъ до тѣхъ поръ удалось достичь,—на 5.108 метровъ. Надо было серьезно испробовать наши глубоководные апараты прежде чѣмъ вступать въ область антарктическихъ водъ.

Чтобы дать читателю представленіе о количествѣ времени, потребномъ для работы траломъ на глубинѣ 5.000 метровъ, приведу слѣдующія подробности. Большой тралъ передъ началомъ опусканія приготовляется и снабжается тремя чугунными гирями по 25 килограммовъ каждая— двѣ привязываются позади на сѣтевомъ мѣшкѣ, одна — на пеньковой веревкѣ, которою тралъ прикрѣпляется къ стальному тросу Затѣмъ машина останавливается, и судно, стоя на мѣстѣ, приступаетъ къ спуску; первоначально выпускается столько стального троса, сколько указываетъ промѣръ, когда сѣть доходитъ до дна, дается малый ходъ и вытравливается еще одна треть всего выпущеннаго троса. Чтобы выпустить 6.700 метровъ троса, требовалось 5 часовъ работы; затѣмъ машинѣ дается ходъ назадъ и около часа, при постоянномъ наблюденіи за динамометромъ, прикрѣпленнымъ къ блоку, черезъ который проходитъ тросъ, тралъ тянется по дну. Черезъ часъ начинается подъемъ, который продолжается $4^1/_2$ часа; такимъ образомъ, вся работа требуетъ $10^1/_2$ часовъ, а если включить сюда и промѣръ, то 13 часовъ.

Работа траломъ на большой глубинѣ требуетъ отъ всѣхъ участниковъ, въ особенности отъ руководящихъ судномъ моряковъ, большого искусства. Мы не будемъ здѣсь разсматривать подробности техники глубоководныхъ работъ, скажемъ только, что приходится здѣсь принимать во вниманіе и вѣтеръ и теченія, и что какихъ-либо общихъ правилъ при такой работѣ быть не можетъ. Приходится наблюдать и за исправнымъ дѣйствіемъ барабана, на который намотанъ тросъ, и за наматывающей тросъ паровой лебедкой, такъ какъ при сильномъ натяженіи, какое имѣется при этихъ обстоятельствахъ, легко возможенъ несчастный случай съ работающими у лебедки и барабана матросами. Если у насъ ничего не случалось при глубоководной работѣ, какъ это, къ несчастью, бывало во время другихъ глубоководныхъ экспедицій,

то это надо приписать усердію и вниманію всѣхъ участниковъ нашихъ работъ. Тѣмъ не менѣе, мы каждый разъ вздыхали свободно, когда тралъ приходилъ съ большой глубины гладко и ничего не случалось.

Въ разсматриваемомъ случаѣ ожиданія, которыя мы возлагали на тралъ, плохо вознаграждались: въ немъ оказался лишь обломокъ одной голотуріи. Нѣсколько вознаградила насъ за это другая интересная находка, именно мы нашли въ тралѣ около 30 черныхъ марганцовыхъ комковъ которые были величиною съ кулакъ и похожи по строенію поверхности на гигантскія ягоды малины. Это были замѣчательно красивые экземпляры, какихъ не приходилось до сихъ поръ наблюдать въ Атлантическомъ океанѣ. Экспедиція Чэлленжера находила подобные комки часто ва серединѣ южнаго Тихаго океана, но и ей не попадались экземпляры крупнѣе нашихъ—самый крупный экземпляръ имѣлъ

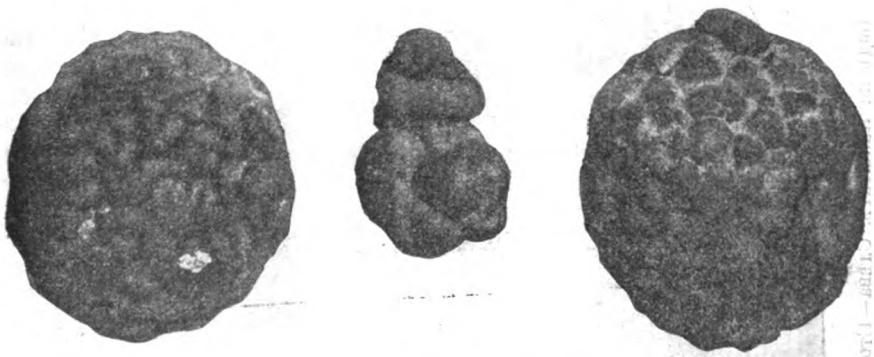


Рис. 28. Марганцовые комки съ глубины 5109 метр. Въ $^1/_2$ натур. величины.

въ діаметрѣ 8 сант. На поперечномъ разрѣзѣ замѣтна концентрическая слоистость, а химическій анализъ указываетъ на высокое процентное содержаніе марганцоваго желѣза. Задачей химиковъ является теперъ выяснить еще далеко не изслѣдованное происхожденіе ихъ изъ продуктовъ разложенія глубоководнаго ила.

25-го октября произведенные нами промѣры указали на значительное уменьшеніе глубины, стоящее, очевидно, въ зависимости отъ нашего приближенія къ Капланду, который и показался 26-го октября, послѣ обѣда, сперва въ дымкѣ тумана, затѣмъ сталъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней юго-восточные вѣтры прекратились, море было спокойно, и барометръ съ наступленіемъ легкаго зюдъ-веста сталъ подниматься. Мы рѣшили не останавливаться въ Капштатѣ и безъ промедленія начать изслѣдованіе лежащей на югъ отъ Капланда Агуласской банки, извѣстной тѣмъ, что на ней постоянно бурная погода. Намъ было, правда, трудно оторваться отъ величественной панорамы, которая представлялась здѣсь нашимъ взорамъ. Столовая гора царила надъ всѣмъ ландшафтомъ, слѣва отъ нея выдѣлялся круто спускающійся къ морю конусъ Пика Дьявола, справа къ ней примыкала гора Львиная Голова. Въ этой грандіозной рамкѣ заключенъ Капштатъ, съ которымъ мы могли лишь познакомиться издали, такъ какъ ограничились тѣмъ, что забрали свѣжихъ жизненныхъ припасовъ и спустили на материкъ проф. Шимпера. Онъ вос-

пользовался временемъ, которое мы потратили на изслѣдованіе Агуласской банки и южнаго берега Капланда, для того, чтобы совершить ботаническую экскурсію въ лѣса страны Книсна и предпринять поѣздку на быкахъ—которой всѣ наши спутники сильно завидовали—вглубь Капланда до Каргоо.

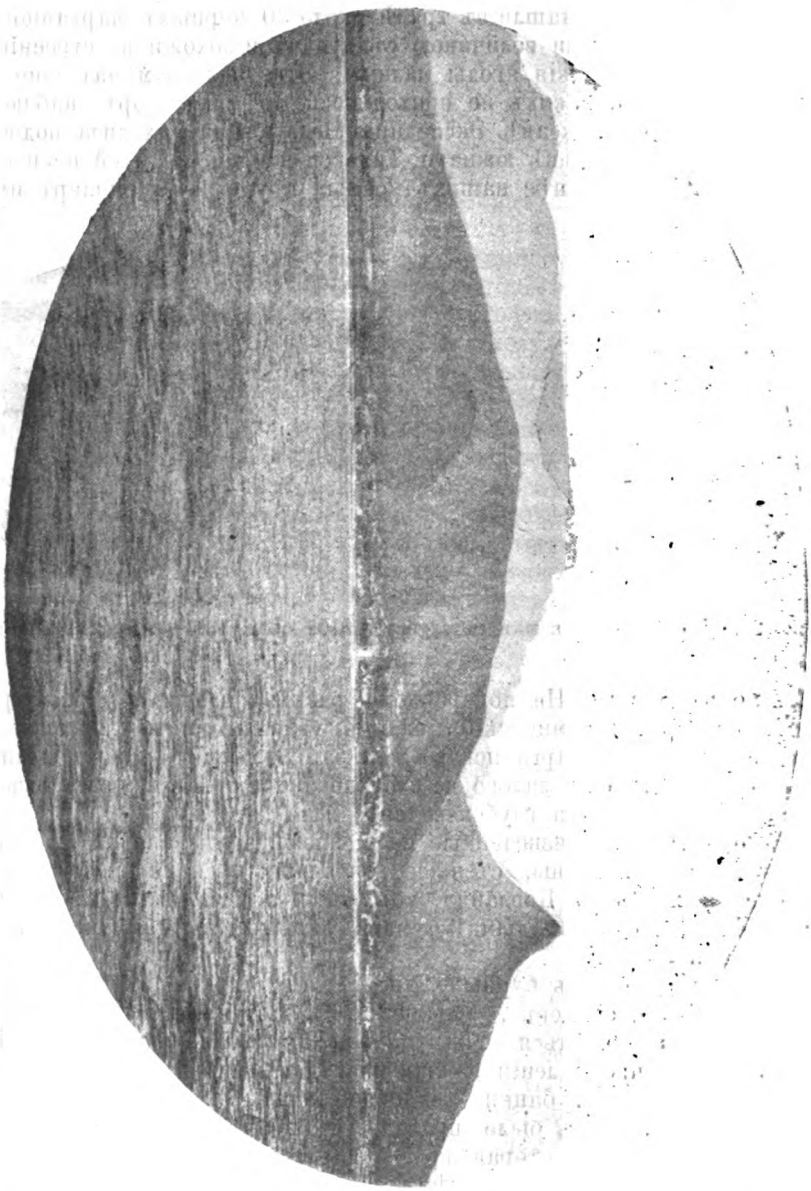


Рис. 29. Видъ на Капштатъ. Слѣва—Столовая гора, справа—гора Львиная Голова.

Когда мы вечеромъ покинули Столовый заливъ, солнце погрузилось при закатѣ въ море и облило своими золотистыми лучами Столовую и прилегающую къ ней Апостольскую горы, окрасивъ ихъ ярко-краснымъ пламенемъ, черновато-синее море съ какъ бы горящими крас-

ными гребнями волнъ своими рѣзкими тонами дополняло красоту ландшафта. Мы имѣли рѣдкій случай наблюдать надъ Столовой горой какъ бы огромное покрывало развернувшейся массы облаковъ—«скатерть Столовой горы», какъ оно называется мѣстными жителями. Присутствіе его считается несомнѣннымъ признакомъ того, что наступаетъ перемѣна въ состояніи погоды. Когда мы оплывали мысъ Доброй Надежды, круто спускающійся къ морю своими обрывами, былъ уже замѣтенъ свѣжій западный вѣтеръ. Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ нерѣдко задувалъ съ большою силою и принудилъ насъ отложить наши работы по изслѣдованію бухтъ южнаго Капланда.

Со Столовымъ заливомъ можетъ сравниться по красотѣ лишь противолежащій ему заливъ Фальзе, тогда какъ уже по направленію къ самой южной точкѣ Капланда, именно къ мысу Агуласъ, берегъ становится болѣе плоскимъ и окаймляется широкими песчаными пространствами у самаго моря. День за днемъ мы заходили во врѣзающіяся въ берегъ бухты и изучали одинъ за другимъ заливъ Мосселя, заливъ Плеттенберга и заливъ Френсиса. Всѣ они имѣютъ нѣчто общее въ своемъ характерѣ: впереди находится обширная равнина, покрытая весною зеленымъ ковромъ луговой растительности, на заднемъ планѣ выдѣляются невысокіе горные хребты, надъ которыми внутри континента нерѣдко поднимаются отдаленныя цѣпи горъ, затянутыя голубоватою дымкою. Лишь заливъ Плеттенберга обрамляется отчасти обширными лѣсами, которые носятъ названіе лѣсовъ Книсна. На выдающихся утесистыхъ мысахъ, ограничивающихъ заливы, всегда замѣчался сильный прибой и разбивающіяся въ дребезги волны скрывали подъ своими брызгами незамѣтные подводные рифы. 29-го октября мы обошли мысъ Речифе и передъ нами открылся видъ на заливъ Альгоа. Этотъ обширный заливъ обрамленъ песчаными пустынями, степями и голыми холмами, позади которыхъ постепенно начали обнаруживаться бѣлоснѣжныя массы домовъ города Портъ-Елизаветы. Огкрытый рейдъ представлялъ нѣкоторую защиту отъ бурнаго западнаго вѣтра и намъ казалось даже какъ-то непривычно, послѣ дней перенесенной нами сильной морской качки, снова попасть на совершенно спокойную и гладкую поверхность водъ.

Появленіе большого бѣлаго парохода, съ развѣвающимся на немъ правительственнымъ германскимъ флагомъ вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ Портѣ-Елизаветы. Подумали, что это нѣмецкое военное судно, но не могли понять, чѣмъ объясняется присутствіе на немъ стрѣлъ и лебедокъ. По приказу германскаго консула, къ намъ подошелъ на катерѣ лоцманъ, который, однако, получивъ отъ насъ всѣ отвѣты и въ недоумѣніи покачавъ головою, направился къ берегу. На вопросъ предложенный затѣмъ лоцманомъ издали, откуда мы пришли, раздался съ мостика сердитый отвѣтъ нашего капитана по-англійски: «Съ сѣвернаго полюса!»—на второй же вопросъ о цѣли нашего пути загремѣлъ еще болѣе грозный отвѣтъ: «Къ южному полюсу!»

Германскій консулъ Шаббель и д-ръ Гофманъ, пріѣхавшіе вскорѣ къ намъ, разрѣшили, впрочемъ, всѣ недоразумѣнія и съ замѣчательнымъ радушіемъ пригласили членовъ экспедиціи посѣтить Портъ-Елизаветы и побывать въ нѣмецкомъ пѣвческомъ кружкѣ.

Портъ-Елизаветы, имѣющій 26.000 жителей, производитъ впечатлѣніе очень быстро развивающагося и благоденствующаго города. Дѣловитая жизнь бьетъ ключомъ на его широкихъ улицахъ, украшенныхъ роскошными постройками, въ которыхъ помѣщаются банки и

крупныя экспортныя фирмы; недалеко отъ пристани возвышается изящное зданіе городской ратуши. Все указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ торговымъ пунктомъ, который по своему значенію почти равняется Капштату. Тѣмъ не менѣе, наши земляки, занимающіе выдающееся положеніе въ интеллигентномъ обществѣ города, жаловались намъ, что послѣ набѣга Джемсона экспортъ Трансвааля замѣтно умевьшился. Трудно сказать, какое вліяніе на торговлю Порта-Елизаветы будетъ имѣть теперешняя несчастная война и каково будущее этого торговаго центра. Городъ располагаетъ электрической желѣзной дорогой, которая круто поднимается на горы по красивымъ улицамъ, окаймленнымъ двухъэтажными виллами съ верандами и садами. На вершинѣ располагается сборный пунктъ всѣхъ обитателей города—городской паркъ, при устройствѣ котораго, очевидно, имѣлось въ виду расположить въ соотвѣтствующихъ группахъ всѣ наиболѣе

Рис. 30. Краалъ каффровъ.

характерныя растенія Капланда. Паркъ этотъ былъ разведенъ на сухой, красноватой, степной почвѣ, надъ которой ранѣе безпрепятственно гуляли западные вѣтры, засыпая городъ пескомъ и пылью. Съ юга и запада городъ окаймленъ живописнымъ ущельемъ, по другую сторону его располагается краалъ каффровъ, который мы, разумѣется, не преминули посѣтить. Въ жалкихъ хижинахъ, похожихъ на большіе ульи, парило оживленное движеніе. Здѣшніе каффры привлечены къ самымъ разнообразнымъ работамъ въ городѣ и, благодаря частому смѣшенію, не представляютъ уже чистаго типа. Въ городѣ, по распоряженію полиціи, они ходятъ совершенно одѣтыми, въ своихъ же хижинахъ сбрасываютъ съ себя европейскую мишуру и чувствуютъ себя снова настоящими каффрами. Насъ встрѣтили первоначально недовѣрчивыми взорами и даже бранью, но затѣмъ чернокожая публика постепенно сдѣлалась довѣрчивѣе, убѣдившись въ томъ, что мы не

агенты тайной полиціи, пришедшіе произвести внезапную ревизію, не найдется ли въ хижинахъ запретнаго національнаго напитка—каффрскаго пива.

Съ высотъ, находящихся надъ Портомъ-Елизаветы, открывается великолѣпнѣйшій видъ на рейдъ, усѣянный судами, и на широко раскидывающійся заливъ Альгоа. Должно сознаться, что Капштатъ своими грандіозными портовыми сооруженіями превосходитъ Портъ-Елизаветы, рейдъ котораго при случающихся иногда юго-восточныхъ буряхъ не можетъ защитить суда отъ опасности, угрожающей со стороны разъяренной стихіи. Нерѣдко пароходы должны бываютъ поднять якоря и выйти въ открытое море.

Такъ какъ погода была для насъ благопріятна, мы посвятили цѣлый день на то, чтобы изслѣдовать заливъ Альгоа, который во многихъ мѣстахъ поражалъ насъ удивительнымъ богатствомъ сидящихъ на днѣ организмовъ. Окруженные стаями чаекъ и черныхъ нырковъ (*Puffinus*), изъ которыхъ первые съ большою ловкостью ловили на лету бросаемые имъ куски мяса, тогда какъ вторые ныряли за ними, мы приблизились къ одинокому и оголенному острову. Здѣсь мы увидѣли впервые колонію пингвиновъ (*Spheniscus demersus*), молодыя особи которыхъ встрѣчались намъ въ Большомъ Рыбномъ заливѣ.

Обратный путь отъ Порта-Елизаветы въ Капштатъ мы сдѣлали черезъ Агуласскую банку, надъ которой проходитъ теплое Агуласское теченіе Индійскаго океана. Эта банка врѣзается въ море въ видѣ тупого треугольника передъ Капландомъ и имѣетъ глубину, измѣняющуюся отъ 70 до 200 метровъ. Грунтъ ея дна чрезвычайно разнообразенъ: песчаный грунтъ смѣняется скалистымъ, конгломератовый чередуется съ зеленоватымъ глауконитовымъ, и послѣдній господствуетъ въ западной части банки. Такъ какъ морскія карты указываютъ грунтъ лишь по случайнымъ промѣрамъ, мы часто находили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на картахъ былъ отмѣченъ грунтъ удобный для работы траломъ, вмѣсто него, скалистое дно, которое сильно рвало наши сѣти.

Банка спускается круто по направленію къ открытому морю до глубины 4.000 метровъ. Въ западной части ея намъ удалось сдѣлать серію промѣровъ, наглядно показывающую крутое паденіе ея профиля до глубины 4.170 метровъ. Являясь какъ бы естественной границей между индійской, южно-атлантической и субъантарктической областями моря, она должна представлять въ фаунистическомъ отношеніи особый интересъ. Въ нашихъ музеяхъ почти совершенно отсутствуютъ объекты съ этой банки и потому надо надѣяться, что добытый нами богатый матеріалъ, полученный послѣ 26 драгировокъ, дастъ зоологамъ возможность разобраться въ зоогеографическихъ условіяхъ этой мѣстности.

Изъ готовыхъ въ настоящее время отчетовъ отдѣльныхъ изслѣдователей, обрабатывавшихъ наши коллекціи, явствуетъ, что не только тогда было добыто огромное количество новыхъ формъ, но и въ смыслѣ географическаго распредѣленія получились совершенно неожиданные результаты. Что на этой банкѣ должны встрѣчаться вмѣстѣ атлантическіе и индійскіе виды,—это можно было ожидать уже заранѣе и изслѣдованія подтвердили такое предположеніе, но что здѣсь встрѣчаются типичные антарктическіе виды, которые до сихъ поръ находились лишь въ областяхъ, гораздо далѣе продвинутыхъ къ югу, напримѣръ въ Магелановомъ проливѣ и у Фалькландскихъ острововъ—это

было совершенно неожиданнымъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры такихъ интересныхъ находокъ.

2-го ноября мы опустили тралъ на восточномъ обрывѣ Агуласской банки на глубинѣ 500 метровъ; температура у дна была +7, 8°, грунтъ оказался мелкимъ глобигериновымъ иломъ. Когда тралъ пришелъ обратно, въ немъ оказалась такая масса организмовъ, что пришлось заполнить длиннѣйшій листъ одними названіями семействъ, причемъ послѣднія были представлены часто нѣсколькими видами. Начиная отъ рыбъ и до губокъ мы нашли здѣсь представителей почти всѣхъ группъ морскихъ животныхъ. Если бы сложить все то время, которое лица, обрабатывавшіе нашъ матеріалъ, потратили на изслѣдованіе и зарисовываніе этого единственнаго трала, то безъ преувеличиванія можно сказать, что получилось бы не менѣе 2 лѣтъ работы. Особенно удивительною составною частью содержимаго трала являлись многочисленные крупные моллюски съ извитою раковиною, которые, по опредѣленію проф. Мартенса, принадлежатъ антарктическому виду *Trophon magellanicus Chem.* Какое удивительное смѣшеніе индійскихъ, атлантическихъ и антарктическихъ видовъ имѣется здѣсь, можетъ показать списокъ морскихъ ежей, находившихся въ томъ же самомъ тралѣ. По сообщенію проф. Дедерлейна, здѣсь былъ найденъ новый видъ индійскаго рода *Stereocidaris* и типичные атлантическіе виды *Spatangus Raschi* и *Bryssopsis lyrifera*; къ нимъ присоединяется антарктическій видъ, именно извѣстный лишь изъ Магелланова пролива *Echinus horridus*. Если прибавить еще, что тутъ же имѣлись два новыхъ вида родовъ *Echinus* и *Strongylocentrotus*, то въ то же время мы получимъ доказательство тому, какое большое увеличеніе свѣдѣній далъ по отношенію уже къ одной только группѣ этотъ единственный тралъ.

Обстоятельства эти наводятъ на мысль, что антарктическія формы, такъ далеко заходящія на сѣверъ, представляютъ изъ себя реликтовую, т.-е. остаточную фауну, которая сохранилась посреди теплаго Агуласскаго теченія съ того времени, когда климатическія условія были менѣе благопріятны. Достаточно было пониженія средней годовой температуры на нѣсколько градусовъ, чтобы сѣверная граница бурныхъ западныхъ вѣтровъ, должна была отступить до мыса Доброй Надежды. Тогда, вѣроятно, могучій потокъ западныхъ вѣтровъ, направляющихся къ востоку, отклонялъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ настоящее время, теплое Агуласское теченіе, идущее ему навстрѣчу, и дозволялъ холодной водѣ обмывать банку, расположенную передъ Капландомъ. Еще при другомъ случаѣ намъ придется поговорить о томъ, что, дѣйствительно, въ субъантарктическихъ областяхъ существовалъ ледниковый періодъ или, по крайней мѣрѣ, время, когда средняя годовая температура была на нѣсколько градусовъ ниже теперешней.

Агуласское теченіе—одинъ изъ наиболѣе постоянныхъ и наиболѣе быстро несущихся теплыхъ потоковъ, извѣстныхъ намъ въ этихъ областяхъ моря. Промѣры въ его районѣ были связаны съ необыкновенными затрудненіями. Лишь послѣ 4 неудачныхъ опытовъ удалось намъ южнѣе залива Альгоа опустить лотъ на дно и опредѣлить глубину въ 1.900 метровъ. Быстрота теченія во время этого промѣра 1-го ноября достигала 3,7 морск. мили въ часъ. Чтобы оцѣнить тѣ затрудненія, съ которыми приходилось бороться нашему капитану при удержаніи судна на одномъ мѣстѣ во время спуска лота, должно замѣтить, что эта быстрота почти равняется быстротѣ теченія Дуная около Вѣны.

Если представить себѣ, что Дунай былъ бы шириною въ 2 километра то уже и тогда должно было бы считать исключительнымъ успѣхомъ удачу въ промѣрахъ на столь быстро несущемся могучемъ потокѣ. Къ тому же, должно еще замѣтить, что лишь наружные слои воды находятся въ состояніи движенія: по нашимъ наблюденіямъ, выводимымъ изъ положенія троса при промѣрахъ, работѣ траломъ и работѣ вертикальными сѣтями, оказывается, что быстро текущая вода въ Агуласскомъ теченіи занимаетъ лишь верхніе слои до 200 метровъ глубиною.

Въ общемъ, при нашемъ обратномъ пути, погода благопріятствовала намъ въ этой мѣстности, столь знаменитой бурями, и лишь тогда, когда мы пришли на западную оконечность банки, сѣверный вѣтеръ задулъ такъ сильно, что 5-го ноября намъ пришлось искать убѣжища въ заливѣ Фальзе передъ Симонстоуномъ. Заливъ Фальзе захватывается еще вѣтвями Агуласскаго теченія и этимъ объясняется то обстоятельство, что температура его постоянно на одинъ градусъ выше температуры Столоваго залива, отъ котораго онъ отдѣленъ относительно узкимъ мысомъ. Въ заливѣ Фальзе мы нашли на поверхности $+17{,}5^{\circ}$, тогда какъ въ Столовомъ заливѣ въ то же время температура равнялась $+12$—14°. Къ такому же выводу пришла экспедиція «Чэлленжера», которая стояла въ заливѣ Фальзе на якорѣ нѣсколько недѣль, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ собраннаго матеріала. Обитатели Капштата имѣютъ рѣдко гдѣ существующую на земномъ шарѣ возможность—по желанію либо принять освѣжающую ванну въ прохладныхъ водахъ Атлантическаго океана, либо, въ разстояніи лишь часа пути, выкупаться въ теплыхъ волнахъ Индійскаго.

ГЛАВА VIII.

Природа окрестностей Капштата.—Выборъ пути.—Острова Бувэ.—Поиски и нахожденіе острова.

Было превосходное утро, когда «Вальдивія» покинула гавань Капштата. Восходящее солнце освѣщало при совершенно безоблачномъ небѣ Пикъ Дьявола и Столовую гору такими косыми лучами, что всѣ выдающіеся рифы и прорѣзывающіяся ущелья рѣзко выдѣлялись на рельефной поверхности горъ. Съ большимъ неудовольствіемъ разставались мы съ гостепріимнымъ Капштатомъ, гдѣ провели 7 дней въ очень напряженной дѣятельности, пополняя наше снаряженіе и приготовляясь къ дальнѣйшей работѣ. Мы были здѣсь прекрасно приняты германской колоніей и провели не мало пріятныхъ вечеровъ. Городское управленіе и кругъ высшей интеллигенціи города встрѣтили насъ очень радушно и устроили въ честь экспедиціи «Вальдивіи» торжественный банкетъ, на которомъ присутствовали всѣ власти города.

Въ день отхода, 13-го ноября, капландская природа какъ бы хотѣла сдѣлать для насъ еще болѣе тяжелымъ разставаніе и, послѣ предшествовавшихъ дождливыхъ дней, высказалась во всей своей обманчивой прелести. «Вальдивія» медленно скользила по зеркальной поверхности Столоваго залива, сотни баклановъ и чаекъ съ сиплымъ крикомъ носились надъ моремъ, какъ бы прощаясь съ нами. Наконецъ, мы обошли Сигнальный холмъ и передъ нами вырисовались изящныя виллы и дома предмѣстья, надъ которыми круто поднимается гора Львиная Голова, покрытая пропадающими въ голубоватой дымкѣ рощами серебряныхъ деревьевъ (*Zeucadendron*). Вскорѣ открылся видъ на заливъ Кэмпъ, и мы ясно могли разглядѣть ту узкую тропу, по которой недавно поднимались на Столовую гору. Это была экскурсія, предпринятая въ сообществѣ съ ботаниками — нашимъ проф. Шимперомъ и капштатскимъ докторомъ Марлотомъ, которые и познакомили насъ со всѣми чудесами роскошно развитой и богатой мѣстными формами капской флоры. Здѣсь поднимаются кусты характерныхъ для этой флоры протеацей, наиболѣе извѣстными представителями которыхъ являются серебряныя деревья Львиной Головы; они чередуются съ пеларгоніями и граціозными орхидными усѣянными цвѣтами, съ цѣлыми клумбами аройниковаго *Richardia*, украшеннаго бѣлыми цвѣтами, и съ красными колосьями *Watsonia*, которые похожи на наши *Gladiola* и нерѣдко втыкаются въ гриву лошадей для украшенія. По количеству распускающихся и благоухающихъ цвѣтовъ Капландъ можетъ сравниться съ наиболѣе благодатными въ этомъ отношеніи мѣстами на земномъ шарѣ; однихъ сложноцвѣтныхъ здѣсь столько видовъ, сколько

въ сѣверной Германіи находится различныхъ растительныхъ формъ въ общей сложности. Пейзажъ растительности еще болѣе скрашивается что такъ дорого сердцу сѣверянина — многочисленными дубами и соснами, которыя разводятъ здѣсь колонисты голландцы. Даже теперь съ судна мы могли различить темныя рощи родныхъ древесныхъ породъ и притаившіяся между ними въ идиллической глуши старинныя голландскія фермы. Затѣмъ мы прошли мимо горы Двѣнадцати Апостоловъ съ ея остро зазубреннымъ гребнемъ и мимо ряда небольшихъ заливовъ, гдѣ пѣнящійся прибой составляетъ красивый контрастъ съ темными и отважно вздымающимися громадами горъ,—они, какъ вѣчные стражи, оберегаютъ эти тихія бухты. Гора Цваарте затянулась облаками и подъ нею въ легкой дымкѣ вырисовались обѣ оконечности мыса Доброй Надежды.

Когда мы оставили мысъ Доброй Надежды налѣво и взяли курсъ на SSW, направляясь въ безконечный Южный океанъ, на суднѣ, которое шло въ Капштатъ съ востока изъ Австраліи, вѣроятно не знали, что и подумать объ удивительномъ направленіи, которое взялъ пароходъ, покрашенный въ бѣлый тропическій цвѣтъ и избравшій путь, какимъ уже болѣе 50 лѣтъ не ходило ни одно судно.

Нашей задачей было изслѣдованіе Антарктическаго океана. Лишь одно единственное экспедиціонное судно, имѣвшее цѣлью океанографическое и біологическое изслѣдованіе морскихъ глубинъ, проникло въ антарктическую область, — это «Чэлленжеръ». При постоянныхъ бурныхъ западныхъ вѣтрахъ англійская экспедиція прошла мимо острововъ Маріонъ и Крозе къ Кергуэльскимъ островамъ и оттуда предприняла экскурсію въ юго-восточномъ направленіи до 66°40′ южной широты. Еще до «Чэлленжера» избрала почти тотъ же маршрутъ отъ Капштата экспедиція судна «Газель», чтобы достигнуть Кергуэльскихъ острововъ. Оба судна производили по дорогѣ океанографическія и біологическія изслѣдованія, и потому имѣлось уже нѣкоторое представленіе о рельефѣ дна этой части моря.

Намъ не хотѣлось идти по тому же пути, по которому работали передъ нами съ большимъ успѣхомъ уже двѣ экспедиціи. На югъ отъ Капланда простирается обширная область моря, совершенно неизслѣдованная въ океанографическомъ отношеніи. Тотчасъ же за Агулаской банкой прекращаются всѣ промѣры и совершенно нельзя было наперед сказать, къ какимъ результатамъ могла бы придти экспедиція, направившаяся прямо на югъ. По укоренившемуся воззрѣнію, здѣсь должно было находиться относительно мелкое море, дно котораго постепенно поднимается по направленію къ антарктическому континенту; это воззрѣніе было положено и въ основу глубинныхъ картъ и подтвержденіемъ ему служилъ тотъ фактъ, что и «Чэлленжеръ», и «Газель» нашли между мысомъ Доброй Надежды и Кергуэльскими островами не особенно глубокое море.

Если прослѣдить на британскихъ морскихъ картахъ обширную и неописанную область моря на югъ отъ Капланда, то можно найти лишь одно указаніе, которое, однако, также считалось не достаточно надежнымъ: именно, подъ 54° юж. шир. отмѣчены три островка, названные «Группою острововъ Бувэ». Казалось очень соблазнительнымъ направить нашъ путь именно на эту группу острововъ.

Трудности, которыя намъ предстояли на этомъ пути, вполнѣ сознавались нами: мы должны были пересѣчь область чрезвычайно бурныхъ западныхъ вѣтровъ и должны были приготовиться къ тому, что

ранній ледъ положитъ конецъ нашему дальнѣйшему движенію впередъ. Ознакомляясь съ картами распредѣленія льда, мы видѣли, что, очевидно, въ антарктическомъ океанѣ выдвигается какъ бы особо холодный языкъ по направленію къ группѣ Бувэ, и граница плавучаго льда здѣсь

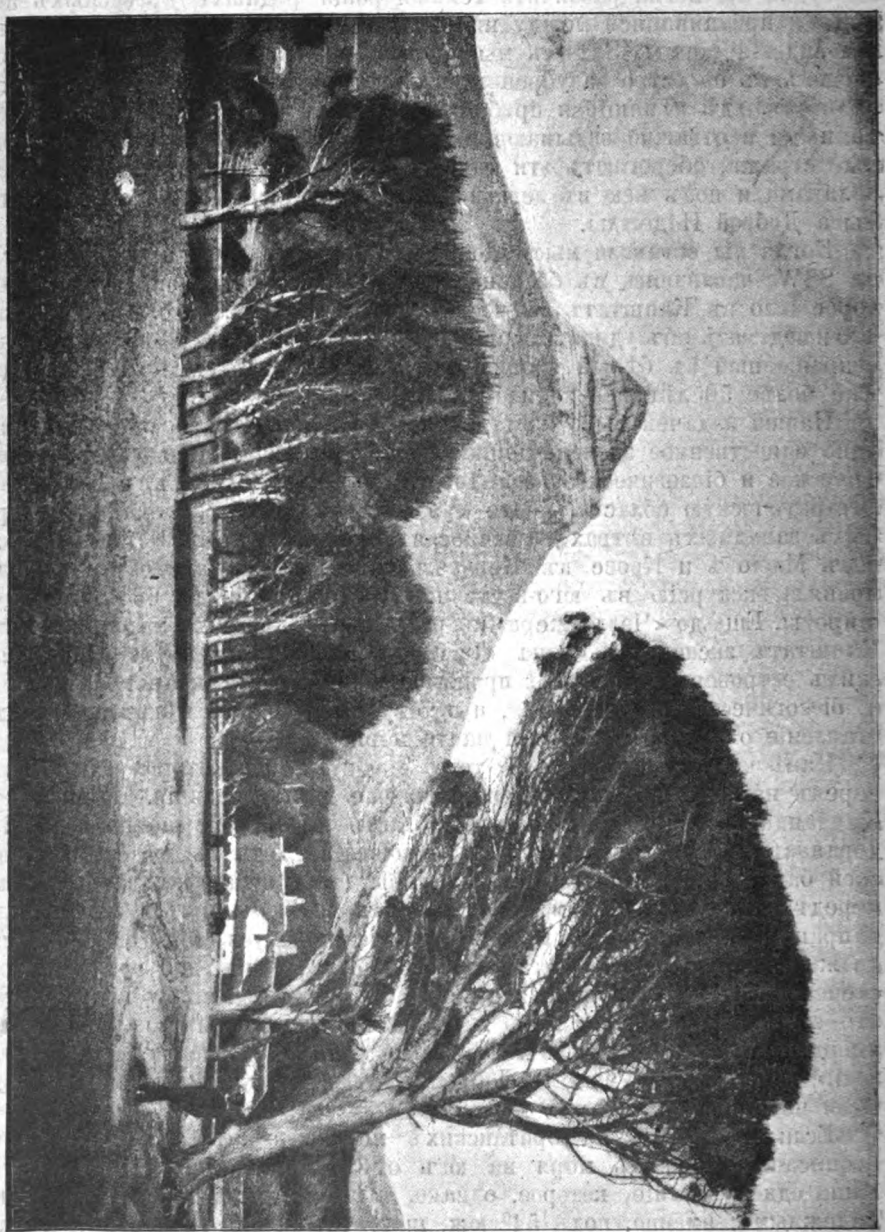


Рис. 31. Голландская ферма у горы Львиная голова. Деревья указываютъ на вліяніе юго-западнаго вѣтра.

относительно далеко перемѣщается на сѣверъ, причемъ происходитъ чрезвычайно обильное накопленіе ледяныхъ горъ. Съ другой стороны, являлось, однако, возможнымъ, что послѣ огромнаго скопленія льдовъ въ теченіе 1892 — 1896 годовъ, скопленія столь значительнаго, что

даже суда, шедшія изъ Австраліи, находились въ большомъ затрудненіи, условія будутъ теперь благопріятнѣе, и мы скорѣе, чѣмъ какимъ-либо инымъ путемъ, попадемъ въ холодныя антарктическія воды съ ихъ своеобразной пелагической фауной. Если бы намъ удалось достичь группы Бувэ, то мы имѣли бы ту значительную выгоду, что познакомились бы съ условіями рельефа морского дна и со свойствами грунта въ тѣхъ областяхъ, которыя еще ни разу не были изслѣдованы лотомъ и, съ другой стороны, получили бы возможность добыть представителей придонной фауны, которая является связующимъ звеномъ между хорошо извѣстными фаунами Магеланскаго пролива и Кергуэльскихъ острововъ. Наконецъ, насъ побуждало къ тому также и желаніе рѣшить интересную географическую задачу: много выдающихся изслѣдователей тщетно старались подтвердить существованіе того загадочнаго «Cape de la Circoncision», который былъ замѣченъ 1-го января 1739 года Несторомъ антарктическихъ изслѣдованій Лозье Бувэ, подъ 54° юж. шир. и 4°20′ вост. долг. Ни Куку (1775), ни Джемсу Россу (1843), ни Моору (1845) не удалось, несмотря на всѣ прилагавшіяся старанія, найти снова «островъ Бувэ», каковымъ былъ признанъ позднѣе этотъ предполагавшійся мысъ южнаго континента. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ этого столѣтія два капитана китобоевъ, бывшіе на службѣ у лондонской фирмы Эндерби—именно Линдсей (1808) и Норвисъ (1825) подтвердили, что въ области, указанной Бувэ, дѣйствительно, находятся одинъ или два острова, положеніе которыхъ они, однако, опредѣляли различно. Послѣднее время, въ виду тщетныхъ усилій снова найти эти острова, склонялись къ тому предположенію, что острова исчезли, благодаря разрушительной дѣятельности бурнаго моря или вслѣдствіе вулканическаго изверженія, тѣмъ болѣе, что Норрисъ указывалъ на ихъ вулканическую природу. Если бы предположенія эти, дѣйствительно, оправдались, то надо было ожидать, что мы при помощи промѣровъ оказались бы въ состояніи дать сколько-нибудь прочный фундаментъ всѣмъ подобнымъ строившимся гипотезамъ.

Въ виду того, что «Вальдивія» оказалась судномъ чрезвычайно удобнымъ для экспедиціонныхъ работъ, въ насъ созрѣла увѣренность, что при умѣломъ веденіи судна нашимъ капитаномъ мы безбоязненно можемъ сдѣлать новую попытку къ отысканію этой группы острововъ, не найденной тремя предыдущими экспедиціями.

Благопріятная погода продолжалась послѣ нашего отъѣзда изъ Капштата еще нѣсколько дней и позволила намъ произвести всѣ наши работы въ той полнотѣ, въ какой это было желательно. Принимая во вниманіе, что мы вступали теперь въ область, рельефъ дна которой былъ неизвѣстенъ, ежедневно до начала остальныхъ работъ производился промѣръ глубины. Уже первый такой промѣръ 14-го ноября убѣдилъ насъ въ томъ, что Агалусская банка спускается въ море глубиною болѣе 4.000 метровъ. Можно уже съ самаго начала теперь отмѣтить то обстоятельство, что въ теченіе ближайшаго времени мы и не могли найти никакого уменьшенія большихъ глубинъ. Правда, 17-го ноября мы утромъ опредѣлили глубину лишь въ 2.593 метра, но уже послѣ полудня въ тотъ же самый день была измѣрена снова глубина въ 5.230 метровъ,—это показало намъ, что въ этихъ областяхъ еще нельзя ожидать повышенія дна субъ-антарктическаго моря.

Каковы тѣ сюрпризы, которые доставили намъ дальнѣйшіе промѣры при нашемъ пути на югъ, мы укажемъ подробнѣе впослѣдствіи.

Послѣ того, какъ уже подъ 37° широты сильный западный вѣтеръ указалъ намъ, что мы вступили въ ту полосу западныхъ вѣтровъ, значеніе которой для парусныхъ судовъ, идущихъ въ Австралію, указалъ еще Джемсъ Россъ, начался 16 го ноября западный вѣтеръ, перешедшій въ бурю. Въ тотъ же день мы встрѣтили англійское судно-пароходъ «Титанію», идущій въ южную Австралію. Это было на долгое время послѣднее судно, попавшееся на нашемъ пути, и потому мы не преминули передать ему сигналомъ просьбу, сообщить о нашемъ нахожденіи.

Тогда какъ до сихъ поръ мы находились въ области теплой воды, съ температурой поверхности въ среднемъ около 17° Ц., теперь между 39° и 40° параллелью мы попали въ область, гдѣ теплыя вѣтви Агуласскаго теченія, воронкообразно расширяясь, вдаются въ холодныя массы антарктическихъ водъ. Удивительные скачки въ температурѣ поверхности, которая 16-го ноября давала, напр., разницу до 7° Ц., свидѣтельствовали о томъ, что теплое Индійское теченіе разбивается здѣсь на мелкія струи, замѣтныя даже уже простому глазу, такъ какъ полосы зеленоватой теплой воды чередовались съ интензивно-синими полосами холодной. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что позднѣе, при вступленіи въ теплыя воды Индійскаго океана, отношенія окраски были обратными, именно, теплая вода отличалась своимъ темно-синимъ оттѣнкомъ. Температура дѣлала нерѣдко такіе быстрые скачки, что мы едва поспѣвали отсчитывать термометръ. Чтобы иллюстрировать болѣе точными числами вышесказанное, приведу слѣдующія данныя изъ нашихъ температурныхъ наблюденій, производившихся каждый часъ: 16-го ноября въ 12 часовъ дня температура поверхности была еще 17,4°, тогда какъ 18—въ то же самое время она спустилась до 7,8°. Затѣмъ температура быстро и постоянно начала опускаться и при переходѣ 53° шир. 24-го ноября была уже получена температура—1°.

Непосредственно за этимъ вступленіемъ въ холодныя воды антарктической области послѣдовало и полное измѣненіе въ составѣ организмовъ, плавающихъ на поверхности, т.-е. планктона. 17-го ноября мы впервые встрѣтили на поверхности тѣ виды діатомовыхъ водорослей и другихъ низшихъ организмовъ, которые съ этихъ поръ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ являлись у насъ руководящими формами поверхностныхъ слоевъ.

17-го ноября погода была при умѣренномъ западномъ вѣтрѣ и сѣверо-западной волнѣ настолько благопріятна, что мы могли опустить на большую глубину даже самыя наши тонкія планктонныя сѣти. 18 и 19 ноября мы использовали на то, чтобы при помощи замыкающихся сѣтей составить себѣ представленіе о распредѣленіи организмовъ, плавающихъ въ глубокихъ слояхъ воды. Особенно поразительный результатъ дали замыкающіяся сѣти 18-го ноября,—онѣ принесли необыкновенно большое количество живыхъ организмовъ съ глубины между 1.600 и 1.000 метровъ. Вечеромъ 19-го ноября море было настолько спокойно, что положительно можно было подумать, что плывешь по Эльбѣ. Яркая вечерняя заря, блиставшая красными искрами на свинцово-сѣрой поверхности моря, продолжалась до 8 часовъ вечера и судно наше спокойно шло по намѣченному курсу, ритмически разсѣкая бѣгущія волны.

стр.

Котлочисты.—Какъ собираются пожертвованія. — Землетрясеніе въ Шемахѣ.—За мѣсяцъ.—Некрологъ. 13

17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—январь. «Вѣстникъ Воспитанія»—декабрь. «Русское Богатство»—январь). 29

18. За границей. Германская общественная жизнь. — Американская фабрика-клубъ. — Конференціи, клубы и митинги въ Англіи.—Исторія одного американскаго репортера.—Изъ области женскаго движенія. 36

19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ. — Женскій трудъ во Франціи.— Неточность свидѣтельскихъ показаній, и опытъ Липпа. — Британская академія. 47

20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новыя данныя о третьей форменной составной части крови. Проф. А. С. Догеля 52

21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Стереоскопъ въ астрономіи. К. Покровскаго. — О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.— Значеніе извести и магнезіи для растеній. — Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. В. Аг. 58

22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.— Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Философія.— Публицистика.—Справочныя изданія.— Новыя книги. . . . 69

23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 65

25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна.(Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 65

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Бассейная, 35 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи***, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ *редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

12Apr'65LD
IN STACKS
MAR 29 1965
REC'D LD
JUN 4 '65 -7 PM
REC'D CIRC DEPT
DEC 27'74

LD 21A-60m-3,'65
(F2336s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636987